БЫЛОЕ

ЖУРНАЛЪ ПОСВЯЩЕННЫЙ ИСТОРІИ
ОСВОБОДИТЕЛЬНАГО ДВИЖЕНІЯ

ГОДЪ ВТОРОЙ
№ 2/14. ФЕВРАЛЬ 1907

ПЕТЕРБУРГЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія „Энергія“, Загородный, 17.
1907.

75-250

Значительную часть настоящей книжки мы посвящаемъ недавнему «былому»: дѣятельности нашей первой Государственной Думы и послѣдовавшей послѣ скоропостижной ея кончины судьбѣ многихъ депутатовъ «перваго призыва». Среди нихъ совершенно особый характеръ имѣетъ, конечно, судьба депутата М. Я. Герценштейна, памяти котораго посвящена въ этой книжкѣ статья П. Н. Милюкова. Все это уже «былое», недавнее «былое», но все таки «былое», а вотъ результаты дѣятельности «военно-полевой юстиціи»—это такое «былое», которое непосредственно упирается въ настоящее. Имѣя въ виду подобное положеніе даннаго вопроса, мы и позволяемъ себѣ рекомендовать помѣщенную въ настоящей книжкѣ статью Н. И. Фалѣева: «Шесть мѣсяцевъ военно-полевой юстиціи» вниманію господъ депутатовъ «втораго призыва».

Редакція журнала «Былое».

СОДЕРЖАНІЕ.

стр.

1. Первая Государственная Дума. **В. С. Голубева** 1
2. Депутаты перваго призыва послѣ роспуска Государственной Думы. **Л. П. Купріяновой** 24
3. Памяти М. Я. Герценштейна. **П. Н. Милюкова** 37
4. Шесть мѣсяцевъ военно-полевой юстиціи. **Н. И. Фалѣева** . 43
5. Волненіе въ Семеновскомъ полку въ 1820 году (*продолженіе*). **В. И. Семевскаго** 83
6. Одиннадцать дней на броненосцѣ „Князь Потемкинъ-Таврическій“ (*продолженіе*). **А. Коваленко** 124
7. Князь Петръ Владиміровичъ Долгоруковъ въ Россіи (*по неизданнымъ матеріаламъ*). **М. К. Лемке** 144
8. Революціонеры во флотѣ (*очеркъ первый*). **Э. А. Серебрякова**. 168
9. Воспоминанія народовольца (*продолженіе*). **А. Н. Баха** . . 190
10. Дѣла давно минувшихъ дней (*продолженіе*). **Л. Ф. Пантелѣева** 216
11. П. Л. Лавровъ (*очеркъ его жизни и дѣятельности*) **Н. С. Русанова**. 243
12. Отзывъ на манифестъ. Стихотвореніе **П. Л. Лаврова**. Сообщилъ **М. И. Успенскій** 287
13. Къ процессу 12-ти 1884 г. въ Кіевѣ. **В. С. Панкратова**. 297
14. Историческая библіографія: 1. *И. И. Янжулъ*—Изъ воспоминаній и переписки фабричнаго инспектора перваго призыва. 2. *М. Григорьевскій*—Полицейскій соціализмъ въ Россіи. 3. *И. Х. Озеровъ*—Политика по рабочему вопросу за послѣдніе годы—**В. Русина**. 4. *С. Степнякъ*—Подпольная Россія—**Д. П. Сильчевскаго**. 5. *А. Е. Розенъ*—Записки декабриста—**М. К—ва** 313

15. Книги и другія изданія, поступившія въ редакцію 326
16. **Матеріалы, документы и мелкія замѣтки.** (Одна изъ прокламацій 1862 года—82; Къ біографіи А. Д. Михайлова: I.—Происхожденіе.—**А. П. Прибылевой (Корбы)**. II.—Письма Михайлова къ роднымъ. III.—Письмо Е. И. Кедрина къ отцу Михайлова—119. Изъ недалекаго прошлаго—142. Письмо А. И. Плещеева къ Н. Г. Чернышевскому—167. „Добролюбовская“ прокламація 1886 года—187). Объявленія 327

Къ этой книгѣ приложены портреты М. Я. Герценштейна, С. А. Иванова, А. Д. Михайлова, А. И. Баранникова (послѣдніе два юношами) и П. Л. Лаврова (мертвымъ), а также два факсимиле письма и карточки „комморы народной расправы“, полученныя г-жею Герценштейнъ вскорѣ послѣ убійства ея мужа.

На 1907 годъ

открыта подписка на историческій журналъ

„БЫЛОЕ“.

Журналъ—внѣпартійный и посвященный исторіи освободительнаго движенія—издается подъ редакціей **В. Я. Яковлева-Богучарскаго** и **П. Е. Щеголева** при ближайшемъ участіи **В. Л. Бурцева** по слѣдующей программѣ.

Статьи и изслѣдованія по исторіи освободительнаго движенія въ Россіи.

Біографіи дѣятелей движенія, воспоминанія о нихъ, ихъ собственные мемуары, дневники, письма, статьи, стихотворенія и проч.

Документы и другіе матеріалы, касающіеся движенія.

Отдѣльные факты и эпизоды изъ исторіи движенія.

Историческая библіографія.

Въ „Быломъ“ за 1906 годъ были помѣщены, между прочимъ слѣдующія статьи: **В. П. Акимовъ-Махновецъ** — 1-е мая въ Россіи. **М. А. Антоновичъ**—Арестъ Чернышевскаго. **М. Ю. Ашенбреннеръ** — Двадцать лѣтъ въ Шлис. тюрьмѣ и Военная организація пар. Нар. Воли. **В. Я. Богучарскій**—1-е марта—3 апрѣля 1881 года и Событіе 1 марта и Н. К. Михайловскій. **В. Л. Бурцевъ** — Сѣверно-русскій рабочій Союзъ. **И. П. Бѣлоконскій** — Изъ воспомин. объ А. И. Желябовѣ. **А. И. Бяловескій**—Изъ прошлаго. **П. И. Вейнбергъ**—4 апрѣля 1866 года. **Н. А. Виташевскій** — Первое вооруженное сопротивленіе, первый военный судъ и Централка. **И. И. Волковъ**—Народов. пропаганда среди москов. рабочихъ въ 1881 году. **М. О. Гершензонъ** — Къ характеристикѣ Чаадаева и Семья декабристовъ. **Герасимовъ**—Питомецъ воспитательнаго дома. **Дж. Гильомъ** — М. А. Бакунинъ. **М. Р. Гоцъ**—С. В. Зубатовъ. **Н. Л. Геккеръ**—Политич. каторга на Карѣ. **Х. Г. Гринбергъ-Конъ**—Къ процессу Ковальскаго. **Л. Я. Гуревичъ**—Народ. движ. въ Петербургѣ 9 января 1905 года. **И. С. Джабадари**—Въ неволѣ. **М. П. Драгомановъ**—Автобіографія. **Д—чъ**—Арестъ Нечаева. **В. С. Илличъ-Свитычъ**—Мое знакомство съ Ковальскимъ. **С. А. Ивановъ**—Изъ воспоминаній о 1881 г. и Возникновеніе и паденіе Дурноселовки. **С. А. Иванова-Борейша**—Воспоминанія о Перовской и Первая типографія Народной Воли. **М. В. Корольковъ**—Поручикъ Кречетовъ—шлис. узникъ XVIII вѣка. **Ф. Я. Конъ** -У подножія висѣлицы. **М. К. Лемке** — Дѣла бр. Критскихъ, Михайлова, Писарева, Чернышевскаго, Серно-Соловьевича и др. **О. С. Любатовичъ**—Далекое и Недавнее. **Н. А. Морозовъ**—Изъ Шлис. мотивовъ (стих.). **И. Л. Манучаровъ**—Мой процессъ и Эпизодъ изъ жизни въ Шлис. крѣп. **Маклецова-Дегаева**—Судейкинъ и Дегаевъ. **О. С. Миноръ**—Якутская драма 1889 г. **Н. Я Николадзе**—Освобожденіе Чернышевскаго. **М. В. Новорусскій** — Въ Шлиссельб. крѣпости. **Надинъ**—Стрѣльниковскій процессъ. **Г. Ф. Осмоловскій**—Карійская трагедія. **М. Р. Поповъ**—Къ біографіи И. Н. Мышкина и Земля и Воля наканунѣ Воронеж. съѣзда. **В. С. Панкратовъ**—Изъ дѣятельности среди рабочихъ въ 1881—1884 гг. **А. П. Прибылева-Корба**. **С. П. Дегаевъ**—

По поводу письма Исп. К-та къ Александру III и Къ портрету Желябова. **Плохоцкій**—Польская партія „Пролетаріатъ“ и „Пролетаріатъ“ передъ судомъ. **З. Ралли** — С. Г. Нечаевъ. **С. Ф. Русова** — Мартынъ Лангансъ. **Н. Р.**—Событіе 1 марта и Н. В. Шелгуновъ. **В. И. Семевскій**—Вопросъ о преобразованіи госуд. строя въ Россіи въ XVIII и первой четверти XIX вѣка. **Н. Сильванскій**—Пестель предъ Верх. Угол. судомъ. **Д. В. Стасовъ** — Каракозовскій процессъ. **А. А. Спандони**—Страница изъ воспоминаній. **Л. С.**—Изъ воспоминаній студента-солдата. **С. А. Савинкова** — Годы скорби. **С. С. Синегубъ** — Воспоминанія чайковца. **В. А. Старосельскій**—Крестьянское движеніе въ Кутаисской губерніи. **Старикъ**—Движеніе 70-хъ годовъ по Большому процессу (193-хъ). **М. Н. Тригони**—Мой арестъ въ 1881 году и Послѣ Шлиссельбурга. **Е. В. Тарле**—Самодержавіе Николая I-го и франц. обществ. мнѣніе. **Н. А. Танъ** — Коронація въ Колымскѣ. **А. В. Тырковъ**—Къ событію 1 марта 1881 года. **М. Ф. Фроленко**—Милость и Побѣгъ Алеши Поповича. **В. Н. Фигнеръ**—Шлиссельб. узница Л. А. Волкенштейнъ. **А. Р. Хирьяковъ** - Событіе 1 марта и Л. Н. Толстой. **М. Н. Чернышевскій**—Къ дѣлу Н. Г. Чернышевскаго. **П. Е. Щеголевъ**—П. Г. Каховскій, Сем. Олейничукъ, Событіе 1 марта и В. С. Соловьевъ, Эпизодъ изъ жизни Бѣлинскаго. **В. Е. Якушкинъ**—Изъ бумагъ декабриста Якушкина.

Кромѣ того были помѣщены неизданныя произведенія Герцена, Шевченко, Лермонтова, Никитина, Огарева, Поливанова, Саблина и др. Письма Чернышевскаго, Тургенева, Салтыкова, Бакунина, Петрашевскаго, Желябова Зотова, Гаусмана, Коганъ-Бернштейна и мн. др.; Матеріалы (между прочимъ отчеты о процессахъ 20-ти и 17 народовольцевъ), рѣдчайшія революціонныя изданія и др. документы, характеризующіе освободительное движеніе.

Въ 1907 году между многими другими статьями будутъ напечатаны:

М. Ю. Ашенбреннеръ—Воспоминанія (60-ые и 70-ые годы); **А. Бахъ**—Воспоминанія народовольца; **В. Я. Богучарскій**—Декабристъ М. С. Лунинъ; **В. Л. Бурцевъ**—Изъ воспоминаній; **И. П. Бѣлоконскій**—Земское движеніе до образованія „Союза Освобожденія“; **В. А. Вейнштокъ**—Акатуевскій рудникъ; **М. О. Гершензонъ**—Западные друзья Герцена; **В А. Даниловъ** — Изъ воспоминаній; **С. А. Жебуневъ**—Изъ воспоминаній; **Н. И. Іорданскій**—Миссія П. С. Ванновскаго; **Коваленко**—11 дней на „Потемкинѣ“; **Е. Д. Кускова**—Политическія партіи въ 1906 году; **Платонъ Лебедевъ**—Красные дни въ Нижнемъ Новгородѣ; **М. К. Лемке**—Процессы Сунгурова, Блюммера, Головина, кн. Долгорукова и др. (по неизданнымъ архивнымъ даннымъ); **Е. Е. Лазаревъ**—Гавайскій сенаторъ; **А. О. Лукашевичъ**—Въ народъ!; **И. Л. Манучаровъ**—Изъ Шлиссельбурга на Сахалинъ; **Н. А. Морозовъ**—Изъ воспоминаній **Э. К. Пекарскій**—Рабочій Петръ Алексѣевъ (изъ воспоминаній); **П. Н. Переверзевъ**—Экспедиція генерала Ренненкампфа; **М. Р. Поповъ**—Изъ моего революціоннаго прошлаго; **А. С. Пругавинъ** — Декабристъ въ монаст. тюрьмѣ. **Л. Ф. Пантелѣевъ**—Дѣла давно минувшихъ дней (арестъ, ссылка и пр.); **З. Ралли**—Изъ воспоминаній о Драгомановѣ и Бакунинѣ; **И. А. Рубановичъ** — Дѣло Гоца въ Италіи и Савицкаго во Франціи; **С. Г. Сватиковъ**— Очерки по исторіи студенческаго движенія; **В. И. Семевскій**—Волненія въ л.-гв. Семеновскомъ полку въ 1820 году; **Е. П. Семеновъ**. Народовольческіе кружки въ Одессѣ; **Э. А. Серебряковъ** — Революціонеры во флотѣ; **С. Сомовъ**—Рабочее движеніе въ Петербургѣ въ 1906 году; **Н. П. Стародворскій**—Дегаевъ и Судейкинъ. Изъ воспоминаній; **П. Б. Струве**—Заграничный журналъ „Освобожденіе“ (изъ моихъ воспоминаній); **Е. В. Тарле**—Каннингъ и Николай Тургеневъ;—Герценъ и газета Прудона; **Н. А. Танъ**—Послѣдній періодъ „Народной Воли“ **Л. Ш.**—Страница изъ исторіи идейныхъ теченій въ „Народной Волѣ“. **П. Е. Щеголевъ** — Агитаціонная литература декабристовъ; — Конецъ императора Павла (историческое разслѣдованіе); **Ф. Л. Ястржембскій**—Записки петра-

шевца; Записки императора Николая I о 14 декабря, неизданныя произведенія А. И. Герцена и др.

Будутъ напечатаны также: „Сводъ указаній данныхъ нѣкоторыми изъ арестованныхъ по дѣламъ о госуд. преступленіяхъ“ (полностью); Докладъ (оффиціальный) о дѣлѣ В. И. Засуличъ; Разгромъ тверского земства (извлеченіе изъ доклада г-на Штюрмера); Къ исторіи русской „конституціи“ (оффиціальные матеріалы и документы); Обзоры по дѣламъ политическимъ за разные годы (изъ изданій д-та полиціи); Отчеты о процессахъ, не бывшіе въ печати (дѣло 1 марта 1887 г., военныхъ кружковъ 1887 и др.); рѣдчайшія революціонныя изданія, письма разныхъ общественныхъ дѣятелей, документы и очерки по исторіи освободительнаго движенія послѣднихъ двухъ лѣтъ, и т. д.

Журналъ будетъ выходить по прежнему ежемѣсячно, книжками въ 20 печатныхъ листовъ каждая.

Въ журналѣ помѣщаются — на отдѣльныхъ листахъ и въ текстѣ — портреты дѣятелей, факсимиле, рисунки, имѣющіе отношеніе къ исторіи движенія.

Цѣна съ пересылкой и доставкой: на годъ (съ 1 янв. по 1 янв.)—**8** руб.; на $^1/_2$ года (съ 1 янв. по 1 іюля)—**4** руб; на $^1/_4$ года (съ 1 янв. по 1 апр.)—**2** руб. Перемѣна адреса—**30** коп. (При перемѣнѣ адреса контора проситъ подписчиковъ сообщать старый адресъ, внесенную сумму и срокъ подписки). Книжные магазины при подпискѣ получаютъ 5% скидки.

Цѣна отдѣльной книжки въ книжныхъ магазинахъ—**1** руб., для покупающихъ въ конторѣ—**85** коп., для выписывающихъ изъ конторы—**1** р. **10** коп. съ пересылкой. Книжнымъ магазинамъ на отдѣльныя книжки—30% скидки.

Подписка принимается въ конторѣ журнала—(ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 9 до 4 час. дня)—**С.-Петербургъ, Лиговская ул., 44** и въ отдѣленіяхъ книгоиздательства „Донская Рѣчь“—въ **Москвѣ** (Срѣтенка, Ащеуловъ переулокъ, 13), **Кіевѣ** (Крещатикъ, 27), **Ростовѣ на Д.** (Казанская, 42) и **Одессѣ** (Колодезный пер., 13).

Вниманію заграничныхъ подписчиковъ. Въ виду интересовъ заграничныхъ подписчиковъ, контора журнала „Былое“ проситъ ихъ подписываться не черезъ контору, а черезъ ихъ мѣстное (заграничное) учрежденіе. При этомъ способѣ подписки годовой экз. журн. будетъ, стоитъ только **8** р. **50** к. вмѣсто тепереш. **10** р. Кромѣ того, выгода подписчиковъ будетъ та, что журналъ будетъ получаться аккуратнѣе. Новый способъ подписки начнется съ 1-го января 1907 г., при чемъ будетъ приниматься подписка на годъ и по четвертямъ года.

Редакція помѣщается въ **С.-Петербургѣ** на **Знаменской ул. д. 19.**

Личныя объясненія съ редакторами—по понед., вторн., четверг., пятницамъ (кромѣ праздниковъ) отъ 3 до 5 час. дня.

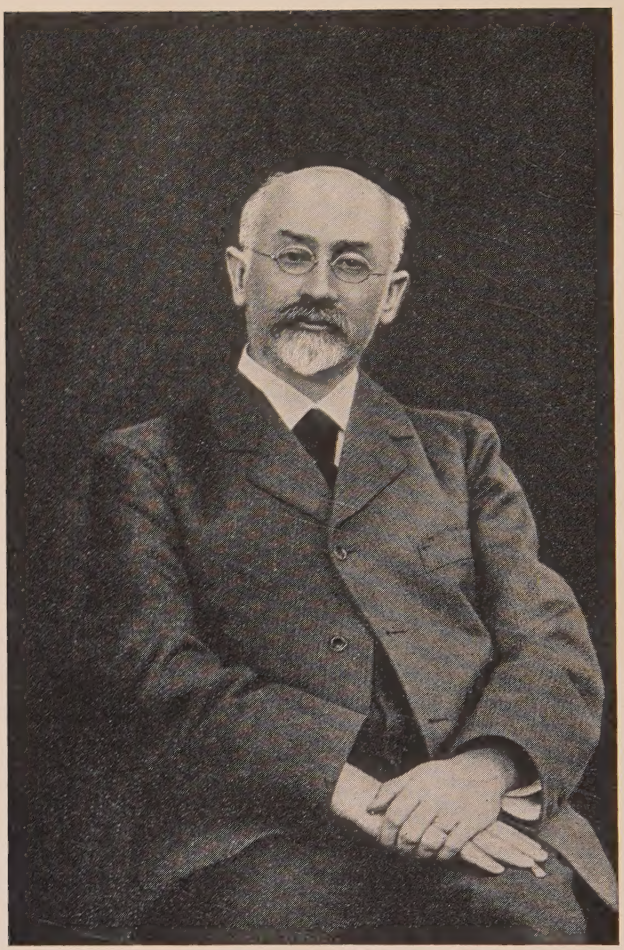
Редакторы { **В. Я. Богучарскій,** **П. Е. Щеголевъ.**

Издатель **Н. Е. Парамоновъ.**

Имѣются въ небольшомъ количествѣ комплекты „Былого“ за 1906 годъ.

Digitized by the Internet Archive
in 2023

https://archive.org/details/byloe-1906_1907-02_14_0



Михаилъ Яковлевичъ
ГЕРЦЕНШТЕЙНЪ.

Первая Государственная Дума.

I.

Дать объективную оцѣнку значенія Первой Государственной Думы и указать ея мѣсто въ общемъ ходѣ нашей революціи—въ настоящее время крайне трудно.

Прошло 7 мѣсяцевъ послѣ ея роспуска, 7 тяжелыхъ мѣсяцевъ необычайной реакціи; мы наканунѣ новой Думы, а около первой еще кипятъ политическія страсти. Для однихъ партій она является своего рода символомъ освободительнаго движенія и политической платформой. Партія конституціонно-демократическая не только чтитъ первую Думу, но по прежнему считаетъ правильной свою тактику, а вмѣстѣ съ тѣмъ и тактику первой Думы, обобщая дѣятельность послѣдней съ своей партіей. Для другихъ, для партій умѣренно-конституціонныхъ, а въ сущности лже-конституціонныхъ, каковъ напр. «Союзъ 17 октября», первая Дума — предметъ поношенія и въ то же время жупелъ, пугающій революціонностью. Партіи монархическія, въ родѣ «Союза русскаго народа» о первой Думѣ отзываются не иначе, какъ съ презрѣніемъ и злобой. Наконецъ для партій крайнихъ лѣвыхъ—дума показатель безсилія и безволія либеральной буржуазіи, ея значеніе они сводятъ къ тому, что Дума помогла народу освободиться отъ «конституціонныхъ иллюзій».

Это страстное отношеніе къ первой думѣ вполнѣ понятно. Вѣдь въ ней впервые реально выразилась идея народнаго представительства — этой завѣтной мечты нашихъ лучшихъ людей чуть ли не со времени Екатерины II-й. Но она такъ быстро была сметена со сцены нашей политической жизни, что не оставила послѣ себя ни одного реально ощутимаго факта въ видѣ тѣхъ или иныхъ перемѣнъ въ тяжелой русской дѣйствительности, и въ силу этого по ея адресу такъ легко посылать упреки и поношенія и справа и слѣва.

Наконецъ исторической объективности въ оцѣнкѣ первой Государственной Думы пока мѣшаетъ самое важное, самое главное обстоятельство—ея близость къ намъ, близость не только по времени, а и по тому, такъ сказать, непосредственному чувству къ ней для однихъ съ положительной, для другихъ съ отрицательной стороны. Мы, что называется, *ощущаемъ* эту близость съ первой Думой, хотя мы и наканунѣ второй; ощущаемъ въ непосредственныхъ отношеніяхъ ко

многимъ изъ ея членовъ, въ литературной и партійной политикѣ, въ тѣхъ наконецъ преслѣдованіяхъ первыхъ народныхъ представителей и со стороны правительства, и со стороны дворянства, и даже земства. Мало того, мы еще слышимъ какъ бы эхо рѣчей нашихъ первыхъ депутатовъ, такъ громко и съ такой страстностью раздававшихся изъ стѣнъ Таврическаго дворца. Еще зіяетъ та рана, которая нанесена странѣ актомъ 8 іюля, еще кипитъ и клокочетъ чувство горькой обиды, оскорбленія, причиненныхъ народу роспускомъ Думы, а тѣмъ болѣе всѣмъ тѣмъ кошмаромъ, который вотъ уже семь мѣсяцевъ давитъ все живое, все дѣйствующее, все несклонное къ полной покорности.

Дума явилась въ періодъ жестокой правительственной реакціи. Она не была плодомъ непосредственной побѣды революціоннаго движенія, она была своего рода равнодѣйствующей революціи и контръ-революціи. И это обстоятельство, само собой разумѣется, наложило на нее особый отпечатокъ и придало ей характеръ компромисса.

Октябрьская революція 1905 года, легко отбросивъ законосовѣщательную булыгинскую думу, не имѣла однако достаточныхъ силъ не только на захватъ власти и на созывъ учредительнаго собранія, а и на укрѣпленіе парламентской конституціи.

И если начавшаяся вслѣдъ за 17-мъ октября реакція смогла вмѣсто всеобщаго избирательнаго права съ прямымъ, равнымъ и тайнымъ голосованіемъ заставить принять избирательный законъ 11 декабря съ его необычайно-запутанной куріально-цензовой и многостепенной системой, то послѣ страшнаго, кроваваго подавленія декабрьскаго вооруженнаго возстанія, ей легко было создать законъ о Думѣ 20 февраля, рѣшительно ограничившій законодательныя и бюджетныя права нашего представительнаго учрежденія. Наконецъ, когда 23 апрѣля послѣдовало изданіе основныхъ законовъ, въ которые были включены и законы о Думѣ и Государственномъ Совѣтѣ, народному представительству былъ прегражденъ и прямой законный путь реформированія созданныхъ въ періодъ реакціи представительныхъ учрежденій.

Само собой понятно въ виду такихъ условій, чего можно было ждать отъ такой Думы, если только не будетъ внутри ея какихъ-либо особыхъ силъ, которыя смогутъ раздвинуть поставленныя закономъ рамки и вывести народное представительство на дорогу, лежащую внѣ колеи, проложенной ей упомянутыми выше законами.

Положеніе создавалось чрезвычайно серьезное. Крайнія лѣвыя партіи рѣшили *такую* Думу бойкотировать, все еще продолжая возлагать надежды на революцію. Партія народной свободы, напротивъ, обратила все свое вниманіе на Думу, въ разсчетѣ черезъ ея посредство, фактически раздвинувъ поставленныя для послѣдней загородки, добиться основныхъ условій политическаго и экономическаго освобожденія страны. Правительство? Оно предприняло всѣ мѣры къ тому, чтобы подобрать угодный ему составъ Думы и въ этомъ отношеніи не стѣснялось ничѣмъ. Репрессіи со стороны министерства Витте-Дурново сыпались, какъ изъ рога изобилія. Многіе видные общественные дѣятели арестовывались и высылались. Тюрьмы были переполнены, на-

считывалось чуть ли не до 70 тыс. заключенныхъ, печать, въ особенности провинціальная, преслѣдовалась самымъ жестокимъ образомъ, предвыборная агитація была почти невозможна, а въ селахъ и деревняхъ совершенно не допускалась.

Какихъ же результатовъ можно было ждать отъ выборовъ?

Къ этому надо прибавить цѣлый рядъ общихъ неблагопріятныхъ условій, зависящихъ уже не отъ правительства, а отъ самого населенія и отъ политическихъ партій. Съ одной стороны бойкотъ выборовъ революціонными партіями и отвлеченіе, благодаря этому, значительной части избирателей, главнымъ образомъ рабочихъ, съ другой стороны общая политическая неподготовленность массы населенія, въ особенности, конечно, крестьянства. Напомнимъ, что во многихъ случаяхъ крестьяне на уѣздныхъ съѣздахъ избирали выборщиковъ «по жребію», «въ темную».

Не будемъ перечислять другія неблагопріятныя условія выборовъ, какъ напр. особый подборъ избирательныхъ комиссій, чрезвычайныя неудобства для избирателей мелкихъ землевладѣльцевъ, начиная съ неудобствъ распредѣленія мѣстъ съѣздовъ и кончая дороговизной поѣздки на выборы, и пр. и пр. Все казалось складывалось противъ оппозиціи и въ пользу правительства.

И тѣмъ не менѣе результатъ получился совершенно неожиданный и для правительства крайне неблагопріятный. Оппозиція побѣдила. Реакція не заглушила оппозиціоннаго настроенія народныхъ массъ. Правда, это настроеніе не было ярко революціоннымъ. Опыты предыдущихъ мѣсяцевъ показали массамъ, что на сторонѣ правительства силъ еще много. Но духъ протеста, духъ недовольства былъ настолько силенъ, что при первой возможности, въ данномъ случаѣ на выборахъ— онъ проявился чрезвычайно широко.

Проявленію оппозиціоннаго настроенія народныхъ массъ не воспрепятствовала даже и избирательная система по закону 6-го августа—11-го декабря. Несмотря на цензово-куріальный характеръ этой системы, многостепенность ея даже помогла неорганизованные и въ значительной степени случайные выборы на первыхъ стадіяхъ съорганизовать такъ, что на послѣднихъ стадіяхъ, а именно въ стадіи выбора депутатовъ, голосованія во многихъ случаяхъ производились уже по опредѣленному плану. Это особенно относится къ выборамъ отъ уѣздовъ.

Выборы отъ городовъ происходили какъ бы на основаніи прямой подачи голосовъ: партіи намѣчали списокъ кандидатовъ въ Думу, а выборщики подбирались соотвѣтственно этимъ партійнымъ кандидатамъ.

Огромную роль въ выборахъ отъ губерній на губернскихъ избирательныхъ собраніяхъ сыграли крестьянскіе выборщики, въ 23 губерніяхъ численностью своей превосходящіе выборщиковъ отъ землевладѣльцевъ и отъ горожанъ вмѣстѣ взятыхъ.

Правительство Булыгина закономъ 6-го августа, предоставивъ преимущества крестьянству, въ разсчетѣ на политическій консерватизмъ его и на силу своей власти и своего вліянія въ деревнѣ, жестоко ошиблось и потерпѣло неожиданное для него крушеніе именно на этой выборной позиціи. Политическому консерватизму русскаго

крестьянина не на чемъ было воспитаться. Русскій крестьянинъ нашего времени въ сущности находится въ томъ же положеніи, въ какомъ былъ французскій крестьянинъ наканунѣ великой французской революціи, а не какъ не въ томъ положеніи, въ какомъ этотъ послѣдній находился въ эпоху второй имперіи, будучи мелкимъ собственникомъ, для котораго весь смыслъ существованія сводился къ охранѣ своего клочка земли.

Деревня въ массѣ выставила депутатовъ, хотя и не партійныхъ, но настроенныхъ рѣзко оппозиціонно, а во многихъ случаяхъ довѣрила свои голоса людямъ, принадлежавшимъ къ радикальной интеллигенціи. Городъ далъ по преимуществу представителей партіи к. д. Эта партія и вообще вышла побѣдительницей на выборахъ. Она оказалась самой лѣвой, самой оппозиціонной и вліятельной. За нее главнымъ образомъ и голосовалъ массовой избиратель.

Это послѣднее обстоятельство имѣло огромное значеніе на весь дальнѣйшій ходъ политическихъ событій и на всю дѣятельность первой Государственной Думы, и уже до открытія сессіи Дума была названа кадетской.

II.

Первую Государственную Думу называли и продолжаютъ называть до сихъ поръ кадетской, по имени конституціонно-демократической партіи. И дѣйствительно, это упрочившееся за ней названіе если не вполнѣ, то въ значительной мѣрѣ отвѣчаетъ существу положенія дѣла, хотя съ формальной стороны первая Дума была далеко не кадетской. По свѣдѣніямъ Н. А. Бородина конст.-демократовъ въ Думѣ было 153 или 34,1%, т. е. нѣсколько болѣе $^1/_3$. Если сюда причислить даже 63-хъ «автономистовъ», не входящихъ прямо въ тѣ или иныя партіи, но болѣе или менѣе близкихъ къ к. д., а затѣмъ если къ кадетамъ же отнести 4-хъ представителей партіи демократическихъ реформъ, то и въ такомъ случаѣ только конст.-демократовъ и близкихъ къ нимъ было лишь 50% всей думы. И тѣмъ не менѣе названіе Думы кадетской, какъ мы сказали, было вполнѣ справедливо и совершенно отвѣчало тому общему впечатлѣнію относительно роли, значенія и характера дѣятельности Думы, которое какъ-то сразу сложилось о ней тотчасъ же при первыхъ извѣстіяхъ о результатахъ выборовъ.

Партія к. д. играла въ думѣ не только выдающуюся, но и прямо руководящую роль. Она была представлена въ думѣ цѣлымъ рядомъ выдающихся общественныхъ дѣятелей изъ земской среды, изъ адвокатуры, изъ среды профессоровъ, ученыхъ, литераторовъ, врачей и пр. Изъ 153-хъ представителей ея—102 или 67% были лица съ высшимъ образованіемъ. Имена С. А. Муромцева, И. И. Петрункевича, Ѳ. И. Родичева, В. Д. Набокова, кн. Петра Дм. Долгорукова, кн. Д. И. Шаховского, М. Я. Герценштейна и многихъ другихъ были хорошо извѣстны всей Россіи, въ особенности въ послѣдніе годы освободительнаго движенія. Изъ ея среды почти единогласно былъ избранъ

предсѣдатель Думы С. А. Муромцевъ, точно также товарищи предсѣдателя—кн. Долгоруковъ и проф. Гредескулъ и секретарь Думы кн. Д. И. Шаховской.

Уже такой блестящій личный составъ партіи въ Думѣ безъ сомнѣнія самъ по себѣ давалъ ей извѣстную силу и вліяніе и ставилъ ее въ положеніе руководительницы нашего перваго парламента. Но вліяніе партіи на Думу было и по существу, по ея тактикѣ, по законодательнымъ работамъ и т. п.

Партія вошла въ Думу съ опредѣленными директивами, данными ей на партійномъ съѣздѣ, происходившемъ наканунѣ, всего за нѣсколько дней до открытія Думы. Эти директивы имѣли главное значеніе въ тактической части и сводились къ тому, что партія должна была стремиться къ достиженію поставленныхъ ею цѣлей, «не останавливаясь передъ возможностью открытаго разрыва съ правительствомъ, но она обязана была принять мѣры, чтобы вся тяжесть вины и отвѣтственности за столкновеніе, если таковое будетъ, пала на правительство». Затѣмъ на томъ же съѣздѣ установлены были основныя задачи дѣятельности партіи въ Думѣ въ смыслѣ выработки законовъ, обезпечивающихъ неприкосновенность личности и свободъ, закона о всеобщемъ избирательномъ правѣ, рабочаго законодательства и, что самое важное, земельной реформы.

Но въ Думѣ партія к. д. была далеко не единственной не только въ смыслѣ количественномъ, но и въ смыслѣ политическаго значенія. Второй по вліянію и по силѣ была такъ называемая «трудовая группа»—это въ высшей степени характерное для русской политической жизни явленіе. Трудовая группа образовалась уже въ самой Думѣ изъ депутатовъ, принадлежащихъ по своимъ политическимъ воззрѣніямъ къ различнымъ соціалистическимъ партіямъ и направленіямъ, а также къ различнымъ безпартійнымъ союзамъ и фракціямъ, образовавшимся въ послѣдній годъ, въ моменты революціоннаго подъема страны. По даннымъ того же Н. А. Бородина изъ 107-ми членовъ трудовой группы въ нее входили—2 с. р., 10 с. д., 9 изъ крест. союза, 7 соціалистовъ внѣпартійныхъ, 18 близкихъ къ к. д., 2 лѣвые к. д., 8 автономистовъ, 21 безпартійный, 27 безъ опредѣленныхъ указаній на принадлежность къ тѣмъ или инымъ направленіямъ, 1 радикальной партіи, 2 свободомыслящихъ. Несравненно любопытнѣе и для трудовой группы характернѣе ея соціальный составъ: преобладающее мѣсто въ ней занимали земледѣльцы (42 или 23,9%) и рабочіе (19 или 17,7%)—всего 41,6%, затѣмъ такъ называемый «третій элементъ»—11,2% (12 чел.), учителя—9,3% (10 чел.), адвокаты—7,4% (8 чел.), въ числѣ остальныхъ были и 1 профессоръ и 1 студентъ, 3 врача и пр. Этотъ дѣйствительно трудовой составъ «трудовой группы» налагалъ на нее особый отпечатокъ и объединялъ группу скорѣе психологически, по однородности общественно-политическаго настроенія, чѣмъ по программамъ и убѣжденіямъ. Изъ этого же настроенія вытекала и особая тактика трудовой группы въ Думѣ, тактика во-первыхъ болѣе рѣшительнаго отношенія къ правительству, чѣмъ это было со стороны представителей партіи к. д., и во вторыхъ болѣе прямого отношенія къ народнымъ массамъ въ смыслѣ возбужденія и организаціи ихъ для поддержки

Думы. Конституціоналисты-демократы смотрѣли преимущественно къ верхамъ и въ настроеніи этихъ «верховъ» искали для себя указаній для той или иной тактики въ Думѣ. Трудовики обращались къ «низамъ» и искали себѣ вдохновенія въ настроеніи народныхъ массъ.

Ниже мы увидимъ различія тактики партіи к. д. и трудовой группы изъ изложенія дѣятельности Думы, а пока ограничимся только этими краткими замѣчаніями.

«Трудовая группа», вторая по численности и сплоченности въ Думѣ не пользовалась однако въ самой Думѣ такимъ вліяніемъ, какъ партія к. д. Въ ней не было выдающихся руководителей, по знаніямъ, талантамъ и общественному положенію сколько-нибудь приближающихся къ лидерамъ партіи конституціонно-демократической, но ея руководители С. В. Аникинъ, И. В. Жилкинъ и др. очень быстро обратили на себя вниманіе какъ въ самой Думѣ,такъ и въ странѣ своими горячими рѣчами, своимъ страстнымъ отношеніемъ къ нуждамъ и горестямъ народа, своими рѣзкими протестами противъ произвола и насилія, которыя ни на минуту не прекращались со стороны властей и во время думской сессіи.

Близкіе по настроенію къ народнымъ массамъ, сами вышедшіе изъ народной или близкой къ народу среды, какъ Аникинъ и Жилкинъ, они были понятны въ своихъ рѣчахъ и протестахъ народнымъ массамъ и находили съ ихъ стороны сочувственный откликъ, что выражалось, между прочимъ, въ массовыхъ посылкахъ трудовиками всевозможныхъ приговоровъ, петицій, жалобъ и пр., изъ селъ и деревень отъ крестьянъ, изъ городовъ—отъ рабочихъ.

И если партія к. д. была въ значительной степени отраженіемъ въ Думѣ умственныхъ силъ страны и преимущественно ея верховъ, то трудовая группа отражала по преимуществу настроеніе народныхъ и главнымъ образомъ крестьянскихъ массъ, а затѣмъ той части интеллигенціи, которую у насъ принято называть «третьимъ элементомъ» — этой трудовой средней интеллигенціи, составляющей главную массовую силу и въ нашихъ общественныхъ и иныхъ управленіяхъ и въ литературѣ, словомъ, вѣрнѣе сказать, нашего интеллигентнаго пролетаріата.

Но помимо этихъ двухъ думскихъ партій въ Думѣ были и другія характерныя группы и партіи. Особенно стоитъ остановиться на группѣ представителей соціалъ-демократической партіи, образовавшейся также, какъ и трудовая группа, въ сущности уже внутри самой Думы. Разница между той и другой въ этомъ отношеніи заключается въ томъ, что трудовая группа какъ бы создалась въ Думѣ, превратившись въ нѣчто органически цѣлое изъ различныхъ неоформившихся политическихъ направленій и настроеній; соціалъ-демократическая группа образовалась внутри Думы не какъ нѣчто новое, здѣсь именно и создавшееся, а какъ уже имѣвшееся ранѣе, но не вошедшее въ Думу въ видѣ партійной группы. Въ Думу, какъ извѣстно, несмотря на бойкотъ выборовъ соц.-дем. раб. партіей, все же вошла группа рабочихъ депутатовъ, хотя и небольшая. Къ этому времени въ средѣ соц.-демократической партіи отношеніе къ Думѣ измѣнилось. На апрѣльскомъ «объединительномъ» съѣздѣ партія признала необходимымъ образованіе въ Думѣ соц.-дем. фракціи и извѣстное участіе въ дум-

ской кампаніи. Первоначально соц.-дем. фракцію въ Думѣ составила та небольшая группа рабочихъ, которые изъ разныхъ мѣстъ были избраны въ рабочей куріи. Затѣмъ, къ концу думской сессіи, къ этой группѣ присоединились депутаты, по преимуществу съ Кавказа, избранные тамъ уже какъ соціалъ-демократы. Но и послѣ этого с.-д. фракція ни по численности, ни по вліянію какого-либо особаго значенія въ Думѣ не имѣла, хотя и заявляла о себѣ и своей непримиримой тактикой въ Думѣ, и своими деклараціями. Напомнимъ извѣстный манифестъ 14-ти рабочихъ депутатовъ, въ которомъ они выражали свои требованія учредительнаго собранія. Напомнимъ декларацію с.-дем. фракціи, прочитанную депутатомъ Рамишвили въ Думѣ.

Болѣе крупную силу въ Думѣ составляли автономисты—группа въ 63, а въ сущности въ 120 человѣкъ. Первая цифра, по даннымъ г. Бородина, точнѣе опредѣляетъ эту группу, такъ какъ остальные входили въ составъ другихъ партій и группъ. Автономисты же, въ собственномъ смыслѣ, состояли, главнымъ образомъ, изъ поляковъ—31 человѣкъ, и изъ депутатовъ юго-западныхъ и сѣверо-западныхъ губерній. Въ числѣ этихъ автономистовъ находились крупные землевладѣльцы, настроенные въ соціальномъ отношеніи довольно реакціонно, что и сказалось особенно по аграрному вопросу въ рѣшительномъ отрицаніи образованія изъ отчужденныхъ казенныхъ и частновладѣльческихъ земель государственнаго земельнаго фонда, а частью даже и самого принципа принудительнаго отчужденія.

Партія демократическихъ реформъ, состоявшая всего изъ 4-хъ представителей, однако, въ Думѣ не затерялась, благодаря столь крупнымъ личностямъ, какъ проф. М. М. Ковалевскій, В. Д. Кузьминъ-Караваевъ и кн. Урусовъ, сыгравшій въ первомъ запросѣ министерству о погромахъ прямо историческую роль.

Особнякомъ стояла маленькая группа представителей «Союза 17 октября», въ сущности совершенно не представлявшая эту партію. Такіе представители «Союза», какъ гр. П. А. Гейденъ и М. А. Стаховичъ въ Думѣ были, конечно, весьма замѣтными фигурами, но они были замѣтны какъ таковые, а не какъ представители партіи.

Круппое значеніе имѣла огромная по числу группа безпартійныхъ въ 105 человѣкъ. Въ ней больше всего было крестьянъ, а именно 66 человѣкъ. Эта группа не играла никакой роли въ Думѣ, но голосовала по преимуществу съ представителями партіи народной свободы.

Таковъ былъ общественно-партійный составъ Думы. Безъ сомнѣнія этотъ составъ не вполнѣ отражалъ политическую физіономію страны. Такія партіи, какъ партія соціалъ-демократическая и соціалъ-революціонная, игравшія въ исторіи нашей политической борьбы крупную, выдающуюся роль, не были въ сущности представлены какъ таковыя. И тѣмъ не менѣе все же мы должны сказать, что Дума въ политическомъ отношеніи отражала оппозиціонное настроеніе страны. Партіи революціонныя въ это время уже не играли столь могущественной роли, чтобы можно было сказать, что за ними слѣдуютъ народныя массы. Крестьянство, напр., совершенно не пошло за призывомъ къ бойкоту Думы. Самое настроеніе крестьянской массы было,

можно сказать, сплошь настроеніемъ надеждъ и упованій на Думу, а не на революцію. Рабочіе? Да, они во многихъ мѣстностяхъ послѣдовали призыву къ бойкоту. Но, во-первыхъ, не вездѣ, а во-вторыхъ, когда Дума начала работать, когда въ ней стали раздаваться простыя, горячія, полныя чувства рѣчи депутата рабочаго Михайличенко, то рабочая масса даже въ Петербургѣ начала постепенно становиться на сторону Думы.

Такимъ образомъ едва-ли мы ошибемся, если скажемъ въ положительной формѣ, что да—Дума отражала политическія мнѣнія и политическое настроеніе страны, въ особенности ея низовъ, народныхъ массъ. Менѣе всего отражала Дума политическія направленія и настроенія привиллегированныхъ классовъ—дворянства и крупной буржуазіи. Представительство партій, опиравшихся на эти классы, въ Думѣ было и совершенно ничтожно и совершенно безцвѣтно.

По своему партійно-политическому составу Дума была несомнѣнно демократической. Таковой же она была въ значительной мѣрѣ и по соціальному составу, о чемъ также краснорѣчиво свидѣтельствуетъ анкета г. Бородина. Въ ней было 111 земледѣльцевъ-крестьянъ и только 65 землевладѣльцевъ, въ ней было 2 промышленника, 24 торговца и 25 рабочихъ. Вся остальная масса состояла изъ представителей различныхъ видовъ интеллигентныхъ профессій и общественной службы.

Племенной ея составъ также отразился довольно полно, съ огромнымъ преобладаніемъ великороссовъ и малороссовъ и съ представительствомъ чуть-ли не всѣхъ племенъ, населяющихъ россійскую имперію, начиная съ поляковъ, евреевъ и кончая башкирами, вотяками, киргизами и пр.

Любопытнымъ представляется составъ Думы еще въ одномъ отношеніи, а именно: была-ли она выше средняго уровня страны по культурности образованія и талантливости ея представителей? Этотъ вопросъ часто задавался во время думской сессіи, причемъ реакціонная и рептильная пресса отвѣчала на него въ отрицательномъ смыслѣ. Безъ сомнѣнія Дума не включила въ свой составъ всѣхъ выдающихся по своимъ талантамъ русскихъ людей. Но совершенно безспорно, что составъ Думы былъ въ общемъ выше средняго уровня страны. Нечего говорить, что по образованію уровень думскаго состава былъ несравненно выше средняго страны, разъ въ ней было 42,1% лицъ съ высшимъ образованіемъ, 13,8% съ среднимъ, только 24,7% съ низшимъ, 18,9% съ домашнимъ и 0,4% (2) неграмотныхъ. Вопросъ же о талантливости настолько неопредѣленный, что судить объ этомъ можно только съ точки зрѣнія партійной пристрастности.

Характеризуя составъ нашего перваго народнаго представительства, мы обращаемъ вниманіе на рѣдкій случай въ исторіи парламентовъ. Первая Государственная Дума, при всемъ различіи ея состава, представляла чрезвычайную цѣльность. Въ цѣломъ рядѣ случаевъ Дума голосовала или какъ одинъ человѣкъ, или же въ подавляющемъ большинствѣ. Выборъ президіума былъ почти единогласный, а предсѣдателя прямо единогласный; принятіе отвѣтнаго адреса на тронную рѣчь было единогласнымъ, такъ какъ отдѣлившіеся сначала нѣсколько

человѣкъ правыхъ затѣмъ присоединились къ большинству; законъ объ отмѣнѣ смертной казни принятъ былъ единогласно; цѣлый рядъ запросовъ принимался единогласно. И это единство и цѣльность настроенія создали то, что и массы населенія и правительство относились къ Думѣ, какъ къ таковой — первыя съ надеждами на нее и симпатіями; второе враждебно. Старанія внѣдумскихъ партій, напр., партій революціонныхъ отдѣлить въ Думѣ соціалъ-демократовъ и трудовиковъ отъ кадетовъ были въ сущности безплодны. Трудовики, составляя лѣвое крыло Думы, нерѣдко въ большей своей массѣ голосовали вмѣстѣ съ кадетами даже по такимъ, казалось бы для нихъ боевымъ вопросамъ, какъ напр., вопросъ о мѣстныхъ аграрныхъ комитетахъ, вопросъ продовольственный. И только въ послѣдніе дни Думы по роковому вопросу объ обращеніи Думы къ народу по поводу аграрнаго правительственнаго сообщенія — трудовики и кадеты раздѣлились.

Общее впечатлѣніе отъ Думы все же остается какъ впечатлѣніе цѣлаго, единаго народнаго представительства.

Дума несомнѣнно отражала страну въ весьма полномъ видѣ, она дѣйствительно являлась ея представительницей во всемъ разнообразіи жизни, направленій, настроеній, бытовыхъ, политическихъ и общественныхъ условій. Таково ея въ извѣстной степени внѣшнее состояніе. Еще большій интересъ представляетъ она съ внутренней стороны. Взятая въ цѣломъ, она несомнѣнно была рѣзко оппозиціонной и, что особенно замѣчательно, она была широко національной, а не классовой, что доказывается, напр., ея отношеніемъ къ аграрному вопросу, она была проникнута глубокими моральными побужденіями, на что указываетъ единогласно принятый ею первый законъ объ отмѣнѣ смертной казни, единодушное требованіе амнистіи, отношеніе къ вопросу о голодѣ, ея многочисленные протесты по поводу произвола и насилій властей, она горѣла страстнымъ стремленіемъ къ переустройству страны на широкихъ демократическихъ началахъ. Свидѣтельствомъ этому служатъ тѣ 72 дня напряженной работы народныхъ представителей и ихъ страстной борьбы съ правительствомъ, которые останутся въ исторіи, какъ время ранней юности народнаго представительства, проходившей въ суровой обстановкѣ, какъ утренняя заря, пробивавшаяся сквозь свинцовыя тучи, надвигавшейся съ сѣверо-запада грозы.

III.

Что же дѣлала и что сдѣлала наша первая Государственная Дума? Сколько самыхъ страстныхъ нападокъ на первую Думу сыпалось и съ крайней правой и съ крайней лѣвой сторонъ въ отвѣтахъ на эти вопросы. Дума была неработоспособна, она была своего рода революціоннымъ митингомъ — говорятъ справа. Она занималась безплодной работой по законодательствованію, въ то время какъ ясно было, что эта законодательная работа, проходя черезъ государственный совѣтъ, ни къ чему не приведетъ. Такъ говорятъ со стороны крайнихъ лѣвыхъ. Наконецъ, самый роспускъ Думы мотивировался ея революціонностью и неработоспособностью.

Мы не станемъ прямо возражать на эти нападки, а попытаемся отвѣтить возможно объективнѣе на поставленные въ началѣ этой главы вопросы—что дѣлала и что сдѣлала первая Дума.

Дѣятельность нашихъ первыхъ народныхъ представителей можно раздѣлить на двѣ главныхъ части—законодательная работа съ одной стороны и борьба съ произволомъ власти съ другой, что выражалось въ думскихъ запросахъ министерству, допускаемыхъ ст. 55—58 Положенія о Думѣ 20 февраля. Но чѣмъ дальше шла работа Думы въ этихъ двухъ направленіяхъ, тѣмъ ярче и сильнѣй вырисовывались другія главныя цѣли Думы, осуществленіе которыхъ являлось необходимымъ условіемъ основныхъ задачъ ея — законодательствованія и проведенія вырабатываемыхъ законовъ въ дѣйствительную жизнь. Такими цѣлями были: борьба за власть въ видѣ стремленія добиться думскаго министерства, что особенно опредѣленно выражалось партіей народной свободы, и стремленіе организовать народныя массы и вообще для борьбы съ правительствомъ, и въ частности для поддержки Думы, что проводили съ думской трибуны преимущественно трудовая группа и соціалъ-демократическая фракція.

Раздѣлить думскую дѣятельность по этимъ видамъ ея, въ сущности, невозможно. Все это сливалось, цѣплялось одно за другое, все это переплеталось въ одинъ общій клубокъ и только порой, моментами, иногда очень яркими, отдѣлялась борьба съ правительствомъ, съ произволомъ отдѣльныхъ представителей власти, отъ борьбы за думское министерство; грандіозные проекты реформъ отъ обращенія Думы къ народнымъ массамъ. Но для ясности изложенія этихъ историческихъ 72-хъ дней думской работы мы принуждены разсмотрѣть указанные моменты ея отдѣльно и только тогда картина дѣятельности первой Думы представится намъ болѣе или менѣе ясной.

Открывая первое засѣданіе Государственной Думы 27 апрѣля въ 5 час. пополудни, статсъ-секретарь Фришъ, между прочимъ, сказалъ, обращаясь къ народнымъ представителямъ: «вамъ, призваннымъ къ широкому участію въ законодательной дѣятельности, выпала счастливая доля работать при полномъ свѣтѣ публичности и гласности и при полной свободѣ слова. Каждый шагъ вами сдѣланный по новому пути, каждая высказанная въ вашихъ собраніяхъ мысль немедленно сдѣлается достояніемъ всего народа, который при помощи печати будетъ зорко слѣдить за всѣми дѣйствіями и начинаніями вашими».

Эти слова даютъ совершенно ясное и опредѣленное указаніе на огромную роль Госуд. Думы *какъ трибуны*, съ которой ораторы—народные представители дѣйствительно вполнѣ свободно, при полномъ свѣтѣ публичности и гласности могли говорить и говорили свои рѣчи. И эти рѣчи были обращены не только и мы скажемъ не столько къ самой думѣ, сколько ко всей странѣ. Это хорошо сознавалось первыми депутатами во всѣ сколько-нибудь важные моменты думской дѣятельности. Когда деп. Жилкинъ въ одномъ изъ первыхъ засѣданій думы говорилъ объ амнистіи, то онъ «представлялъ себѣ всю Россію». «Я говорю, сказалъ онъ, что намъ нѣтъ нужды обращаться съ такими словами другъ къ другу, но народъ, пославшій насъ, ждетъ, какія слова мы скажемъ въ первую очередь, скажемъ въ этомъ первомъ

избирательномъ государственномъ учрежденіи, скажемъ для всего народа и для всѣхъ, къ кому направлены наши требованія. И вотъ пусть знаетъ народъ, пусть читаетъ всѣ рѣчи, которыя здѣсь произнесены, выразительныя рѣчи, горячія, страстныя, различающіяся въ оттѣнкѣ, но какъ въ громадномъ фокусѣ соединяющіяся въ одномъ воплѣ, въ одномъ крикѣ: немедленная амнистія».

Съ такимъ назначеніемъ говорились многія рѣчи въ госуд. думѣ. Говорились и въ смыслѣ выраженія въ этихъ рѣчахъ голоса народнаго, говорились и какъ заявленія отъ имени пославшаго того или иного депутата мѣстнаго населенія. Когда въ думѣ шелъ аграрный вопросъ, то было въ высшей степени характерно, что многіе изъ говорившихъ по этому вопросу депутатовъ-крестьянъ говорили непосредственно о земельной нуждѣ *своихъ мѣстностей*. Это считалось необходимымъ. Нужно было, чтобы тамъ на мѣстахъ знали, что говоритъ «нашъ» о «нашихъ» дѣлахъ.

Это были своего рода отчеты мѣстныхъ депутатовъ передъ пославшимъ ихъ населеніемъ, тѣмъ болѣе, что многіе депутаты при выѣздѣ изъ провинціи въ Петербургъ получали отъ мѣстнаго населенія наказы.

Думская трибуна представлялась каѳедрой, а населеніе страны огромной аудиторіей, жадно, съ напряженнымъ вниманіемъ слушавшей рѣчи депутатовъ. Народъ отъ городовъ и до послѣдней деревушки живо воспринималъ все то, что говорилось съ думской трибуны, запоминалъ имена наиболѣе выдающихся ораторовъ, и, безъ всякаго сомнѣнія, если не вездѣ, то во многихъ мѣстахъ, и если не вполнѣ ясно и отчетливо, то все же разбирался въ томъ, что предпринимала госуд. дума, какъ она отзывалась на народныя нужды и горести. Какъ должны были быть близки и понятны народу такія напр. простыя слова, сказанныя покойнымъ Герценштейномъ по продовольственному вопросу: «я считаю, что съ того дня, когда появилась у насъ Государственная Дума, появились народные представители, каждая копѣйка должна быть подъ отчетомъ». Съ какимъ глубокимъ вниманіемъ долженъ былъ слушать народъ простыя и глубоко-прочувствованныя рѣчи крестьянина Лосева о могучемъ Самсонѣ, котораго филистимляне обезсилили, но который затѣмъ въ гнѣвѣ своемъ потрясши стѣны, погребетъ подъ ними и себя и ихъ.

Значеніе Думы, какъ средства политическаго воспитанія народныхъ массъ, несомнѣнное, неоспоримое.

Члены Госуд. Думы имѣли авторитетъ въ глазахъ народа и каждое ихъ слово представляло особый вѣсъ и значеніе, совершенно несравнимое съ тѣмъ, что давали и могли давать ему въ этомъ отношеніи политическія партіи.

И если отнять отъ Думы всякое иное значеніе, то роль ея въ смыслѣ политическаго воспитанія народныхъ массъ останется крупнымъ вкладомъ въ жизнь нашей далеко еще незрѣлой въ общественно-политическомъ отношеніи страны. Это значеніе Думы не оспаривается даже скептиками по отношенію къ ней революціонерами.

Но это значеніе думской трибуны крайними партіями, въ томъ числѣ отчасти и трудовой группой, настолько преувеличивалось, что

заслонило собой весь остальной смыслъ думской работы. Соціалъ-демократическая думская фракція, инспирируемая извнѣ соц.-демократической партіей, прямо заявляла въ Думѣ, что тѣ законопроекты, которые вносятся депутатами въ Думу, имѣютъ значеніе только какъ декларацiи, поэтому они не должны быть строго и детально разрабатываемы, а должны представлять лишь общія положенія въ ясной и понятной народу формѣ. Въ этомъ смыслѣ нѣкоторыя думскія фракціи и представляли декларацiи. Такая декларація, между прочимъ, была провозглашена въ Думѣ с.-д-ской фракціей въ засѣданіи 16 іюня, такой же деклараціонный характеръ имѣлъ и аграрный проектъ 33-хъ, начинавшійся съ положенія о полномъ уничтоженіи всякой частной собственности на землю. Депутатъ Бондаревъ, при обсужденіи законопроекта о равенствѣ всѣхъ гражданъ передъ закономъ, считалъ совершенно достаточнымъ лишь общую декларацію правъ человѣка и гражданина.

Однако Дума въ ея цѣломъ и въ особенности партія народной свободы смотрѣла на законодательную работу съ совершенно иной точки зрѣнія. Она считала эту законодательную работу столь же важнымъ дѣломъ, какъ и другіе виды думской дѣятельности. Выработка законовъ—это одна изъ главныхъ цѣлей Думы и она за короткій періодъ своего существованія дѣйствительно поработала надъ этимъ дѣломъ. Но прежде чѣмъ говорить объ этой работѣ, мы должны сказать о той дѣйствительно высокой и дѣйствительно думской, *общедумской* декларацiи, которая остается однимъ изъ великихъ памятниковъ первыхъ народныхъ представителей нашей страны и, мы думаемъ, займетъ въ исторіи народовъ такое же выдающееся мѣсто, какъ декларацiи французскаго національнаго собранія и декларація американской республики. Мы говоримъ объ отвѣтномъ адресѣ Думы на тронную рѣчь Государя. Въ этомъ отвѣтномъ адресѣ, принятомъ Думою единогласно, выражены въ достаточно опредѣленной формѣ какъ всѣ главныя нужды страны, такъ и всѣ основныя требованія ея въ истинно-демократическомъ духѣ. Не будемъ приводить текста этого адреса, онъ хорошо извѣстенъ всей Россіи. Скажемъ только, что Дума не забыла въ немъ ни общеполитическихъ гарантій развитія государства, народностей и личности, ни экономическихъ и гражданско-правовыхъ условій улучшенія положенія отдѣльныхъ классовъ и сословій. Въ немъ нашли себѣ мѣсто и нужды многомилліоннаго крестьянства, и рабочаго класса, и арміи. Наконецъ въ немъ съ чрезвычайной силой выражено все то накопившееся въ странѣ негодованіе противъ произвола и самовластія самодержавно-бюрократическаго режима, которое затѣмъ съ каждымъ новымъ днемъ работы Думы все ярче и глубже выражалось въ думскихъ запросахъ по поводу отдѣльныхъ дѣйствій правительства.

Отвѣтный адресъ государственной думы – это какъ бы великая хартія о правахъ, отвѣчающая народнымъ требованіямъ. Въ немъ слились и постановленія большинства земскаго съѣзда 6 ноября 1904 г., этотъ слабый, неясный, но уже заключавшій въ себѣ великія начала народнаго представительства голосъ, и та страстная, полная горя, нужды и великихъ надеждъ петиція, съ которой шли къ Зимнему

Дворцу 9 января 1905 г. петербургскіе рабочіе, и наконецъ торжественный актъ—манифестъ 17-го октября. Отвѣтный адресъ 5 мая 1906 года какъ бы объединилъ въ себѣ, углубилъ и расширилъ всѣ тѣ чаянія и упованія, которыя выражены были въ тѣхъ трехъ актахъ.

Думскій адресъ несомнѣнно еще надолго будетъ той общей декларацiей, къ полному осуществленію которой будетъ стремиться наше народное представительство въ лицѣ демократическихъ его представителей.

Обращаясь теперь къ чисто законодательной работѣ Думы, мы прежде всего приведемъ простое перечисленіе законопроектовъ, внесенныхъ въ Думу въ періодъ 72-хъ дней.

Тотчасъ же по окончаніи обсужденія отвѣтнаго адреса, 8-го мая въ Думу былъ внесенъ аграрный законопроектъ 42-хъ. Затѣмъ 8-го же мая внесенъ законопроектъ объ обезпеченіи дѣйствительной неприкосновенности личности; 12 мая—о свободѣ совѣсти, 15 мая—основныя положенія законовъ о гражданскомъ равенствѣ; 18 мая—объ отмѣнѣ смертной казни; 23 мая—проектъ измѣненій въ дѣйствующихъ законахъ о судоустройствѣ и судопроизводствѣ; 23 же мая—проектъ закона въ замѣнъ ст. ст. 55—57 учр. Гос. Думы; того же числа—аграрный проектъ 104-хъ трудовой группы; 1 іюня—о неприкосновенности членовъ Гос. Думы и о союзахъ; 15 іюня—объ отмѣнѣ закона о стачкахъ с.-хоз. рабочихъ; 16 іюня—о свободѣ собраній; 23 іюля—объ ассигнованіи 15-ти милл. рублей на продовольственную помощь; 26 іюня—проектъ основныхъ положеній о безплатныхъ школахъ грамоты и безплатныхъ народныхъ библіотекахъ; іюля 4 проектъ закона о печати.

Всѣ эти законопроекты были предметомъ обсужденія Думы, изъ нихъ въ окончательномъ видѣ приняты были два, а именно: законъ объ отмѣнѣ смертной казни и законъ объ ассигнованіи 15-ти мил. р. на сѣмянную и продовольственную помощь населенію неурожайныхъ губерній. Силу же закона получилъ только послѣдній. Остальные законопроекты, подвергшіеся предварительному обсужденію въ Думѣ, находились въ соотвѣтствующихъ комиссіяхъ для детальной ихъ разработки. Кромѣ того частныя комиссіи думскихъ партій подготовляли и многіе другіе законопроекты. Такъ партія народной свободы усиленно занималась подготовкой проекта о всеобщемъ избирательномъ правѣ и о реформѣ мѣстнаго самоуправленія. Трудовики также работали надъ законопроектомъ о мѣстныхъ учрежденіяхъ и готовились внести законопроекты объ амнистіи и о службѣ въ войскахъ.

Къ этой же законодательной дѣятельности Думы слѣдуетъ отнести и образованіе нѣсколькихъ думскихъ комиссій по вопросамъ, имѣющимъ отношеніе къ текущей дѣйствительности и къ предстоящей дѣятельности думы, таковы комиссіи: финансовая, бюджетная, продовольственная, по разслѣдованію неправильныхъ дѣйствій должностныхъ лицъ.

Таковъ простой, голый перечень законодательной работы Думы. Совершенно очевидно даже изъ него, что упреки, посылаемые Думѣ

въ ея неработоспособности и въ томъ, что она не занималась своей главной, непосредственной, а именно законодательной работой, не имѣютъ подъ собой никакого основанія.

Но вѣдь изъ этихъ законодательныхъ работъ не получилось никакихъ результатовъ, да большинство изъ нихъ не вышло даже изъ стадіи чисто подготовительной?

На первый упрекъ мы отвѣтимъ ниже, а сейчасъ постараемся дать объясненіе на второй.

Да, большинство законопроектовъ, внесенныхъ въ Думу разными думскими фракціями, дѣйствительно не вышло изъ стадіи подготовительной. Но почему? Не будемъ говорить о томъ, что такой краткій періодъ, какъ 72 дня думской работы уже самъ по себѣ былъ совершенно недостаточенъ для выработки и принятія такихъ крупной важности законовъ, какъ законы о свободахъ и въ особенности аграрный, но нельзя забывать и того, что каждый изъ этихъ законовъ, совершенно новыхъ, чуждыхъ всѣмъ традиціямъ русской жизни, долженъ былъ встрѣтить большія тренія въ самой Думѣ, не выходя еще за стѣны таврическаго дворца. Упомянутые законопректы только въ предварительной стадіи ихъ обсужденія заняли 32 засѣданія изъ 42-хъ засѣданій всей сессіи. Изъ числа 32-хъ засѣданій въ 20-ти обсуждался аграрный вопросъ.

Здѣсь, въ особенности на этомъ вопросѣ столкнулись интересы различныхъ общественныхъ группъ и столкнулись довольно рѣзко даже въ этой столь однородной по соціальному составу и соціально-политическимъ убѣжденіямъ Думѣ. И не могли не столкнуться, ибо аграрный вопросъ даже столь умѣренной партіей, какъ конституціонно-демократическая, ставился въ чрезвычайно грандіоздной формѣ. Строго говоря, разрѣшеніе аграрнаго вопроса даже по проекту партіи к. д. должно было кореннымъ образомъ преобразовать весь строй не только земельныхъ отношеній, но вмѣстѣ съ нимъ и общеэкономическихъ, такъ какъ почти полная ликвидація не только крупнаго, но и средняго частнаго землевладѣнія и расширеніе мелкаго создало бы новыя конъюнктуры въ области промышленности, а образованіе изъ казенныхъ, удѣльныхъ и отчужденныхъ принудительно частновладѣльческихъ земель земельнаго государственнаго фонда создало бы государству крупную силу, какой оно не обладало еще нигдѣ. Еще болѣе грандіознымъ представляется аграрный проектъ 104-хъ трудовой группы съ его національзаціей земли.

По вопросу о принудительномъ отчужденіи частновладѣльческихъ земель разногласій въ Думѣ въ сущности не было. Этотъ принципъ былъ принятъ даже правой группой гр. Гейдена и Стаховича. Но крупныя разногласія вызвалъ вопросъ о государственномъ земельномъ фондѣ, при чемъ здѣсь произошелъ уже расколъ въ самой партіи к. д. Нѣкоторые члены ея—Н. Н. Львовъ, С. А. Котляревскій, проф. Петражицкій рѣшительно высказывались противъ самой идеи національзаціи. Еще сильнѣе встрѣтились разногласія со стороны депутатовъ изъ царства Польскаго и западныхъ губерній, рѣзко проводившихъ принципъ частной собственности.

Всѣ желали высказаться по аграрному вопросу, но говорили все

еще въ области общихъ положеній. Ораторы отъ крестьянъ выражали лишь общія нужды въ землѣ, говорили лишь о своихъ общихъ пожеланіяхъ.

Да и вообще нужно замѣтить, что въ обсужденіяхъ аграрнаго вопроса большинство ораторовъ держалось все еще главнымъ образомъ критической позиціи, а въ положительной части больше всего говорилось о принципѣ принудительнаго отчужденія.

Здѣсь же на этомъ вопросѣ особенно рѣзко столкнулась Дума съ правительствомъ въ лицѣ г.г. Стишинскаго и Гурко, рѣшительно заявлявшихъ о недопустимости «соціалистическаго» рѣшенія аграрнаго вопроса. Здѣсь же особенно рѣзко проявилось и то, что впослѣдствіи ожидало думу.

Относительно аграрнаго вопроса еще и до созыва Думы и во время нея и послѣ со стороны революціонныхъ партій говорилось, что не ея дѣло рѣшать такой вопросъ, что она не вправѣ это дѣлать, не будучи дѣйствительной представительницей народа, какъ неизбранная на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія. Но само собой понятно, что если бы первая госуд. дума не занялась аграрнымъ вопросомъ, то она «не исполнила бы своего долга», какъ она выразилась въ отвѣтномъ адресѣ. И она дѣйствительно исполнила этотъ долгъ. Рѣзко поставивъ аграрный вопросъ какъ нѣчто такое, что должно быть рѣшено въ пользу крестьянства, дума заставила въ концѣ концовъ и правительство пойти по пути рѣшенія его. И хотя рѣшеніе аграрнаго вопроса правительствомъ послѣ роспуска думы далеко не отвѣчаетъ принципамъ, поставленнымъ Думою, но мы должны все же признать, что и казенныя, и удѣльныя, и кабинетскія земли, а также и значительная часть частновладѣльческихъ земель такъ или иначе перейдутъ въ руки крестьянства.

Но не одинъ аграрный вопросъ требовалъ такой напряженной работы и не онъ только вызывалъ разногласія въ думѣ. Эти разногласія были и по законопроэктамъ политически-правового характера. Какъ извѣстно крупныя разногласія вызвалъ проэктъ о свободѣ собраній, внесенный партіей нар. свободы. Этотъ проэктъ, допускавшій нѣкоторыя ограниченія свободы собраній, казался въ Думѣ не только лѣвой, но и умѣреннымъ партіямъ, напр. партіи демократическихъ реформъ, чуть ли не реакціоннымъ. Идеаломъ Думы была широкая и полная свобода личности во всѣхъ ея проявленіяхъ. Этому проэкту также посвящено было нѣсколько засѣданій.

Не будемъ говорить о другихъ законопроэктахъ. Ясно, однако, что упреки Думѣ, что она не успѣла вывести своей законодательной работы изъ подготовительной стадіи, не серьезны.

Нельзя не отмѣтить еще одной стороны дѣятельности Думы, которую тоже можно отнести къ законодательной ея работѣ, но которая какъ то оставалась въ тѣни. При обсужденіи продовольственнаго вопроса сама собой выдвинулась глубоко общественная черта представительнаго управленія, черта заботливости о народной копѣйкѣ. Въ рѣчахъ такихъ общественно-дѣловыхъ людей, какъ Герценштейнъ, Фонъ-Рутценъ и др. ясно сказалось то глубокое различіе въ отношеніи къ народному хозяйству народныхъ представителей по

сравненію съ отношеніемъ къ этому предмету нашей бюрократіи. Изъ стѣнъ Таврическаго дворца, съ думской трибуны, откуда, какъ говорила рептильная пресса, раздаются только обличительныя рѣчи или проэктируются «несбыточныя», фантастическія соціально-политическія реформы, вдругъ послышались строго дѣловыя соображенія о правильномъ веденіи народнаго хозяйства и бережливомъ отношеніи къ народной копѣйкѣ. И трудно сказать, что было сильнѣе, страшнѣе и опаснѣе для правительства: страстныя ли обличительныя рѣчи чисто политическаго характера, или эти строго дѣловыя рѣчи, затрагивавшія пока только вскользь самыя сокровенныя стороны бюрократическаго режима. Ясно чувствовалось, что съ теченіемъ времени эта сила народнаго представительства будетъ рости и пріобрѣтать въ глазахъ народа прочное положительное значеніе, а въ глазахъ старой власти самое опасное оружіе противъ него.

Разсматривая законодательную работу думы, мы не должны упускать изъ виду одного изъ главнѣйшихъ условій неблагопріятнаго ея веденія. Думѣ съ первыхъ же дней пришлось вести борьбу съ правительствомъ главнымъ образомъ путемъ запросовъ представителямъ власти.

IV.

Собравшіеся въ день 27 апрѣля въ Петербургѣ народные представители уже не встрѣтили тѣхъ представителей исполнительной власти, которые создали столь тяжелыя условія существованія страны въ періодъ реакціи послѣ 17 октября, и при непосредственномъ содѣйствіи которыхъ этотъ историческій актъ фактически былъ почти уничтоженъ. Министерство Витте-Дурново пало наканунѣ самой Думы. Но его замѣнило не такое министерство, которое могло бы отвѣчать настроенію и требованіямъ собравшихся народныхъ представителей, а напротивъ столь же реакціонное, какъ и предшествующее, столь же проникнутое традиціями стараго режима и послушное волѣ закулисныхъ вліяній особо привиллегированныхъ группъ дворянства и высшихъ сферъ. Министерство Горемыкина-Стишинскаго не было уступкой народному представительству, оно было только смѣной лицъ или лучше сказать фамилій все тѣхъ же представителей бюрократіи, къ которой питала такую ненависть страна.

Дума открылась и начала свою работу при ничуть не измѣнившихся условіяхъ произвола и самовластія бюрократіи. Уже самые первые дни думской дѣятельности были омрачены тяжелыми извѣстіями о погромахъ въ Вологдѣ, Царицынѣ, Муромѣ и Калязинѣ. Тюрьмы оставались попрежнему переполненными политическими заключенными, этапы ссыльныхъ въ Сибирь и на сѣверъ тянулись все также, какъ при Витте-Дурново, смертныя казни продолжались, печать преслѣдовалась, свободы собраній не было, профессіональные союзы закрывались, большинство городовъ и уѣздовъ оставались на положеніи усиленной и чрезвычайной охраны и на военномъ положеніи. Страна попрежнему оставалась во власти военныхъ генералъ-губернаторовъ и карательныхъ экспедицій.

Было поэтому вполнѣ естестьеннымъ, что изъ стѣнъ Таврическаго дворца въ первый же день открытія Думы раздались слова протеста, слова гнѣва и печали. И они раздались. Но не только какъ слова гнѣва, а и какъ слова мира, прощенія. Дума предполагала ознаменовать этотъ первый день осуществленія идеи народнаго представительства актомъ справедливости, какъ говорили одни изъ депутатовъ, или актомъ милости, прощенія, какъ говорили другіе. Это различіе однако не важно. Важно было то, что Дума единогласно, въ одномъ общемъ, искреннемъ и страстномъ порывѣ провозгласила *амнистію*.

Но... этотъ великодушный порывъ, гулкимъ эхомъ прокатившійся по всей странѣ... замеръ и разбился о твердыню старой власти. Дума встрѣтила въ первомъ же своемъ шагѣ суровый молчаливый отказъ. Амнистіи не послѣдовало.

Формальная передача отвѣтнаго адреса Думы на тронную рѣчь была вторымъ холоднымъ выраженіемъ отношеній къ Думѣ.

Но особенно ясно опредѣлились эти отношенія въ знаменитый отнынѣ день 13 мая, когда предсѣдатель совѣта министровъ Горемыкинъ прочелъ декларацію правительства въ отвѣтъ на адресъ Думы. Правительство въ категорической формѣ отвѣтило на всѣ заявленія Думы, что они «недопустимы». И вотъ съ думской трибуны раздался рѣшительный возгласъ по адресу министерства: «въ отставку». Дума, выражаясь словами депутата Набокова, усмотрѣла въ министерской декларацiи «прямой и рѣшительный вызовъ народному представительству».. «и мы этотъ вызовъ принимаемъ» сказалъ онъ... «Мы полагаемъ, продолжалъ В. Д. Набоковъ, что выходъ изъ этого положенія можетъ быть только одинъ: разъ насъ призываютъ къ борьбѣ, разъ намъ говорятъ, что правительство является не исполнителемъ требованій народнаго представительства, а ихъ критикомъ и отрицателемъ, то съ точки зрѣнія принципа народнаго представительства мы можемъ только сказать одно: исполнительная власть да покорится власти законодательной!!». Тонъ и содержаніе этой первой рѣчи опредѣлили общій, дружный, почти единодушный откликъ на правительственную декларацію во всей Думѣ. И съ этого момента требованіе отставки министерства и назначенія таковаго изъ думской среды стало лозунгомъ Думы во все время ея работы. Борьба началась. Но какая борьба?

Въ этой борьбѣ съ правительствомъ Дума пользовалась двумя средствами—первое, это запросы министерству и другимъ представителямъ правительства по поводу неправильныхъ дѣйствій властей, а также общая критика правительства; второе—организація общественнаго мнѣнія и общественныхъ силъ. По отношенію къ первому, Дума была довольно единодушна. По отношенію ко второму средству въ средѣ думскихъ партій существовали глубокія различія, что и опредѣляло собой тактику этихъ партій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и тактику самой Думы.

Но остановимся прежде на думскихъ запросахъ. Въ силу 58 ст. учр. Гос. Думы члены Думы имѣютъ право запроса министрамъ или главноуправляющимъ отдѣльными частями по поводу незаконо-

мѣрныхъ дѣйствій властей, при чемъ запросы эти подаются предсѣдателю Думы письменно за подписью не менѣе 30-ти членовъ. Дума широко воспользовалась этимъ правомъ, и въ теченіе 72-хъ дней ея работы было сдѣлано 192 запроса по самымъ разнообразнымъ поводамъ. Если свести всѣ эти многочисленные запросы въ нѣсколько категорій, то получается такая картина: 24 запроса по поводу смертныхъ казней, приговоровъ и преданій военному суду; 4—о погромахъ; 96—о высылкахъ и арестахъ; 2—о карахъ противъ печати; 35—объ избіеніяхъ и насиліяхъ; 15—разные виды незаконныхъ дѣйствій властей; 5—незакон. дѣйствія властей по отношенію членовъ думы; 2—о казачьихъ войскахъ; 1—о мѣрахъ борьбы съ голодомъ; 1—по поводу аграрнаго правительственнаго сообщеніи; 1—о безпорядкахъ въ войскахъ; 1—о снятіи военнаго положенія.

Первый и едва ли не самый крупный по своему общественно-политическому значенію запросъ былъ объ участіи подчиненныхъ департаменту полиціи агентовъ жандармской и полицейской власти въ подстрекательствѣ къ погромамъ, о погромахъ въ Вологдѣ, Калязинѣ и Царицинѣ, о незаконности заключенія многихъ лицъ въ тюрьмахъ и объ административныхъ высылкахъ.

Правительство въ лицѣ министра вн. дѣлъ г. Столыпина отвѣтило на этотъ запросъ лишь черезъ мѣсяцъ, т. е. ровно черезъ тотъ максимальный срокъ, который законъ устанавливаетъ для отвѣта на думскіе запросы.

Засѣданіе Думы 8 іюня, въ которомъ м. вн. д. Столыпинъ давалъ объясненія Думѣ, является столь же историческимъ, какъ и засѣданіе 13 мая, когда премьеръ-министръ Горемыкинъ читалъ декларацію правительства въ отвѣтъ на адресъ думы. Самымъ центральнымъ моментомъ этого засѣданія была рѣчь кн. Урусова, сильная, содержательная, разоблачавшая дѣйствія жандармскихъ и полицейскихъ властей не только въ попустительствѣ, но и въ прямомъ пособничествѣ по устройству еврейскихъ погромовъ. Здѣсь обнаружилась вся глубина разложенія старой власти, не только терпѣвшей, но и награждавшей такихъ агентовъ своихъ, какъ напр. ротмистръ Будаговскій, распространявшій прокламаціи о погромахъ, и жандармъ Комисаровъ, печатавшій эти прокламаціи въ помѣщеніи самого департамента полиціи. Здѣсь обнаружились тѣ закулисныя вліянія, которыя въ сущности руководили всей политикой погромной контръ-революціи.

Объясненія г. Столыпина не удовлетворили Думу, Дума имѣла въ виду незаконныя дѣйствія не столько отдѣльныхъ представителей власти, сколько общей системы самовластнаго бюрократическаго управленія страной, а г. Столыпинъ говорилъ только о томъ, что виновные въ указанныхъ Думой незаконныхъ дѣйствіяхъ будутъ привлечены къ отвѣтственности. Дума ясно указывала на безсиліе министерства устранить эту систему, разъ у власти остаются лица, не отвѣтственныя передъ Думой. Г. Столыпинъ говорилъ «о полнотѣ своей власти» и о томъ, что больше этого не повторится, а между тѣмъ какъ разъ только что передъ этимъ въ Бѣлостокѣ произведенъ былъ ужасающій погромъ.

Казалось послѣ этого запроса, что министерство сильно пошат-

нулось и уже недалекъ былъ часъ его паденія. Но послѣдующіе отвѣты представителей власти на думскіе запросы говорили объ обратномъ. Правительство не смущалось этими запросами и ничуть не ослабляло своей политики. Даже смертныя казни, послѣ того какъ Дума признала ихъ простыми убійствами, не прекратились. Рѣшился выступать съ думской кафедры даже ген. Павловъ, главный военный прокуроръ, котораго Дума встрѣтила и проводила ужасными возгласами.

Запросы сыпались за запросами, занимая все больше и больше вниманія Думы, отвлекая ее отъ всякой другой работы. Отовсюду шли въ думу жалобы, отовсюду, со всѣхъ концовъ страны врывались въ залы Таврическаго дворца стоны страдающаго народа, а Дума въ безсиліи билась объ упорство исполнительной власти. Уже замѣчалось отчаяніе на лицахъ народныхъ представителей, чувствовалось уже, что долженъ наступить этому предѣлъ. Дума раскрыла черезъ своихъ депутатовъ преступленія Бѣлостокскаго погрома, пославъ ихъ на мѣсто этой ужасной трагедіи. Нѣсколько дней подрядъ тянулись дебаты по этому страшному дѣлу, и если перечитать рѣчи депутатовъ о немъ теперь, то покажется удивительнымъ, какъ могла выдержать власть такое страшное моральное униженіе. Вѣдь это былъ страшный обвинительный актъ, но власть все это выдержала. Въ это самое время генералъ Бауэръ благодарилъ приказомъ по войскамъ за усмиреніе Бѣлостока.

Борьба становилась все напряженнѣе, а результатовъ ея не было. Становилось очевиднымъ, что слова, самыя сильныя, самыя страстныя, безсильны и безполезны. «Трудовая группа» начала все отчетливѣе и энергичнѣе ставить вопросъ объ организаціи общественно-народныхъ силъ въ борьбѣ съ правительствомъ и въ нападкахъ на послѣднее не щадила энергіи и словъ. Но партія народной свободы все еще надѣялась на уступки и, какъ извѣстно, вела переговоры съ правительствомъ о думскомъ министерствѣ. Расколъ въ Думѣ становился неизбѣжнымъ. Въ рѣчахъ трудовиковъ все чаще слышались обращенія къ народнымъ массамъ за поддержкой Думѣ и угрозы народнымъ гнѣвомъ правительству. Въ рѣчахъ ораторовъ партіи народной свободы слышалась на этотъ счетъ значительно большая сдержанность. Кадеты по прежнему еще возлагали надежду на парламентскій способъ борьбы и отъ обращенія къ народу не ждали благопріятныхъ результатовъ.

Это различіе въ тактикѣ особенно рѣзко сказалось въ трехъ вопросахъ, въ вопросѣ объ организаціи мѣстныхъ комитетовъ для выясненія основныхъ положеній аграрной реформы, въ продовольственномъ вопросѣ и, наконецъ, въ самомъ крупномъ—въ значительной мѣрѣ послужившемъ и поводомъ къ роспуску Думы—это въ вопросѣ о разъясненіи Думой правительственнаго сообщенія 20 іюня по аграрному вопросу.

Внесеніе въ Думу законопроекта объ организаціи мѣстныхъ комитетовъ для выясненія аграрнаго вопроса трудовиками мотивировалось тремя соображеніями: необходимостью привлеченія самого народа къ участію въ разрѣшеніи аграрнаго вопроса ради ускоренія

его рѣшенія Думой, необходимостью привлеченія къ участію самого народа въ думской работѣ, какъ лучшаго способа успокоенія народныхъ массъ и наконецъ ради организаціи послѣднихъ для поддержки Думы.

Проэктъ трудовой группы о мѣстныхъ комитетахъ, имѣвшій въ виду всѣ три указанныхъ цѣли, былъ построенъ на началахъ образованія на мѣстахъ организацій выбранныхъ на основѣ всеобщаго избирательнаго права. Ясно было, что такіе комитеты, еслибы они осуществились, то стали бы своего рода мѣстными парламентами, и трудно было бы сказать, въ какомъ положеніи оказалась бы сама Госуд. Дума. Съ этой точки зрѣнія депутаты изъ партіи нар. свободы подвергли проэктъ трудовиковъ жестокой критикѣ, и онъ не былъ достаточно энергично поддержанъ даже самой трудовой группой.

Столь же энергичный порывъ къ организаціи народныхъ массъ проявился со стороны трудовой группы и по поводу продовольственнаго вопроса. Трудовики и с.-демократы предлагали передать продовольственное дѣло въ руки самого населенія: земствамъ и свободнымъ организаціямъ, министерству же не давать ни копѣйки. Но и въ данномъ случаѣ въ концѣ концовъ они сами пошли на уступки, согласившись только на контроль веденія продовольственнаго дѣла черезъ особо избранную думскую комиссію.

Эти два крупныхъ факта, въ которыхъ трудовая группа попыталась выступить съ практическими предложеніями организаціи народныхъ силъ, оказались неудачными, и большинству трудовиковъ пришлось пойти на уступки тактикѣ партіи народной свободы. Ясно было, что дѣйствительной силы не чувствовалось ни тутъ, ни тамъ.

Но вотъ третій серьезный моментъ, гдѣ уже и вся Гос. Дума или, правильнѣе сказать, въ огромномъ большинствѣ своемъ вступила на путь общенія съ народными массами и такъ сказать сошла съ дороги чисто парламентской тактики, которой она такъ долго старалась держаться. Случилось это довольно неожиданно. Въ засѣданіи Думы 26 іюня отъ имени 116-ти членовъ думы представленъ былъ запросъ министерству по поводу правительственнаго сообщенія 20 іюня объ аграрной реформѣ. Депутатъ Кузьминъ-Караваевъ, охарактеризовавъ это «сообщеніе» провокаціей, предложилъ обратиться къ населенію съ разъясненіемъ отъ лица Госуд. Думы о томъ, что въ правит. сообщеніи предложенія думы по аграрному вопросу изложены неправильно. Это предложеніе Думой было принято. И вотъ на этой то почвѣ разыгрался тотъ грозный конфликтъ между Думой и правительствомъ, который въ концѣ концовъ привелъ къ 8 іюля. Обсужденіе проэкта обращенія къ народу продолжалось 3 засѣданія. Трудовая группа настаивала на энергичной редакціи этого обращенія, видя въ немъ рѣшительный шагъ аппеляціи Думы къ народу. Партія народной свободы стремилась къ тому, чтобы это обращеніе было только разъясненіемъ, а не призывомъ. Но въ сущности и такая форма переходила тѣ рамки формальной законности, которыя были поставлены Думѣ закономъ 20 февраля и въ которыхъ все время пыталась она дѣйствовать. Смутно чувствовалось, что этотъ актъ не останется безъ тѣхъ или иныхъ послѣдствій, но положеніе было критическое. Депу-

татъ Кузьминъ-Караваевъ, представитель умѣренной партіи демократическихъ реформъ, говорилъ: «шагъ, который имѣетъ въ виду сдѣлать Госуд. Дума, исключительно важный. Онъ, не буду оспаривать, быть можетъ, не находитъ полнаго оправданія въ теоретическомъ конституціонализмѣ, но не въ этомъ дѣло. Мы живемъ не въ мирное время, не при нормальномъ теченіи государственной жизни, а въ такія минуты приходится нерѣдко дѣлать и рискованные шаги». Въ его же рѣчи ясно было указано, почему эти рискованные шаги были необходимы. «Гос. Дума обязана обратиться къ населенію, въ силу отвѣтственности лежащей на ней. Населеніе возлагало на Думу всѣ свои надежды. Но что же дальше. Въ теченіи двухъ слишкомъ мѣсяцевъ реальныхъ результатовъ ея работы почти нѣтъ. Причинъ много; не буду на нихъ останавливаться. Но населеніе иначе смотритъ; оно считаетъ или что намъ не даютъ дѣлать, или что не можемъ дѣлать». Депутатъ Николаевскій задавалъ вопросъ: «какъ же поступить дальше? Я думаю, что до сихъ поръ Гос. Дума въ теченіе двухъ мѣсяцевъ старалась мирными способами исполнить эти требованія народа, старалась оправдать его довѣріе и дать ему землю и волю. Но въ результатѣ этого явились только стенограммы, какъ нѣмые памятники таланта и знаній славянской расы». И. В. Жилкинъ какъ бы отвѣчалъ на вопросъ—какъ же поступать дальше? Онъ видѣлъ въ обращеніи Думы къ народу «только маленькій шагъ, первый изъ тѣхъ, которые предстоитъ намъ дѣлать въ дальнѣйшемъ», созданіе новой исполнительной власти, безъ чего безплодной была вся дѣятельность Думы, онъ ставилъ въ зависимость отъ успѣшности организованности народа около Думы.

Передъ Думой стоялъ сфинксъ-народъ, неясно было и отношеніе правительства, которое въ сущности тоже не знало, какъ отнесется народъ, если дума будетъ распущена.

Тотъ первый шагъ, о которомъ говорилъ Жилкинъ, и который, какъ первый, само собой разумѣлъ и послѣдующіе, такъ какъ одного шага было, очевидно, недостаточно для полученія поддержки со стороны народа, оказался роковымъ. Правительство рѣшилось на роспускъ Думы и этотъ актъ не встрѣтилъ сколько-нибудь рѣшительнаго и сильнаго протеста.

Какъ первый шагъ, какъ воспитательное средство — обращеніе Думы къ народу было для правительства слишкомъ опаснымъ, ибо за этимъ шагомъ послѣдовалъ бы второй, третій и «исполнительная власть должна была бы покориться законодательной». Этого Дума не разсчитала, да и не могла разсчитать, ибо съ одной стороны для нея, не ясна была рѣшимость правительства, тѣмъ больше не ясна была рѣшимость народа.

V.

Теперь, post factum, легко отнестись критически къ тому шагу, который былъ сдѣланъ первой Гос. Думой, легко осудить ее. Vae victis! Правда, конечно, что Дума не все разсчитала, преувеличивъ силы народнаго движенія. Но развѣ исторія не знаетъ случаевъ, когда пред-

ставители народа шли на рискованные шаги... и выигрывали ставку. Развѣ знали депутаты третьяго сословія въ 1789 г. 20 іюня, когда они поклялись въ мячевомъ залѣ не расходиться, что ихъ не разгонятъ и что они непремѣнно найдутъ поддержку въ народѣ?

Однако, было бы слишкомъ просто сказать, что разъ такіе случаи бывали и могутъ быть, то нѣтъ нужды и разсчитывать и предусматривать. Пораженіе первой Думы ясно показало, что безъ организованной поддержки ея народомъ она не могла добиться тѣхъ широкихъ цѣлей, которыя она поставила себѣ. Но понятіе организованной поддержки слишкомъ неясное, туманное, неопредѣленное. Во время подъема общественнаго настроенія народныя силы организуются въ моментъ самаго движенія и одерживаютъ побѣды безъ какихъ-либо особыхъ организацій. Въ то же время и организаціи не всегда и не при всѣхъ условіяхъ могутъ дать точный отвѣтъ народному представительству, готовъ ли народъ поддержать его въ извѣстный моментъ, или нѣтъ.

Наконецъ, само понятіе поддержки въ высшей степени относительно: поддержка активная и поддержка пассивная глубоко различны между собой. Если первая возможна только въ моментъ чрезвычайнаго подъема народнаго настроенія, то для второй требуется извѣстное общественно-политическое воспитаніе народныхъ массъ, а также и организація народныхъ силъ не только въ политическихъ партіяхъ, но и въ мѣстномъ самоуправленіи. Послѣднее намъ представляется особенно важнымъ, ибо только оно дѣйствительно можетъ служить прочной базой народнаго представительства, какъ постоянная, устойчивая организація, обладающая не только моральными, но и матеріальными средствами въ видѣ цѣлой сѣти мѣстныхъ учрежденій, охватывающихъ населеніе въ самыхъ близкихъ ему интересахъ, въ видѣ организаціи власти на мѣстахъ, начиная съ мелкой общины и кончая губерніей, въ видѣ тысячи способовъ, которыми эта власть можетъ содѣйствовать или противодѣйствовать центральной власти и ея силамъ и распоряженіямъ. Безъ сомнѣнія мѣстное самоуправленіе можетъ быть прочной базой народнаго представительства только тогда, когда оно построено на началахъ демократическихъ, на началахъ полноправнаго участія въ немъ всего населенія. Но прочность и силу народнаго представительства можно считать обезпеченными только тогда, когда будетъ демократическое самоуправленіе. До тѣхъ же поръ учрежденія народнаго представительства будутъ всегда неустойчивыми: при извѣстномъ настроеніи общественно-народныхъ силъ они могутъ быть сильными, при другомъ—могутъ терпѣть униженія и неудачи, вплоть до полнаго ихъ уничтоженія, съ тѣмъ, чтобы опять возрождаться и вновь вести борьбу съ абсолютизмомъ.

Дума умерла, да здравствуетъ Дума! Этотъ кличъ не разъ повторялся въ странѣ послѣ акта 8 іюля. И онъ—не пустой кличъ, ибо теперь, послѣ того, что пережила наша страна эа эти послѣдніе годы, идея народнаго представительства умереть не можетъ. Намъ предстоятъ можетъ быть еще многія потрясенія, народное представительство въ своихъ *формахъ* можетъ быть претерпитъ еще многія перемѣны. Но сама идея народнаго представительства уже глубоко за-

легла въ сердцѣ народномъ и реализовалась въ сознаніи народныхъ массъ. Достаточно вспомнить, что то широкое, общенаціональное движеніе, которое проявилось съ такой силой въ побѣдный 1905 годъ, всецѣло было проникнуто именно этой идеей. Различные слои населенія, различныя группы и классы облекали эту идею въ различныя формы, разумѣли въ ней различное содержаніе, но всѣ одинаково жили ею, всѣ сливались въ ней, всѣ видѣли спасеніе страны въ ней. А разъ это такъ, то дальнѣйшая общественно-политическая борьба становится уже борьбой за совершенство формъ народнаго представительства и за наиболѣе полную его реализацію. Первая Дума въ этомъ отношеніи была весьма несовершеннымъ аппаратомъ. Но она носила въ себѣ широкую общенаціональную идею въ смыслѣ того «духовнаго освобожденія націи», которое Вл. Соловьевъ сливалъ съ пріобщеніемъ къ общеевропейскимъ формамъ политической жизни и культуры. И въ этомъ ея великое значеніе.

Вас. Голубевъ.

Депутаты перваго призыва послѣ роспуска Государственной Думы.

27 апрѣля—9 іюля 1906 года — 72 дня работы первой Государственной Думы останутся навсегда въ памяти русскаго народа.

Измученная страна, только что пережившая кровавые ужасы реакціи, вздохнула свободнѣе въ эти короткіе дни существованія перваго русскаго парламента. Собранная Дума не положила, правда, конца насиліямъ и произволу, угнетавшему народъ, но она значительно сдерживала большихъ и малыхъ слугъ правительства, привыкшихъ никому не давать отчета въ своихъ дѣйствіяхъ. Всякій актъ произвола и насилія народъ доводилъ теперь до своихъ избранниковъ, къ нимъ аппелировалъ, на ихъ защиту надѣялся.

Народъ впервые послалъ своихъ представителей для участія въ законодательствованіи, впервые получилъ возможность открыто заявить свою волю, противопоставить ее волѣ самодержавной бюрократіи и съ глубокой вѣрой въ своихъ избранниковъ поручилъ отвоевать ему свободу и землю, вырвать власть изъ рукъ безотвѣтственнаго правительства и передать ее свободно избраннымъ народнымъ представителямъ.

Вспомнимъ торжественные проводы съ мѣстъ первыхъ народныхъ депутатовъ. Многотысячныя толпы народа напутствовали ихъ своими привѣтствіями, отправляя ихъ въ бой за «землю и волю», обѣщали имъ свою поддержку. Сколько вѣры было вложено въ произносившіяся тогда рѣчи, сколько гнѣва противъ ужасающаго произвола и издѣвательства властей, пережитыхъ народомъ, сколько надежды на начало новой свободной жизни въ странѣ!

И народные представители, дѣйствительно, явились выразителями гнѣва народа, они горячо защищали его интересы, они немедленно начали борьбу съ правительствомъ, крѣпко державшимся за, казалось, ускользающую изъ его рукъ власть.

Но съ первыхъ же шаговъ своей борьбы за осуществленіе народныхъ требованій депутаты встрѣтили непреодолимое препятствіе въ лицѣ бюрократіи, сохранившей фактически власть въ странѣ, опиравшейся на старые законы, на послушную ей администрацію и войско. Лишь опираясь на постоянную организованную поддержку массъ населенія, могли бы депутаты одолѣть это препятствіе. Много-

численные приговоры крестьянскихъ обществъ и рабочихъ, поступавшіе изъ самыхъ разнообразныхъ мѣстъ Россіи съ одобреніемъ первыхъ шаговъ депутатовъ въ Думѣ, укрѣпляли ихъ позицію и толкали ихъ впередъ, и чѣмъ дальше работала Дума, тѣмъ большій и большій кругъ населенія втягивался въ ея борьбу съ правительствомъ.

Работа Думы была прервана слишкомъ рано и внезапно, населеніе еще не было сорганизовано и не встало на защиту попранныхъ правъ своихъ.

Велика была вѣра въ Государственную Думу, сильно было разочарованіе въ ея безсиліи. Дума не завоевала власти, депутаты не въ силахъ были добыть народу «землю и волю», но работа Думы оставила глубокій слѣдъ въ русской жизни. Она раздвинула горизонтъ для широкихъ массъ населенія, научила ихъ связывать свои непосредственныя нужды съ общегосударственными. Все время работы Думы населеніе слѣдило за своими избранниками, а они, эти избранники, шагъ за шагомъ раскрывая населенію язвы правительственной системы и существующаго режима, ставили передъ массами цѣлый рядъ такихъ вопросовъ, которые раньше имъ были совершенно чужды. Рѣчи депутатовъ, отчеты о засѣданіяхъ Думы читались и обсуждались во всѣхъ, самыхъ глухихъ уголкахъ страны. За 72 дня работы Думы народъ выросъ политически, и работа мысли, начавшаяся въ массахъ въ этотъ періодъ, оставитъ глубокій слѣдъ въ народномъ міросозерцаніи.

Вліяніе Думы на массы росло, народъ могъ сорганизоваться вокругъ Думы, и тогда Дума пріобрѣла бы власть въ странѣ; но правительство боялось именно этого, и потому рѣшило прервать работу Думы.

Съ роспускомъ Думы 9-го іюля кончилась неприкосновенность депутатовъ, и правительство немедленно начало расплату съ депутатами, въ періодъ работы Думы причинившими ему столько непріятностей.

Одной изъ первыхъ заботъ правительства послѣ роспуска Думы было не допустить бывшихъ членовъ Думы къ общенію съ пославшимъ ихъ народомъ. Немедленно были приняты мѣры и разосланы соотвѣтствующимъ лицамъ секретные циркуляры о недопущеніи устройства митинговъ съ участіемъ бывшихъ членовъ Государственной Думы, а нѣсколько позднѣе министръ внутреннихъ дѣлъ предложилъ губернаторамъ и градоначальникамъ принять самыя рѣшительныя мѣры къ прекращенію «революціонной» дѣятельности бывшихъ членовъ Государственной Думы, разъѣзжающихъ по селеніямъ для общенія съ крестьянами.

Едва появлялся депутатъ въ своей губерніи, особенно депутатъ отъ крестьянъ, какъ за нимъ устанавливался самый тщательный надзоръ, мѣстныя полицейскія власти преслѣдовали его по пятамъ, устраняли всякую возможность свободнаго общенья съ населеніемъ. А между тѣмъ оно страстно желало слышать, что скажетъ вернувшійся изъ Петербурга депутатъ, жаждало знать, за что распущена Дума, въ которую было вложено столько надеждъ, требовало отчета отъ депутатовъ въ ихъ дѣятельности и отвѣта на то, что дѣлать, какъ быть дальше?

На этой почвѣ возникали всевозможные конфликты, и часто положеніе депутата было трагическое. Изъ мѣст. Грабова, напр., «Кіевскіе Отклики» сообщали: «Неоднократно мѣстные крестьяне обращались съ вопросами о роспускѣ Думы къ бывшему депутату Думы кр. Стефанюку, но послѣдній упорно молчалъ, отговариваясь незнаніемъ. Ни угрозы, ни ругательства крестьянъ не помогли. Наконецъ, на-дняхъ, когда толпа крестьянъ настойчиво приступила къ Стефанюку съ разспросами о Думѣ, а послѣдній отнѣкивался и не хотѣлъ отвѣчать, на него набросился съ бранью отставной фельдфебель и закричалъ: «Что же ты собачій сынъ, мы тебя выбрали, на наши гроши ты поѣхалъ, привезъ себѣ оттуда казны, а теперь молчишь! Мы тебѣ отобьемъ бока и покажемъ, какъ отвиливать отвѣтами передъ громадой!» Съ этими словами онъ бросился на Стефанюка и избилъ его палкой. Сотскіе еле отстояли депутата отъ раздраженной толпы» [1]).

Просьбы устроить собранія съ бывшими членами Думы встрѣчали повсюду отказъ, оставался одинъ путь — устраивать ихъ, не считаясь съ запрещеніемъ, но подобныя попытки кончались жестокой расправой, и не всякій рѣшался на это.

Вотъ что извѣстно изъ газетъ по этому поводу:

Въ Уральскѣ 20-го августа предполагалось устроить въ залѣ театра собраніе при участіи бывшаго члена Думы В. В. Недоноскова для доклада о дѣятельности Думы и о причинахъ ея роспуска. Собраніе не было разрѣшено мѣстными властями. Въ тотъ же вечеръ въ Пушкинскомъ залѣ было назначено собраніе мельничныхъ рабочихъ для обсужденія вопроса о профессіональномъ союзѣ, куда и стала стекаться публика изъ театра послѣ запрещенія. Изъ среды многочисленной толпы быстро былъ выбранъ представитель, который и отправился за Недоносковымъ, вскорѣ прибывшимъ на собраніе. Публика прибывала, рѣшено было перенести собраніе въ театръ, но и послѣдній не могъ вмѣстить всѣхъ собравшихся, много народу осталось на улицѣ. «Уральскій Дневникъ» такъ описываетъ послѣдующее: «Къ театру прибылъ наказной атаманъ, начавшій разъяснять публикѣ, что это собраніе незаконно и что разрѣшенія на него не было дано. Проникнуть внутрь зданія наказному атаману не удалось; докладъ былъ законченъ. По окончаніи доклада, публика, поднявъ на руки бывшаго члена Государственной Думы, съ пѣніемъ и криками «ура!», двинулась тысячной толпой по Б. Михайловской ул., по направленію къ Михайловскому собору. Казаки повернули въ другую сторону и скрылись. Полиціи также уже не было видно. Передъ Казанской церковью шествіе остановилось. Здѣсь была пропѣта «вѣчная память» погибшимъ борцамъ за свободу и «вы жертвою пали». Появились два красныхъ флага. Съ пѣніемъ «марсельезы», высоко поднявъ на руки своего депутата — толпа дошла до Старо-Михайловскаго собора и здѣсь былъ импровизированъ митингъ. Было произнесено нѣсколько рѣчей, послѣ чего шествіе повернуло обратно и съ пѣніемъ и криками «ура» донесло до квартиры своего депутата. Настроеніе публики

[1]) Цитир. по брошюрѣ Брусянина „Судьба первыхъ депутатовъ“ стр. 9.

было очень приподнятое. Долго еще собраніе не расходилось, долго еще раздавались пѣсни «свободы» и только, дойдя до арки Цесаревича, публика мирно и тихо разошлась по домамъ.

«Такое поведеніе гражданъ и депутата не понравилось наказному атаману, и онъ рѣшилъ дѣйствовать строго и энергично. 27-го августа былъ снова назначенъ митингъ на площади; прибывшій на митингъ Недоносковъ сообщилъ, что митингъ назначенъ на 29-ое и просилъ собравшихся разойтись. Не успѣли собравшіеся послѣдовать его предложенію, какъ вдругъ въ толпу врѣзались казаки. «Часть толпы, окружавшая Недоноскова, какъ сообщаетъ «Уральскій Дневникъ», принуждена была вмѣстѣ съ нимъ скрыться въ чайную об-ва трезвости, но это ихъ не спасло. Покончивъ съ разгромомъ толпы на площади, полиція бросилась къ чайной и начался «выводъ» оттуда и правыхъ и «виноватыхъ». Съ довольно высокой и крутой лѣстницы полицейскіе сильными ударами провожали по одному внизъ, здѣсь ихъ подхватывали и награждали новыми. Недоносковъ былъ сильно помятъ въ залѣ чайной, легко раненъ, затѣмъ сильно избитъ на лѣстницѣ и получилъ нѣсколько ударовъ уже на улицѣ, на глазахъ администраціи. Онъ былъ арестованъ и подъ конвоемъ отправленъ въ тюрьму, гдѣ фельдшеръ тюрьмы подалъ ему первую медицинскую помощь» [1]).

Значительная группа выборщиковъ г. Уральска обратилась къ военному губернатору Уральской области съ протестомъ по поводу расправы полиціи и казаковъ и съ прошеніемъ объ освобожденіи Недоноскова, незаслуженно лишеннаго свободы. «Его участіе въ митингѣ, писали они, было вызвано прямымъ настояніемъ населенія, пренебрегать требованіями котораго, онъ, какъ избранникъ народа, не имѣлъ никакихъ нравственныхъ оправданій». Но власти не обратили никакого вниманія на этотъ протестъ и рѣшили выслать В. В. Недоноскова за предѣлы Уральской области.

Въ слободѣ Ракитной Курской губ. во время базара большая толпа крестьянъ потребовала отъ бывшаго члена Государственной Думы Кутоманова ознакомить ихъ съ дѣлами Думы. Во время бесѣды явились 50 казаковъ и разогнали толпу. Квартира Кутоманова оцѣплена стражниками, наблюдающими, чтобы онъ не сообщался съ населеніемъ [2]).

9-го августа на ст. Дружкова к.-х.-сев. ж. д. распространилась вѣсть, что пріѣхалъ бывшій членъ Государственной Думы Михайличенко для сообщенія о засѣданіяхъ Думы. Въ нѣсколько минутъ собрались рабочіе съ семьями и другіе граждане мѣстныхъ поселковъ въ количествѣ до 4.000 чел.; при открытіи собранія препятствій со стороны полиціи не встрѣтилось, а передъ окончаніемъ вдругъ съ противоположной стороны появляется мѣстный надзиратель въ сопровожденіи казаковъ. Послѣ обращеннаго требованія «разойтись» (которое не всѣ могли слышать), минутъ черезъ 5 были даны черезъ рѣчку ружейные залпы, отъ которыхъ оказались двое смертельно

---

[1]) Цитир. по брошюрѣ Брусянина, стр. 33, 34 и 35.
[2]) Цитир. изъ „Право“ № 33, стр. 2655.

раненыхъ, двое тяжело раненыхъ (одинъ изъ нихъ скончался на другой день) и много легко раненыхъ (какъ подтверждаетъ одинъ изъ городовыхъ, всѣхъ пуль было выпущено 44). Павшія жертвы были подобраны и доставлены въ заводскую больницу. Надзиратель послѣ выстрѣловъ ретировался. Охрана изъ казаковъ на ст. Дружково стрѣляла по уходящему товарному поѣзду, съ которымъ уѣзжали рабочіе константиновскихъ заводовъ, пріѣзжавшіе послушать Михайличенко. Работы на Дружковскомъ заводѣ по постановленію рабочихъ были прекращены на однѣ сутки. На слѣдующій день состоялись похороны жертвъ, въ процессіи участвовало все населеніе, въ количествѣ не менѣе 10.000 [1]).

Въ Харьковской губ. бывшій членъ Государственной Думы Иваницкій за частную бесѣду съ крестьянами былъ окруженъ стражниками и обысканъ. Крестьяне разогнаны.

Серьезно могъ пострадать представитель Слободского уѣзда Вятской г. И. О. Кузнецовъ. По случаю пріѣзда депутата въ с. Коса собрался многочисленный митингъ. Населеніе хотѣло слышать докладъ депутата о дѣятельности Думы, но этому не суждено было случиться: отрядъ стражниковъ атаковалъ собравшихся и разогналъ митингъ. Стражники хотѣли раздѣлаться съ депутатомъ Кузнецовымъ, но вмѣсто него по роковой случайности былъ убитъ сосѣдъ И. О. Кузнецова. Послѣднему удалось скрыться [2]).

Такъ печально кончились попытки депутатовъ бесѣдовать съ населеніемъ. Лишь тайкомъ, скрываясь отъ полиціи и подъ защитой населенія, могли депутаты дать отчетъ народу о своей работѣ, разсказать ему о томъ, какъ была распущена Дума.

Начиная обзоръ правительственныхъ репрессій противъ бывшихъ членовъ Г. Д., прежде всего упомянемъ о трагической судьбѣ М. Я. Герценштейна, отдавшаго всѣ свои силы работѣ Государственной Думы и въ частности разрѣшенію сложнаго земельнаго вопроса въ Россіи. Теперь уже не тайна, кто были виновниками смерти Герценштейна, павшаго 18 іюля 1906 г. отъ руки безнаказанно скрывшагося убійцы. Разоблаченія, недавно появившіяся въ газетѣ «Рѣчь», и судебное разбирательство, недавно бывшее въ Финляндіи, вѣроятно, прольютъ свѣтъ на это мрачное дѣло, участники котораго по постановленію финляндскаго суда должны быть арестованы и теперь разыскиваются полиціей.

Мы не знаемъ, какъ скоро правосудіе скажетъ здѣсь свое послѣднее слово, но оно произнесло уже его по дѣлу другого депутата, Ѳ. М. Онипко, арестованнаго въ іюлѣ въ Кронштадтѣ и привлеченнаго къ суду за участіе въ матросскомъ матежѣ. 17 сентября временнымъ военнымъ судомъ Онипко приговоренъ къ лишенію всѣхъ правъ и ссылкѣ на поселеніе. Приговоръ этотъ, какъ не достаточно суровый, былъ обжалованъ ген. Павловымъ и лишь въ ноябрѣ вошелъ въ законную силу. Все это время Ѳ. М. Онипко находился въ заключеніи сначала въ Кронштадтѣ, затѣмъ въ Петербургѣ. Населеніе г. Ставрополя и

---

[1]) „Право“ № 35, стр. 2781

[2]) Брусянинъ, стр. 29.

многихъ селъ Ставропольской и Екатериносл. губ. неоднократно, но безрезультатно ходатайствовало объ освобожденіи своего любимаго депутата.

Аресты бывшихъ членовъ Г. Д. начались почти немедленно вслѣдъ за ихъ прибытіемъ на мѣста и вполнѣ понятно, почему многіе изъ депутатовъ предпочли не возвращаться домой, остаться въ Финляндіи или уѣхать за границу.

Іюльская и августовская хроника «Права» пестритъ извѣстіями объ арестахъ и обыскахъ бывшихъ членовъ Г. Д.

Въ іюлѣ въ Суджѣ былъ арестованъ И. Е. Соломко, только что прибывшій на родину.

Въ своей деревнѣ земскимъ нач. Масловымъ и гр. Горбовскимъ при помощи драгунъ и стражниковъ былъ арестованъ Сем. Петр. Кондращукъ и заключенъ въ Брестъ-Литовскую тюрьму.

Въ Воронежѣ арестованъ Д. Я. Медвѣдевъ и Я. А. Осадчій.

Въ Умани Кіевской губ. С. Р. Френкель, тотчасъ по прибытіи.

Въ селѣ Орловкѣ близъ Бердянска—С. П. Притула.

Въ Малоархангельскѣ арестованъ и заключенъ въ тюрьму М. Е. Кукановъ.

Въ Саратовѣ арестованъ М. Д. Кутомановъ; черезъ нѣсколько времени освобожденый, онъ вновь былъ арестованъ въ с. Ракитномъ Курской губ., куда только что успѣлъ пріѣхать.

Въ своей деревнѣ Путрышки близь Кальваріи арестованъ П. І. Витковскій и доставленъ драгунами въ Кальварскую тюрьму.

Въ Курскѣ арестованъ судебнымъ слѣдователемъ по важнѣйшимъ дѣламъ Г. Н. Шапошниковъ. Ходатайство объ освобожденіи его на поруки по болѣзни сначала было отклонено Харьковской Суд. Палатой, и Шапошниковъ былъ освобожденъ лишь много позднѣе (въ декабрѣ).

Въ Уральскѣ былъ арестованъ В. В. Недоносковъ.

Въ Опоченскомъ уѣздѣ близъ Варшавской губ. побитъ, отправленъ въ больницу и арестованъ І. В. Островскій.

Въ Малмыжѣ по распоряженію и. д. Вятскаго губернатора Горчакова арестованъ П. А. Садыринъ за устройство собесѣдованія съ крестьянами и заключенъ въ тюрьму на 3 мѣс. Желая сдѣлать заключенье для Садырина какъ можно тягостнѣе, губернаторъ при личномъ посѣщеніи Малмыжа приказалъ перевести его 12 сент. «какъ крестьянина» изъ тюрьмы въ арестное помѣщеніе при полиціи, попросту говоря, въ «клоповникъ», и держалъ его тамъ, пока не получилъ распоряженія высшей власти перевести его обратно въ тюрьму.

Въ бѣльскомъ уѣздѣ былъ арестованъ Т. О. Волковъ. «Жандармскій ротмистръ, какъ сообщала «Страна», ѣздившій въ то время съ карательнымъ отрядомъ по бѣльскому уѣзду, позволилъ себѣ по отношенію къ бывшему члену Г. Д. грубыя оскорбленія. По пріѣздѣ въ бѣльскую тюрьму жандармскій ротмистръ приказалъ держать его подъ самымъ строгимъ надзоромъ. Волкова посадили въ совершенно изолированную камеру, къ «волчку» двери поставили надзирателя, чтобъ онъ наблюдалъ, что дѣлаетъ заключенный. На прогулку не выпускали совершенно, ни книгъ, ни бумаги, ни другихъ письменныхъ

принадлежностей не дали. Каждый день камеру и самого заключеннаго тщательно обыскивали, причемъ рѣшетку выстукивали молоткомъ. Пищу, которую получалъ заключенный, крошили на мелкіе куски. И такимъ образомъ пришлось просидѣть Волкову почти мѣсяцъ. Изъ бѣльской тюрьмы онъ былъ перевезенъ въ вяземскую тюрьму, гдѣ вмѣстѣ съ заключенными пережилъ голодовку. 13 ноября жандармскій генералъ Громыко предъявилъ ему обвиненіе по 129 ст. улож. о наказ. Сущность обвиненія сводится къ тому, что Волковъ въ бѣльскомъ уѣздѣ въ началѣ іюня безъ разрѣшенія начальства устроилъ нѣсколько крестьянскихъ митинговъ, на которыхъ читалъ докладъ о Госуд. Думѣ, возбуждающаго свойства, чѣмъ способствовалъ развитію аграрныхъ безпорядковъ въ уѣздѣ. Въ числѣ вещественныхъ доказательствъ фигурируетъ стенографическій отчетъ о дѣятельности Думы, читанный на митингѣ. На просьбу освободить Волкова подъ надзоръ полиціи или на поруки послѣдовалъ отказъ, и на прощанье генералъ сказалъ Волкову, что даже, если судъ его оправдаетъ, онъ не потерпитъ его въ Смоленской губ. и вышлетъ въ Закаспійскій край.

Въ Маріуполѣ арестованъ И. И. Лысенко, обвиняемый покровскими крестьянами въ подстрекательствѣ противъ правительства и нападкахъ на губернатора. Лысенко былъ освобожденъ только въ январѣ.

Въ Тамбовѣ арестованъ В. Т. Окуневъ, по сообщенію «Русскаго Слова» арестованъ воронежскій депутатъ Торшинъ, въ Петербургѣ былъ арестованъ И. И. Субботинъ.

И. В. Тарасенко, депутатъ глуховскаго уѣзда жилъ на нелегальномъ положеніи, чтобъ избѣжать ареста; полиція во что бы то ни стало рѣшила арестовать его. Не найдя И. В. Тарасенко, полиція арестовала его младшаго брата и заявила престарѣлымъ родителямъ, что будетъ держать его «заложникомъ», пока не будетъ отысканъ преслѣдуемый депутатъ. 27 сент. арестованъ былъ и И. В. Тарасенко и препровожденъ въ тюрьму въ Кролевецъ.

12-го августа за организацію митинга въ родной своей деревнѣ Осиповкѣ былъ арестованъ депутатъ Брянскаго уѣзда И. С. Бибиковъ и привезенъ въ арестантскомъ вагонѣ вмѣстѣ съ уголовными въ Орелъ, гдѣ и водворенъ въ исправительныя арестантскія отдѣленія.

Крестьяне были такъ оскорблены и раздражены арестомъ своего депутата, что его боялись отправить съ ближайшей станціи и увели подъ конвоемъ на слѣдующую станцію верстъ за 30.

Мѣстами народъ отстоялъ своихъ депутатовъ и не допустилъ ихъ ареста: такъ было, напримѣръ, въ Корсунѣ, гдѣ бывшему депутату Матвѣеву прокуроръ объявилъ, что онъ, за подписаніе выборгскаго воззванія къ народу, арестовывается. Матвѣева повели въ тюрьму, тогда рабочіе фабрики Бѣлоусова толпой въ нѣсколько сотъ человѣкъ вырвали изъ рукъ полиціи своего избранника, и Матвѣевъ нѣсколько дней находился на фабрикѣ подъ охраною рабочихъ.

Отстояли своего депутата и жители Камышина, когда мѣстная полиція хотѣла арестовать Я. Е. Дитца, обвинявшагося «въ распространеніи въ своемъ имѣніи изданій преступнаго содержанія, возбуждающихъ къ ниспроверженію существующаго общественнаго строя». Узнавъ

объ обыскѣ у Я. Е. Дитца, горожане стали быстро собираться къ его дому, ударили въ набатъ и быстро около дома было не менѣе 2—3 тысячъ человѣкъ, посылавшихъ угрозы по адресу блюстителя порядка. Простоявъ около дома часа два, горожане открыли митингъ, крыльцо дома превратилось въ трибуну, начались рѣчи на современныя политическія темы. Мѣстная полиція не рѣшилась арестовать Я. Е. Дитца, и высшее начальство ограничилось предписаніемъ о домашнемъ арестѣ Дитца, и съ него взята была подписка о невыѣздѣ.

Не удалась и попытка полиціи арестовать депутата Пензенской губ. В. Ѳ. Врагова. 30-го іюля въ с. Каменкѣ Нижнеломовскаго уѣзда, какъ сообщаетъ «Право», послѣ богослуженія въ мѣстной церкви, крестьяне во главѣ съ бывшимъ депутатомъ Враговымъ просили священника отслужить панихиду по бывшемъ членѣ Г. Д. М. Я. Герценштейнѣ. Просьба была исполнена. Это дошло до свѣдѣнія властей, въ Каменку явились исправникъ, становой, стражники и солдаты. Враговъ былъ арестованъ и отправленъ въ имѣніе Воейковой, гдѣ и помѣщенъ былъ въ конторѣ подъ надзоромъ. Въ квартирѣ его былъ произведенъ обыскъ.

Каменцы страшно взволновались, моментально собралась огромная толпа, полетѣли гонцы во всѣ сосѣднія деревни, ударили въ набатъ, который гудѣлъ все время, не переставая. Со всѣхъ сторонъ сбѣгался народъ, и скоро толпа въ нѣсколько тысячъ направилась къ имѣнію Воейковой, освободила Врагова, котораго торжественно понесла на рукахъ съ красными флагами и пѣніемъ марсельезы. Набатъ продолжалъ гудѣть, сзывая народъ, который стекался изъ ближайшихъ деревень. На площади образовался грандіозный митингъ, принявшій рѣшеніе освободить политическихъ арестантовъ, которыхъ должны были провозить въ поѣздѣ ж. д. Но поѣздъ уже прошелъ. Толпа направилась къ имѣнію Воейковой; испугавшійся исправникъ заявилъ, что онъ и не думалъ арестовывать Врагова, а хотѣлъ съ нимъ лишь поговорить. Была постановлена резолюція, въ которой народъ предупреждалъ власти, что онъ не отвѣчаетъ за послѣдствія, если арестъ повторится. 1-го августа въ Каменку прибылъ Пензенскій вице-губернаторъ и жандармскій офицеръ въ сопровожденіи большой стражи. Былъ отданъ новый приказъ объ арестѣ Врагова. Вновь загудѣлъ набатъ, и стала сбѣгаться толпа. На замѣчаніе исправника: «вмѣшиваться въ дѣла начальства не слѣдуетъ», въ полицію полетѣлъ градъ камней. При возгласахъ: «не выдадимъ своего выбраннаго», исправникъ былъ смертельно раненъ и затѣмъ добитъ его же саблей, выхваченной изъ ноженъ.

На слѣдующій день въ Каменку былъ отправленъ карательный поѣздъ, выѣхалъ Пензенскій губернаторъ, началось усмиреніе при помощи казаковъ, закончившееся многочисленными арестами.

Въ Кременцѣ по распоряженію Волынскаго губернатора былъ арестованъ А. Г. Фурманъ.

Въ Чистополѣ Казан. губ. Гарифъ Бадамшинъ и тамъ же только что оправданный судебной палатой по обвиненію въ 132 ст. М. И. Герасимовъ.

Ненадолго былъ арестованъ Ф. И. Иваницкій и освобожденъ подъ залогъ въ 500 руб.

До сихъ поръ не удалось добиться освобожденія С. П. Кондрашука (Гродн. губ.), арестованнаго по обвиненію «въ подстрекательствѣ къ безпорядкамъ» по 129 ст.

Наконецъ рядъ депутатовъ должны были жить на нелегальномъ положеніи или за границей, не рѣшаясь возвратиться домой, гдѣ были бы немедленно арестованы, это — по преимуществу трудовики и соціал-демократы: С. В. Аникинъ, И. И. Рамишвили, домъ котораго въ селѣ Суреба былъ оцѣпленъ казаками, но депутата не было дома; по распоряженію властей, онъ долженъ былъ быть сосланъ на 3 года въ Тобольскую губернію, но избѣгъ этой участи; департаментъ полиціи еще въ сентябрѣ сдѣлалъ распоряженіе объ арестѣ М. И. Михайличенко, но онъ до сихъ поръ находится на свободѣ, З. И. Выровой, скрываясь отъ преслѣдованій, уѣхалъ за границу и только послѣ двухъ мѣсяцевъ скитанья вернулся въ Россію. Пермскій депутатъ И. И. Антоновъ заболѣлъ тяжкой нервной болѣзнью на почвѣ полицейскаго преслѣдованія; депутаты С. С. Крымъ и А. Г. Сипягинъ не рѣшаются вернуться въ Симферополь а П. Ф. Бѣлоусовъ—въ Глазовскій уѣздъ Вят. губ. опасаясь ареста; полиція разыскивала въ Каменецъ-Подольскѣ И. К. Заболотнаго, а теперь онъ высланъ изъ предѣловъ Подольской губ., С. Я. Тумбусовъ высланъ изъ предѣловъ Вятской губ., В. И. Ишерскій изъ предѣловъ Семипалатинской обл., Ф. И. Иваницкій изъ Харьковской губ., Д. И. Назаренко высылаютъ на жительство въ Ново-Сенаки Кутаисской губ. «за агитацію среди крестьянъ». Крестьяне же приговорами удостовѣряютъ, что агитаціи не было.

Обыскъ былъ произведенъ у многихъ депутатовъ и почти всегда безъ всякихъ результатовъ: въ г. Вольскѣ у С. И. Бондарева, въ Опочецкомъ уѣздѣ у І. В. Островскаго, въ Тифлисской губ. у И. И. Рамишвили, въ д. Ляпино (Новгор. губ.) у Д. В. Васильева, въ Москвѣ у Комиссарова, въ м. Вязовкѣ—у крестьянина Л. С. Литвина, въ Петербургѣ—у Л. М. Брамсона, въ Вятск. губ.—у И. Н. Овчинникова, въ Бессарабіи—у Ф. А. Сеффера, во Владимірѣ—у Черносвитова, въ Казани—у М. Н. Герасимова и П. А. Ершова, въ Орловской губ.—у Д. И. Зайцева, въ Харьковской губ.—у. М. М. Ковалевскаго и А. Ф. Грабовецкаго, въ Лубнахъ—у В. М. Шмита, въ Кіевѣ—у Локтя.

Пострадали и оба члена Гос. Думы—священники, подписавшіе Выборгское воззваніе, а въ Госуд. Думѣ обличавшіе произволъ правительства и смѣло защищавшіе интересы народа.

Новочеркасская Духовная Консисторія постановила лишить сана свящ. К. Афанасьева и заключить его въ монастырь. За отказъ отправиться въ Кременскій монастырь свящ. Афанасьевъ былъ арестованъ. Святѣйшій Синодъ запретилъ свящ. Н. Огневу священнослуженіе.

Прихожане хутора Тармосина, гдѣ былъ священникомъ К. Афанасьевъ, посылали въ Святѣйшій Синодъ два раза просьбу о возстановленіи его въ правахъ и о возвращеніи его на мѣсто прежняго служенія. Прихожане Троицкой церкви г. Яранска, гдѣ былъ священникомъ Н. Огневъ, посылали телеграмму на имя предсѣдателя Совѣта министровъ П. А. Столыпина, протестуя противъ распоряженія Свя-

тѣйшаго Синода, какъ незаконнаго, и прося о снятіи запрещенія, лишившаго ихъ любимаго пастыря. И то, и другое ходатайство остались безъ послѣдствій.

Многіе изъ бывшихъ членовъ Госуд. Думы, возвратившись на мѣста, лишены были возможности занять прежнія должности; частью по неблагонадежности, частью какъ лица, привлеченныя къ отвѣтственности за подписаніе Выборгскаго воззванія, они были устранены администраціей. Бывшій депутатъ отъ Пензен. губ. М. С. Киселевъ лишился мѣста начальника почтово-телеграфной конторы, которое онъ занималъ ранѣе болѣе 20 лѣтъ, бывшіе депутаты В. А. Масловъ, М. К. Гудилинъ и В. А. Харламовъ лишены были возможности продолжать свою педагогическую дѣятельность, инспекторъ народныхъ училищъ, елабужскій депутатъ В. С. Нечаевъ былъ переведенъ въ другую губернію, народный учитель, Глазовскій депутатъ П. Ф. Бѣлоусовъ не рѣшается даже явиться домой, такъ какъ его тамъ ожидаетъ полиція; бывшій членъ Думы отъ Кіевской губ. Г. Л. Зубченко по распоряженію Кіевскаго губернатора былъ уволенъ отъ должности волостного старшины, бывшій депутатъ Думы отъ рабочихъ г. Казани, П. А. Ершовъ, по телеграммѣ военнаго министра, уволенъ изъ числа служащихъ порохового завода; Я. А. Гужовскій (членъ Думы отъ Черн. губ.) былъ уволенъ отъ должности земскаго страхового агента.

Какъ подписавшіе Выборгское воззваніе устранены отъ должностей: П. П. Толстой (членъ Уфим. Губ. Зем. Управы), В. Н. Родаковъ (предсѣд. Лугск. Уѣзд. Зем. Управы), М. А. Квасковъ (въ Смоленскѣ отъ должности врача) С. Р. Френкель (въ Умани—отъ должности завѣдующаго больницей) Моревъ на Кавказѣ (отъ должности агронома), И. Х. Зіатхановъ (отъ должности тов. прок. Елисаветгр. окр. суда) С. Д. Урусовъ, А. С. Ломшаковъ, А. Н. фонъ-Рутценъ, Ф. Р. Штейнгель, Д. А. Скульскій и Н. И. Метальниковъ временно устранены отъ должности почетныхъ мировыхъ судей впредь до окончанія возбужденнаго противъ нихъ дѣла, Ростовцевъ—отъ должности Воронеж. город. головы.

Подписаніе Выборгскаго воззванія было поводомъ для цѣлаго ряда преслѣдованій противъ бывшихъ членовъ Госуд. Думы. Еще до окончательнаго постановленія судебныхъ установленій о возбужденіи дѣла по обвиненію ихъ по 129 ст. уг. ул. дворянскія собранія нѣсколькихъ губер. (Курской, Ярославской, Кишиневской и др.) возбудили вопросъ объ исключеніи изъ состава дворянъ бывшихъ членовъ Госуд. Думы, подписавшихъ Выборгское воззваніе, позднѣе же, когда вопросъ о привлеченіи подписавшихъ воззваніе къ дѣлу былъ рѣшенъ, послѣдовали и другія преслѣдованія.

20-го октября 1906 г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ разослалъ губернаторамъ, начальникамъ областей и градоначальникамъ слѣдующій циркуляръ: «Прокуроръ С.-Петерб. Судеб. Палаты сообщилъ министру внутреннихъ дѣлъ въ копіи состоявшееся 22-го августа сего года постановленіе судебнаго слѣдователя Спб. Окр. Суда по важнѣйшимъ дѣламъ о привлеченіи къ слѣдствію по составленію въ городѣ Выборгѣ получившаго распространеніе воззванія, озаглавленнаго: «Народу отъ народныхъ представителей» въ качествѣ обвиняемыхъ въ

преступленіи предусмотрѣнномъ ст. 51 и п. 3, ч. I ст. 129 уг. ул. 180 бывшихъ членовъ Государст. Думы, переименованныхъ въ спискѣ при семъ прилагаемомъ».

Привлечены къ судебной отвѣтственности были 180 бывшихъ членовъ Государственной Думы, присутствовавшихъ въ Выборгѣ и тамъ же подписавшихъ воззваніе, какъ участники въ составленіи его: А. Айвазовъ, С. Алкинъ, А. Андреевъ, И. Антоновъ, священникъ К. Афанасьевъ, А. Ахтямовъ, А. Бабичъ, Х. Богатуровъ, С. Балаханцевъ, В. Балясниковъ, I. Баратовъ, С. Бондаревъ, Н. Бородинъ, Л. Брамсонъ, А. Бремеръ, Г. Брухъ, И. Бугровъ, Ф. Бусловъ, П. Быстровъ, И. Бычковъ, Букейхановъ, М. Винаверъ, П. Витковскій, В. Вихоревъ, А. Возовикъ, А. Волковичъ, Т. Волковъ, В. Враговъ, З. Выровой, А. Вязловъ, И. Галецкій, К. Геллатъ, М. Герценштейнъ, И. Гомартели, Н. Гредескулъ, М. Гудилинъ, М. Деларю, С. Джантюринъ, С. Джапаридзе, Я. Дитцъ, П. Долгоруковъ, М. Дьяченко, П. Дюмаевъ, Н. Езерскій, С. Ермолаевъ, П. Ершовъ, И. Жилкинъ, Н. Жорданія, И. Заболотный, И. Замысловъ, М. Земцовъ, I. Зіатхановъ, Г. Зубченко, Ф. Иваницкій, Я. Имшенецкій, В. Ишерскій, А. Исуповъ, Р. Іоллосъ, П. Кальяновъ, В. Карандашевъ, Н. Каценельсонъ, М. Квасковъ, Ф. Кокошкинъ, С. Котляревскій, Н. Ковалевскій, С. Колокольниковъ, Л. Комиссаровъ, Константиновъ, С. Корнильевъ, П. Крыловъ, Ф. Крюковъ, I. Кубилисъ, И. И. Кузнецовъ, И. О. Кузнецовъ, М. Кутомановъ, Е. Кедринъ, Д. Куликовъ, И. Лаврентьевъ, В. Лебедевъ, Г. Линтваревъ, А. Ледницкій, М. Литвиновъ. Т. Локоть, А. Ломшаковъ, Л. Лопасъ, В. Лунинъ, И. Лысенко, А. Макушинъ. М. Масленниковъ, А. Масловъ, П. Матвѣевъ, А. Медвѣдевъ, Н. Метальниковъ, Н. Миклашевскій, Б. Микѣшинъ, Н. Моревъ, М. Михайличенко, С. Муромцевъ, А. Мухановъ, В. Набоковъ, Д. Назаренко, В. Недоносковъ, К. Некрасовъ, Т. Нестеренковъ, В. Нечаевъ, Н. Николаевскій, П. Новгородцевъ, В. Обнинскій, В. Оболенскій, И. Овчинниковъ, священникъ Н. Огневъ, Н. Огородниковъ, В. Окуневъ, Н. Онацкій, Ѳ. Онипко, Л. Остроносовъ, Л. Петражицкій, К. Теръ-Петросянцъ, И. Петрункевичъ, М. Петрункевичъ, А. Поповъ, С. Притула, Д. Протопоповъ, В. Родаковъ, И. Рамишвили, В. Роговъ, С. Розенбаумъ, Н. Ромашевъ, П. Ростовцевъ, А. фонъ-Рутценъ, С. Рыжковъ, Н. Савельевъ, П. Садыринъ, П. Сафоновъ, Н. Семеновъ, Ф. Сефферъ, Л. Сицинскій, Д. Скульскій, А. Смирновъ, И. Соломко, В. Строгоновъ, Т. Сѣдельниковъ, С. Таранъ, Г. Твердый, Я. Теннисонъ, Л. Тесля, А. Токарскій, П. Толстой, А. Топчибашевъ, Л. Туманянъ, С. Тумбусовъ, Г. Ульяновъ, С. Урусовъ, А. Ушаковъ, В. Федоровскій, З. Френкель, С. Френкель, Я. Хартахай, А. Хоментовскій, А. Хрущевъ, С. Церетели, П. Цѣлоусовъ, И. Чакете, П. Чижевскій, В. Чурюковъ, Г. Шапошниковъ, Д Шаховской, А. Шемякинъ, Г. Шершеневичъ, М. Шефтель, Н. Ширковъ, Е. Шольпъ, И. Шрагъ, Ѳ. Штейнгель, И. Шуваловъ, Е. Щепкинъ, В. Якушкинъ, В. Яновскій, Л. Яснопольскій, В. Якубсонъ.

Вскорѣ послѣ этого послѣдовалъ рядъ распоряженій губернаторовъ и градоначальниковъ объ устраненіи привлеченныхъ къ суду бывшихъ членовъ Государственной Думы, отъ занимаемыхъ ими общественныхъ должностей, объ исключеніи ихъ изъ состава гласныхъ

губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ собраній и городскихъ думъ, изъ списковъ избирателей въ Государственную Думу и, наконецъ, объ устраненіи нѣкоторыхъ отъ редакторства газетъ и даже изъ состава присяжныхъ повѣренныхъ.

Нѣкоторыя изъ дворянскихъ собраній помимо того дѣлали постановленія объ исключеніи ихъ изъ состава дворянскихъ обществъ.

По сообщеніямъ газетъ распоряженія эти мѣстами встрѣчали отказъ со стороны земствъ и городскихъ думъ (Тверская Управа, Спб. Городская Дума, Могилевская Городская Дума, Костром. губ. зем. собр., Курское губ. зем. собр., Казан. сов. прис. пов.), но въ большинствѣ случаевъ, распоряженія эти не вызывали протеста. Ничѣмъ не оправдываемую нетерпимость къ бывшимъ членамъ Государственной Думы, подписавшимъ выборгское воззваніе, проявили нѣкоторыя дворянскія собранія, по собственному почину исключивъ ихъ изъ состава дворянскихъ обществъ.

Только одно Костромское Дворянское Собраніе протестовало противъ этого, включивъ въ свою среду нѣкоторыхъ изъ бывшихъ членовъ Государственной Думы дворянъ, исключенныхъ другими собраніями. По свѣдѣніямъ газетъ были исключены изъ состава земскихъ и думскихъ гласныхъ: И. и М. Петрункевичъ, Л. Медвѣдевъ, В. Обнинскій, С. Урусовъ, М. Комиссаровъ, М. Квасковъ, В. Лебедевъ, А. Поповъ, В. Оболенскій, Т. Локоть, Н. Ростовцевъ, А. Хрущовъ, А. Токарскій, Н. Семеновъ, Е. Кедринъ, Д. Шаховской, К. Некрасовъ, Д. Скульскій, З. Френкель, Г. Твердый, И. Чакете, С. Муромцевъ, М. Деларю, Ф. Иваницкій, Н. Ковалевскій, М. Линтваревъ, П. Чижевскій, А. Мухановъ, И. Шрагъ, Т. Локоть, Л. Смирновъ, П. Долгоруковъ, А. фонъ-Рутценъ, В. Якушкинъ, Н. Ширковъ, П. Куриленко. Изъ состава общественныхъ учрежденій, состоящихъ въ вѣдѣніи министерства въ зап. краѣ исключены Л. Брамсонъ, Л. Лопасъ, и І. Кубилисъ.

Изъ списковъ избирателей въ Государственную Думу исключены: П. Сафоновъ, З. Френкель, А. Алкинъ, П. Ершовъ, А. Ледницкій, П. Новгородцевъ, С. Котляревскій, П. Долгоруковъ, Н. Метальниковъ, В. Обнинскій, Д. Шаховской, К. Некрасовъ, Д. Скульскій, Н. Бородинъ, Л. Брамсонъ, Л. Ломшаковъ, С. Муромцевъ, Л. Шефтель, И. Антоновъ, В. Окуневъ, А. Поповъ, Н. Семеновъ, Л. Смирновъ, В. Яновскій. Объ исключеніи остальныхъ изъ 180 депутатовъ, привлеченныхъ по 129 ст., не было извѣстій въ газетахъ, но вѣроятно никто изъ нихъ не будетъ допущенъ къ выборамъ. Отъ редакторства газетъ устранены: Я. Теннисонъ (ред. Postimius въ Юрьевѣ), В. Оболенскій (Симферополь ред. «Жизнь Крыма») и Ш. Левинъ (Вильна ред. «Das jüdische Volk»).

Изъ состава присяжныхъ повѣренныхъ исключены: А. Ахтямовъ и С. Розенбаумъ.

Изъ состава дворянскихъ обществъ исключены: С. Муромцевъ, М. Деларю, Н. Ковалевскій, Линтваревъ, В. Родаковъ, Н. Метальниковъ, В. Микѣшинъ, В. Обнинскій, С. Урусовъ, П. Долгоруковъ, А. фонъ-Рутценъ, В. Якушкинъ, Н. Ширковъ, Л. Сицинскій, В. Яновскій.

Укажемъ еще на то, что нѣкоторые изъ бывшихъ членовъ Государственной Думы были привлечены къ судебной отвѣтственности, такъ Г. Шапошниковъ, В. Недоносковъ, М. Кутомановъ, Я. Дитцъ, С. Притула, П. Ершовъ, Д. Медвѣдевъ, М. Квасковъ и Герасимовъ, С. Френкель по обвиненію въ распространеніи литературы, В. Роговъ, Н. Езерскій и Т. Ивановъ за произнесеніе рѣчей о Государственной Думѣ среди крестьянъ, И. Корсаковъ—за подстрекательство къ неплатежу податей (дѣло прекращено), А. Тесля—обвиняется по 9 дѣламъ (129 ст.), какъ редакторъ «Крестьянскаго Депутата».

Мы перечислили, вѣроятно, далеко не всѣ преслѣдованія, постигшія «депутатовъ перваго призыва», но и сказанное достаточно характеризуетъ, какъ далеко простиралась ихъ «неприкосновенность». Многіе изъ наиболѣе энергичныхъ и видныхъ депутатовъ первой Думы устранены отъ участія въ выборахъ и народъ, выражавшій много разъ имъ свое сочувствіе, не сможетъ вновь остановить на нихъ свой выборъ, посылая депутатовъ во вторую Думу. Вторая Дума лишена будетъ такимъ образомъ возможности воспользоваться непродолжительнымъ, но богатымъ личнымъ опытомъ первыхъ народныхъ представителей, такъ какъ, вѣроятно, лишь немногіе изъ нихъ вновь будутъ въ рядахъ «депутатовъ второго призыва».

Второй Думѣ предстоитъ трудная и отвѣтственная задача—задача добиться преобразованія всего государственнаго строя страны—выполнить ее она сможетъ лишь при дружной поддержкѣ всего народа. Пожелаемъ же ей плодотворной творческой работы.

Л. Купріянова.

Памяти М. Я. Герценштейна.

Безконечная полоса глинистой проселочной дороги, по обѣ стороны окопанной канавами. Дождливо и грязно. По дорогѣ, и по обѣ стороны дороги, за канавами, движется пестрая длинная лента: молодежь въ мундирахъ высшихъ учебныхъ заведеній и въ косоворотокахъ, барышни курсистскаго типа. Развѣваются красныя знамена, строго и мрачно звучитъ русская похоронная марсельеза. На рукахъ у молодежи колышется гробъ; его несутъ въ послѣднее убѣжище на чужой землѣ юные энтузіасты. Въ гробу лежитъ первая жертва наемныхъ убійцъ изъ «союза русскаго народа»—навѣки памятный отнынѣ русскому народу безъ ковычекъ, за народъ сложившій свою умную голову, депутатъ партіи народной свободы, М. Я. Герценштейнъ.

Эта картина неотвязно преслѣдуетъ меня всякій разъ, какъ я думаю теперь о дорогомъ покойникѣ. Какая странная смѣсь! «Истинно-русскіе» убійцы—и измученный жизнью еврей, революціонная марсельеза, вмѣсто православныхъ пѣснопѣній, надъ могилой умѣреннѣйшаго мыслителя, волей исторіи ставшаго защитникомъ радикальнѣйшей изъ соціальныхъ реформъ. И весь этотъ кусокъ русской исторіи въ одинъ изъ самыхъ хаотическихъ ея моментовъ, перенесенный какимъ-то чудомъ на методическую и аккуратную финляндскую почву...

И мнѣ вспоминаются другія минуты нашего долгаго знакомства съ покойнымъ Михаиломъ Яковлевичемъ; роясь въ воспоминаніяхъ, я ищу въ нихъ ключа къ этой странной русской процессіи на финляндской землѣ. Ищу и нахожу наконецъ, и вся памятная, грустная картина обливается какимъ-то мягкимъ, успокоивающимъ свѣтомъ. Помню, я пришелъ къ нему когда-то въ Москвѣ въ его домъ съ проектомъ, въ которомъ ему я отводилъ центральное мѣсто. Замышлялась газета, и я зналъ, что Михаилъ Яковлевичъ способенъ и можетъ стать душой идейнаго газетнаго предпріятія; зналъ, что много лѣтъ онъ мечталъ объ этомъ, а его друзья мечтали о его участіи въ подобномъ дѣлѣ; зналъ, что еще недавно передъ тѣмъ дѣло чуть-чуть не наладилось. И мнѣ казалось, что стоитъ мнѣ заговорить о новомъ нашемъ проектѣ, и я найду у М. Я. готовое рѣшеніе,—примкнуть и помочь,—а ужъ если Герценштейнъ приметъ участіе въ дѣлѣ, тогда дѣло можно считать выиграннымъ...

Михаилъ Яковлевичъ выслушалъ меня, мягко, дружелюбно, спокойно, и чѣмъ дольше слушалъ, тѣмъ становился грустнѣе. Да, это была любимая мечта; но теперь она встрѣтилась съ другимъ любимымъ дѣломъ, съ мечтой цѣлой жизни, которая только-что начинала осуществляться и уже успѣла поглотить все вниманіе Михаила Яковлевича. Этой *самой* любимой мечтой была профессура, отъ которой грубо и безжалостно оттолкнулъ когда-то молодого Герценштейна ректоръ Боголѣповъ, и къ которой теперь, многое перенеся и переживъ, онъ возвращался зрѣлымъ, остывшимъ, накопившимъ сокровища опыта въ придачу къ прежнему энтузіазму и къ солидной теоретической подготовкѣ. Золотая мечта юности, наконецъ, осуществлялась, и Герценштейнъ предался преподаванію со страстью, съ увлеченіемъ: онъ точно спѣшилъ наверстать потерянное время; онъ любилъ въ своей работѣ—свою молодость, свой идеализмъ, свою первую любовь. Съ первыхъ словъ, я понялъ, что мое дѣло проиграно, и что мое газетное предложеніе только поднимаетъ съ глубины души М. Я. всю горечь—не во время пришедшей удачи, послѣ долгихъ годовъ безплодныхъ ожиданій. Я понялъ сразу, почему Герценштейнъ-газетчикъ долженъ былъ уступить мѣсто Герценштейну-мыслителю и профессору, и сразу съ этимъ примирился. Съ своимъ тонкимъ умомъ, глубокимъ знаніемъ жизни и теоріи, съ своей любовью къ анализу, спокойнымъ темпераментомъ и горячимъ сердцемъ, Герценштейнъ былъ ученымъ и учителемъ молодежи—по призванію, хотя могъ бы быть и блестящимъ публицистомъ.

Прошло немного времени, и послѣ меня къ *профессору* Герценштейну, еще не успѣвшему насладиться прелестью живого общенія съ серьезной молодежью, пришли другіе люди. Они были настойчивѣе меня, потому что ихъ дѣло было важнѣе. Во имя родины они требовали, чтобы спокойный ученый превратился въ смѣлаго и открытаго защитника «народной свободы», на самой опасной изъ ея позицій—аграрной реформы. Отъ Герценштейна требовали жертвы, самой тяжелой, которую можно было отъ него потребовать: у него, усталаго и измученнаго жизнью, отнимали разомъ всю цѣну и награду жизни; изъ тихой пристани, за которую онъ такъ дорого заплатилъ, его звали снова на бой, — его, далеко не бойца по натурѣ. И онъ всталъ и пошелъ съ друзьями; бросилъ все, что только-что началъ, что лелеялъ въ душѣ и мечталъ свершить: все бросилъ и сталъ на то мѣсто, которое ему указали. Съ этихъ поръ началась его короткая и послѣдняя земная страда: та которая дала ему славу и отняла у него жизнь. Всего только нѣсколько публичныхъ засѣданій въ Таврическомъ дворцѣ; нѣсколько закрытыхъ собраній думской комиссіи; потомъ нѣсколько партійныхъ совѣщаній въ Выборгѣ и Теріокахъ, и затѣмъ—финляндская могила...

Я помню его и въ Государственной Думѣ. Амфитеатръ Таврическаго дворца гудитъ сотнями голосовъ. Бюрократія, въ лицѣ одного изъ своихъ самыхъ типичныхъ, самыхъ откровенныхъ, самыхъ махровыхъ представителей только-что бросила перчатку народнымъ представителямъ. Всѣ голоса сливаются въ одномъ имени: «Герценштейнъ, пусть Герценштейнъ отвѣчаетъ». И Герценштейнъ идетъ

сквозь ряды скамей, съ своего мѣстечка въ сторонкѣ, опять идетъ, исполняя общую волю. Герценштейнъ на каѳедрѣ, Герценштейнъ говоритъ: въ залѣ нѣмая тишина, которая прерывается по временамъ бѣшеными апплодисментами. Первое впечатлѣніе многихъ—нѣкоторое разочарованіе. Рѣчь Герценштейна—сама простота; ни малѣйшей аффектаціи. Послѣ лживаго паѳоса и развязнаго крика Гурко она кажется въ первыя минуты *черезчуръ* простой. И слова простыя: какъ-то слишкомъ простыя для этого глубокаго знатока вопроса, для солиднаго ученаго, и въ такую напряженно-торжественную минуту. За то всякое слово идетъ прямо въ душу какъ разъ тѣмъ, для кого эти слова здѣсь говорятся: для крестьянскихъ депутатовъ Таврическаго дворца, передъ которыми ведется ихъ тяжба о землѣ между министерствомъ Стишинскаго и Гурко и защитниками «народной свободы». «Учитель» сказался въ депутатѣ Герценштейнѣ: самыя сложныя понятія онъ какъ-то такъ излагаетъ, безъ иностранныхъ словъ и ученыхъ опредѣленій, что ихъ пойметъ сразу всякій, кто понимаетъ по-русски. Русская образная рѣчь; крупные штрихи; каждое доказательство есть или примѣръ или картина, настолько яркіе, что минутами заслоняютъ отъ слушателя строгій ходъ доказательства. Все это при полномъ самообладаніи и спокойствіи, какимъ должно сопровождаться настоящее знаніе, въ защитѣ праваго дѣла. Но дальше, дальше: среди этой увѣренной, прозрачной рѣчи вдругъ вспыхиваютъ молніи: въ депутатѣ-«учителѣ» просыпается темпераментъ публициста. Каждое слово бьетъ и бьетъ больно: а слова всѣ по прежнему простые. Гурко вычисляетъ свои четыре десятины на брата: но это «ариѳметика»; чтобы сдѣлать такой разсчетъ, нужно знать только четыре правила и больше ничего, а отъ государственныхъ людей мы можемъ требовать большаго». «А зачѣмъ вы купили за двойную цѣну имѣніе Воронцова-Дашкова»... Нечѣмъ платить будетъ крестьянину за отчужденныя земли?.. Но вѣдь придется по три съ полтиной за десятину, а теперь сколько онъ платитъ аренды: по двадцати пяти?.. Вы хотите поднимать производительность крестьянской земли; но гдѣ вы до сихъ поръ были?.. И если допустить, что вы заботились объ агрономіи, развѣ вы о *крестьянской* агрономіи заботились? А куда вы дѣли агронома Зубрилина?.. Крестьянскій банкъ?.. Хорошее учрежденіе, «когда нужно кого-нибудь выручить, кого-нибудь покрыть»... Помните покупку имѣнья Игнатьева? А архангельскую желѣзную дорогу? а Невскій заводъ? Вы пугаете—«удивляюсь, какимъ теперь языкомъ стали говорить министры»—вы пугаете «чернымъ передѣломъ» крестьянъ, говорите имъ: пусть дрожитъ за свои земли тотъ, у кого больше 4-хъ десятинъ. Вамъ очень хочется подсунуть намъ «настоящій» соціализмъ, чтобы отпугнуть отъ насъ крестьянъ: „такіе пріемы совершенно не подобаютъ министрамъ... по вашему это соціализмъ, а по нашему—провокаторство». Вы говорите, что крестьяне потерпятъ страшные убытки, если помѣщики останутся безъ земли. Кому вы это говорите? Нѣтъ, «крестьянинъ, сколько мы ему не толкуй, что ему выгоднѣе остаться безъ земли, онъ этого никакъ понять не можетъ»! «Вы говорите: народъ не можетъ разобраться въ этихъ вопросахъ? Да, это вѣрно, но у народа есть чутье, и увѣряю васъ, что

Факсимиле письма, полученнаго г-жей Герценштейнъ вскорѣ послѣ убійства ея мужа.

народъ разберется въ вопросѣ, гдѣ землею пахнетъ и гдѣ земли ему не дадутъ»... Спѣшите же, господа, спѣшите: «сейчасъ пожаръ, — и его надо тушить, а потушить его можно только увеличеніемъ площади землевладѣнія»... «Вы хотите дождаться, чтобы зарево пожара опять охватило нѣсколько губерній? Развѣ вамъ мало опыта прошлаго года или этой майской иллюминаціи, которая унесла въ Саратовской губерніи сразу 150 усадебъ? Развѣ этого недостаточно»?..

И никому неизвѣстный депутатъ возвращается съ каѳедры, зажегши въ сердцахъ однихъ—неискоренимую ненависть, въ сердцахъ другихъ—горячую любовь. Ему не простять «иллюминаціи» тѣ, для которыхъ въ этомъ словѣ, вырвавшемся у депутата, воплотился корень всего зла, источникъ всѣхъ ихъ бѣдствій, какъ дикарь считаетъ доктора—причиной болѣзни. Въ лицѣ Герценштейна эти господа отомстятъ всей этой многоголовой сермяжной Россіи, которая стихійнымъ потокомъ заливаетъ культурные оазисы, зажигаетъ «иллюминаціи», валомъ валитъ на чужую землю!.. Вотъ онъ, провокаторъ и къ тому же еврей, вотъ онъ смутьянъ, анархистъ, и все что угодно... Легко сказать: этотъ маленькій хрупкій человѣкъ съ умнымъ лицомъ на каѳедрѣ, сколько тѣней и живыхъ реальностей онъ вызвалъ на бой съ собою. Крестьянскій банкъ, Игнатьевъ, Гурко, «объединенное» дворянство, объединенный союзъ истинно-русскаго народа.... Когда вся любовь народная вспыхиваетъ и сосредоточивается на одномъ физическомъ лицѣ, это лицо становится святымъ, и какъ святыня, оно начинаетъ жить въ народномъ воображеніи. Но когда вспыхиваетъ ненависть класса и воплощаетъ въ одномъ лицѣ классовую обиду,—тогда исторія готовитъ себѣ человѣческую жертву; жертву всего того безсмыслія, съ которымъ движется по непроторенным и вязкимъ путямъ родной исторіи грузная телѣга нашего общественнаго развитія. Герценштейнъ долженъ былъ пасть, чтобы безсмысленность этого способа рѣшенія вопроса стала ясна каждому и многихъ изъ тѣхъ, кого онъ не могъ убѣдить своей жизнью, онъ убѣдитъ своей смертью. Не напрасно его жена на могилѣ призывала почтить его память не местью, а сознательной работой на пользу начатаго имъ дѣла.

Надо признать, что для успѣха этого дѣла онъ сдѣлалъ больше, чѣмъ, казалось, въ человѣческой власти было сдѣлать въ узкихъ предѣлахъ времени, отведеннаго ему судьбой. Я не говорю объ его печатныхъ работахъ, ни даже о тѣхъ рѣчахъ въ Думѣ, объ одной изъ которыхъ я выше говорилъ. Живое и незамѣнимое дѣло,—то, которое могъ и долженъ былъ дѣлать *именно* Герценштейнъ, только одинъ онъ,—это не было дѣло полемики съ лубочными разсужденіями Стишинскихъ и Гурко. Это была работа сплоченія умовъ и воль около одного дѣла, на которое всѣ смотрѣли разно. Главной задачей и заслугой Герценштейна—была работа въ комиссіи по аграрному вопросу. *Тамъ* сталкивались серьезныя разнорѣчія, тамъ боролись настоящими доводами жизни, и рѣшать эту запутанную задачу жизненныхъ противорѣчій могъ, дѣйствительно, лишь человѣкъ съ яснымъ и сильнымъ умомъ, человѣкъ вооруженный, кромѣ пестраго жизненнаго опыта, великимъ объединяющимъ и просвѣтляющимъ началомъ — знанія.

Тамъ, на этой работѣ, М. Я. выросталъ во весь свой ростъ, и тамъ только можно было опредѣлить настоящую цѣну этому человѣку.

Что за дѣло было до всего этого жертвамъ «иллюминацій»? Если бы они были сознательными людьми, а не дикими звѣрями, они бы поняли, что за Герценштейна нужно ухватиться обѣими руками; что если кто можетъ найти для нихъ самихъ кратчайшій и наиболѣе для всѣхъ удобный путь—спастись отъ «иллюминацій», вывести на торную дорогу соціальнаго развитія, то это—именно онъ, столь ненавистный имъ депутатъ. Да, если бы жизнь была осуществленіемъ чистой мысли, Герценштейнъ былъ бы однимъ изъ ея великихъ героевъ. Но для жизни, какъ для борьбы противорѣчій, несознавшихъ себя и не владѣющихъ собою, для расточительной и безумной *стихіи* исторіи Герценштейнъ могъ быть лишь великой жертвой. Мучительно больно думать, что такъ мало удалось сдѣлать изъ столь богатаго матеріала,—и что такъ будетъ и впредь, всегда, до тѣхъ поръ пока, путемъ боковыхъ толчковъ, безчисленныхъ паденій и поврежденій, послѣ ряда мелкихъ починокъ и поправокъ—грузная телѣга исторіи не попадетъ на тотъ самый путь, на который вѣрной и твердой, но безсильной рукой указывалъ ей депутатъ Герценштейнъ.

П. Милюковъ.

Факсимиле карточки, полученной г-жей Герценштейнъ тотчасъ послѣ убійства ея мужа.

Шесть мѣсяцевъ военно-полевой юстиціи.

Очеркъ.

I.

О необходимости введенія упрощенной военной юстиціи первый, кто заговорилъ рѣшительнымъ голосомъ, былъ П. Н. Дурново. Вмѣстѣ съ С. Ю. Витте и съ главнымъ военнымъ прокуроромъ В. П. Павловымъ они работали надъ созданіемъ такой юстиціи, которая годилась бы для борьбы съ политическою разнузданностью страны. Въ ноябрѣ и декабрѣ 1905 года реакціонная печать указывала на распаденіе страны, на бездѣйствіе гражданскихъ властей, на слабость судебныхъ органовъ, на излишнюю гуманность уголовнаго законодательства. Странѣ и государству предсказывалась близкая гибель. Революціонное движеніе выростало въ многоголовое чудовище, готовое пожрать всѣ старые устои государственнаго бытія. Надо было бороться...

Въ обстановкѣ октябрьскаго манифеста, всеобщихъ забастовокъ, популярности совѣта рабочихъ депутатовъ, военныхъ возстаній въ Севастополѣ—родилась и созрѣла мысль о военно-карательныхъ экспедиціяхъ.

Въ экспедиціяхъ правительство не хотѣло видѣть ничего новаго: на обязанность экспедицій предположено было возложить возстановленіе порядка путемъ оружія, т. е. совершеніе такихъ дѣйствій, которыя не выходили изъ рамокъ закона. Войскамъ, отправляющимся въ экспедиціи, указывалось, путемъ приказовъ и поясненій, что цѣль войска—оградить страну отъ посягательства враговъ, оградить посредствомъ военной силы, внести успокоеніе.

Въ сущности же карательныя экспедиціи являлись первымъ откровеннымъ шагомъ по пути упрощенія юстиціи. Затѣмъ началось московское успокоеніе, прибалтійское, привислянское и т. д.

Надо отмѣтить, что созданіе карательныхъ экспедицій произошло совершенно безъ всякаго участія закона, одними административными распоряженіями. Каждой экспедиціи былъ данъ наказъ, особая инструкція для дѣйствій и—странно—ни одинъ органъ печати не отмѣтилъ этого оригинальнаго явленія—внѣзаконнаго рожденія карательныхъ

экспедицій, но совершенно законнаго ихъ существованія. Печать и общество возмущались самымъ фактомъ карательныхъ экспедицій, а правительство, призывая къ соблюденію закона, искренно считало, что оно изъ рамокъ законности не вышло.

Но кабинетъ Витте не хотѣлъ все-таки мириться съ такимъ положеніемъ: общество слишкомъ негодовало, правительство слишкомъ громко и часто призывало къ законности. Надо было узаконить узаконенное.

При участіи всѣхъ наличныхъ силъ кабинета былъ выработанъ проектъ, по которому всѣ посягательства по политическимъ побужденіямъ и на должностныхъ лицъ были обложены смертною казнью. Такъ хотѣли устранить недостатки нашего уголовнаго законодательства, и проектъ Витте долженъ былъ послужить первою брешью.

Въ январѣ 1906 года проектъ уже вступилъ въ государственный совѣтъ, а 21 января проектъ былъ разсмотрѣнъ. Изъ 73 присутствующихъ членовъ 20 человѣкъ рѣшительно возстали противъ проекта. Они отвергали, какъ необходимость смертной казни за посягательства по политическимъ побужденіямъ, такъ и примѣненіе къ такимъ преступленіямъ военной юстиціи. Въ засѣданіи было высказано, что «введеніе такого порядка связано, прежде всего, съ лишеніемъ подсудимыхъ существенно важныхъ гарантій полнаго и всесторонняго удостовѣренія ихъ вины», а самый военный судъ могъ бы имѣть силу и значеніе «лишь на театрѣ военныхъ дѣйствій».

По вопросу о борьбѣ съ революціоннымъ движеніемъ тѣми же членами было высказано, что «кровавыя насильственныя дѣйствія, къ которымъ прибѣгаютъ революціонеры, начинаютъ вызывать въ населеніи одно лишь негодованіе. Для борьбы съ революціонными элементами, какъ показываетъ историческій опытъ иностранныхъ государствъ, нужны не исключительные законы для всей страны, а чрезвычайныя мѣры въ отношеніи отдѣльныхъ мѣстностей и даже отдѣльныхъ личностей. Правила объ усиленной и чрезвычайной охранѣ и безъ того даютъ слишкомъ широкій просторъ административному усмотрѣнію и было бы правильнѣе обратиться къ пересмотру этихъ законовъ. Обсуждаемый законопроектъ въ конечномъ своемъ результатѣ вводитъ смертную казнь за преступныя дѣянія, по общимъ уголовнымъ законамъ, не влекущія за собой этого наказанія; можно, поэтому, опасаться, что предлагаемою мѣрою будутъ поколеблены радостныя ожиданія гражданской свободы, о которой всенародно возвѣстилъ манифестъ 17 октября. Если бы дѣйствительно оказывалась надобность карать за извѣстныя преступныя дѣянія смертью, то это слѣдовало бы съ полною искренностью признать открыто измѣненіемъ уголовнаго закона, не прибѣгая къ учрежденію исключительной военной подсудности. Но такое установленіе смертной казни, какъ нормальнаго наказанія, хотя бы даже за столь тяжкія преступленія, какъ предусмотрѣнныя разсматриваемымъ законопроектомъ, не можетъ быть допущено».

Въ томъ же засѣданіи было признано, что «смертная казнь противна основному ученію христіанской вѣры и нравственности, что нельзя не считаться съ воззрѣніями русскаго народа, который признаетъ, что

жизнь дарована Всевышнимъ Творцомъ и только имъ однимъ можетъ быть отнята. Мало того, можно опасаться, что въ случаѣ учащенія примѣненія смертной казни, въ населеніи проявится ожесточеніе и проснутся тѣ кровожадные инстинкты, подавленіе которыхъ особенно важно въ революціонное время».

Такимъ образомъ, проектъ гр. Витте встрѣтилъ серьезную критику и именно тамъ, гдѣ ея можно было менѣе всего ожидать. Но уже самое внесеніе такого проекта, по которому всѣ политическія дѣянія предавались бы военной юстиціи, отнимаетъ отъ закона о полевыхъ судахъ всю его свѣжесть и новизну, а отъ П. А. Столыпина всю иниціативу упрощенія юстиціи.

Въ теченіе послѣдующаго времени ни Витте, ни Горемыкинъ не выступали съ подобными предложеніями: готовились къ первому созыву представителей.

Не надо думать, однако, что карательныя экспедиціи прекращали свои дѣйствія. Не надо также думать, что военная юстиція не налагала своей руки на всякія дѣянія, которыя можно было истолковать въ смыслѣ революціонной неблагонадежности. И вплоть до роспуска думы правительство ни разу не поднимало вопроса объ измѣненіи физіономіи военной юстиціи.

II.

Послѣ 8 іюля дѣло принимаетъ крутой поворотъ. Появившійся на сцену Столыпинъ всѣ усилія свои направляетъ противъ революціонныхъ проявленій. Одно за другимъ, рядомъ, близко, по стопамъ идутъ они. Военныя возстанія въ Свеаборгѣ, въ Кронштадтѣ, въ Ревельскомъ портѣ; длинный списокъ нападеній на должностныхъ лицъ; убійство Мина, взрывъ на Аптекарскомъ островѣ, безчисленныя убійства полицейскихъ чиновъ.

Печать начинаетъ твердить свою старую пѣсню: о непрочности премьерскаго существованія; рептиліи молчатъ; хроника пестрѣетъ заявленіями, что Столыпинъ покидаетъ свой постъ; что въ правительственныхъ кругахъ обѣщаютъ ввести диктатуру, для которой Столыпинъ непригоденъ; говорятъ, что кабинетъ долженъ пасть. Создается атмосфера ожиданія,—атмосфера, въ которой быстро растутъ слухи, предположенія,—атмосфера, лишающая возможности видѣть ближайшее будущее, развлекающая вниманіе.

Въ такой обстановкѣ, когда хочется помечтать о лучшемъ, совершенно незамѣченнымъ проходитъ многое, многому не придается значенія. Никто не обращаетъ вниманія на засѣданіе совѣта министровъ 15 августа, а между тѣмъ оно должно было привлечь къ себѣ всѣ информаціонныя силы печати. Продолжаютъ говорить о непрочности кабинета, а тотъ же кабинетъ 16 августа издаетъ предупредительный циркуляръ,—многообѣщающій, грозящій.

Въ этомъ циркулярѣ, о которомъ общество конечно ничего не знало, указывается между прочимъ на твердость кабинета. «Участившіяся въ послѣднее время террористическія посягательства на жизнь должностныхъ лицъ,—говорится въ этомъ циркулярѣ, совершаются

въ надеждѣ, что послѣдніе, поддавшись чувству страха, ослабятъ свою дѣятельность въ защиту закона и общества отъ посягательствъ и по исполненію предначертаній высшей власти. Совѣтъ министровъ увѣренъ, что всѣ представители правительства и общественной власти, сознавая вмѣстѣ съ населеніемъ всю пагубность и безцѣльность упомянутыхъ преступленій, докажутъ своею непоколебимостью и рѣшительностью въ исполненіи служебныхъ обязанностей, что никакія угрозы не могутъ повліять на преданность ихъ престолу и закону, а равно на готовность исполнять свой долгъ до конца».

Вслѣдъ за этимъ предупрежденіемъ объявляется о заключеніи новаго заима, опровергаются оффиціально слухи объ уходѣ Столыпина, и самъ Столыпинъ переѣзжаетъ на жительство въ Зимній Дворецъ.

Одновременно съ этимъ министерство внутреннихъ дѣлъ запрашиваетъ начальниковъ губерній о положеніи дѣлъ; между министерствами внутреннихъ дѣлъ и военнымъ завязывается усиленная переписка; приходятъ слухи объ арестахъ членовъ думы; публикуется законъ объ усиленіи отвѣтственности для военнослужащихъ за политическія преступленія. Въ эти моменты утверждается смертный приговоръ 17 лицамъ за свеаборгское возстаніе, и газетные столбцы наполняются правительственнымъ сообщеніемъ и текстомъ новаго закона о военно-полевыхъ судахъ. Это было 25 августа, а самъ законъ носилъ дату 19 августа.

Въ такой обстановкѣ родился новый законъ, которому суждено играть такую видную роль въ исторіи освободительнаго движенія Россіи.

Впечатлѣніе, произведенное закономъ, было громадно и подавляюще. Не хотѣлось вѣрить свершившемуся. Русская печать нѣсколько дней чувствовала себя придавленной и не откликалась на вызовъ правительства. Европейскія газеты запестрѣли нелестными эпитетами на счетъ правящихъ сферъ. А надъ всѣмъ доминировало сознаніе, что путь репрессій еще не оконченъ, что законъ о полевыхъ судахъ еще не вступилъ въ фактическое дѣйствіе.

Кабинетъ всталъ прочно и принялся подготавливать почву для второй думы. По его мнѣнію «населеніе и общественныя группы обращаютъ свои взоры къ правительству и ждутъ авторитетнаго заявленія какъ о причинахъ угнетающихъ общественное сознаніе злодѣяній, такъ и объ отношеніяхъ къ нимъ государственной власти». Крайнія революціонныя группы «рѣшили, путемъ уничтоженія высшихъ должностныхъ лицъ, произвести впечатлѣніе въ странѣ, а на правительство навести панику. Хотя такіе отдѣльные террористическіе акты знаменуютъ скорѣе безсиліе революціи въ дѣлѣ осуществленія движенія общаго, чѣмъ успѣхъ ея, но вся обстановка подобныхъ преступленій, по жестокости своей, располагаетъ общество къ смятенію и тревогѣ болѣе даже, чѣмъ длительное революціонное». «Здравый государственный разумъ указываетъ на необходимость устранить препятствіе, напречь всѣ силы и идти впередъ къ рѣшенію намѣченной задачи. Изъ этого слѣдуетъ, что злодѣйства должны пресѣкаться безъ колебаній, что, если государство не дастъ имъ дѣйствительнаго отпора, то теряется самый смыслъ государственности. Поэтому пра-

вительство, не колеблясь, противопоставитъ насилію силу». «Администрація употребитъ всѣ усилія, всѣ предоставленныя ей закономъ средства, чтобы остановить проповѣдь насилія и проявленія его на дѣлѣ». «Наряду съ этимъ правительство не могло не обратить вниманія на то, что и обыкновенное судебное разбирательство не вполнѣ приспособлено къ обстоятельствамъ настоящаго времени и не даетъ возможности достаточно быстрой репрессіи за преступленія, выходящія изъ ряда обыкновенныхъ. Поэтому признано необходимымъ издать временныя правила о военно-полевомъ судѣ»...

Текстъ правительственнаго сообщенія, сопровождавшаго законъ о полевой юстиціи, отличался настойчивостью, рѣшительностью, прямолинейностью и даже парадоксальностью. Онъ ничѣмъ не былъ похожъ на другія правительственныя сообщенія; газеты утверждали, что текстъ этотъ составленъ двумя лицами — сыномъ В. Плеве и г. Крыжановскимъ. Газеты утверждали также, что министръ юстиціи, И. Г. Щегловитовъ, высказывался противъ введенія полевыхъ судовъ и по этому поводу даже входилъ въ совѣтъ министровъ съ докладной запиской, въ которой доказывалъ нежелательность и невозможность такихъ судовъ съ точки зрѣнія юридической и политической. Тѣмъ не менѣе г. Щегловитовъ продолжалъ сохранять свое мѣсто во все время дѣйствія полевой юстиціи, такъ что или газетныя сообщенія оказались невѣрными, или министръ юстиціи счелъ, что военно-полевые трибуналы не узурпировали всей судебной власти въ государствѣ.

III.

Положеніе совѣта министровъ о военно-полевомъ судѣ было утверждено на основаніи 87 ст. основныхъ законовъ.

Не приводя текста этого закона, отмѣтимъ лишь его основныя положенія. Полевой судъ открывается лишь въ мѣстахъ, состоящихъ на военномъ положеніи или на положеніи чрезвычайной охраны, для гражданскихъ лицъ, въ случаяхъ очевидности преступнаго дѣянія и съ примѣненіемъ смертной казни въ «подлежащихъ случаяхъ». Полевой судъ можетъ быть созванъ генералъ-губернаторомъ, въ указанномъ имъ мѣстѣ, изъ предсѣдателя и четырехъ офицеровъ, не позднѣе сутокъ по совершеніи преступленія и съ указаніемъ предметовъ обвиненія. Судъ долженъ закончить дѣло въ двое сутокъ, при закрытыхъ дверяхъ, при отсутствіи защиты. Приговоръ вступаетъ въ законную силу немедленно по объявленіи и приводится въ исполненіе не позже сутокъ со времени провозглашенія.

Черезъ день аналогичныя правила были изданы по военному и морскому вѣдомству въ отношеніи военно-служащихъ и внесены въ военно-судебный уставъ въ качествѣ не временныхъ, а постоянныхъ правилъ.

Новый законъ сталъ жить и, какъ обыкновенно бываетъ у насъ, тотчасъ же появились различныя недоумѣнія, недомыслія, толкованія.

Главный военный прокуроръ, на телеграфный запросъ одного изъ генералъ-губернаторовъ, разъяснилъ, что судьями въ полевыхъ

судахъ могутъ быть только одни строевые офицеры, изъ войсковыхъ частей, и ни въ какомъ случаѣ чины военно-судебнаго вѣдомства, хотя бы они и находились въ мѣстѣ засѣданія суда.

Законъ сразу получилъ широкое примѣненіе, и все, что было неяснаго, недоговореннаго въ законѣ, было восполнено на мѣстахъ, начальствами. Первый заявилъ о себѣ одесскій генералъ-губернаторъ, который 29 августа издалъ обязательное постановленіе въ формѣ приказа. Здѣсь, въ нарушеніе положительнаго указанія новаго закона, были приведены дѣянія, за которыя одесскій генералъ-губернаторъ грозилъ смертною казнью по приговору полевыхъ судовъ. Онъ указывалъ на вооруженное сопротивленіе властямъ, на нападеніе на чиновъ войскъ, полиціи и всѣхъ вообще должностныхъ лицъ при исполненіи ими обязанностей службы, на убійство, на изнасилованіе, на разбой, грабежъ, поджогъ. Что въ правительственномъ сообщеніи носило характеръ террора, то въ одесскомъ генералъ-губернаторствѣ вылилось въ форму грабежа, поджога, изнасилованія; что, по мысли правительства, носило характеръ «выходящаго изъ ряда обыкновенныхъ», то въ Одессѣ получило совершенно иное значеніе: самое обычное преступленіе вошло въ рубрику наказуемыхъ полевой юстиціей.

Другой генералъ-губернаторъ—полосы отчужденія закавказскихъ желѣзныхъ дорогъ—пошелъ еще дальше: онъ объявилъ подсудными военно-полевому суду бунтъ, государственную измѣну, устройство *стачекъ*, возбужденіе къ устройству стачекъ, порчу и истребленіе предметовъ воинскаго снаряженія, поврежденіе телеграфа, телефона и желѣзной дороги, нападеніе на должностныхъ лицъ вообще, *агитацію въ войскахъ и «всякое другое общее преступленіе, если по свойству его онъ признаетъ нужнымъ передать его на разсмотрѣніе военно-полевого суда»*.

Отсюда видно, что закавказскій губернаторъ вовсе уже не пожелалъ считаться съ закономъ и правительственнымъ распоряженіемъ. Онъ самъ выступилъ въ роли законодателя, самъ обложилъ смертною казнью агитацію въ войскахъ, самочинно повысилъ мѣру отвѣтственности за любой проступокъ и надъ всѣмъ поставилъ свое усмотрѣніе. Такъ полагалъ бороться съ беззаконниками носитель законности.

Но будущій историкъ военно-полевой юстиціи долженъ будетъ отдать первенство все-таки не ему, а генералъ-майору Астанину, временному генералъ-губернатору гор. Двинска: онъ далъ такой исчерпывающій перечень преступныхъ дѣяній, обложенныхъ смертною казнью и подлежащихъ военно-полевой юстиціи, который охватилъ собою всѣ уголовныя отношенія.

Онъ перечислилъ чуть-ли не весь уголовный кодексъ. Уже не говоря о различныхъ бунтахъ и сопротивленіяхъ, онъ ввелъ въ номенклатуру «захватъ укрѣпленныхъ мѣстностей, складовъ оружія, военныхъ припасовъ или основаннаго съ разрѣшенія правительства общественнаго или акціонернаго кредитнаго установленія, освобожденіе арестантовъ, храненіе взрывчатыхъ веществъ, противоправительственную агитацію, распространеніе преступныхъ сочиненій въ войскахъ, поврежденіе водопроводовъ, колодцевъ, мостовъ, оскорбленіе

и неуваженіе къ присутственнымъ мѣстамъ и чиновникамъ, самовольное присвоеніе власти, составленіе подложныхъ предписаній, похищеніе бумагъ или вещей изъ присутственныхъ мѣстъ, всякое насиліе надъ личностью, вторженіе въ чужое жилище и вообще преступленія, кои по мѣсту совершенія, по личности преступника будутъ признаны особо угрожающими въ государственномъ и общественномъ отношеніяхъ».

Этотъ знаменитый приказъ отъ 7 сентября совершенно уничтожалъ весь уголовный кодексъ, возводилъ на степень террористическаго акта неуваженіе къ чиновникамъ и присутственнымъ мѣстамъ, простую кражу, вторженіе въ чужое жилище,—словомъ самые обыкновенные проступки, наказуемые по жалобѣ потерпѣвшаго денежнымъ штрафомъ или арестомъ.

Однако, забывая, что всякое казуистическое перечисленіе всегда не полно, тотъ же двинскій генералъ-губернаторъ въ приказѣ отъ 6 октября дополнилъ свою карательную номенклатуру и заявилъ, что лица, собирающія пожертвованія для партій и боевой дружины, будутъ предаваться полевому суду. На слѣдующій день онъ снова выступилъ въ роли законодателя и разослалъ по всѣмъ бюро профессіональныхъ союзовъ циркуляръ, въ которомъ заявляетъ: «по полученнымъ мною свѣдѣніямъ нѣкоторые союзы налагаютъ штрафы на владѣльцевъ торгово-промышленныхъ предпріятій и заводовъ, если послѣдніе отказываютъ приказчикамъ и служащимъ за лѣнь, недобросовѣстную службу и т. п. Такого рода дѣянія носятъ характеръ не только насильственныхъ дѣйствій, но даже террора, а потому я предупреждаю, что подобные члены бюро будутъ предаваемы мною военно-полевому суду, а союзы—закрываемы».

Въ теченіе полутора мѣсяцевъ мѣстная администрація позволяла себѣ искажать и усиливать безъ того строгіе законы. Искаженіе наблюдалось повсюду, но не отовсюду приходили извѣстія объ искаженіяхъ. Среди откровенныхъ и значительныхъ искаженій, въ родѣ двинскихъ, пропадали и терялись другія, менѣе серьезныя. И когда нѣсколько десятковъ жизней было отнято, когда злоупотребленія властью сами стали говорить о себѣ, когда печать, презирая угрозы, выступила съ протестомъ противъ злоупотребленій мѣстныхъ начальниковъ,—только тогда отозвался совѣтъ министровъ.

Только 12 октября появился циркуляръ предсѣдателя совѣта министровъ объ упорядоченіи военной юстиціи. Въ немъ говорится о полевой юстиціи открыто и смѣло и, надо сознаться, свершившіяся злоупотребленія полевой юстиціи освятили и дали жизнь многому новому: въ августѣ совѣтъ министровъ in corpore отказывался намѣтить преступныя дѣянія, заслуживающія полевого суда, въ октябрѣ же одинъ лишь предсѣдатель совѣта министровъ принимаетъ на себя указанія точно обозначить кругъ преступленій. Несомнѣнно, онъ идетъ дальше и закона, и совѣта, гдѣ онъ предсѣдательствуетъ, но мы говоримъ лишь о фактѣ. По формѣ указанія исходятъ отъ всего совѣта, который разъясняетъ: «что военно-полевымъ судамъ могутъ быть предаваемы, по особому каждый разъ распоряженію подлежащей власти, только лица, учинившія убійство, разбой, грабежъ и на-

паденіе на часового или военный караулъ, а также вооруженное сопротивленіе властямъ и нападеніе на чиновъ войскъ и полиціи и на всѣхъ вообще должностныхъ лицъ, и изобличенныя въ противозаконномъ изготовленіи, пріобрѣтеніи, храненіи, ношеніи и сбытѣ взрывчатыхъ веществъ или снарядовъ».

Всякому очевидно, что въ данномъ случаѣ совѣтъ министровъ самолично усилилъ наказаніе за храненіе взрывчатыхъ веществъ до смертной казни, хотя по закону это дѣяніе обложено срочнымъ лишеніемъ свободы. Но важно здѣсь не превышеніе власти, а именно перечисленіе преступныхъ дѣяній, на которое совѣтъ также не уполномоченъ.

Тотъ же циркуляръ очень мягко касается вопроса о превышеніи власти мѣстными начальниками: онъ говоритъ, что «въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ возникло сомнѣніе, не представляется ли возможнымъ допускать преданіе военно-полевымъ судамъ виновныхъ, изобличенныхъ въ другихъ, менѣе важныхъ преступленіяхъ, нежели указанныя выше наиболѣе опасныя для общественнаго порядка преступныя дѣянія... Наконецъ, допущено было ошибочное предположеніе о томъ, что административныя власти уполномочены заранѣе объявлять о подчиненіи вѣдѣнію военно-полевыхъ судовъ цѣлаго ряда дѣлъ опредѣленныхъ категорій». Совѣтъ признаетъ эти «сомнѣнія» властей—сомнѣніями, ни звукомъ не заикается о томъ, что сомнѣнія властей отняли не мало жизней и самъ впадаетъ въ грубое противорѣчіе: если административныя власти не уполномочены заранѣе объявлять о подчиненіи полевой юстиціи тѣхъ или другихъ дѣлъ, то и совѣтъ, какъ административная власть, не могъ дѣлать перечисленія преступныхъ дѣяній, какъ это онъ сдѣлалъ.

Мы приводимъ эту справку для того, чтобы показать, какъ все непрочно и непостоянно было въ законодательной регламентаціи военно-полевой юстиціи. Тѣмъ не менѣе, совѣтъ министровъ предписалъ, чтобы генералъ-губернаторы и равныя имъ по власти лица не объявляли впередъ преступныхъ дѣяній, подлежащихъ разсмотрѣнію полевыхъ судовъ. Не знаемъ, были ли отмѣнены приведенныя выше распоряженія мѣстныхъ губернаторовъ юридически, но знаемъ, что фактически они продолжали сохранять свою силу.

По поводу одной изъ моихъ статей въ «Товарищѣ», на защиту полевой юстиціи выступилъ департаментъ полиціи, который принялъ на себя трудъ опровергнуть «высказанныя въ статьѣ сужденія». Трудно сказать, какую роль въ военно-полевой юстиціи играетъ департаментъ полиціи, но въ № 111 газеты онъ оффиціально заявилъ, что мѣстныя власти, «проявляя въ дѣлѣ примѣненія военно-полевого суда *крайнюю осторожность*, представляютъ на усмотрѣніе центральныхъ органовъ всѣ свои сомнѣнія до разрѣшенія вопросовъ о преданіи виновныхъ военно-полевому суду и тѣмъ безусловно выполняютъ свой служебный долгъ».

Изъ этого вытекаетъ, слѣдовательно, что все, совершенное мѣстными начальствами, получило благословеніе свыше, и если были какія злоупотребленія, то и они благословлялись центральными органами, такъ какъ эти органы разрѣшали всѣ сомнѣнія мѣстныхъ властей, а

слѣдовательно и злоупотребленія и ошибки были дѣломъ центральныхъ органовъ, а мѣстныя власти были только исполнителями. Надо думать, что департаментъ полиціи говоритъ это не отъ себя, а по предписаніямъ свыше.

Изъ того обстоятельства, что опроверженія по поводу военно-полевой юстиціи составлялись департаментомъ полиціи, можно заключить, что и процессуальныя разъясненія давались тѣмъ же департаментомъ полиціи, почему-то возомнившимъ себя въ роли сената.

Изъ всего этого конгломерата отдѣльныхъ соображеній вытекаетъ ясно, что въ дѣлахъ полевой юстиціи не пытались особенно о законодательной регламентаціи, пользуясь главнымъ образомъ мѣстнымъ начальствомъ, его усмотрѣніемъ, его сомнѣніями. Ни сенатъ, ни главный военный судъ не могли вмѣшиваться въ толкованіе полевыхъ законовъ, и роль ихъ—роль кассаціоннаго органа—принялъ на себя департаментъ полиціи.

Точно также важно отмѣтить, что департаментъ полиціи, какъ онъ заявляетъ самъ, вмѣшивался въ отправленіе полевой юстиціи еще до момента преданія виновныхъ суду. А это такое обстоятельство, которое говоритъ многое. Самый фактъ привлеченія къ роли кассатора департамента полиціи знаменуетъ, что и правительство въ своемъ сообщеніи о положеніи страны и общей юстиціи не столько преслѣдовало цѣли правосудія, сколько цѣли полицейской юстиціи при содѣйствіи вооруженной силы въ лицѣ арміи.

Вообще правительство очень скупилось давать обществу или печати какія-либо свѣдѣнія о полевой юстиціи. Все дѣлопроизводство сосредоточивалось въ департаменѣ полиціи; въ главномъ военно-судномъ управленіи сохранялись только тѣ бумаги, которыя присылались туда департаментомъ полиціи; послѣдній не всегда дѣйствовалъ по личному взгляду, а иногда сносился съ главнымъ военнымъ прокуроромъ и съ управленіемъ.

Будущій историкъ поставленъ въ трудное положеніе. Есть матеріалы характера административнаго, распорядительнаго, но нѣтъ самыхъ судопроизводственныхъ дѣлъ, нѣтъ протоколовъ, приказаній, приговоровъ. Все это разбросано въ разныхъ мѣстахъ Россіи, по отдѣльнымъ войсковымъ частямъ. Сообщенія телеграфныхъ агентствъ, не всегда вѣрныя, но всегда недостаточно ясныя—единственный матеріалъ, доступный воспріятію. При введеніи полевыхъ судовъ предполагалось, что матеріалы будутъ опубликовываться, и объ этомъ сообщалось въ полуоффиціозной печати. Но потомъ нашли, что это будетъ излишнимъ, и теперь потеряны всѣ средства, чтобы установить точное положеніе дѣлъ военно-полевой юстиціи.

IV.

Въ первый разъ военно-полевой судъ состоялся 26 августа въ Ригѣ по дѣлу двоихъ неизвѣстныхъ, за сопротивленіе полиціи. Слѣдовательно, уже на слѣдующій день послѣ объявленія закона онъ получилъ примѣненіе. Затѣмъ образовывается полевой судъ въ Москвѣ,

объявляется объ открытіи полевыхъ судовъ въ Одессѣ, Кіевѣ, Екатеринославѣ, Бахмутѣ, Ревелѣ, Николаевѣ, Херсонѣ, и черезъ мѣсяцъ вся Россія опутывается сѣтями полевой юстиціи.

Введеніе полевыхъ судовъ совершалось съ необыкновенной легкостью. Достаточно было, если въ данной мѣстности существовала чрезвычайная охрана, и по полицейскимъ донесеніямъ не все обстояло благополучно. При такихъ условіяхъ издавался военный приказъ, расклеивался по городу, и жителямъ предлагалось ходить подъ постояннымъ опасеніемъ стать жертвою упрощенной юстиціи.

По иниціативѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, правительственное сообщеніе и законъ о военно-полевомъ судѣ были разосланы въ губерніи: губернскія типографіи обязаны были воспроизвести эти замѣчательные документы въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ, а полиціи было вмѣнено въ обязанность расклеить эти смертные плакаты на самыхъ видныхъ мѣстахъ и озаботиться, чтобы новые законы дошли до самаго нутра Россіи. Страна вступала въ новую стадію мученичества.

Если просматривать списки казненныхъ военно-полевыми судами, то прежде всего поражаешься однообразіемъ преступныхъ дѣяній: сопротивленіе и нападеніе на полицію и патрули, грабежи, разбои, храненіе и употребленіе взрывчатыхъ веществъ, поджоги, разгромы, нападенія на различныя присутственныя мѣста, банки, покушеніе на убійство, нанесеніе ранъ. И съ перваго взгляда кажется, что преступныя дѣянія, разсматривавшіяся въ полевыхъ судахъ, дѣйствительно, принадлежатъ къ числу наиболѣе опасныхъ и тяжкихъ.

Но это—только съ перваго взгляда, на самомъ же дѣлѣ случаи тяжкихъ преступныхъ дѣяній имѣли мѣсто крайне рѣдко.

Особенно памятно въ этомъ случаѣ дѣло Мазурина и Андреева въ Москвѣ. Ихъ обвиненіе было квалифицировано, какъ вооруженное нападеніе на чиновъ полиціи при исполненіи ими обязанностей службы. Такая квалификація, однако, совершенно расходилась съ сущностью дѣяній обоихъ обвиняемыхъ. Дѣло въ томъ, что Вл. Мазуринъ давно уже находился на дурномъ счету у полиціи, которая числила за нимъ не мало различныхъ дѣяній, подозрѣвала его въ убійствѣ начальника московскаго сыскного отдѣленія Войлошникова во время декабрьскаго возстанія, въ участіи въ ограбленіи московскаго купеческаго общества взаимнаго кредита, въ убійствѣ нѣсколькихъ чиновъ охраннаго отдѣленія. Хотя въ распоряженіи слѣдственныхъ властей и не было никакихъ доказательствъ, но какія же нужны доказательства, чтобы полиція имѣла право захватить человѣка, хотя бы до собранія доказательствъ. Такъ было и на этотъ разъ.

Полицейскіе и сыщики, замѣтивъ Мазурина у театра «Аквариумъ», пытались его задержать. Мазуринъ принялъ мѣры, чтобы избѣжать поимки, и произвелъ нѣсколько выстрѣловъ въ полицейскихъ. Полицейскіе отвѣтили также стрѣльбою изъ револьверовъ и ранили Мазурина, который тѣмъ не менѣе успѣлъ укрыться въ проходной дворъ; но при самомъ выходѣ сыщикъ-лихачъ догналъ его и захватилъ. Андреевъ, который былъ захваченъ вмѣстѣ съ Мазуринымъ, не произвелъ ни одного выстрѣла, но достаточно было только одного

револьвера въ карманѣ, чтобы быть преданнымъ полевому суду одновременно съ Мазуринымъ. Полевой судъ состоялся подъ предсѣдательствомъ генералъ-маіора Говорова изъ четырехъ офицеровъ отъ гренадерскихъ полковъ. Двери суда были закрыты и охранялись войсками. Свидѣтелями были лишь городовой и агенты охраннаго отдѣленія. Судъ призналъ наличность нападенія и сопротивленія полиціи и присудилъ Мазурина къ смертной казни; Андреевъ былъ оправданъ.

Такъ совершалось большинство нападеній и сопротивленій полиціи. И когда охранные чины пытались захватить кого-нибудь, а захватываемый протестовалъ и отбивался,—сопротивленіе было на лицо, и подсудность полевому суду стояла внѣ сомнѣнія. Поэтому списокъ жертвъ полевой юстиціи пестрѣетъ словами «нападеніе и сопротивленіе полиціи», но искать за нимъ реальнаго содержанія не приходится.

Что касается военныхъ судей, то для нихъ вопросъ о сопротивленіи выросталъ особенно рельефно, и имъ вовсе не приходилось задумываться или сомнѣваться въ дѣйствительномъ фактѣ сопротивленія. Военный уголовный кодексъ, который знакомъ большинству строевыхъ офицеровъ, знаетъ сопротивленіе, какъ особый видъ преступнаго дѣянія, наиболѣе тяжкаго изъ всѣхъ видовъ неповиновенія власти. Въ арміи сопротивленіемъ называется всякое дѣяніе, выражающее намѣреніе не повиноваться и прибѣгать для этого хотя бы къ оружію. Изъ практики мнѣ вспоминаются и такіе случаи сопротивленія, когда пьяный солдатъ не хочетъ идти подъ арестъ и отбивается отъ патрулей сапогомъ. По военному кодексу—вооруженное сопротивленіе облагается тяжкими наказаніями. А потому легко представить, какъ просто было судить гражданина, не повинующагося власти и сопротивляющагося посредствомъ огнестрѣльнаго оружія; для военныхъ судей въ этихъ случаяхъ не могло возникнуть никакихъ сомнѣній, вслѣдствіе ихъ постоянной привычки къ такимъ преступнымъ дѣяніямъ.

Часто бывало, отстрѣливаясь отъ догоняющихъ полицейскихъ, захватываемый ранилъ или даже убивалъ кого-либо изъ преслѣдующихъ. Тогда уже сопротивленіе властямъ усиливалось убійствомъ или причиненіемъ ранъ, и мѣра отвѣтственности, оставаясь прежней, не могла возбудить въ военныхъ судьяхъ чувствъ снисхожденія или сомнѣній.

Имущественныя преступленія въ агентскихъ телеграммахъ часто характеризуются вульгарными терминами: грабитель, главарь разбойниковъ, извѣстный воръ, разбойникъ и т. п. Конечно эти данныя не позволяютъ судить съ достаточной вѣроятностью о самомъ преступномъ дѣяніи. Но при отсутствіи юридическаго образованія у строевыхъ судей, при отсутствіи обвинительнаго матеріала, при сложности юридической терминологіи имущественныхъ преступленій легко могло быть, что самая простая кража подводилась подъ понятіе грабежа, разбоя, насильственнаго отобранія имущества, разбойнаго нападенія и т. п.

Вотъ, напримѣръ, Тифлисскія власти, игнорируя всякія юридическія тонкости, прямо называли имущественныя нарушенія «вымога-

тельствомъ». По дѣйствующему законодательству, вымогательство можетъ совершить только лицо, находящееся на службѣ у правительства, должностное лицо; но тифлисскій генералъ-губернаторъ отказывался отъ общепринятаго законнаго понятія и предавалъ суду лицъ за вымогательство простое и вооруженное, а строевые судьи примѣняли къ вымогателямъ смертную казнь. Въ Тифлисѣ вымогатели предавались массами, группами, десятками. И ни въ одномъ сообщеніи изъ Тифлиса мы не находимъ болѣе или менѣе вразумительнаго опредѣленія преступнаго дѣянія. Департаментъ полиціи, въ качествѣ кассаціонной инстанціи понимающій не больше тифлисскаго генералъ-губернатора, оставлялъ такія сообщенія нетронутыми и въ объясненія не входилъ.

Изъ грабежей наиболѣе характерною формою является ограбленіе винныхъ лавокъ—очень часто; ограбленіе банковъ, почтовыхъ поѣздовъ и т. п.—явленія единичныя и рѣдкія.

Убійства точно также сравнительно рѣдки, въ большинствѣ случаевъ обвиненіе квалифицируется лишь какъ покушеніе на убійство. Здѣсь наблюдается то же самое, что и по вопросу о сопротивленіи полиціи: достаточно было показанія сыщика или полицейскаго, что задержанный грозился убить, и обвиненіе готово, такъ какъ провѣрять показаніе некогда, а учиться юридическимъ тонкостямъ терминологіи не приходится.

Такова общая характеристика преступныхъ дѣяній, которыя служили предметомъ разсмотрѣнія въ военно-полевыхъ судахъ.

Изъ изложеннаго видно, что не всѣ дѣянія носили тотъ террористическій характеръ, какъ это требовалось при самомъ созданіи военно-полевой юстиціи. Наоборотъ, многія дѣянія ничѣмъ не отличались отъ совершающихся ежедневно проступковъ, самыхъ обыкновенныхъ, облагаемыхъ незначительными наказаніями, не имѣющихъ въ себѣ ничего экстраординарнаго.

Но въ лѣтописи военно-полевой юстиціи занесено много такихъ дѣяній, которыя говорятъ сами за себя и не требуютъ ни коментаріевъ, ни поясненій. Вотъ небольшой перечень ихъ:

Въ Митавѣ 28 сентября состоялся полевой судъ надъ тремя крестьянами: Страутманомъ, Якобсономъ и Зекке. Ихъ виновность выразилась въ томъ, что они явились въ волостное правленіе и произвели въ немъ безчинства: разбили прежде всего окна, взобрались въ помѣщеніе, изорвали въ мелкіе клочки царскій портретъ и другіе портреты, перевернули все вверхъ дномъ, никого не тронули и спокойно ушли. Всѣ трое были преданы полевому суду. Не хочется вѣрить этому, не хочется вѣрить, что судъ—даже военно-полевой—могъ вынести имъ приговоръ о смертной казни. Но судъ вынесъ приговоръ и привелъ его въ исполненіе. Таковъ террористическій актъ...

Въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ прибѣгали къ простому средству: когда надо было придать проступкамъ характеръ террористическихъ актовъ, то полевой судъ, избѣгая конкретнаго опредѣленія виновности подсудимыхъ, прямо судилъ ихъ за «терроризованіе» населенія. Такъ, напримѣръ, того же 28 сентября въ Юзовкѣ было

предано полевому суду 12 человѣкъ за терроризованіе населенія, изъ подсудимыхъ—шестеро получило приговоры о смертной казни. Такъ избѣгали дробной юридической квалификаціи.

Въ октябрѣ въ Цабельнѣ полевой судъ разсматривалъ дѣло о «начальникѣ банды»—Алекснекѣ, но мы не знаемъ также, въ чемъ именно выразилось и его преступное дѣяніе. Надо полагать, что здѣсь руководствовались больше полицейскими указаніями, нежели фактическими обстоятельствами дѣла, которыхъ, быть можетъ, вовсе и не было.

Въ Митавѣ 26 октября состоялся полевой судъ надъ двумя рабочими, при чемъ ихъ виновность была квалифицирована, какъ «руководство тайной организаціей рабочихъ»—и больше ничего, какъ будто нѣтъ организацій, хотя и тайныхъ, но составленныхъ для не преступныхъ цѣлей или для цѣлей, которыя не даютъ права полевому суду судить виновныхъ.

Въ Керчи 31 октября судили нѣкоего Дехне только за одно «разбрасываніе прокламацій» безъ всякихъ другихъ насильственныхъ дѣйствій. И это одно уже давало полевому суду право выполнить его несложную задачу.

Въ Варшавѣ 2 ноября полевой судъ присудилъ къ разстрѣлянію «троихъ агитаторовъ въ пользу забастовки», и приговоръ надъ виновными исполненъ.

Спеціальный военно-полевой судъ морского вѣдомства 15 ноября присудилъ къ ссылкѣ въ каторжныя работы флагманскаго комендора Савинова за «оскорбленіе морского офицера въ нетрезвомъ видѣ». Здѣсь уже къ интересамъ чисто политическимъ были присоединены интересы воинской дисциплины, которымъ законъ 22 августа отводитъ значительное мѣсто для дѣйствія военно-полевой юстиціи.

8 ноября въ Ригѣ состоялся полевой судъ надъ нѣкіимъ Бурверомъ, который совершилъ простое убійство на романической почвѣ, безъ всякихъ политическихъ, сословныхъ или классовыхъ намѣреній—онъ убилъ свою любовницу въ порывѣ ревности. Казалось бы, что здѣсь налицо самое простое убійство, подсудное общему суду; но ревельская администрація захотѣла заняться вообще искорененіемъ преступности, почему полевой судъ и вынесъ виновному смертный приговоръ.

Отсутствіе террористическихъ видовъ нисколько не смущало администрацію не только въ Ригѣ, но въ особенности на Кавказѣ: тамъ, напримѣръ, 23 ноября въ Тифлисѣ полевой судъ принялъ къ своему разсмотрѣнію дѣло о 14 лицахъ, изъ которыхъ нѣкоторые обвинялись въ изнасилованіи. Приговоръ суда былъ частью—разстрѣляніе, частью—безсрочная каторга, частью—оправданіе.

Говоря о преступленіяхъ, нельзя не коснуться вопроса о требованіи закона, чтобы полевой судъ слѣдовалъ немедленно за совершеніемъ преступнаго дѣянія. На этомъ требованіи особенно настаивалъ совѣтъ министровъ, и поэтому оно должно было бы особенно соблюдаться. Но на дѣлѣ мы видимъ совершенно другое, и часто бывало, что старыя преступленія, давно забытыя, восходили на разсмотрѣніе полевой юстиціи. Въ этомъ—особенно важное нарушеніе

самыхъ элементарныхъ требованій закона и самое откровенное игнорированіе закона въ интересахъ быстроты репрессіи.

Такъ, напримѣръ, чѣмъ руководствовался полевой судъ въ Ревелѣ и какъ допустила администрація, чтобы Харьковицъ, совершившій покушеніе на жизнь городового еще 14 іюля, былъ судимъ 21 сентября. Агентскія телеграммы остались безъ опроверженія, правительство не отозвалось на нихъ ни словомъ,—слѣдовательно фактъ возмутительнаго преданія суду остается несомнѣннымъ и одобреннымъ правительствомъ.

Точно также въ Митавѣ 12 октября происходилъ военно-полевой судъ надъ Штромбергомъ, совершившимъ «вооруженное нападеніе» на драгунъ въ декабрѣ 1905 года! Если бы и это сообщеніе оказалось невѣрнымъ, освѣдомительное бюро поспѣшило бы опровергнуть его, но оно замолчало фактъ, еще болѣе возмутительный, чѣмъ предыдущій.

Военная администрація слѣдовала по стопамъ гражданской: въ Иркутскѣ 22 ноября состоялся судъ по дѣлу саперъ, участвовавшихъ въ майскихъ безпорядкахъ.

Въ Митавѣ полевой судъ принялъ къ разсмотрѣнію дѣло о Рихтерѣ, Силингѣ, Андерсонѣ, Шилерѣ и Вихманѣ, обвиняемыхъ въ участіи въ революціонномъ движеніи въ концѣ 1905 года.

Все это совершалось какъ до циркуляра совѣта министровъ 12 октября, такъ и послѣ циркуляра, хотя въ немъ тщательно отмѣчалось необходимое условіе для полевого суда—созывъ суда непосредственно вслѣдъ за учиненіемъ преступнаго дѣянія.

V.

Изъ наказаній, примѣнявшихся полевыми судами, доминирующимъ была смертная казнь. Въ этомъ отношеніи приходится отмѣтить странное недоразумѣніе, которое постигло въ равной мѣрѣ какъ самихъ судей, такъ и общество. Нигдѣ: ни въ правительственномъ сообщеніи 25 августа, ни въ самомъ законѣ о полевомъ судѣ не было указано, что суды обязаны примѣнять исключительно смертную казнь. Тамъ говорилось о «подлежащихъ случаяхъ», т. е. о тѣхъ случаяхъ, когда именно законъ категорически требуетъ смертной казни и не допускаетъ меньшихъ наказаній. Въ виду этого полевая юстиція могла дѣйствовать и другими мѣрами карательнаго воздѣйствія, менѣе сильными. Съ другой стороны, полевой судъ долженъ былъ, какъ и всякій другой судъ, примѣнять обычные способы распознаванія истины, производить допросы, экспертизу и т. п.

Но въ общественномъ представленіи и въ судейскомъ сознаніи полевой судъ получалъ физіономію безсуднаго судилища, обязаннаго ко всякому преступнику примѣнять смертную казнь. И только иногда побочныя обстоятельства (напримѣръ, нахожденіе въ числѣ судей офицеровъ съ юридическимъ образованіемъ) побуждали судей измѣнять обычную казнь. По слухамъ, въ недавнее время было отдано циркулярное распоряженіе именно въ этомъ смыслѣ, но оно остается пока для печати неизвѣстнымъ.

Въ рѣдкихъ случаяхъ назначалась каторжная работа—безсрочная и временная, ссылка на поселеніе, отдача въ арестантскія отдѣленія и даже долгосрочное тюремное заключеніе.

Смертная казнь примѣнялась въ формѣ повѣшенія и разстрѣлянія, и мы не можемъ установить, какой видъ преобладалъ. Но зато мы знаемъ, что часто не находилось палачей, и тогда поневолѣ власти прибѣгали къ разстрѣлянію. При этомъ необходимо имѣть въ виду, что повѣшеніе по военно-уголовному кодексу считается менѣе почетнымъ видомъ смертной казни и назначается въ случаяхъ совершенія корыстныхъ преступленій.

Разумѣется, при исполненіи приговоровъ военно-полевыхъ судовъ не столько руководствовались почетностью или позорностью казни, сколько интересами быстроты приведенія приговора въ исполненіе и удобствомъ разстрѣлянія; при повѣшеніи требовались особыя приготовленія, иногда замедлявшія теченіе правосудія.

Печать сохранила для насъ нѣсколько случаевъ изъ исторіи приведенія приговоровъ полевой юстиціи. Часто случалось, что послѣ долгихъ поисковъ находился палачъ, обыкновенно диллетантъ, не умѣющій обращаться съ карательными инструментами. Осужденные вздергивались неумѣло, срывались; мученія увеличивались, агонія замедлялась. Объ этомъ тяжело писать.

Иногда полевые суды оказывались снисходительными: бывали такіе случаи. Но чтобы получить объ этомъ снисхожденіи должное представленіе, мы приведемъ нѣкоторыя данныя.

Въ Батумѣ 16 сентября военно-полевой судъ призналъ малолѣтняго Киладзе виновнымъ въ грабежѣ и присудилъ его къ смертной казни черезъ повѣшеніе, но при этомъ принялъ во вниманіе его малолѣтство и замѣнилъ смертную казнь ссылкой въ каторжныя работы на 12 лѣтъ. Для юриста такая замѣна представляется понятной, а не для юриста надо отмѣтить, что малолѣтніе по закону вовсе не должны быть ссылаемы на каторгу, какъ это укажемъ ниже.

Въ Кіевѣ 28 сентября крестьянину Калинѣ смертная казнь была замѣнена безсрочной каторгой въ виду того, что имъ было совершено лишь покушеніе на убійство, а не самое убійство.

Въ Ревелѣ 23 сентября по дѣлу 5 неизвѣстныхъ, полевой судъ имѣлъ два засѣданія, при чемъ въ первомъ замѣнилъ одному изъ подсудимыхъ смертную казнь ссылкой на каторгу на 20 лѣтъ. Приговоръ этотъ былъ отмѣненъ.

Въ Минскѣ 11 октября 4 человѣка были преданы полевому суду за нападеніе на казенную винную лавку и за грабежъ въ ней. На судѣ подсудимые не только во всемъ раскаялись, но принесли еще чистосердечное сознаніе, просили прощенія, становились на колѣни, плакали, ссылались на свое пьянство, вообще всѣмъ поведеніемъ своимъ на судѣ подтверждали, что они не террористы и не революціонеры, а просто бѣдные пьяницы. Судъ внялъ имъ и, присудивъ всѣхъ четверыхъ къ смертной казни, замѣнилъ для двоихъ каторгой на 12 лѣтъ, а для другихъ двоихъ—каторгой на 10 лѣтъ.

Въ Тифлисѣ 5 декабря на разсмотрѣніе военно-полевого суда было передано дѣло о 24 лицахъ обвиняемыхъ въ грабежѣ. Пяти

лицамъ было назначено разстрѣляніе, но затѣмъ судъ замѣнилъ его безсрочной каторжной работой, такъ какъ на судѣ виновные выдали главарей и другихъ участниковъ. Тамъ же, въ засѣданіи 18 декабря, разбойникъ Гіашвили былъ присужденъ къ повѣшенію, но съ замѣною безсрочною каторгою также въ виду полнаго раскаянія и выдачи соучастниковъ. Эта выдача соучастниковъ, какъ въ настоящемъ, такъ и въ другихъ случаяхъ была въ сущности однимъ бездоказательнымъ оговоромъ, что однако не мѣшало служить ему причиной замѣны наказанія.

Наконецъ, слѣдуетъ отмѣтить и еще одинъ случай замѣны смертной казни. На этотъ разъ мы имѣемъ дѣло съ вопіющимъ случаемъ. Въ Иркутскѣ 12 января 1907 г. состоялся судъ надъ Павленковой, обвинявшейся въ укрывательствѣ убійства. По закону ей въ самомъ крайнемъ случаѣ могло быть назначено наказаніе каторжными работами. Но судъ, не принимая во вниманіе укрывательства и не понижая по закону наказанія, назначилъ обвиняемой смертную казнь. И только лишь послѣ заявленія подсудимой, что она находится въ состояніи беременности, и послѣ изслѣдованія ея черезъ врачей смертная казнь была замѣнена ей судомъ; въ окончательномъ результатѣ Павленкова была присуждена къ безсрочной каторжной работѣ.

Характерная замѣна имѣла мѣсто въ Могилевѣ 1 декабря, когда двумъ подсудимымъ—Фейгину и Малѣеву—повѣшеніе было замѣнено разстрѣляніемъ, а Одноглазову—смертная казнь—безсрочною каторгою по мотивамъ, которые судъ тщательно почему то обошелъ.

Во всѣхъ этихъ замѣнахъ наблюдается одно: отсутствіе законности и полное господство усмотрѣнія администраціи или самихъ судей. Законъ совершенно игнорируется. Судъ считаетъ себя снисходительнымъ, и вмѣсто небольшого наказанія по закону, назначаетъ большое наказаніе по усмотрѣнію, замѣняя это послѣднее меньшимъ наказаніемъ уже изъ чувства снисходительности. Такія замѣны не производятъ желательнаго впечатлѣнія въ общей массѣ смертныхъ казней и не порождаютъ сознанія, что полевой юстиціи свойственно чувство правосудія.

До сихъ поръ мы имѣли въ виду замѣну смертной казни, какъ фактъ снисхожденія или необходимости, вынесенный самимъ судомъ, по его усмотрѣнію. Но полевой юстиціи извѣстны и другіе случаи замѣны наказаній путемъ ходатайствъ о снисхожденіи, когда самъ судъ, не находя основаній для пониженія отвѣтственности, обращается къ администраціи съ ходатайствомъ о пониженіи смертной казни.

Такихъ случаевъ немного, но на нихъ тѣмъ не менѣе слѣдуетъ обратить особенное вниманіе. Они могутъ служить новымъ подтвержденіемъ отсутствія въ дѣлахъ полевой юстиціи всякой законности. Самое появленіе такихъ ходатайствъ противорѣчитъ основному правилу, по которому приговоръ полевого суда входитъ въ силу немедленно по его объявленіи. Разумѣется, мы не высказываемся противъ судебныхъ ходатайствъ, но отмѣчаемъ лишь оригинальность самой постановки вопроса, при которой законъ какъ бы вовсе исчезаетъ изъ обихода юстиціи и единственнымъ источникомъ милости и снисхожденія является воля начальства.

Въ Одессѣ 11 октября по дѣлу Козакевича, обвиняемаго въ грабежахъ, военно-полевой судъ возбудилъ ходатайство передъ командующимъ войсками одесскаго военнаго округа о замѣнѣ назначенной виновному смертной казни ссылкою въ каторжныя работы. Ходатайство было удовлетворено.

Точно также въ Елизаветградѣ 6 ноября полевой судъ присудилъ Мельникова и Погуляева за грабежъ къ разстрѣлянію, но ходатайствовалъ передъ военнымъ начальствомъ о замѣнѣ смертной казни вѣчными каторжными работами.

Военно-полевой судъ въ Лодзи по дѣлу Скавронскаго и Котелка ходатайствовалъ о смягченіи передъ Высочайшею властью.

Наконецъ въ Тифлисѣ 16 го декабря полевой судъ представилъ на усмотрѣніе генералъ-губернатора вопросъ о помилованіи двухъ грабителей—Китаева и Карапетова—и о замѣнѣ смертной казни безсрочною каторгою. Въ ходатайствѣ отмѣчалось, какъ причина снисхожденія, что обвиняемые помимо раскаянія, выдали всѣхъ своихъ соучастниковъ и этимъ облегчили для суда открытіе какъ новыхъ обстоятельствъ, такъ и новыхъ преступниковъ, что несомнѣнно даетъ право военно-полевому суду войти съ ходатайствомъ о смягченіи участи виновныхъ, такъ какъ поощреніе такого поведенія на судѣ можетъ имѣть положительное вліяніе въ дѣлѣ борьбы съ преступленіями.

Относительно требованій закона о немедленномъ приведеніи приговоровъ полевыхъ судовъ въ исполненіе приходится отмѣтить также нѣсколько случаевъ для характеристики положенія военно-полевой юстиціи. Законъ, давая 24 часа на приведеніе приговора въ исполненіе, имѣлъ въ виду быстроту репрессіи, которая не допускаетъ сожалѣній къ своей жертвѣ. Ни одно законодательство не позволяетъ причинять приговоренному къ смерти столькихъ мученій, какъ наше начальническое законодательство. Въ дѣлахъ полевой юстиціи замедляли приводить приговоры въ исполненіе, и исполняли ихъ тогда, когда острота случая стушевывалась, когда необходимости въ исполненіи приговора не было, когда ничего не стоило отказаться отъ тяжкихъ карательныхъ мѣръ.

Такъ, напримѣръ, въ Тифлисѣ осужденнаго за грабежъ Серадзе томили цѣлую недѣлю: осудили 22-го сентября, а повѣсили 29-го сентября.

Недѣля прошла между объявленіемъ приговора и приведеніемъ въ исполненіе смертной казни для Кочетова и Кокелидзе, осужденныхъ военно-полевымъ судомъ въ Томскѣ за убійство и грабежъ.

Но уже совсѣмъ безнужно былъ приведенъ 16-го декабря въ исполненіе приговоръ о разстрѣляніи Потасинскаго за преступленіе, которое разсматривалось полевымъ судомъ въ Лодзи 2-го декабря.

Словомъ, въ какую бы деталь не проникли мы, намъ тотчасъ же приходится сталкиваться съ самымъ откровеннымъ нарушеніемъ откровеннаго во всѣхъ отношеніяхъ закона.

VI.

Отсутствіе процессуальнаго навыка у военно-полевыхъ судей не рѣдко заставляло ихъ совершенно добросовѣстно впадать въ самыя непростительныя ошибки. Иногда эти ошибки исправлялись, иногда замалчивались, но за то ошибки всегда оказывались роковыми для тѣхъ, кто имѣлъ несчастье подпасть подъ карательную руку полевой юстиціи.

Вотъ нѣсколько характерныхъ нарушеній, которыя мы отмѣчаемъ въ хронологическомъ порядкѣ.

На судѣ по дѣлу Мазурина и Андреева выяснилась полная непричастность Андреева къ дѣянію Мазурина, но Андреевъ вмѣстѣ съ тѣмъ на судѣ заявилъ о своей принадлежности къ боевой организаціи. Московскій полевой судъ въ такихъ условіяхъ поступаетъ очень оригинально: онъ прежде всего оправдываетъ Андреева по вопросу о соучастіи съ Мазуринымъ. Затѣмъ признаетъ его виновнымъ въ принадлежности къ боевой организаціи, но приговора за это не выноситъ, а просто передаетъ его въ распоряженіе администраціи. Послѣдняя въ административномъ же порядкѣ подвергаетъ Андреева за ношеніе револьвера трехмѣсячному аресту при полиціи, а за принадлежность къ «сообществу» Андреевъ поступаетъ въ вѣдѣніе гражданской юстиціи.

Почти также поступилъ военно-полевой судъ въ Баку: ему было предано трое крестьянъ по обвиненію въ грабежахъ. На судѣ вполнѣ открылась ихъ невиновность. Судъ оправдываетъ ихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаетъ представленіе относительно неблагонадежности оправданныхъ. Администрація поступаетъ также очень просто и административно высылаетъ оправданныхъ изъ Баку, съ воспрещеніемъ возвращаться обратно.

Аналогичный случай имѣлъ мѣсто въ Москвѣ 14-го ноября, при сужденіи по дѣлу о братьяхъ Романенко: одинъ изъ нихъ былъ присужденъ къ повѣшенію, дѣло другого брата было выдѣлено и передано общему суду.

Въ Бахмутѣ 14-го сентября военно-полевой судъ при разсмотрѣніи дѣла о покушеніи на жизнь директора Петровскихъ заводовъ постановилъ передать дѣло на разсмотрѣніе военно-окружнаго суда; мотивомъ для такого постановленія послужило то обстоятельство, что самое преступленіе было совершено до учрежденія полевыхъ судовъ.

Въ Севастополѣ въ дѣло о покушеніи на жизнь генерала Думбадзе полевой судъ внесъ нѣсколько оригинальныхъ чертъ. Какъ извѣстно, обвиняемый Сурковъ былъ оправданъ по недоказанности. Черезъ нѣсколько дней въ рептильной печати появились сообщенія, что оправданный полевымъ судомъ Сурковъ предается суду военно-окружному; вслѣдъ за этимъ и агентскія телеграммы удостовѣрили, что все слѣдственное производство по дѣлу направлено къ прокурору для дальнѣйшаго дослѣдованія, а затѣмъ Сурковъ снова будетъ преданъ суду.

Печать реагировала на это сообщеніе ссылками на законъ, при-

зывала къ законности; указывала, что при оправданіи подсудимый долженъ выйти на свободу, приговоръ вступаетъ въ силу, и дѣло не можетъ идти на дальнѣйшее дослѣдованіе. Какъ намъ извѣстно, вторичнаго приговора не послѣдовало, но судьба Суркова остается неизвѣстной.

Точно также въ Москвѣ 28 ноября, въ два часа ночи, военно-полевой судъ вынесъ приговоръ, которымъ четверо подсудимыхъ, братья Тараканниковы и братья Котловы, обвинявшіеся въ нападеніи въ Павловскомъ посадѣ на городового и нанесеніи ему тяжкихъ ранъ, были присуждены къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы безъ срока.

Въ тотъ же день, 28 ноября, командующій войсками московскаго военнаго округа генералъ-лейтенантъ Гершельманъ кассировалъ этотъ приговоръ, найдя въ немъ допущенныя военно-полевымъ судомъ процессуальныя нарушенія: такъ, въ приговорѣ суда не сказано, въ чемъ онъ призналъ всѣхъ четырехъ подсудимыхъ виновными и на основаніи какой статьи закона приговорилъ ихъ вмѣсто смертной казни къ безсрочной каторгѣ. Въ виду этихъ процессуальныхъ нарушеній генералъ-лейтенантъ Гершельманъ 28 же ноября передалъ дѣло братьевъ Котловыхъ и братьевъ Тараканниковыхъ на вторичное разсмотрѣніе военно-полевого суда въ новомъ составѣ судей.

Вечеромъ 28 ноября состоялся военно-полевой судъ, который, вновь разсмотрѣвъ дѣло и выслушавъ свидѣтелей, призналъ братьевъ Котловыхъ и братьевъ Тараканниковыхъ, всѣхъ четырехъ, виновными въ убійствѣ городового и приговорилъ ихъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и смертной казни черезъ повѣшеніе.

29 ноября на разсвѣтѣ приговоръ военно-полевого суда надъ всѣми четырьмя осужденными былъ приведенъ въ исполненіе и смертная казнь приговоренныхъ сначала лишь къ каторжнымъ работамъ совершилась.

Съ этимъ фактомъ нельзя не сопоставить циркуляра совѣта министровъ отъ 12 октября, который несомнѣнно долженъ быть извѣстенъ генералу Гершельману. Въ этомъ циркулярѣ указывалось, что «нѣкоторыя административныя начальства полагали допустимымъ передавать дѣла, по которымъ уже состоялся приговоръ военно-полевого суда, на вторичное разсмотрѣніе другого судебнаго мѣста, если первоначально постановленный приговоръ представляется по ихъ мнѣнію несоотвѣтствующимъ обстоятельствамъ дѣла». Вслѣдствіе этого «въ устраненіе различнаго пониманія закона въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, совѣтъ министровъ долгомъ считаетъ разъяснить... что приговоры военно-полевого суда не могутъ быть ни въ какомъ случаѣ отмѣняемы, а потому передача завершившихся сими приговорами дѣлъ на вторичное разсмотрѣніе военно-полевого суда или другого судебнаго мѣста недопустима».

И тѣмъ не менѣе, въ противность и закону, и циркуляру ген. Гершельманъ, не имѣющій права вдаваться въ процессуальныя подробности дѣла, отмѣнилъ приговоръ и принудилъ замѣнить его смертными казнями.

Московскій случай вовсе не стоитъ особнякомъ.

Такъ 23 сентября въ Ригѣ были преданы полевому суду 5 человѣкъ по обвиненію въ убійствѣ полицейскаго. Судъ, разсмотрѣвъ дѣло, пришелъ къ убѣжденію, что обвиненіе зиждется на шаткихъ данныхъ, что въ дѣлѣ много непровѣреннаго, что виновность многихъ изъ преданныхъ суду стоитъ подъ вопросомъ. Согласно этому онъ вынесъ довольно мягкій приговоръ, по которому троихъ оправдалъ, а двоихъ присудилъ къ каторжнымъ работамъ на 20 лѣтъ. Однако, такой приговоръ показался слишкомъ мягкимъ, и его не трудно было, въ нарушеніе закона, отмѣнить по предписанію высшихъ властей.

Былъ снова созванъ судъ въ другомъ составѣ, и этотъ судъ вынесъ обвиняемымъ при тѣхъ же доказательствахъ четыре смертныхъ казни и одно оправданіе.

Но натянутость обвиненія была слишкомъ очевидна, и полевой судъ слишкомъ близко почувствовалъ себя заинтересованнымъ въ пересмотрѣ дѣла: по административному распоряженію одному изъ приговоренныхъ къ смертной казни разстрѣляніе было замѣнено ссылкою въ каторжныя работы на 20 лѣтъ.

Обращаетъ на себя вниманіе еще одинъ фактъ. Въ Благовѣщенскѣ 25 ноября по приговору военно-полевого суда были присуждены къ смертной казни трое неизвѣстныхъ за нападеніе на патруль. Генералъ-губернаторъ ознакомился съ существомъ обвиненія и пришелъ къ неожиданному рѣшенію: онъ отмѣнилъ приговоръ о всѣхъ троихъ и приказалъ направить дѣло къ судебному слѣдователю. Двое изъ обвиняемыхъ были тотчасъ же выпущены на свободу, а третій остался въ заключеніи до представленія залога. Этотъ фактъ единственный въ лѣтописяхъ полевой юстиціи.

Не менѣе характерны и распоряженія администраціи по дѣлу о нападеніи въ Петербургѣ въ Фонарномъ переулкѣ. Какъ извѣстно, часть захваченныхъ по дѣлу 14 октября была предана полевому суду, часть—военно-окружному, часть—общему суду. Если всѣ участники даннаго дѣянія виновны въ событіи, то по закону всѣ они подлежатъ одному и тому же суду.

Но администрація разсудила иначе: она предала тѣхъ, чье участіе несомнѣнно и очевидно, полевому суду, а надъ остальными учредила общій военный судъ. Очевидно, власти поступили неправильно: если выяснилось участіе въ событіи цѣлой группы лицъ, изъ которыхъ одни несомнѣнные, а другіе сомнительные участники, то, слѣдовательно, все дѣло не представляется настолько очевиднымъ и простымъ, какъ того требуетъ полевая юстиція, чтобы быть разсмотрѣннымъ въ полевомъ судѣ. И постановленіе приговора объ одной части, и приведеніе приговора надъ этой частью, и все, что совершено властями вслѣдъ за тѣмъ, явно противорѣчитъ закону.

Такимъ образомъ, положеніе, созданное администраціей, идетъ въ разрѣзъ и закону, и циркуляру совѣта министровъ. Всѣ заподозрѣнные въ соучастіи событія 14 октября, сомнительные и несомнѣнные, являются соучастниками одного и того же дѣянія; это событіе требовало обширнаго процессуальнаго изслѣдованія, каковое совершилось затѣмъ въ отношеніи другой части заподозрѣнныхъ.

А разъ дѣло требуетъ изслѣдованія, оно не есть очевидное, ergo —не подлежитъ разсмотрѣнію военно-полевого суда.

Все говоритъ за то, что нормы полевой юстиціи непригодны въ такихъ обстоятельствахъ. И тотъ фактъ, что заподозрѣнные раздѣлялись на произвольныя группы, распредѣлялись между разными судебными инстанціями и учрежденіями, показываетъ, что все совершается такъ, какъ то угодно администраціи и предъ чѣмъ всякій юристъ останавливается въ недоумѣніи; для упорядоченія дѣятельности военно-полевой юстиціи мало было однихъ разъясненій и циркуляровъ.

VIII.

Можно ли сомнѣваться при такихъ условіяхъ въ возможности судебныхъ ошибокъ, которыя несомнѣнно имѣли мѣсто, и тѣмъ чаще, чѣмъ быстрѣе совершался самый процессъ преданія полевому суду и сужденія.

Въ нашемъ распоряженіи имѣется немного такихъ случаевъ, но своею несомнѣнностью они производятъ гнетущее впечатлѣніе. Всякая судебная ошибка вызываетъ глубокое чувство ужаса, но ошибка, увѣнчанная смертною казнью, вызываетъ въ народномъ правосознаніи цѣлый рядъ сложныхъ комплексовъ чувствованій и совершенно отнимаетъ отъ смертной казни ея устрашающее воздѣйствіе. Если всякую судебную ошибку можно эквивалентировать и вознаградить, то какъ можно вознаградить смертную казнь.

3-го сентября въ Москвѣ былъ казненъ Звѣревъ за сопротивленіе и грабежи, выразившіеся въ нападеніяхъ на торговыя помѣщенія. Въ началѣ октября газеты сообщили, что «департаментъ полиціи донесъ совѣту министровъ, что московскій полевой судъ, не допросивъ Звѣрева по тѣмъ обвиненіямъ, по которымъ онъ былъ преданъ смертной казни, судилъ его безъ информаціоннаго матеріала обвиненія. По полученнымъ департаментомъ полиціи свѣдѣніямъ, нападеніе на городовыхъ и цѣлый рядъ ограбленій принадлежитъ не Звѣреву, а нѣкоему крестьянину Николаю Дементьеву, который, по свѣдѣніямъ того же департамента, скрылся за границу.»

Печать выждала около недѣли и не коментировала этого сообщенія, надѣясь, что департаментъ полиціи выступитъ со своими опроверженіями. Но прошла цѣлая недѣля, а фактъ оставался неопровергнутымъ. Тогда въ нѣкоторыхъ органахъ появились статьи, въ которыхъ отмѣчалась вся неправильность военно-полевой юстиціи; указывалось, что дѣяніе Звѣрева должно было быть очевиднымъ и не вызывать сомнѣній; обращали вниманіе, что теперь не остается никакихъ средствъ исправить ошибку и провѣрить, насколько приведенное сообщеніе близко къ истинѣ: въ самомъ дѣлѣ, никто, кромѣ кучки полицейскихъ и сыщиковъ, не могъ разсказать, что именно открылось на судѣ.

На статью—и именно на мою статью въ № 85 «Товарища»—откликнулся департаментъ полиціи спустя долгое время послѣ появленія самой статьи. Онъ опровергалъ не тѣ фактическія сообщенія, которыя обошли всѣ газеты, а мою статью, и пользовался средствами

опроверженія, которыя въ сущности не многое опровергли. Департаментъ полиціи утверждалъ въ своемъ опроверженіи, что Звѣревъ осужденъ правильно и никакой ошибки не произошло. «По доставленнымъ прокуроромъ судебной палаты свѣдѣніямъ,—говоритъ департаментъ полиціи,—Евгеній Звѣревъ осужденъ военно-полевымъ судомъ не за нападенія на городовыхъ и цѣлый рядъ ограбленій, какъ это указывается въ упомянутой статьѣ, а за то, что 1 сентября сего года, будучи преслѣдуемъ городовыми, съ цѣлью задержанія его, произвелъ въ одного изъ нихъ, а именно въ городового Сергѣева, выстрѣлъ изъ револьвера, которымъ пробилъ борты мундира Сергѣева и поранилъ своего товарища». Далѣе департаментъ ссылается на то, что «возможность всякой судебной ошибки въ осужденіи Звѣрева исключается тѣмъ, что основаніемъ къ признанію его виновнымъ въ преступномъ дѣяніи послужили не только показанія свидѣтелей на судебномъ слѣдствіи, но и собственное сознаніе Звѣрева передъ судомъ въ томъ, что онъ, съ цѣлью избѣжать поимки, выстрѣлилъ въ пытавшагося задержать его городового Сергѣева».

Такъ реагировалъ на сообщеніе департаментъ полиціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ лишилъ возможности провѣрить правильность приговора, и въ настоящее время намъ остается или вѣрить судебной ошибкѣ, или довѣрять департаментскимъ свѣдѣніямъ.

Въ самое недавнее время, именно 23 января, обнаружилась еще одна ошибка военно-полевого суда въ Одессѣ. На этотъ разъ печать не обошла молчаніемъ случая: оказывается, что повѣшенные 19 января два брата Трейгеръ, Оренбахъ и Грейгерманъ (Зейгерманъ) стали жертвою судебной ошибки: они ничего не имѣли общаго ни съ анархистами, ни съ другими партіями; они убѣжали съ массою другихъ жильцовъ изъ дома, подвергавшагося сильнѣйшему обстрѣлу, который былъ пріостановленъ, благодаря вмѣшательству самого полицеймейстера. Неизвѣстный, ранившій тяжело городового Тюлюлюкина, успѣлъ скрыться, осужденные же не отстрѣливались и не могли отстрѣливаться, такъ какъ не имѣли никакого оружія. Мать братьевъ Трейгеровъ впала въ буйное помѣшательство и нѣсколько разъ пыталась покончить съ собой. Правительство воздержалось отъ обсужденія этой судебной ошибки.

Еще одинъ не менѣе ужасный фактъ, который прошелъ мимо круга зрѣнія нашей печати. Онъ имѣлъ мѣсто въ Радомѣ 6 декабря послѣ осужденія военно-полевымъ судомъ нѣкоего малолѣтняго Вернера. Онъ былъ судимъ и присужденъ къ смертной казни по обвиненію въ участіи въ преступленіи. Полевой судъ призналъ его виновнымъ, несмотря на его несознаніе, и подвергъ его разстрѣлянію. Но вотъ 14 числа выяснилось, что Вернеръ дѣйствительно не при чемъ и что онъ не принималъ никакого участія въ убійствѣ. Выяснилось также, что настоящій убійца, проходя мимо Вернера, спросилъ его: дѣйствительно ли проходящее лицо и потомъ убитое есть такой-то? Вернеръ отвѣтилъ утвердительно и прошелъ дальше. Такой короткій разговоръ далъ поводъ сыщикамъ заподозрить Вернера въ соучастіи, а полевому суду—признать его виновнымъ въ соучастіи и вынести ему смертный приговоръ.

Наконецъ мы не можемъ не отмѣтить еще одного случая, имѣвшаго мѣсто въ Лодзи. Съ 25 на 26 октября полевой судъ приговорилъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе Сковронскаго и Котелка, обвиненныхъ въ стрѣльбѣ со двора дома въ проходившій на Пабіаницахъ патруль. Въ качествѣ переводчика при разборѣ дѣла былъ назначенъ начальникъ слѣдственной полиціи—Николаевъ. На обвиняемыхъ приговоръ произвелъ сильное впечатлѣніе. Это замѣтилъ Николаевъ и, подозрѣвая, что подсудимые скрываютъ что-то, отправился къ нимъ въ камеру. Приговоренные объяснили Николаеву, что были ошеломлены неожиданно строгимъ приговоромъ, такъ какъ они не виновны: стрѣлялъ на дворѣ нѣкій Анчакъ, владѣлецъ револьвера, и если бы знали, что будетъ такой приговоръ, то сразу сказали бы правду на судѣ. Николаевъ отправился къ начальнику гарнизона и доложилъ ему о слышанномъ. Начальникъ далъ 24 часа времени для производства слѣдствія. Николаевъ съ полиціей отправился въ Пабіанцы, гдѣ убѣдился, что выстрѣлъ былъ произведенъ не по направленію патруля, а въ противоположную сторону, гдѣ пуля пробила стѣну, и что такимъ образомъ выстрѣлъ былъ произведенъ Анчакомъ не по патрулю. 28 октября была отправлена высочайшая телеграмма съ ходатайствомъ объ отмѣнѣ приговора. Приговоръ конечно былъ отмѣненъ, но этотъ фактъ показываетъ, съ какой легкостью могли быть совершаемы судебныя ошибки въ дѣлахъ полевой юстиціи.

Весь циклъ процессуальныхъ правъ, указанныхъ въ законѣ о полевомъ судѣ, какъ будто созданъ исключительно для того, чтобы легко, свободно и безнаказанно совершать судебныя ошибки. Напомнимъ, что старые криминалисты смертную казнь по судебной ошибкѣ называли «общественнымъ зломъ, правовымъ бѣдствіемъ, столь же гибельнымъ для частныхъ лицъ, сколько и для общества, вносящимъ сомнѣніе, стоитъ ли быть послушнымъ велѣнію права и безукоризненнымъ».

VIII.

Не мало дѣлъ, разсмотрѣнныхъ полевыми судами, въ которыхъ фигурировали въ качествѣ обвиняемыхъ женщины и малолѣтніе.

Изъ нихъ заслуживаютъ вниманія слѣдующія:

Въ Иркутскѣ 14 ноября военно-полевой судъ разсматривалъ дѣло о 4-хъ мужчинахъ и 3 женщинахъ, преданныхъ суду по обвиненію въ убійствѣ на станціи Чита. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ никакихъ дальнѣйшихъ свѣдѣній о судьбѣ обвиняемыхъ.

12-го января также въ Иркутскѣ судилась нѣкая Павленкова за укрывательство убійства и, какъ выше мы уже указывали, была приговорена къ смертной казни, съ замѣной ея, вслѣдствіе беременности обвиняемой, безсрочною каторжною работою.

Неизвѣстна судьба и двухъ дѣвушекъ, о которыхъ телеграфныя агентства распространили слухи о преданіи ихъ военно-полевому суду. Сущность обвиненія ихъ сводилась къ подозрѣнію, что именно онѣ напали близь Риги въ сентябрѣ на портного съ цѣлью убійства и ограбленія.

Наконецъ нельзя не отмѣтить еще одного факта: въ Кіевѣ 29 декабря предъ военно-полевымъ судомъ предстала модистка Капланъ, привлеченная по поводу взрыва, который произошелъ въ ея квартирѣ; оказалось при изслѣдованіи, что Капланъ хранила у себя бомбу, которая и разорвалась, причинивъ служившей у Капланъ прислугѣ серьезныя пораненія. Кіевскій полевой судъ не рѣшился приговорить Капланъ къ смертной казни и присудилъ ее къ безсрочной каторжной работѣ.

Кронштадтскій полевой судъ въ засѣданіи 17 октября присудилъ Анастасію Мамаеву и Анну Венедиктову къ смертной казни и привелъ приговоръ въ исполненіе, хотя обвиненіе ихъ имѣло важные дефекты, самое дѣло представлялось сложнымъ и не было очевиднымъ. Казнь молодыхъ дѣвушекъ произвела сильное впечатлѣніе на всю Россію; разнеслись слухи о беременности одной изъ казненныхъ; общество взволновалось. Департаментъ полиціи выступилъ со своими опроверженіями, закрыли нѣсколько газетъ, распространившихъ слухи. И все-таки одно изъ глубокихъ нарушеній закона было совершено, и по дѣлу, требовавшему большихъ слѣдственныхъ дѣйствій, ограничились военно-полевымъ производствомъ и присудили къ смертной казни.

Вотъ весь небольшой скорбный женскій листъ изъ полевой лѣтописи.

Въ числѣ казненныхъ полевыми судами было немало несовершеннолѣтнихъ и малолѣтнихъ. По закону, обязательному и для военныхъ судовъ, надъ дѣтьми, недостигшими возраста 17 лѣтъ, при совершеніи ими преступленія, совершается особый судебно-медицинскій обрядъ—изслѣдованіе степени разумѣнія совершеннаго. Этотъ обрядъ производится съ большою тщательностью: такъ говоритъ законъ. Слѣдователь, при встрѣчѣ съ малолѣтнимъ, тотчасъ же обязанъ возбудить вопросъ о степени его разумѣнія и передать дѣло на разсмотрѣніе суда. Судъ призываетъ свидѣтелей, экспертовъ, разспрашиваетъ ихъ, разспрашиваетъ подсудимаго и только послѣ такой процедуры постановляетъ свое опредѣленіе о разумѣніи малолѣтнимъ свершеннаго. Но этимъ еще далеко не заканчиваются требованія закона: если даже изслѣдующій судъ и найдетъ малолѣтняго дѣйствовавшимъ съ разумѣніемъ, то судъ, судящій затѣмъ малолѣтняго, обязывается по закону поставить отдѣльный вопросъ о разумѣніи малолѣтняго и даже можетъ признать его дѣйствовавшимъ безъ разумѣнія.

Такими мѣрами пытались обезпечить правильность судебнаго рѣшенія; и этотъ законъ, который мы только что изложили, изданъ сравнительно недавно—въ 1897 году.

Какъ относится къ этому закону военная юстиція?

Мнѣ лично извѣстно нѣсколько характерныхъ случаевъ изъ этой области и вотъ нѣкоторые изъ нихъ. Какъ извѣстно, осенью 1906 г. временный военный судъ въ г. Севастополѣ вынесъ малолѣтнему Макарову, покушавшемуся на убійство ген. Неплюева, приговоръ—тюремное заключеніе срокомъ на четыре года. Послѣ покушенія 14 мая слѣдователь передалъ вопросъ о разумѣніи Макарова на разсмотрѣніе гражданскаго суда, который черезъ нѣсколько дней и по-

становилъ опредѣленіе о томъ, что Макаровъ дѣйствовалъ съ разумѣніемъ. Военный судъ точно также призналъ его разумѣющимъ и на строгомъ основаніи закона присудилъ его не къ смертной казни, а къ заключенію въ тюрьму. Въ этомъ случаѣ руководствовались 139 статьею уложенія, которая предписываетъ малолѣтнимъ, до 17 лѣтняго возраста, всегда замѣнять смертную казнь и другія наказанія тюремнымъ заключеніемъ. Дѣло Макарова разсматривалось въ маѣ прошлаго 1906 г. симферопольскимъ окружнымъ судомъ, выѣзжавшимъ съ этою цѣлью въ Севастополь.

Но въ то же самое время военно-морской судъ въ томъ же Севастополѣ въ аналогичномъ же случаѣ поступилъ прямо наоборотъ. Въ дѣлѣ 360-ти матросовъ и солдатъ былъ подсудимый Гизеръ, музыкантъ, мальчикъ, не достигшій 16-ти лѣтъ, тѣмъ не менѣе никакого изслѣдованія степени разумѣнія произведено не было, а военно-морской судъ, состоявшій изъ адмираловъ и офицеровъ, счелъ себя компетентнымъ для разрѣшенія сложныхъ медицинскихъ вопросовъ.

Если въ одномъ и томъ же городѣ разными властями совершаются въ аналогичныхъ случаяхъ различныя процессуальныя дѣйствія, что же можно совершать тамъ, гдѣ интересы юстиціи отходятъ на задній планъ—въ юстиціи военно-полевой?

Указанные нами законы извѣстны даже не всѣмъ профессіональнымъ юристамъ, и можетъ ли ихъ знать военное начальство? Однако, полевые суды обязаны производить разслѣдованіе малолѣтнихъ и не сами, а чрезъ посредство гражданскихъ судовъ, и только въ томъ случаѣ, если гражданскіе суды признаютъ даннаго малолѣтняго дѣйствовавшимъ съ разумѣніемъ, примѣнять къ нему всѣ нормы полевого судебнаго воздѣйствія во всей ихъ мѣрѣ. Но и здѣсь въ силу закона нельзя примѣнять къ малолѣтнимъ, не достигшимъ 17 лѣтъ, смертной казни.

Однако, надъ малолѣтними и несовершеннолѣтними казни свершались. Иногда за малолѣтство назначали вмѣсто казни каторжныя работы, но и такая милость судовъ была незаконною и неправильною.

Въ Ченстоховѣ напримѣръ 22 сентября было разстрѣляно 4 малолѣтнихъ. Въ Новороссійскѣ 17 января казнь свершилась надъ едва достигшимъ 17 л. Рига и весь Прибалтійскій край въ теченіе октября были не разъ свидѣтелями совершенія казней надъ малолѣтними и дѣтьми, и казнь Левина, Іоффе и Шафрона долго не будетъ забыта.

Наиболѣе широкую дѣятельность проявляли сухопутные полевые суды. Военно-морскіе полевые суды собирались рѣдко: всего два раза. Были наконецъ военно-полевые суды спеціально для военныхъ, образованные на основаніи спеціальнаго же закона для военнослужащихъ.

Суды происходили тамъ, гдѣ было удобнѣе и ближе къ преступнику или къ мѣсту преступленія. Чаще всего полевой судъ собирался въ тюрьмахъ, крѣпостяхъ, полковыхъ канцеляріяхъ, арестныхъ помѣщеніяхъ при полиціи. Но были и настоящіе полевые суды, подъ открытымъ небомъ—это въ Прибалтійскомъ краѣ. Въ Феллинѣ, напримѣръ, судъ происходилъ недалеко отъ мѣста совершенія преступленія латышами Пентомъ и Линденбергомъ, но за то для совершенія казни осужденныхъ привели на мѣсто совершенія преступленія, созвали

окрестныхъ жителей и публично совершали казнь. И всѣ смотрѣли на ужасы, до которыхъ дошли мы въ наше время...

Общій отзывъ—умирающіе осужденные держали себя съ достоинствомъ, и рѣдко бывало, что подстрѣленный или искалѣченный осужденный терялъ сознаніе предъ казнью.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ полевой судъ происходилъ надъ больными и умирающими людьми; такъ по дѣлу о покушеніи на ген. Рейнбота полевой судъ допрашивалъ подсудимаго, зная, что тотъ не можетъ ничего слышать, такъ какъ былъ серьезно оглушенъ разрывомъ снаряда. Услужливая телефонная агентура изъ Москвы ссылалась, что генер. Рейнботъ передъ судомъ самъ допрашивалъ покушавшагося посредствомъ письма.

Руководителями военно-полевой юстиціи выступали начальники гарнизоновъ и начальники отрядовъ. Властью генералъ-губернаторовъ облекались юные офицерскіе чины. Надъ всѣмъ господствовалъ департаментъ полиціи, и нѣсколько сотъ казней свершилось за шесть мѣсяцевъ.

Ниже мы приводимъ страшный листъ смертей по приговорамъ полевыхъ судовъ, и ужасомъ вѣетъ отъ него.

IX.

Говоря о полевой юстиціи, мы не можемъ обойти молчаніемъ нормальной военной юстиціи. Нельзя не коснуться также и карательныхъ экспедицій.

Общая схема юстиціи нашего времени очень сложна.

У насъ существуетъ нормальный военный судъ, который разсматриваетъ дѣла о гражданскихъ лицахъ нормальнымъ порядкомъ въ томъ случаѣ, если они предаются этому суду на основаніи исключительной охраны.

Тотъ же нормальный судъ выходитъ изъ положенія нормальнаго суда, разъ только въ приказѣ о преданіи суду будетъ поставлена многозначительная фраза: «для сужденія по законамъ военнаго времени». При такихъ условіяхъ, военная юстиція вооружается всѣми рѣшительными средствами воздѣйствія и свободно осуществляетъ смертную казнь.

Затѣмъ слѣдуетъ военно-полевая юстиція, дѣйствующая на основаніи спеціальныхъ полномочій.

Наконецъ, совершенно упрощенная военная юстиція выливается въ форму карательной экспедиціи.

Вотъ какова общая схема военной юстиціи.

И мы затрудняемся отдать преимущество какой-либо изъ нихъ. Ужасы, совершавшіеся въ полевыхъ судахъ, шли рядомъ, рука-объ-руку со смертными казнями, расточаемыми щедро военными судами нормальнаго порядка. Бывали дни, когда число смертныхъ приговоровъ, вынесенныхъ полевыми судами, было значительно ниже числа смертныхъ приговоровъ, вынесенныхъ нормальными военными судами. Случалось, что все вниманіе дня было именно сосредоточено на пригово-

рахъ общихъ военныхъ судовъ, и въ массѣ казней пропадали незамѣтно приговоры полевой юстиціи, казни карательныхъ экспедицій.

Случалось, что вѣсти о полевыхъ судахъ прятались въ нонпарели или петитѣ телеграммъ, а десятки казней выдвигались впередъ, корпусомъ, и привлекали всеобщее вниманіе: этотъ корпусъ приходился на долю военно-окружныхъ судовъ. И когда заговорили было объ отмѣнѣ полевыхъ судовъ—такое время было въ началѣ декабря—нѣкоторые органы печати разсѣяли иллюзіи общества приведеніемъ цыфръ, краснорѣчиво убѣждающихъ, что суть дѣла не въ полевой юстиціи.

Мы отказываемся приводить здѣсь параллельно цыфры и имена казненныхъ по приговорамъ общихъ военныхъ судовъ, Но скажемъ, что военные суды дѣйствовали и раньше полевыхъ, и при участіи свѣдущихъ спеціалистовъ.

Еще не началъ дѣйствовать полевой судъ, а ужъ въ Митавѣ разстрѣляно по приговору военно-окружного суда трое, въ Петербургѣ казнена Коноплянникова, въ Варшавѣ, Кіевѣ, Ригѣ, Одессѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Благовѣщенскѣ, Москвѣ, Харбинѣ, Читѣ, Иркутскѣ—всюду казни и казни.

Словомъ, въ теченіе шести мѣсяцевъ наблюдалась конкуренція юстиціи, и мы затрудняемся отдать преимущество какой-либо изъ нихъ.

Рядомъ съ этимъ отдавались высшими властями такіе приказы:

«Владикавказъ 24 ноября: Начальникомъ Веденскаго округа по распоряженію генералъ-губернатора, объявлено населенію, что за всякаго убитаго русскаго и за малѣйшее противодѣйствіе властямъ, виновные аулы будутъ снесены артиллеріей. Такой же участи будутъ подвергнуты жилища и селенія, въ которыхъ найдутъ пріютъ разбойникъ Зелихманъ и его шайка».

Рядомъ съ этимъ 10 ноября временный прибалтійскій генералъ-губернаторъ распоряжается прекратить исполненіе тѣлесныхъ наказаній въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ и перейти къ болѣе правильной организаціи полевыхъ судовъ.

А карательныя экспедиціи, постоянныя и временныя, спеціально организованныя и дебютирующія, проходятъ и дѣлаютъ свое дѣло.

На нихъ мы остановимся. Для будущаго историка карательныхъ экспедицій мы сохранили одинъ документъ, который прольетъ много свѣта на эти темныя дѣла. Созданныя безъ закона, но не въ нарушеніе закона, онѣ получили въ свое распоряженіе особые наказы-инструкціи.

Первая инструкція была создана, по иниціативѣ П. Н. Дурново, главнымъ военнымъ прокуроромъ при участіи ближайшихъ его помощниковъ военно-судебнаго вѣдомства. Инструкція была составлена наспѣхъ и вручена первому экспедитору — ген. Орлову; жертвами этой инструкціи въ одной Эстляндской губерніи было 214 человѣкъ по оффиціальнымъ исчисленіямъ.

Этою инструкціею воспользовались и остальныя экспедиціи, такъ что приводимая здѣсь инструкція есть общая для всѣхъ карательныхъ экспедицій.

Вотъ ея дословное содержаніе:

«Въ виду отмѣны прибалтійскимъ генералъ-губернаторомъ п. 3-го инструкціи отъ 1 января сего года, объявляю къ неуклонному и точному исполненію начальникамъ отрядовъ нижеслѣдующее:

1. Виновные въ насильственномъ посягательствѣ въ формѣ подстрекательства отдѣльныхъ лицъ или цѣлыхъ группъ населенія на измѣненіе въ Россіи образа правленія.

2. Виновные въ подговорѣ другихъ къ вооруженному возстанію противъ правительства, въ особенности имѣвшіе въ своемъ распоряженіи средства для взрыва, или складъ оружія.

3. Виновные въ подговорѣ и подстрекательствѣ другихъ къ ниспроверженію существующаго государственнаго строя.

4. Виновные въ умышленномъ истребленіи, поврежденіи, умышленномъ зажигательствѣ и вообще вооруженномъ нападеніи на недвижимое имущество частныхъ лицъ, а главнымъ образомъ подговорщики и подстрекатели къ перечисленнымъ преступленіямъ.

5. Виновные въ вооруженномъ нападеніи на законныхъ должностныхъ лицъ края съ цѣлью принудить ихъ, подъ угрозой смерти, отказаться отъ своихъ правъ и обязанностей, въ особенности, если дѣйствія эти сопровождались нанесеніемъ ранъ и тяжкихъ побоевъ и т. д.

Во всѣхъ перечисленныхъ случаяхъ, при несомнѣнной доказанности виновности обвиняемыхъ со стороны мѣстныхъ гражданскихъ властей, вмѣняется въ обязанность военному начальству, руководившему вооруженной силой, подвергать виновныхъ немедленному разстрѣлянію, донося мнѣ, какъ о лицахъ, доказавшихъ виновность подвергнутаго экзекуціи, такъ и о личности послѣдняго.

Подлинный подписалъ: Эстляндскій генералъ-губернаторъ, генералъ-лейтенантъ Саранчовъ. 5 января 1906 года. Гор. Ревель.

Здѣсь откровенность полная: немедленное разстрѣляніе и донесеніе о совершенномъ.

Конечно, мы не въ силахъ установить хотя бы приблизительную цыфру казненныхъ карательными экспедиціями за время дѣйствія военно-полевыхъ судовъ. Но вотъ отрывки изъ агентскихъ телеграммъ:

15 сентября—въ Кокенгаузенѣ разстрѣляно 5 человѣкъ.

16 сентября—въ Фридриховской волости разстрѣляны нападавшіе на лавку, 19-го — въ Лифляндіи карательнымъ отрядомъ подвергнуто разстрѣлянію нѣсколько человѣкъ, 21-го — разстрѣляно въ Гольдингенскомъ уѣздѣ 15 человѣкъ; 29-го — разстрѣляно драгунами въ Лифляндіи 6 крестьянъ, въ Фридрихштадскомъ уѣздѣ — 3 лѣсныхъ братьевъ; 23-го—въ Курляндіи—10 человѣкъ подвергнуто разстрѣлянію; 24-го—26 человѣкъ; 26-го — близъ Гольдингена разстрѣляно 6 человѣкъ. Изъ телеграммъ 13 ноября узнаемъ: въ Прибалтійскомъ краѣ разстрѣляно—5 человѣкъ, въ Туккумѣ—2 человѣка, въ Стародубѣ—два брата Лаппинъ, въ Гальсенѣ—садовникъ Грюнбергъ и т. д. безъ конца.

Тремя путями шло искорененіе крамолы. Смертями добивались умиротворенія страны. Умиротвореніе, конечно, не достигнуто и, тѣмъ не менѣе, висѣлицы не перестаютъ работать и до сегодняшняго дня.

Н. И. Фалѣевъ.

Дѣятельность военно-полевыхъ судовъ до 1 февраля 1907 г.

(по даннымъ телеграфныхъ агентствъ).

Числа.		Фамиліи.	Преступленія.	Приговоры судовъ.
26 авг.	Рига	2 неизвѣстныхъ	сопротивл. полиц.	повѣш.
28 „	Москва	Вл. Мазуринъ, б. студ.	напад. на полиц.	„
28 „	„	Пвл. Андреевъ	„	оправд.
28 „	Рига	Мельбардъ	грабежъ	повѣш.
28 „	„	Арманьевъ	„	„
31 „	„	3 неизвѣстныхъ	спртвл. грабеж.	см. казнь
1 сент.	Кіевъ	Пашковскій	грабежъ	„
1 „	„	Смолянскій	„	„
2 „	Петербургъ	Петръ Кихтенко	напад. поѣзд. ж. д.	повѣш.
2 „	Одесса	6 неизвѣстныхъ	разбой, убійства.	см. казнь
2 „	Феллинъ	Пентъ	спротвл. убійства	разстр.
2 „	„	Линденбергъ	„	„
3 „	Москва	Евг. Звѣревъ (19 л.)	сопртвл. грабежъ	см. казнь
4 „	Митава	Сермолинъ	агитація, грабежъ	„
4 „	„	Силингъ	разбой, захватъ мѣстн.	„
5 „	„	Вацетъ	террор., убійства	„
6 „	Кѣльцы	3 неизвѣстныхъ	грабежъ	разстр.
6 „	Одесса	Чехъ	убійство изъмести	„
7 „	„	Леонъ Тарло	убійство	„
7 „	„	1 неизвѣстный	напад. полиц.	см. казнь
8 „	Кѣльцы	2 неизвѣстныхъ	грабежъ	разстр.
8 „	Москва	Морозовъ 19 л.		повѣш.
		Волковъ 20 л.		„
		Смирновъ 21 г.	„	„
		Гавриловъ 20 л.		„
		Кондаковъ		безср. кат.
8 „	Маріуполь	Помогайбушкинъ	граб. вин. лавки.	разстр.
10 „	Владивостокъ	11 грузинъ	грабежъ	„
11 „	Луганскъ	Чернопятовъ	разбой	см. казнь
11 „	Кѣльцы	6 крестьянъ	убійство	разстр.
12 „	Москва	Сем. Грачевъ	„	повѣш.
12 „	Сосновицы	Левковичъ	грабежъ	разстр.
13 „	Луганскъ	Мальцевъ	„	„
		Денисовъ		
		Лекотовъ		
14 „	Новороссійскъ	1 неизвѣстный	„	см. казнь
14 „	Рига	Адамусъ	бомбистъ	„
14 „	„	Дебальскій	„	„
14 „	Кѣльцы	Вахъ	грабежъ	„
		Беньямовичъ		
		Тененбаумъ		
15 „	Кѣльцы	Осипъ Дуда	убійство	разстр.
15 „	„	Францъ Вронъ	грабежъ	„
16 „	Ревель	Пальмъ	разбой	см. казнь
		Блумбергъ		
		Гейнрихсенъ		
17 „	Бѣлостокъ	Ал. Славенскій	покуш. убійство	„
18 „	Ревель	Линторъ	грабежъ	разстр.

18	сент.	Батумъ	Киладзе малолѣтн.	грабежъ	12 л. кат.
18	„	Бахмутъ	7 несовершеннолѣтн.	„	разстр.
18	„	Бѣлостокъ	С. Вычинскій	покуш. убійство	повѣш.
19	„	Либава	23 матроса	воен. возстаніе	каторга.
19	„	Кутаисъ	2 брата Паркадзе	разбой	см. казнь
20	„	Батумъ	1 неизвѣстный	грабежъ	„
20	„	Херсонъ	7 неизвѣстныхъ	разбой	разстр.
20	„	Кѣльцы	Малиновскій, Бенковскій, Шуковичъ	грабежъ	„
20	„	Варшава	Жуковскій, Ткачукъ, Бропура, Литвинскій	„	см. казнь
20	„	Калишъ	Руттъ	напад. часоваго	разстр.
20	„	Митава	Брахманъ, Фрейманъ	убійство	„
21	„	Ревель	Харьковицъ	„	см. казнь
22	„	Холмъ	Посанъ	разбой, грабежъ	разстр.
22	„	Екатеринослав.	Басовъ	грабежъ	„
22	„	Ченстохово	10 неизвѣстныхъ	грабежи	„
22	„	Одесса	Покотиловъ	убійство	„
22	„	Тифлисъ	Серадзе	грабежъ	см. казнь
22	„	Митава	Адамовичъ, Грингофъ	разбой, терр. акты	„
22	„	Гарволинъ	Николайчукъ	убійство	разстр.
22	„	„	Кригеръ	грабежъ	„
23	„	Рига	Дегель, Адамсонъ	„	„
23	„	Москва	Пироговъ студ.	сопротивл. напад. полиц.	повѣш.
23	„	Перновъ	Дейгель, Уласскій, Адамсонъ	грабежъ, поранен.	см. казнь
23	„	Зугдиды	Шонія	сопротвл. полиц.	„
23	„	Владивостокъ	5 неизвѣстныхъ 1 неизвѣстный	грабежъ банка	„ оправд.
23	„	Венденъ	Кружкинъ	поджогъ	см. казнь
23	„	Рига	4 неизвѣстныхъ	убійство	см. казнь
23	„	„	1 неизвѣстный		оправд.
24	„	Сѣдлецъ	Кригеръ	грабежъ	повѣш.
24	„	Варшава	Чубарисекъ	разбой	„
24	„	„	Вдовиченко, Фаренсъ	напад. на полиц.	„
24	„	„	Маковскій	убійство сыщика	разстр.
25	„	Тифлисъ	Кварая	грабежъ	см. казнь
25	„	Варшава	Сломченскій	напад. на помѣщ.	оправд.
25	„	Москва.	Тарасовъ	сопротивл.	см. казнь
26	„	Кутаисъ	Іобидзе, Тураделидзе	разбой	разстр
26	„	Ревель	Принецъ	„	см. казнь
26	„	Гарволинъ	Серанскій	„	„
26	„	Лодзь	5 неизвѣстныхъ	грабежи, поджоги	разстр.
26	„	Сосновицы	Бембасъ, Супернакъ, Заіонцъ, Эндрушекъ.	грабежъ	см. казнь
27	„	Кіевъ	Калина	покуш. на убійст.	б. катор.
27	„	Кутаисъ	Тобидзе, Тубелидзе	разбой	см. казнь
28	„	Калишъ	Свіонтославскій, Павлюкъ	грабежъ	разстр.
28	„	Митава	Страутманъ, Якобсонъ, Зекке	разгромъ вол. правл., оскорбл. величества	см. казнь
28	„	Рига	Вальдгеймъ, Шпрингъ Берзинъ, Луянъ 3 крестьянъ	убійство городов.	„ 8 л. тюр. оправд.
29	„	Юзовка	6 неизвѣстныхъ 6 „	терроризов. населенія	см. казнь оправд.
29	„	Умань	7 крестьянъ	круш. поѣзда	см. казнь
30	„	Кѣльцы	2 неизвѣстныхъ	грабежъ	„

30	сент.	Луганскъ	2 неизвѣстныхъ	покуш. на взрывъ	см. казнь
30	„	Варшава	Мотель	напад. на патруль, порн.	„
30	„	Митава	Тилинъ, Преденъ	грабежъ	„
30	„	Севастополь	Сурковъ	покуш. на убійст.	оправд.
2	окт.	Кѣльцы	Капуснякъ	грабежъ	см. казнь
2	„	Кокандъ	2 сарта	грабежъ, истязанія	„
2	„	Тифлисъ	3 неизвѣстныхъ	вымогательство	4 г. кат.
2	„	Ревель	Ульпсакъ, Ролля	разбой	„
3	„	Гарволинъ	Новекъ, Прочекъ	напад. на полиц. и грабежъ	см. казнь
3	„	Нов.-Алекс.	Цеслякъ, Вознякъ	грабежи, разбой	„
3	„	Рига	Апполитъ, Рудзитъ, Знотинъ, Адамсонъ, Миндеръ	грабежъ	„
3	„	Ростовъ н/Д.	Сироткинъ, Фирсовъ, Хаитъ, Малиновскій, Штабельскій, Шварцкопфъ	„	разстр.
3	„	Кѣльцы	2 неизвѣстныхъ	„	см. казнь
3	„	Минскъ	12 человѣкъ	похищеніе винтовокъ	„
3	„	Харьковъ	8 человѣкъ	грабежъ	—
3	„	Нитшау	5 неизвѣстныхъ	„	—
3	„	Рѣчицк. уѣз.	2 крестьянъ	—	—
4	„	Квирилы	2 неизвѣстныхъ	разбой	см. казнь
—	„	Маріенбургъ	2 неизвѣстныхъ	грабежъ	разстр.
5	„	Рига	Асбергъ	напад. полиціи	см. казнь
—	„	Телава	1 крестьянинъ	убійство городов.	разстр.
5	„	Рига	Кальнинъ Аргуль, Земитъ	грабежъ укрыват, грабит.	см. казнь „
5	„	Рига	1 неизвѣстный	убійство урядн.	„
6	„	Тифлисъ	5 неизвѣстныхъ	вымогательство.	„
6	„	Симферополь	2 крестьянина	побои старшинѣ.	„
6	„	Варшава	Фрергукъ	—	—
6	„	Цабельнъ	Гаиль	поджогъ	см. казнь
6	„	Екатериносл.	2 брата Липманъ, Дапидусъ	грабежъ	разстр.
6	„	Тифлисъ	2 неизвѣстныхъ	„	—
7	„	Москва	Михайловъ	убійство жандар.	см. казнь
7	„	Митава	Знотсъ, Берзинъ, Аренсбургъ	грабежъ	„
7	„	Тифлисъ	Мануковъ	вымогательство.	сслк. Сиб.
8	„	Варшава	Винклеръ	поран., грабежъ	см. казнь
8	„	Либава	Рейнгольдъ	грабежъ	повѣш.
8	„	Тифлисъ	16 неизвѣстныхъ	покуш. на убійство полиціи	см. казнь
8	„	Тифлисъ	Козьмѣевъ	убійство и пораненіе	„
9	„	Виндава	2 брата Трейлоны	поджогъ	разстр.
—	„	Красноярскъ.	Сергѣевъ, Стасенковъ, Лышковскій	храненіе бомбъ	кат. 15 л.
10	„	Андижанъ	3 грузинъ	грабежъ	см. казнь
10	„	Екатериносл.	Горбуновъ	грабежъ, поранен.	„
11	„	Тифлисъ	Гуджабидзе	сопротивленіе	повѣш.
11	„	Одесса	Козакевичъ	грабежъ	см. казнь
11	„	Митава	Панендикъ	„	„
11	„	Минскъ	2 неизвѣстныхъ 2 „	„	кат. 12 и кат. 10 л.

12	окт.	Рига	Озолинъ, Гайлитъ, Лушасъ. . . . . Михельсонъ	грабежъ	см. казнь оправд.
12	„	Ростовъ н/Д.	3 неизвѣстныхъ . . .	храненіе бомбъ .	2 кат. 4 г. 1 оправд.
12	„	Екатериносл,	Савочкинъ, Потемкинъ.	убійство	см. казнь
12	„	Митава . . .	Штромбахъ	напад. на войска.	разстр.
12	„	Тифлисъ . .	5 имеретинъ	разбой	—
13	„	Холмъ . . .	2 крестьянина . . .	грабежъ	оправд.
13	„	Варшава . . .	Ольшевскій, Бляховичъ, Гржибовскій	покуш. убійство .	см. казнь
13	„	Тифлисъ . .	Майсурадзе, Земковскій	воор. спртвл. . .	безр. кат.
13	„	Рига	Кальминъ, Аргуль . .	напад. полц. . .	см. казнь
13	„	„	Залитъ	„	оправд.
14	„	Тифлисъ .	5 человѣкъ	—	—
14	„	Екатеринослав.	Піотровскій, Щербаковъ	грабежъ, спртвл.	см. казнь
14	„	Люблинъ .	Худзикъ, Ривка . . .	убійство, грабежъ	разстр.
14	„	Таганрогъ . .	Алтуховъ, Корниловъ .	грабежъ	см. казнь
14	„	Юзовка .	Головинъ	„	разстр.
14	„	Цабельнъ . .	Алексинъ	„	см. казнь
14	„	Перновъ . . .	Кирштейнъ, Кульбергъ, Трейлонъ . . .	убійство	„
14	„	Тифлисъ . .	Маедзмарашвили . . . 2 неизвѣстныхъ . . . 1 крестьянинъ	покуш. убійство .	„ безр. кат. арест. от.
14	„	Митава . . .	Аленсбергъ	побои полиц. . .	см. казнь
15	„	Тифлисъ . .	Горелашвили . .	покуш. убійство.	„
15	„	„ . .	3 неизвѣстныхъ . . .	вымогательство .	—
15	„	Севастополь .	2 неизвѣстныхъ . . .	убійство	—
15	„	Кутаисъ . . .	Гонеридзе	—	—
15	„	Иркутскъ . .	Садовскій, полит. арест. 4 уголовн. арестанта	убійство	см. казнь
15	„	Виндава . . .	Фейтельбергъ арест. .	—	—
16	„	Сигны . . .	2 неизвѣстныхъ . . .	покуш. убійство .	см. казнь
16	„	Верхнеудинскъ	3 человѣка	грабежъ	2 без. кат. 1 оправд.
16	„	Эннерварденъ.	Билютъ	22 убійства . . .	см. казнь
17	„	Липовецъ .	Дубовый, Невгода, Болибрюхъ, Глибоцкій	разбой	разстр.
17	„	Петербургъ .	Эйхенбаумъ, Мишинъ, Кочетовъ, Толмачевъ, Голубевъ, Дорофеевъ, Рабиновичъ, Сергѣев, Топориковъ . .	похищ. 366 тыс. .	„
17	„	Кронштадтъ .	Власовъ, Ипатовъ, Тубилевичъ, Мамаева, Венедиктова	намѣрев. бросить бомбу	см. казнь
18	„	Екатеринослав.	Доля, Таронъ	грабежъ	„
18	„	Сухумъ . . .	Джганджау . . . . . Иверозія	разбой	разстр. оправд.
18	„	Кѣльцы . . .	Лыжва	убійство	разстр.
18	„	Кіевъ	4 неизвѣстныхъ . . .	грабежъ	„
19	„	Петербургъ .	Роммель	нап. вин. лавку .	см. казнь
19	„	Бендинъ . .	Михно	убійство	разстр.
19	„	Александровск.	2 крестьянина . . .	грабежъ, истязан.	см. казнь
19	„	Екатеринослав.	3 неизвѣстныхъ . . .	грабежъ	повѣш.
20	„	Тукумъ . . .	1 неизвѣстный	предв. лѣснбрат.	см. казнь
20	„	Рига	Петруцъ, Титовъ . .	сопротивл. . . .	—
20	„	Дубно . .	Демчукъ, Ткачукъ . .	грабежъ	см. казнь
21	„	Владивостокъ	2 хунхуза	„	повѣш.
21	„	Ленерварденъ	1 крестьянинъ	„	разстр.

21	окт.	Минскъ . . .	Шалай	грабежъ	повѣш.
21	„	Варшава . .	Клоссъ	убійства	см. казнь
21	„	Екатеринослав.	Короткій	грабежъ	„
21	„	Квирилы . . .	Каихаридзе, Гвелисіани	„	„
22	„	Рига	Силинъ, Подзинъ, Шафронъ, Іоффе, Ловинъ и неизвѣстный . .	„	„
22	„	Тифлисъ . . .	3 неизвѣстныхъ . . .	покуш. грабежъ	„
23	„	„ . . .	1 неизвѣстный . . .	покуш. убійство	„
23	„	Бендинъ . . .	Бартошевичъ	грабежъ	„
24	„	Кутно	3 неизвѣстныхъ . . .	„	„
24	„	Сухумъ	Жанжалава	разбой	„
24	„	Венденъ . . .	2 брата Древинкъ, Зейманъ. Саррингъ, Бергольцъ, Михельсонъ, Смурисъ	грабежъ	разстр.
24	„	Кіевъ	Якубсонъ	„	см. казнь
24	„	Лодзь	Пентельскій	сопротивл. . . .	повѣш.
24	„	Тифлисъ .	Бикурадзе . . .	грабежъ . . .	—
25	„	Варшава . . .	Шпитальникъ, Познеръ Стаховичъ, Бонковскій	убійство полиц. .	см. казнь
25	„	Варшава . . .	Яклевичъ, Сурда . .	граб., пораненія .	„
25	„	Екатеринослав.	Анфиловъ, Амбрушевичъ	убійство	разстр.
26	„	Митава	2 рабочихъ	тайное сообщ. .	см. казнь
26	„	Тифлисъ . .	Меликянъ	напад. на домъ . .	разстр.
26	„	Варшава . .	Ольшевскій	убійство, грабежъ	см. казнь
26	„	Тифлисъ . .	Федоровъ	покуш. убійство .	15 л. кат.
27	„	„ . .	3 неизвѣстныхъ . .	„	см. казнь
27	„	Калишъ . . .	Яблоновскій	убійство	разстр.
27	„	Дубно . . .	2 крестьянина	грабежъ	см. казнь
27	„	Тифлисъ . .	2 брата Меликовы . .	вооруж. напад. .	„
27	„	Рига	Юргенсонъ	напад. город. . .	повѣш.
27	„	Кіевъ	Руденко	храненіе бомбъ .	см. казнь
28	„	Лодзь	Скавронскій, Котелокъ	грабежъ	„
28	„	Елизаветполь	Ованесовъ . . .	убійство	„
28	„	Тифлисъ . . .	Меликьянинъ (персид. поддан.)	грабежъ	„
28	„	Полтава . . .	Фоменко	пораненія	„
28	„	Бендинъ . . .	Каспржакъ	грабежъ	„
29	„	Иркутскъ . .	Коршунъ	покуш. убійство .	„
30	„	Митава . . .	Липпе, Кренгель, Биркманъ	—	—
30	„	Н.-Бухара . .	1 кавказецъ . . .	разбой	см. казнь
31	„	Гори	Катаньянцъ . . . . . Овякимянцъ . . . . . Мацаковъ	убійство	повѣш. б. катор. оправд.
31	„	Сѣдлецъ . . .	Лещинскій	напад. конвой .	см. казнь
31	„	Сохачевъ .	Гренцъ, Скварскій, Романовскій	покуш. убійство .	„
31	„	Керчь	Дехне	разбр. проклам. .	—
1	нояб.	Москва . .	1 неизвѣстный . . .	покуш. убійство .	см. казнь
1	„	Рига	Кальнинъ, Преде, Паегле	грабежъ и разбой	„
1	„	Варшава . .	Мотычинскій Полинскій	грабежъ . . .	повѣш.
1	„	Екатеринослав	Боальтрунаисъ	напад. полиц. . .	разстр.
2	„	Варшава .	3 неизвѣстныхъ . . .	агитац. сопрот. .	„
3	„	Квирилы . . .	Тропидзе	убійство . . .	см. казнь
3	„	Либава . .	2 неизвѣстныхъ . . .	грабежъ	„
3	„	Думбровка . .	Урысъ	„	„
3	„	Рига	Энке, Фрейтъ	уб., воор. спртвл.	„

4	нояб.	Рига	Фрейманъ	грабежъ	разстр.
4	„	Эривань . . .	Аверикьянъ	„	см. казнь
4	„	Митава . . .	Крингель, Лепа, Бринкманъ, Крузинъ . . .	„	разстр.
4	„	Елизаветполь	1 неизвѣстный	убійство	см. казнь
4	„	Москва . . .	Мишке . . . . . / Евсеевъ	„	„ / 12 л. кат.
5	„	Тифлисъ . .	Кабенашвили, Сазіевъ	„	см. казнь
6	„	Петербургъ .	С. Сметанниковъ . .	грабежъ . . .	б. катор.
6	„	Митава . . .	Грингофъ, Адамовичъ	убійство	разстр.
6	„	Рига	Іогансонъ, Заринъ, Равусъ, Аспе, Саранъ, Кооли, Эунапо . . .	грабежъ	см. казнь
6	„	Елизаветградъ	Мельниковъ, Погуляевъ	„	разстр.
7	„	Митава . . .	Клипманъ, Сеглинъ, два брата Тиле, Штейнсокъ	—	см. казнь
7	„	Варшава . . .	Ендржейчакъ, Ксенжакъ, Рачекъ, Гронковскій, Згодовскій	—	—
8	„	Митава . . .	4 неизвѣстныхъ . .	грабежъ . . .	разстр.
8	„	Одесса	Кирниченко, Пустовойтовъ	напад. грабежъ .	повѣш.
8	„	Варшава . . .	Чеховскій, Лискевичъ, Зіолковскій . . .	убійство	—
8	„	Тифлисъ . .	Самхарадзе, Гвелесіани	грабежъ	—
8	„	Москва . .	Ганьщинъ	„	повѣш.
8	„	„ . . .	Дрожжинъ	„	15 л. кат.
8	„	Пятигорскъ .	Мутлибъ, Хубіевъ . .	„	оправд.
8	„	Екатеринослав.	Мединскій, Зекаль, Даниленко, Чебанъ . .	„	см. казнь
8	„	Рига	Бульверъ	убійство	„
9	„	Сочи	Гагулія, Угремидзе, Еркванія, Тавадзе . . .	грабежъ	2 разстр. / 2 кат. 20 л.
10	„	Лодзь	Скавронскій, Котелокъ	—	см. казнь
10	„	Тифлисъ . .	4 неизвѣстныхъ . . .	убійство, разбой .	„
10	„	„ . .	1 неизвѣстный	покуш. убійство.	„
10	„	Екатериносл.	6 неизвѣстныхъ . .	грабежъ	см. казнь
10	„	„	3 человѣка	„ . . .	„
10	„	Баку	3 „ . . .	„	оправд.
10	„	Петербургъ .	Т. Стольфотъ.	храненіе бомбъ .	см. казнь
12	„	Екатериносл.	4 рабочихъ . . .	напад. на лавку .	„
12	„	Кронштадтъ .	1 неизвѣстный . . .	по дѣлу 14 окт. .	„
12	„	Елизаветградъ	Щполинскій, Тарнацкій	грабежъ	разстр.
12	„	Митава . . .	Гутманъ, Лапингъ . .	убійство	„
12	„	„ . . .	Андерсонъ, Прейсъ . .	разбой	„
12	„	Ѳеодосія . . .	Австрійскій подданный.	пок. на убійство.	повѣш.
13	„	Таганрогъ . .	Воротченко, Боженко, Шкляровъ, Тарасенко	убійство	разстр.
13	„	Очаковъ . . .	Ефрейт. Самохваловъ.	пораненіе	„
13	„	Бѣлостокъ .	1 неизвѣстный . . .	„	„
13	„	Рига	Гуркинъ, Зхусхащевинъ, Бленъ . . .	грабежъ	„
13	„	Кременчугъ .	Кулишъ	убійство	см. казнь
13	„	Тифлисъ . .	Байдоровъ, Бушжіашвили	разбой	„
13	„	„ . .	Хатанашвили, Алалидзе	грабежъ	1 см. каз. / 1 оправд.
14	„	Москва . . .	Романенко 2 брата . .	пораненія	1 см. каз. / 1 оправд.

14 нояб.	Тифлисъ	Сихарулидзе	убійство	см. казнь
14 „	Хабаровскъ	8 китайцевъ	разбой	„
14 „	Бѣлостокъ	Пойцелъ	убійство	см. казнь
14 „	Тифлисъ	Кохадзе	„	повѣш.
14 „	„	Сванидзе	сопротивленія	2 г. тюр.
14 „	Иркутскъ	Аманета, Бочаровъ, Костинъ	убійство	см. казнь
14 „	„	4 мужч. и 3 женщины.	„	—
14 „	Томашевъ	Кушаба, Поныла	грабежъ	см. казнь
14 „	Петербургъ.	Митинъ	нап. на сбер. кас.	„
15 „	Екатериносл.	2 неизвѣстныхъ	убійство	разстр.
15 „	Москва	Романченко	пораненія	см. казнь
15 „	Кутаисъ	Каходзе	убійство	разстр.
15 „	Севастополь	Савиновъ	оскорбл. офицера	20 л. кат.
15 „	Рига	Витель	напад. на полиц.	см. казнь
15 „	Тифлисъ	Харбалидзе	разбой	повѣш.
15 „	Кутаисъ	3 человѣка	убійство	—
16 „	Ялта	Тихоновъ	—	15 л. кат.
	—	Котляровъ, Феськовъ.	храненіе бомбъ	6 л. кат.
16 „	Ломжа	Гржебеняржъ	разбой	см. казнь
16 „	Рига	Гульбисъ, Лапсенъ	грабежъ	разстр.
16 „	Кутаисъ	Болквадзе	„	см. казнь
16 „	Зугдиды	Шенгалія	сопрот. полиціи	—
17 „	Дубно	Денчукъ	—	разстр.
17 „	Рига	Блемъ, Пусъ, двое Калевичъ	грабежъ	см. казнь
20 „	Рига	Левчикъ	напад. на город.	оправд.
20 „	Тифлисъ	11 человѣкъ	вымогательства	—
20 „	Митава	матросы: Коцагъ и Жуковъ	грабежъ	20 л. кат.
21 „	Благовѣщен.	1 китаецъ	убійство	повѣш.
22 „	Калишъ	3 неизвѣстныхъ	грабежъ	—
22 „	Грозный	Куріевъ	„	см. казнь
22 „	Павлоградъ	4 неизвѣстныхъ	убійства, грабежи	„
22 „	Иркутскъ	саперы (?)	военн. возстаніе.	—
23 „	„	Петровъ, Голубевъ	убійство	см. казнь
23 „	Тифлисъ	Джаніашвили, Тедіашвили Питаридзе 11 человѣкъ	грабежъ и изнасилованіе	„ разстр. без. кат. оправд.
24 „	Ломжа	Понятовскій	убійство	см. казнь
24 „	Венденъ	Паеглитъ, Заррингъ	напад. на полиц.	„
	—	Паурицъ	убійство	„
24 „	Митава	Элертъ	„	„
24 „	Москва	1 неизвѣстный	напад. на полиц.	оправд.
25 „	Варшава	Клодзеякъ, Войцеховскій	разбой	повѣш.
25 „	Благовѣщен.	3 неизвѣстныхъ	нап. на патруль.	см. казнь
27 „	Митава	Астанковичъ, Фрейбергъ	разбой	„
28 „	Варшава	Славакъ	храненіе бомбъ	оправд.
28 „	Москва	2 брата Тараканниковы	—	—
	—	2 брата Котловы	напад. на полиц.	см. казнь
28 „	Павлоградъ	4 неизвѣстныхъ	убійство	разстр.
29 „	Митава	Спроче, Озоль, Домбровскій, Зиле, Шважевичъ	разбой	см. казнь
29 „	Сухумъ	Лабартковъ	убійство	„
29 „	Томскъ	3 неизвѣстныхъ	„	„
30 „	Феллинъ	Пернъ	напад. на лавку	разстр.
30 „	Тифлисъ	Меладзе	убійство	повѣш.

30 нояб.	Екатеринос.	Путовъ, Кузьменко, Китенко	грабежи	разстр.
1 дек.	Москва	Крусевичъ	грабежъ	повѣш.
1 „	Екатеринос.	Каменскій	напад. на полиц.	разстр.
1 „	Венденъ	Штейнбергъ, Спрогисъ	грабежъ	„
1 „	Могилевъ	Фейгинъ, Малѣевъ, Одноглазовъ	„	см. казнь
1 „	Ченстоховъ	Лучновскій	убійство	разстр.
1 „	Петербургъ	Соколовъ	по дѣлу 14 окт.	повѣш.
1 „	Митава	Гессъ	сопрот. полиціи.	см. казнь
2 „	Ченстохово	Голыговскій, Мускала, 2 брата Бембенъ и 2 неизвѣстныхъ	грабежъ	разстр.
2 „	Митава	Михельсонъ	„террористъ“	„
3 „	Екатеринос.	Горбуновъ	грабежъ	повѣш.
3 „	Петербургъ	Берзинъ, Воробьевъ	пок. на убійство.	„
4 „	Сѣдлецъ	8 человѣкъ	грабежъ	разстр.
4 „	Варшава	Станкевичъ	„	—
4 „	Гори	10 неизвѣстныхъ	разбой	см. казнь
5 „	Иркутскъ	Болотовъ, Клоптадзе	„	повѣш.
5 „	Тифлисъ	13 человѣкъ	грабежъ, бомбы.	—
5 „	„	5 неизвѣстныхъ 19 неизвѣстныхъ	грабежъ	разстр. без. кат.
6 „	Иркутскъ	2 неизвѣстныхъ	„	повѣщ.
6 „	Радомъ	Вернеръ	убійство	разстр.
7 „	Рига	Легздинъ, Круминъ, Лусъ, Руманъ, Рейнинъ, Муценекъ, Бренгуля, Миллеръ, Зальцманъ, Іорданъ, Ландманъ, Журавскій, Бѣляевъ, Брюнингъ, Спикеръ, Лука	революціонеры, изготовл. бомбъ, грабежи, терроръ.	см. казнь каторга.
8 „	Рига	Лейбезеръ	убійство	разстр.
8 „	Лаудонъ	5 неизвѣстныхъ	грабежи	„
8 „	Красноярскъ	2 брата Анельскя, Венсовскій и Бенинъ	убійство	см. казнь
8 „	Армавира	Власовъ Криволендъ, Большаковъ	вымогательство.	разстр. каторга.
9 „	Томскъ	Кочетовъ, Кокелидзе	убійство.	повѣш.
10 „	Кутаисъ	Каландія, Микеладзе	нап. на часового.	1 катор. 1 оправд.
12 „	Рига	Вальдманъ, Борхардъ, Силинъ	грабежъ	см. казнь
14 „	Нахичевань	Гейдаръ	разбой	без. кат.
15 „	Бендинъ	Васневскій	нападеніе	разстр.
15 „	Линденбергъ	Заррингъ	грабежъ	„
15 „	Митава	4 неизвѣстныхъ 4 „	„	см. казнь каторга.
16 „	Вольмаръ	Томинъ	„	разстр.
16 „	Венденъ	Ласъ Зарнъ	„ „	„ кат. 6 л.
16 „	Тифлисъ	Китаевъ, Карапетовъ	„	см. казнь
17 „	Асхабадъ	Шахъ-Газеровъ	убійство	„
18 „	Варшава	Петровскій	„	„
18 „	Одесса	Грейфолъ	хранен. взр. вещ.	—
19 „	Тифлисъ	Гвиніашвили	разбой	см. казнь
20 „	Варшава	Шмигельскій, Биньковскій, Погорѣцкій	грабежъ	повѣш.

20	„	Митава . . .	Цурманъ, Кенъ	грабежъ	повѣш.
			2 крестьянъ		поселен.
			1 неизвѣстный		опрвад.
20	„	Тифлисъ . .	3 неизвѣстныхъ . . .	сопрот. полиціи.	—
20	„	Павлоградъ .	5 крестьянъ	грабежъ	—
20	„	Тифлисъ . .	Каноянцъ	„	см. казнь
21	„	Батумъ . . .	Квавадзе	„	разстр.
21	„	Кіевъ	Голованъ	сопротивл. . . .	см. казнь
—	„	Лодзь	Грушинскій	убійство . . .	разстр.
21	„	Рига	Ликопъ	„	„
21	„	„	Нейманъ	грабежъ	
21	„	„	Цельмсъ. Праулисъ, Заржевскій	убійство . .	см. казнь „
21	„	Екатериносл.	Пернгайкинъ	покуш. на грабежъ	20 л. кат.
22	„	Бендинъ . .	Холадусъ	разбой	разстр.
22	„	Тифлисъ .	Габашвили	поджогъ . . .	см. казнь
23	„	Телава	2 неизвѣстныхъ . . .	сопротивленіе .	разстр.
			1 крестьянинъ		6 л. кат.
26	„	Альтенвогъ .	4 неизвѣстныхъ . . .	убійство	разстр.
27	„	Москва . . .	Епифановъ	„	см. казнь
28	„	Петербургъ .	1 неизвѣстный . . .	„	„
28	„	Митава . . .	Рихтеръ, Силингъ, Андерсонъ, Шилеръ, Вихманъ	„	„
28	„	Калишъ . . .	7 неизвѣстныхъ . . .	грабежъ	1 см. каз. 1 оправд.
29	„	Тифлисъ .	Балановъ	разбой, сопрот. .	см. казнь
29	„	„ . .	Саникидзе	покуш. на убійст.	„
29	„	Кіевъ	Капланъ	храненіе бомбъ .	без. кат.
30	„	Ловичъ . . .	Анчакъ, Мерцъ, Порсинскій	грабежъ	см. казнь
			Якубовичъ		оправд.
30	„	Иркутскъ . .	4 человѣка	„	—
30	„	Либава . . .	Ленгартъ	„ . .	см. казнь
2	янв.	Тифлисъ . .	Биланов	убійство . . .	см. кьазн
2	„	„ . .	Евсѣевъ, Скропидзе .	храненіе бомбъ .	„
2	„	Варшава . . .	Винярскій, Верденъ .	грабежъ	повѣш.
2	„	Иркутскъ . .	3 неизвѣстныхъ . . .	убійства, грабежи и поджоги . .	см. казнь
3	„	Екатериносл.	Коротскій	убійства . . .	„
3	„	Одесса	Фезеръ	напад. на полиц.	повѣш.
3	„	Варшава . . .	Штокшифъ, Заремба, Кучманъ . . .	грабежъ	см. казнь
3	„	Варшава . . .	Шайхесъ, Броновскій .	убійство	„
3	„	Одесса . . .	Ушаковъ, Дадикъ, Степаняцъ	напад. на полиц.	повѣш.
4	„	Ростовъ н/Д .	Пенкинъ	грабежъ	см. казнь
4	„	Ревель	Экернъ	убійство	„
4	„	Лодзь	Комаровскій	покуш. на убійст.	„
4	„	Гори	Габлишвили, Барбакадзе	разбой	„
5	„	Варшава . . .	Беднарскій	напад. на почт. контрол. . . .	„
6	„	Екатеринод. .	Михаринцевъ	разбой . . .	повѣш.
6	„	Рига. . . .	Сиполь, Вергапсъ . .	убійст., грабежи.	разстр.
6	„	„ . . .	Петерсенъ	грабежъ	см. казнь
8	„	Варшава . . .	4 неизвѣстныхъ . . .	вооруж. напад.	„
8	„	Митава . .	Мозевскій, Файнштейнъ	нападеніе	повѣщ.
8	„	Таганрогъ . .	5 неизвѣстныхъ . . .	убійство	см. казнь
8	„	Иркутскъ . .	2 неизвѣстныхъ . . .	вооруж. напад. .	разстр.

8	янв.	Варшава . . .	Кучинскій, Кробатенъ, Гурскій, Павловскій .	нападеніе	см. казнь
9	„	Кіевъ	Островскій	„	„
9	„	Бендинъ . .	3 неизвѣстныхъ . . .	„	„
11	„	Ростовъ н/Д.	Руппасъ	пок. на грабежъ .	„
12	„	Екатеринод. .	Чумаченко	убійство . . .	повѣш.
12	„	Петроковъ . .	Князь, Липинскій . . .	грабежъ	см. казнь
12	„	Лодзь	3 неизвѣстныхъ . . .	„	„
12	„	Иркутскъ . .	Павленкова	укрыв. убійства .	без. кат.
14	„	Екатеринос.	Потрясевъ, Кривенко .	сопротивленіе . .	разстр.
15	„	Одесса	Деминъ	убійство	см. казнь
16	„	Лодзь . .	Потасинскій	грабежъ	разстр.
17	„	Бахмутъ . . .	Куромятниковъ, Федоренко, Ильюхскій . .	„	„
17	„	Одесса . . .	Игнатьевъ, Калашевъ.	убійство	повѣш.
18	„	Екатеринос.	3 неизвѣстныхъ . .	„	разстр.
19	„	Рига	Бекманъ, Пельцъ, Майсингъ	грабежъ	см. казнь
			Бредисъ		20 л. кат.
			Чокке		12 л. тюр.
19	„	Тифлисъ .	5 неизвѣстныхъ . . .	грабежъ . .	см. казнь
20	„	Вильно . . .	Мазель	грабежъ, поранен.	разстр.
20	„	Одесса	2 брата Трейгеръ, Зейгерманъ, Оренбахъ	нап. на полиц. .	повѣш.
22	„	Митава . . .	2 латыша	грабежъ . . .	разстр.
22	„	„ . . .	1 еврей	поджогъ . . .	„
22	„	„ . .	Бирзнекъ	грабежъ	см. казнь
23	„	Новороссійскъ	2 неизвѣстныхъ . . .	„	разстр.
24	„	„	Науменко, Мореевъ .	„	см. казнь
24	„	Пултускъ . .	Шуманскій, Верникъ .	убійство	„
25	„	Шуклинъ (Екатеринод. у.) .	1 неизвѣстный	грабежъ	„
25	„	Зугдиды . . .	2 неизвѣстныхъ . . .	„	разстр.
25	„	„ . . .	1 неизвѣстный	„	20 л. кат.
25	„	Кутаисъ . . .	Никурадзе	убійство	разстр.
25	„	„ . . .	2 брата Убиріевы . . .	грабежъ	оправд.
25	„	„ . . .	Лесиридзе	„	см. казнь
25	„	„ . . .	Лукава	„	20 л. тюр.
26	„	Митава . . .	Сермонъ	убійство	разстр.
26	„	„ . . .	Граванъ	„	15 л. кат.
26	„	„ . . .	Бейкманъ	террористъ . . .	разстр.
26	„	„ . . .	Валтеръ	пораненіе . . .	на посел.
27	„	„ . . .	Баллсенъ	разбой	см. казнь
29	„	Варшава . . .	Навацкій	пок. на убійство.	разстр.
29	„	Виндава . . .	4 неизвѣстныхъ . . .	убійство . .	„
30	„	Бендинъ . . .	Килка, Гайда, Донецъ .	грабежъ, убійство	„
30	„	„ . . .	Кацоха, Балдысъ . . .	грабежъ	см. казнь
31	„	Варшава . . .	Закржевскій, Саковскій, Вальскій . . .	„	повѣш.
31	„	Митава . . .	Бирзнекъ	ограбленіе . . .	разстр.

Такимъ образомъ, за полгода военно-полевые суды разсмотрѣли свыше 1100 дѣлъ о подсудимыхъ, изъ которыхъ около 52 человѣкъ оправдано, около 85 лицъ приговорено къ наказаніямъ лишеніемъ свободы, **и къ смертной казни за 6 мѣсяцевъ приговорено около 950 человѣкъ.** Очень возможно, что эти цифры не точны, такъ какъ агентскія телеграммы зачастую не даютъ надлежащаго сообщенія во всей его полнотѣ; иногда могутъ встрѣтиться данныя относящіяся къ обыкновеннымъ военнымъ, а не полевымъ судамъ.

Во всякомъ случаѣ, приведенныя скорбныя страницы говорятъ сами за себя. А если прибавить къ 950 жизнямъ тѣ жизни, которыя были отняты по приговорамъ военно-окружныхъ судовъ и карательными экспедиціями, то указанная приблизительная цифра увеличится значительно. Насколько? Да въ состояніи ли кто бы то ни было дать отвѣтъ на этотъ вопросъ?..

Н. И. Фалѣевъ.

Одна изъ прокламацій 1862 года.

(съ печатнаго подлинника).

ЧЕГО МЫ ХОТИМЪ.

Чего хотимъ мы? блага, счастья Россіи; достиженіе новой жизни, жизни лучшей безъ жертвъ невозможно, невозможно потому, что у насъ нѣтъ времени медлить—намъ нужна быстрая и скорая реформа! И такъ, на первомъ мѣстѣ въ настоящее время стоитъ вопросъ о пропагандѣ идей между народомъ—съ этою цѣлью каждый членъ нашего кружка долженъ стараться пріобрѣтать агентовъ въ деревняхъ и селахъ, городахъ губернскихъ и уѣздныхъ, толково и ясно убѣдить ихъ въ необходимости скораго переворота;—но однихъ словъ мало, нужно дѣло; встрѣтитъ ли кто либо въ нуждѣ простолюдина, пусть немедленно онъ поможетъ ему изъ общей нашей кассы. Только подобныя дѣйствія дадутъ намъ любовь народа—и тогда успѣхъ будетъ вѣренъ; тогда будетъ можно смѣло надѣяться, что скоро настанетъ день, когда мы скажемъ: мы свободны отъ деспотизма.

Читано въ 3-мъ собраніи.

Волненіе въ Семеновскомъ полку въ 1820 г.

(Продолженіе [1]).

IV.

Въ концѣ октября 1820 г. случилось новое событіе, переполошившее и ужаснувшее высшую администрацію и самого императора Александра: найдена была слѣдующая, подкинутая на дворѣ Преображенскихъ казармъ, прокламація [2]), вызванная событіемъ въ Семеновскомъ полку:

«Божіимъ благоволеніемъ приношу жалобу отъ Семеновскаго полка Преображенскому за притѣсненіе оныхъ начальниками.

«Господа воины Преображенскаго полка. Вы почитаетесь первый полкъ Россійскій, потому вся Россійская Армія должна повиноваться вамъ.

«Смотрите на горестное наше положеніе! Ужасная обида начальниковъ довела весь полкъ до такой степени, что всѣ принуждены оставить оружіе и отдаться на жертву злобѣ сихъ тирановъ, въ надеждѣ, что всякій изъ воиновъ, увидя невинность, защититъ насъ отъ безсильныхъ и гордыхъ дворянъ. Они давно уже изнуряютъ Россію чрезъ общее наше слѣпое къ нимъ повиновеніе.

«Ни Великаго Князя, ни всѣхъ вельможъ не могли упросить, чтобъ выдали въ руки тирана своего начальника, для отомщенія за его жестокія обиды; изъ таковаго поступка нашихъ дворянъ мы, всѣ россійскіе войска, можемъ познать явно, сколь много дворяне сожалѣютъ о воинахъ и сберегаютъ тѣхъ, которые имъ служатъ; за одного подлаго тирана заступились начальники и весь полкъ промѣняли на него. Вотъ полная награда за наше къ нимъ послушаніе! истина: тиранъ тирана защищаетъ! У многихъ солдатъ отъ побоевъ переломаны кости, а многіе и померли отъ сего! но за таковое мученіе ни одинъ дворянинъ не вступился. Скажите, что должно ожидать отъ

[1]) См. „Былое“, январь, 1907 г.

[2]) Закревскій упоминаетъ о ней въ письмѣ къ П. М. Волконскому отъ 26 октября.

. . . . . , развѣ того, чтобъ онъ насъ заставилъ другъ съ друга кожу сдирать! Поймите всеобщую нашу глупость и сами себя спросите: кому ввѣряете себя и цѣлое отечество и достоинъ ли сей человѣкъ, чтобъ вручить ему силы свои, да и какая его послуга могла доказать, что онъ достоинъ званія . . . . . ? и если разсмотрите дѣла своего . . . . . , то совершенно не вытерпите, чтобъ публично не наказать его!

«Александръ возстановленъ на престолъ тиранами, тѣми, которые удавили отца его Павла. Войско, или вы, въ то время были въ такихъ же варварскихъ рукахъ, въ какихъ и нынѣ находится. Гражданъ гоняли къ присягѣ въ признаніи Государя Александра [1]), но присяга сія не вольная, а потому Богъ отъ народа оную не принимаетъ, ибо всякій гражданинъ и солдатъ для избѣжанія смерти обязанъ принять присягу! Слѣдственно . . . . . никто иной, значитъ, какъ сильный разбойникъ. Онъ не спрашиваетъ народа, что желаютъ-ли его признать . . . . . ., или не желаютъ; а военную силу побуждаетъ называть себя . . . . . .,—и понынѣ беретъ въ жертву наши головы и угнетаетъ отечество; точно такъ и разбойникъ поступаетъ со встрѣтившимся путешественникомъ. Онъ его грабитъ и великая милость, если ограбленнаго оставитъ живого!

«Неужели и вы, господа воины, должны просить . . . . . , какъ разбойника, о помилованіи себя тогда, когда онъ безъ вашей силы не въ состояніи обидѣть васъ? Страшитесь, чтобъ онъ не приказалъ вамъ самимъ себя пересѣчь кнутомъ. Не напрасно дворяне почитаютъ воиновъ скотами, ибо воины себя не спасаютъ отъ несчастія, а сами себѣ содѣлываютъ оное! Удивительное заблужденіе наше! У Государя много войска, но это вы сами и есть, а потому вы составляете силу Государя, безъ вашего же къ нему послушанія онъ долженъ быть пастухомъ. Потому войско должно себя почитать въ лицѣ Царя, ибо оно ограждаетъ своими силами отечество, а не Царь. Царь же значитъ приставникъ или сторожъ всеобщаго имущества и спокойствія; но вы, воины, почитаете его не только полнымъ владѣтелемъ имущества, но и въ жизни вашей хозяиномъ. Жалуйтесь, что солдатская жизнь несносная; но жалуйтесь себѣ и на себя, ибо отъ самихъ васъ бѣдствіе происходитъ. Безпечность и слабость къ . . . . . навлекла на васъ великое несчастіе: если и еще продолжите не радѣть о своемъ благѣ, то сдѣлаетесь виною своей погибели.

«Безчестно Россійскому войску содержать своими силами . . . . . Вы, гвардейскіе воины, противу напольныхъ полковъ имѣете двойное продовольствіе, но хотя бы имѣли весьма хорошую жизнь, то и тогда должны несчастнымъ подать руку помощи. Нѣтъ христіанской вѣры тамъ, гдѣ другъ другу помощи не творятъ. Честно истребить тирана и вмѣсто его опредѣлить человѣка великодушнаго, который бы всю силу бѣдности народовъ могъ ощущать своимъ серд-

---

[1]) О колебаніяхъ солдатъ одного изъ гвардейскихъ полковъ, слѣдуетъ-ли присягать Александру, см. въ книгѣ *Брикнера* „Смерть Павла I“, Спб., 1907 г., стр. 130—131.

цемъ и доставлять средства къ общему благу. Бѣдные воины! посмотрите глазами на Отечество, увидите, что люди всякаго сословія подавлены дворянами. Въ судебныхъ мѣстахъ ни малаго нѣтъ правосудія для бѣдняка. Законы выданы для грабежа судейскаго, а не для соблюденія правосудія. Чудная слѣпота народовъ.

«Хлѣбопашцы угнетены податьми: многіе дворяне своихъ крестьянъ гоняютъ на барщину шесть дней въ недѣлю. Скажите, можно-ли такихъ крестьянъ выключить изъ числа каторжныхъ? Дѣти сихъ несчастныхъ отцовъ остаются безъ науки, но оная всякому безъ отмѣнно нужна, семейство терпитъ великіе недостатки; а вы, будучи въ такой великой силѣ, смотрите хладнокровно на подлаго правителя и не спросите его, для какой выгоды даетъ волю дворянамъ торговать подобными намъ людьми, разорять ихъ и васъ содержать въ такомъ худомъ положеніи.

«Для счастья цѣлаго отечества возвратите Семеновскій полкъ, онъ разосланъ—вамъ извѣстно куда. Сіи бѣдные безвинно избиты, изнурены. Подумайте, если бы вы были на ихъ мѣстѣ и вышедъ изъ терпѣнія, брося оружіе, у кого бы стали искать помощи, какъ не у войска. Спасите отъ разбойниковъ своего брата и отечество.

«Не было примѣра, чтобъ виновникъ самъ себя винилъ. Дворяне указы печатаютъ о дѣлахъ съ похвалою къ себѣ и съ затмѣніемъ ихъ варварскихъ поступковъ. По ихнему называется возмутителемъ тотъ, который ищетъ спасенія отечеству: ибо отъ сихъ показанныхъ мною неоспоримыхъ истинъ они всѣ должны трепетать, чтобы ихъ власть не учинилась безвластно.

«Кровь моя должна быть пролита рукою тирановъ, но я почитаю, что на полѣ противъ врага умереть не столь важно, сколь важно въ отечествѣ за правду, которая сокрыта отъ народа, и за оное дни свои кончить ужаснѣйшими мученіями!..

«Ищу помощи бѣднымъ, ищу искоренить пронырство тирановъ и полагаюсь на ваше воинское правосудіе и на вашу великую силу. Вы защищаете отечество отъ непріятеля, а когда непріятели нашлись во внутренности отечества, скрывающіеся въ лицѣ . . . . . и дворянъ, то безъ отмѣнно сихъ явныхъ враговъ вы должны взять подъ крѣпкую стражу и тѣмъ доказать любовь свою другъ къ другу. Вмѣсто сихъ злодѣевъ опредѣлить законо-управителя, который и долженъ отдавать отчетъ во всѣхъ дѣлахъ избраннымъ отъ войска депутатамъ, а не самовластителемъ быть.

«Взамѣнъ Государя должны заступить мѣсто Законы, которые отечествомъ за полезное будутъ признаны. По таковымъ народъ долженъ управляться чрезъ посредство начальниковъ. Выборъ начальниковъ слѣдуетъ основать на безпристрастныхъ законахъ. Примѣрно сказать: служа рядовымъ солдатомъ десять лѣтъ и не бывъ на сраженіи, не долженъ быть начальникомъ роты; здѣсь солдатъ безпорочно служитъ двадцать лѣтъ и покрытъ ранами, не попадаетъ въ чиновники. Малолѣтній дворянинъ не можетъ понимать о солдатскихъ трудахъ, но командуетъ старикомъ такимъ, который весь военный регулъ выучилъ еще до рожденія сего надутаго скота. Стыдно и по-

срамительно солдатамъ держаться такой глупости и смотрѣть на нестоющаго стоющимъ!..

«Не знать той важной причины, отъ которой жизнь людей безвременно отнимается, значитъ не имѣть разума; вамъ Богъ далъ разумъ, и вы по своему разуму должны сберегать жизнь свою и Отечество, и не разумомъ тирановъ управлять собою; но слѣдуетъ истреблять врага и въ руки имъ не отдаваться, а злодѣевъ въ рукахъ у себя должны держать крѣпко».

Такимъ образомъ составитель прокламаціи считаетъ главнымъ виновникомъ всѣхъ неустройствъ въ Россіи государя и дворянъ: неограниченный тиранъ и тираны-дворяне, заставляющіе своихъ крѣпостныхъ работать 6 дней въ недѣлю и торгующіе подобными себѣ людьми, поддерживаютъ другъ друга. Но если отрицательная сторона прокламаціи вполнѣ ясна, то нельзя того же сказать о положительной: нужно устранить тирана и замѣнить его «законо-управителемъ», отвѣтственнымъ предъ депутатами, выбранными войскомъ; но въ то же время народъ долженъ управляться выборными начальниками. О другихъ чертахъ новаго строя не упомянуто, если не считать такой частности, что ротнымъ командиромъ нельзя быть, не бывъ въ сраженіи и не прослуживъ солдатомъ 10 лѣтъ.

Эта прокламація до сихъ поръ не была напечатана даже отдѣльными частями. [1]) Шильдеръ цитируетъ лишь нѣсколько строкъ другой прокламаціи, о которой мы будемъ говорить ниже; при этомъ онъ высказываетъ предположеніе, что «эту прокламацію сочинилъ одинъ изъ будущихъ декабристовъ, но кто именно — осталось тайной.» Онъ полагаетъ, что «наиболѣе предпріимчивые изъ членовъ тайныхъ обществъ намѣревались воспользоваться смятеніемъ, возбужденнымъ семеновскою исторіею, чтобы вызвать всеобщее возстаніе среди войскъ». [2]).

Однако нѣсколько декабристовъ весьма положительно утверждаютъ, что никто изъ членовъ Тайнаго Общества не былъ вдохновителемъ протеста семеновскихъ солдатъ противъ Шварца. Упомянувъ въ своихъ воспоминаніяхъ объ убѣжденіи имп. Александра въ томъ, что причиною неповиновенія полка было «дѣйствіе Тайнаго Общества», кн. Е. П. Оболенскій говоритъ: «въ этомъ онъ ошибался». Добавивъ, что члены общества и одинъ изъ первыхъ его основателей (т. е. еще Союза Спасенія) С. И. Муравьевъ-Апостолъ былъ офицеромъ Семеновскаго полка, Оболенскій говоритъ: «кромѣ его я не зналъ никого» (т. е. изъ членовъ общества въ Семеновскомъ полку). Однако изъ членовъ Тайнаго Общества были ранѣе офицерами Семеновскаго полка: И. Д. Якушкинъ, кн. Ѳ. П. Шаховской и кн. С. П. Трубецкой, но первые двое перевелись въ армію (первый въ 1816, второй въ 1818 г.), а Трубецкой въ 1819 г. былъ назначенъ адъютантомъ въ Главный

[1]) Она извѣстна намъ по копіи, снятой П. Ѳ. Дубровинымъ изъ бумагъ Закревскаго, хранящихся въ Императорскомъ Историческомъ Обществѣ; попытка наша получить доступъ къ бумагамъ Закревскаго въ Историч. Обществѣ пока успѣхомъ не увѣнчалась.

[2]) Шильдеръ „Императоръ Александръ I.“ т. IV, 186, 470.

Штабъ. [1]). Изъ офицеровъ, служившихъ въ Семеновскомъ полку въ 1820 г., къ Тайному Обществу принадлежали братья Муравьевы-Апостолы, Сергѣй и Матвѣй Ивановичи и Тютчевъ.

За нѣсколько мѣсяцевъ до описываемыхъ событій изъ Кавалергардскаго полка въ Семеновскій перешелъ подпрапорщикъ М. П. Бестужевъ-Рюминъ, впослѣдствіи одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ Южнаго тайнаго общества. «Слѣдствіе не раскрыло ничего», продолжаетъ Оболенскій, «кромѣ всѣмъ извѣстнаго обращенія полковника Шварца». Найдены были двѣ прокламаціи, но никакого участія семеновскихъ офицеровъ въ подготовкѣ волненій и въ составленіи прокламацій открыто не было. Декабристъ М. А. Фонъ-Визинъ говоритъ еще рѣшительнѣе: «дѣйствительно въ этомъ полку лучшіе офицеры были члены Союза Благоденствія, но они . . . не имѣли никакого участія въ бунтѣ солдатъ». Декабристъ Лореръ, который во время происшествія въ Семеновскомъ полку «зналъ этотъ полкъ бчень хорошо, имѣя тамъ много знакомыхъ и друзей», считаетъ ошибочною мысль имп. Александра, что: «въ кругу семеновскихъ офицеровъ таился зародышъ либерализма, вольнодумства и идей противныхъ правительству»; однако несомнѣнно, что нѣкоторые офицеры, какъ напр. С. И. Муравьевъ-Апостолъ, уже въ это время держались весьма радикальнаго образа мыслей. Очень важно также и то, что не только во время слѣдствія надъ солдатами Семеновскаго полка въ 1820—21 г. и нѣкоторыми офицерами (см. ниже), но и во время слѣдствія по дѣлу 14-го декабря не было рѣшительно ничего открыто объ участіи офицеровъ въ устройствѣ протеста противъ Шварца, а между тѣмъ извѣстно, какія подробныя показанія давало большинство декабристовъ. Въ показаніяхъ Батенькова есть важное свидѣтельство относительно того, что члены Тайнаго Общества не участвовали въ подготовкѣ волненія Семеновскаго полка: Рылѣевъ, по словамъ Батенькова, однажды сообщилъ ему извѣстіе, что «цѣлый полкъ можетъ быть на сторонѣ либераловъ». Затѣмъ Рылѣевъ прибавилъ: «*Одинъ подобный случай, а именно неповиновеніе Семеновскаго полка, былъ уже пропущенъ . . Не должно повторять ошибокъ*». Нужно замѣтить. что Рылѣевъ, какъ авторъ статьи: «Возмущеніе стараго л. гв. Семеновскаго полка 1820 г.», ненапечатанной въ свое время, конечно собиралъ подробныя свѣдѣнія объ этомъ событіи. Извѣстенъ еще одинъ разговоръ Рылѣева на эту тему: когда Булатовъ 9-го декабря 1825 г. сказалъ ему, что «партія ихъ упустила . . . самый удобный случай во время возмущенія Семеновскаго полка», тотъ отвѣчалъ, что «они тогда не такъ были сильны, но теперь совсѣмъ готовы». Наконецъ М. И. Муравьевъ-Апостолъ 4 ноября 1824 года писалъ брату Сергѣю Ивановичу, что онъ не надѣется на поддержку плана Тайнаго Общества со стороны арміи и въ доказательство этого говоритъ: «Нашелся ли офицеръ Семеновскаго полка, готовый подвергнуться разстрѣлянію? . . . Вы мнѣ скажете, какая отъ этого была бы польза? Но дѣло не въ возможной

[1]) Привлекался къ слѣдствію по дѣлу о тайныхъ обществахъ и кн. Павелъ Голицынъ, служившій въ Семеновскомъ полку въ 1814—19 г.

отъ этого пользѣ, а въ томъ стремленіи къ другому порядку вещей, которое это означало бы».

Такимъ образомъ нельзя сомнѣваться въ томъ, что семеновскіе офицеры не были виновниками, по крайней мѣрѣ сознательно (т. е. не одними разговорами при солдатахъ о жестокостяхъ Шварца, которыя и безъ того были имъ прекрасно извѣстны), волненія въ Семеновскомъ полку. Но быть можетъ *послѣ* событія, *послѣ* ареста всего полка кто нибудь изъ нихъ могъ составить приведенную прокламацію? Мы видѣли, въ какомъ возбужденномъ состояніи былъ въ это время Н. И. Тургеневъ, были приведены слова, сказанныя имъ въ это время И. И. Пущину. Онъ слѣдилъ за ходомъ дѣла и даже въ Англійскомъ клубѣ рѣзко высказывалъ свое мнѣніе. Былъ уже сообщенъ его отзывъ объ этомъ событіи въ его неизданномъ дневникѣ (18-го октября). На слѣдующій день онъ между прочимъ отмѣчаетъ: «Главная ошибка состояла въ томъ, что первую роту посадили въ крѣпость»; отмѣчаетъ также, что сами совѣщавшіеся съ Васильчиковымъ въ главномъ штабѣ генералы, «удивляются геройству солдатъ. . . . Едва ли изъ мухи эти господа не сдѣлали слона! Кто же виноватъ, что они не знали, что дѣлать? . . . Трудно увѣрить этихъ людей, что они виноваты».

Черезъ восемь дней, 27-го октября, Н. И. Тургеневъ опять возвращается въ своемъ дневникѣ къ волнующему его событію: «о семеновской исторіи и думать, не только что писать трудно. Вся бѣда произошла отъ глупости. Одни дураки сносны, у которыхъ сердце на мѣстѣ. Что же тѣ, у которыхъ ни головы, ни души, ни сердца? Солдатъ въ крѣпости содержатъ дурно. Спасибо гр. Милорадовичу, что о нихъ думаетъ. Но есть ли графы Милорадовичи въ Кексгольмѣ и въ Свеаборгѣ, куда отправили другіе два баталіона?»

Въ этотъ самый день В. Н. Каразинъ былъ у министра внутреннихъ дѣлъ Кочубея, черезъ котораго онъ представлялъ тогда государю свои соображенія о различныхъ государственныхъ дѣлахъ (см. ниже). Во время разговора по поводу поданной Каразинымъ записки, Каразинъ сообщилъ различные слухи, ходившіе по городу о жестокости Шварца, о томъ, что съ самого начала по назначеніи его въ полкъ говорили, что ему въ немъ не удержаться; разсказывалъ объ общемъ участіи и сожалѣніи къ судьбѣ Семеновскаго полка и мнѣніи, что съ нимъ поступили слишкомъ строго. Кочубей сталъ добиваться отъ Каразина: «Кто же наши демократы?» И Каразинъ, переходя отъ обличенія общаго неустройства къ простому доносу, сказалъ: «много ихъ есть, напримѣръ Тургеневы». Кочубей недаромъ былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ: онъ поспѣшилъ заручиться самымъ точнымъ свѣдѣніемъ и спросилъ: «Вы называете обоихъ братьевъ?»—«Обоихъ», отвѣчалъ тотъ, «но Николай еще болѣе» [1]).

---

[1]) 20 Мая 1820 г. Каразинъ въ своемъ неизданномъ дневникѣ отмѣчаетъ „анекдотъ, достойный передачи“ въ его тетраляхъ (которыя онъ въ это время представлялъ чрезъ министра внутреннихъ дѣло Государю) „или по крайней мѣрѣ въ изустномъ объясненіи гр. В. П.“ (Кочубею). Какой то 11-лѣтній лицеистъ признался матери, что „въ лицеѣ обычай злословить государя, называть его д. (sic) и т. д. и что между воспитанниками положено жесточайше наказывать того, кто выдастъ этотъ образъ мыслей или вообще все, что дѣлается въ лицеѣ.“

Запись этого разговора, сдѣланная Кочубеемъ, была сообщена имп. Александру, такъ какъ найдена послѣ смерти государя въ его кабинетѣ, но Кочубей немедленно принялъ свои мѣры, вѣроятно установивъ за Тургеневымъ негласное наблюденіе. При связяхъ Тургенева въ обществѣ и служебныхъ сферахъ ему скоро удалось узнать о томъ, что полиція обратила на него вниманіе. 29-го октября онъ заноситъ въ свой дневникъ: «Мнѣ сказывали, что полиціи донесли, что я говорю весьма вольно въ клубѣ о происшествіи Семеновскаго полка, а можетъ быть о чемъ другомъ. Это совершенная ложь. Въ клубѣ говорить не съ кѣмъ громко. Къ тому же всѣ говорили не менѣе меня. Я догадываюсь, кто услужилъ мнѣ. Я его всякій день записывалъ въ клубъ. Но точно не знаю, онъ-ли.» Быть можетъ это и былъ Каразинъ. «Вообще слышно», продолжаетъ Тургеневъ, «что различныя мѣста занимаются развѣдываніемъ, что говорятъ, какъ говорятъ и проч... Этимъ ли можно исправить дѣло и какая прибыль знать, что и какъ говорятъ и кто вообще у насъ говорить можетъ? Вмѣсто того чтобы дѣлать дѣло, они занимаются знаніемъ сплетней, разговоровъ, сужденій и проч. Что я говорю въ клубѣ, я тоже говорю въ совѣтѣ и вездѣ; тоже пишу и радъ печатать, еслибы цензура не мѣшала. Чего же имъ надобно? Одобренія глупцовъ и ал тынниковъ? Никто не скажетъ, чтобы я былъ нечестный человѣкъ. Но многимъ не нравятся мои сужденія о взяточникахъ, о подлецахъ и потому сіи почтенные клубисты и граждане взводятъ на меня политическія декламаціи. Да и съ кѣмъ я буду говорить въ клубѣ? Тамъ много такихъ, которые ничѣмъ не лучше Шварца. И въ пустыхъ разговорахъ я давно сдѣлался осторожнѣе прежняго, хотя съ намѣреніемъ не умалчиваю своего мнѣнія, когда его сказать надобно; вся сія осторожность состоитъ въ томъ, что я менѣе говорю, потому что говорить надоѣло».

Наконецъ, недѣли черезъ двѣ подозрѣніе относительно Н. И. Тургенева приняло уже болѣе опредѣленную форму, и 10 ноября онъ записываетъ въ дневникѣ: «Третьяго дня въ клубѣ я слышалъ отъ Энгельгардта, что какой то полицмейстеръ сказывалъ, что меня и еще нѣкоторыхъ подозрѣваютъ въ подкидываніи какихъ-то вырѣзанныхъ изъ газетъ листковъ въ казармы. Меня это ни мало не удивило, а еще менѣе огорчило въ отношеніи ко мнѣ самому. Но въ отношеніи къ общему жаль видѣть, что вниманіе правительства, требуемое ужаснѣйшими злоупотребленіями, въ Россіи существующими, обращается на пустяки, ни съ здравымъ смысломъ, ни съ достоинствомъ самого правительства и вообще ни съ чѣмъ не совмѣстными».

Быть можетъ дѣло могло бы принять для Тургенева весьма неблагопріятный оборотъ, если бы подозрительность полиціи не направилась на то самое лицо, которое доносило на неблагонамѣренность Тургенева, т. е. на В. Н. Каразина. Но объ этомъ мы будемъ говорить ниже, а теперь возвращаемся къ вопросу, могъ ли быть авторомъ прокламаціи кто либо изъ членовъ Тайнаго Общества.

Тургеневъ въ это время уже былъ членомъ Союза Благоденствія. Подозрѣніе противъ него могло возбуждать особенно то мѣсто въ прокламаціи, которое посвящено было тяжелому положенію крѣ-

постныхъ крестьянъ. Но, вникая въ содержаніе прокламаціи, мы полагаемъ, что составитель ея долженъ былъ быть военнымъ.

При исканіи автора этой прокламаціи мысль скорѣе всего направляется на С. И. Муравьева-Апостола. Онъ присутствовалъ на московскомъ собраніи членовъ Тайнаго Общества въ концѣ 1817 г., гдѣ изъ семеновскихъ офицеровъ былъ еще кн. Шаховской и Якушкинъ, и гдѣ Якушкинъ вызывался убить царя, но на другой день С. Муравьевъ-Апостолъ убѣдилъ товарищей оставить это намѣреніе, ссылаясь на «скудость средствъ къ достиженію цѣли». Однако позднѣе, участвуя въ Южномъ Обществѣ, С. И. Муравьевъ-Апостолъ признавалъ необходимость цареубійства. Наконецъ въ его «Православномъ-катехизисѣ» мы находимъ нѣкоторыя черты, сходныя съ прокламаціей: таковы указанія на то, что «цари тиранятъ только народъ», что «русскій народъ и русское воинство страдаютъ» потому, что «покоряется царямъ», что нужно возстать съ оружіемъ въ рукахъ, что цари вынуждаютъ присягу («предписываютъ принужденныя присяги народу»). Всего важнѣе при этомъ то, что «Катехизисъ» (можетъ быть въ первоначальномъ наброскѣ) былъ написанъ Муравьевымъ не позднѣе 1820 года: въ этомъ году Муравьевъ, проѣзжая черезъ Тульчинъ вмѣстѣ съ Лунинымъ, читалъ отрывки изъ него Пестелю и нѣкоторымъ другимъ членамъ Тайнаго Общества. Бестужевъ-Рюминъ въ показаніи на слѣдствіи по дѣлу декабристовъ сказалъ, что «обѣ прокламаціи *и Катехизисъ* были сочинены Сергѣемъ Муравьевымъ» и имъ.

Въ «Воззваніи» С. И. Муравьева-Апостола къ Черниговскому полку также нельзя не отмѣтить какъ мысли о томъ, что «всѣ бѣдствія русскаго народа проистекли отъ самовластнаго управленія», такъ и приглашенія, установить «правленіе народное», основанное на «святомъ законѣ»; царь также называется здѣсь тираномъ.

Очевидно не случайно и то, что свой неоконченный «Любопытный разговоръ» (который иначе называли «Катехизисомъ вольнаго человѣка»), назначенный для распространенія среди простого народа, Никита Муравьевъ передалъ 23-го марта 1822 г. именно С. И. Муравьеву-Апостолу [1]).

Такимъ образомъ весьма возможно, что прокламація, найденная на улицѣ послѣ происшествія въ Семеновскомъ полку, вышла изъ кружка наиболѣе радикальныхъ членовъ Союза Благоденствія: С. И. Муравьева-Апостола, Н. М. Муравьева и другихъ; если авторами прокламаціи были кто нибудь изъ декабристовъ, то всего скорѣе ими могли быть С. И. Муравьевъ-Апостолъ и М. П. Бестужевъ-Рюминъ. Муравьевъ-Апостолъ ближе всѣхъ другихъ членовъ Общества стоялъ къ событію, и оно произвело на него глубокое впечатлѣніе. Вигель разсказываетъ, что въ первой половинѣ ноября 1820 г. онъ встрѣтилъ однажды С. И. Муравьева-Апостола сильно измѣнившимся. На предположеніе Вигеля, что онъ вѣроятно нездоровъ, Муравьевъ-Апостолъ

[1]) Нѣкоторыя мысли въ „Разговорѣ любопытномъ“ Н. Муравьева, какъ напримѣръ необходимость добывать свободу и для этого „утвердить постоянныя правила или законы“ также напоминаютъ отдѣльныя черты прокламаціи.

отвѣчалъ, что онъ «здоровъ, только не веселъ: радоваться нечему». Вигель сказалъ, что «скоро царь пріѣдетъ» и «не дастъ своихъ дѣтей въ обиду». Муравьевъ-Апостолъ, грустно взглянувъ на него, промолвилъ: «Viver in sperando, morir in cacando». Вигель подумалъ: «онъ что то недоброе замышляетъ». На мысль объ авторствѣ Муравьева-Апостола можетъ наводить и то, что, какъ мы увидимъ ниже, онъ завелъ тайныя сношенія съ арестованными солдатами, хотя и сумѣлъ дать настолько удовлетворительныя объясненія, что подвергся за это лишь небольшому дисциплинарному взысканію. У Муравьева-Апостола могли быть серьезныя основанія для такихъ сношеній.

Однако возможно, что авторъ воззванія, будучи военнымъ, принадлежа къ простому классу, былъ распропагандированъ членами Тайнаго Общества. Указанія, приведенныя Каразинымъ въ его бесѣдѣ съ Кочубеемъ, показываютъ, что среди нижнихъ чиновъ могли быть люди настолько развитые, чтобы быть въ состояніи составить эту замѣчательную прокламацію. Кромѣ вліянія газетъ, это конечно объясняется пребываніемъ нашей гвардіи заграницей и личнымъ знакомствомъ съ инымъ политическимъ строемъ. Если это такъ, то весьма замѣчательно, что наиболѣе живое слово по поводу семеновской исторіи могло быть сказано самими нижними чинами. Если такіе талантливые люди и такія радикальныя теченія были возможны въ то глухое время, то сколько же подобныхъ живыхъ силъ должно быть въ нашемъ войскѣ теперь, когда въ него проникаетъ, благодаря всеобщей воинской повинности, много развитыхъ людей, когда солдаты имѣютъ возможность, несмотря на всякіе обыски и препятствія къ чтенію, знакомиться не съ однимъ «Русскимъ Инвалидомъ». Вліяніе окружающей дѣйствительности слишкомъ сильно, и это заставляетъ думать, что если теперь лишь меньшинство войска сочувствуетъ освободительному движенію, то скоро демократическія идеи охватятъ большинство его, и тогда побѣда революціи будетъ обезпечена.

Посылая имп. Александру приведенную нами прокламацію, Васильчиковъ писалъ: «Ужасная бумага, которую захватила полиція, доказываетъ..., что у насъ есть также агитаторы, которые желали-бы воспользоваться происшествіемъ въ Семеновскомъ полку, чтобы поднять и другіе полки. До сихъ поръ все спокойно, и я вполнѣ надѣюсь, что имъ это не удастся». Но, по мнѣнію Васильчикова, это еще болѣе доказываетъ необходимость отложить рѣшеніе дѣла о Семеновскомъ полку до пріѣзда Государя.

Прокламація была отправлена государю 26 или 29-го октября. Имп. Александръ въ своемъ отвѣтѣ отъ 10-го ноября вполнѣ одобрилъ строгія мѣры, принятыя Васильчиковымъ относительно Семеновскаго полка, и просилъ его не смущаться городскими сплетнями. Но протестъ солдатъ все же произвелъ на государя сильное впечатлѣніе: «Удвойте надзоръ или, лучше сказать, заботы относительно солдатъ, наблюдайте старательно во всѣхъ полкахъ, чтобы съ ними не обращались дурно, чтобы ихъ не подвергали тѣлеснымъ наказаніямъ: это изъ всѣхъ средствъ самое дурное, и вы знаете, что я всегда былъ противъ битья палками». Но, обративъ на это вниманіе, отнюдь не слѣдуетъ допускать послабленій въ томъ, чего требуетъ служба,

такъ какъ это было бы гибельно въ настоящую критическую минуту. Уничтоженіе прежняго состава Семеновскаго полка имп. Александръ считалъ необходимымъ въ интересахъ всей арміи, Россіи и даже всей Европы. По его мнѣнію, снисходительность не избавила бы «отъ пасквиля въ родѣ того, который только что захваченъ... Вы видѣли, что въ немъ уже проповѣдуютъ солдатамъ, чтобы они считали себя самихъ государями, чтобы они отдѣлались отъ того, кто до сихъ поръ занималъ это мѣсто, или оставили его такъ же, какъ и всѣхъ офицеровъ и начальниковъ и выбрали бы другихъ между собою. Значитъ, не рѣшеніе, принятое властью, побуждаетъ ихъ къ подобнымъ покушеніямъ. Ихъ испытываютъ, не ожидая этого рѣшенія, единственно потому, что это соотвѣтствуетъ намѣреніямъ этихъ злоумышленниковъ и тѣхъ, кто ими руководитъ».

Ускорить свое возвращеніе имп. Александръ не находилъ возможнымъ, такъ какъ конгрессъ въ Троппау собрался съ цѣлью «принять серьезныя и дѣйствительныя мѣры противъ пожара, охватившаго югъ Европы и отъ котораго уже разлетались головешки болѣе или менѣе во всѣ страны». Успѣхъ мѣръ противъ неаполитанскихъ карбонаріевъ (членовъ тайныхъ политическихъ обществъ), по мнѣнію Александра I, долженъ «въ значительной степени обезопасить Европу, а слѣдовательно и Россію отъ язвы революціи». Онъ не только не находилъ возможнымъ возвратиться ранѣе нѣсколькихъ недѣль, но сообщалъ, что рѣшено даже перенести совѣщанія въ Лайбахъ, чтобы быть ближе къ Италіи. Быстрое возвращеніе въ Россію повело бы также къ неблагопріятнымъ заключеніямъ о ея внутреннемъ состояніи.

Затѣмъ имп. Александръ повторялъ нѣкоторыя соображенія, которыя онъ считалъ наиболѣе важными и которыя онъ сообщилъ уже чрезъ Волконскаго и Чаадаева. Онъ приказывалъ «бдительно наблюдать за Гречемъ и за всѣми, бывшими въ его школѣ, какъ за солдатами, такъ и за маленькими дѣвочками» (!!). «Признаюсь», замѣчаетъ государь, «что я на нихъ смотрю съ большимъ опасеніемъ». Онъ приказывалъ также «не терять изъ виду Каразина и его происковъ». Государь обѣщалъ оказать «сострадательное милосердіе» виновнымъ, судимымъ военнымъ судомъ и «такимъ образомъ наказаніе будетъ скорѣе нравственнымъ». (Мы увидимъ, каково оказалось это царское милосердіе). Царь предполагалъ, что, «едва-ли одни виновнѣе другихъ», что не помѣшало однако потомъ съ величайшею жестокостью наказать нѣкоторыхъ. Царь полагалъ, что найдутъ «истинныхъ виновныхъ внѣ полка, среди людей, какъ Гречъ и Каразинъ». Подозрительность имп. Александра относительно Греча могла быть возбуждена тѣмъ, что въ одномъ доносѣ, поданномъ государю, вѣроятно, въ 1820 г., Гречъ былъ названъ въ числѣ «самыхъ дѣятельныхъ членовъ Союза Благоденствія».

Въ бумагахъ Закревскаго сохранилось еще другое воззваніе, составленное въ декабрѣ того-же года:

«Воины! Дворяне изъ Петербурга разсылаютъ войска, дабы тѣмъ укротить справедливый гнѣвъ воиновъ и избѣгнуть общаго мщенія за ихъ великія злодѣянія. *Но я совѣтую, призвавъ Бога въ помощь, учинить слѣдующее*:

«1) Единодушно арестовать всѣхъ начальниковъ, дабы тѣмъ прекратить вредную ихъ власть.

«2) Между собою выбрать по регулу надлежащій комплектъ начальниковъ изъ своего брата солдата и поклястися умереть за спасеніе оныхъ, если то нужно будетъ, а не выдавать своихъ.

«3) Вновь выбранные начальники должны разослать приказы прочимъ полкамъ, чтобъ поступили такъ же, а командированные, посланные полки возвратить въ Петербургъ. Когда старые начальники по всѣмъ полкамъ будутъ смѣнены и новые учреждены, то Россія останется по сему случаю безъ пролитія крови. Если сего не учините и станете медлить въ семъ случаѣ, то вамъ и всему отечеству не миновать ужасной революціи!

«Спѣшите послѣдовать сему плану, а я къ вамъ явлюсь по зачатіи сихъ дѣйствій.

«Во славу Бога отдаю себя вашему покровительству.

„Любитель отечества и сострадатель несчастныхъ.

Единоземецъ».

Затѣмъ у унтеръ-офицера Преображенскаго полка найденъ былъ второй экземпляръ большой прокламаціи.

23-го ноября Милорадовичъ получилъ очень важное донесеніе отъ слѣдственнаго пристава Мылова. Флейтщикъ Преображенскаго полка Васильевъ показалъ, что «бумагу на счетъ вызова преображенцевъ отъ семеновцевъ на выручку» составилъ онъ вмѣстѣ съ госпитальнымъ писаремъ Калининымъ. Калининъ писалъ ее, также какъ и копіи съ нея, доставленныя полиціи, и печать приложилъ, выпрося ее, будто бы для запечатанія письма къ родственникамъ, а у унтеръ-офицера Крохина, «ничѣмъ не причастнаго». Онъ, Васильевъ, показывалъ эту бумагу, еще написанную вчернѣ, ротному писарю л.-гв. Егерскаго полка Моторову (или Мотыреву) и просилъ его исправить, но тотъ, хотя и читалъ ее, но не исправлялъ, а сказалъ, что «нескладно написана». Еще онъ читалъ эту бумагу рядовымъ своего полка Елдаванову и Михайлову. Кромѣ этихъ трехъ человѣкъ, онъ никому ни въ полку своемъ, ни на сторонѣ этой бумаги нигдѣ не читалъ и списковъ съ нея не давалъ, «да и написалъ ее отъ вѣтренности безъ всякаго злого намѣренія для отца своего крестнаго, здѣшняго мѣщанина Осипова, по охотѣ его къ новостямъ», изъ желанія «тѣмъ у него выслужиться» [1]).

Можно было бы усомниться, чтобы флейтщикъ и госпитальный писарь съумѣли составить первую прокламацію, а дѣло идетъ очевидно о ней, такъ какъ въ краткой прокламаціи нѣтъ упоминанія объ обращеніи семеновцевъ къ преображенцамъ. Но мы приводили заявленіе Каразина въ бесѣдѣ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ гр. Кочубеемъ (27 октября 1820 г.) о томъ, что среди солдатъ есть «весьма острые и свѣдущіе люди» изъ семинаристовъ и дворовыхъ, что «они, какъ и всѣ, читаютъ журналы, газеты и проч». Каразинъ

---

[1]) 19 ноября флейтщикъ Васильевъ и рядовой Илья Мотыревъ были заключены въ Шлиссельбургскую крѣпость.

совѣтовалъ Кочубею справиться, сколько теперь расходится экземпляровъ «Инвалида и другихъ журналовъ» и сколько расходилось прежде. Каразинъ, какъ усердный «наблюдатель», обращалъ вниманіе министра внутреннихъ дѣлъ на то, что «въ журналахъ» иногда печатаютъ разныя вещи «весьма неосмотрительно». Напримѣръ, въ «Инвалидѣ» были сообщены свѣдѣнія объ испанской революціи и о Квирогѣ [1]). «Кто можетъ ручаться,—замѣтилъ Каразинъ,—чтобъ многимъ нашимъ молодымъ людямъ не пришло въ голову играть роль Квирога»?

Что статьи, подобныя указанной Каразинымъ, могли производить впечатлѣніе и среди солдатъ доказываетъ слѣдующій фактъ. Рядовой л.-г. Егерскаго полка Гущеваровъ [2]) показалъ, что, будучи въ нетрезвомъ видѣ и безъ всякаго злого намѣренія, говорилъ, что «семеновцамъ за поступокъ ихъ ничего не будетъ, да и быть не можетъ, чтобы за одного имъ несноснаго человѣка, варвара Шварца, промѣняли цѣлый полкъ: за нихъ вступится великій князь цесаревичъ и дѣло ихъ рѣшитъ, а коли не вступится, то вся гвардія взбунтуется и сдѣлаетъ революцію. Вѣдь здѣсь не Гишпанія: тамъ бунтуютъ мужики и простолюдины, ихъ можно унять, а здѣсь взбунтуется вся гвардія—не Гишпаніи чета, все подыметъ»... Въ этомъ фактѣ имп. Александръ увидѣлъ очень сильное доказательство иностраннаго подстрекательства или вліянія болтовни офицеровъ въ присутствіи солдатъ, а между тѣмъ изъ заявленія Каразина Кочубею видно, что объ испанской революціи солдаты могли прочесть въ «Инвалидѣ» [3]).

Среди нижнихъ чиновъ гвардіи были толки о прокламаціи. 9-го января 1821 г. писарь Измайловскаго полка Степановъ, по прозванію Карасевъ, показалъ: «какъ то давно, а когда не припомню, говорили солдаты нашей роты Петровъ, Гавриловъ и Буторинъ, по слухамъ, что въ Преображенскомъ полку была бумага, написанная къ нимъ на полулистѣ *отъ содержащихся въ крѣпости семеновцевъ*, и ее тамъ читали, только о ней вдругъ замолчали, и я, хотя ее самъ и желалъ видѣть, никогда не имѣлъ, да и есть ли она теперь, точно не знаю, а содержаніе ея, какъ разсказывали Петровъ и прочіе, клонилось къ тому, что семеновцы просили преображенцевъ за нихъ вступиться и ихъ выручить» [4]).

Ѳедоръ Николаевичъ Глинка, членъ Тайнаго Общества, служившій при гр. Милорадовичѣ, разсказывалъ гораздо позднѣе, что извѣстный тогда шпіонъ тайной полиціи Фогель заподозрилъ В. Н. Каразина въ составленіи воззванія.

---

[1]) См. „Русскій Инвалидъ“, 1820 г., 30 сентября, № 232, стр. 928.

[2]) 9 ноября 1820 г., по приказанію Милорадовича, онъ былъ заключенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость.

[3]) Васильчиковъ же въ такихъ разговорахъ видѣлъ „скорѣе результатъ неосторожности нашихъ офицеровъ и нашихъ русскихъ газетъ, которыя читаются въ передпихъ“, хотя не отрицалъ возможности и иностраннаго подстрекательства.—17 марта 1821 г. Гущеваровъ былъ отправленъ въ 5-ю пѣхотную дивизію, въ городъ Муромъ.

[4]) 26 марта 1821 г. Карасевъ, выключенный изъ Измайловскаго полка, былъ посаженъ въ Шлиссельбургскую крѣпость.

Въ 1819 г. Каразинъ опять раздражилъ императора Александра: онъ выступилъ на защиту профессора Шада, лишеннаго за вольнодумство каѳедры въ харьковскомъ университетѣ и высланнаго за границу [1]). По этому ли, или по другому поводу, онъ прислалъ Государю письмо, къ которому приложилъ какое-то письмо самого государя и письма къ нему, Каразину, разныхъ лицъ. Имп. Александръ приказалъ А. Н. Голицыну возвратить присланное Каразину и замѣтить ему, что неприлично утруждать государя присылкой для чтенія своей частной корреспонденціи [2]). «Государь императоръ повелѣлъ мнѣ объявить вамъ», говоритъ Голицынъ въ концѣ своего письма отъ 20 августа 1819 г., «что какъ и прежде запрещено уже было вамъ писать Его Величеству, такъ и нынѣ вновь подтверждается вамъ сіе навсегда.»

Мы видѣли, что императоръ Александръ въ письмѣ къ Васильчикову приказывалъ «не терять изъ виду Каразина и его происковъ». Не знаемъ, выражался-ли государь еще рѣшительнѣе относительно Каразина въ написанномъ въ тотъ же день (10-го декабря) письмѣ къ Кочубею, но только тотъ не нашелъ нужнымъ защитить Каразина, хотя и видѣлъ, что онъ скорѣе можетъ быть усерднымъ слугою правительства для собиранія свѣдѣній о революціонныхъ теченіяхъ, чѣмъ революціонеромъ, и рѣшилъ принять относительно Каразина крайнія мѣры. 26 ноября онъ писалъ государю, что, получивъ наканунѣ его письмо отъ 10 ноября и «проникшись тѣмъ», что предписывалось въ немъ относительно Каразина, не нашелъ причинъ откладывать его арестъ». Изъ этихъ словъ Кочубея можно заключить, что онъ имѣлъ возможность не подвергать Каразина аресту немедленно; вѣроятно это велѣно было ему сдѣлать лишь въ томъ случаѣ, если полицейское наблюденіе за нимъ покажетъ необходимость ареста. Въ позднѣйшемъ письмѣ къ Дибичу (14 іюля 1826 г.) Кочубей говоритъ объ арестѣ Каразина: «Во время несчастнаго происшествія въ Семеновскомъ полку найденъ былъ на дворѣ Преображенскихъ казармъ (что у Таврическаго сада) пасквиль злостный, коимъ полкъ Преображенскій вызываемъ былъ возстать на защиту и освобожденіе сослуживцевъ своихъ и проч. По сличенію поддѣльнаго (?) пасквиля сего съ почеркомъ г. Каразина, по нѣкоторымъ выраженіямъ сего послѣдняго (вѣроятно по упоминанію о законахъ) и по безпокойному нраву его пало подозрѣніе, что пасквиль могъ быть написанъ г. Каразинымъ, и государь императоръ, уже имъ недовольный, получивъ пасквиль и сомнѣваясь (sic!) по многимъ другимъ бу-

[1]) См. *Д. И. Багалѣй.* „Удаленіе профессора И. Е. Шада изъ харьковскаго университета". Харьковъ 1899.

[2]) „Что касается до принятой вами защиты Шада", писалъ Голицынъ Каразину, „то все приводимое вами къ его оправданію столь же мало основательно, какъ и обвиненіе другихъ по такимъ обстоятельствамъ, кои вамъ доказать ничѣмъ не можно. Сіе покушеніе тѣмъ предосудительно, что и въ томъ, и другомъ случаѣ порицаете вы правительство несправедливостью въ сужденіяхъ его и дѣйствіяхъ тогда, когда вы и судить о томъ никакого права не имѣете. А что правительство взирается съ иной точки зрѣнія, нежели вы, какъ на причины, по коимъ послѣдовала высылка Шада за границу, такъ и на многое другое, въ томъ оно не обязано отвѣтомъ ни передъ вами, ни передъ кѣмъ другимъ".

магамъ Каразина, что онъ дѣйствительно могъ имъ быть написанъ, повелѣть изволилъ мнѣ и гр. Милорадовичу взять бумаги г. Каразина, а самого его отправить въ Шлиссельбургскую крѣпость, что и было тогда же исполнено».

Кочубей условился съ Милорадовичемъ, военнымъ петербургскимъ генералъ-губернаторомъ, что послѣдній 26 ноября вызоветъ Каразина къ себѣ между 4 и 5 часами, а въ это время оберъ-полицмейстеръ Горголи и полицейскій приставъ захватятъ бумаги Каразина, наложатъ на нихъ печати и доставятъ къ Кочубею. Въ письмѣ государя было указано какое-то лицо, которому не слѣдовало поручать осмотра бумагъ Каразина, но Кочубей выразилъ готовность сдѣлать это лично вмѣстѣ съ Милорадовичемъ. Кочубей заявлялъ, что нѣтъ никакихъ препятствій къ тому, чтобы отправить Каразина въ Шлиссельбургъ и что будетъ лучше помѣстить его тамъ, чѣмъ въ равелинѣ Петропавловской крѣпости.

«Ваше величество могли видѣть изъ моихъ предшествующихъ писемъ,—продолжалъ Кочубей въ письмѣ къ государю отъ 26 ноября,—что я считалъ дѣломъ величайшей важности открытіе (составителя ?) гнуснаго пасквиля, который вамъ доставленъ. Для этого были употреблены всѣ средства, но тщетно. Можно только было придти къ увѣренности,—это, конечно, довольно важно,—что не существуетъ другого экземпляра». Кочубей полагалъ, что «даже самые розыски по этому столь важному предмету должно дѣлать съ величайшею осторожностью. Полнѣйшая тайна должна быть соблюдена относительно существованія подобной бумаги. Малѣйшая гласность возбудила бы общее безпокойство, обрадовала бы составителей, что ихъ произведеніе дошло до правительства и что оно можетъ вызвать съ его стороны ошибочныя мѣры, между тѣмъ, какъ оно должно выказывать равнодушіе. Малѣйшее ознакомленіе съ этой бумагой агентовъ полиціи могло бы столь взволновать ихъ головы, что, разсчитывая на награды, они могли выдумать цѣлыя исторіи и лишить правительство возможности добиться истины». Исходя изъ этихъ соображеній, Кочубей упросилъ Милорадовича «запрятать эту бумагу какъ можно дальше и не говорить о ней ни слова. Сдѣлали такимъ образомъ и сообщили агентамъ только слухъ, что ходитъ по рукамъ бумага и т. д., и *этого было достаточно, чтобы заставить ихъ сочинить ее при посредствѣ флейтщика и полкового писаря*». Такимъ образомъ, очевидно, ни Милорадовичъ, ни Кочубей не повѣрили, что эти два нижнихъ чина сочинили первую, приведенную нами, прокламацію.

Въ тогдашней оффиціальной перепискѣ говорится о двухъ экземплярахъ приведеннаго подробнаго воззванія: одномъ, подброшенномъ на улицѣ, и другомъ, открытомъ полиціею. Закревскій писалъ Волконскому 26 октября: «Сегодня слышалъ поутру, что подкинута какая-то пасквиль ужасная на улицѣ, но не могъ еще оной найти, дабы прочитать; завтра ѣду къ Горголи спросить о справедливости сихъ слуховъ». 10-го ноября кн. П. М. Волконскій писалъ Закревскому: «я читалъ подкинутую бумагу, которую уже ко мнѣ не присылайте; признаюсь, не могъ вообразить столь ужасной мер-

зости, что и доказываетъ, что такого же рода вѣрно было что-нибудь употреблено и для Семеновскаго полка. Повторяю вамъ еще, вотъ для чего я всегда желалъ, чтобы имѣть свѣдѣніе и наблюденіе, что въ полкахъ дѣлается, какъ между офицерами, такъ и между нижними чинами. Вы видите теперь ясно, въ какомъ несчастномъ вѣкѣ мы живемъ, что нигдѣ и ни въ чемъ увѣрену быть нельзя» [1]).

На это Закревскій въ письмѣ къ Волконскому отъ 26-го ноября (т. е. въ тотъ же день, когда Кочубей писалъ Государю о Каразинѣ) отвѣчаетъ: «Касательно подкинутой бумаги, которую вы читали, скажу вамъ, что она дошла до васъ не въ томъ видѣ, въ какомъ была найдена, ибо подлинная была наполнена разными мерзкими ругательствами на счетъ лица государя, которыя всѣ вымараны, а потому полагаю, теперь вамъ нужно оную вытребовать оригинальную, ибо оная писана, какъ полагаю, человѣкомъ дерзкимъ, не любящимъ своего отечества, возмутительнымъ, но умнымъ.»

5 ноября 1820 г. Васильчиковъ писалъ Волконскому: «Въ полкахъ все спокойно...., бумага, которую полиція открыла, не произвела никакого дѣйствія и не проникла въ казармы, такъ какъ еще надо доказать, дѣйствительно ли фельдфебель имѣлъ ее въ рукахъ, или это плутовство писаря, подкупленнаго полиціей; все объяснится по дознанію, которое производится». — Васильчиковъ подозрѣвалъ *подкупъ* со стороны полиціи, но мы знаемъ, что даже въ настоящее время при дознаніяхъ употребляются пытки (напр. въ Варшавѣ и Ригѣ), почему же это было бы невозможно въ то время? По крайней мѣрѣ употребленіе пытокъ въ 1820-хъ годахъ въ Сѣверо-западномъ краѣ совершенно несомнѣнно [2])

Въ отвѣтъ на письмо Закревскаго отъ 5 ноября Волконскій пи-

---

[1]) Въ письмѣ отъ 12 ноября Волконскій писалъ Закревскому: „Касательно подкинутой бумаги—я ее видѣлъ и читалъ; не знаю, что можетъ быть хуже того, что въ ней заключается; весьма бы нужно отыскать сочинителя, съ которымъ нѣтъ никакого грѣха и должно бы поступить по параграфу 7-му дѣйствующаго въ арміи „Полевого уложенія“, т. е. предать смертной казни“.

[2]) Въ тотъ же самый день Закревскій писалъ Волконскому: „По требованію С.-Петербургскаго военнаго генералъ-губернатора гр. Милорадовича отправлены мною въ Шлиссельбургскую крѣпость—съ особыми фельдъегерями 3-го числа л. гв. Семеновскаго полка 1-го баталіона, 1-ой роты рядовой Дорофей Абрамовъ и л. гв. Преображенскаго полка 2 баталіона 5-й роты фельдфебель Кармановъ, 4-го числа л. г. Семеновскаго полка роты Его Величества капгенармусъ Петръ Ѳедоровъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ Закревскій предписалъ коменданту Шлиссельбургской крѣпости Плуталову содержать ихъ въ казематахъ порознь и подъ строжайшимъ присмотромъ такъ, чтобы они не имѣли ни съ кѣмъ сношеній и не могли знать, что содержатся въ одной крѣпости. 4-го же числа Милорадовичъ отправилъ туда чиновника для снятія допроса съ этихъ арестантовъ и съ нимъ депутата отъ военнаго вѣдомства, капитана л. гв. Гренадерскаго полка Русанова. О причинахъ отправленія этихъ нижнихъ чиновъ въ крѣпость гр. Милорадовичъ одновременно съ этимъ письмомъ Закревскаго послалъ подробное донесеніе Государю. Позднѣе флейтщикъ Васильевъ заявилъ слѣдственному приставу Мылову, что напрасно оговорилъ Карманова и Ѳедорова,—перваго въ томъ, что у него была извѣстная бумага, а второго въ томъ, что онъ носилъ ее къ нимъ въ казармы.

Фельдфебель Кармановъ 31 декабря 1820 г. былъ отправленъ изъ Шлиссельбургской крѣпости въ Зарайскъ Рязанской губ. въ Бѣлевскій пѣхотный полкъ съ производствомъ въ подпоручики; рядовой Абрамовъ посланъ 17 марта 1821 г. въ 5 пѣхотную дивизію въ городъ Муромъ, а капгенармусъ Ѳедоровъ въ тотъ же день въ Рязань въ 4 пѣхотную дивизію.

салъ ему изъ Троппау 20 ноября: «нужно непремѣнно отыскать сочинителя найденной въ Преображенскомъ полку бумаги у унтеръ-офицера, дабы прекратить всѣ подобныя мерзости». Это Волконскій пишетъ о второмъ экземплярѣ воззванія, найденномъ полиціею и относительно котораго Васильчиковъ заподозрилъ, что тутъ дѣло не обошлось безъ неправильныхъ дѣйствій съ ея стороны и о чемъ Кочубей въ письмѣ къ государю отъ 26 ноября говорилъ уже съ увѣренностью. Черезъ недѣлю, 12 ноября, Волконскій писалъ Закревскому: «Присланную записку и допросы нижнихъ чиновъ къ вамъ обращаю съ тѣмъ, что его величество весьма недоволенъ сдѣланнымъ надъ ними Мыловымъ допросомъ, повелѣваетъ вамъ вновь произвести слѣдствіе, назначивъ для сего кого нибудь изъ аудиторіата, или изъ хорошихъ аудиторовъ, въ гвардіи состоящихъ».

3 января 1821 г. Александръ I писалъ Кочубею изъ Лайбаха: «Предложите гр. Милорадовичу обратить самое серьезное вниманіе на дѣло Рощина и на его бумаги. Если дѣло будетъ поведено толково, то быть можетъ будетъ возможно открыть источникъ происхожденія пасквиля и даже всей исторіи въ Семеновскомъ полку, относительно которой я навсегда останусь при убѣжденіи, что она произведена людьми, не принадлежащими къ числу военныхъ, а лицами вродѣ Каразина и Комп.». Напротивъ кн. Волконскій писалъ Дибичу изъ Лайбаха 18 февраля 1821 г.: «ясно, что смуты эти» (въ Семеновскомъ полку) «были давно и настойчиво подготовляемы ожесточенными подстрекателями, которыхъ, по моему мнѣнію, должно искать между офицерами; я вполнѣ убѣжденъ, что предположеніе это наконецъ подтвердится, особенно если удастся расположить солдатъ, переведенныхъ въ армію, къ болтливости, о чемъ я писалъ главнокомандующему».

4 марта 1821 г. Закревскій извѣстилъ Волконскаго, что дѣло о флейтщикѣ Васильевѣ и рядовомъ Моторовѣ уже поступило въ аудиторіатъ. [1]) Однако, несмотря на всѣ усилія, правительству такъ и не удалось добиться, кто былъ дѣйствительный составитель прокламаціи и кѣмъ она была внушена.

V.

Итакъ, розыски составителя прокламаціи въ одномъ направленіи правительство сочло неудачными; не болѣе удачнымъ оказалось и привлеченіе къ дѣлу Каразина.

---

[1]) Изъ вѣдомости 4 Іюня 1821 г. о содержащихся въ Шлиссельбургской крѣпости видно, что флейтщикъ Василій Васильевъ и рядовой Илья Мотыревъ (sic) 26 февраля 1821 г. комиссіею военнаго суда были „приговорены къ наказанію“, но къ какому именно не сказано.

26 февраля 1821 г. за какія то неосторожныя рѣчи былъ заключенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость бомбардиръ Евграфъ Васильевъ. Васильчиковъ самъ допрашивалъ его, обѣщалъ прощеніе, если тотъ назоветъ, отъ кого слышалъ эти слова, но ничего не могъ добиться. Комиссіею военнаго суда онъ былъ приговоренъ къ наказанію. „Рус. Арх.“ 1875 г. т. III, 412—413. 20 ноября 1820 г. были посажены въ Шлиссельбургскую крѣпость л. гв. егерскаго полка унтеръ-офицеръ Веревочкинъ и музыкантъ Огневъ, а 17 марта 1821 года оба они были отправлены на службу—одинъ въ Рязань, другой въ Муромъ.

Нѣкоторыя мѣста одной изъ записокъ, которыя Каразинъ писалъ для государя и которыя вручалъ Кочубею, могли вновь вооружить противъ него импер. Александра. Въ 5 тетради, которую онъ сталъ писать сейчасъ послѣ происшествія въ Семеновскомъ полку и которую Каразинъ, по его словамъ, успѣлъ передать Кочубею до ареста [1]), онъ писалъ, что событіе это «не такъ страшно, какъ нѣкоторые здѣсь воображали, говорили и какъ быть можетъ донесли государю, что напротивъ въ немъ только высказывается благороднѣйшій характеръ безподобнаго русскаго народа», что «сопротивленіе власти было только отрицательное, т. е. одно то, которое христіанскій законъ дозволяетъ въ крайнихъ случаяхъ...; съ прекраснымъ, нѣкогда любимымъ полкомъ было поступлено безъ снисхожденія». «Жалобы были приносимы *неоднократно*», писалъ Каразинъ, вѣроятно слышавшій о жалобахъ, поданныхъ семеновскими солдатами въ ордонансгаузъ. «Наконецъ, они рѣшились... просить объ удаленіи начальника.. Никто изъ такого множества людей не имѣлъ при себѣ оружія, никто не произнесъ *ни слова*, которое могло бы имѣть значеніе угрозы. Первую роту обманомъ залучили и взяли въ крѣпость. Прочіе... добровольно пошли за нею—въ однѣхъ шинеляхъ, желая раздѣлить наказаніе за общую вину. Какая черта среди безпорядка противъ дисциплины!.. О народъ единственный! я становлюсь предъ тобою на колѣни; слезы наполняютъ глаза мои. Я горжусь тѣмъ, что къ тебѣ принадлежу!» Изъ этого Каразинъ дѣлалъ выводъ, что: «время укрѣпить разслабѣвающій составъ нашего государства! Время замѣнить религіозное почтеніе другимъ, *основаннымъ на законахъ*!»

26-го ноября 1820 г. Каразинъ былъ отправленъ въ Шлиссельбургъ, какъ объ этомъ извѣстилъ императора Александра Кочубей въ припискѣ къ письму отъ 26-го ноября [2]), часть котораго уже была приведена выше.

Каразинъ, ходившій на два пути, т. е. поддерживавшій сношенія съ Кочубеемъ и дѣлавшій при этомъ указанія на лицъ либеральнаго образа мыслей и въ то же время желавшій участвовать въ обществахъ, устраиваемыхъ этими лицами (какъ было съ попыткою учредить въ 1820 году общество съ цѣлью освобожденія крестьянъ), не пользовался сочувствіемъ либеральныхъ круговъ, и потому арестъ его не произвелъ впечатлѣнія. Вотъ что писалъ Н. И. Тургеневъ своему брату 30 ноября: „Ты слыхалъ, я думаю, о Каразинѣ. На сихъ дняхъ разнесся слухъ, что его взяла полиція и посадила въ крѣпость или отправила въ Харьковъ, мѣсто его жительства. Думаютъ, что

[1]) Каразинъ говоритъ, что послѣ Семеновской исторіи вручилъ Кочубею три записки: „первая уже погубила меня прежде, нежели успѣли дойти двѣ послѣднія.“

[2]) Коменданту Шлиссельбургской крѣпости Плуталову Кочубей далъ такое предписаніе: „по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію препровождается при семъ... г. статскій совѣтникъ Каразинъ, для содержанія въ секретномъ домѣ ввѣренной вамъ крѣпости впредь до высочайшаго разрѣшенія.—Я прошу... отвести ему особенный номеръ для содержанія и, принявъ на себя попеченіе о доставленіи ему приличнаго по его положенію спокойствія, увѣдомлять меня еженедѣльно о состояніи его для доклада Государю Императору“. На другой день при отношеніи отъ петербургскаго оберъ-полицмейстера Горголи были получены вещи для Каразина, но онѣ были отданы ему лишь съ особаго разрѣшенія Кочубея.

онъ опять что нибудь писалъ къ государю и давалъ совѣты. Ему уже давно государь запретилъ писать къ себѣ, и за неисполненіе сего приказанія онъ сидѣлъ уже въ Харьковѣ подъ арестомъ съ недѣлю. Хотя онъ и несчастливъ, но нельзя не сказать, que c'est un véritable broullion» (это, по истинѣ, неугомонный человѣкъ). «Вздоръ говоритъ и дѣлаетъ, вѣроятно и пишетъ. Между тѣмъ недавно государь сложилъ съ него долгъ казнѣ, до 27 тысячъ рублей простиравшійся [1]). Каразинъ читалъ мнѣ уставъ, которымъ онъ управляетъ своею деревнею. Я видѣлъ, что этотъ уставъ долженъ быть разорителенъ для крестьянъ. Харьковскіе жители подтверждаютъ это. Главная причина его ажитаціи есть, какъ видно, самолюбіе. Онъ въ началѣ царствованія былъ близокъ къ государю. Никто не удивился его арестаціи».

При обыскѣ у Каразина оберъ-полицмейстеръ Горголи взялъ бумаги въ пяти большихъ пакетахъ и одномъ ящикѣ и, запечатавъ ихъ своею печатью, представилъ Кочубею, который пригласилъ къ себѣ Милорадовича, и они немедленно приступили къ ихъ разсмотрѣнію. «Предварительное обозрѣніе» ихъ привело къ слѣдующимъ выводамъ: «Въ бумагахъ Каразина не найдено ничего, что бы указывало прямое участіе его въ послѣднихъ происшествіяхъ или въ сочиненіи извѣстной его Импер. Величеству бумаги. Въ журналѣ его заключается однако же нѣсколько статей, къ Семеновскому полку относящихся». Наибольшее вниманіе изъ всѣхъ бумагъ Каразина обратилъ на себя его дневникъ. Онъ ежедневно или по мѣрѣ накопленія матеріала записывалъ свои разсужденія о прочитанныхъ книгахъ, своихъ разговорахъ съ разными лицами по поводу слышанныхъ ими новостей, дѣлалъ замѣтки для составленія различныхъ бумагъ и проч. Въ запискахъ этихъ находились или копіи, или извлеченія изъ тѣхъ записокъ, которыя онъ писалъ государю. Остальныя рукописи Каразина были раздѣлены на слѣдующіе разряды: 1) очень большое количество бумагъ по устройству его имѣнія въ Харьковской губерніи «соотвѣтственно принятому имъ особому плану»; 2) множество бумагъ, относящихся до филотехническаго общества, учрежденнаго въ Слободско-украинской губ.; бумаги по химіи, статистикѣ и другимъ ученымъ предметамъ. 3) «Собственныя бумаги» — счеты, квитанціи, контракты, заемныя письма, тяжебныя дѣла и проч. На основаніи ихъ Кочубей и Милорадовичъ пришли къ заключенію, что «въ дѣлахъ Каразина не много порядку, и что онъ долженъ быть разстроенъ въ положеніи своемъ». 4) Переписка съ частными лицами и нѣкоторыя черновыя письма Каразина. 5) Три собственноручныя письма государя.

Кочубей и Милорадовичъ рѣшили списать для донесенія государю изъ бумагъ Каразина лишь нѣсколько мѣстъ, относящихся до Семеновскаго полка, и нѣкоторыя другія, обратившія на себя ихъ вниманіе; бумаги первыхъ двухъ разрядовъ оставили безъ дальнѣйшаго изслѣдованія; всѣ сколько-нибудь заслуживающія вниманія письма частныхъ лицъ представили государю; наконецъ относительно собственноручныхъ писемъ императора рѣшили ждать его повелѣнія (возвра-

---

[1]) По другимъ свѣдѣніямъ, 25.000 р. „Харьковскій Сборникъ“, 1887 г. стр. 69.

щены они не были [1]). Что касается хозяйственныхъ бумагъ Каразина, то Кочубей и Милорадовичъ ходатайствовали у государя о разрѣшеніи возвратить ихъ женѣ Каразина.

Отмѣтимъ тѣ мѣста изъ бумагъ Каразина, на которыя было обращено вниманіе по ихъ отношенію къ Семеновскому полку. 20-го мая послѣ упоминанія объ отсылкѣ гр. Кочубею третьей тетради его соображеній, которыя онъ предназначалъ для государя, Каразинъ записалъ слѣдующее: «Запасъ для будущихъ тетрадей, если потребуютъ: 10) о заговорѣ Семеновскаго полка на Шварца [2]) и о пирѣ въ честь Потемкину, о которомъ описаніе было напечатано. 11) О общемъ недовольствѣ на службу. 12) О гордомъ мнѣніи ихъ, что они выше *всего*. О строптивости. Въ бесѣдахъ ихъ отзываются самыя дерзкія рѣчи».

Въ другой своей тетради Каразинъ, упомянувъ 27-го августа о посѣщеніи имъ библіотеки императрицы (вѣроятно Маріи Ѳедоровны въ Павловскѣ) и о книгѣ Левека исторія Россіи въ 4 изданіи, гдѣ двумя другими писателями (Мальтъ Брюномъ и Деппингомъ) сдѣланы были дополненія о царствованіи Павла I, Каразинъ далѣе записываетъ слѣдующую мысль: «Государи предпочитаютъ свое войско и его начальниковъ гражданамъ, гражданскимъ чиновникамъ и гражданскому порядку, между тѣмъ какъ едва-ли есть примѣръ въ исторіи, чтобъ гражданскіе чиновники дѣйствовали къ сверженію государей или бы покушались на ихъ жизнь. Ils sont toujours punis par ou ils ont peché. (Они всегда бываютъ наказаны тѣмъ, чѣмъ грѣшили). Я увѣренъ, точно какъ въ собственномъ бытіи моемъ, что предстоящая намъ насильственная перемѣна произойдетъ отъ гвардейцевъ и едва-ли не отъ Семеновскаго полка».

13 сентября, записавъ мысль, что «не всегда должно пренебрегать народными сказками», Каразинъ заноситъ въ свой дневникъ слышанное имъ отъ Варвары Ивановны Шадъ (вѣроятно жены высланнаго за границу харьковскаго профессора, за котораго, какъ мы видѣли, Каразинъ заступился предъ государемъ въ 1819 г.). Она разсказывала, что «носится площадный слухъ о явленіи въ Кіевѣ святыхъ (или мощей) въ образѣ Семеновской гвардіи солдатъ съ ружьями, которые-де въ рукахъ держатъ письмо съ надписью государю, держатъ крѣпко и никому-де кромѣ его не даютъ, для того-де государь намѣренъ, возвращаясь изъ чужихъ краевъ, ѣхать чрезъ Кіевъ. «Сказка эта», замѣчаетъ Каразинъ, «можетъ имѣть отношеніе къ сказанному» въ дневникѣ подъ 27 ч. августа, т. е. о возможности переворота при помощи семеновскихъ солдатъ.

Такимъ образомъ семеновскій полкъ еще до его протеста противъ Шварца сдѣлался достояніемъ народной легенды.

Нѣсколько легендарнымъ характеромъ отличается и разсказъ Ѳ. Н. Глинки о томъ, какъ солдатамъ семеновскаго полка сдѣлалось извѣстнымъ революціонное воззваніе: «Передъ возмущеніемъ семе-

---

[1]) Это постановленіе было подписано Кочубеемъ и Милорадовичемъ 2-го декабря.

[2]) Тутъ дѣло идетъ очевидно о предположеніи семеновскихъ офицеровъ объясниться со Шварцемъ, которое не удалось исполнить вслѣдствіе вмѣшательства Бенкендорфа. См. начало этой статьи въ „Быломъ“ 1907 г. № 1, стр. 17.

новскаго полка какой то дворовый человѣкъ, корчившій юродиваго или пророка, ходилъ по казармамъ и упрекалъ солдатъ въ маловѣріи и въ разныхъ грѣхахъ; онъ даже приходилъ къ нѣкоторымъ начальствовавшимъ лицамъ и въ томъ числѣ къ гр. Милорадовичу. Однажды онъ зашелъ въ казармы л.-г. семеновскаго полка и послѣ нѣкотораго разговора съ солдатами вышелъ на минуту на дворъ и въ воротахъ будто бы нашелъ воззваніе, написанное на очень толстой бумагѣ вродѣ пергамента славянскимъ шрифтомъ, дабы скрыть руку. Это воззваніе было одно изъ самыхъ ярыхъ, гдѣ солдатамъ предлагалось убить государя и начальниковъ и выбрать изъ среды себя новыхъ офицеровъ, дабы измѣнить весь старый порядокъ и все передѣлать заново. Это воззваніе было доставлено гр. Милорадовичу, который немедленно послалъ за Глинкою. Когда тотъ пришелъ, то, къ удивленію своему, увидѣлъ графа у письменнаго стола, блѣднаго и встревоженнаго; во всю свою службу Глинка не видѣлъ его въ подобномъ взволнованномъ положеніи. Графъ, подавая ему эту бумагу, сказалъ ему: «Lisez!» Кромѣ вышеупомянутыхъ выраженій, воззваніе кончалось слѣдующимъ: «Когда вы все это сдѣлаете, тогда явлюсь я вамъ самъ и укажу вамъ, что тогда дѣлать». «Что вы на это скажете?» — спросилъ графъ. — «Это, ваше сіятельство, очень важно, и нужно бы найти, кто этотъ человѣкъ, который долженъ явиться въ извѣстную минуту». Графъ позвонилъ: «Послать за Горголи» (оберъ-полицмейстеромъ). Онъ, прочитавши бумагу, сказалъ графу: «я уже докладывалъ вашему сіятельству, что расположеніе умовъ въ городѣ такое, что не отвѣчаю за три дня спокойствія».— «Однако, надобно найти его, непремѣнно найти». ...Начались розыски, и узнали, что этотъ неизвѣстный человѣкъ высокаго роста, съ черными волосами, одѣтъ въ венгерку и съ толстою палкою въ рукахъ, но, несмотря на всѣ усилія полиціи, онъ остался ненайденнымъ, хотя дознались, что онъ ходилъ по многимъ полкамъ, бывалъ до того времени въ казармахъ и предлагалъ свое воззваніе очень открыто, ни кѣмъ не тревожимый; всего болѣе было у него адептовъ въ л.-г. Гренадерскомъ полку».

Тутъ есть во-первыхъ смѣшеніе двухъ воззваній: объ убійствѣ государя говорится въ большой прокламаціи, въ краткомъ же воззваніи [1]) не только не предлагалось убить государя, но посредствомъ ареста всѣхъ начальниковъ и избранія солдатами новыхъ изъ своей среды, по мнѣнію составителя, оказывалась возможность избѣжать кровопролитія. Затѣмъ Глинка разсказываетъ, что таинственный человѣкъ, принесшій воззваніе семеновцамъ, приходилъ до ихъ возмущенія. Съ большимъ воззваніемъ этого быть не могло, такъ какъ изъ самаго содержанія его видно, что оно написано послѣ этого событія, и притомъ въ немъ имѣется обращеніе не къ семеновцамъ, а отъ семеновцевъ къ преображенцамъ. Скорѣе это было возможно съ краткимъ воззваніемъ, хотя и въ немъ, если бы оно было написано

---

[1]) Почти въ самомъ концѣ котораго были слова: „Спѣшите послѣдовать сему плану, а я къ вамъ явлюсь по зачатіи сихъ дѣйствій“. (Глинка приводитъ эти слова, хотя и не буквально).

до волненія въ Семеновскомъ полку, не совсѣмъ понятны первыя его слова: «дворяне *изъ Петербурга разсылаютъ войска*, дабы тѣмъ укротить справедливый гнѣвъ воиновъ и избѣгнуть общаго мщенія за ихъ великія злодѣянія». Надъ этимъ краткимъ воззваніемъ, сохранившимся въ бумагахъ Закревскаго, есть хронологическая помѣта (вѣроятно времени полученія его Закревскимъ): «Воззваніе» (sic) октября 1820 г.»

Изъ дневниковъ Каразина Милорадовичемъ и Кочубеемъ было обращено вниманіе еще на одно мѣсто: «Ноября 22-го. Моелль мнѣ сегодня сказывалъ, что адъютантъ Семеновскаго полка Бестужевъ, проводя съ нимъ и съ женою его вечеръ у Мартыновыхъ, былъ очень печаленъ, говорилъ мало и употребилъ между прочимъ слѣдующее выраженіе: «насъ мнимо виновныхъ судятъ *здѣсь*, но истинно виновные (*въ семъ дѣлѣ раз.*) будутъ судимы *въ томъ мірѣ*». Мѣсто это возбуждаетъ сомнѣніе въ томъ отношеніи, что въ Семеновскомъ полку не было полкового адъютанта Бестужева (во время волненія полковымъ адъютантомъ былъ Бибиковъ); въ немъ, правда, служилъ М. П. Бестужевъ-Рюминъ, извѣстный дѣятель Тайнаго Общества, казненный въ 1826 г. вмѣстѣ съ четырьмя другими членами Тайнаго Общества, но онъ не имѣлъ еще тогда офицерскаго чина, а былъ лишь подпрапорщикомъ.

Кочубей поступилъ вполнѣ предательски относительно Каразина: онъ принималъ его доносы и поэтому прекрасно долженъ былъ понимать, что Каразинъ не можетъ писать революціонныхъ воззваній, а между тѣмъ не ударилъ палецъ о палецъ, чтобы защитить его предъ государемъ и даже поспѣшилъ съ его арестомъ, хотя видимо могъ его отложить [1]). Тургеневъ очень хорошо раскусилъ этого бездушнаго карьериста. Отмѣтивъ въ своемъ дневникѣ 15-го декабря 1818 г., что былъ недавно по служебнымъ дѣламъ у Кочубея, Тургеневъ продолжаетъ: «онъ много говорилъ—гладко да пусто; все въ немъ, кажется, сухо: нѣтъ отголоска души человѣческой» [2]).

Мы видѣли уже, какъ усердствовалъ Каразинъ передъ Кочубеемъ. Вотъ еще новый фактъ. 28 декабря 1820 г. Каразинъ писалъ ему: «Въ дополненіе къ вчерашней бесѣдѣ честь имѣю представить... стихи, которые мнѣ сего утра сообщили на прочтеніе, но я поспѣшилъ ихъ переписать для васъ. Авторъ какой-то полковникъ... Испытайте, сіятельнѣйшій графъ, нарочно помолчавъ о сей бумагѣ, не давая о ней приказанія чиновнику особенной вашей канцеляріи, чтобы *увидѣть, сколь скоро* будетъ вамъ донесено о ней оффиціально, и удостовѣ-

---

[1]) Въ дневникѣ Н. И. Тургенева записано 4-го декабря такое извѣстіе объ арестѣ Каразина. „Въ концѣ прошлой недѣли взяли, какъ сказываютъ, Каразина; одни говорятъ, что онъ посаженъ въ здѣшнюю, другіе—въ Шлиссельбургскую крѣпость, иные же увѣряютъ, что кто-то его встрѣтилъ безомаго въ кибиткѣ у Царскаго Села и что его отправили въ полуденную Россію. Причиною полагаютъ письмо къ государю, зная что Каразинъ сидѣлъ уже подъ арестомъ въ Харьковѣ за письмо къ государю. Неугомонный подлинно человѣкъ. Но жаль, при всей пустотѣ и даже дурнотѣ (если правда, что онъ крестьянъ своихъ разорилъ) сего человѣка, и его, особливо же его семейства". У Каразина въ то время было 7 малолѣтнихъ дѣтей.

[2]) Въ половинѣ декабря жена Каразина послала государю чрезъ Кочубея просьбу объ освобожденіи ея мужа.

риться, что правительство позже всѣхъ обыкновенно извѣщается о подобныхъ вещахъ». Каразинъ все силился доказать, что оффиціальные агенты тайной полиціи плохо исполняютъ свои обязанности и что неоффиціальные «обсерваторы», вродѣ его самого, сдѣлаютъ ихъ дѣло гораздо лучше. На этотъ разъ онъ по крайней мѣрѣ не назвалъ имени автора стиховъ, но Кочубей отправилъ ихъ государю.

Въ ноябрѣ Волконскій писалъ Васильчикову, что посылаетъ ему стихи, присланные государю. «Полагаютъ, что ихъ сочинилъ подполковникъ лейбъ-гренадерскаго полка Шелеховъ, бывшій адъютантъ гр. Толстого». Волконскій писалъ, что, по мнѣнію государя, лучше было бы перевести его въ армію, но желалъ знать мнѣніе Васильчикова. «Разузнайте», продолжаетъ Волконскій, «онъ ли ихъ написалъ, и отвѣчайте мнѣ, что вы хотите, чтобы сдѣлали съ этимъ милымъ авторомъ, который лучше бы поступилъ, если бы занимался своимъ батальономъ, а не сочиненіемъ подобныхъ стиховъ». Васильчиковъ съ своей стороны высказалъ мнѣніе, что «полковникъ Шелеховъ не авторъ стиховъ..; мнѣ кажется, что полиція ошиблась, указавъ на него; гр. Кочубей постарается дознаться до истины». Гречъ положительно утверждаетъ, что Д. П. Шелеховъ «написалъ стихи на Семеновскій бунтъ, и особенно на Шварца. Стихи эти разошлись по городу въ рукописяхъ безъ имени сочинителя. Авторъ былъ извѣстенъ, но начальство гвардіи хотѣло его скрыть». Это весьма возможно, но то, что говоритъ Гречъ далѣе, весьма сомнительно: «Стихи были приписаны мнѣ». «Онъ не военный, — сказалъ Бенкендорфъ,—да и вообще объ немъ государь нехорошаго мнѣнія, такъ что его щадить!» Мы видѣли, что императоръ Александръ дѣйствительно относился къ Гречу съ величайшею подозрительностью, но въ оффиціальной перепискѣ нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы стихи Шелехова приписывались Гречу.

Въ виду требованія Волконскаго открыть автора стиховъ, черезъ нѣсколько дней послѣ ареста Каразина, Кочубей приказалъ спросить его, какъ фамилія полковника, написавшаго представленные имъ, Каразинымъ, стихи. При этомъ въ вопросныхъ пунктахъ было сказано, что они задаются по указу государя. Каразинъ, находившійся уже въ это время въ Шлиссельбургской крѣпости, отвѣчалъ: «стихи «Геній отечества», присланные мною въ числѣ другихъ доказательствъ о господствующемъ неприличномъ духѣ и мною одобренные отнюдь не во всемъ ихъ содержаніи, а только въ похвалѣ русскихъ воиновъ, сохранившихъ еще добродѣтели ихъ въ большей степени, нежели бы сего ожидать можно отъ обстоятельствъ времени, кѣмъ *именно* писаны, *утвердительно*, какъ христіанинъ и честный человѣкъ, сказать не могу. Получилъ я ихъ отъ начальника экспедиціи государственныхъ доходовъ Александра Ефимовича Измайлова (издателя журнала «*Благонамѣренный*»). И онъ сказывалъ мнѣ свою *догадку* (не болѣе), что сочинитель ихъ гвардіи полковникъ Шелеховъ. Какой гвардіи и имя его, я теперь отъ горести вспомнить не могу. Но должно это быть записано на экземплярѣ сихъ стиховъ, которые находились въ

лежавшей у меня на столѣ старой портфели и въ ней въ бѣломъ листѣ, надписанномъ *«Къ исторіи времени»* [1]).

На сколько и сами высшія власти считали невѣроятнымъ составленіе Каразинымъ воззванія, видно изъ того, что только 3 января 1821 г., т. е. болѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ послѣ его заточенія въ Шлиссельбургскую крѣпость, Кочубей приказалъ допросить его о подброшенномъ воззваніи.

Оказывается, что когда пришедшій къ Каразину полицейскій офицеръ заявилъ ему, что военный генералъ-губернаторъ требуетъ его къ себѣ къ 4 часамъ, то Каразинъ, по донесенію полицейскаго офицера, сказалъ: «Не понимаю, по какому бы дѣлу требовали, не по пасквилю-ли, найденному у оконъ моихъ на улицѣ, чему я ни мало себя виновнымъ не считаю, ибо мало-ли проходящихъ на улицѣ, которые могли его бросить». Затѣмъ, по пріѣздѣ къ Милорадовичу, Каразинъ сказалъ ему: «Позвольте спросить, не по бумагѣ какой-то я взятъ въ подозрѣніе», и увѣрялъ, что ему «не сродно писать подобныя бумаги». Потомъ при оберъ-полицмейстерѣ Каразинъ продолжалъ: «Не постигаю причины задержанія меня и не могу полагать, чтобъ подвергался тому за подброшенную подъ окошками моими бумагу».

3 января 1821 г. Кочубей, по соглашенію съ Милорадовичемъ, предписалъ петербургскому оберъ-полицмейстеру Горголи самому отправиться въ Шлиссельбургъ и допросить Каразина. Горголи потребовалъ, чтобы Каразинъ объяснилъ, почему онъ выказалъ безпокойство и робость, когда его потребовали къ генералъ-губернатору, объяснилъ бы и слова, сказанныя имъ о «пасквилѣ», а также, отъ кого онъ узналъ, что «пасквиль» подкинутъ подъ его окнами, когда и въ какое время, кто его нашелъ и гдѣ онъ находится.

Каразинъ, заявивъ, что онъ показываетъ «чистую истину, какъ предъ судомъ божіимъ», отвѣчалъ. Настоятельное требованіе явиться къ 4 часамъ къ генералъ-губернатору «естественно должно было произвести во мнѣ робость, свойственную всякому человѣку, тѣмъ болѣе, что я, писавши къ государю императору очень смѣло [2]), долженъ былъ ожидать чего-нибудь непріятнаго (хотя никто, признаюсь, не ожидалъ, чтобъ меня, какъ государственнаго преступника, разлучили съ семействомъ и захватили бы мои бумаги!)».

О пасквилѣ онъ заявилъ, что сказалъ полицейскому приставу только то, что уже ранѣе говорилъ, какъ ему, такъ и оберъ-полицмейстеру за нѣсколько дней до ареста, а именно: «по разнесшемуся въ городѣ слуху (который наряду съ другими и до меня дошелъ, но отъ кого, ей Богу, не помню) о какомъ-то безумномъ отзывѣ л. г. отъ Семеновскаго полка къ Преображенскому и по слѣ-

[1]) Каразинъ писалъ показаніе чернилами и перомъ коменданта, слѣдовательно для собственнаго пользованія ему ихъ не давали.

[2]) Письмо Каразина 21-го апрѣля 1820 г. и написанныя затѣмъ, *по требованію государя*, объяснительныя записки къ письму (отъ 13 до 30 мая 1820 г.) см. въ „Русской Старинѣ" т. II, стр. 541—566. Попытку характеризовать политическіе взгляды Каразина я сдѣлалъ въ статьѣ: „Нѣсколько словъ о В. Н. Каразинѣ" въ „Вѣстникѣ Европы" 1893 г., № 2.

дованію за моими людьми». Значитъ, Каразинъ, замѣтивъ, что, полиція слѣдитъ за его прислугой, нашелъ нужнымъ объясниться съ приставомъ Литейной части и самимъ оберъ-полицмейстеромъ [1]). «Мнѣ очень больно было,—продолжаетъ Каразинъ въ своемъ показаніи,—«что подозрѣнія такого рода могли на меня упасть. Я предлагалъ, не помню уже теперь, ему-ли, господину приставу, или вамъ» (т. е. оберъ-полицмейстеру Горголи) «простѣйшее средство: безъ околичностей заставить всѣхъ живущихъ въ моей квартирѣ написать нѣсколько строкъ, чтобы сличить ихъ съ найденнымъ пасквилемъ».

«У военнаго генералъ-губернатора, спросилъ я»,—продолжаетъ Каразинъ, — на счетъ подозрѣнія о пасквилѣ, желая, во-первыхъ, чтобы онъ не имѣлъ обо мнѣ столь подлыхъ мыслей, во-вторыхъ, на умѣ у меня было продолжать: «впрочемъ, симъ обстоятельствомъ можно воспользоваться, чтобы пустить въ публику, якобы я взятъ по подозрѣнію о сочиненіи сего пасквиля, дабы она, имѣя причину, не попала на самую истину, т. е. что я взятъ за смѣлыя мои изъясненія (кои въ столь важныхъ обстоятельствахъ, каковы нынѣшнія, не только позволены всякому сыну отечества, но составляютъ его долгъ!), и такимъ образомъ пострадало бы лучше доброе имя частнаго человѣка, которое впослѣдствіи легко ему возвратить публичнымъ оправданіемъ. Сердечная моя привязанность къ Его Величеству, въ числѣ первѣйшихъ движеній о себѣ и своемъ семействѣ, представила мнѣ живо мысль поберечь Его и въ семъ случаѣ. Доказательствомъ, что это точно такъ, представляю нѣсколько словъ, произнесенныхъ у вашего превосходительства» (т. е. у оберъ-полицмейстера), «непрерывныя съ перваго дня пребыванія моего въ крѣпости просьбы къ... коменданту о позволеніи написать объ этомъ хотя къ графу Виктору Павловичу» (Кочубею); «можно-ли себѣ представить, почему я не объяснился ни предъ гр. Михайломъ Андреевичемъ» (Милорадовичемъ), «ни передъ вами..., если только представите, въ какомъ долженъ быть состояніи духа человѣкъ, котораго везутъ, какъ преступника, разлучая его съ женой и дѣтьми».

«Чтобы вышеупомянутый пасквиль былъ подкинутъ *именно подъ мои окошки*,—не помню, чтобъ это я и говорилъ кому-нибудь, и даже думалъ бы, а воображалъ я, что онъ найденъ гдѣ-нибудь близко, такъ какъ я жилъ на Литейной, недалеко отъ Преображенскаго полкового двора. Но думалъ также, и теперь думаю», совершенно справедливо говоритъ Каразинъ, «что написавшій *такую* бумагу не станетъ ее бросать у себя подъ окнами». Наконецъ, Каразинъ показалъ, что ничего не знаетъ о содержаніи найденной бумаги, кромѣ сказаннаго, а также и о томъ, кто ее нашелъ, и прибавилъ, что ге-

---

[1]) Въ тетради, начатой писать 17 ноября, которую онъ передалъ Кочубею для отсылки государю, Каразинъ говоритъ: „Сего мѣсяца 5 или 7 числа ѣздилъ я къ Горголи жаловаться ему на полицейскія слѣдованія за моими людьми (кои всѣ грамотные) по поводу какого-то пасквиля. Шедши отъ него пѣшкомъ, пришла мнѣ мысль: предупреждаютъ-ли таковыя лазутчества волненія народныя? Отвѣтомъ *рѣшительнымъ* можетъ служить извѣстная, чудесная исправность французской полиціи, на которую при короляхъ всегда было потрачено столько денегъ, и послѣдовавшая тѣмъ не менѣе революція“.

нералъ-губернаторъ, отвѣчая на его вопросъ, сказалъ, что «*это работа какого-то ефрейтора, который хотѣлъ кого-то погубить*». Отсюда видно, что даже во время ареста Каразина Милорадовичъ не считалъ его составителемъ прокламаціи. Въ заключеніе Каразинъ заявилъ: «Самый допросъ о семъ почитаю совсѣмъ незаслуженнымъ усугубленіемъ моего несчастія!»

Послѣ освобожденія изъ Шлиссельбургской крѣпости и доставленія съ фельдъегеремъ въ Харьковъ, Каразинъ въ письмѣ къ Кочубею отъ 2 іюня 1821 г. говоритъ, что отвѣтъ на предъявленные ему вопросы писалъ «въ полдень при свѣчахъ, ибо такъ свѣтло было мое жилище». Вѣроятно несчастному узнику не дозволяли и гулять, такъ какъ въ томъ же письмѣ онъ говоритъ: «не ропталъ, дышавъ гнилыми парами каземата до 23 апрѣля, когда въ первый разъ впустили ко мнѣ струю свѣжаго воздуха» [1]).

Женѣ Каразина не было объявлено, гдѣ находится ея мужъ, но 6 декабря Кочубей разрѣшилъ Каразину написать ей нѣсколько строкъ, однако, безъ обозначенія мѣста его заключенія. Давая это разрѣшеніе, Кочубей спрашивалъ, «не имѣетъ-ли Каразинъ нужды въ какой-либо необходимости содержанія и спокойствія». 16 декабря въ письмѣ къ женѣ онъ, между прочимъ, говоритъ: «ѣмъ и сплю очень мало, но чувствую себя совершенно здоровымъ при всемъ *страданіи— о тебѣ и о дѣтяхъ*. Другого, благодаря Бога, я никакого не имѣю! Ибо совѣсть моя совершенно покойна... Я себя почитаю какою-то священною жертвою. И эта мысль возноситъ меня выше обыкновенныхъ чувствованій. Кажется съ пріѣздомъ Государя все должно кончиться... Я ни въ чемъ не имѣю нужды, развѣ при случаѣ попрошу дослать остальные томы Гиббоновой исторіи». Посылая это письмо, комендантъ Шлиссельбургской крѣпости доносилъ, что Каразинъ: «совершенно здоровъ и скроменъ, въ содержаніи никакой нужды не имѣетъ». Писать послѣ этого Каразину не дозволялось, несмотря на мольбы жены къ Кочубею, но женѣ писать къ мужу было разрѣшено [2]).

9 мая 1821 г. изъ Пильзна въ Галиціи начальникъ главнаго штаба Волконскій извѣстилъ коменданта Шлиссельбургской крѣпости о томъ, что государь повелѣлъ освободить Каразина и отправить съ фельдъегеромъ въ харьковскую его деревню съ условіемъ, чтобы безъ позволенія онъ оттуда не выѣзжалъ. 19 мая Каразинъ былъ отправленъ изъ Шлиссельбургской крѣпости съ поручикомъ фельдъегерскаго корпуса.

---

[1]) *Д. Миллеръ*. «Арестъ и ссылка В. Н. Каразина». „Историческій Вѣстникъ“ 1900 г., № 3, стр. 1053. Автору этой статьи не были извѣстны неизданные документы объ обыскѣ у Каразина и его допросахъ.

[2]) Всего во время почти полугодового заключенія Каразина было переслано къ нему 5 писемъ жены. Комендантъ присылалъ Кочубею всего 9 донесеній о положеніи Каразина, въ которыхъ сообщалъ, что онъ: „здоровъ, скроменъ и тихъ, занимается чтеніемъ книгъ“, „здоровъ и скроменъ, но скучаетъ о семействѣ“ или „крайне безпокоится о семействѣ“.

VI.

Возвратимся однако къ событіямъ въ Петербургѣ. 11 января 1820 г. Васильчиковъ писалъ Волконскому о томъ, что «офицеры много болтаютъ; заставить ихъ молчать посредствомъ строгаго наказанія..., по всей вѣроятности, не удалось бы при нынѣшнихъ обстоятельствахъ: напротивъ, это вызвало бы крики противъ произвола и имѣло бы дурныя послѣдствія». По мнѣнію Васильчикова, слѣдуетъ записывать имена тѣхъ, которые говорятъ противъ правительства, хорошенько удостовѣряться въ справедливости доносовъ полиціи, предавать ихъ военному суду и строго наказывать».

По полученіи приказа государя, которымъ рѣшена была судьба Семеновскаго полка, Васильчиковъ лично объявлялъ его въ гвардейскихъ полкахъ съ прибавленіемъ словесныхъ наставленій и увѣщаній и затѣмъ въ письмѣ къ Волконскому увѣрялъ его, будто приказъ произвелъ хорошее дѣйствіе и будто «большая часть войскъ нашли наказаніе справедливымъ и милосерднымъ». «Въ первомъ батальонѣ Преображенскаго полка видно было самое лучшее настроеніе духа, два другихъ батальона послѣ моего отъѣзда позволили себѣ нѣсколько... замѣчаній, но касающихся только меня: они надѣются, что государь помилуетъ семеновцевъ и что три тысячи человѣкъ не будутъ наказаны изъ за одного тирана. Я имѣю полное основаніе думать, что спокойствіе не будетъ нарушено; мнѣ кажется, я могу даже утверждать, что всѣ тревожныя свѣдѣнія полиціи вызываются жадностью употребляемыхъ для этого агентовъ, которые, чтобы поддержать свое достоинство и добыть денегъ, выдумываютъ, что имъ вздумается. Если бы такое общество, о которомъ донесла полиція, къ несчастію дѣйствительно существовало, нѣтъ никакого сомнѣнія, что при теперешнихъ обстоятельствахъ мы бы увидѣли его дѣйствія. Кавалергардскій полкъ спокоенъ, но офицеры много болтаютъ, и полкъ недоволенъ своимъ командиромъ.»

Крайне важно въ этомъ письмѣ Васильчикова упоминаніе о Тайномъ Обществѣ, о которомъ донесла полиція. Нельзя не сопоставить съ этимъ слѣдующій разсказъ, сообщаемый кн. А. И. Васильчиковымъ, извѣстнымъ публицистомъ, авторомъ сочиненій: «Самоуправленіе», «Землевладѣніе и земледѣліе» и «Сельскій бытъ и сельское хозяйство въ Россіи», со словъ его отца, командира гвардейскаго корпуса въ 1820 г. И. В. Васильчикова. «Незадолго до возмущенія семеновцевъ, уже послѣ отъѣзда государя въ Троппау, однажды явилось» къ Васильчикову «лицо, служившее при гвардейскомъ корпусѣ въ гражданскомъ чинѣ», и заявило, что имѣетъ сообщить государственную тайну о политическомъ заговорѣ, которую проситъ довести до свѣдѣнія государя». Васильчиковъ, по его словамъ, отвѣчалъ, что принимать доносы не его дѣло и не входитъ въ кругъ его военныхъ обязанностей, что для этого есть особое вѣдомство и отдѣльное министерство полиціи [1]), куда ему и слѣдуетъ обратиться. Имени этого

[1]) Это не точно: особаго министерства полиціи съ 1819 г. уже не существовало, такъ какъ оно было присоединено къ министерству внутреннихъ дѣлъ.

лица А. И. Васильчиковъ не называетъ, но на основаніи одного письма его отца къ Волконскому можно не сомнѣваться въ томъ, что это былъ Грибовскій, библіотекарь гвардейскаго генеральнаго штаба и правитель канцеляріи комитета о раненыхъ [1]). Грибовскій съ мнимо-благороднымъ негодованіемъ возразилъ Васильчикову, что онъ полицейскимъ агентомъ никогда не былъ и не желаетъ быть, что онъ является не какъ доносчикъ, а какъ вѣрноподданный, убѣжденный въ гибельныхъ, не столько для Россіи, сколько для молодыхъ людей (съ коими связанъ искреннею дружбою), послѣдствіяхъ этого заговора и просилъ довести о томъ до свѣдѣнія государя. Словомъ онъ сыгралъ роль, сходную съ тою, на которую напрашивался Каразинъ. Васильчиковъ отвѣчалъ, что не считаетъ себя обязаннымъ вѣрить бездоказательнымъ доносамъ, что это дѣло полицейское и не входитъ въ вѣдомство командира гвардейскаго корпуса. Тогда Грибовскій отвѣчалъ, что можетъ представить слѣдующее доказательство. Въ Тверской губ. въ деревнѣ у помѣщика... (А. И. Васильчиковъ не назвалъ его имени) собираются въ установленные дни нѣкоторые изъ членовъ Тайнаго Общества, въ томъ числѣ многіе штабъ и оберъ офицеры кавалерійской дивизіи, командуемой Д. В. Васильчиковымъ (братомъ командира гвардейскаго корпуса). Грибовскій предложилъ написать ему, и если его указанія подтвердятся, то, значитъ, они достовѣрны. Во вторыхъ, такого то числа и мѣсяца должны съѣхаться въ Москву лица, означенныя въ спискѣ, который онъ при этомъ представилъ; Грибовскій предложилъ списаться съ московскимъ генералъ-губернаторомъ кн. Д. В. Голицынымъ, отъ котораго и можно узнать, справедливо ли его заявленіе.

Возможно, что въ этомъ разсказѣ, кромѣ указанной, есть и другія неточности, такъ какъ, по словамъ А. И. Васильчикова, онъ старался возстановить въ своей памяти разсказъ своего покойнаго отца. Первый разговоръ съ Грибовскимъ дѣйствительно могъ происходить не задолго до волненія Семеновскаго полка, такъ какъ въ письмѣ къ Волконскому отъ 17-го декабря Васильчиковъ пишетъ, что «со времени исторіи Семеновскаго полка поручилъ (Грибовскому) *на время* управленіе этой частью», т. е. завѣдываніе тайною военною полиціею. Что касается представленія списка членовъ Тайнаго Общества, предполагающихъ ѣхать въ Москву, то это могло быть не ранѣе первыхъ чиселъ декабря. Пригласить на московскій съѣздъ поручено было М. А. Фонъ-Визину и его брату; они пріѣхали въ Петербургъ въ началѣ декабря, такъ какъ Н. И. Тургеневъ, членъ Тайнаго Общества, въ своемъ дневникѣ 7-го декабря 1820 г. записалъ: «Я познакомился вновь съ пріѣхавшими сюда Фонъ-Визиными и нѣсколько вечеровъ отдыхалъ въ ихъ бесѣдѣ».

А. И. Васильчиковъ сообщаетъ, что отецъ его не рѣшился писать государю заграницу о томъ, что узналъ отъ Грибовскаго, за

[1]) Декабристы кн. Трубецкой, Бурцовъ и Семеновъ называютъ Грибовскаго членомъ Союза Благоденствія, впослѣдствіи отставшимъ отъ общества Онъ былъ даже членомъ Коренного Союза или Совѣта Общества въ Петербургѣ. Въ 1826 г. Грибовскій былъ симбирскимъ вице-губернаторомъ. До Греча дошли слухи, что Грибовскій доносилъ на него и Ѳ. Н. Глинку.

неимѣніемъ шифра. Однако нѣкоторое указаніе на доносъ о существованіи Тайнаго Общества Васильчиковъ сдѣлалъ, какъ видно изъ цитированнаго выше письма къ Волконскому, которое показываетъ, что въ это время (около 20-го ноября) онъ еще сомнѣвался въ дѣйствительномъ существованіи Тайнаго Общества. Списокъ членовъ Общества, представленный Грибовскимъ Васильчикову, заключалъ въ себѣ тѣ же имена, которыя мы находимъ въ письмѣ Васильчикова къ Волконскому о предстоящемъ съѣздѣ членовъ Тайнаго Общества въ Москвѣ [1]). Такъ какъ Грибовскій былъ одно время членомъ Союза Благоденствія, то его свѣдѣнія о Тайномъ Обществѣ не ограничивались тѣмъ, что сообщилъ Васильчиковъ въ этомъ письмѣ къ Волконскому. Записка о Тайномъ Обществѣ, представленная въ 1821 г. Бенкендорфомъ императору Александру [2]), была составлена вѣроятно Грибовскимъ. Если даже Бенкендорфъ представилъ ее и отъ своего имени, то онъ могъ просто воспользоваться трудомъ Грибовскаго. Изъ нея мы отмѣтимъ лишь одну черту, указанную въ ней.

Упомянувъ о томъ, что одною изъ задачъ Союза Благоденствія являлось распространеніе училищъ взаимнаго обученія, составитель записки продолжаетъ: «Научивши простой народъ и нижнихъ войсковыхъ чиновъ одному только чтенію, скорѣе подѣйствовали бы приготовленными въ духѣ и по смыслу ихъ маленькими сочиненіями; начавъ самыми невинными: сказками, повѣстями, пѣснями, краткими наставленіями и проч., чтобы ихъ заохотить, *чему и сдѣланы опыты*». Большая прокламація могла быть однимъ изъ такихъ «опытовъ», или, быть можетъ, была написана нижними чинами, распропагандированными членами Тайнаго Общества.

Закревскій въ своей запискѣ о происшествіи въ Семеновскомъ полку первый указалъ на необходимость, по его мнѣнію, обратить особенное вниманіе на военныхъ и съ этой цѣлью или учредить особую тайную полицію, или дать еще болѣе вѣсу полковымъ командирамъ, коимъ словесно подтверждать о бдительномъ наблюденіи умовъ и поведеніи своихъ подчиненныхъ, преподавъ имъ на сей предметъ нѣкоторые способы». Въ неизданномъ письмѣ къ Волконскому отъ 26-го ноября онъ склонялся къ этому второму способу и находилъ, что «достаточно бы было внушить полковымъ командирамъ имѣть наблюденіе за нижними чинами и въ точности знать духъ и мысли ихъ». Напротивъ Васильчиковъ хотя въ письмѣ къ Волконскому отъ 9-го декабря и выражалъ отвращеніе къ «учрежденію хорошо организованной тайной полиціи при гвардейскомъ корпусѣ», но полагалъ, что при современныхъ обстоятельствахъ «нужно заставить молчать свои предубѣжденія и удвоить бдительность надзора». 17-го декабря Васильчиковъ, отправляя проектъ учрежденія военной полиціи, замѣтилъ, что быть можетъ испрашиваемая на нее сумма покажется «немного великой», но онъ оправдывалъ величину ея тѣмъ, что для того, «чтобы заставить хорошо служить этихъ мерзавцевъ, необходимо имъ

---

[1]) Въ самомъ началѣ 1821 г. Объ этомъ съѣздѣ см. въ составленной мною біографіи *М. А. фонъ-Визина*. „Общественныя движенія въ Россіи“ т. I, 29—35.

[2]) См. „Русскій Архивъ“ 1875 т. III 423—430; *Шильдеръ* IV, 204—215.

хорошо платить». Вести «эту часть» согласился именно Грибовскій, но подъ условіемъ «непроницаемой тайны». Проектъ Васильчикова былъ утвержденъ государемъ 4-го января 1821 г., а также назначенъ управляющимъ «мерзавцами» Грибовскій. Необходимость военной полиціи при гвардейскомъ корпусѣ обусловливалась здѣсь тѣмъ, что «офицеры посѣщаютъ общества, имѣютъ связи; безпокойное броженіе умовъ во всей Европѣ, особенно со времени послѣднихъ происшествій, можетъ вкрасться и къ намъ; могутъ найтиться и злонамѣренные люди, кои, будучи всегда недовольны самымъ лучшимъ правленіемъ» (?!), «въ надеждѣ собственныхъ выгодъ, станутъ замышлять пагубныя затѣи». Управляющій этою полиціею долженъ былъ состоять въ непосредственномъ завѣдываніи командующаго гвардейскимъ корпусомъ. Ежегодный расходъ на эту полицію для гвардейскаго корпуса былъ опредѣленъ въ 40 тысячъ руб. (ассигнаціями), и кромѣ того выдано одновременно 5 тысячъ рублей, такъ какъ Васильчиковъ сталъ уже тратить на это, якобы столь непріятное ему дѣло, свои деньги. Опредѣлено было 9 смотрителей для наблюденія за нижними чинами вездѣ, гдѣ они бываютъ,—на работахъ, въ баняхъ и проч. Каждому изъ этихъ «мерзавцевъ» низшаго разряда назначено было жалованье въ 600 руб. въ годъ ассигнаціями. Смотрителей для наблюденія за офицерами было опредѣлено трое съ жалованьемъ по 3 тысячи рублей ассигнаціями въ годъ. Наконецъ управляющій этими «мерзавцами» на квартиру и разъѣзды долженъ былъ получать 6000 руб. въ годъ, жалованье же ему выдавалось по другому вѣдомству (вѣроятно, чтобы скрыть его тайное занятіе). Военная полиція открывала разныя мелочи и проглядѣла подготовку 14-го декабря 1825 г. Киселевъ, бывшій начальникомъ штаба второй арміи, въ іюлѣ 1821 г. устроилъ также «секретную полицію», но и тамъ она проявила мало искусства.

Грибовскій сталъ работать для Васильчикова еще со времени происшествія въ Семеновскомъ полку, и его агенты доносили о разныхъ мелочахъ, — напримѣръ о разговорахъ офицеровъ и солдатъ. По поводу либеральныхъ бесѣдъ въ Кавалергардскомъ полку Волконскій предполагалъ даже прекратить въ немъ производство, но Васильчиковъ возсталъ противъ этой мѣры, находя, что во время «броженія умовъ это можетъ имѣть гибельныя послѣдствія» [1]). Васильчиковъ сообщалъ въ томъ же письмѣ (отъ 17-го декабря), что возобновились слухи о прощеніи Семеновскаго полка и что переформированіе его отложено; солдаты хотѣли на первомъ же парадѣ просить о прощеніи полка.

Среди офицеровъ такъ же родилась мысль о коллективномъ ходатайствѣ за семеновцевъ. Закревскій писалъ Волконскому 10-го декабря: «здѣсь съ давняго времени носились слухи, что нѣкоторые

[1]) Васильчиковъ отмѣтилъ трехъ человѣкъ, имѣющихъ репутацію „болтуновъ": полковника Шереметева, капитана Кавалергардскаго полка Пестеля и полковника Московскаго полка Римскаго-Корсакова, считая особенно безпокойнымъ послѣдняго. Волконскій писалъ о Корсаковѣ, что ему извѣстно его письмо въ очень дурномъ смыслѣ. Корсаковъ за то, что разстегнулъ мундиръ во дворцѣ во время ужина 6-го января 1821 г., получилъ отъ Васильчикова приказаніе просить о переводѣ въ армію, послѣ чего подалъ въ отставку; многіе были недовольны такою строгостью Васильчикова.

офицеры гвардейскихъ полковъ дѣлаютъ подписку, чтобы просить государя о прощеніи Семеновскаго полка. Слухи сіи скоро прекратились, но съ нѣкотораго времени они опять возобновились». Васильчиковъ (очевидно чрезъ своихъ тайныхъ агентовъ) разузналъ, что мысль объ адресѣ впервые пришла въ голову поручику гвардейскаго гренадерскаго полка кн. Мещерскому, и что онъ обращался по этому поводу къ полковнику Кавалергардскаго полка, Шереметеву, «но тотъ отвѣчалъ ему такъ, что Мещерскій потерялъ всякую надежду на принятіе предложенія въ этомъ полку». Васильчиковъ писалъ, что объ адресѣ говорили въ Конногвардейскомъ и Преображенскомъ полкахъ и что первый отказался участвовать въ подачѣ его; Васильчикову сообщили, что и Преображенскій полкъ сдѣлалъ то же самое. «Кн. Мещерскій», продолжаетъ Васильчиковъ въ томъ же письмѣ отъ 9-го декабря, «служилъ въ Семеновскомъ полку: это весьма восторженный молодой человѣкъ, и я полагаю, что прогулка въ Грузію послужила бы ему въ пользу». Мысль о коллективномъ ходатайствѣ не осуществилась.

14-го декабря 1820 г. начальнику главнаго штаба былъ поданъ агентами полиціи доносъ слѣдующаго содержанія. Одинъ солдатъ въ комнатѣ каптенармуса Семеновскаго полка говорилъ, что хотя къ содержащимся въ крѣпости семеновцамъ никого не пускаютъ, «а кого увидятъ, того берутъ подъ арестъ и отправляютъ въ Главный Штабъ», но что онъ пробрался къ семеновцамъ, надѣвъ фурштадскій мундиръ. На вопросъ какъ поживаютъ семеновцы, ходившій къ нимъ отвѣчалъ: «комендантъ посылаетъ ихъ изъ крѣпости, но они не идутъ, просятъ свои георгіевскія знамена: пусть при насъ ихъ изорвутъ или сожгутъ, тогда, куда хотятъ, насъ посылаютъ, даже и шефа нашего [1]), мы безъ него не пойдемъ, ему курсъ служенія вышелъ». Разсказывавшій пояснилъ эти слова такъ: «у насъ нѣтъ теперича царя..., потому онъ присягу принималъ только на 20 лѣтъ, а срокъ вышелъ, а онъ шефъ теперича Семеновскихъ,—пусть съ ними вмѣстѣ идетъ. Даже за насъ досталось великому князю» (Михаилу Павловичу): «императрица» (Марія Ѳедоровна) ему сказала: «мальчишка, не ходи ко мнѣ», и не пущала болѣе двухъ недѣль къ себѣ на половину, а теперича опять ходитъ». Онъ говорилъ, что въ крѣпость его посылалъ капитанъ Муравьевъ, сообщилъ, что его товарищамъ уже 5 дней не даютъ казеннаго хлѣба, и они питаются своею экономіею и вѣрятъ слуху, что на Дону всѣ войска взбунтовались [2]).

Вслѣдствіе этого доноса былъ арестованъ и посаженъ (23-го декабря) въ Шлиссельбургскую крѣпость каптенармусъ бывшей 3 роты перваго батальона Семеновскаго полка Бобровскій (человѣкъ грамотный), который на допросѣ у слѣдственнаго пристава Мылова показалъ, что дѣйствительно ходилъ въ крѣпость, переодѣвшись въ фурштадскую шинель, подъ видомъ доставленія хлѣбовъ, подтвердилъ слова,

---

[1]) Уже было упомянуто, что шефомъ Семеновскаго полка былъ государь.

[2]) Вѣроятно слухъ этотъ былъ вызванъ волненіемъ помѣщичьихъ крестьянъ на Дону. „Сборн. историч. матеріаловъ, извлеченныхъ изъ Архива собств. Е. Вел. Канцеляріи“. Спб. 1893, в. IV, 60.

что семеновцы не пойдутъ безъ знаменъ и безъ шефа, но утверждалъ, что слова «курсъ служенія вышелъ» говорили старики про себя (изъ нихъ многіе прослужили болѣе 20 лѣтъ), прибавляя: «слѣдовательно они въ себѣ вольны», слова же на счетъ императора, великаго князя и бунта войскъ на Дону Бобровскій отрицалъ. Онъ подтвердилъ свой разсказъ, что содержащіеся въ крѣпости солдаты отчасти кормятся своею экономіею. Проговорившись въ разговорѣ съ неизвѣстнымъ доносчикомъ, что его посылалъ въ крѣпость капитанъ Муравьевъ (С. И. Муравьевъ-Апостолъ), Бобровскій призналъ это и добавилъ, что съ этой цѣлью Муравьевъ досталъ ему фурштадтскую форму, при помощи адъютанта фурштадской команды; посылалъ же его въ крѣпость, по его словамъ, для того, чтобы провѣрить, по имѣющимся у заключенныхъ биркамъ, провіантъ въ ротѣ.

Муравьеву-Апостолу, который въ это время уже числился полковникомъ Полтавскаго (армейскаго) полка, но жилъ еще въ Петербургѣ, былъ посланъ (27-го декабря) запросъ, на который онъ отвѣчалъ, что люди третьей роты бывшаго Семеновскаго полка во время его посѣщеній нѣсколько разъ выражали ему сомнѣніе на счетъ провіанта, котораго въ ротѣ была сдѣлана значительная экономія; повѣрки его не было съ того времени, когда рота была посажена въ крѣпость, такъ какъ каптенармусъ оставался въ казармѣ, а провіантныя бирки находились въ капральствахъ. Поэтому для прекращенія всѣхъ сомнѣній нижнихъ чиновъ Муравьевъ, по его словамъ, рѣшился послать въ крѣпость самого каптенармуса, чтобы провѣрить всѣ провіантскіе разсчеты «съ правящими унтеръ-офицерами капральствъ». Но такъ какъ въ крѣпость никого не пускали, кромѣ фурштадтской команды, привозящей на подводахъ съѣстные припасы, то онъ и приказалъ каптенармусу Бобровскому сходить въ фурштадтскій батальонъ и спросить позволенія идти въ крѣпость съ подводами, причемъ выдалъ удостовѣреніе, что ему дѣйствительно нужно быть въ крѣпости. Такимъ образомъ Бобровскій былъ тамъ и сдѣлалъ провѣрку провіанта.

Закревскій донесъ объ этомъ происшествіи Волконскому, и государь приказалъ арестовать Муравьева-Апостола на трое сутокъ за то, что онъ «осмѣлился» посылать Бобровскаго «утайкою», тогда какъ могъ бы сдѣлать это, спрося позволенія у начальства. Каптенармуса Бобровскаго велѣно было отослать въ одинъ изъ пѣхотныхъ полковъ третьяго корпуса и имѣть тамъ за нимъ строгій надзоръ, [1]) а Бенкендорфу сдѣлано было замѣчаніе, что фурштадтскимъ солдатамъ не слѣдовало разносить провіантъ въ казематахъ; они обязаны были только привозить его въ магазинъ крѣпости, откуда тамошніе инвалиды должны были разносить его арестантамъ. Впредь было приказано ротнымъ командирамъ перваго баталіона бывшаго Семеновскаго полка дозволять провѣрять провіантскіе разсчеты съ содержащимися въ крѣпости нижними чинами не иначе, какъ въ присутствіи плацъ-майора, который долженъ былъ не допускать при этомъ постороннихъ разговоровъ, если же такой разговоръ замѣтитъ, то доносить

[1]) Онъ былъ отправленъ изъ Шлиссельбургской крѣпости 16 февраля 1821 г.

о немъ. Случай этотъ показываетъ, что если Муравьеву-Апостолу, а быть можетъ и другимъ офицерамъ, нужно было условиться съ нижними чинами о томъ, что они должны показывать на допросахъ, то для этого была возможность; съ другой стороны изъ этого видно, что Муравьевъ-Апостолъ могъ имѣть серьезныя основанія для тайныхъ сношеній съ арестованными.

Однимъ изъ слѣдствій семеновской исторіи было удаленіе Греча отъ наблюденія за ланкастерскими школами въ полкахъ въ Петербургѣ. Мы видѣли, что государь высказалъ подозрѣніе относительно Греча и Каразина въ письмѣ къ Васильчикову отъ 10 ноября. Васильчиковъ отвѣчалъ, что Каразина онъ считаетъ гораздо опаснѣе Греча, котораго за его болтливость онъ сравнилъ съ сорокой. Вслѣдъ затѣмъ въ присланныхъ Васильчикову собственноручныхъ замѣчаніяхъ, вызванныхъ семеновскою исторіею, имп. Александръ между прочимъ написалъ: «По многимъ замѣчаніямъ на школы взаимнаго обученія, желательно-бы было, чтобы обращено было особенное вниманіе на счетъ тѣхъ людей, кои обучались въ общей школѣ, бывшей въ казармахъ Павловскаго полка, какъ со стороны нравственности и поведенія ихъ, такъ и дисциплины и военнаго повиновенія, и не сохранили ли какихъ сношеній съ г. Гречемъ?» Васильчиковъ не сталъ защищать Греча, но написалъ, что на эти школы обращено вниманіе «съ самаго начала сей исторіи. По свѣдѣніямъ», полученнымъ Васильчиковымъ, солдаты, обучавшіеся въ школѣ, которая была подъ наблюденіемъ Греча, «ведутъ себя хорошо». Тѣмъ не менѣе начальникъ Гвардейскаго корпуса находилъ нужнымъ удалить Греча и предполагалъ представить къ пріѣзду государя «новое образованіе» этихъ школъ. Въ письмѣ къ Волконскому отъ 9 декабря Васильчиковъ писалъ: «я посылаю вамъ бумагу относительно устраненія Греча отъ мѣста; мнѣ кажется, что мы очень хорошо можемъ обойтись безъ этой личности, *которая пока еще не сдѣлала никакого зла, но которая могла бы его сдѣлать* (!); школы будутъ продолжаться подъ непосредственнымъ надзоромъ начальниковъ полка и подъ вѣдѣніемъ министра народнаго просвѣщенія».

Гречъ былъ призванъ къ министру вн. дѣлъ Кочубею, и тотъ въ присутствіи Фока, директора особенной канцеляріи министерства внутреннихъ дѣлъ (соотвѣтствовавшей позднѣйшему III отдѣленію собственной его величества канцеляріи) сталъ разспрашивать его о солдатскихъ школахъ. Гречъ отвѣчалъ, что онѣ идутъ плохо и что полковые командиры мало радѣютъ какъ о существующихъ, такъ и о заведеніи новыхъ. Кочубей спросилъ, хорошо ли учились семеновскіе солдаты, и былъ крайне удивленъ, что они еще вовсе не учились, потому что въ ихъ полку школы не было; это подтвердилъ и Фокъ. Въ Семеновскомъ полку уже были устроены классы для школы, назначены учащіеся, но Гречъ въ ней не бывалъ. Уже предположено было открытіе школы на 18 октября, но пришлось отложить его до 19, такъ какъ на 18 было назначено открытіе школы въ л. гв. Гренадерскомъ полку. Но тутъ случилось извѣстное волненіе, и школа въ Семеновскомъ полку не открывалась. Мы видимъ, что государь заподозрилъ Греча въ вліяніи на солдатъ не въ школѣ Семеновскаго полка, а въ

той школѣ, устроенной въ Павловскихъ казармахъ, гдѣ были солдаты всѣхъ полковъ гвардіи. Какъ бы то ни было, мѣсто директора полковыхъ школъ, которое занималъ Гречъ, было уничтожено. Исторія эта, какъ писалъ Волконскому самъ Васильчиковъ, обратила на себя вниманіе общества и вызвала много разговоровъ. Утверждали, что ланкастерскія школы запрещены и что невинный человѣкъ оклеветанъ властями [1]).

Любопытно, что относительно арестованныхъ солдатъ имп. Александръ спрашивалъ у Васильчикова, были ли они въ ланкастерской школѣ. Причиною этого могло быть упоминаніе въ доносѣ Грибовскаго, что одною изъ задачъ Союза Благоденствія было распространеніе училищъ взаимнаго обученія. И дѣйствительно, М. И. Муравьевъ-Апостолъ на слѣдствіи по дѣлу декабристовъ показалъ, что членъ Союза Благоденствія Ѳ. Н. Глинка «вступилъ въ петербургскую ланкастерскую школу затѣмъ, чтобы Союзъ» имѣлъ на нее вліяніе. Гречъ въ своихъ воспоминаніяхъ разсказываетъ объ устройствѣ общества (для заведенія училища взаимнаго обученія) изъ членовъ масонской ложи Избраннаго Михаила (Ѳ. Н. Глинки, гр. Ѳ. П. Толстого и другихъ [2]).

31 января 1821 г., упомянувъ объ отставкѣ Греча, А. И. Тургеневъ пишетъ брату Сергѣю, что князь (А. Н. Голицынъ) «собирался сдѣлать общій докладъ о гражданскихъ ланкастерскихъ школахъ... Не знаю теперь, на что онъ рѣшится и что выйдетъ изъ сего темнѣющаго горизонта. Австрійскій императоръ уже запретилъ въ своихъ владѣніяхъ сіи школы, и въ этомъ онъ только „conséquant“— (послѣдователенъ). Министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, кн. А. Н. Голицынъ, сообщилъ министру внутреннихъ дѣлъ 5 февраля 1821 г., что онъ предписалъ цензурѣ не дозволять печатать никакихъ таблицъ для училищъ взаимнаго обученія (кромѣ изданныхъ департаментомъ народнаго просвѣщенія), а напечатанныя Гречемъ въ его типографіи должны были быть, по требованію Голицына, представлены попечителю петербургскаго округа Уварову, что и было сдѣлано Гречемъ 25 марта. 10 марта 1821 г. распоряженіемъ министра внутреннихъ дѣлъ было запрещено учреждать ланкастерскія школы «безъ предварительнаго сношенія съ начальствомъ по учебной части».

Семеновская исторія заставила имп. Александра обратить нѣко-

---

[1]) Когда Гречъ явился къ Васильчикову съ просьбой выяснить причину его удаленія, тотъ отвѣчалъ, что его личность тутъ не причемъ, что мѣра эта принята по просьбѣ полковыхъ командировъ, которые не желаютъ болѣе раздѣлять съ кѣмъ бы то ни было надзоръ за ихъ школами, и что если бы государь былъ имъ недоволенъ, то его замѣнили бы другимъ.

[2]) Есть свѣдѣнія о гражданской ланкастерской школѣ и въ неизданной перепискѣ братьевъ Тургеневыхъ. Тургеневъ писалъ 26 сентября 1818 г. брату Сергѣю: „Гречъ со многими другими заводятъ теперь здѣсь новую вольную ланкастерскую школу. Собираютъ для того деньги. Начало сему было сдѣлано въ ложѣ. Дай Богъ успѣха, но у насъ было и это хотѣли запретить“, ссылаясь на то, „что распространеніе просвѣщенія есть исключительно дѣло правительства! Однако же теперь позволили“. Въ письмѣ отъ 23 февраля 1819 г. Н. И. Тургеневъ говоритъ: „составившееся здѣсь общество для заведенія школъ ланкастерскихъ утверждено и открыто. Много подписчиковъ“. 30 ноября 1820 г. Тургеневъ сообщилъ, что петербургское училище „идетъ хорошо. Учениковъ около 500. Болѣе и локаль (помѣщеніе) не позволяетъ“.

торое вниманіе на положеніе солдатъ. Въ январѣ 1821 г. Волконскій сообщилъ Васильчикову желаніе государя, чтобы генералы, начиная съ самого Васильчикова, никого не предупреждая, посѣщали казармы въ различные часы дня и наблюдали, что дѣлаютъ солдаты, какъ они ѣдятъ, нѣтъ ли у нихъ въ чемъ недостатка, и, часто разговаривая съ ними внѣ службы, выслушивали бы ихъ жалобы и старались бы исполнять ихъ просьбы и заслужить возможно болѣе ихъ привязанность и уваженіе. Вскорѣ послѣ того, когда Васильчиковъ приказалъ наказать солдатъ розгами за однодневную отлучку и признанную начальствомъ несправедливою жалобу на унтеръ-офицера, имп. Александръ выразилъ желаніе знать, хорошо ли было изслѣдовано это дѣло и доказано-ли, что жалобы были несправедливы. Получивъ извѣщеніе, что одинъ солдатъ л.-гв. Егерскаго полка застрѣлился, императоръ Александръ приказалъ написать Васильчикову, чтобы онъ обратилъ на это серьезное вниманіе, потому что государь замѣтилъ, что за нѣсколько лѣтъ самоубійства въ этомъ полку случаются чрезвычайно часто, между тѣмъ какъ въ другихъ ихъ почти не бываетъ. По мнѣнію государя, тутъ должна быть какая-нибудь особая причина, которую нужно непремѣнно открыть. «Можетъ быть слишкомъ неумѣренная строгость батальонныхъ и ротныхъ командировъ или даже фельдфебелей доводятъ солдатъ до этого преступленія». Государь приказалъ произвести самое строгое разслѣдованіе о причинѣ самоубійства [1]). Въ началѣ марта 1821 г. на инспекторскомъ смотру, произведенномъ начальникомъ бригады великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ, саперная рота пожаловалась на фельдфебеля; дѣло было разобрано, и фельдфебель былъ смѣненъ за то, что позволялъ себѣ бить людей кулакомъ по лицу. Но когда дрался офицеръ, солдатамъ было иногда невозможно добиться его обузданія. Вотъ что случилось около этого же времени въ Преображенскомъ полку. Капитанъ Де-Виттъ, командовавшій ротою его величества, собралъ ее для полученія жалованья и сталъ предлагать солдатамъ вычесть два рубля въ артель. Рота отвѣчала, что они идутъ въ походъ, деньги имъ нужны, и артель довольно богата и безъ этой прибавки. Капитанъ ударилъ двухъ говорившихъ кулакомъ по лицу; вся рота стала роптать и подняла шумъ. Пріѣхалъ полковникъ Исленьевъ, водворилъ порядокъ и арестовалъ двухъ солдатъ, которые «говорили» (т. е. тѣхъ, которые были побиты). На другой день у полкового командира, полковника Пирха, рота просила прощенія арестованнымъ солдатамъ, и когда онъ не захотѣлъ немедленно удовлетворить ихъ просьбу, зашумѣла, но полковникъ велѣлъ предъ всею ротою наказать одного изъ тѣхъ, которые говорили, а на другой день нашелъ возможнымъ простить двухъ арестованныхъ. Сообщая объ этомъ событіи, Васильчиковъ не одобрялъ битья солдатъ по лицу, но, повидимому, капитанъ Де-Виттъ не былъ подвергнутъ никакому взысканію.

Въ Измайловскомъ полку, который, по словамъ Васильчикова,

---

[1]) Въ апрѣлѣ 1821 г. императоръ Александръ обратилъ вниманіе на то, что въ Преображенскій лазаретъ ежедневно поступаютъ солдаты, страдающіе сердцебіеніемъ, и выразилъ удивленіе, что Васильчиковъ не донесъ объ этомъ.

«всегда славился строгостью дисциплины», въ это же время случилось слѣдующее. Генералъ Розенъ производилъ инспекторскій смотръ этого полка и, очевидно, имѣлъ основаніе разспрашивать его долѣе другихъ. Онъ нѣсколько разъ повторилъ солдатамъ, что они должны жаловаться, и, какъ выражается Васильчиковъ, не любившій Розена, въ своемъ донесеніи Волконскому, добился того, что восьмая рота дѣйствительно пожаловалась на строгость своего капитана и заявила, что имъ давали отъ 200 до 300 розогъ. На это баронъ Розенъ сказалъ, что разсмотритъ дѣло и ручается, что впредь наказанія не будутъ такъ строги, но что все же капитанъ будетъ ихъ наказывать, если они будутъ этого заслуживать; что впрочемъ онъ даетъ имъ право приходить къ нему,—его дверь будетъ всегда для нихъ открыта. Это вниманіе Розена къ положенію солдатъ не понравилось Васильчикову. По его донесенію, слова Розена вскружили головы солдатъ, и Мартыновъ (полковой комендантъ) пріѣхалъ сказать Васильчикову, что въ послѣдніе дни полкъ самъ не свой; солдаты говорятъ, что генералъ Розенъ позволилъ имъ приходить къ нему съ жалобой, если капитанъ ихъ накажетъ. По справкамъ, наведеннымъ Васильчиковымъ, капитанъ Литвиновъ въ теченіе года наказалъ 5 человѣкъ, причемъ 300 ударами наказанъ одинъ; поэтому онъ приказалъ Розену объявить ротѣ, что ихъ жалобы не имѣютъ никакого основанія (!), что справедливая жалоба будетъ всегда принята начальствомъ, но принесшаго ложную жалобу впредь будутъ подвергать наказанію. Одинъ солдатъ этой роты подошелъ къ генералу и сказалъ: «Воля ваша, намъ съ этимъ капитаномъ трудно идти въ походъ» (къ которому въ это время готовилась вся гвардія). Васильчиковъ остался крайне недоволенъ тѣмъ, что Розенъ не только не наказалъ этого солдата, но очень милостиво разговаривалъ съ нимъ, уведя его въ другую комнату. Васильчиковъ приказалъ тотчасъ отдать солдата подъ судъ, объявивъ ротѣ, что онъ преданъ суду не за то, что жаловался, но за то, что посмѣлъ сказать своему генералу, что онъ не можетъ идти въ походъ съ капитаномъ, который ими командуетъ. Васильчиковъ находилъ, что такія человѣколюбивыя идеи, какія обнаружилъ Розенъ, не примѣнимы къ нашему солдату; онъ считалъ это «преступною слабостью». Изъ всей этой исторіи Васильчиковъ вывелъ одно нравоученіе: «какъ не много нужно, чтобы взволновать умы!». Мы видимъ слѣдовательно, что семеновская исторія ничему не научила Васильчикова, что онъ не отказался отъ своего прежняго суроваго отношенія къ солдатамъ. Та же рота и другія Измайловскаго полка просили, чтобы имъ выдали изъ артельныхъ суммъ деньги, которыя очевидно были имъ крайне необходимы предъ походомъ. Васильчиковъ согласился на это, но лишь съ условіемъ, чтобы эта милость была оказана Мартыновымъ только тѣмъ, кого онъ найдетъ ея достойною; солдаты же, не заслужившіе довѣрія своихъ капитановъ, не должны получать ничего впредь до исправленія. Въ заключеніе Васильчиковъ сообщилъ, что при свиданіи съ государемъ онъ докажетъ, какъ настоятельно необходимо удалить изъ гвардейскаго корпуса лицъ, «которыя болѣе опасны, чѣмъ это думаютъ».

Вотъ еще примѣръ того, какъ несправедливо поступали съ нижними

чинами для поддержанія дисциплины. Вторая рота л.-гв. Финляндскаго полка (въ 1821 г.) хотѣла продать оставшуюся у нея лишнюю муку, но ея командиръ, капитанъ Корсаковъ, запретилъ это; тѣмъ не менѣе мука была продана. Капитанъ приказалъ наказать унтеръ-офицера за это ослушаніе, но рота взволновалась и начала одѣваться. Батальонный командиръ, полковникъ Митьковъ (членъ Тайнаго Общества) немедленно пріѣхалъ и возстановилъ порядокъ. Дивизіонный командиръ, генералъ Потемкинъ, тотчасъ произвелъ слѣдствіе. По словамъ солдатъ, Корсаковъ сказалъ имъ, что мука имъ не принадлежитъ, и что онъ оставляетъ ее за собою, почему они ее и продали; что, кромѣ того, онъ предлагалъ купить въ ихъ казармы зеркала и собралъ для этого съ нихъ 800 руб., и вотъ уже два года, какъ они не видятъ ни зеркалъ, ни денегъ; что они хотѣли жаловаться на прошломъ инспекторскомъ смотру, но капитанъ обѣщалъ возвратить деньги, однако же не сдѣлалъ этого. Корсаковъ сознался, что деньги имъ получены. Потемкинъ арестовалъ его, но вмѣстѣ съ тѣмъ разжаловалъ унтеръ-офицеровъ, которыхъ капитанъ хотѣлъ наказать тѣлесно за неисполненіе его приказанія о продажѣ муки. Кромѣ того, Васильчиковъ считалъ крайне необходимымъ дознаться, кто предложилъ ротѣ одѣться, и собирался не пощадить ихъ. Капитана Корсакова онъ совѣтовалъ перевести тѣмъ же чиномъ въ армію.

В. Семевскій.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Къ біографіи А. Д. Михайлова [1]).

I.

Происхожденіе.

Мнѣ кажется, свѣдѣнія о ближайшихъ восходящихъ родственникахъ А. Д. Михайлова не лишены интереса. Даже съ научной точки зрѣнія интересно выяснить, какіе элементы послужили природѣ, чтобы создать такой крупный, цѣльный и свѣтлый характеръ, какимъ обладалъ А. Д. Михайловъ.

Онъ передавалъ мнѣ, что мать его отца была небогатой помѣщицей курской губерніи. Въ ея имѣніи жилъ въ качествѣ работника отставной солдатъ николаевскихъ временъ, съ которымъ она вступила въ связь. Къ сожалѣнію, нѣтъ данныхъ, чтобы судить объ этомъ человѣкѣ, но надо допустить, что онъ обладалъ выдающимися личными качествами, потому что союзъ его съ бабушкой А. Д. былъ очень счастливъ и продолжался до самой его смерти. Отъ этого неоформленнаго обрядами брака родился Дмитрій Михайловъ, отецъ Александра Дмитріевича.

Родители относились съ большой любовью къ ребенку, и мать послѣ смерти мужа одна несла всѣ заботы по воспитанію его. Когда сынъ подросъ и кончилъ какое то среднее учебное заведеніе, она послала его въ Петербургъ, гдѣ онъ поступилъ въ Лѣсной институтъ.

По словамъ А. Д., въ студенческіе годы отецъ его терпѣлъ большую нужду. Единственный его костюмъ состоялъ изъ халатика, въ которомъ онъ отправлялся на лекціи. Испытывая всевозможныя лишенія, отецъ А. Д. находилъ утѣшеніе въ мысли, что какъ только окончитъ курсъ ученія, такъ женится и заживетъ семейною жизнью. А. Д. говоритъ, что матримоніальное чувство было сильно развито въ его отцѣ.

Возможно, что его „незаконное“ рожденіе отразилось на его дѣтствѣ, до извѣстной степени отравило первые годы его жизни,

---

[1]) Болѣе полныя біографическія свѣдѣнія объ А. Д. Михайловѣ были помѣщены въ февральской книжкѣ „Былого“ за 1906 годъ. Тамъ были приведены слова самого А. Д. Михайлова, между прочимъ, и о томъ, что съ ранней юности и въ продолженіе всей жизни его другомъ и товарищемъ былъ осужденный по одному съ нимъ дѣлу и,—напомнимъ отъ себя,—скончавшійся въ томъ же Алексѣевскомъ равелинѣ, гдѣ скончался и Александръ Дмитріевичъ,—А. И. Баранниковъ. Намъ посчастливилось достать портреты Михайлова и Баранникова, сверхъ тѣхъ, которые уже были помѣщены въ „Быломъ“, снятые въ то время, когда оба друга были еще юношами, почти мальчиками. Эти портреты мы здѣсь и воспроизводимъ. *Ред.*

и что у него явилось вслѣдствіе этого страшное желаніе создать для своей семьи полное счастье, котораго онъ жаждалъ въ дѣтствѣ для самого себя.

Дѣйствительно, получивъ мѣсто лѣсничаго въ провинціи, онъ поторопился осуществить свою завѣтную мечту. Замѣчателенъ при этомъ его выборъ! Онъ женился на молодой дѣвушкѣ изъ небогатой и интеллигентной семьи Вербицкихъ; она не блистала красотой, но въ чертахъ ея лица было много поэзіи юности, а сердце было доброе и отзывчивое.

Не знаю, съ самаго ли начала своей семейной жизни поселился Дмитрій Михайловичъ въ Путивлѣ, во всякомъ случаѣ уже раннее дѣтство его старшаго сына, Александра Дмитріевича протекало въ этомъ маленькомъ городкѣ и въ его окрестностяхъ, гдѣ у семьи Михайловыхъ былъ небольшой хуторъ. Здѣсь протекли въ безмятежной радости дѣтскіе годы А. Д., которые имъ такъ ярко изображены въ его автобіографіи.

Сильная привязанность его къ родителямъ сказалась между прочимъ въ слѣдующемъ случаѣ. Лѣтомъ 80 года, разъѣзжая по югу Россіи по дѣламъ партіи „Народной Воли“ и находясь въ Кіевѣ, онъ далъ знать родителямъ, что хочетъ съ ними видѣться и назначилъ день и мѣсто свиданія въ Путивлѣ. Вся семья должна была къ назначенному времени выѣхать за городъ на прогулку и здѣсь встрѣтиться съ Алек. Дмит. Свиданіе состоялось. Старики съ дѣтьми выѣхали въ семейной „линейкѣ“ въ степь и на опредѣленномъ мѣстѣ къ нимъ подошелъ Алек. Дмитріевичъ. Произошла бурная и радостная сцена встрѣчи, послѣ долгой разлуки, послѣ того, какъ всякая надежда на свиданіе была давно потеряна. Родные усадили Ал. Дм. съ собой въ „линейку“ и увезли далеко отъ города. Здѣсь среди лѣтней природы, вдали отъ постороннихъ глазъ протекли нѣсколько часовъ въ торопливой бесѣдѣ, и снова приходилось разставаться.

Въ февралѣ 1882 года родители пріѣхали въ Петербургъ къ суду ихъ сына. Мнѣ необходимо было ихъ видѣть, чтобы услышать отъ нихъ послѣдніе слова Александра Дмитріевича и его послѣднія распоряженія. Я разыскала стариковъ на Выборгской Сторонѣ, гдѣ они остановились въ какой-то квартирѣ. Они встрѣтили меня очень радушно и съ большой нѣжностью, какъ товарища и друга ихъ сына. Не стану говорить о слезахъ и отчаяніи матери; ихъ было довольно. Отецъ старался быть сдержаннымъ и къ его огромному горю ясно примѣшивалась гордость такимъ сыномъ, какъ Алек. Дмит., значеніе котораго онъ понималъ вполнѣ. Во всей внѣшности старика и въ мягкихъ чертахъ его лица замѣтно было большое душевное спокойствіе, которое несчастье только нарушило, не будучи въ состояніи уничтожить. Бѣдная мать каждый разъ передъ свиданіемъ съ сыномъ подолгу и горячо молилась въ Петропавловскомъ соборѣ за судьбу сына и вѣрила въ силу молитвы.

А. Прибылева (Корба).

Александръ Дмитріевичъ
МИХАЙЛОВЪ.

Александръ Ивановичъ
БАРАННИКОВЪ.

II.

Письма А. Д. Михайлова къ роднымъ.

СПБ. 1881 г. 29 января.

Дорогіе мои! Не знаю получили ли Вы мое письмо отъ 14-го января. Я, кажется, никогда не научусь писать казенныя письма, а потому не знаю, будутъ ли проходить чрезъ цензуру благополучно посланія, въ которыхъ невольно отражается часть моего внутренняго міра. Ваше маленькое письмецо (открытое) я получилъ. Оно было адресовано неправильно. Письмо должно пройти чрезъ нѣсколько рукъ, пока наконецъ попадетъ къ коменданту, а потому Вы адресуйте прокурору Судебной-Палаты для передачи мнѣ или въ III Отдѣленіе т. е. я ошибся . . . . въ Департаментъ Государственной Полиціи на мое имя.

Вы, мои милые, хлопочете о свиданіи со мною, Вы дорогіе остались для этого здѣсь! Тысячу разъ благодарю за любовь, которую я, можетъ быть, у васъ не заслужилъ. Но какъ мнѣ не любить Васъ сильно, горячо, когда я Вамъ такъ много обязанъ отъ начала и до конца. Вы дали мнѣ жизнь и вмѣстѣ съ тѣмъ положили основаніе тѣхъ чувствъ, которыя освящаютъ человѣка на служеніе великой идеѣ. Съ самаго ранняго дѣтства я научился отъ Васъ любить ближняго и помогать ему. Истинно христіанское, нелицемѣрное, не фарисейское воспитаніе согрѣло въ моемъ сердцѣ любовь Великаго Учителя. Помню и никогда не забуду, какъ въ спальнѣ, при свѣтѣ лампады, послѣ дѣтской молитвы, я слушалъ Ваши разсказы о Страдальцѣ за грѣхи міра и глубоко западали они въ дѣтскую чуткую душу. Не заботясь о себѣ, своемъ здоровьи и покоѣ, Вы отдавали себя намъ всецѣло и видя Ваши заботы, я сталъ понимать цѣль жизни, посвященной для другихъ. Ваше гуманное, рѣдкое въ окружавшей средѣ, отношеніе къ людямъ ниже стоящимъ, какъ къ равнымъ, съ дѣтства пріучило меня признавать за всѣми права человѣка.

Вы не желали коверкать моей натуры, моихъ способностей и призванія и дали значительную свободу, когда я вступилъ въ юношескій возрастъ. Это давало мнѣ неоцѣненное свойство самостоятельности и самобытности. Изъ семьи я вынесъ только одно искреннее, чистое, хорошее. Какъ мало въ русскомъ обществѣ людей, которые могли бы съ такой благодарностью вспоминать о семьѣ. За все это я могу только горячо любить васъ и глубоко уважать. Если за послѣдніе нѣсколько лѣтъ я былъ оторваннымъ отъ семьи, то не думайте, дорогіе, что я забылъ ее. О, нѣтъ! Въ этотъ періодъ времени я не принадлежалъ себѣ. Время, силы и способности т. е. весь я поглощенъ былъ служеніемъ тому, что выше личныхъ страстей и семейныхъ привязанностей. Но и въ это время, когда все, кромѣ возвышенной цѣли и стремленія къ

ней, исчезаетъ и теряется, я часто вспоминаю о своей дорогой родной семьѣ, будучи вполнѣ счастливъ въ своей жизни и дѣятельности, я желалъ столь полнаго же счастья и Вамъ, мои дорогіе. . . . . .
. . . . . .

22-го февраля 1881 года
С. П. К.

. . . . . .
Всесильный геній увлекъ меня отъ Васъ и разошлись наши дороги въ этомъ мірѣ горя и страданій, но чувства мои, — любовь къ семьѣ и семейной жизни навсегда остались во мнѣ и сохранили въ душѣ моей живое и сильное сродство съ милымъ родственнымъ кругомъ. Высокіе общественные идеалы, руководящіе дѣятельностью человѣка, не могутъ потушить тѣ глубоко сокрытые огоньки, которые съ самаго дѣтства загораются, сосредоточивая въ себѣ чистыя, сильныя и естественные привязанности. Когда жизнь горячо и страстно возбуждаетъ въ немъ общественныя чувства, эти внутренніе огоньки теряются въ пламенныхъ стремленіяхъ. Но когда онъ оторванъ отъ жизни, всѣ нити, связывающія его съ міромъ ему подобныхъ перерѣзаны, онъ уходитъ въ самого себя. Его тяготятъ и давятъ мрачные и тѣсные своды, замѣнившіе ему жизнь между людьми и уходитъ онъ отъ тяжелыхъ, гнетущихъ впечатлѣній въ свой внутренній міръ и замыкается въ немъ. Тутъ еще живы отраженія жизни, здѣсь сосредоточены привязанности и идеалы. Этотъ міръ — сокровищница всей жизни. Въ ней для него отрада, источникъ силы и утѣшенія. Семейныя привязанности выдѣляются изъ другихъ его чувствъ, такъ какъ съ ними связаны живые и дорогіе образы, болѣе близкіе чѣмъ другіе. . . .
. . . . . .
. . . . я же доволенъ своей прошлой дѣятельностью и не раскаиваюсь въ ней, потому что дѣйствовалъ по глубокому внутреннему убѣжденію, побуждаемый самой искренней любовью къ своей родинѣ. Правъ ли я былъ, дѣйствуя такъ, или ошибался,— это покажетъ будущее. . . . . .
. . . . . .

$\frac{11}{3}$ 1882 г.

Милые и родные мои!

Всѣхъ Васъ обнимаю и прижимаю къ сердцу, бьющемуся горячей любовью. Чувствуйте вѣчно огонь послѣдняго поцѣлуя, силу послѣднихъ объятій. — Любовь къ своей честной и доброй семьѣ всегда была для меня священна. Сознаю, что многими самыми цѣнными своими свойствами, я вполнѣ обязанъ ей; я не только получилъ счастливую и чистую природу отъ родителей, но и счастливое благотворное воспитаніе. — Оно развило и укрѣпило врожденныя добрыя чувства. Благословляю за это васъ всѣхъ. Пусть наградитъ Васъ судьба! Простите милые, что отдалъ себя

не Вамъ, а идеѣ! Скажу словами поэта—„есть времена, есть цѣлые вѣка, въ которые нѣтъ ничего достойнѣе и краше терноваго вѣнка". Поймите это и оправдайте! Во всякомъ случаѣ знайте, что до конца буду честнымъ, достойнымъ уваженія человѣкомъ. Это для меня великое утѣшеніе, но смѣю увѣрить и Васъ, дорогіе, такъ же въ томъ, что я сынъ, достойный Вашей любви. Пусть это утѣшитъ Васъ! Любовь Ваша ко мнѣ и мои горячія чувства побуждаютъ меня высказать свои послѣднія велѣнія, сердце подсказываетъ, что они будутъ исполнены. . . . . .
. . . . . .

III.

Письмо Е. И. Кедрина къ отцу А. Д. Михайлова.

23 марта 82 г.

Милостивый Государь Дмитрій Михайловичъ.

Думая, что для Васъ составитъ нѣкоторое утѣшеніе узнать мнѣніе посторонняго о нравственной личности А. Д. Михайлова, Вашего сына, я рѣшился подѣлиться впечатлѣніями, вынесенными мной изъ знакомства съ Александромъ Дмитріевичемъ.

Въ немногіе часы свиданій мнѣ удалось очень близко узнать его и я увѣренъ, что его свѣтлый нравственный образъ никогда не изгладится въ моей памяти.

Объясненія, данныя имъ на судѣ, конечно вліяли на судьбу его въ неблагопріятномъ смыслѣ, но въ то же время невольно заставляли самихъ враговъ удивляться его уму и характеру. Не только всѣ защитники единогласно признавали его самой выдающейся личностью въ процессѣ, но это же признавали и его судьи — сенаторы. Скажу болѣе, министръ юстиціи Набоковъ высказалъ мнѣ, что по его убѣжденію Александръ Михайловъ по характеру, дарованіямъ и личнымъ качествамъ былъ бы полезнымъ членомъ общества, такъ какъ ему извѣстны его сыновнія чувства и личныя качества. Но отдавая дань уваженія умственной силѣ Вашего сына, невольно приходится преклоняться предъ его мужествомъ, энергіей и непоколебимой твердостью воли. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы на Руси было побольше такихъ людей, судьба отечества была бы иная и мы не переживали бы столь тяжелыхъ событій.

Думаю, что Вы вправѣ гордиться подобнымъ сыномъ и радъ случаю высказать Вамъ откровенно свои впечатлѣнія.

Позвольте дружески пожать Вамъ руку и пожелать Вамъ дождаться счастливой минуты, когда Вы и супруга Ваша обнимете сына.

Истинно преданный Вамъ **Е. Кедринъ.**

Одиннадцать дней на броненосцѣ „Князь Потемкинъ-Таврическій“.

(Продолженіе [1]).

III.

Былъ уже восьмой часъ, когда я проснулся. Наскоро умывшись, я вышелъ въ каютъ-компанію, гдѣ нашелъ инженеръ-механика Назарова. Онъ былъ одѣтъ и, очевидно, готовился съѣзжать.

— А гдѣ же остальные?—спросилъ я его.

— Они уже на палубѣ: сейчасъ съѣзжаемъ.

Мы простились съ нимъ; на палубу же я не пошелъ. Назаровъ вышелъ, и черезъ минуту послышался около борта шумъ винта отходящаго парового катера.

„Ну вотъ и съѣхали“, подумалъ я и почувствовалъ на душѣ какое-то облегченіе.

Когда катеръ былъ уже далеко, я вспомнилъ о Калюжновѣ: съѣхалъ онъ или остался?

Я хотѣлъ идти на палубу, чтобы тамъ узнать, но въ это время онъ показался въ дверяхъ.

— Вы остались,—обратился я къ нему.

— Остался,—отвѣтилъ онъ.

— Ну, значитъ будемъ теперь вмѣстѣ дѣлить все, что пошлетъ намъ судьба.

Намъ подали чай, и мы усѣлись съ нимъ и съ докторомъ, который тоже пришелъ въ каютъ-компанію, за столъ. Оба мои компаньона молчали.

Докторъ поминутно вставалъ, быстрыми шагами прохаживался нѣсколько разъ взадъ и впередъ, точно обдумывая что-то, и снова садился за столъ; Калюжновъ, казалось, былъ задумчивъ. А мнѣ стало какъ-то весело: не было больше у дверей часовыхъ, не видно было измученныхъ лицъ офицеровъ, не слышно было ихъ вздоховъ; матросы, какихъ я успѣлъ видѣть, высматривали бодро. Я поскорѣе окончилъ свой чай и пошелъ на палубу, чтобы тамъ поговорить съ кѣмъ-нибудь изъ комиссіи.

---

[1]) См. „Былое“, январск. кн.

Тамъ я засталъ уже посѣтителей съ берега, которые привезли извѣстія о минувшей ужасной ночи. По ихъ разсказамъ, картина вчерашнихъ событій въ Одессѣ рисовалась слѣдующимъ образомъ: къ вечеру въ порту стали собираться, такъ называемые, босяки; между ними вскорѣ появились какіе-то темныя личности, которыя открыто стали ихъ призывать къ погрому. При той стихійной склонности къ разрушенію, которая живетъ въ душѣ этихъ подонковъ общества, и при томъ возбужденномъ настроеніи, которое овладѣло всѣмъ населеніемъ Одессы, этимъ предводителямъ не стоило никакого труда взволновать эту толпу. Въ отвѣтъ на ихъ призывъ масса босяковъ прежде всего набросилась на казенныя винныя лавки, разграбила водку и перепилась. Послѣ этого началась уже настоящая оргія: пьяная и жадная чернь разбивала, грабила и жгла все, что попадалось ей подъ руку. Нѣкоторые тутъ же, на улицѣ, сбрасывали съ себя свои лохмотья и одѣвали награбленное платье; ящики и боченки съ гастрономическими и бакалейными товарами разбивались о мостовую, и содержимое съ жадностью пожиралось толпой; опорожненныя бутылки летали надъ головами и разбивались о стѣны зданій. Напрасно рабочіе просили босяковъ оставить это безсмысленное буйство; напрасно потомъ старались они силой унять ихъ: озвѣрѣвшая масса, казалось, потеряла разсудокъ и не знала больше никакихъ предѣловъ... Наконецъ пришли войска. Раздались залпы. Раненые и убитые падали десятками. Обезумѣвъ отъ страха, нѣкоторые бросались прямо въ пламя и тамъ сгорали. Воздухъ огласился отчаянными стенаніями и дикими криками. Цѣлую ночь не прекращалась эта оргія безумія и ужаса, и только съ разсвѣтомъ толпа мало-по-малу стала разсѣеваться.

Павшихъ жертвою солдатскихъ пуль и пламени насчитываютъ сотни душъ.

Сегодня въ городѣ страшно подавленное состояніе. Безсмысленный погромъ внесъ дезорганизацію въ революціонныя сферы и деморализовалъ войска. Одесса объявлена на военномъ положеніи. До сихъ поръ продолжаютъ прибывать все новыя и новыя роты солдатъ. Уже теперь происходятъ кровавыя столкновенія на улицахъ. Сегодня предвидится избіеніе полиціей рабочихъ.

Такимъ образомъ положеніе становилось все болѣе и болѣе серьезнымъ,—нужны были рѣшительныя дѣйствія.

Я съ Кирилломъ и съ нѣсколькими членами комиссіи отправился въ каютъ-компанію, чтобы тамъ поговорить.

Отъ нихъ я узналъ, что вчера рабочіе предлагали высадить съ броненосца дессантъ, чтобы вмѣстѣ съ вооруженными рабочими завладѣть городомъ. Это представлялось, какъ говорили они, возможнымъ, такъ какъ войскъ вчера было еще немного, да кромѣ того, на часть ихъ можно было разсчитывать, какъ на союзниковъ. Но матросы не приняли предложенія, на томъ основаніи, что высадка на берегъ не только пятисотъ матросовъ, какъ это предлагали рабочіе, но даже двухсотъ ослабила бы бронено-

сецъ, тогда какъ съ минуты на минуту можно было ожидать появленія эскадры, съ которой, можетъ быть, придется вступить въ бой. Была, правда, надежда на присоединеніе по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ ея судовъ. Но, такъ или иначе, а командѣ „Потемкина“ представлялось необходимымъ выяснить отношеніе эскадры, прежде чѣмъ приступить къ какимъ-нибудь рѣшительнымъ дѣйствіямъ на берегу. Я нашелъ съ своей стороны всѣ эти соображенія вполнѣ основательными. Однако сегодня нельзя было не предпринять чего-нибудь въ виду серьезности положенія рабочихъ на берегу. Но прежде чѣмъ рѣшить этотъ вопросъ, надо было собрать всю команду, чтобы поднять въ ней духъ, такъ какъ среди нея была замѣтна нѣкоторая неувѣренность: кондуктора и приверженная имъ часть матросовъ успѣли уже отравить болѣе слабыя души ядомъ сомнѣнія и страха за собственную жизнь.

Впродолженіе моего разговора съ товарищами, Калюжновъ сидѣлъ неподалеку и внимательно прислушивался. Когда же они ушли хлопотать о сборѣ команды, и я остался одинъ, онъ подошелъ ко мнѣ и съ очень озабоченнымъ видомъ заговорилъ со мной.

— Александръ Михайловичъ, я вижу, что я сдѣлалъ роковую ошибку, оставшись на броненосцѣ. Слушая вашъ разговоръ съ матросами, я убѣдился въ томъ, что я совершенно ложно понялъ вчера намѣренія команды. Все то, о чемъ вы сейчасъ разговаривали, очевидно знакомо вамъ и близко, между тѣмъ какъ мнѣ оно совершенно чуждо, и я положительно не нахожу въ себѣ ни подготовленности, ни рѣшимости дѣйствовать со всѣми вами за одно. Я очень прошу васъ посодѣйствовать въ комиссіи, чтобы меня свезли на берегъ.

Въ первую минуту мною овладѣла досада на него; почему же было раньше не взвѣсить своего шага и раньше не выяснить себѣ всего положенія вещей? Но, глядя на его измученное лицо, видя его искреннее смущеніе, я не могъ не почувствовать жалости къ этому въ сущности доброму малому, хотя и наивному по молодости, кромѣ того я отчасти винилъ и себя въ томъ, что вчера еще не выяснилъ ему всего смысла его рѣшенія остаться на броненосцѣ. Я пообѣщалъ ему сдѣлать все возможное для того, чтобы его просьба была исполнена, и направился было къ выходу, когда услышалъ, что меня кто-то окликнулъ. То былъ прапорщикъ Алексѣевъ.

— Александръ Михайловичъ,—обратился онъ ко мнѣ несвойственнымъ ему заискивающимъ тономъ,—а что если бы теперь отправиться куда-нибудь въ иностранный портъ, напримѣръ въ румынскій Кюстендже, о которомъ говорилъ Ястребцевъ. Я думаю, что команда согласилась бы, еслибы вы ее убѣдили. А то вѣдь съ часу на часъ можетъ придти эскадра, и тогда мы всѣ тутъ пропадемъ вмѣстѣ съ броненосцемъ.

Я терпѣливо слушалъ эту тираду. Мое вниманіе вѣроятно ободрило его, и онъ совсѣмъ уже нѣжно добавилъ:

— Вѣдь подумайте только, что ждетъ васъ, если эскадра овладѣетъ „Потемкинымъ“, или если она просто пуститъ его ко дну.

Надо сказать, что, когда только что послѣ катастрофы въ Тендровскомъ заливѣ „Потемкинъ“ снялся съ якоря, офицеры, которые находились подъ карауломъ, были увѣрены, что цѣль этого похода—какой-нибудь иностранный портъ, куда команда хочетъ спастись. Это предположеніе не было оставлено даже первое время послѣ прихода броненосца въ Одессу: думали, что здѣсь команда хочетъ только пополнить необходимые для этого похода запасы. Офицеры стали перебирать въ памяти знакомые имъ иностранные черноморскіе порты, и тутъ-то прапорщикъ Ястребцовъ, который былъ хорошо знакомъ съ побережьемъ Чернаго моря, напомнилъ между прочимъ румынскій портъ Кюстэнджe (Констанца), который онъ даже показалъ на картѣ. Алексѣевъ, который большею частью оставался въ каютъ-кампаніи, конечно, что называется, намоталъ себѣ на усъ этотъ разговоръ и вѣроятно уже съ того момента началъ пропагандировать въ приверженныхъ ему сферахъ походъ въ Румынію [1]).

Меня поэтому не удивило его обращеніе.

— Команда теперь надѣется на присоединеніе къ „Потемкину“ по крайней мѣрѣ нѣсколькихъ судовъ эскадры, и во всякомъ случаѣ рѣшила встрѣтиться съ эскадрой во чтобы то ни стало, чтобы такимъ образомъ вопросъ объ ея отношеніи къ „Потемкину“ разрѣшился такъ или иначе, и потому я считалъ бы для себя преступленіемъ предлагать командѣ спасаться въ Румынію теперь, когда передъ „Потемкинымъ“ раскрываются такія широкія перспективы. На походъ въ Румынію можно смотрѣть, какъ на крайнее средство,—напримѣръ въ случаѣ какого-нибудь пораженія „Потемкина“. Что же касается меня лично, то вы напрасно безпокоитесь,—вѣдь вы же знаете, что вопросъ о томъ, какъ избѣжать столкновенія съ эскадрой, относительно себя лично я могъ разрѣшить гораздо проще тогда, когда съѣзжали съ броненосца офицеры, и когда я имѣлъ возможность послѣдовать ихъ примѣру.

Алексѣевъ не возражалъ. Перемѣнивъ тонъ, онъ началъ умолять меня о томъ же, о чемъ только что просилъ Калюжновъ. Къ этому человѣку у меня не было даже и жалости; но я сознавалъ, что онъ на броненосцѣ не только лишній, подобно Калюжнову, но даже и вреденъ. Я поэтому былъ бы очень доволенъ, еслибы „Потемкинъ“ избавился отъ этого балласта и пообѣщалъ также и ему поговорить съ матросами относительно его просьбы.

---

[1]) Товарищъ „Кириллъ“ въ своихъ воспоминаніяхъ о событіяхъ на „Потемкинѣ“ (см. „Начало“—1905 г. №№ 7-й и дальше) ошибочно приписываетъ иниціативу похода въ Румынію Алексѣеву, Голенку и мнѣ вмѣстѣ съ ними. Онъ также совершенно неточно передаетъ тамъ мой разговоръ съ нимъ по поводу этого похода. Я думаю, что такая ошибка явилась результатомъ того обстоятельства, что товарищъ „Кириллъ“ уже по прошествіи значительнаго времени послѣ событій хотѣлъ объяснить то, что было для него самого не совсѣмъ ясно или и совсѣмъ неизвѣстно по той причинѣ, что произошло еще до его прихода на „Потемкинъ“.

Я рѣшилъ не обращаться съ этимъ въ комиссію, а посовѣтоваться предварительно съ Матющенкомъ и еще съ нѣкоторыми товарищами. Съ этимъ намѣреніемъ я вышелъ на палубу, гдѣ и нашелъ всѣхъ, кого мнѣ было нужно. И лишь только я изложилъ просьбу Калюжнова и Алексѣева, всѣ въ одинъ голосъ сказали, что свезти ихъ на берегъ теперь невозможно: Калюжновъ былъ уже представленъ командѣ, какъ добровольно оставшійся, на Алексѣева же, хоть онъ и былъ вынужденъ руководителями движенія взять на себя возложенныя на него обязанности еще въ первый моментъ возмущенія, она все же смотритъ теперь, какъ на примирившагося со своимъ положеніемъ командира. Такимъ образомъ, если бы имъ было позволено съѣхать теперь съ броненосца, команда, среди которой и такъ уже часть колеблется, приняла бы это, какъ дурной знакъ и навѣрно бы смутилась. Хотя въ то же время всѣ тѣ, съ которыми я совѣтовался, и соглашались со мной въ томъ, что Калюжновъ и Алексѣевъ для дѣла не только не нужны, но даже и вредны, однако я не могъ не признать приведенные доводы основательными и потому рѣшилъ пока не поднимать этого вопроса въ комиссіи, а Калюжнову и Алексѣеву объявилъ, что ихъ просьба теперь не можетъ быть удовлетворена, но что, если представится къ тому случай и возможность, я опять буду хлопотать объ этомъ. Однако такого случая такъ больше и не представилось, а Калюжновъ и Алексѣевъ все послѣдующее время положительно мучили меня—одинъ своимъ убитымъ видомъ, а другой безпрестанными мольбами похлопотать относительно его передъ командой...

Между тѣмъ раздались звуки барабановъ, бившихъ сборъ, и я отправился на бакъ, гдѣ мало-по-малу собиралась команда.

Тамъ я встрѣтилъ „Кирилла", который видимо былъ чѣмъ-то очень озабоченъ.

— Ну, что?—обратился я къ нему съ неопредѣленнымъ вопросомъ въ надеждѣ узнать причину его озабоченности.

— Не совсѣмъ ладно,—отвѣтилъ онъ,—между командой замѣчается разладъ.

Я еще утромъ замѣтилъ, что среди команды нѣтъ такого единодушія, какое представлялось мнѣ вчера вечеромъ. Однако слова „Кирилла" обезпокоили и меня; тѣмъ болѣе, что я еще не успѣлъ оріентироваться въ своемъ новомъ положеніи и разобраться во всѣхъ мелочахъ и деталяхъ новой организаціи жизни въ этой только-что народившейся республикѣ.

— Откуда-то взялась идея идти въ Румынію, и я боюсь, что она смутитъ часть команды,—продолжалъ Кириллъ.

— Если только это, то, мнѣ кажется, еще нѣтъ основанія безпокоиться,—сказалъ я:—вѣдь эта идея возникла вовсе не среди команды: разговоръ о возможности похода въ какой-нибудь иностранный портъ былъ только между офицерами, когда они сидѣли подъ карауломъ и когда имъ не было еще ничего извѣстно о намѣреніяхъ комиссіи. Правда,—продолжалъ я,—Алексѣевъ, который, вѣроятно, замѣтилъ себѣ на всякій случай кое-что изъ

этихъ разговоровъ, заговаривалъ со мной и сегодня о походѣ въ Румынію, но я ему на это сказалъ, что комиссія, насколько я успѣлъ себѣ уяснить, имѣетъ совсѣмъ другія намѣренія и совсѣмъ иначе настроена. Я не думаю, чтобы онъ послѣ этого рѣшился пропагандировать эту идею.

— Однако же разговоры объ этомъ слышны уже и среди кондукторовъ,—замѣтилъ Кириллъ.

— Но мнѣ кажется,—возразилъ я, стараясь успокоить его и себя,—что теперь этотъ планъ не можетъ имѣть успѣха среди команды, хотя бы Алексѣевъ и добивался этого. Развѣ ужъ „Потемкинъ" постигнетъ какая-нибудь особенная неудача или пораженіе.

— Есть обстоятельство еще и болѣе серіозное,—сказалъ Кириллъ,—раздаются голоса за то, чтобы идти съ повинной въ Севастополь.

Такъ бесѣдуя, мы направились къ толпѣ собиравшихся матросовъ. Посрединѣ кучкой стояла комиссія, вокругъ нея группировалась команда, которая все прибывала, высыпая изо всѣхъ люковъ.

Вскорѣ матросы заняли всю палубу бака; нѣкоторые взобрались на башню двѣнадцати-дюймовыхъ орудій. Лица у всѣхъ были серіозныя и сосредоточенныя; взоры съ ожиданіемъ были устремлены на комиссію. Когда всѣ были въ сборѣ, Кириллъ, который долженъ былъ говорить первымъ, взлѣзъ на буксирный кнехтъ. Сдержанный говоръ смолкъ и Кириллъ началъ свою рѣчь. Описавъ тѣ невыносимыя условія, въ которыхъ живетъ въ Россіи порабощенный народъ, онъ яркими красками нарисовалъ картину той геройской борьбы, на которую уже встали повсюду народныя массы. Въ заключеніе онъ призывалъ матросовъ стать вмѣстѣ со всѣмъ народомъ на борьбу съ его первымъ врагомъ, правительствомъ и поддержать силою своего вооруженнаго броненосца возстаніе въ Одессѣ. Послѣ Кирилла говорилъ тоже очень горячо Фельдманъ, послѣ Фельдмана я, потомъ еще кто-то изъ комиссіи, въ заключеніе Матющенко, который закончилъ свою рѣчь приблизительно слѣдующими словами:

— Насъ, сознательныхъ революціонеровъ, на броненосцѣ— душъ сто. Мы всѣ рѣшили твердо стать на сторону возставшаго народа и, если это будетъ нужно, сложить свои головы въ роковой борьбѣ. Мы, какъ братьевъ, призываемъ васъ вмѣстѣ съ нами на это славное дѣло. Если же вы не хотите внять нашему призыву, если вы дѣйствительно хотите идти въ Севастополь, какъ это приходилось сегодня слышать отъ нѣкоторыхъ изъ васъ, чтобы тамъ принести повинную передъ начальствомъ, мы не хотимъ дожить до такого позора. Мы всѣ въ такомъ случаѣ станемъ во фронтъ, а вы возьмите винтовки, разстрѣляйте насъ и тогда идите къ своему начальству. Оно встрѣтитъ тогда васъ съ музыкой и торжествомъ, окружитъ васъ почетомъ и осыплетъ благодарностями за то, что вы продали святое дѣло освобожденія

народа!.. Выбирайте же! съ нами на борьбу, или—безъ насъ въ Севастополь!".

— Не пойдемъ въ Севастополь! — загремѣла толпа. — Всѣ вмѣстѣ будемъ жить или умремъ!

— Тогда,—продолжалъ Матющенко,—сегодня же откроемъ изъ орудій пальбу по войскамъ и отомстимъ убійцамъ за смерть нашихъ братьевъ рабочихъ! Согласны?

— Согласны,—былъ единодушный отвѣтъ. Послѣ этого были отправлены въ городъ для похоронъ Вакулинчука двѣнадцать душъ, въ числѣ которыхъ былъ и Матющенко.

Прежде чѣмъ открыть огонь рѣшено было узнать о расположеніи войскъ въ городѣ. На этомъ сходка и закончилась; матросы, возбужденные и явно растроганные слышаннымъ, кучками расходились, оживленно бесѣдуя.

* * *

Такимъ образомъ въ общемъ удалось поднять настроеніе команды и объединить ее. Тѣмъ не менѣе, мои первыя непосредственныя наблюденія не располагали къ оптимистическимъ выводамъ по поводу ея революціонной готовности.

Грозный „Потемкинъ" одухотворенъ, очевидно, не цѣльной героической душой, какъ я готовъ былъ думать вчера подъ вліяніемъ экстаза, а душой коллективной съ весьма сложной психологіей.

Въ то время, какъ одна часть команды, проникнутая самыми благородными стремленіями, готова была на какое угодно самопожертвованіе, другая часть думала только о спасеніи жизни, а нѣкоторые готовы были стать въ оппозицію сознательной части при первой возможности. Впрочемъ, разсудивъ здраво, я рѣшилъ, что вѣдь иначе и быть не могло, и что было бы наивно ждать полной сознательности и непоколебимаго единодушія отъ этихъ 700 людей, которыхъ судьба случайно свела на этомъ броненосцѣ, и изъ которыхъ многіе другъ друга даже не знали еще. Достаточно было и того стихійнаго революціоннаго настроенія, которое явно господствовало. При благопріятныхъ обстоятельствахъ и при умѣломъ руководствѣ со стороны сознательной части команды и съ этимъ можно сдѣлать многое. Въ общемъ соотношеніе различныхъ теченій среди команды броненосца представлялось мнѣ слѣдующимъ образомъ: людей рѣшительно настроенныхъ, готовыхъ стоять до конца, было человѣкъ полтораста; между ними душъ пятьдесятъ были, кромѣ того, люди совершенно сознательные и болѣе или менѣе развитые; явно враждебныхъ революціонному направленію было душъ семьдесятъ, во главѣ съ кондукторами и, пожалуй, прапорщикомъ Алексѣевымъ. Остальная часть команды хотя и была, какъ я уже сказалъ, въ общемъ проникнута революціоннымъ настроеніемъ, однако совершенно не была воспитана, такъ сказать, въ этомъ направленіи и потому являлась элементомъ весьма неустойчивымъ, способнымъ подъ вліяніемъ удачно сказаннаго слова, подъ впечатлѣніемъ

удачи на короткое время воодушевляться, но еще въ большей степени и скорѣе падать духомъ и теряться при неудачѣ. Такимъ образомъ цѣлесообразно пользоваться броненосцемъ, какъ революціонной боевой единицей для сознательныхъ руководителей возстанія, въ частности для комиссіи, представлялось возможнымъ лишь въ томъ случаѣ, если удастся поддерживать, по крайней мѣрѣ, у большинства команды бодрость и духъ единства.

* * *

Между тѣмъ сообщеніе съ городомъ было прервано: на набережной была поставлена цѣпь солдатъ, которые не допускали къ берегу никого изъ жителей и не позволяли ни одной шлюпкѣ выходить на рейдъ. Провизіи, въ которой мы уже чувствовали большой недостатокъ, намъ также не везли, несмотря на данное вчера представителями города обѣщаніе въ самое непродолжительное время доставить намъ все необходимое. Очевидно военныя власти, которыя распоряжались теперь въ Одессѣ, воспрепятствовали этому. Все это еще больше подтверждало необходимость дѣйствовать рѣшительно.

Въ пятомъ часу съ большими усиліями удалось добыть нѣкоторыя свѣдѣнія. Между прочимъ, мы получили извѣстіе, что въ городскомъ театрѣ въ данный моментъ засѣдаетъ военный совѣтъ во главѣ съ командующимъ войсками генераломъ Кохановскимъ.

Около театра же, главнымъ образомъ, были сосредоточены войска. Сама собой напрашивалась мысль бомбардировать театръ; на этомъ сошлись всѣ мнѣнія членовъ комиссіи, и рѣшено было сейчасъ же произвести три холостыхъ выстрѣла для предупрежденія мирныхъ жителей, а потомъ выждавъ нѣкоторое время, открыть боевой огонь изъ шестидюймовыхъ орудій по театру. Пробили боевую тревогу, и комендоры зарядили орудія. Одни за другими раздались три холостыхъ выстрѣла. Черезъ полчаса приготовились къ боевымъ. Я сталъ противъ открытаго пушечнаго порта, находившагося по одну сторону съ заряженными орудіями, и не спуская глазъ сталъ смотрѣть на театръ. Раздался сигналъ „открыть огонь“, грохнулъ выстрѣлъ. По направленію къ городу съ гуломъ понесся зарядъ. Я впился глазами въ театръ. Но онъ стоялъ невредимый, по прежнему величественно возвышаясь надъ окружавшимъ его городомъ. Очевидно снарядъ пролетѣлъ мимо. Снова—сигналъ, снова—выстрѣлъ и снова снарядъ пролетаетъ мимо...

Для меня эти промахи не были неожиданностью, такъ какъ я зналъ, что на „Потемкинѣ“ не было ни разу практической стрѣльбы до этого времени, а, между тѣмъ, чтобы попадать въ цѣль изъ совершенно новыхъ орудій, комендоры должны были предварительно пристрѣляться. Тѣмъ не менѣе нельзя было не досадовать по поводу этой неудачи, тѣмъ болѣе, что пролетѣвшіе мимо театра снаряды могли причинить напрасный вредъ мирнымъ жителямъ. Этотъ случай такъ обезкуражилъ всѣхъ, что

рѣшено было пріостановить стрѣльбу и не открывать огня, пока не удастся достать подробнаго плана города и узнать точно расположеніе военныхъ учрежденій и войскъ. Проиграли отбой, и комендоры разрядили орудія. Къ командующему войсками была послана депутація съ написаннымъ заявленіемъ отъ команды „Потемкина“, которое гласило, что, если не будетъ прекращена стрѣльба въ рабочихъ на улицахъ, командой будутъ приняты самыя рѣшительныя мѣры. Предупрежденіе относительно этого было также послано представителямъ города. Послѣ того былъ посланъ паровой катеръ за двѣнадцатью товарищами, которые были на похоронахъ Вакулинчука, и въ ожиданіи ихъ на броненосцѣ все успокоилось.

Часовъ въ девять вечера катеръ возвратился, но изъ 12 товарищей на немъ пріѣхало только девять,—трое же, какъ мы узнали отъ прибывшихъ, пропали гдѣ-то на берегу.

Тотчасъ же въ каютъ-компаніи была собрана комиссія, гдѣ прежде всего Матющенко разсказалъ о похоронахъ Вакулинчука и о приключеніяхъ посланныхъ двѣнадцати матросовъ въ городѣ.

„Мнѣ никогда еще не приходилось видѣть столь торжественной картины, какую представляли похороны нашего дорогого товарища,—началъ онъ свой разсказъ,—такого обилія искреннихъ слезъ, пролитыхъ надъ тѣломъ, этого дотолѣ безвѣстнаго матроса!

Когда мы вышли изъ катера, на берегу около тѣла Вакулинчука была, какъ и вчера, масса народу. Тотчасъ же нѣсколько человѣкъ подняли носилки съ тѣломъ и процессія, сопровождаемая многотысячной толпой, двинулась въ городъ по направленію къ кладбищу. На улицѣ къ намъ присоединялись все новыя и новыя толпы; на балконахъ, въ окнахъ и даже на крышахъ домовъ виднѣлись люди: отовсюду неслись возгласы: „Слава погибшему!... Долой тирановъ!... Да здравствуетъ „Потемкинъ“!... И такъ было все время, пока процессія не прошла черезъ весь городъ и не достигла кладбища..

Послѣ похоронъ, мы всѣ сѣли на извощиковъ и поѣхали обратно въ портъ; но по дорогѣ мы были остановлены ротой солдатъ, преградившей намъ путь; мы спѣшились и пошли пѣшкомъ. Но какъ только мы поравнялись съ солдатами они по данному сигналу открыли по насъ огонь. Мы были безъ оружія, и потому намъ оставалось только бѣжать. Я остался позади всѣхъ и видѣлъ, что никто не былъ убитъ, хотя у меня пулей и были разорваны брюки. Я думаю, что солдаты нарочно не хотѣли въ насъ попадать. Однако, когда мы прибыли на пристань, насъ оказалось только девять; куда дѣвались трое изъ насъ, я такъ и не знаю“. Такое предательство со стороны властей окончательно возмутило всѣхъ. Вѣдь матросы шли провожать тѣло безъ оружія только потому, что имъ обѣщана была капитаномъ надъ портомъ неприкосновенность!.,. Относительно выпущенныхъ снарядовъ возвратившіеся съ берега знали только то, что они пролетѣли надъ театромъ и упали на краю города. О послѣдствіяхъ они не слыхали ничего.

Мы было приступили къ обсужденію плана дальнѣйшихъ дѣйствій по отношенію къ Одессѣ, какъ вдругъ одно новое обстоятельство отвлекло наше вниманіе въ другую сторону.

* * *

Черезъ открытый люкъ, съ верхней палубы спардека до насъ отчетливо донеслись характерные звуки работающаго безпроволочнаго телеграфа: очевидно принималась откуда-то телеграмма. Разговоръ моментально прервался, всѣ повскакали со своихъ мѣстъ и столпившись у люка съ напряженнымъ вниманіемъ стали прислушиваться къ прерывистымъ звукамъ телеграфа, которые казалось, были полны какого то таинственнаго смысла. Окликнули дежурнаго сигнальщика и спросили его въ чемъ дѣло.

— Телеграфнымъ аппаратомъ перехвачена телеграмма,—объяснилъ онъ,—минеры разбираютъ ее. Но тутъ къ люку подбѣжалъ одинъ изъ минеровъ:

— Эскадра гдѣ то не далеко!—какимъ то торжественнымъ голосомъ крикнулъ онъ намъ, свѣсившись черезъ люкъ въ каютъ-компаніи.

— Безпроволочной телеграмой, которую мы перехватили броненосецъ „Три Святителя“ вызываетъ броненосецъ „Двѣнадцать Апостоловъ“.

Между тѣмъ телеграфъ снова затрещалъ. Минеръ побѣжалъ къ аппарату и черезъ нѣсколько минутъ возвратился.

— Вотъ телеграмма!—сказалъ онъ, подавая намъ клочекъ бумаги, на которомъ стояло: „Три Святителя“, на „Двѣнадцать Апостоловъ„ „Броненосецъ „Князь Потемкинъ Таврическій“ стоитъ на внѣшнемъ рейдѣ Одессы!!...

Такимъ образомъ съ часу на часъ надо было ожидать эскадру. Это обстоятельство было настолько важно, что само собой разумѣется,—всѣ вопросы, поставленные на очередь, въ началѣ вечера должны были уступить теперь мѣсто одному вопросу о предстоящей встрѣчѣ съ эскадрой. Всѣ были въ высшей степени возбуждены новой вѣстью. Въ какомъ составѣ идетъ эскадра? Съ какими намѣреніями? Наперерывъ другъ передъ другомъ мы высказывали всякія предположенія и нѣкоторое время не могли успокоиться. Наконецъ прерванное засѣданіе было возобновлено, и мы сейчасъ же приступили къ обсужденію предстоящей встрѣчи съ эскадрой. Явилось два предположенія: во первыхъ, эскадра можетъ искать насъ съ цѣлью присоединиться; это можетъ быть въ томъ случаѣ, если тамъ произошло нѣчто подобное тому, что произошло на „Потемкинѣ“, и корабли находятся въ рукахъ матросовъ. Возможность такого предположенія основывалась на томъ, что на всѣхъ корабляхъ, какъ говорили матросы, давно уже существуютъ революціонныя организаціи, поддерживающія постоянныя связи съ революціонными партіями, и что этими организаціями еще зимою былъ выработанъ планъ, по которому, во время пребыванія эскадры въ Тендровскомъ заливѣ, матросы по сигналу одного изъ кораблей должны возстать, офицеровъ арестовать, тѣхъ

которые окажутъ сопротивленіе убить и овладѣть эскадрой, чтобы поднять всенародное возстаніе. Во вторыхъ эскадра могла остаться на сторонѣ порядка и идти подъ начальствомъ адмираловъ и офицеровъ съ цѣлью овладѣть „Потемкинымъ“.—Второе предположеніе было основательнѣе, такъ какъ въ случаѣ, если бы эскадра была дѣйствительно въ рукахъ матросовъ, они по тому же безпроволочному телеграфу увѣдомили бы объ этомъ насъ.

Такимъ образомъ надо было остановиться на второмъ предположеніи. Послѣ недолгихъ совѣщаній было рѣшено: какъ только появится на горизонтѣ эскадра, идти полнымъ ходомъ ей на встрѣчу, въ полной боевой готовности. Въ виду возможности присоединенія эскадры въ моментъ встрѣчи, не открывать по ней огня до тѣхъ поръ, пока съ ея стороны не будетъ подано къ тому повода. Въ случаѣ же враждебныхъ дѣйствій съ ея стороны вступить съ ней въ рѣшительный бой съ тѣмъ, чтобы побѣдить или погибнуть. Ни въ какомъ случаѣ не сдаваться, а въ крайности взорваться. Такое рѣшеніе сейчасъ же было сообщено всей командѣ, которая единодушно одобрила его.

Воодушевленіе въ это время было чрезвычайное...

Послѣ этого были отданы распоряженія: зарядить всѣ орудія и комендорамъ ложиться спать у своихъ пушекъ, не раздѣваясь; по прежнему поддерживать пары въ восемнадцати котлахъ, а въ случаѣ надобности ввести и остальные четыре: приготовить главные машины и всѣ механизмы къ дѣйствію. Освѣщать всю ночь горизонтъ боевыми прожекторами, а миноносецъ и паровой катеръ выслать въ море для охраны. Всѣмъ ложиться спать не раздѣваясь, чтобы каждую минуту быть готовыми къ тревогѣ.

Наконецъ для провѣрки боевого росписанія, была произведена пробная боевая тревога: всѣ оказались на своихъ мѣстахъ, все исполнялось быстро и точно. Послѣ этого свободнымъ предоставлено было ложиться спать, а вахтенное отдѣленіе разошлось по своимъ мѣстамъ.

Было уже за полночь, когда я пришелъ въ свою каюту и не раздѣваясь прилегъ на койку. Я скоро заснулъ, но сонъ мой не былъ спокойнымъ. Я часто просыпался, вставалъ и выходилъ на мостикъ къ прожекторамъ, или обходилъ корабль по всѣмъ палубамъ. Каждый разъ я убѣждался, что всѣ были на своихъ постахъ и бодро и бдительно исполняли свои обязанности.

IV.

На слѣдущій день, часовъ около пяти я былъ уже на ногахъ. „Потемкинъ“ и миноносецъ съ поднятыми парами, съ подобранными якорями стояли въ полной готовности. На „Вѣхѣ“, которую вчера еще было рѣшено обратить въ госпитальное судно, былъ поднятъ флагъ съ краснымъ крестомъ.

Выйдя на палубу, я нашелъ тамъ доктора, который вмѣстѣ съ однимъ изъ фельдшеровъ грузилъ на катеръ какія-то меди-

цинскія принадлежности. Оба были съ краснымъ крестомъ на рукѣ. Я было вступилъ съ докторомъ въ разговоръ, но онъ отвѣчалъ мнѣ какъ-то неохотно и вообще имѣлъ растерянный видъ. Я узналъ только отъ него, что онъ съ фельдшеромъ собирается отвезти на „Вѣху“ нѣкоторыя необходимыя для госпиталя принадлежности. Черезъ нѣсколько минутъ катеръ отошелъ отъ трапа, а я спустился внизъ съ цѣлью обойти броненосецъ по палубамъ, чтобы еще разъ убѣдиться въ готовности и исправности механизмовъ и клапановъ всѣхъ трехъ системъ: водоотливной, пожарной и затопленія отсѣковъ, крейтъ-камеръ и бомбовыхъ погребовъ. Эта была, такъ сказать, спеціально моя область, такъ какъ съ самаго начала моей службы на „Потемкинѣ“, я занималъ должность трюмнаго инженеръ-механика. Все я нашелъ въ полной исправности, кромѣ водоотливныхъ турбинъ, которыя вслѣдствіе совершенно неправильной установки еще при постройкѣ броненосца, не могли дѣйствовать исправно. По моему настоянію еще весною ихъ рѣшено было переставить, но, къ сожалѣнію, за недостаткомъ времени—его всегда не хватаетъ русскимъ чиновникамъ—эта работа была отложена портовыми инженерами до осени. Дѣлать было нечего, приходилось какъ-нибудь мириться съ этимъ крупнымъ недостаткомъ, который, къ счастью, не былъ извѣстенъ почти никому, кромѣ меня.

Часовъ въ шесть броненосецъ облетѣла вѣсть о появленіи на горизонтѣ эскадры. Выбѣжавъ на мостикъ, я взялъ у одного изъ сигнальщиковъ подзорную трубу и посмотрѣлъ на горизонтъ: тамъ едва только можно было различить верхушки мачтъ нѣсколькихъ судовъ. Тотчасъ же я спустился въ одну изъ нижнихъ палубъ, гдѣ преимущественно были сосредоточены проводы отъ кингстоновъ и клапановъ, и гдѣ мнѣ удобнѣе всего было руководить трюмными машинистами. Всѣ они тамъ уже были въ сборѣ и ожидали распоряженій. Напомнивъ имъ наскоро тѣ мѣры, которыя слѣдуетъ принимать въ случаѣ нѣкоторыхъ возможныхъ во время боя поврежденій, я въ заключеніе сказалъ имъ, что обращаюсь теперь къ нимъ уже не какъ начальникъ, а какъ товарищъ, какъ членъ выбраннаго всей командой комитета, который поручилъ мнѣ, между прочимъ, и завѣдываніе трюмной частью броненосца, бывшей въ моемъ завѣдываніи и прежде, и прошу ихъ точно исполнять свои обязанности и мои распоряженія, не суетиться, ни въ какомъ случаѣ не теряться и не оставлять безъ приказанія своихъ постовъ. Послѣ этого, разбивъ ихъ на нѣсколько партій, я назначилъ на каждую изъ нихъ по одному старшему. Я разставилъ ихъ по своимъ мѣстамъ, распорядился поотпирать замки кингстоновъ и клапановъ и взялъ къ себѣ ключи, которые поотмѣчалъ, перевязавъ ихъ ленточками изъ марли, взятой въ лазаретѣ. Одного изъ унтеръ-офицеровъ я оставилъ себѣ въ помощь.

Устроивъ все по своей трюмной части, я пошелъ посмотрѣть въ боевой лазаретъ. Тамъ стоялъ, покрытый бѣлой простыней, операціонный столъ, вокругъ него на скамейкахъ были разстав-

лены банки съ различными медикаментами. Фельдшеръ Брингъ съ нѣсколькими санитарами торопливо скатывалъ бинты. Всѣ были блѣднѣе обыкновеннаго.

— А гдѣ же докторъ?—спросилъ я его.

— Онъ на „Вѣхѣ“.

— Какъ, онъ еще не возвратился?

— Да онъ вѣроятно и не возвратится сюда: онъ сказалъ, что онъ устроилъ тамъ лазаретъ на случай боя,—въ нѣкоторомъ смущеніи пояснилъ мнѣ фельдшеръ.

— Но, вѣдь, это безразсудство,—невольно вырвалось у меня.—Вѣдь въ случаѣ боя раненые будутъ на броненосцѣ, а не на „Вѣхѣ“,—какимъ же образомъ докторъ думаетъ подавать имъ помощь въ томъ лазаретѣ? „Вѣха“ можетъ служить госпиталемъ, куда мы могли бы раненыхъ свезти потомъ, а боевой лазаретъ долженъ быть здѣсь, такъ какъ здѣсь же должна будетъ подаваться раненымъ первая помощь.

Фельдшеръ сдвинулъ плечами.

— Онъ и всѣ почти средства забралъ туда,—сказалъ онъ.—Мнѣ едва удалось кое-что собрать и хоть какъ-нибудь устроить здѣсь боевой лазаретъ.

— Ну, этого такъ не должно быть,—возмутился я.—Жаль, что вы раньше объ этомъ не сказали мнѣ или кому-нибудь изъ комиссіи.

Я рѣшилъ во что бы то ни стало пригласить его пріѣхать на броненосецъ. Выбѣжавъ на палубу, я попросилъ, чтобы на „Вѣху“ отправили катеръ и передали доктору, что я отъ имени комиссіи прошу его сейчасъ же пріѣхать на „Потемкинъ“ и привезти съ собою все необходимое для боевого лазарета. Катеръ скоро возвратился назадъ и посланный сказалъ, что докторъ передалъ нѣкоторыя средства и перевязочные матеріалы, но самъ остался на „Вѣхѣ“. Было поздно уже что нибудь предпринимать по этому поводу, такъ какъ эскадра приближалась, и броненосецъ готовъ уже былъ идти ей на встрѣчу, поэтому я отправилъ привезенныя средства въ лазаретъ, а самъ спустился снова къ своимъ трюмнымъ машинистамъ. Всѣ по прежнему были на своихъ мѣстахъ...

Но вотъ откуда-то сверху глухо донеслись звуки рожковъ и барабановъ, ихъ подхватили гдѣ-то ближе, еще ближе, наконецъ на нашей палубѣ, и весь броненосецъ огласился своеобразными, въ своемъ родѣ красивыми звуками боевой тревоги.

Въ продолженіе моей службы во флотѣ, мнѣ такъ часто приходилось слышать ихъ во время ученій и, несмотря на это, они показались теперь далеко не обычными: что-то совершенно новое, дотолѣ неслыханное чуялось мнѣ въ нихъ. Казалось горнисты и барабанщики невольно вложили въ нихъ долю того воодушевленія и подъема воинственнаго духа, которыми въ этотъ моментъ была проникнута почти вся команда... Все встрепенулось, точно по всему броненосцу пробѣжалъ электрическій токъ. Забѣгали, засуетились: каждый спѣшилъ къ назначенному ему по

боевому росписанію мѣсту. Черезъ нѣсколько минутъ всѣ уже стояли на своихъ мѣстахъ, и среди наступившей тишины послышался шумъ машинъ, которымъ дали ходъ. Я рѣшилъ посмотрѣть, что дѣлается на верху и вышелъ на верхнюю палубу. „Потемкинъ“ летѣлъ полнымъ ходомъ впередъ, съ шумомъ разсѣкая голубыя волны. Справа мелькали берега, а впереди обрисовывалась уже довольно ясно эскадра. Въ подзорную трубу можно было различить, что въ составъ ея входятъ броненосцы: „Три Святителя“—съ флагами младшаго флагмана, контръ-адмирала Вышневецкаго, „Георгій-Побѣдоносецъ“ и „Двѣнадцать Апостоловъ“, минный крейсеръ и шесть контръ-миноносцевъ.

Вдругъ эскадра стала замедлять ходъ и, наконецъ, совсѣмъ остановилась. „Потемкинъ“ тоже замедлилъ ходъ; въ это время безпроволочнымъ телеграфомъ съ адмиральскаго корабля была принята телеграмма слѣдующаго содержанія: „Золотые черноморцы! Мы удручены вашимъ поступкомъ! Чего вы хотите, безумцы?“ Отъ насъ сейчасъ же было передано адмиралу тоже по безпроволочному телеграфу: „Если хотите знать, чего мы хотимъ, пріѣзжайте на „Потемкинъ“—мы гарантируемъ вамъ неприкосновенность“. Отвѣта не послѣдовало, и „Потемкинъ“ снова ринулся впередъ. Вѣроятно замѣтивъ этотъ маневръ, эскадра поворотила и полнымъ ходомъ стала уходить обратно въ море. У насъ рѣшено было не преслѣдовать ее, такъ какъ было основаніе опасаться минъ, которыя эскадра могла разбросать, и броненосецъ поворотилъ обратно къ Одессѣ. Стали снова на прежнее мѣсто, проиграли отбой, и команда стала выходить на палубу. Вѣсть о бѣгствѣ эскадры успѣла облетѣть уже весь броненосецъ, и среди матросовъ теперь царило необыкновенное оживленіе.

— А что струсили!—слышалось между командой.

— Видно не очень интересно попробовать потемкинскихъ ядеръ!

Вѣра матросовъ въ силу „Потемкина“ теперь возросла.

— Да, видно нашъ броненосецъ и вправду грозный, если его испугалась цѣлая эскадра,—говорили они.

Инцидентъ съ эскадрой всѣхъ развеселилъ, и за обѣдомъ, несмотря на то, что благодаря недостатку въ провизіи, онъ состоялъ почти изъ однихъ сухарей и воды, между матросами по этому поводу шли оживленные разговоры, пересыпаемые постоянными шутками и остротами...

* * *

Не успѣла команда окончить свой скудный обѣдъ, какъ сигнальщики сообщили, что эскадра снова появилась на горизонтѣ, причемъ къ ней прибавилось еще два броненосца. Я сейчасъ же похлопоталъ, чтобы снова послали на „Вѣху“ за докторомъ, который на этотъ разъ пріѣхалъ. Онъ, казалось, былъ чѣмъ-то недоволенъ.

Снова раздалась боевая тревога, команда разбѣжалась по своимъ мѣстамъ, а я направился опять внизъ.

Прибѣгая черезъ каютъ-компанію, я наткнулся на нѣсколькихъ матросовъ, которые несли на рукахъ прапорщика Алексѣева.

— Что съ нимъ?—спросилъ я.

— Ему дурно,—отвѣтилъ кто-то изъ матросовъ. Я послалъ одного изъ нихъ за фельдшеромъ, а самъ приблизился къ Алексѣеву, котораго, между тѣмъ, уложили на диванъ. На его загорѣломъ лицѣ по прежнему игралъ здоровый румянецъ, въ полуоткрытыхъ глазахъ, которымъ онъ тщетно старался придать томный видъ, отражалось обычное лукавое выраженіе. Дѣланно ослабѣвшимъ голосомъ онъ обратился ко мнѣ:

— Александръ Михайловичъ, дорогой, ради бога похлопочите, чтобы меня сейчасъ же свезли на берегъ.

Мнѣ показалось отвратительной эта комедія, и я, ничего не отвѣтивъ, отошелъ отъ него прочь.

— Побѣгите, пожалуйста, къ фельдшеру, — обратился я къ одному изъ принесшихъ Алексѣева матросовъ, — и скажите ему, чтобы онъ не безпокоился.

Матросъ побѣжалъ, а я спустился къ своимъ трюмнымъ машинистамъ.

Веселыя передъ этимъ лица матросовъ теперь приняли сосредоточенное серьезное выраженіе. Изъ того, что эскадра снова шла къ намъ, подкрѣпленная двумя новыми броненосцами, можно было заключить, что она идетъ съ серьезными намѣреніями. Тѣмъ не менѣе бодрое настроеніе царило по прежнему среди матросовъ. У всѣхъ почти видна была рѣшимость не останавливаться ни передъ чѣмъ вплоть до гибели вмѣстѣ со своимъ броненосцемъ. Только у нѣкоторыхъ, преимущественно изъ молодыхъ въ глазахъ отражался какой то животный страхъ смерти. Такихъ я старался по возможности утѣшить надеждой на побѣду или вообще на хорошій исходъ..

Но вотъ ударили боевую тревогу, машинамъ дали ходъ, и „Потемкинъ“ опять понесся на встрѣчу эскадрѣ.

Отъ времени до времени я выбѣгалъ на батарейную палубу, откуда черезъ щели пушечныхъ портовъ можно было видѣть море на далекое разстояніе. Каждая минута быстро сближала насъ съ эскадрой. Вотъ она уже настолько близко, что можно различать суда. Вновь присоединившіеся къ эскадрѣ броненосцы были „Ростиславъ“ и „Синопъ“. Всѣ суда шли по направленію къ намъ выстроившись въ двѣ колоны: впереди были броненосцы, и минный крейсеръ, позади контръ-миноносцы. „Потемкинъ“, сопровождаемый миноносцемъ, который держался все время у самаго борта, направлялся прямо въ середину первой колоны... Скоро можно было различить, что суда эскадры, какъ и „Потемкинъ“ шли по боевому: съ поваленными шлюнбалками, съ выставленными по бортамъ орудіями. Но когда эскадра сблизилась съ „Потемкинымъ“ саженей на сто, полтораста на „Георгіи Побѣдоносцѣ“, на „Двѣнадцати Апостоловъ“ и на „Синопѣ“ началось между матросами какое-то движеніе: они толпами выбѣгали изъ люковъ на верхъ, и скоро палубы этихъ броненосцевъ были усѣяны матросами. Но

вотъ мы уже сошлись съ эскадрой.. „Потемкинъ“ врѣзывается въ самую середину ея, такъ что броненосцы: „Синопъ“, „Георгій Побѣдоносецъ“, Двѣнадцать Апостоловъ“ и три контръ-миноносца проходятъ по правому борту его, а броненосцы „Ростиславъ“ и „Три Святителя“, минный крейсеръ „Казарскій“ и другіе три контръ-миноносца по лѣвому. „Потемкинъ“ медленно направляетъ свои орудія на проходящія суда... „Ростиславъ“ и „Три Святителя“ въ мрачномъ безмолвіи отвѣчаютъ ему тѣмъ же, а на палубахъ остальныхъ трехъ броненосцевъ въ явномъ смятеніи толпится команда... Вдругъ на верхней палубѣ „Потемкина“ раздается: „Да здравствуетъ свобода! Ура!!“ и въ отвѣтъ на это восклицаніе съ трехъ броненосцевъ, какъ громъ небесный, грянуло могучее дружное „Ура“.

Трудно описать тотъ эффектъ, который произвело это на нашемъ броненосцѣ. Въ экстазѣ и восторгѣ, казалось, всѣ потеряли разсудокъ. Забывъ, что орудія другихъ двухъ броненосцевъ направлены на насъ, многіе матросы оставили свои посты и съ криками „ура“ потокомъ ринулись къ выходному люку, устремляясь на верхнюю палубу. Я бросился къ трапу и, широко разставивъ руки, загородилъ дорогу.

Толпа напирала и готова была вынести меня вмѣстѣ съ собою наверхъ. Напрягая изо всѣхъ силъ голосъ, я крикнулъ:

— Товарищи! Остановитесь!..

Ближайшіе ко мнѣ подались назадъ и задержали толпу.

— Отвѣтить на привѣтствіе, которое несется къ намъ съ трехъ броненосцевъ, мы еще успѣемъ, продолжалъ я. А пока орудія хоть одного изъ судовъ направлены на насъ, мы должны быть готовы отвѣчать на выстрѣлы.

Затѣмъ еще повысивъ голосъ, я скомандовалъ:

— Комендоры по своимъ орудіямъ, всѣ по своимъ мѣстамъ живѣй разойтись!

Толпа разбѣжалась и черезъ мгновеніе всѣ снова были на своихъ мѣстахъ.

Но „ура“ не смолкало и перекатывалось съ палубы на палубу, пока суда не отошли на значительное разстояніе.

Черезъ нѣсколько минутъ эскадра стала около Одессы, а мы очутились въ морѣ. На адмиральскомъ суднѣ подняли „Потемкину“ сигналъ: „эскадра становится на якорь“. Отъ насъ отвѣчали: „офицерамъ оставить суда и съѣхать на берегъ“. Отвѣта не послѣдовало. Тогда нашъ броненосецъ поворотилъ кругомъ и направился обратно къ городу. Замѣтивъ этотъ маневръ, эскадра стала отходить въ море. „Потемкинъ“ снова направляется въ середину ея; сходимся, и снова мы проходимъ сквозь строй между броненосцами „Синопъ“ и „Ростиславъ“. Съ трехъ броненосцевъ опять гремитъ „ура“, „Три Святителя“ и „Ростиславъ“ по прежнему идутъ въ полномъ боевомъ порядкѣ.

Расходимся, и эскадра уходитъ по направленію къ горизонту. Теперь команда у насъ оставалась все время на своихъ мѣстахъ, но всѣ, кто только имѣлъ возможность видѣть эскадру,

не спускали съ нея глазъ. Когда она была уже отъ насъ на значительномъ разстояніи, „Георгій Побѣдоносецъ“ вдругъ сталъ отъ нее отставать и наконецъ остановился. Эскадра полнымъ ходомъ стала уходить въ море и скрылась уже за горизонтомъ. Между тѣмъ съ „Георгія Побѣдоносца“ посредствомъ семафора [1]) стали просить отъ имени команды прислать съ „Потемкина“ депутацію, которая бы объяснила въ чемъ дѣло. Сейчасъ же отъ насъ была снаряжена часть караула, которая вмѣстѣ съ Матющенкомъ и Кирилломъ отправилась на миноносцѣ туда. Вотъ какъ описывали эту сцену, которая разыгралась тамъ по прибытіи нашей депутаціи, ѣздившіе туда товарищи: „Какъ только мы взошли на палубу „Георгія Побѣдоносца“ насъ окружила густая толпа матросовъ, которые на перерывъ другъ передъ другомъ разспрашивали насъ о случившемся на „Потемкинѣ“. Матющенко обратился къ нимъ съ рѣчью. Разсказавъ по порядку обо всемъ, что произошло у насъ 14-го іюня, онъ заявилъ, что „Потемкинъ“ является теперь первымъ народнымъ кораблемъ, который рѣшилъ стать на сторону вступившаго уже въ борьбу съ правительствомъ народа, и просилъ команду „Георгія Побѣдоносца“ присоединиться вмѣстѣ со своимъ броненосцемъ къ Потемкинцамъ. Въ отвѣтъ на его рѣчь прогремѣло „ура“. Тогда Кириллъ обратился къ офицерамъ, которые всѣ во главѣ съ командиромъ, капитаномъ 1-го ранга Гузевичемъ, столпились на мостикѣ. Онъ сказалъ имъ, что съ этого момента „Георгій Побѣдоносецъ“ переходитъ въ руки народа, что имъ, какъ слугамъ стараго порядка, больше нечего на немъ дѣлать, и потому они сейчасъ же будутъ свезены съ броненосца. Послѣ этого былъ вызванъ караулъ, и ему было приказано арестовать офицеровъ, съ которыхъ тутъже потребовали отдать оружіе.

Вдругъ раздался выстрѣлъ, и тѣло одного изъ офицеровъ полетѣло съ мостика за бортъ. Это былъ лейтенантъ Григорковъ, который выстрѣломъ изъ револьвера покончилъ съ собой. Остальные покорились своей участи и были арестованы; ихъ тотчасъ же посадили на баркасъ и съ вооруженнымъ конвоемъ отправили къ борту „Потемкина“. Всѣ кондукторы, какъ и у насъ были оставлены, причемъ одинъ изъ нихъ—старшій боцманъ былъ выбранъ командой командиромъ.

Я стоялъ на палубѣ, когда георгіевскихъ офицеровъ подвезли къ нашему борту. Блѣдные и растерянные сидѣли они, окруженные вооруженными матросами. Позади около рулевого сидѣлъ Матющенко съ револьверомъ въ рукѣ. Пока приготовлялись взять баркасъ на буксиръ къ миноносцу, нѣкоторые изъ офицеровъ замѣтили меня. Они съ явнымъ изумленіемъ указывали глазами другъ другу на меня въ то время, какъ я совѣтовался съ нѣкоторыми изъ товарищей относительно того, въ какое мѣсто удобнѣе ихъ свезти. Наконецъ баркасъ былъ взятъ мино-

---

[1]) Особаго рода сигнализація посредствомъ флаговъ или фонарей, при помощи которой можно переговариваться на большомъ разстояніи.

носцемъ на буксиръ. Я подошелъ къ самому борту и нѣсколько мгновеній съ невольнымъ любопытствомъ разсматривалъ этихъ плѣнниковъ. Между ними было нѣсколько человѣкъ, съ которыми я былъ хорошо знакомъ. Но теперь мы были другъ другу совершенно чужды, и смотрѣли такъ, какъ будто бы мы увидѣли другъ друга въ первый разъ... Миноносецъ тронулся и, увлекая за собою баркасъ, быстро помчался по направленію къ берегу.

Послѣ этого „Потемкинъ“ пошелъ на свое прежнее мѣсто, гдѣ и сталъ на якорь. „Георгію Побѣдоносцу“ былъ данъ сигналъ подойти къ намъ и также стать на якорь. Онъ сейчасъ же направился къ намъ. Когда онъ проходилъ мимо „Потемкина“ съ него по всѣмъ военнымъ правиламъ отдали честь старшему товарищу: на палубѣ по бортамъ была выстроена во фронтъ команда, на мостикѣ и у трапов, вытянувшись въ струнку и держа руку подъ козырекъ стояли кондукторы, рожокъ игралъ привѣтственный сигналъ. Отъ насъ отвѣтили такимъ же сигналомъ, а я, стоя на палубѣ, съ своей стороны съ удовольствіемъ отдалъ честь новому союзнику...

Загремѣла якорная цѣпь, и „Георгій Побѣдоносецъ“ сталъ немного позади насъ.

Ликованію среди нашей команды не было предѣловъ! Еще-бы! Вѣдь теперь у насъ была уже до нѣкоторой степени революціонная эскадра: два броненосца, миноносецъ и госпитальное судно. Съ этой силой уже можно было дѣйствовать какъ угодно рѣшительно.

Коваленко.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Изъ недалекаго прошлаго.

I.

Конфиденціально.
Циркулярно.

МИНИСТЕРСТВО
ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНІЕ
ПО
ДѢЛАМЪ ПЕЧАТИ.

26 Марта 1901 г.

№ 2519.

Господину
Губернатору.

Послѣ обнародованія посланія Святѣйшаго Синода о Графѣ Л. Н. Толстомъ газеты стали усиленно печатать телеграммы и извѣстія, выражающія сочувствіе этому писателю.

Въ виду того, что выраженіе въ печати сочувствія Графу Толстому при настоящихъ условіяхъ пріобрѣтаетъ характеръ какъ бы протеста противъ посланія Святѣйшаго Синода, Главное Управленіе по дѣламъ печати, по приказанію Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, имѣетъ честь покорнѣйше просить Ваше Превосходительство сдѣлать зависящее распоряженіе о томъ, чтобы подобнаго рода телеграммы и извѣстія не были дозволяемы къ печати въ повременныхъ изданіяхъ.

Подписалъ: За Начальника
Главнаго Управленія по
дѣламъ печати, Членъ
Совѣта *В. Адикаевскій.*

Скрѣпилъ: За Правителя
Дѣлъ *А. Садовскій.*

Вѣрно: За Помощника
Правителя Дѣлъ *Исаевъ.*

II.

МИНИСТЕРСТВО
ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНІЕ
ПО
ДѢЛАМЪ ПЕЧАТИ.

26 Февраля 1902 г.

№ 1826.

Конфиденціально.
Циркулярно.

Господину
Губернатору.

Въ Москвѣ 19-го сего Февраля въ Кремлѣ происходило у памятника Императора Александра II торжественное молитвословіе, на коемъ присутствовали рабочіе нѣкоторыхъ фабрикъ. Этому совершенно мѣстному торжеству, обусловленному именно тѣмъ, что въ Московскомъ Кремлѣ сооруженъ памятникъ почившему Монарху, нѣкоторые органы печати пытаются придать характеръ знаменательнаго событія, имѣющаго очень значительную общественную цѣнность, служащаго выраженіемъ пробуждающагося общественнаго сознанія въ трудящихся массахъ и какъ бы указывающаго на оффиціальное признаніе существованія у насъ особеннаго класса рабочихъ. Такое объясненіе упомянутаго событія, представляясь по существу невѣрнымъ и крайне тенденціознымъ, отнюдь не должно быть допускаемо въ подцензурной печати. Не слѣдуетъ дозволять обобщенія этого отдѣльнаго факта и сообщенія ему характера всероссійскаго событія.

Объ изложенномъ, по приказанію Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, Главное Управленіе по дѣламъ печати имѣетъ честь сообщить Вашему Превосходительству для зависящаго распоряженія по мѣстной цензурѣ.

Подписалъ: Начальникъ
Главнаго Управленія по
дѣламъ печати *Князь Шаховской.*

Скрѣпилъ: За Правителя
Дѣлъ *А. Садовскій.*

Вѣрно: За Помощника
Правителя Дѣлъ *Исаевъ.*

Князь Петръ Владиміровичъ Долгоруковъ въ Россіи.

(По неизданнымъ матеріаламъ).

Князь Петръ Владиміровичъ Долгоруковъ, авторъ генеалогическихъ и историческихъ трудовъ, потомъ своеобразный эмигрантъ—фигура мало извѣстная въ литературѣ. Между тѣмъ біографія его представляетъ несомнѣнный интересъ не только сама по себѣ, но и какъ страничка нашей родной лѣтописи за два царствованія: Николая I и его сына.

Въ моемъ распоряженіи находятся копіи нѣсколькихъ дѣлъ, хранящихся въ архивѣ бывшаго III Отдѣленія собственной его величества канцеляріи. и еще кое-какіе документы, никогда нигдѣ неопубликованные. Въ первомъ очеркѣ я познакомлю читателя съ періодомъ жизни Долгорукова въ Россіи до эмигрированія въ Европу въ 1859 г., во второмъ—отъ эмиграціи до смерти въ 1868 г. Разумѣется, полная біографія князя не входитъ въ мою задачу, и потому многое, не имѣющее интереса для широкой публики, я опускаю.

I.

Долгоруковъ (сынъ Владиміра Долгорукова, обыкновеннаго военнаго, и Варвары Ивановны Пашковой) родился въ 1816 году и такимъ образомъ былъ на четыре года моложе Герцена. 11-ти лѣтъ его отдали въ пажескій корпусъ. Окончивъ его, князь предпочелъ свободу военной службѣ николаевскаго режима и безъ хлопотъ получилъ на это право. Онъ сталъ усиленно заниматься русской исторіей, чему не мало помогали широкія связи и знакомства, съ одной стороны, большія средства—съ другой.

Въ 1841 г. Долгоруковъ поѣхалъ за границу для продолженія своихъ научныхъ занятій.

Въ первыхъ числахъ февраля 1843 г. главноуправляющій III отдѣленіемъ, Бенкендорфъ, получилъ донесеніе отъ Якова Толстого, жившаго въ Парижѣ въ качествѣ неоффиціальнаго наблюдателя за достодолжной высотой престижа николаевскаго правительства, чутко относившагося къ общественному мнѣнію Европы вообще и въ частности Франціи. Офиціально онъ числился состоящимъ при

министерствѣ народнаго просвѣщенія и писалъ на своихъ визитныхъ карточкахъ: «Correspondant du ministre de l'instruction publique». Фактически же состоялъ въ распоряженіи шефа жандармовъ. Тѣмъ, кто зналъ о его настоящемъ начальствѣ, Толстой говорилъ, что получилъ право не сообщать III Отдѣленію ничего о частныхъ дѣлахъ отдѣльныхъ лицъ, но это ложь: преспокойно сообщалъ и вообще всѣми силами старался загладить свою прикосновенность къ 14-му декабря. Не могу не замѣтить, что первой услугой Николаю со стороны Толстого была брошюра въ пользу кн. Паскевича, выпущенная въ Парижѣ послѣ перваго польскаго возстанія... Итакъ, Толстой спѣшилъ сообщить о только что вышедшей въ Парижѣ книгѣ графа Альмагро—«Notice sur les principales familles de la Russie», подъ которымъ скрывался кн. П. В. Долгоруковъ.

„Эта брошюра произвела непріятное впечатлѣніе на тѣхъ немногихъ лицъ, которыхъ можетъ интересовать такой сюжетъ. Все же я—писалъ оберъ-наблюдатель шефу жандармовъ—счелъ долгомъ обратить вниманіе Вашего Сіятельства на ея появленіе, а также на ея неприличіе, съ которымъ авторъ открываетъ факты, кои ему, какъ доброму русскому, слѣдовало бы пройти забвеніемъ или же, по нѣсколько тривіальному выраженію Наполеона, мыть грязное бѣлье у себя дома. Всѣ были поражены непочтительностью его отзывовъ о лицахъ высокопоставленныхъ, которыя своими давнишними и крупными заслугами вполнѣ заслужили признательность своего государя и своей родины. Среди многочисленныхъ статей этого памфлета, который читаешь съ глубокимъ отвращеніемъ, одна въ особенности возбуждаетъ общее негодованіе, это статья о родѣ Паленъ. Всѣ справедливо возмущаются эпитетомъ „злодѣй“ (scélérat) который употребляетъ авторъ, говоря объ отцѣ того Палена который въ данный моментъ представляетъ здѣсь священную особу государя императора. Эта брошюра, грѣшащая еще и неточностью въ изложеніи фактовъ, весьма некстати изображаетъ русское дворянство въ самыхъ гнусныхъ краскахъ, какъ гнѣздо крамольниковъ и убійцъ. Ваше Сіятельство замѣтите въ предисловіи [1]) объявленіе объ исторіи Россіи отъ вступленія на престолъ дома Романовыхъ до нашихъ дней. Это произведеніе проникнуто духомъ удивительнаго безстыдства и распущенности. Авторъ имѣлъ нескромность говоритъ нѣсколькимъ весьма почтеннымъ лицамъ, между прочимъ, графу Моле, что онъ будетъ просить у русскаго правительства мѣста, соотвѣтствующаго его уму и дарованіямъ, а не такъ, какъ ихъ раздаютъ въ Россіи, смотря по чину, какой имѣешь. Онъ мечтаетъ ни болѣе, ни менѣе, какъ быть министромъ. Онъ еще прибавилъ, что если императоръ, къ которому онъ хочетъ обратиться непосредственно съ письмомъ, дастъ ему подходящее мѣсто, достойное его *высокихъ способностей*, то онъ передѣлаетъ свое произведеніе и вычеркнетъ изъ него все враждебное нашему правительству. Въ противномъ же случаѣ издастъ его, какъ оно есть.

„Долгоруковъ думаетъ, что его книга можетъ служить пугаломъ, съ помощью котораго онъ добьется всего, что только взбредетъ ему на умъ. На замѣчаніе, что правительство, по всей вѣроятности, предложитъ ему вернуться въ Россію, онъ отвѣтилъ, что откажется выполнить такой приказъ, подъ

---

[1]) Экземпляръ книжки былъ приложенъ.

предлогомъ болѣзни, и останется здѣсь еще четыре года, а тамъ, говоритъ, меня оцѣнятъ, и я смогу вернуться на родину ничего не опасаясь.

„Опубликованіе этого памфлета кажется мнѣ настолько противнымъ интересамъ моего правительства, что я не колеблясь рѣшилъ обратить на него вниманіе Вашего Сіятельства. Столько уже французовъ рвутъ на части Россію и клевещутъ на нее, что если еще и русскіе, въ свою очередь и съ большими шансами на правдивость, начнутъ изрыгать на свою родину хулы и клеветы, слишкомъ ужъ трудна будетъ задача для насъ, ее защищающихъ. И мнѣ кажется, что подобное вѣроломство не можетъ быть терпимо. Князь Долгоруковъ одинъ изъ тѣхъ молодыхъ людей, пылкаго и сумбурнаго характера, которымъ слѣдовало бы какъ можно рѣже уѣзжать изъ своей страны, гдѣ, по крайней мѣрѣ, за ними можетъ быть надзоръ, тогда какъ здѣсь онъ своей безтактностью уже закрылъ себѣ двери нѣсколькихъ домовъ и рискуетъ скомпрометировать себя и быть публично поднятымъ на смѣхъ печатью. Мнѣ очень прискорбно рѣшиться на такой шагъ, но я выше всего ставлю вѣрноподданническій долгъ, который и стараюсь выполнять въ полной мѣрѣ“. [1])

Бенкендорфъ взволновался и немедленно доложилъ обо всемъ Николаю. При дворѣ знали истинную цѣну книги Долгорукова, очень правдиво излагавшей грязную исторію нашихъ князей. Даже такой осторожный и политичный человѣкъ, какимъ былъ баронъ М. А. Корфъ, и тотъ находилъ, что «Долгоруковъ, представивъ съ своей точки зрѣнія образъ избранія на русскій престолъ дома Романовыхъ, откровенно разсказалъ происхожденіе и домашнія тайны нѣкоторыхъ высшихъ нашихъ фамилій».... [2]) Николай приказалъ поручить повѣренному въ Парижѣ, призвавъ въ посольство Долгорукова, объявить ему, чтобы немедленно выѣхалъ въ Россію, и при томъ въ Петербургъ, въ противномъ случаѣ—поступить съ нимъ по всей строгости законовъ.

Посланникъ Н. Д. Киселевъ исполнилъ волю царя и получилъ отъ Долгорукаго отвѣтъ, что какъ только онъ получитъ еще нѣсколько врачебныхъ совѣтовъ и исправитъ свою карету, такъ немедленно исполнитъ высочайшее повелѣніе, что вѣроятно и произойдетъ 31 марта. Какъ только министръ иностранныхъ дѣлъ увѣдомилъ объ этомъ Бенкендорфа, послѣдній сдѣлалъ распоряженіе о командированіи въ Таурогенъ, на границу, фельдъегеря, которому дано было предписаніе арестовать Долгорукова и доставить со всѣми бумагами и книгами прямо въ III Отдѣленіе.

21 марта Долгоруковъ выѣхалъ уже изъ Парижа. На другой же день Киселевъ писалъ министру иностранныхъ дѣлъ (по-французски):

„Съ удовольствіемъ увѣдомляю Ваше Сіятельство, что я, наконецъ, избавился отъ присутствія князя Долгорукова, который вчера выѣхалъ изъ Парижа черезъ Берлинъ въ Петербургъ. Я тѣмъ болѣе доволенъ исчезновеніемъ этой жалкой личности, что его вранье и плутни съ журналистами уже обра-

---

[1]) Дѣло архива III Отдѣленія 1 экспедиціи 1843 г. № 50. Это письмо въ оригиналѣ по-французски. За переводъ бумагъ приношу свою искреннюю благодарность З. Н. Журавской и В. А. Ляцкой.

[2]) „Рус. Старина“, 1899 г. XI, 294.

тили на себя вниманіе властей и, благодаря ему, у меня чуть было не вышли серьезныя непріятности съ правительствомъ. Къ счастью, мнѣ удалось предупредить ихъ, но тѣмъ не менѣе считаю долгомъ предупредить Васъ, что изъ за поведенія этого компрометирующаго насъ господина у меня были объясненія съ Гизо.

„Вечеромъ въ прошлый четвергъ, 18 (30) марта, когда я имѣлъ честь послать Вамъ письмо о графѣ Альмагро-Долгоруковѣ, встрѣчаюсь случайно съ Гизо, который просилъ меня удѣлить ему нѣсколько минутъ. И вотъ онъ мнѣ говоритъ, что здѣсь существуетъ нѣкій Долгоруковъ, поведеніе котораго по меньшей мѣрѣ необычайно, что на его личныя интриги не обращали вниманія, но что его нескромности и даже клеветы могутъ создать серьезное дѣло. Подтвердивъ все уже извѣстное вамъ о визитѣ Долгорукова къ г. Арману Бертэну, о его разговорѣ съ этимъ журналистомъ и настоятельныхъ просьбахъ напечатать въ „Les Dèbats“ принесенную имъ статью, Гизо сообщилъ мнѣ, что на другой же день послѣ появленія этой статьи, Долгоруковъ сталъ распространять слухи, что къ этой статьѣ причастно министерство и даже болѣе *высокопоставленныя лица*. Но живущіе въ Парижѣ, утромъ получили сообщеніе о статьѣ, напечатанной третьяго дня въ Les Dèbats, при чемъ намекалось, что она писана съ вѣдома и согласія французскаго правительства. Сообщая мнѣ объ этомъ, Гизо сказалъ, что если въ лондонскихъ газетахъ упоминаемая статья появиться съ такой инсинуаціей, которая можетъ исходить только отъ самого Долгорукова, то французское правительство вынуждено будетъ опровергнуть клевету и выслать автора [1]).

„Послѣ всѣхъ уже имѣвшихся у меня доказательствъ двуличія и интригантства Долгорукова слова Гизо не могли меня удивить, но прежде всего я просилъ его не придавать никакого значенія словамъ этой жалкой личности, которая въ своемъ необычайномъ тщеславіи стремится только къ одному: чтобы о ней думали и ею занимались. Я просилъ не доставлять ему удовольствія думать, что онъ можетъ доставить заботы французскому правительству, и быть увѣреннымъ, что уже къ концу недѣли этой жалкой личности не будетъ въ Парижѣ. Гизо очень любезно согласился исполнить мою просьбу и предоставить мнѣ хлопоты по удаленію отсюда этого сквернаго интриганишки, не обращая болѣе вниманія на его выдумки и каверзы.

„На другой день послѣ этого разговора я потребовалъ, чтобъ Долгоруковъ ускорилъ свой отъѣздъ и выѣхалъ изъ Парижа не въ будущую среду, какъ онъ обѣщалъ мнѣ въ письмѣ, а самое позднее въ воскресенье, т. е. вчера, такъ какъ иначе онъ рискнетъ быть высланнымъ изъ Франціи, чему я никоимъ образомъ не буду противиться, несмотря на все мое нежеланіе видѣть кн. Долгорукова изгнаннымъ изъ Франціи, какъ былъ изгнанъ не такъ давно князь Лихновскій, рѣчи и поведеніе котораго были менѣе неприличны, чѣмъ его въ послѣдніе дни. Мои, хотя и не прямыя внушенія, такъ какъ я не хотѣлъ показать, что придаю ему значеніе, произвели желаемое дѣйствіе, и со вчерашняго дня Парижъ очищенъ отъ этого интриганишки.

„Я тѣмъ болѣе доволенъ, что избавился такимъ образомъ отъ единственнаго соотечественника, поведеніе котораго подавало поводъ къ нареканіямъ, такъ какъ, долженъ сказать къ чести всей русской колоніи, проводившей эту зиму въ Парижѣ, что до сихъ поръ всѣ въ одинъ голосъ признавали ея

[1]) Къ сожалѣнію, неизвѣстно, о какой статьѣ идетъ рѣчь.

полную корректность во всѣхъ поступкахъ и даже изящество ея манеръ, обращающее на нее вниманіе во всѣхъ салонахъ здѣшней столицы. Считаю долгомъ засвидѣтельствовать это, и единственное исключеніе теперь исчезло съ парижскаго горизонта, чему я и мои здѣшніе соотечественники очень рады Надѣюсь, что теперь, когда этотъ „*крученый*“ (tortillard), какъ его здѣсь прозвали, исчезъ, мнѣ уже не придется больше хлопотать о томъ, чтобы усовѣщевать его, и что я въ послѣдній разъ надоѣдаю Вамъ его каверзами“.

По пути изъ Берлина Долгоруковъ написалъ Николаю I пространное письмо, датированное 10 апрѣля, въ страстную субботу. Вотъ оно:

„Всемилостивѣйшій Государь,

„Во исполненіе даннаго мнѣ повелѣнія, я съ первымъ пароходомъ отправляюсь изъ Любека въ Петербургъ [1]).

„При отъѣздѣ моемъ изъ Парижа многіе говорили мнѣ: „не возвращайтесь въ Россію; вы тамъ нажили себѣ врагонъ сильныхъ, дѣятельныхъ, они васъ оклевещутъ и отравятъ всю будущность вашу“. Я отвѣчалъ подателямъ совѣтовъ: „вы не знаете Россіи, и еще менѣе знаете Царя нашего. Сколь бы ни сильны и ни дѣятельны были враги мои, ни одинъ изъ нихъ не можетъ имѣть такого вліянія: судьба моя и судьба каждаго русскаго зависитъ единственно отъ Царя и только отъ Него; никто и никогда не имѣлъ и не будетъ имѣть ни малѣйшей тѣни вліянія на волю Царскую. Государь нашъ промысломъ Божіимъ и геніемъ своимъ поставленъ на высотѣ неизмѣримой, недоступной нашимъ мелкимъ страстямъ, нашимъ мелкимъ враждамъ, и всѣ эти постыдныя чувства издыхаютъ у подножія его престола. Люди, въ коихъ книжка графа Альмагро разбранила родовыя притязанія или самолюбіе личное, упрекаютъ меня: 1. что я писалъ истину безъ всякой пощады, 2. былъ пристрастнымъ, 3. упоминаю о порокахъ Петра I, 4. о слабостяхъ Екатерины II, 5. называю поименно всѣхъ цареубійцъ и 6. назвалъ Францію „страною гостепріимною“.

„Слова: „pays hospitalier de France“ были учтивою платою за всѣ учтивости, за радушіе, оказанное мнѣ лицами, высоко стоящими во мнѣніи общемъ и по своему свѣтскому значенію и по своимъ умственнымъ достоинствамъ. Лица эти (нѣкоторыми изъ нихъ справедливо можетъ гордиться Франція) осыпали меня, 26 лѣтняго молодого человѣка, ласками, тѣмъ болѣе для меня лестными, что ласки эти мнѣ были изъявляемы руководителями общаго мнѣнія. Не взирая на мои лѣта, они въ сношеніяхъ своихъ со мною возвышали меня до себя и при отъѣздѣ нѣкоторые взяли съ меня слово вести съ ними переписку.

„О безпристрастіи моемъ существуетъ печатное доказательство: это жизнеописаніе одного изъ злѣйшихъ враговъ дома моего, но одного изъ величайшихъ государственныхъ мужей Россіи—графа Андрея Остермана „Русская Бесѣда“ 1841 г., томъ II).

„Писалъ я истину безъ всякой пощады потому, что истина—лучшая хвала, а похвалы безразборчивыя хуже всякаго пасквиля. Пасквиль пятнаетъ только своего сочинителя; похвалы безразборчивыя унижаютъ предметы

[1]) Узнавъ объ этомъ, Бенкендорфъ немедленно распорядился о возвращеніи фельдъегеря изъ Таурогена.

священные. Писатель, который бы сталъ превозносить царствованіе императрицы Анны, могъ ли бы воздать должную справедливость Вашему Императорскому Величеству?.. Могъ ли бы онъ отзываться въ одинаковыхъ выраженіяхъ о двухъ царствованіяхъ совершенно и во всемъ противоположныхъ?.. Не преступленіемъ ли было бы со стороны историка потакать притязаніямъ фамилій, притязаніямъ часто нелѣпымъ до невѣроятности или покрывать завѣсою равнодушнаго забвенія гнусныя воспоминанія лихоимства и грабежа?.. Нѣтъ! Истина историческая — лучшее возмездіе доблестямъ прошедшимъ. лучшая хвала настоящему и самое грозное страшилище порокамъ грядущимъ Что бы стало съ родомъ человѣческимъ и съ добродѣтелью, если бы не существовало этихъ двухъ хранительныхъ мыслей: о лучшемъ мірѣ и приговорѣ потомства?..

„Говорилъ я о порокахъ Петра I потому, что отдавая полную справедливость генію Петра, я не могу, на ряду съ исполинскими подвигами его, не видѣть и его исполинскихъ ошибокъ, главнѣйшая изъ коихъ исправлена была двумя изъ преемниковъ его, Екатериною Великою и Вашимъ Императорскимъ Величествомъ. Петръ, въ безграничномъ пристрастіи своемъ ко всему иноземному (выражавшемуся даже въ подписи его: Piter), попралъ духъ русскій и сдвинулъ насъ съ пути русскаго направленія. Великая слава возвращенія насъ на этотъ путь принадлежитъ Екатеринѣ и Вамъ, Государь! На счетъ пороковъ Петровыхъ и неимовѣрной жестокости его, мнѣ, можетъ статься. возразятъ, что эти пороки, эта жестокость принадлежали къ его вѣку, къ нравамъ современнымъ. Нѣтъ! Отецъ и дѣдъ его, Цари Алексѣй и Михаилъ. отличались кротостью и добродѣтелями своими. Велики заслуги Петра передъ Россіею, но не онъ первый предпріялъ образовать отечество наше: краеугольный камень тому положенъ былъ царемъ Алексѣемъ, Государемъ, доселѣ не вполнѣ оцѣненнымъ исторіей: Алексѣй, государь мудрый и великій, возвратилъ Россіи Смоленскъ, Черниговъ, Кіевъ, Малороссію, устраивалъ регулярныя войска, *пытался устроить флотъ*, попралъ внутренніе мятежи; сѣялъ просвѣщеніе, подобно Вамъ, въ духѣ Русскомъ, а не иноземномъ, и, подобно Вамъ, былъ законодателемъ свой страны. Отдавая полную справедливость генію и подвигамъ Петра, исторія, безпристрастная, нелицемѣрная скажетъ со временемъ, что двухвѣковая эпоха образованія Россіи началась при Алексѣѣ, а совершилась при Николаѣ!

„Говорилъ я о слабостяхъ, болѣзненныхъ и неизбѣжныхъ, нашей Великой Екатерины для собственной славы сей мудрой государыни, или—правильнѣе сказать—сего мудраго государя! Слабости ея извѣстны были всей Европѣ, но мнѣ судьба предоставила завидное счастіе сказать о нихъ первое слово истины и чрезъ то оправдать эту необыкновенную жену, благодѣтельницу отечества нашего.

„Но высшею заслугою моею передъ доблестнымъ дворянствомъ, къ первому слою коего имѣю честь принадлежать по своему рожденію—было оклейменіе памяти цареубійцъ!.. Было въ Россіи время (грустно и больно русскому вспоминать о томъ времени), когда цареубійство было въ нравахъ и обычаяхъ русскихъ и престолъ Всероссійскій (по словамъ знаменитаго графа Николая Ивановича Панина), престолъ Всероссійскій былъ добычею каждаго ночного мятежа и кровопролитія. Постыдное время это минуло—и минуло невозвратно! Долгъ нашъ, долгъ новыхъ поколѣній—клеймить память цареубійцъ, въ неопровержимое доказательство, что преступленія, иногда по самой

безмѣрности своей избѣгающія кары правосудія человѣческаго, не избѣгнутъ заслуженной мзды на скрижаляхъ исторіи!..

„Какъ!.. Фамиліи, члены коихъ обагряли руки свои въ священной крови предковъ Вашихъ, хотятъ, чтобы я воздавалъ ѳиміамъ дѣламъ позорнымъ или покрывалъ минувшія злодѣянія завѣсою преступнаго забвенія?.. Нѣтъ! Не такова обязанность исторіи. Призваніе историка священно. Безпристрастный судія вѣкамъ прошедшимъ, онъ вызываетъ предъ судилище свое людей и событія, увѣнчиваетъ добродѣтель, караетъ порокъ!

„Всемилостивѣйшій Государь! Вѣрное описаніе всѣхъ ужасовъ нашего прежняго быта политическаго и общественнаго, ужасовъ еще отъ насъ не отдаленныхъ, но уже столь чуждыхъ нынѣшнимъ нравамъ и понятіямъ нашимъ, такое описаніе едва ли не послужитъ самою лучшею, самою краснорѣчивою похвалою необыкновенной быстротѣ успѣховъ нашихъ на стезѣ образованности, неимовѣрной быстротѣ нашего развитія умственнаго и нравственнаго, развитія, коимъ мы болѣе всего обязаны двумъ государямъ: Великой Екатеринѣ и Вашему Императорскому Величеству.

„Обращаясь же собственно къ винѣ моей, отъ законодательнаго генія Вашего Императорскаго Величества не укроется огромное различіе между изданіемъ книги на русскомъ языкѣ или подъ именемъ русскаго, и напечатаніемъ на языкѣ иностранномъ, подъ именемъ иностраннымъ. Сознаваясь въ своей винѣ, могу сказать, что изданіе этой книжки было величайшею заслугою, когда либо оказанною русскимъ писателемъ русскому дворянству. Старецъ Шатобріанъ—эта живая хоругвь чести и великодушія, сказалъ мнѣ: „Князь! Дворянству русскому слѣдовало бы соорудить вамъ памятникъ; до васъ никто изъ насъ ничего и не зналъ объ этомъ дворянствѣ!“ На первый мигъ заслуга моя не была оцѣнена и неудивительно! При появленіи книжки закипѣла (и кипитъ еще!) ярость претензій родовыхъ и самолюбій личныхъ. Ярость эта заглушаетъ *на время* то чувство глубокой признательности, какою *навсегда* обязано мнѣ Россійское дворянство.

„Всемилостивѣйшій Государь! Письмо это написано мною съ глубокимъ благоговѣніемъ и съ полною откровенностью, какъ подобаетъ дворянину, русскому князю и человѣку, имѣющему, не взирая на молодость свою, сознаніе умственныхъ способностей, дарованныхъ ему Богомъ, и—можетъ быть—не совсѣмъ обыкновенныхъ. Враговъ своихъ я не страшусь: личная злоба ихъ пребудетъ безсильною и жужжаніе ихъ не достигнетъ до престола, съ высоты коего Ваше Императорское Величество изливаете на подданныхъ своихъ тѣ рѣки милостей и благодѣяній, коими ознаменовано будетъ въ исторіи русской великое и славное царствованіе Ваше! Предавая себя милосердію и великодушію Вашего Императорскаго Величества, съ глубочайшимъ благоговѣніемъ имѣю счастіе пребыть

Вашего Императорскаго Величества
вѣрноподданнымъ

князь Петръ князь Владиміровъ сынъ

Долгоруковъ“.

На конвертѣ было написано: „Его Императорскому Величеству. Всеподданнѣйшее письмо это, по совершенно особенному содержанію своему, назначено *прямо* въ Высочайшія руки. Отъ князя Петра Долгорукова“.

Письмо, безъ сомнѣнія, лакейское и неискреннее. Кто-кто, а занимавшійся собираніемъ историческихъ матеріаловъ и слышавшій обо всемъ, творившемся при дворцѣ, Долгоруковъ, по натурѣ своей честный и гордый, не могъ одобрять политику, достаточно рѣзко бьющую въ глаза въ продолженіе восемнадцати лѣтъ правленія Николая... Зачѣмъ же понадобилось писать все это? Дѣйствительно, приходится повѣрить словамъ Киселева: честолюбивый Петръ Владиміровичъ ждалъ дорогой платы за свои знанія тайнъ Зимняго дворца. Ему хотѣлось власти, виднаго служебнаго положенія, которое онъ, нѣтъ сомнѣнія, постарался бы использовать на общую пользу. Его собственныя слова въ приведенномъ письмѣ о своихъ, «не совсѣмъ обыкновенныхъ способностяхъ» и другіе документы подтверждаютъ это заключеніе. Да, Долгоруковъ думалъ сыграть и на своей книгѣ, и на немедленномъ и безпрекословномъ исполненіи царскаго приказа о возвращеніи въ Россію. Онъ надѣялся на свою родовитость и связи, на голосъ европейскаго вообще и французскаго въ частности общественнаго мнѣнія, которое должно было обрушиться на царя въ случаѣ репрессій добровольному пришельцу. Кромѣ того, матеріальныя дѣла Долгорукова не были достаточно устроены, чтобы сразу открыто и рѣзко заявить въ Парижѣ о своемъ разрывѣ съ правительствомъ; имущество было бы конфисковано...

Но Петръ Владиміровичъ плохо разсчиталъ. Николай I не былъ джентльменомъ и не любилъ лести, когда она переходила границы и бросалась въ глаза; онъ любилъ лесть тонкую, къ которой пріучилъ своихъ приближенныхъ въ родѣ Бенкендорфа, Орлова и другихъ. Поэтому резолюція на письмѣ впередъ была ясна: по прежнему приказанію арестовать въ Кронштадтѣ...

1 мая Долгоруковъ слѣзъ съ любекскаго корабля и прямо попалъ въ руки крѣпостного надзирателя Иванова. При немъ оказались 4500 франковъ золотомъ, книги, масса вещей и камердинеръ, французъ Дидье Моренъ. Книги были отосланы въ таможню, а оттуда въ центральный комитетъ, вещи и деньги сданы Иванову, а французъ получилъ право скитанія по Россіи безъ мѣста...

Долгорукова заключили въ III Отдѣленіи, въ томъ самомъ домѣ, который, и нынѣ стоя на Фонтанкѣ, заслужилъ извѣстный стихъ Алексѣя Толстого:

Большой довольно бѣлый домъ,
Своимъ извѣстный праведнымъ судомъ...

II.

Теперь намъ необходимо сначала вернуться немного назадъ, чтобы разсказать о томъ, чѣмъ мнѣ не хотѣлось прервать изложеніе предыдущей главы.

Когда Яковъ Толстой сообщилъ Бенкендорфу о книгѣ Долгорукова, Николай понялъ, что у послѣдняго могли быть въ распоряженіи такіе документы, которые у него не должны были бы быть.

Такъ какъ заграничнымъ агентомъ по скупкѣ и снятію копій

съ документовъ, компрометирующихъ прошлое и тогдашнее правительство, былъ небезызвѣстный Александръ Ивановичъ Тургеневъ (братъ знаменитаго Николая), то приказано было вытребовать его немедленно въ Петербургъ «для нѣкоторыхъ объясненій», какъ писалъ ему Бенкендорфъ [1]). Тургеневъ выѣхалъ изъ Берлина черезъ три дня, а 17 апрѣля былъ уже въ Петербургѣ, гдѣ сейчасъ же написалъ пространное показаніе. Онъ сообщилъ, что въ августѣ 1838 г. пріѣхалъ въ Петербургъ съ рукописями о Россіи. Секретную рукопись о первыхъ семи годахъ царствованія Екатерины II, купленную въ Копенгагенѣ у графа Сенъ-При, онъ тогда же передалъ кн. А. Н. Голицыну для представленія государю. Краткій очеркъ содержанія другихъ рукописей, а именно депешъ Вераха, писанныхъ его секретаремъ, Кальяромъ, въ царствованіе Екатерины II (а ихъ было 6 фоліантовъ), онъ случайно, по усиленной просьбѣ довѣрилъ Долгорукову. Сдѣлалъ онъ эту передачу въ квартирѣ отсутствовавшаго тогда князя П. А. Вяземскаго, гдѣ Тургеневъ всегда, какъ близкій другъ, останавливался. Однажды Долгоруковъ попросилъ одинъ фоліантъ къ себѣ на домъ, чтобы успѣть кончить работу, но черезъ нѣсколько дней вернулъ его безъ сдѣланной копіи. Тургеневъ разсердился на него... Въ 1841 г. оба они встрѣтились въ Парижѣ. Тургеневъ забылъ объ инцидентѣ 1839 года и далъ даже Долгорукову нѣсколько посылокъ для своихъ русскихъ друзей. А. И. утверждалъ, что въ только что вышедшей книгѣ Долгорукова о русскихъ княжескихъ родахъ нѣтъ признаковъ пользованія тѣми шестью фоліантами, которые были даны ему въ 1838 г. Самъ онъ никогда ничего не писалъ за границей о Россіи и всегда умѣлъ беречь тайну, будетъ умѣть дѣлать это и впредь.

Вотъ суть показаній.

Для лучшей иллюстраціи отношеній Тургенева къ Долгорукову приведу небольшую французскую записку, посланную имъ Бенкендорфу черезъ какого-то возвращавшагося въ Россію князя К. и написанную тогда, когда Долгоруковъ прибылъ въ Берлинъ.

„Я не хочу отпустить молодого князя К. безъ нѣсколькихъ строкъ. Онъ передастъ на границѣ для отправки Вашему Сіятельству съ тяжелой почтой нѣсколько пріобрѣтенныхъ имъ здѣсь книгъ. Знаменитый кн. Долгоруковъ пріѣдетъ къ Вамъ съ первымъ любекскимъ пароходомъ. Здѣсь онъ въ теченіе нѣкотораго времени велъ себя смирно, но такъ какъ его тщеславіе не оставляетъ его въ покоѣ, то онъ написалъ государю письмо по меньшей мѣрѣ безполезное. У себя на дому я его не вижу и обращаюсь съ нимъ довольно скверно. Другіе, очевидно, проповѣдовали ему о благоразуміи, а онъ иногда слушается добрыхъ совѣтовъ, но потомъ его глупое тщеславіе беретъ верхъ. Раздавить это тщеславіе, сдѣлать такъ, чтобы о нёмъ и его произведеніяхъ говорили какъ можно меньше и даже совсѣмъ о нихъ забыли, значитъ оказать ему услугу и помѣшать ему и въ будущемъ злоупотреблять данными

[1]) Все, что Тургеневъ собралъ заграницей въ началѣ своей дѣятельности, было поднесено государю въ теченіе 1837—1839 гг. и въ концѣ 1839 года послѣдовало повелѣніе археографической комиссіи всѣ эти акты напечатать. Такимъ образомъ получились: „Акты историческіе, относящіеся къ Россіи, извлеченные изъ иностранныхъ архивовъ и библіотекъ д. ст. сов. А. И. Тургеневымъ“. т. I—1841 г., т. II—1842 г.

ему природой рессурсами. Здѣсь онъ не нашелъ такой публики, какъ въ Парижѣ, и не играетъ роли, какъ было въ другихъ мѣстахъ. Думаю графъ, что все это заинтересуетъ Васъ и подготовитъ къ встрѣчѣ съ этимъ непріятнымъ господиномъ".

Теперь обратимся къ прерванному разсказу.

Въ дѣлѣ имѣется бумажка, озаглавленная: «Объявлено князю Долгорукову» и датированная 5-мъ мая. Вотъ ея содержаніе: «Государь изволилъ отозваться, что послѣ всего, что князь Долгоруковъ дѣлалъ въ Парижѣ, нельзя дать вѣры, чтобы не онъ писалъ статьи въ журналъ и чтобы онъ сжегъ манускриптъ русской исторіи; хотя это невѣроятно, но во всякомъ случаѣ онъ не могъ сжечь матеріаловъ и выписокъ изъ разныхъ сочиненій и манускриптовъ Тургенева, между тѣмъ, какъ въ бумагахъ его ничего подобнаго не найдено. Какъ кн. Долгоруковъ говоритъ, что онъ готовъ опять написать исторію, подобную преданной огню, то нѣтъ возможности предпринять подобный трудъ, не имѣя передъ глазами готовыхъ матеріаловъ,— гдѣ же они? Его Величество требуетъ, чтобы кн. Долгоруковъ объявилъ, гдѣ находятся всѣ его бумаги, ибо человѣкъ, обуреваемый страстью писать, не можетъ не сохранить важныхъ и драгоцѣнныхъ для него матеріаловъ. На представленную князю Долгорукову записку онъ можетъ дать объясненіе».

Ясно, что записка эта писана послѣ устнаго допроса Долгорукова. Николай добивался, нѣтъ ли у него копіи съ фоліантовъ, упоминаемыхъ Тургеневымъ, и съ другихъ документовъ, неизвѣстныхъ и самому Тургеневу...

На оборотѣ записки Долгоруковъ далъ объясненія:

„За границею, какъ свидѣтельствовано мною вчера, не имѣется болѣе моихъ бумагъ, а матеріалы для „Русской Исторіи" и всѣ бумаги мои находятся въ Петербургѣ у маркизши Елизаветы Александровны де Виллеро, рожденной графини Апраксиной. Тамъ находится рукопись на русскомъ языкѣ, начатая мною въ 1838 г. подъ заглавіемъ: „Исторія Россіи отъ воцаренія дома Романовыхъ до кончины Александра Перваго". Рукопись эта доведена была до воцаренія императрицы Анны, и въ 1839 г. я ее отложилъ въ сторону и началъ на французскомъ языкѣ рукопись графа Альмагро. Выписки изъ манускриптовъ Тургенева были сдѣланы карандашомъ и мною не сохранены и не переписаны перомъ, по той причинѣ, что, будучи вмѣстѣ и весьма кратки и весьма важны, остались у меня въ памяти, которая, къ счастью, весьма хороша. Нѣкоторыя выписки изъ хранящихся въ Россіи матеріаловъ вывезены были вмѣстѣ съ рукописью графа Альмагро и вмѣстѣ съ нею преданы огню. Чтеніе моей „русской исторіи" докажетъ всю неосновательность взводимыхъ на меня обвиненій, но обязанный говорить своему государю всю истину, я долженъ сознаться, что, къ несчастію, мнѣніе мое о Петрѣ Великомъ, который въ „русской исторіи" изображенъ полубогомъ, въ рукописи графа Альмагро было иное. Въ этотъ промежутокъ времени оно измѣнилось чтеніемъ разныхъ книгъ о той эпохѣ и чтеніемъ записокъ адъютанта Петра Великаго, Вильбуа".

15 мая Бенкендорфъ представилъ Николаю опись бумагамъ и книгамъ, взятымъ у Долгорукова. На ней рукою царя было написано:

«отмѣченное отобравъ прислать ко мнѣ, прочее ему возвратить». А отмѣчено было слѣдующее: 1. рукопись «Жизнь Е. А. Таракановой, 1755—1777 гг.,» 2. рукопись «Арбенинъ», драма Лермонтова, не напечатанная тогда, 3. рукопись «Отрывокъ изъ записокъ гр. Ростопчина» о послѣднемъ днѣ Екатерины II и первомъ Павла I., 4. рукопись «Записки Солдерна, министра польскаго, къ Екатеринѣ II», 1781 г., 5. рукопись «О восшествіи на престолъ Екатерины II», 6. рукопись «Изображеніе военныхъ дѣйствій 1812 г. съ открытія кампаніи по 22 сентября, представленное Барклаемъ де-Толли Александру I», 7. рукопись «Россійско-царскій императорскій домъ», въ которой родоначальникомъ дома Романовыхъ признанъ Гланда Камбила, Дивоновъ сынъ, прибывшій въ Россію въ 1241 г. и нареченный при крещеніи Іоанномъ; 8. рукопись «Родословная дома Рюрика и дома Романовыхъ», 9. старинная церковная рукопись «Исторія о казанскомъ царствѣ», 10. два письма гр. Ѳ. В. Ростопчина къ кн. Багратіону, 11. рукопись «Секретнѣйшее наставленіе кн. Александру Вяземскому при назначеніи его генералъ-прокуроромъ», 12. шесть писемъ Н. А. Полевого и одно К. И. Арсеньева съ благодарностью за снабженіе ихъ разными рукописями, въ особенности же записками Вильбуа, и нѣкоторые другіе документы.

Разумѣется, Полевому было написано, чтобы немедленно доставилъ въ III Отдѣленіе записки Вильбуа. Полевой отвѣтилъ, что не имѣетъ у себя ни подлинника, ни копіи записокъ, что въ началѣ 1842 г. ему далъ ихъ на короткое время Долгоруковъ, и онъ успѣлъ лишь прочесть и перевести небольшую статью для «Русскаго Вѣстника». Помнитъ, что Долгоруковъ указывалъ на храненіе подлинника въ парижской королевской библіотекѣ, гдѣ они и были списаны имъ самимъ.

Тогда хитрая и умная правая рука Бенкендорфа,—Дубельтъ, сталъ склонять Долгорукова указать легчайшій способъ пріобрѣсти хотя бы копію записокъ Вильбуа. Просьба была исполнена: Долгоруковъ посовѣтовалъ переписать записки въ Парижѣ, но поручить это «не какому нибудь Якову Толстому», а одному изъ служащихъ посольства. Въ тотъ же день онъ признался, что давалъ записки Вильбуа для копированія церемоніймейстеру Смирнову и или В. Ѳ. Одоевскому или П. А. Вяземскому. Дубельтъ послушался совѣта Долгорукова, но не вполнѣ и поручилъ дѣло именно Якову Толстому.

20 мая Николай приказалъ сослать Долгорукова въ Вятку, опредѣлить тамъ на службу и имѣть подъ строгимъ наблюденіемъ губернатора. Въ дѣлѣ находимъ такую записку Дубельта: «Графъ Бенкендорфъ приказалъ объявить кн. Долгорукову по Высочайшему повелѣнію, что невѣроятно, чтобы онъ сжегъ манускриптъ «Исторіи Петра I», и чтобы не надѣялся никакой перемѣны въ его участи, доколѣ рукопись не будетъ представлена Государю».

На слѣдующій день Долгорукову было все это объявлено. Обманутый во всѣхъ своихъ надеждахъ, онъ вручилъ Бенкендорфу письмо, очень небезопасное и по тогдашнимъ временамъ, и по характеру упрямаго Николая.

„Ваше Сіятельство, Милостивый Государь, графъ Александръ Христофоровичъ. Прошу у Вашего Сіятельства дозволенія представить Вамъ (и весьма бы мнѣ желательно было видѣть доведеннымъ это до Высочайшаго свѣдѣнія), что на счетъ опредѣленія моего на службу въ Вятку, опредѣленіе это нарушаетъ законъ о дворянствѣ, коимъ предоставлено право каждому дворянину служить или не служить. Законъ сей помѣщенъ въ Сводѣ Законовъ, изданномъ по повелѣнію Государя Императора. На счетъ ссылки моей за изданіе книги наиполезнѣйшей для русскаго дворянства, покоряюсь безъ ропота волѣ Бога и Государя, и куда бы меня не заточили, въ Вятку ли, въ Нерчинскъ ли, въ крѣпость ли, хотя на всю жизнь, я всякое несчастіе приму съ покорностью, какъ тяжкое испытаніе, ниспосланное мнѣ Богомъ, а судить меня съ Государемъ будутъ Богъ и потомство!

„Съ глубокимъ почтеніемъ имѣю честь быть Вашего Сіятельства покорнѣйшимъ слугою

князь Петръ Долгоруковъ".

Въ тотъ же день Долгоруковъ запросилъ III Отдѣленіе, можетъ ли онъ выѣзжать со двора для устройства своихъ дѣлъ передъ отъѣздомъ, и получилъ въ отвѣтъ: «никуда и перевести въ арестантскую». Однако, было сдѣлано распоряженіе о доставленіи въ III Отдѣленіе изъ таможни собственной кареты князя и незапрещенныхъ его книгъ.

24 мая «гражданскій генералъ и штабъ-докторъ» Рихтеръ былъ призванъ для освидѣтельствованія Долгорукова. «Сообразно съ цѣлью свидѣтельствованія—писалъ Рихтеръ, я обратилъ при семъ разговоръ на тѣ предметы, о которыхъ мнѣнія князя Долгорукова противорѣчатъ мнѣніямъ общепринятымъ и соотвѣтствующимъ общественному порядку. Изъ разговора сего я убѣдился, что кн. Долгорукова помѣшаннымъ признать нельзя: сужденія его обнаруживаютъ въ немъ только человѣка экзальтированныхъ понятій, которыя по причинѣ его неопытности въ практической части общественныхъ и житейскихъ отношеній, не приведены въ порядокъ и не введены въ надлежащія границы»...

Очевидно, это введеніе въ границы и должна была сдѣлать Вятка...

Получивъ такое свидѣтельство, Бенкендорфъ самъ составилъ по-французски всеподданнѣйшій докладъ, который приведу въ переводѣ:

«Я призывалъ кн. Долгорукова и вкратцѣ, по возможности, сообщилъ ему то, о чемъ вчера Ваше Величество изволили уговориться со мной, а затѣмъ сухо выпроводилъ его, чтобы онъ не вступилъ въ разговоры. Онъ вышелъ съ искаженнымъ лицомъ, на которомъ было написано самое наглое безстыдство. Достаточно взглянуть на него, чтобы убѣдиться, что это скверный шутъ и что было бы очень опасно свести его съ скромнымъ и слабымъ Потемкинымъ [1]). Завтра онъ отправляется въ Вятку въ сопровожденіи надежнаго жандармскаго унтеръ-офицера. Тотчасъ же, какъ я его отправилъ, къ нему отправился докторъ. Присоединяю при этомъ справку о немъ, совершенно

[1]) Рѣчь, несомнѣнно, идетъ о послѣднемъ графѣ Потемкинѣ, Сергѣѣ Павловичѣ, тогда пятидесятишестилѣтнемъ старикѣ. Зачѣмъ Николай I хотѣлъ свести его съ Долгоруковымъ—неизвѣстно.

соотвѣтствующую и доказывающую все безпутство поведенія Долгорукова». Николай написалъ на этомъ тоже по французски: «Надо за нимъ въ Вяткѣ строго слѣдить и на всякій случай дать приказъ губернатору, что если онъ позволитъ себѣ хоть малѣйшую злонамѣренную сплетню или поступокъ, чтобы его сейчасъ же подъ арестъ, о чемъ мнѣ доложить и ждать дальнѣйшихъ приказаній».

Однако, указаніе Долгорукова на беззаконность опредѣленія его въ Вяткѣ на службу имѣло свои послѣдствія: Бенкендорфъ предписалъ вятскому губернатору: «не считать его въ службѣ, а жительствовать ему въ Вяткѣ подъ самымъ строгимъ полицейскимъ надзоромъ, съ тѣмъ, что если онъ дозволитъ себѣ хоть наималѣйшее зловредное выраженіе или дѣйствіе», то немедленно арестовать и изолировать совершенно. При этомъ почтъ директору было предписано посылать отнынѣ въ III Отдѣленіе всѣ письма Долгорукова и къ нему.

3 іюня Петръ Владиміровичъ прибылъ въ мѣсто своей ссылки.

III

3 августа 1843 г. Яковъ Толстой писалъ Дубельту (по-французски) изъ Парижа: «Спѣшу послать Вашему Превосходительству съ настоящей оказіей копію рукописи, будто бы составленной Вильбуа. Не могъ сдѣлать этого раньше по нездоровью, не позволившему мнѣ поторопить переписчика, которому была поручена эта работа. Я самъ свѣрилъ ее съ подлинникомъ и не нашелъ никакихъ неточностей, кромѣ собственныхъ именъ, которыя и исправилъ. Этотъ случай свелъ меня съ нѣкіимъ Летелье, переписчикомъ королевской библіотеки, предложившимъ мнѣ снять копіи съ самыхъ секретныхъ документовъ, которые не выдаются для просмотра никому изъ иностранцевъ, являющихся съ этимъ намѣреніемъ въ архивъ, въ томъ числѣ и Александру Тургеневу. Если это предложеніе Вамъ пріятно, благоволите увѣдомить меня, и я тотчасъ же пришлю вамъ реестръ бумагъ, которыя такимъ образомъ поступятъ въ мое распоряженіе».

III Отдѣленіе доложило дѣло Государю и получило приказаніе предписать Толстому немедленно сойтись поближе съ Летелье и получить все, что только можно... Дѣло приняло, однако, болѣе сложную ситуацію. Толстой понялъ, что русское правительство не постоитъ за лишнимъ рублемъ.

5 января 1844 г. онъ снова пишетъ (по-французски) Дубельту:

„Мой генералъ и глубоко уважаемый другъ, мнѣ совершенно невозможно послать вамъ подробное донесеніе о рукописяхъ королевской библіотеки, которыя могли бы быть предоставлены въ наше распоряженіе, потому что ихъ очень много и мнѣ пришлось бы предварительно разобраться въ нихъ и выбрать еще непереписанныя Тургеневымъ и другими. Простого перечисленія названій однако, недостаточно для того, чтобы выяснить для Васъ ихъ цѣнность. Къ тому же большинство помѣчено просто номерами и мнѣ, для выполненія вашего приказанія, пришлось бы составить нѣчто въ родѣ подробнаго каталога. Но и тутъ, опять таки, встрѣчается препятствіе, такъ какъ я не могу заниматься этой работой самъ.

„Вотъ какъ я намѣренъ повести это сложное дѣло. Сначала я думалъ, что слѣдуетъ сговориться съ Тургеневымъ и узнать, какого рода матеріалы ему не удалось еще достать. Онъ здѣсь, но серьезно захворалъ, а все что онъ говоритъ, все такъ неточно и невѣрно, что по полученнымъ отъ него неопредѣленнымъ свѣдѣніямъ трудно найти слѣдъ того, чего мы ищемъ. Впрочемъ, я, все-таки, воспользовался его неточными указаніями; они помогутъ мнѣ направлять лицо, взявшееся помочь мнѣ въ этомъ дѣлѣ. Переписка Вержена спеціально использована Тургеневымъ. Переписчики спрашиваютъ за работу, которая займетъ 3—4 недѣли, 300 франковъ, и за эту цѣну выдадутъ мнѣ все, что я укажу.

„Я уже совсѣмъ остановился на этомъ планѣ, когда узналъ, что одинъ изъ нашихъ соотечественниковъ, авторъ живописнаго путешествія въ Грецію, вступилъ въ сношенія съ Шампиніономъ, направившимъ его къ Летелье съ тою же цѣлью. Давидовъ очень богатъ и обѣщалъ щедро заплатить, если ему отдадутъ предпочтеніе, но, такъ какъ я думаю, что онъ дѣлаетъ это лишь съ цѣлью предложить плоды своихъ разысканій нашему правительству, какъ онъ по крайней мѣрѣ утверждаетъ, то, по моему, пусть онъ и расходуется. Это избавитъ насъ отъ тратъ, а плодами мы, все-таки, воспользуемся. Думаю сговориться съ нимъ точнѣе. Кромѣ того, Летелье владѣетъ цѣннымъ манускриптомъ: „Компанія высокихъ союзниковъ противъ Людовика XIX". Этотъ единственный экземпляръ, переплетенный въ серебро и золото, заключаетъ въ себѣ рядъ видовъ голландскихъ городовъ. По всей вѣроятности этотъ экземпляръ въ трехъ томахъ in folio былъ сдѣланъ для принца Оранскаго и—это ужъ навѣрное—ввезенъ во Францію Пишегрю во время войны съ Нидерландами. Трудъ этотъ единственный въ томъ отношеніи, что въ немъ заключаются лучшія гравюры, сдѣланныя въ ту эпоху во Франціи и Голландіи. Кромѣ того, онъ изобилуетъ позолотой и другими богатыми украшеніями. Летелье утверждаетъ, что этотъ чудесный трудъ стоилъ 20,000 фр., а онъ проситъ за него 4000 фр. Несмотря на его горячее желаніе отдѣлаться отъ этой книги, я не далъ рѣшительнаго отвѣта и только обѣщалъ ему доложить кому слѣдуетъ. Итакъ, жду Вашихъ приказаній.

„Желаете ли Вы, чтобы я велѣлъ снять копіи съ тѣхъ документовъ, которые покажутся мнѣ достойными вниманія или же чтобы я на счетъ этого сговорился съ Давидовымъ?

„Пользуюсь случаемъ, чтобы преподнести Вамъ нѣсколько экземпляровъ брошюры, напечатанной мною противъ Кюстина подъ псевдонимомъ И. Яковлевъ" [1]).

Немедленно изъ государственнаго казначейства были получены на извѣстное Его Императорскому Величеству употребленіе 4,000 франковъ и отправлены Толстому.

Къ сожалѣнію, мнѣ неизвѣстно, чѣмъ закончилась переписка секретныхъ документовъ, которыми, конечно, дорожило и французское правительство. Надо думать, что франки сдѣлали свое дѣло во Франціи, какъ рубли дѣлали и дѣлаютъ у насъ въ Россіи...

---

[1]) Книга была озаглавлена: „La Russie en 1839 rêvée par M. de Custine". Она была напечатана двумя изданіями и широко раздавалась Толстымъ всѣмъ, мнѣніемъ кого дорожило петербургское правительство и его парижскіе агенты. Г. Тарле не упомянулъ объ этой книгѣ въ своей статьѣ („Былое", 1906 г., IX и X).

Въ сентябрѣ 1843 г. вятскій губернаторъ сообщилъ Бенкендорфу, что Долгоруковъ познакомился съ высшими мѣстными чиновниками, бываетъ у нихъ по вечерамъ и принимаетъ у себя, и спрашивалъ, можно ли продолжать ему такой образъ жизни? Было отвѣчено: можно и это даже хорошо; если будетъ вести себя какъ слѣдуетъ, то заслужитъ скорое прощеніе [1]).

Изъ дѣла не видно, чѣмъ было вызвано такое милостивое отношеніе правительства. По всей вѣроятности, оно было слѣдствіемъ нѣсколькихъ причинъ и хлопотъ нѣсколькихъ людей, и собственнаго «хорошаго поведенія» князя, и нежеланія Николая оставлять въ его душѣ ужъ очень острой непріязни.

А 11 марта 1844 г. Бенкендорфъ писалъ Долгорукову:

„Милостивый Государь, Петръ Владиміровичъ. По случаю неприбытія по сіе время Головина [2]) изъ за-границы, онъ преданъ суду и при семъ случаѣ Государь Императоръ изволилъ отозваться, что Его Величество не упускалъ и не упуститъ изъ своей памяти, съ какою готовностью и поспѣшностью Ваше Сіятельство исполнили по тому же предмету волю Его Величества. Въ уваженіе сихъ вѣрноподданическихъ чувствъ, какъ равно и въ уваженіе вашего отличнаго поведенія и скромной жизни въ Вяткѣ, Государь Императоръ всемилостивѣйше дозволяетъ Вашему Сіятельству жительствовать какъ въ Москвѣ, такъ и во всѣхъ губерніяхъ, исключая Петербурга, и сверхъ того разрѣшить соизволилъ вступить вамъ въ службу, ежели на это изъявите желаніе.

„Съ особеннымъ удовольствіемъ сообщая Вашему Сіятельству о сей царской милости, я съ своей стороны, относя причину навлекшую на васъ неудовольствіе высшей власти единственно къ пылкости молодыхъ вашихъ лѣтъ и принимая въ васъ искреннее участіе, рѣшаюсь дать вамъ совѣтъ: воспользоваться сею царскою милостью и, посвятивъ себя службѣ, приносить оной ту пользу, которую отъ вашихъ способностей ожидать можно. Ежели Ваше Сіятельство обратите вниманіе на мой истинно-благомѣренный совѣтъ, то я готовъ буду содѣйствовать вамъ во всемъ, что только въ будущности можетъ быть вамъ полезно, и пользуюсь симъ случаемъ, чтобъ удостовѣрить васъ въ чувствахъ моего къ вамъ почтенія и преданности“...

Самъ Бенкендорфъ и вдругъ такія любезности. Это было даже ужъ слишкомъ... Долгоруковъ отвѣчалъ по-французски своему неожиданному всесильному покровителю:

„Графъ, вчера я имѣлъ честь получить письмо отъ Вашего Сіятельства, въ которомъ вы извѣщаете меня о томъ, что государь императоръ соизволилъ смягчить мою кару, разрѣшивъ мнѣ жить гдѣ я хочу, исключая Петербурга.

[1]) У Герцена есть разсказъ (см. стр. 180-181 тома II изд. Павленкова) о продѣлкѣ кн. Долгорукаго съ вятскими чиновниками: онъ накормилъ ихъ пирогомъ съ своей собакой. Оказывается, разсказъ касается другого кн. Долгорукаго—Михаила Михайловича, умершаго въ 1841 г. въ Верхотурьѣ.

[2]) Рѣчь идетъ объ И. Г. Головинѣ, одновременно съ Долгоруковымъ вытребованномъ изъ Парижа за сочиненіе по политической экономіи и такъ и не исполнившемъ воли Николая. О Головинѣ мною будетъ напечатана въ „Быломъ“ особая работа.

Первымъ долгомъ умоляю ваше сіятельство повергнуть къ стопамъ Его Величества выраженіе моей глубокой признательности за его милосердіе.

„Переходя къ дѣлу, скажу, что самое мое сильное желаніе—посвятить всю жизнь службѣ государю императору. Къ несчастью, этого не позволяетъ мое порядкомъ таки разстроенное здоровье. Я надѣюсь, что одинъ-два курса добросовѣстнаго лѣченія уничтожатъ это препятствіе и позволятъ мнѣ впослѣдствіи выполнить совѣтъ, который В. С. изволили мнѣ дать съ столь лестнымъ для меня доброжелательствомъ. Въ этомъ неофиціальномъ и совершенно частномъ письмѣ я беру на себя смѣлость отвѣтить на доброжелательство В. С. безграничнымъ довѣріемъ.

„Итакъ, не скрою отъ В. С., что помимо здоровья, у меня были и другія особыя причины. За послѣднія 30 лѣтъ повышать въ чинахъ у насъ стали гораздо медленнѣе, чѣмъ это было прежде. Теперь къ 50 годамъ дослуживаются только до чина, до котораго прежде можно было дослужиться въ 30-40 лѣтъ. Изъ всѣхъ лицъ, занимающихъ теперь высокіе посты и пользующихся довѣріемъ его величества, семь изъ десяти сдѣлали именно такую быструю карьеру и въ 30 лѣтъ или около того были уже генералами или дѣйст. статскими совѣтниками. Кромѣ того, я принадлежу *ко второму разряду гражданскаго производства* [1]) и даже за отличіе могу быть повышенъ лишь разъ въ 3 года. Я могу поступить на службу только въ чинѣ IX класса (ибо въ 1841 г. окончилъ срокъ службы въ X классѣ). Мнѣ 27 лѣтъ и, слѣдовательно, чинъ д. ст. совѣтника я могу получить только 42 лѣтъ. Мой отецъ и мои дядья были генералами въ 25 лѣтъ.

„Если на ваше милостивое доброжелательство я отвѣчаю полнымъ довѣріемъ, то это потому, что въ этихъ строкахъ я обращаюсь не къ министру, а къ вельможѣ, удостоившему меня совѣтомъ и многія заслуги котораго я высоко цѣню. Такъ какъ письмо это не носитъ офиціальнаго характера, то я не могу закончить его, не выразивъ благодарности вятскому жандармскому полковнику Андрееву, за его постоянную любезность ко мнѣ. Этотъ милый и честный человѣкъ оказывалъ мнѣ всяческую любезность и предупредительность и внушилъ мнѣ чувство уваженія и дружбы (d'estime et d'amitié), которыя я сохраню навсегда".

Письмо это, несмотря на свой „совершенно частный" характеръ, подшито къ дѣлу и было доложено государю... Повидимому, Долгоруковъ не добился никакихъ исключеній для себя по службѣ и потому рѣшилъ не вступать въ нее вовсе.

18 мая гр. Блудовъ увѣдомилъ Бенкендорфа, что, разсмотрѣвъ бумаги Долгорукова, онъ представилъ государю краткій о нихъ отчетъ и получилъ приказаніе передать нѣкоторыя бумаги въ государственный архивъ и въ археографическую комиссію, а остальныя возвратить князю. Характерно, что *всѣ* документы, касающіеся русской исторіи, были секвестрованы.

16 августа Долгоруковъ прибылъ въ родовое село Богословское-Спѣшнево (Чернскаго уѣзда Тульской губерніи), гдѣ и жилъ потомъ въ промежутки, когда не былъ въ Москвѣ. О его дѣятельности въ это время данныхъ нѣтъ. Приходится сразу перейти къ 1849 году.

---

[1]) Эти слова и въ оригиналѣ написаны по-русски.

Въ апрѣлѣ этого года жена Долгорукова, урожденная Давидова, обратилась съ французскимъ письмомъ къ наслѣднику:

„Ваше Высочество! Боюсь докучать вамъ, но вѣрю въ вашу доброту. На всѣхъ этихъ балахъ, на которыхъ я имѣла честь находиться въ вашемъ августѣйшемъ присутствіи, я говорила себѣ, что неблагоразумно было бы безпокоить васъ моей просьбой среди всѣхъ блестящихъ празднествъ, которыя задаетъ императорской фамиліи Москва, счастливая и гордая тѣмъ, что принимаетъ у себя такихъ высокихъ гостей.

„Вотъ ваше высочество, въ чемъ состоитъ моя просьба. Мой мужъ, какъ извѣстно в. и. в., до сихъ поръ не получилъ разрѣшенія вернуться въ Петербургъ. Послѣ серьезной болѣзни, которую я перенесла два мѣсяца тому назадъ, врачи предписали мнѣ на лѣто морскія купанья въ Гельсингфорсѣ. Петербургъ по дорогѣ. Привыкнувъ за три года самаго счастливаго супружества не разлучаться съ мужемъ, я смиренно умоляю в. и. в. замолвить словечко его величеству, нашему милостивому государю, и получить для моего мужа разрѣшеніе вернуться въ Петербургъ. Поистинѣ, в. в., при тѣхъ чувствахъ глубокой и искренней преданности, которыя мужъ мой и я питаемъ къ вашей августѣйшей особѣ, а также и ко всей императорской фамиліи, моя просьба не кажется неумѣстной, но тѣмъ не менѣе, в. в., я умоляю милостиво простить мнѣ этотъ шагъ. Глубокая благодарность, которую я питаю къ в. и. в. за оказанное мнѣ благоволеніе, удваиваетъ чувство благоговѣйнаго уваженія“.

Наслѣдникъ написалъ тутъ же по-русски: «Такъ какъ я завтра ѣду и не увижу можетъ быть Государя, то прошу Васъ, любезный графъ, доложить это письмо и взять на себя трудъ увѣдомить княгиню Долгорукую о Высочайшемъ рѣшеніи».

Замѣстившій еще въ 1844 г. умершаго Бенкендорфа гр. Алексѣй Орловъ былъ того мнѣнія, что просьбу княгини слѣдуетъ удовлетворить. Николай не сталъ противиться.

Долгоруковъ не былъ еще возстановленъ, такимъ образомъ, во всѣхъ своихъ правахъ.

Видя возможность попробовать получить право не только проѣзжать черезъ Петербургъ, а и жить въ немъ постоянно, онъ обратился къ Николаю съ такой просьбой, на что получилъ въ отвѣтъ, что все зависитъ отъ отзыва о немъ московскаго генералъ-губернатора. Закревскій отвѣтилъ, что «хотя Долгоруковъ не довольно спокойнаго характера, однако, ведетъ себя безукоризненно и совершенно безвреденъ». Дубельтъ съ своей стороны, полагалъ что Долгорукова можно пустить въ Петербургъ, но имѣть за нимъ секретный надзоръ. Николая, однако, отвѣтъ Закревскаго не удовлетворилъ. Онъ приказалъ спросить его — «безпокойнаго ли характера кн. Долгоруковъ и дерзокъ ли, какъ былъ и какъ знаетъ его государь»... Предчувствуя желаніе Николая не пускать Долгорукова обосноваться въ столицѣ, Закревскій отвѣтилъ: «по характеру остался тѣмъ же дерзкимъ и безпокойнымъ человѣкомъ, какимъ извѣстенъ Его Императорскому Величеству»... Ясно, что дѣло было проиграно. 4 сентября 1849 г. Николай написалъ на докладѣ Орлова, ограничивающагося уже только передачей отзыва Закревскаго: «По этой и *по другимъ*

мнѣ извѣстнымъ причинамъ нельзя ему дозволять здѣсь проживать, ни ему, *ни женѣ* его».

17 сентября оберъ-полицейместеръ сообщилъ III Отдѣленію, что княгиня Долгорукова пріѣхала изъ Ревеля и уже нѣсколько дней живетъ въ отелѣ Клея. Дубельтъ спрашивалъ приказаній Орлова «не попросить ли княгиню немедленно отправиться къ мужу въ Москву?» Орловъ написалъ: «она и такъ уѣдетъ». Черезъ два дня пріѣхалъ и самъ Долгоруковъ, чтобы быть около больного сына. Княгинѣ разрѣшено было остаться въ столицѣ десять дней, а Петру Владиміровичу приказано немедленно выѣхать въ Москву.

Любопытно, что Долгоруковъ не считалъ неудобнымъ входить въ какія бы то ни было частныя отношенія съ Дубельтомъ, этимъ Малютой Скуратовымъ въ николаевскомъ мундирѣ не опричника, а генералъ-адъютанта. Въ этомъ смыслѣ очень интересно его письмо къ «синему генералу» отъ 1 марта 1850 года.

«Ваше Превосходительство, Милостивый Государь, Леонтій Васильевичъ!

«Благосклонность и ласковое расположеніе, которое Ваше Превосходительство оказывали мнѣ съ 1843 года, [1]) и продолжаете оказывать съ тѣхъ поръ, участіе, коимъ Вы меня постоянно удостаивали, и душевная моя за то къ Вамъ признательность убѣждаютъ меня прибѣгнуть къ Вамъ съ покорнѣйшею просьбой не отказать мнѣ быть моимъ покровителемъ въ дѣлѣ весьма важномъ для моего семейнаго счастія.

«Зная, сколь откровенно можно говорить съ Вашимъ Превосходительствомъ, и вполнѣ убѣжденный, что все мною здѣсь сказанное останется въ ненарушимой тайнѣ между нами, разскажу вещи, какъ онѣ есть.

«Живемъ мы съ женою моею въ совершенномъ согласіи, но у кого нѣтъ слабостей и недостатковъ? Жена моя не даетъ мнѣ покоя, чтобы я просилъ ѣхать въ чужіе края, и изъ-за этого выходятъ ежедневныя сцены, весьма для меня скучныя. Не говоря уже о томъ, что я не знаю, можно ли мнѣ проситься въ чужіе края, но и самыя дѣла мои требуютъ пребыванія въ Россіи. Я очень серьезно занимаюсь теперь улучшеніемъ и увеличеніемъ состоянія своего и поѣздка за границу причинила бы мнѣ въ нынѣшній моментъ большое разстройство.

«Жена моя (впрочемъ, предобрѣйшая женщина) ежедневно мнѣ докучая и надоѣдая по сему предмету, взяла съ меня обѣщаніе писать къ Вашему Превосходительству для испрошенія покровительства Вашего къ полученію паспорта въ Грецію и въ Сицилію, подъ предлогомъ слабости своего здоровья и подъ мнимымъ предлогомъ болѣзни ребенка нашего.

«Но я вмѣсто того рѣшился прибѣгнуть къ Вашему Превосходительству, какъ къ отцу родному, убѣдительнѣйше прося Васъ явить мнѣ новый знакъ Вашей ко мнѣ благосклонности и избавить меня отъ несносныхъ семейныхъ докукъ, сдѣлавъ мнѣ милость написать

---

[1]) Съ въѣзда въ Россію по требованію правительства.

мнѣ письмо, которое бы я могъ показать женѣ, и въ коемъ бы В. П. писали бы мнѣ, *что получили просьбу мою о пашпортѣ въ Грецію и Сицилію и что предувѣдомляете меня, что пашпорта въ чужіе края мнѣ ни подъ какимъ видомъ и никуда получить нельзя, а что для исправленія здоровья жены моей и ребенка нашего Вы совѣтуете мнѣ ѣхать на южный берегъ Крыма, край, столь благотворный въ цѣлебномъ отношеніи.*

«Этою милостью ко мнѣ В. П. окажете мнѣ двойное благодѣяніе: избавивъ меня отъ семейныхъ докукъ и сохранивъ дѣла мои отъ разстройства, и тѣмъ усугубите еще мою давнишнюю къ Вамъ душевную благодарность.

«Прошу В. П. видѣть въ семъ письмѣ моемъ новый и безспорный знакъ моего глубокаго уваженія къ особѣ Вашей и моего безграничнаго довѣрія къ благородству Вашего характера и къ благодушію сердца Вашего (коему ввѣряю семейную тайну)».

Дубельтъ поступилъ такъ, какъ только и могъ по своей жандармской душѣ: приложилъ это интимное письмо къ офиціальному дѣлу о Долгоруковѣ... написавъ, ему, правда, все просимое.

IV.

24 августа 1851 г. Закревскій уже самъ просилъ государя разрѣшить Долгорукову жить въ Петербургѣ. Онъ говорилъ, что въ 1849 году, когда послѣдовалъ отказъ на такую же просьбу князя, онъ посовѣтовалъ ему «смягчить его строптивый характеръ». «Убѣжденія мои подѣйствовали на князя. Въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ онъ продолжалъ вести себя скромно и во всѣхъ отношеніяхъ примѣрно и какъ въ настоящее время лѣта и горькій опытъ монаршей немилости его исправили», то московскій сатрапъ осмѣливался замолвить свое слово. Но Николай снова отказалъ, «ибо по нахальству своему наживетъ здѣсь непріятности съ тѣми, которыхъ ругалъ въ своемъ сочиненіи»...

Получивъ опять отказъ, Долгоруковъ сталъ проситься на полгода въ Италію къ больной женѣ, а такъ какъ по пути пришлось бы ѣхать черезъ Петербургъ, то разрѣшить ему пробыть тамъ дольше обыкновеннаго. Орловъ сообщилъ Закревскому, что можно впередъ сказать объ отказѣ государя, но что если угодно, то онъ доложитъ, всетаки, просьбу. Закревскій отказался.

Тогда 10 января 1852 г. Долгоруковъ пишетъ Дубельту:

„Зная по собственному опыту, сколь В. П. расположены дѣлать добро и оказывать благодѣянія, рѣшаюсь просить Васъ убѣдительнѣйшимъ образомъ не оставить меня Вашимъ покровительствомъ: рѣшаюсь упрашивать В. П. быть моимъ ходатаемъ и предстателемъ передъ Его Сіятельствомъ графомъ Алексѣемъ Ѳедоровичемъ для полученія мною разрѣшенія жить въ Петербургѣ. Знаю, что офиціальнымъ образомъ дѣло это должно идти черезъ московскаго военнаго генералъ-губернатора, но почтеннѣйшій гр. Арсеній Андреевичъ [1])

[1]) Гр. Закревскій.

былъ столь добръ, что сказалъ мнѣ, что онъ, съ своей стороны, съ удовольствіемъ войдетъ о томъ съ представленіемъ, *если будетъ надежда на успѣхъ*

„В. П. извѣстно, что покойный графъ А. Х. Бенкендорфъ въ письмѣ своемъ отъ 11 марта 1844 г. писалъ мнѣ: (слѣдуетъ выдержка первыхъ двухъ фразъ изъ приведеннаго уже письма—*М. Л.*) Вотъ уже восемь лѣтъ минуло, а мнѣ пребываніе въ Петербургѣ все еще запрещено! В. П. все извѣстно, и потому извѣстно также, что я не вмѣшиваюсь ни въ какія политическія дѣла; съ другой стороны, мнѣ уже 36 лѣтъ, для меня уже миновало время пылкихъ вспышекъ и неосторожныхъ порывовъ юности; о поведеніи моемъ и о моихъ правилахъ могутъ засвидѣтельствовать гр. Арсеній Андреевичъ Закревскій и Степанъ Васильевичъ Перфильевъ, и если я получу просимое мною разрѣшеніе, то В. П. можете быть вполнѣ увѣрены, что я оправдаю поведеніемъ своимъ полученную мною милость, а В. П. извѣстно, что на мое слово можно положиться. И сколь бы я былъ счастливъ, если бы обязанъ былъ этимъ покровительству В. П. и ходатайству Вашему за меня передъ Его Сіятельствомъ гр. Алексѣемъ Ѳедоровичемъ".

Но Дубельтъ отвѣтилъ, что Орловъ ни въ коемъ случаѣ не хочетъ больше вмѣшиваться въ это дѣло.

Тогда Долгоруковъ обратился въ III Отдѣленіе черезъ графиню Салтыкову, симпатично относившуюся къ нему и женѣ и пользовавшуюся сильнымъ вліяніемъ среди петербургскихъ сферъ. Салтыкова, однако, не сдѣлала всего, что могла; въ своемъ письмѣ она просила исполнить просьбу Долгорукова, если Орловъ найдетъ это возможнымъ... Не видя настойчивости и понимая значеніе ея отсутствія, Орловъ отвѣтилъ графинѣ, что несмотря на все его желаніе быть ей пріятнымъ, онъ ничего не можетъ сдѣлать... Долгоруковъ не успокоился. Онъ послалъ письмо Орлову, передавъ его черезъ какого-то В. Нелидова. Послѣдній приписалъ, что разсчитываетъ на прощеніе Долгорукова, котораго Орловъ, разумѣется, добьется у государя, если вспомнитъ, что только что причастился св. тайнъ и далъ обѣтъ прощенія всѣхъ враговъ, даже личныхъ...

А вотъ что писалъ Орлову Петръ Владиміровичъ:

„Ваше Сіятельство, Милостивый Государь, графъ Алексѣй Ѳедоровичъ. Позвольте мнѣ прибѣгнуть къ В. С. съ просьбою объ исходатайствованіи мнѣ разрѣшенія жить въ Петербургѣ.

„Поступокъ, навлекшій на меня девять лѣтъ тому назадъ справедливое неудовольствіе Государя Императора, былъ съ моей стороны ошибкою юности слишкомъ пылкой и необдуманнымъ проступкомъ 26-лѣтняго молодого человѣка, проступкомъ, въ коемъ я нынѣ искренно и давно раскаиваюсь.

„Съ тѣхъ поръ я не имѣю позволенія жить въ Петербургѣ. Между тѣмъ, дѣла мои требуютъ присутствія въ Петербургѣ; съ другой стороны, у меня сынъ, для воспитанія котораго мнѣ весьма бы нужно жить въ Петербургѣ и, главное, мнѣ, какъ русскому и вѣрноподданному, горестно и тяжко находиться подъ опалою государя. В. С., столь глубоко преданные Г. И. и столь русскіе въ душѣ, легко поймете это чувство грусти и желаніе получить Всемилостивѣйшее прощеніе и забвеніе прошедшаго".

Орловъ доложилъ, наконецъ, Николаю и получилъ приказаніе запросить Закревскаго, заслуживаетъ ли проситель прощенія своимъ поведеніемъ и скромностью? Московскій генералъ-губернаторъ понялъ, что Николай на него возлагаетъ всю отвѣтственность за будущее Долгорукова, и потому отвѣтилъ, что несмотря на его безукоризненное поведеніе, онъ не можетъ за него ручаться, но предложилъ, въ свою очередь, взять съ Долгорукова подписку въ добропорядочномъ поведеніи въ Петербургѣ, предупредивъ, что при первомъ же ея нарушеніи онъ лишится въѣзда уже въ обѣ столицѣ и будетъ сосланъ въ деревню подъ надзоръ полиціи. Орловъ нашелъ эту комбинацію остроумной, Николай не спорилъ. 12 марта 1852 г. Закревскій взялъ съ Долгорукова именно такую подписку и выдалъ ему свидѣтельство для безпрепятственнаго въѣзда въ Петербургъ.

Тогда же Петръ Владиміровичъ и переѣхалъ туда.

Въ октябрѣ онъ попросился въ полугодовой отпускъ за границу къ больной женѣ, но Орловъ не нашелъ возможнымъ безпокоить государя его особой такъ часто.

V.

Тогда оставалось жить въ Петербургѣ и продолжать прерванныя на время историко-научныя занятія, результатомъ которыхъ и была представленная въ цензуру въ декабрѣ слѣдующаго 1853 года часть первая «Россійской Родословной Книги».

Позже Долгоруковъ такъ объяснилъ свои постоянныя занятія родословными. Первая причина была слѣдующая. Въ Россіи у многихъ лицъ есть фамильныя бумаги, переписки, документы. Явись къ большей части такихъ людей, человѣкъ, занимающійся исторіей, хоть будь Тацитомъ или Маколлеемъ, ему бумагъ этихъ не сообщать, по недовѣрчивости, врожденной въ насъ, русскихъ, и весьма понятной въ странѣ, въ коей шпіонство развито правительствомъ въ исполинскихъ размѣрахъ. Но явись человѣкъ хотя бы ума самаго ограниченнаго, только занимающійся родословными, и ему поспѣшатъ все показать и все сообщить. Такимъ образомъ, мы, занимаясь русской исторіей, могли имѣть доступъ къ массѣ документовъ и собрать обильнѣйшій запасъ свѣдѣній. Вторая причина слѣдующая. Мы всегда любили изучать исторію, въ особенности русскую; и вмѣстѣ съ тѣмъ находились иногда подъ явнымъ, а большую часть времени подъ тайнымъ, но всегда постояннымъ надзоромъ тайной полиціи. Въ теченіе многихъ лѣтъ мы проводили нѣсколько мѣсяцевъ въ году въ деревнѣ, и агенты полиціи могли задать себѣ вопросъ: «чѣмъ занимается Петръ Долгоруковъ?». При нашемъ занятіи родословными отвѣтъ угадать было не трудно и тогда, говоря: «пустѣ себѣ сидитъ въ этихъ невинныхъ занятіяхъ», насъ оставляли въ покоѣ. Такимъ образомъ занятіе родословными служило намъ путемъ къ познанію документовъ для другихъ недоступныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ противъ тайной полиціи, ширмами за коими мы могли и трудиться по части русской исторіи и вести наши записки» [1]).

---

[1]) „Правда о Россіи“, II, 163—164.

Цензурный комитетъ предварительно вычеркнувъ все, касавшееся декабристовъ и пострадавшихъ по польскому мятежу 1831 г., представилъ рукопись въ III Отдѣленіе спрашивая указаній, нѣтъ ли въ ней лицъ, о которыхъ совершенно нельзя говорить въ печати. Дубельтъ согласился съ сокращеніями цензуры и предложилъ только вычеркнуть всѣ описанія политическихъ преступленій.

Долгоруковъ разсказываетъ, что цензоръ Елагинъ, отличавшійся и тогда сказочною глупостью и свирѣпостью, никакъ не хотѣлъ пропустить замѣчаніе, что русскіе разбили Фридриха Великаго подъ Кунерсдорфомъ въ 1759 г. «Какъ можно это сказать, возражалъ онъ, вѣдь нынѣ королевско-прусскій домъ въ родствѣ съ россійско-императорскимъ домомъ»... Онъ же настаивалъ на томъ, чтобы князья Дмитрій и Иванъ Шаховскіе были показаны внуками своего дѣда, но не сыновьями отца, Федора, о которомъ не слѣдовало де и упоминать...

Только что кончилось дѣло съ «Родословной», какъ въ дѣлахъ III Отдѣленія появляется рядъ документовъ, касающихся семейной драмы Долгоруковыхъ. Такъ, имѣется записка, изъ которой видно, чтъ жена Петра Владиміровича съ пятилѣтнимъ сыномъ Владиміромъ безпрерывно живетъ за границей и въ 1853 г., бывъ въ Римѣ, хотѣла представиться папѣ, но получила отказъ нашего посланника. Тогда она, всетаки, получила двѣ аудіенціи у папы черезъ англійскаго посланника. Орловъ приказалъ никогда ее не пускать за границу... Черезъ нѣсколько дней послѣ такого распоряженія самъ Долгоруковъ обратился къ нему съ просьбой принять мѣры къ приведенію его жены «въ должное повиновеніе».

Орловъ (9 января 1854 г.) направилъ дѣло къ министру внутреннихъ дѣлъ съ просьбой помочь просителю... Однако, черезъ три дня III Отдѣленіе препроводило министру внутреннихъ дѣлъ письменную просьбу Долгорукова о прекращеніи дѣла по его жалобѣ на непослушаніе жены, актъ о передачѣ женѣ его костромского имѣнія и вольную всѣмъ его крѣпостнымъ крестьянамъ.

А работы надъ «Родословной» шли довольно энергично. Въ февралѣ 1856 г. Долгоруковъ проситъ министра народнаго просвѣщенія, Норова, поднести государю, уже Александру II, третью часть этой книги, прибавивъ, что первыя двѣ были поднесены черезъ министра двора въ февралѣ 1855 г. Немного спустя Долгоруковъ обращается къ Норову съ просьбой пріобрѣсти для министерства 250 экз. третьей части съ уступкою въ 33%, такъ какъ въ противномъ случаѣ онъ будетъ вынужденъ прекратить это явно для него убыточное изданіе... Еще немного спустя Долгоруковъ проситъ уже исходатайствовать у государя «отъ щедротъ монаршихъ какое либо вознагражденіе» за прежнія свои поднесенія.... 7 сентября Норовъ увѣдомилъ его, что государь императоръ «изволилъ изъявить ему монаршую благодарность» безъ какихъ бы то ни было вещественныхъ къ ней приложеній... Черезъ годъ, въ мартѣ 1857 г. Долгоруковъ подноситъ черезъ Норова четвертый томъ «Родословной» и добивается доклада со стороны министра просвѣщенія о награжденіи его подаркомъ въ шестьсотъ рублей „за этотъ первый въ своемъ родѣ и достойный полнаго одобренія трудъ“. Александръ II былъ, однако, экономенъ на этотъ разъ и

приказалъ ограничиться 400 рублями, за которые и былъ пріобрѣтенъ брилліантовый перстень, доставленный Петру Владиміровичу [1]).

Совершенно непонятно, для чего было сдѣлано это двукратное униженіе. Богатый Долгоруковъ, разумѣется, не нуждался въ перстнѣ... Вообще въ отношеніи Александра II онъ принялъ какой-то недостойный тонъ. Укажу хотя бы на письмо къ шефу жандармовъ, князю В. А. Долгорукову, въ которомъ Петръ Владиміровичъ сообщалъ, что въ Берлинѣ собираются сдѣлать второе изданіе его книги „Notice sur les principales familles de la Russie“, выпущенный въ свое время подъ псевдонимомъ графа Альмагро, безъ всякаго его согласія и прямо противъ его желанія. Онъ хорошо понимаетъ, что книга эта—„грѣхъ молодости“ и, чтобы „убить брошюру“, ему пришла въ голову мысль, которую Долгоруковъ и просилъ доложить государю. А именно: составить краткій и ясный словарь русскихъ дворянскихъ фамилій на французскомъ языкѣ, включивъ туда около 2000 родовъ, подвергнуть цензурѣ въ Петербургѣ и потомъ напечатать въ Парижѣ подъ заглавіемъ: «Dictionnaire historique de la noblesse russe, par le prince Pierre Dolgoroukow». Если на это высочайшее одобреніе послѣдуетъ, то онъ примется сейчасъ же за работу. Государь вполнѣ согласился на такое предложеніе и только приказалъ потребовать съ Долгорукова особую подписку въ томъ, что такой словарь дѣйствительно не будетъ напечатанъ имъ за границей безъ разрѣшенія петербургской цензуры. Очевидно, хотѣли запастись еще лишнимъ документомъ...

Изданіе было выпущено въ Брюсселѣ въ 1858 г.

Въ ноябрѣ 1857 г. Долгоруковъ представилъ вел. князю Константину Николаевичу и министру иностранныхъ дѣлъ, Горчакову, записку, въ которой, совѣтуя различныя реформы обветшалаго русскаго строя, убѣждалъ уничтожить тайные доклады министровъ и возстановить засѣданія комитета министровъ въ присутствіи самого государя, какъ это дѣлалось тогда въ Европѣ. Трудно сказать имѣла ли записка вліяніе, но во всякомъ случаѣ въ декабрѣ 1857 г., уже послѣ представленія ея государю, былъ учрежденъ совѣтъ министровъ, впервые засѣдавшій 2 декабря.

Въ 1859 г. Долгорукій, жившій въ своемъ тульскомъ имѣніи, тайно, черезъ Одессу, уѣхалъ навсегда заграницу.

Мих. Лемке.

---

[1]) Архивъ министерства народнаго просвѣщенія, дѣло № 130713.

Письмо А. Н. Плещеева Н. Г. Чернышевскому [1]).

Добрѣйшій другъ Николай Гавриловичъ. Въ бытность Суворина въ Петербургѣ вы сказали ему, между прочимъ, чтобы онъ свою повѣсть доставилъ вамъ. Это подало намъ съ нимъ нѣкоторую надежду на возможность близкаго возобновленія „Современника". Будьте добры напишите, въ какой степени эта надежда осуществима. Дѣло вотъ въ чемъ. У Суворина повѣсть готова. Онъ конечно желалъ бы всего болѣе отдать ее въ Соврем. Но онъ, въ то же время, въ такомъ положеніи, что едва-едва имѣетъ насущный хлѣбъ. Съ Краевскимъ онъ, разумѣется, не сошелся по очень уважительнымъ причинамъ, и въ Петербургъ, вѣроятно, не переселится. Значитъ ему прежде всего нужны деньги за повѣсть. Если-бы онъ могъ теперь же получить ихъ, то отдалъ бы свою повѣсть въ редакцію Соврем. и готовъ бы былъ ждать ея напечатанія сколько угодно. Мнѣ самому никуда не хотѣлось бы отдавать ничего своего. А у меня теперь кое что накопилось. Если Соврем. будетъ выходить, то я никуда и не пошлю. Будьте добры, дорогой мой, не полѣнитесь написать. Намъ необходимо знать что нибудь вѣрное, особливо Суворину. И еще напишите, въ Петербургѣ ли Некрасовъ? У меня есть до него дѣло.

Вашъ весь

А. Плещеевъ.

P. S. Бѣловъ написалъ мнѣ недавно, что ѣдетъ въ Нижній и будетъ потомъ въ Москвѣ.

---

[1]) Письмо это, посланное А. Н. Плещеевымъ изъ Москвы 12 іюля 1862 г., не было получено Чернышевскимъ, арестованнымъ 7 іюля; оно попало въ III Отдѣленіе прямо съ почты и оттуда было доставлено въ комиссію кн. Голицына, производившую слѣдствіе по дѣлу великаго писателя. Привожу его съ подлинника, хранящагося въ сенатскомъ архивѣ.

Мих. Лемке.

Революціонеры во флотѣ.

(Очеркъ первый).

I.

Съ самаго начала революціоннаго движенія въ семидесятыхъ годахъ и вплоть до паденія „Народной Воли“ русскіе офицеры не въ маломъ количествѣ пополняли собою ряды революціонеровъ. А многіе изъ нихъ играли въ революціонномъ дѣлѣ болѣе или менѣе выдающуюся роль; достаточно указать хотя бы на имена Лаврова, Кропоткина, Кравчинскаго (Степняка), Ашенбренера, Штромберга, братьевъ Рогачевыхъ, Похитонова, Буцевича и другихъ. Въ виду этого, я думаю, читателю будетъ не безъинтересно прочесть отрывки изъ моихъ воспоминаній о томъ, какъ одинъ изъ военныхъ кружковъ (нашъ кружокъ товарищей) впервые пришелъ въ соприкосновеніе съ революціонерами, какъ многіе изъ насъ удалились отъ нихъ, какъ впослѣдствіи примкнули къ партіи Н. В., какъ вошли въ сношенія съ другими офицерскими революціонными кружками; какъ образовалась военная организація и какъ она погибла. Воспоминанія эти будутъ отрывочны и неполны, особенно относительно послѣдняго періода, въ виду того, что многіе изъ участниковъ военной организаціи остались неизвѣстными русскому правительству; что многіе другіе, хотя и пострадали, но какъ второстепенные дѣятели, такъ какъ ихъ роль точно опредѣлена не была; а потому во многихъ случаяхъ, какъ лицъ, такъ и мѣстности придется обозначать буквой, а также придется умалчивать о нѣкоторыхъ подробностяхъ. Въ этихъ воспоминаніяхъ я не буду входить въ обстоятельный обзоръ дѣйствій партіи Н. В., а буду касаться ихъ постольку, поскольку это входитъ въ мои личныя воспоминанія относительно участія въ ней офицерства.

Впервые мы вошли въ соприкосновеніе съ революціонерами и даже вступили въ тайное общество осенью 1871 года. Будучи воспитанниками морского училища (теперь морской корпусъ), мы были тогда по возрасту мальчиками отъ 15 до 17 лѣтъ, а по жизненному опыту и политическому развитію вполнѣ дѣтьми, такъ что вся наша первая революціонная дѣятельность носила характеръ дѣтски-наивный и отчасти комическій.

Я лично попалъ въ тайное общество внезапно, совершенно неожиданно для самого себя. Дѣло было такъ: осенью 1871 года, будучи 15-лѣтнимъ мальчикомъ въ третьей ротѣ [1]) морского училища, я за какую-то провинность (кажется за самовольную отлучку) былъ посаженъ на четыре дня въ карцеръ подъ строгій арестъ. Карцеровъ у насъ было пять и всѣ они выходили въ общую комнату, гдѣ сидѣлъ сторожъ, который за приличное вознагражденіе отворялъ намъ двери, и такъ какъ всѣ пять карцеровъ обыкновенно были заняты, то мы и устраивали общія закуски (которыя доставлялъ намъ тотъ же сторожъ), игры, бесѣды и прочее, однимъ словомъ, вмѣсто одиночнаго заключенія проводили время въ веселой компаніи. Но все это было возможно только послѣ 8—9 час. вечера, послѣ обхода офицера. Весь же день приходилось сидѣть одному, только изрѣдка переговариваясь съ сосѣдомъ черезъ стѣнку, а потому мы обыкновенно запасались книгами для чтенія.

Но на этотъ разъ мой арестъ произошелъ внезапно, и я не успѣлъ захватить съ собою достаточный запасъ сочиненій Густава Эмара, Майнъ Рида и проч., которыми я тогда увлекался. Одновременно со мной былъ посаженъ въ карцеръ мой товарищъ по ротѣ В. Луцкій (который былъ старше меня на два года); къ нему то я и обратился утромъ, во время умыванія, съ просьбой дать мнѣ какую-нибудь книжку.

Луцкій посмотрѣлъ на меня съ серьезнымъ видомъ и съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ въ тонѣ сказалъ: „мои книги навряд будутъ васъ интересовать, въ нихъ трактуются вопросы политико-экономическіе; хотите, напримѣръ, Лассаля?“

Хотя слова „политико-экономическіе“ произвели на меня такое же дѣйствіе, какъ слово „металлъ“ на купчиху Островскаго, а о Лассалѣ я, конечно, никогда ничего не слыхалъ, но тонъ Луцкаго задѣлъ мое самолюбіе, и я, покривилъ душою, поспѣшилъ заявить, не безъ краски въ лицѣ, что я тоже интересуюсь политико экономическими вопросами, и давно хотѣлъ познакомиться съ Лассалемъ.

Луцкій посмотрѣлъ на меня съ большимъ сомнѣніемъ, но книгу далъ. Я отправился въ свой карцеръ, сожалѣя въ душѣ, что обратился къ нему, а не къ кому-либо другому за книгой, и теперь вмѣсто интереснаго романа долженъ буду просидѣть цѣлый день чортъ знаетъ съ какой книгой. Просить же теперь у кого-нибудь другую было совѣстно, Луцкій услышалъ бы и поднялъ бы меня на смѣхъ. И вотъ, волей-неволей я принялся за чтеніе Лассаля и... читалъ его весь день и весь вечеръ, почти не отрываясь.

Я мало знаю книгъ, которыя бы сразу производили такое сильное впечатлѣніе на людей совершенно не подготовленныхъ, какое производили въ періодъ 70—80 гг. рѣчи Лассаля. Въ этомъ

[1]) Младшій спеціальный классъ, потомъ 2-я, а первая рота—старшій спеціальный классъ.

мнѣ пришлось не разъ убѣждаться впослѣдствіи, во время моей народовольческой пропаганды.

Однимъ словомъ, я не прочиталъ, а проглотилъ томъ Лассаля, и во мнѣ произошелъ какъ бы какой то переломъ, хотя неясный и неопредѣленный, но я чувствовалъ, что что-то неладно, мнѣ какъ будто было совѣстно, являлось желаніе что-то дѣлать, но что? конечно, я не могъ на это отвѣтить. Для поясненія читателю нужно къ этому добавить, что большинство неиспорченныхъ помѣщичьихъ дѣтей, проведшихъ дѣтство въ деревнѣ, съ малыхъ лѣтъ носили въ душѣ какую-то, хотя и не опредѣленную, но нѣжную любовь въ народу и всегда были склонны къ протесту противъ насилія и угнетенія. Кромѣ того, наше училище, хотя и привилегированное дворянское, было проникнуто демократическимъ духомъ, и мы вѣчно вели борьбу съ начальствомъ. Все это вмѣстѣ, конечно, подготовило благопріятную почву.

Прочитавъ Лассаля, я подѣлился своими впечатлѣніями съ Луцкимъ. Для него, очевидно, было неожиданнымъ мое увлеченіе Лассалемъ, но онъ былъ доволенъ и сейчасъ же перемѣнилъ свой тонъ превосходства на дружескій; сталъ со мною толковать о прочитанномъ и обѣщалъ дать другія книги. Много съ нимъ мы не могли переговорить, такъ какъ его выпустили, а я остался сидѣть.

Дня черезъ два — три послѣ моего выхода изъ карцера ко мнѣ подошелъ Луцкій и началъ говорить о томъ, что слѣдовало бы устроить библіотеку изъ хорошо подобранныхъ книгъ, а также общія чтенія съ цѣлью самообразованія. Мнѣ эта мысль очень понравилась, и я выразилъ свое согласіе и на то, и на другое. Тогда Луцкій, немного выждавъ, спросилъ меня:

„А согласились ли бы вы принять участіе въ тайномъ обществѣ для подготовленія государственнаго переворота?“

Я былъ застигнутъ совсѣмъ врасплохъ этимъ вопросомъ, я даже не вполнѣ ясно понялъ, въ чемъ дѣло. Хотя Лассаль и увлекалъ меня, но я все еще былъ, не смотря на свои 15 лѣтъ, во многихъ отношеніяхъ вполнѣ наивнымъ ребенкомъ. Будь самъ Луцкій постарше, онъ бы это понялъ и, вмѣсто привлеченія меня къ тайному обществу, предложилъ бы участвовать въ кружкѣ самообразованія. Будь я немного опытнѣе, я бы, конечно, потребовалъ хотя бы времени на размышленіе, но мы оба были слишкомъ юны, и Луцкій торопился пріобрѣсть новаго сочлена въ общество.

Меня увлекало и самое слово „тайное“, уносившее меня въ сферу излюбленныхъ мною романовъ, и я находился еще весь подъ обаяніемъ прочитанныхъ вещей Лассаля, и мнѣ казалось, что тутъ то я найду разрѣшеніе томившихъ меня вопросовъ; и льстило моему самолюбію оказываемое мнѣ довѣріе, но съ другой стороны я плохо понималъ цѣль и значеніе этого общества, а также не вѣрилось мнѣ, чтобы мы, дѣти, что-нибудь могли сдѣлать: и я колебался и не давалъ отвѣта.

Не дождавшись отвѣта, Луцкій сталъ мнѣ разсказывать, что

„бывшіе недавно исключенными воспитанники нашего училища Лутохинъ, Чарнковъ и Юрковскій (впослѣдствіи Сашка инженеръ) устроили собраніе знакомыхъ имъ воспитанниковъ, на которомъ они и объявили, что организовалось тайное общество съ цѣлью ниспроверженія правительства и существующаго порядка, для того чтобы освободить народъ отъ угнетенія, устроить лучшіе порядки въ Россіи и вывести народъ изъ его тяжелаго и бѣдственнаго положенія, какъ это было во время великой французской революціи, о которой я кое-что зналъ, да кромѣ того читалъ „Исторію французскаго крестьянина“ Эркмана и Шатріана и „Одинъ въ полѣ не воинъ“ Шпильгагена. Далѣе Луцкій сообщилъ мнѣ, что это общество, между прочимъ, рѣшило привлечь къ своему дѣлу воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній, что уже есть кружки въ артиллерійскомъ, инженерномъ, Павловскомъ и Константиновскомъ училищахъ, что и у насъ въ 1-й и во 2-й ротахъ уже образовались кружки, а теперь образуется кружокъ въ нашей ротѣ; что цѣль образованія кружка, устройство общихъ чтеній, самообразованіе, пропаганда, привлеченіе новыхъ членовъ для общества и т. д., что каждый членъ кружка дѣлаетъ ежемѣсячные взносы, которые поступаютъ въ кассу общества, что дѣлами общества завѣдуютъ представители отъ всѣхъ кружковъ, которые собираются разъ въ недѣлю для обсужденія текущихъ дѣлъ, для рѣшенія же болѣе важныхъ вопросовъ созываются общія собранія изъ всѣхъ членовъ общества.

Хотя мои сомнѣнія и не были вполнѣ разрѣшены его разсказомъ и убѣжденіемъ, но на меня подѣйствовало то, что уже образовались кружки въ 1-й и во 2-й ротахъ. Разъ, думалось мнѣ, такіе взрослые и серьезные люди, какъ воспитанники 1-й роты, принимаютъ въ немъ участіе, то, очевидно, дѣло серьезное. А что оно хорошее, въ этомъ я былъ убѣжденъ съ самаго начала и далъ свое согласіе Луцкому, хотя и въ тотъ моментъ ясно не представлялъ себѣ, въ чемъ будетъ состоять этотъ государственный переворотъ, ради котораго я вступаю въ общество и въ чемъ можетъ состоять наша дѣятельность.

Когда я далъ свое согласіе, Луцкій назвалъ товарищей, уже принятыхъ въ кружокъ. Это были: Луцкій, Паскевичъ, Кулешъ, Уклонскій, Воейковъ, Добровольскій [1]), Брисецкій и еще одинъ или два. Послѣдніе четверо вскорѣ отстали, и мы остались въ пятеромъ.

Луцкій былъ гораздо развитѣе и начитаннѣе всѣхъ насъ; онъ вообще много читалъ и работалъ, хорошо говорилъ и былъ чрезвычайно смѣлый, энергичный и предпріимчивый малый, а потому являлся главою кружка и былъ нашимъ делегатомъ. Паскевичъ былъ совсѣмъ юный, въ однихъ лѣтахъ со мною, Кулешъ, нѣсколько постарше, мечтатель и энтузіастъ, а Уклонскій, въ то время лѣтъ 17, былъ своеобразнымъ Рахметовымъ. Онъ постоянно

---

[1]) Добровольскій впослѣдствіи командовалъ отрядомъ русскихъ военныхъ судовъ во время китайской экспедиціи въ 1904 году.

производилъ надъ собою всевозможные опыты, напр., можетъ ли въ теченіе цѣлой недѣли ничего не ѣсть, кромѣ чернаго хлѣба, и выдерживалъ это испытаніе твердо, хотя худѣлъ, блѣднѣлъ и страдалъ головными болями; то испытывалъ, сколько времени простоитъ на мѣстѣ и т. д., хотя все это какъ-то не вязалось съ его хохлацкой лѣнью и неподвижностью. Онъ также любилъ доискиваться до корня вещей и былъ педантически честенъ; напр., по его мнѣнію, если бы онъ далъ по ошибкѣ честное слово, хотя бы шпіону, молчать, то долженъ не отступать отъ этого и т. п. Въ двухъ другихъ ротахъ были кружки человѣкъ по 6—7, такъ что въ общемъ во всемъ училищѣ было человѣкъ 17—20. Въ кружкѣ 1-й роты были, между прочимъ, Сухановъ и Салтыковъ.

Самообразовательная часть нашей дѣятельности пошла довольно не дурно. Мы каждый вечеръ устраивали общія чтенія въ ротѣ, на которыя приходили кромѣ насъ и другіе товарищи послушать, такъ что иногда собирались человѣкъ 15—20. Читались Лассаль „Положеніе рабочаго класса", Флеровскій, Чернышевскій и проч. Пояснялъ прочитанное Луцкій, вызывая и направляя дебаты. Помимо общихъ чтеній, мы подъ руководствомъ того же Луцкаго составили небольшую библіотеку и всѣ пятеро усердно принялись за чтеніе. Густава Эмара и Майнъ-Рида замѣнили книги по естественнымъ наукамъ и исторіи, а изъ беллетристики Эркманъ Шатріанъ, Михайловъ и другіе. Мы также мечтали оставить училище и поступить въ университетъ.

Но политическая сторона нашего дѣла представлялась намъ въ какомъ то романическомъ туманѣ. Мы каждый день послѣ обѣда собирались въ ротномъ арсеналѣ пить свой чай [1]) и въ это время вели бесѣды о будущей революціи, которая представлялась въ видѣ организованныхъ возстаній, битвъ съ тиранами, оканчивающихся побѣдой и общимъ благополучіемъ, но никто изъ насъ не представлялъ себѣ, да и не задумывался надъ тѣмъ, на чемъ будетъ основано и въ чемъ будетъ состоять это всеобщее благо, ради котораго мы будемъ воевать. Въ нашихъ бесѣдахъ ни разу не было произнесено слово—соціализмъ, очевидно нашъ вождь и наставникъ Луцкій самъ еще его никогда не слыхалъ.

На собранія делегатовъ Луцкій ходилъ по субботамъ (день отпуска изъ училища), беря съ собой иногда Паскевича, а въ понедѣльникъ передавалъ намъ о томъ, что тамъ происходило. У меня остались въ памяти изъ его разсказовъ только два эпизода: на одномъ изъ первыхъ собраній былъ поставленъ вопросъ: „идти къ революціи мирнымъ или бурнымъ путемъ?" Наши делегаты, конечно, были за „бурный", за что и получили наше полное одобреніе. „Какая же революція безъ сраженій?" Это было бы намъ совершенно непонятно. Я запомнилъ этотъ эпизодъ, потому что, когда наше общество провалилось, я имѣлъ наивность разсказать о немъ, вслѣдствіе чего и товарищи, и родные не давали

[1]) Это было тогда запрещено, но практиковалось всѣми воспитанниками.

мнѣ покоя, задавая чуть-что вопросъ: „ну, и такъ, Есперъ, мирнымъ или бурнымъ?“ Вообще долго еще послѣ провала нашего общества меня высмѣивала вся моя родня (кромѣ братьевъ), состоявшая изъ чиновной бюрократіи. Я по молодости и наивности вступалъ съ ними въ споры, имѣя въ запасѣ только нѣсколько прочитанныхъ мною книгъ. И они очень были рады, что на такомъ слабомъ представителѣ ненавистнаго имъ „нигилизма“ они могли изощрить свое остроуміе и одержать безкровную побѣду надъ внутреннимъ врагомъ. Но и ихъ превосходительства не очень блестѣли государственнымъ умомъ и иногда высказывали довольно оригинальныя мысли; такъ я не могу забыть, какъ мой дядя, заслуженный инженерный генералъ, нѣсколько позже глубокомысленно критиковалъ политику правительства по отношенію къ нигилистамъ: „оно ихъ казнитъ и ссылаетъ—говорилъ онъ—родные страдаютъ, увеличивается недовольство, мальчишки и дѣвчонки воображаютъ себя героями; а я бы по-просту сдалъ бы ихъ въ солдаты и составилъ бы изъ нихъ отдѣльный баталіонъ; они народъ здоровый, смѣлый, изъ нихъ вышли бы прекрасные солдаты; а военная служба всякій нигилизмъ вытравила бы“—заканчивалъ онъ, самодовольно оглядываясь. Очевидно, пропаганда моего дяди не пропала даромъ, ибо черезъ двадцать лѣтъ съ лишнимъ, правительство примѣнило проектируемую имъ мѣру къ бастовавшимъ студентамъ. По всей вѣроятности, если бы мой дядя былъ живъ въ то время, его пригласили бы въ министры народнаго просвѣщенія, устраивать изъ студентовъ отдѣльные баталіоны для вытравливанія „духа мятежа“.

Другой эпизодъ очень характеренъ, ибо показываетъ, какой въ то время царилъ сумбуръ не только въ нашихъ головахъ, но и въ головахъ нашихъ болѣе взрослыхъ товарищей по обществу, изъ штатскихъ. Разъ Луцкій, прійдя съ собранія, говоритъ: „я совсѣмъ разочарованъ въ Лутохинѣ; сегодня были горячіе споры, Лутохинъ и нѣкоторые другіе предлагали деньги общества употребить на устройство какихъ-то мастерскихъ, но я и большинство делегатовъ возстали противъ этого—тутъ коммерція какая-то“.

По всей вѣроятности дѣло шло о кооперативныхъ мастерскихъ для цѣлей пропаганды. Но ни предлагавшіе, ни возражавшіе ясно не понимали, какъ и что надо сдѣлать. Очевидно, это было зарожденіе одной изъ тѣхъ мыслей, которыя черезъ годъ—два повели молодежь въ народъ, гдѣ многіе изъ нихъ дѣйствительно заводили мастерскія, особенно въ періодъ „Земли и Воли“, которыя, не смотря на свою кажущуюся неудачу, сослужили немалую службу русскому революціонному дѣлу вообще и въ особенности рабочему движенію, бросивъ сѣмена пропаганды въ дѣйствительную рабочую среду и сблизивъ на реальной почвѣ интеллигента съ рабочимъ.

Но самымъ торжественнымъ для насъ днемъ было общее собраніе членовъ общества. Мы его ждали съ нетерпѣніемъ и волненіемъ. Наконецъ Луцкій, прійдя разъ съ собранія делегатовъ, заявилъ намъ, что рѣшено на слѣдующую субботу

созвать общее собраніе членовъ общества. Луцкій для большей конспираціи и надежности написалъ адресъ квартиры, гдѣ должно было происходить собраніе, на крошечныхъ бумажкахъ и роздалъ намъ. Я положилъ свою бумажку въ карманъ и, конечно, не замедлилъ потерять; то же самое случилось и съ двумя другими изъ товарищей, а это не осталось безъ послѣдствій при нашемъ арестѣ.

Итакъ, въ назначенный день я съ квартиры старшаго брата отправился по указанному адресу. Ни пароля, ни чего либо подобнаго мнѣ не было дано; только разъ было сказано, что фамилія хозяина квартиры Махаевъ.

По мѣрѣ приближенія къ мѣсту собранія мое волненіе все увеличивалось и увеличивалось, такъ что, когда я подошелъ къ дверямъ квартиры, то остановился на нѣсколько минутъ, чтобы собраться съ мыслями и сообразить: что я скажу, какъ войду и прочее.

Наконецъ, мнѣ показалось, что я все обдумалъ, и я позвонилъ... Когда же, на мой звонокъ, отворилась дверь и выглянулъ высокій господинъ съ большой длинной бородой, я совсѣмъ сконфузился и на его вопросъ:

— Что вамъ угодно?

— Ничего,—отвѣтилъ я растерявшись.

Тотъ смотрѣлъ на меня, я на него, и оба были въ нерѣшительности. Наконецъ, я вспомнилъ фамилію и спросилъ:

— Здѣсь живетъ Махаевъ?

— Здѣсь,—отвѣчалъ онъ.

И опять вопросительно посмотрѣлъ на меня. Я еще болѣе сконфузился, ибо зналъ, что о тайномъ обществѣ незнакомому человѣку говорить нельзя, другого же ничего я не могъ придумать, мы продолжали смотрѣть другъ на друга. Сколько времени это продолжалось бы, неизвѣстно. Очевидно, онъ въ первый разъ видѣлъ нашу форму и не могъ сообразить кто я. Наконецъ, онъ повидимому, догадался, и пробормотавъ: „а-а-а!“ открылъ дверь и, обращаясь ко мнѣ сказалъ: „пожалуйте“.

Квартира, въ которую я попалъ, была большая—комнаты въ четыре. Въ первой былъ столъ, стулья и скамьи. На столѣ стоялъ самоваръ, стаканы и огромная корзина съ сухарями. Въ это время тамъ было всего человѣка четыре... Очевидно, я пришелъ однимъ изъ первыхъ. Войдя, я сѣлъ на одну изъ скамеекъ; бородачъ впустившій меня, уже болѣе мною не занимался, остальные продолжали свой разговоръ, не обративъ вниманія на мой приходъ, и я сѣлъ одинъ въ этой незнакомой мнѣ обстановкѣ, не зная что дѣлать, въ томительномъ ожиданіи. Мало по малу началъ собираться народъ, пришли и мои товарищи, всего собралось человѣкъ до восьмидесяти; въ томъ числѣ одинъ артиллерійскій офицеръ; но изъ военныхъ училищъ были только наши, другіе почему то не могли прійти.

Скоро начались дебаты, но мы не только не принимали въ нихъ участія, но даже плохо понимали въ чемъ дѣло. Тамъ тол-

ковалось о какихъ то кружкахъ и партіяхъ, обсуждали вопросъ возможности ихъ соединенія, ссылались на интернаціоналъ и все это пересыпалось цитатами, терминами и т. п.; повидимому, тамъ были члены не только нашего, но и другихъ обществъ, и обсуждался вопросъ объ ихъ соединеніи. Мы сидѣли молча и отъ нечего дѣлать пили чай и усердно ѣли сухари. Когда же дебаты приходили къ концу, кто-то обратился къ намъ съ вопросомъ:

— Ну, а какъ вы господа, смотрите на этотъ вопросъ?

Мы были застигнуты совсѣмъ врасплохъ, но насъ выручилъ Луцкій, откровенно заявивъ, что мы еще мало знакомы съ этими вопросами и теперь занимаемся болѣе самообразованіемъ; и вотъ не посовѣтуетъ ли кто нибудь изъ нихъ, какія книги лучше было бы намъ читать. Человѣкъ десять немедленно принялись составлять намъ каталогъ для чтенія, вслѣдствіи чего онъ вышелъ длинный. Когда каталогъ былъ готовъ, мы ушли и съ нами сразу вышла масса народу, однимъ словомъ—шли цѣлой толпой. Тогда полиція смотрѣла на сходки, какъ на вещь самую обыкновенную.

Я ушелъ съ этого собранія порядочно разочарованнымъ. Я чувствовалъ себя совсѣмъ ребенкомъ и у меня росло сознаніе, что не за свое дѣло мы взялись. Вообще это большая ошибка, которая не разъ повторялась революціонерами въ прошлыя времена, вмѣсто устройства кружковъ самообразованія съ мѣста въ карьеръ привлекать молодыхъ мальчиковъ въ революціонному дѣлу. На сколько кружокъ самообразованія принесъ огромную пользу нашему политическому развитію, настолько неумѣстнымъ было наше участіе въ тайномъ обществѣ. Слишкомъ раннее привлеченіе мало развитыхъ мальчиковъ весьма опасно. Иногда это создаетъ недоразвившихся самоувѣренныхъ болтуновъ, иногда приводитъ къ полному разочарованію и подготовляетъ будущихъ ренегатовъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и предателей; и даже тогда когда болѣе талантливыя натуры почти дѣтьми попадаютъ въ революціонную дѣятельность, имъ много приходится впослѣдствіи работать, чтобы отрѣшиться отъ узкихъ кружковыхъ, принятыхъ на вѣру взглядовъ, пополнить свое образованіе и выработать болѣе или менѣе правильный критическій взглядъ.

Въ училищѣ, какъ я сказалъ выше, мы постоянно держались вмѣстѣ, на общихъ устроенныхъ нами чтеніяхъ говорили свободно; все это, конечно, не могло не заинтересовать остальныхъ нашихъ товарищей, и въ нашей ротѣ стали ходить про насъ самые невѣроятные слухи. Нѣкоторые говорили напр., что мы участвуемъ въ заговорѣ съ цѣлью устроить нѣчто вродѣ Варооломеевской ночи въ Петербургѣ, собираемся-де вырѣзать царскую фамилію и всѣхъ ея приближенныхъ.

Особенно усердно занималась распространеніемъ слуховъ такъ называемая „бутылочная компанія“ человѣкъ въ двѣнадцать, состоявшая изъ любителей выпивки и веселой жизни и смотрѣвшая съ презрѣніемъ на всякаго, читающаго серіозную книжку. Во главѣ этой компаніи былъ Дюбраэль Эшшапаръ I, состоявшій впослѣдствіи при Наслѣдникѣ престола Николаѣ Александровичѣ. Эта

компанія, какъ мы послѣ узнали, устроила за нами цѣлую систему шпіонства и между прочимъ отрядила къ намъ наиболѣе начитаннаго изъ своей среды (хотя, что совершенно естественно въ данномъ случаѣ, игравшаго въ этой компаніи роль паріи) Хлопова, родственника Левашева, правой руки Шувалова. Хлоповъ вдругъ почувствовалъ къ намъ нѣжныя чувства, сталъ заводить съ нами бесѣды по интересующимъ насъ вопросамъ, высказывалъ сочувствіе нашимъ взглядамъ и т. п. Однимъ словомъ, велъ себя такъ, что у насъ не разъ подымался вопросъ, не открыть ли ему все и принять въ кружокъ. Но, не смотря на нашу дѣтскую наивность и довѣрчивость, мы инстинктивно ему не довѣряли и каждый разъ откладывали рѣшеніе вопроса. Онъ же, какъ потомъ выяснилось, сообщалъ все, что могъ, не только бутылочной компаніи но и докладывалъ своему родственнику Левашеву, къ которому, вѣроятно, попали и наши потерянныя записочки съ адресомъ собранія. По окончаніи нашего дѣла Хлоповъ признался Луцкому въ томъ, что передавалъ о насъ, оправдывая себя тѣмъ, что онъ и его товарищи рѣшили это сдѣлать, чтобы спасти насъ.

Мало по малу впечатлѣніе угнетенности и неувѣренности въ себѣ, вынесенное изъ собранія, само собою распалось, и мы съ прежнимъ увлеченіемъ предались общимъ чтеніямъ и мечтамъ о благодѣтельной революціи, долженствующей осчастливить міръ. Такъ все шло спокойно еще мѣсяца полтора. Но вотъ въ началѣ февраля 1872 года надъ нами разразилась гроза.

Какъ то разъ, поздно вечеромъ, когда я уже легъ спать, ко мнѣ подбѣжалъ одинъ изъ товарищей очень взволнованный и сообщилъ, что Луцкій и Паскевичъ арестованы, и куда то уведены. Я вскочилъ... смотрю... у насъ въ спальнѣ царитъ небывалое оживленіе. Всѣ товарищи, разбившись на кучки, о чемъ то ведутъ оживленные разговоры. Я всталъ и, переходя отъ одной группы къ другой, сталъ прислушиваться къ толкамъ. Вездѣ, конечно, говорили объ арестѣ Луцкаго и Паскевича, но сообщались самые нелѣпые слухи. Одинъ разсказывалъ о томъ, что Луцкій и Паскевичъ дрались на дуэли; другой, что они оскорбили офицера; третій, что у насъ въ училищѣ образовалось тайное общество самого террористическаго характера; что Луцкій и Паскевичъ члены этого общества; эти послѣдніе толки велись, конечно, среди бутылочной компаніи. Когда я подошелъ къ нимъ, то они довольно злорадно посматривали на меня и задавали мнѣ ядовитые вопросы о томъ, какъ я себя чувствую и что думаю объ арестѣ Луцкаго и Паскевича. Но я не сталъ пускаться въ объясненія съ бутылочниками, а послушавъ о чемъ толкуется, отправился разыскивать Уклонскаго и Кулеша.

Когда я ихъ разыскалъ, мы стали обсуждать, какъ намъ быть, такъ какъ не сегодня—завтра насъ тоже арестуютъ. Къ намъ присоединились еще нѣсколько человѣкъ, принимавшихъ въ началѣ участіе въ обществѣ, а потомъ отставшихъ. Эти послѣдніе были страшно испуганы, но мы ихъ успокоили, объяснивъ имъ, что объ ихъ участіи никто знать не можетъ и что никто изъ насъ

ихъ не выдастъ. Сами же мы ни къ какому рѣшенію прійти не могли, ибо намъ невозможно было сообразить, откуда свалилась бѣда и что извѣстно начальству, а что нѣтъ. Но испуганы мы не были, намъ тогда все представлялось въ розовомъ туманѣ, даже арестъ, ссылка или, какъ мы думали, каторга. Потолковавъ о томъ, о семъ и видя, что за нами не приходятъ, мы разошлись, улеглись спать и проспали до утра, такъ же крѣпко, какъ всегда.

Но на другой день утромъ въ нашу роту явился ротный командиръ Изыльметьевъ, вызвалъ насъ троихъ, Уклонскаго, Кулеша и меня, и объявилъ, что мы арестованы.

Въ это же время были произведены и въ другихъ ротахъ аресты—въ первой и второй, такъ что всѣхъ арестованныхъ набралось до 25 человѣкъ, въ томъ числѣ Сухановъ, бывшій воспитанникомъ старшей роты (первой). Насъ всѣхъ разсадили по одиночкѣ въ разныя мѣста: кого въ конференцъ-залъ, кого въ карцеръ, кого въ лазаретъ и т. д. А Луцкій, такъ тотъ помѣщался у директора на квартирѣ.

Въ первую минуту наше начальство было страшно перепугано и отнеслось къ намъ весьма сурово. Намъ грозили военнымъ судомъ, ссылкой, каторжными работами, а при нашемъ отказѣ давать показанія грозили, что отправятъ насъ въ III отдѣленіе, а что, дескать, тамъ съ нами церемониться не будутъ и примѣнятъ къ намъ тѣлесное наказаніе и пытку. Но всѣ эти угрозы мало на насъ дѣйствовали, и мы были очень сдержаны въ своихъ показаніяхъ нашему начальству, чѣмъ приводили его въ немалое бѣшенство. Но скоро все это измѣнилось: насъ потребовалъ къ себѣ тогдашній морской министръ, вице-адмиралъ Краббе.

Но раньше, чѣмъ продолжать дальше, я долженъ сказать нѣсколько словъ о самомъ Краббе, сыгравшемъ такую важную роль въ нашей судьбѣ.

Краббе былъ морскимъ министромъ и любимцемъ Императора Александра II. Онъ былъ веселый собутыльникъ и разсказчикъ игривыхъ анекдотовъ, которыми онъ развлекалъ и заставлялъ смѣяться, даже въ самыя тяжелыя минуты, весь дворъ; онъ пользовался большой силой: никого не боялся и прочно сидѣлъ на своемъ посту, на которомъ и пробылъ до самой своей смерти.

Краббе былъ страшный самодуръ, но очень добрый, по своему, человѣкъ, всегда заботившійся о своихъ подчиненныхъ и защищавшій ихъ. Для характеристики его чудачества я разскажу здѣсь фактъ, за достовѣрность котораго ручаюсь.

Въ Кронштадтѣ существуетъ морская библіотека, одна изъ самыхъ богатыхъ въ Россіи. И вотъ кому то изъ услужливаго начальства пришла богатая идея украсить библіотеку *бронзовыми бюстами* всѣхъ великихъ князей, начиная съ Рюрика. Для осуществленія этой патріотической цѣли была устроена среди морскихъ офицеровъ оффиціальная подписка со шнуровой книгой, печатями и проч. И вотъ, къ ужасу всего начальства, одинъ лейтенантъ написалъ въ этой священной книгѣ нижеслѣдующее заявленіе: „Библіотека нуждается въ хорошихъ книгахъ, въ бронзовыхъ же го-

ловахъ у насъ въ Россіи недостатка не чувствуется, а потому подписку нахожу излишней", и подписался: лейтенантъ такой то. Можете себѣ представить переполохъ всего начальства, въ особенности въ то время. Немедленно было донесено морскому министру, и тотъ приказалъ виновному лейтенанту предстать предъ его свѣтлые очи.

Несчастный лейтенантъ съ стѣсненнымъ сердцемъ, вѣроятно не разъ сожалѣя о своемъ поспѣшномъ остроуміи, отправился въ Петербургъ и его воображенію, конечно, рисовалась неутѣшительная перспектива путешествія по „Владимиркѣ".

Но вотъ онъ прибылъ въ Петербургъ, подъѣхалъ къ адмиралтейству и не совсѣмъ увѣренно вступилъ въ пріемную вельможнаго министра. О немъ доложили и просили подождать.

Онъ ждетъ въ пріемной четверть часа, полчаса, часъ...

Наконецъ открываются двери, входитъ самъ морской министръ Краббе въ... въ однѣхъ туфляхъ! Буквально въ однѣхъ туфляхъ, совершенно голый!

Лейтенантъ уподобляется статуѣ командора.

А Краббе, нисколько не смущаясь, начинаетъ прогуливаться по комнатѣ, размахивая руками, похлопывая себя по тѣлу и приговаривая: „вотъ, и я либералъ! вотъ, и я либералъ!", погулявъ такимъ образомъ минутъ пять, Краббе остановился и, обращаясь къ офицеру, громовымъ голосомъ закричалъ:

— У меня въ Кронштадтѣ, хоть на головахъ ходи, а либераловъ не потерплю!—И, помолчавъ, прибавилъ:—ступайте!

Тѣмъ вся исторія и кончилась, и лейтенантъ отправился восвояси, очень довольный тѣмъ, что отдѣлался только нагляднымъ урокомъ русскаго либерализма, какъ онъ понимался тогда въ высшихъ сферахъ.

Вотъ къ этому то чудаку насъ и повезли по одиночкѣ. Тутъ картина совсѣмъ измѣнилась. Каждаго изъ насъ Краббе встрѣчалъ ласково, гладилъ по головѣ, приговаривая:

— Ты не бойся, голубчикъ, я въ обиду не дамъ, я получилъ отъ государя полномочіе самъ произвести слѣдствіе.

Послѣ чего сажалъ съ собою за столъ, подавался чай съ печеніями, и когда затѣмъ появлялись грозные Шуваловъ и Левашевъ, арестованный былъ уже вполнѣ успокоенъ и во время начинающагося допроса могъ отвѣчать обдуманно и сдержанно. Но и во время самаго допроса Краббе зорко слѣдилъ, чтобы не сбивали допрашиваемаго и, если Шуваловъ или Левашевъ задавали вопросъ, который могъ повести къ неудачному отвѣту, Краббе вмѣшивался:

— Позвольте, ваше превосходительство, я имѣю полномочія отъ государя и не допущу, чтобы губили моихъ мальчиковъ.

Это не мало раздражало и Шувалова, и Левашева, такъ что во время допроса Луцкаго Левашевъ въ сердцахъ воскликнулъ:

— Помилуйте, ваше превосходительство, да вѣдь Хлоповъ совсѣмъ другое говоритъ!—чѣмъ и открылъ намъ, кто донесъ на насъ.

Поддерживаемые Краббе, мы давали показанія, говорили много, но въ сущности ничего не сказали. И ни Шуваловъ, ни Левашевъ никакъ не могли разобраться, революціонное ли это общество, или какое-то коммерческое, или просто какая-то ерунда; и чѣмъ дальше шелъ допросъ, тѣмъ большая путаница появлялась. И настолько были сбиты съ толку, что намъ потомъ, сговорившись, удалось придать всему дѣлу довольно оригинальный характеръ.

Наше начальство, видя мягкое къ намъ отношеніе всесильнаго министра, тоже перемѣнило свое обращеніе съ нами и... изъ суроваго стало отеческимъ. Помимо природной доброты, Краббе, очевидно, руководился и другими соображеніями—ему не хотѣлось, чтобы царь могъ подумать, что въ его вѣдомствѣ завелась крамола, что послужило бы оружіемъ въ рукахъ враговъ самого Краббе, а потому ему было выгодно потушить дѣло. И весьма возможно, что въ этомъ случаѣ ему содѣйствовалъ всесильный тогда военный министръ, графъ Милютинъ, такъ какъ многіе изъ воспитанниковъ артиллерійскаго и инженернаго училищъ принадлежали къ нашему обществу, а слѣдовательно и Милютину было выгодно, чтобы дѣло было потушено.

Вскорѣ послѣ допроса у Краббе мы получили возможность сноситься письменно. Училищная прислуга передавала намъ другъ отъ друга записки. Я сильно подозрѣваю, что это дѣлалось не безъ вѣдома начальства и по внушенію Краббе. Суханову пришла мысль объяснить образованіе нашего общества вліяніемъ сочиненій Максимова о сѣверныхъ промыслахъ и желаніемъ нашимъ содѣйствовать развитію сѣвернаго края, и мы, сговорившись, показывали въ этомъ направленіи (отъ этого и стали называть наше общество *китоловнымъ*, а насъ *китоловами*). Какъ ни нелѣпо покажется на первый разъ такое объясненіе, но намъ повѣрили; очевидно хотѣли вѣрить, искали повода къ нашему оправданію. И, дѣйствительно, черезъ недѣлю насъ выпустили, и мы уже считались не обвиняемыми, а свидѣтелями, въ качествѣ каковыхъ насъ и опрашивали прокуроръ и жандармы, пріѣзжавшіе для этого въ училище. Недѣли черезъ двѣ послѣ этого всѣхъ насъ, человѣкъ двадцать пять, вызвали въ конференцъ-залъ и выстроили во фронтъ. Минутъ черезъ десять вошелъ Краббе въ полной формѣ со всѣми орденами и объявилъ намъ, что онъ пріѣхалъ прямо отъ государя, который велѣлъ „простить и забыть“, но что онъ, Краббе, отъ себя наказываетъ насъ на шесть недѣль безъ отпуска.

Послѣ этого онъ обратился къ намъ съ рѣчью, содержаніе которой я, конечно, не могу передать черезъ 35 лѣтъ, но суть ея была въ томъ, что мы, на которыхъ казна ежегодно тратитъ по тысячѣ рублей на каждаго, вмѣсто того, чтобы слушать начальство и нашего духовника, взяли себѣ въ руководители „каторжанина Чернышевскаго“ и „какого-то англійскаго бунтовщика Милля“ (почтенный Джонъ Стюартъ Миль, конечно, былъ бы весьма удивленъ, узнавъ, что русскій министръ зачисляетъ его въ бунтовщики) и тому подобныхъ лицъ. Въ концѣ рѣчи онъ вы-

разилъ надежду, что это дѣло послужитъ намъ урокомъ, и мы найдемъ себѣ лучшихъ руководителей.

Затѣмъ послѣдовала сцена, которая въ нашихъ глазахъ окончательно уронила престижъ нашего начальства. Краббе, окончивъ рѣчь, обращенную къ намъ, повернулся къ начальству и началъ разносить его, не стѣсняясь въ выраженіяхъ.

Нашъ важный, украшенный лентой и орденами, директоръ, инспекторъ, начальникъ строевой части и ротные командиры—въ отвѣтъ на грубую и по большей части несправедливую брань—только низко кланялись, и чѣмъ брань становилась грубѣе (Краббе умѣлъ ругаться), тѣмъ поклоны становились все ниже и ниже.

Эта сцена оставила на нѣкоторыхъ изъ насъ неизгладимое впечатлѣніе—иллюстрируя весь тогдашній режимъ: грубость, самовластіе и заносчивость передъ низшими и рабское низкопоклонство передъ высшими.

Матросы, стоящіе неподвижно передъ ругающимъ ихъ начальникомъ, не производили на насъ такого тяжелаго впечатлѣнія, какъ видъ этихъ кланяющихся, обшитыхъ золотомъ фигуръ нашего начальства, нашихъ воспитателей, объятыхъ рабскимъ трепетомъ передъ расходившимся временщикомъ. Какое же уваженіе могло остаться у насъ, молодыхъ мальчиковъ, не боявшихся министра, къ нашему начальству, унижающемуся передъ нимъ? Очевидно было, что и самъ Краббе презиралъ ихъ; его тонъ съ нами, даже въ послѣдней его рѣчи, былъ не тотъ, что съ ними намъ онъ не сказалъ ни одного оскорбительнаго слова. Если бы онъ задался цѣлью уничтожить впечатлѣніе своего истинно-гуманнаго и вполнѣ педагогическаго поведенія къ намъ въ этомъ дѣлѣ и задался цѣлью дискредитировать окончательно въ нашихъ глазахъ тогдашній режимъ, онъ ничего лучшаго не могъ бы придумать, какъ разыграть передъ нами вышеописанную сцену.

Въ такомъ же родѣ, какъ мы потомъ узнали, разыгрывались сцены и въ другихъ военно-учебныхъ заведеніяхъ, но тамъ роль громовержцевъ приняли на себя начальники училищъ, при чемъ начальникъ инженернаго училища, прійдя въ азартъ, закончилъ свою рѣчь такой угрозой по адресу виновныхъ воспитанниковъ: „я вамъ говорю, что васъ закуютъ въ кандалы и сошлютъ на каторгу; а если это еще разъ повторится, то всѣхъ васъ исключу изъ училища“.

Спасая насъ, Краббе спасъ и всѣхъ другихъ участниковъ этого общества, онъ не далъ Шувалову раздуть дѣло, и пострадалъ только Лутохинъ, который былъ высланъ, и одинъ офицеръ, уволенный въ отставку.

Изъ другихъ—гражданскія лица отдѣлались, кажется, только надзоромъ, а воспитанники военно-учебныхъ заведеній—тѣмъ же наказаніемъ, какъ и мы.

У насъ въ училищѣ былъ прочитанъ, при общемъ собраніи воспитанниковъ, очень длинный приказъ морского министра, въ которомъ объяснялось, что агенты заграничнаго революціоннаго

сообщества, не останавливающіеся ни передъ какими средствами, стараются всѣми способами найти себѣ сторонниковъ въ Россіи. Они проникли и въ военныя училища и подъ всякими ложными предлогами стараются увлечь воспитанниковъ этихъ училищъ, въ томъ числѣ и нашего, что имъ наконецъ и удалось подъ предлогомъ развитія богатствъ Россіи привлечь нѣсколько горячихъ головъ, которыя въ настоящее время прощены, но впредь прощаться не будутъ, и что этотъ приказъ долженъ читаться всѣмъ вновь поступающимъ воспитанникамъ для предупрежденія.

Тѣмъ и кончилась оффиціальная сторона этого дѣла, но началась исторія среди товарищества.

До этого времени воспитанники училища пользовались весьма широкой свободой; напуганное нашей исторіей начальство начало вводить новыя болѣе стѣснительныя правила и усиливать надзоръ за воспитанниками. Считая насъ виновниками этихъ стѣсненій, товарищи все болѣе и болѣе раздражались противъ насъ. Сначала это раздраженіе выражалось только спорами и взаимными упреками. Но вотъ однажды, во время общаго взаимнаго объясненія въ курительной комнатѣ, въ отвѣтъ на упреки, что мы не пожалѣли товарищей, Луцкій заявилъ: „если я вижу золото, а по дорогѣ кучу навоза, то не задумаюсь раздавить навозъ, чтобы достать золото“. Это было послѣдней каплей, переполнившей чашу терпѣнія; поднялись восклицанія: „они не только приносятъ намъ вредъ, они еще смѣютъ унижать и оскорблять насъ, они не уважаютъ товарищей и производятъ расколъ въ ротѣ“.

Это были самыя страшныя обвиненія, такъ какъ у насъ въ училищѣ главной гордостью и достоинствомъ считались дружность выпуска и уваженіе къ товарищамъ: дѣлай что хочешь, но только будь хорошимъ товарищемъ, и все тебѣ проститься. Поэтому послѣ словъ Луцкаго раздраженіе достигло крайней степени, и начали составляться проекты насъ избить, и мы серьезно готовились къ защитѣ, не желая дѣлать никакихъ уступокъ. Но этотъ проектъ не состоялся, потому что наши личные друзья, хотя и бывшіе противъ насъ въ этомъ дѣлѣ, не хотѣли допустить до этого, да и нѣкоторые изъ посѣщавшихъ наши общія чтенія товарищи открыто приняли нашу сторону, въ томъ числѣ и П. О. Серебрянниковъ, обладавшій геркулесовской силой.

Тогда былъ составленъ нѣкимъ Ѳедоровскимъ проектъ петиціи начальству о нашемъ исключеніи. Вся рота была раздѣлена на двѣ части, съ одной стороны наша небольшая группа, съ другой—всѣ остальные. Проектъ о нашемъ исключеніи обсуждался цѣлую недѣлю. Главными агитаторами были члены бутылочной компаніи. Но и наши друзья тоже склонялись къ этому, для пользы товарищества, какъ они говорили. Сначали думали исключить всѣхъ пятерыхъ, потомъ рѣшили только двоихъ, Луцкаго и Паскевича, потомъ перемѣнили Паскевича на меня, какъ по ихъ мнѣнію наиболѣе упорнаго. Это мнѣ говорили мои личные друзья.

— Мы, Есперъ, будемъ стоять за твое исключеніе, хотя и любимъ тебя, такъ какъ ты по своему упорству не откажешься

отъ своихъ завирательныхъ идей. А это поведетъ къ вѣчнымъ раздорамъ въ нашей ротѣ, самой дружной въ училищѣ.

Я думаю, что наши друзья въ дѣйствительности и не думали о моемъ и Луцкаго исключеніи, а толковали объ этомъ, чтобы подѣйствовать на насъ, съ надеждой, что мы первые пойдемъ на примиреніе съ товарищами и дружба въ ротѣ будетъ спасена.

Наша рота была дѣйствительно очень дружная и съ самаго начала вела упорную борьбу съ начальствомъ, такъ что еще задолго до нашего китоловнаго дѣла заслужила репутацію бунтовщиковъ. Я какъ теперь помню начало рѣчи директора училища, контръ-адмирала Епанчина, обращенной къ нашей ротѣ по поводу одной изъ исторій съ начальствомъ:

— Пятьдесятъ бунтовщиковъ! Неужели вы думаете, что въ Россійской Имперіи не хватитъ силы усмирить пятьдесятъ бунтовщиковъ?! Кто не хочетъ учиться, ступай въ университетъ и отрости себѣ волосы...

Къ концу недѣли, когда нужно было окончательно рѣшать вопросъ и приступить къ подписямъ, то ничего не вышло. Никто даже изъ бутылочной компаніи не рѣшался первый подписать петицію, всякій чувствовалъ, что это дѣйствительно не по товарищески, что какъ ни объясняй, а все таки подлость. Такъ подъ петиціей и осталась одна только подпись Ѳедоровскаго.

Окончательное пораженіе бутылочная компанія потерпѣла отъ Луцкаго. Въ курительной комнатѣ, когда тамъ засѣдали только бутылочники, предатель Хлоповъ, подуськиваемый ими, началъ провоцировать Луцкаго, который былъ тамъ только одинъ изъ нашихъ; этотъ послѣдній, потерявъ терпѣніе, набросился на Хлопова и избилъ его такъ, что тотъ ушелъ въ лазаретъ, и произвелъ онъ эту экзекуцію съ такимъ рѣшительнымъ видомъ, что никто изъ бутылочниковъ не осмѣлился вступиться за своего протеже. И съ этой минуты бутылочная компанія понизила свой голосъ и прекратила агитацію.

Мало по малу все успокоилось, мы разочарованные въ нашей политической дѣятельности, но уже многое понявшіе, стали серіознѣе относиться къ себѣ и къ вопросамъ общественной жизни, и энергично принялись за самообразованіе; но наше ребяческое китоловное общество оставило глубокій слѣдъ не только на насъ, но и на большинствѣ изъ нашихъ товарищей. Интересъ къ серіозному чтенію сталъ сильно возрастать, уменьшились ухарство и кутежъ и весь выпускъ сталъ какъ бы серіознѣе, за исключеніемъ непримиримыхъ бутылочниковъ. Наша исторія не только не уменьшила взаимной дружбы въ ротѣ, но еще болѣе сплотила ее. Борьба съ начальствомъ по разнымъ пустякамъ ослабѣла, но въ серіозныхъ столкновеніяхъ нашъ выпускъ такъ дружно держался, что начальство не рѣшилось примѣнить полностью новыя, болѣе суровыя училищныя правила къ намъ, а стало примѣнять ихъ постепенно съ выпусковъ моложе нашего.

Изъ принимавшихъ участіе въ китоловномъ обществѣ вос-

питанниковъ, всѣ пока остались въ училищѣ, за исключеніемъ Салтыкова, который не хотѣлъ идти ни на какіе компромиссы и, не смотря на убѣжденія начальства, вышелъ изъ училища и поступилъ въ технологическій институтъ, и вскорѣ мы узнали, что онъ безповоротно ушелъ въ революціонную среду.

II.

Въ концѣ 1872 года я и одинъ изъ товарищей, Л. Хамратъ, недовольные новыми порядками въ училищѣ, оставили его и перешли въ морскіе юнкера. Мы поселились на своей квартирѣ, ходили въ морское училище только на лекціи, и рѣдко имѣли возможность толковать съ товарищами, такъ что мнѣ въ то время было мало извѣстно, кто изъ нихъ сохранилъ сношенія съ революціонными кружками. Я же и Хамратъ вплоть до осени 74 года не встрѣчались съ революціонерами, хотя у насъ и были довольно обширныя знакомства среди студенчества. Насъ въ то время главнымъ образомъ интересовали вопросы самообразованія, и мы мечтали о культурной дѣятельности, къ которой и хотѣли себя приготовить; особенно я, разочарованный моей первой неудачной попыткой революціонной дѣятельности.

Но русская дѣйствительность даже меня, мирно настроеннаго въ то время 16—17-ти лѣтняго мальчика, находившагося въ привиллегированномъ положеніи, не разъ заставляла ставить себѣ вопросъ—возможно ли въ Россіи одними мирными законными средствами добиться правды. Во время лѣтнихъ плаваній на судахъ военнаго флота насъ поражало грубое, несправедливое и презрительное отношеніе многихъ офицеровъ къ матросамъ. Мы были народниками въ душѣ, любили русскій народъ, гордились имъ и всецѣло переносили эту любовь на матросъ, съ которыми были всегда въ большой дружбѣ, знали ихъ горе и радость, однимъ словомъ—у насъ къ нимъ было какое-то любовное родственное чувство. Понятно, насъ возмущало, когда нѣкоторые изъ офицеровъ обращались съ матросами, какъ съ животными. Матросъ никогда не могъ быть правъ, онъ всегда былъ виноватъ, какъ бы незаконно, жестоко и оскорбительно съ нимъ не поступали, онъ никогда не могъ жаловаться. Въ разговорѣ съ болѣе образованными и порядочными офицерами мы выражали свое негодованіе, но ихъ отвѣты еще болѣе возмущали насъ. Правда, они порицали жестокое, грубое обращеніе съ матросомъ, но въ самой ихъ благосклонности къ матросу сквозило то-же презрительное отношеніе къ нему, какъ и у ихъ болѣе грубыхъ товарищей. Они отрицали какое бы то ни было самолюбіе и чувство собственнаго достоинства у матроса. Не разъ приходилось слышать нижеслѣдующее разсужденіе:

„Конечно, съ командой надо обращаться хорошо и быть справедливымъ. У хорошаго командира матросъ сытъ, во время отдохнетъ и безъ вины никто его не накажетъ. Что же касается

его обидчивости, то это ваша фантазія; у матроса другія чувства, чѣмъ у васъ,—онъ ни за крѣпкимъ словцомъ, ни за тычкомъ не погонится, а если поступать по вашему, то у насъ были бы не матросы, а ..... (крѣпкое слово).

Это говорили намъ, для которыхъ матросская душа была открыта, которые знали, какъ тяжело отзывалось на матросахъ грубое, а главнымъ образомъ презрительное къ нимъ отношеніе; намъ, не разъ видѣвшимъ слезы обиды на глазахъ сильнаго и браваго матроса; и это говорили, по своему, добрые и хорошіе офицеры; что говорили худшіе, лучше не повторять.

Но не только въ плаваньи, а и въ Петербургѣ въ обществѣ, среди знакомыхъ и родныхъ, повсюду со словами „народъ", „мужикъ" постоянно объединялось понятіе о чемъ то глупомъ, грубомъ, нечеловѣческомъ. У всѣхъ сквозило какое то враждебное къ нему настроеніе, съ примѣсью страха передъ нимъ. А мы, выросшіе въ этой дворянской бюрократической средѣ, хорошо знали, каковы ея нравственность, безкорыстіе, любовь къ труду и преданность къ интересамъ государства. И если намъ приходилось дѣлать сравненіе, то, конечно, проигрывала не крестьянская среда, а дворянская.

Все это не только возмущало насъ, но часто заставляло задумываться надъ вопросомъ—гдѣ выходъ? если все, имѣющее власть, силу, богатство и образованіе, враждебно настроено къ народу и думаетъ только о томъ, какъ бы всѣми правдами и неправдами нажиться и весело прожить жизнь. И если мы въ то время не дѣлались революціонерами, то только потому, что не вѣрили въ революцію, были оторваны отъ демократическихъ круговъ, а можетъ быть и по темпераменту мы не были революціонерами. Но недовольство существующимъ и желаніе найти выходъ все росло и росло.

Такъ дѣло шло до осени 74 года. Весною этого года мои товарищи были произведены въ гардемарины, я же, вслѣдствіе перехода въ юнкера потерялъ годъ и вмѣстѣ съ Хамратомъ мы пошли въ плаваніе, еще юнкерами. Когда мы возвратились обратно и опять поселились въ Петербургѣ, тамъ уже жили на своихъ квартирахъ мои старые товарищи, теперь гардемарины, Луцкій и Паскевичъ.

Послѣ первой встрѣчи съ ними мы узнали, что они имѣютъ знакомства среди революціонеровъ. У Паскевича я въ первый разъ увидалъ журналъ „Впередъ". Но ни мы, ни они революціей не занимались.

Въ октябрѣ или ноябрѣ появился въ Петербургѣ Салтыковъ, онъ ходилъ въ народъ и былъ подъ впечатлѣніемъ видѣннаго и испытаннаго имъ. Онъ разсказалъ намъ о томъ, какое сильное впечатлѣніе производитъ на народъ пропаганда, и о томъ, какъ, побывавъ въ народѣ, онъ на дѣлѣ убѣдился въ возможности народной революціи въ Россіи. Его разсказы производили на насъ сильное впечатлѣніе, и мы стали задумываться—не здѣсь ли тотъ выходъ, котораго мы искали, и не оставить ли намъ службу и

пойти въ народъ. Но Салтыковъ объяснилъ намъ, что теперь не время, что объ этомъ можно будетъ говорить весною, а теперь, если мы хотимъ чѣмъ нибудь помочь дѣлу пропаганды въ народѣ, то онъ пришлетъ намъ на храненіе книги, такъ какъ квартирѣ, гдѣ онѣ лежатъ теперь, грозитъ обыскъ.

И вотъ, дней черезъ пять, подходя къ нашему дому, мы увидѣли двое чухонскихъ саней, везущихъ шагомъ шесть или семь большихъ ящиковъ заграничной упаковки, и моего стараго товарища, гардемарина, Петра Осиповича Серебренникова (впослѣдствіи командиръ броненосца „Бородино", погибшій вмѣстѣ со своимъ кораблемъ въ Цусимскомъ бою). Серебренниковъ махнулъ намъ рукою и крикнулъ: „это къ вамъ!" Оказалось, что онъ по порученію Салтыкова везъ къ намъ книги.

Мы были нѣсколько удивлены такому способу перевозки нелегальной литературы, но дѣлать было нечего, позвали дворника и онъ съ извозчикомъ перетащили ящики въ нашу квартиру (въ каждомъ ящикѣ было 4—5 пудовъ) и размѣстили ихъ частью подъ кроватями, а частью у стѣны, прикрывъ одѣяломъ.

На другой день къ намъ пришелъ Луцкій.

— Привезли вамъ ящики съ книгами?—спросилъ онъ.

— Привезли.

— Ну, распакуемъ одинъ, надо часть книгъ отнести ко мнѣ на квартиру—для отправки въ провинцію.

Мы принялись за работу, сняли парусину съ одного изъ ящиковъ, и стали взламывать его. Но или ящикъ былъ плохъ и поврежденъ, или мы слишкомъ усердствовали, но онъ развалился, книги выпали и буквально усыпали разноцвѣтнымъ ковромъ весь полъ комнаты. Въ эту критическую минуту раздается стукъ въ дверь, которая не была заперта на ключъ, Хамратъ подбѣгаетъ къ дверямъ. Оказывается стучитъ квартирная хозяйка. Не помню какимъ способомъ, но Хамрату удалось не впустить ее, и мы избавились отъ опасности.

По уходѣ хозяйки мы вытащили вещи изъ чемодана, уложили туда большую часть книгъ изъ сломаннаго ящика, а остальныя запрятали подъ платье и отправились на квартиру Луцкаго, гдѣ разгрузились. Подобныя путешествія мы совершали разъ или два въ недѣлю, такъ что къ марту мѣсяцу у насъ остался только одинъ ящикъ, который и былъ увезенъ мичманомъ Миклухой-Маклай, (впослѣдствіи командовалъ однимъ изъ кораблей, кажется „Ушаковымъ" во время русско-японской войны и погибъ въ сраженіи при Цусимѣ).

Въ этихъ ящикахъ были брошюры и книги: „Емелька Пугачевъ", „Сказка о четырехъ братьяхъ", „Анархія по Прудону", „Парижская коммуна" и многія другія названія, которыхъ я теперь не помню. Мы ихъ перечитали всѣ, но не нашли въ нихъ отвѣта на наши вопросы. Они были слишкомъ крайни для нашего тогдашняго настроенія. Нѣкоторыя же изъ сказокъ, а въ особенности „о четырехъ братьяхъ" намъ очень понравились.

Въ первое время нашей „конспиративной дѣятельности" мы

нѣсколько волновались и заподозривали въ шпіонствѣ то хозяйку, то дворника, то кого нибудь другого, но впослѣдствіи успокоились и наша шпіономанія прошла. Курьезно какимъ образомъ дворникъ очистился отъ нашихъ подозрѣній. Сначала онъ болѣе всѣхъ возбуждалъ наше недовѣріе—то лѣзетъ безъ спроса въ комнату, то при встрѣчѣ на лѣстницѣ или во дворѣ останавливается и смотритъ на насъ въ упоръ какимъ то загадочнымъ взглядомъ. Намъ казалось, что онъ догадывается обо всемъ и выжидаетъ только минуты, чтобы захватить насъ съ поличнымъ. Но вотъ разъ, когда онъ вошелъ къ намъ въ комнату, у насъ на столѣ лежала карта луны.

— Что это, баринъ?—спросилъ онъ.

— Карта луны,—отвѣтилъ я ему.

— Какой луны?

— Мѣсяца,—пояснилъ я ему.

Онъ выпучилъ глаза и посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ. Я сталъ объяснять ему, что такое луна и земля, онъ довольно долго слушалъ, посматривая то на меня, то на Хамрата, а потомъ вдругъ, неожиданно, махнувъ рукой воскликнулъ:

— Врешь! это Адамъ съ неба смотритъ.

— Какъ Адамъ?!—воскликнули мы съ удивленіемъ.

— Адамъ! простымъ глазамъ видать, что Адамъ смотритъ.

Мы невольно расхохотались, стали вновь ему толковать, но такъ ничего и не могли добиться. Этотъ разговоръ на ученую тему почему то сразу разсѣялъ наши подозрѣнія къ дворнику и мы послѣ того были въ большой дружбѣ съ нимъ.

Кромѣ Салтыкова мы ни съ кѣмъ изъ активныхъ революціонеровъ не встрѣчались, и когда Салтыковъ уѣхалъ, а оставшіяся книги были увезены, то наша связь съ революціоннымъ міромъ опять оборвалась. Это какъ разъ совпало съ нашимъ производствомъ въ офицеры, отъѣздомъ въ Кронштадтъ и уходомъ въ плаваніе.

Наши мечты о выходѣ въ отставку и хожденіи въ народъ такъ и остались однѣми мечтами—тѣ же вопросы стояли передъ нами и такъ же трудно найти отвѣтъ на нихъ.

Э. Серебряковъ.

„Добролюбовская" прокламація 1886 года.

17-е Ноября въ Петербургѣ.

17-го Ноября 86 г. исполнилось 25-лѣтняя годовщина смерти Добролюбова. Русскому обществу понятно значеніе Добролюбова. Темное царство, съ которымъ онъ боролся, не потеряло своей силы и живучести до настоящаго времени. Дѣятельность Добролюбова была чисто культурная; онъ указывалъ обществу на мракъ, невѣжество и деспотизмъ, которые царили, да и теперь царятъ въ русской жизни. Онъ не только заставилъ русскій народъ обратить вниманіе на свои язвы; въ то же время, онъ указалъ и средства, которыми они могутъ быть излѣчены. Какъ ни была неприглядна окружавшая Добролюбова дѣйствительность, какъ ни мало было въ ней отраднаго, онъ не потерялъ вѣры въ русскій народъ, въ его будущность. Только невѣжество порождало темное царство, оно составляло его силу, давало ему возможность подчинить своему гнету лучшіе элементы русскаго народа. Но это темное царство гнететъ насъ и теперь, но мы уже не сомнѣваемся, что дни его сочтены: распространеніе просвѣщенія должно быть той путеводной звѣздой, которая выведетъ русскій народъ на его истинную дорогу. Чтобы почтить память Добролюбова, Петербургская молодежь, къ которой присоединились нѣсколько литераторовъ и профессоровъ, рѣшила отслужить 17-го Ноября панихиду по Добролюбовѣ на Волковомъ кладбищѣ. Ничего преступнаго или противозаконнаго мы не затѣвали. Мы хотѣли только воспользоваться своимъ правомъ—служить панихиду по тѣмъ лицамъ, которыхъ мы признавали своими учителями, которые завѣщали намъ бороться съ неправдой и со зломъ русской жизни. Насъ собралось тысячи полторы. Было принесено много вѣнковъ для возложенія ихъ на могилу Добролюбова. Что-бы не давать полиціи предлога запретить панихиду, было рѣшено не говорить рѣчей, не придавать панихидѣ характера противоправительственной демонстраціи. Но правительство усмотрѣло въ панихидѣ что-то опасное для себя; ворота на кладбищѣ были заперты и цѣлый взводъ городовыхъ былъ приставленъ для ихъ охраны. На всѣ наши аргументы о незаконности такого поступка, представители полиціи ограничивались ссылкой на полученныя отъ градоначальника предписанія, запрещавшія служеніе въ этотъ день панихиды. Мы послали депутатовъ къ г. Грессеру, обѣщая соблюдать во время панихиды строгій порядокъ и по окончаніи ея разойтись мирно по домамъ. Г. Грессеръ рѣшительно не позволилъ. Мы вступили съ полиціей въ переговоры, что-бы намъ позволили по крайней мѣрѣ, положить вѣнки на могилу. Полиція позволила отправить лишь депутацію съ вѣнками и открыла ворота, что-бы пропустить депутатовъ.

Хотя мы и могли-бы войти тогда на кладбище, мы не вошли, т. к. мы не хотѣли давать правительству хоть какой-нибудь предлогъ запретить подобныя мирныя манифестаціи на будущее время. Такъ какъ намъ запретили отслужить панихиду по Добролюбовѣ на В. кладбищѣ, мы пропѣли ему передъ воротами кладбища „Вѣчную память". Когда мы пошли обратно съ кладбища, что бы отслужить панихиду въ какой-нибудь другой церкви, къ намъ подъѣхалъ г. Грессеръ и приказалъ намъ разойтись. Мы не дѣлали ничего противозаконнаго и потому не могли подчиниться требованіямъ градоначальника. Когда мы спросили г. Грессера, можно-ли намъ молиться и исполнять христіанскіе обряды безъ разрѣшенія полиціи, г. Грессеръ отвѣчалъ намъ „нельзя". Когда мы стали приближаться къ Невскому пр., передъ нами неожиданно выстроился взводъ казаковъ; въ тоже время насъ окружили казаки и съ другой стороны. Намъ, вовсе не желавшимъ никакой свалки, оставалось только покориться. Чтобы наказать насъ за наше преступное желаніе отслужить панихиду, г. Грессеръ продержалъ насъ на улицѣ нѣсколько часовъ; большинство изъ насъ было съ самаго утра на В. кладбищѣ; погода была мокрая и дождливая. Мы стояли въ лужахъ воды, но полиція не торопилась выпускать насъ; по другой сторонѣ канавы, гдѣ насъ остановили, собралась масса народа, которая выражала намъ сочувствіе и явно недоумѣвала при видѣ грознаго войска, выставленнаго противъ безоружной толпы совершенно мирныхъ людей. Наконецъ, продержавши насъ достаточно долго, г. Грессеръ сталъ насъ выпускать по нѣскольку человѣкъ. Кто не особенно торопился покидать своихъ товарищей, тѣхъ г. Грессеръ приказалъ задерживать и переписать ихъ фамиліи и адреса. Всего было переписано 39 человѣкъ. Какое наказаніе г. Грессеру заблагоразсудится назначить переписаннымъ,—покамѣстъ неизвѣстно. [1]) Въ этой манифестаціи, предпринятой съ совершенно мирными цѣлями и которая могла бы окончиться не мирно, характеренъ грубый деспотизмъ нашего правительства, которое не стѣсняется соблюденіемъ хотя-бы внѣшней формы законности для подавленія всякаго открытаго проявленія общественныхъ симпатій и антипатій. Запрещая панихиду, правительство не могло дѣлать этого изъ опасенія безпорядковъ: оно слишкомъ сильно для этого и къ тому-же оно было гарантировано въ этомъ обѣщаніемъ нашихъ депутатовъ. Оно не могло такъ-же найти что-либо противозаконное въ служеніи панихиды. Очевидно оно было противъ самой панихиды, противъ самаго факта чествованія Добролюбова. У насъ на памяти не мало другихъ, такихъ-же фактовъ, гдѣ правительство ясно показывало свою враждебность самымъ обще-культурнымъ стремленіямъ общества. Вспомнимъ похороны Тургенева, на которыхъ въ качествѣ представителей правительства присутствовали казаки съ нагайками и городовые. Вспомните похороны другихъ нашихъ писателей, наконецъ—запрещеніе носить за гробомъ вѣнки.

Итакъ всякое чествованіе сколько-ниб. прогрессивныхъ, литературныхъ и общественныхъ дѣятелей, всякое заявленіе уваженія и благодарности имъ, даже надъ ихъ гробомъ есть оскорбленіе и враждебная демонстрація правительству. Все, что такъ дорого для каждаго сколько нибудь образованнаго русскаго, что составляетъ истинную славу и гордость нашей родины, всего этого не существуетъ для русскаго правительства. Но тѣмъ-то важны и дороги

[1]) Извѣстно уже, что нѣсколько изъ переписанныхъ арестованы и сидятъ теперь въ тюрьмѣ.

такіе факты, какъ 17 Ноября, что они показываютъ всю оторванность правительства отъ общества и указываютъ ту почву, на которой должны сойтись всѣ слои общества, а не только его революціонные элементы. Такія манифестаціи поднимаютъ духъ и бодрость общества, указывая ему на его силу и солидарность, онѣ вносятъ въ его сѣрую обывательскую жизнь проблески общественнаго самосознанія и предостерегаютъ правительство отъ слишкомъ неумѣренныхъ шаговъ реакціи. А когда общество сознаетъ необходимость выражать свою солидарность (хотя-бы на самой общей почвѣ) тогда такія манифестаціи не будутъ дѣломъ одной только учащейся молодежи и такое грубо-деспотическое подавленіе ихъ сдѣлается невозможнымъ.

Грубой силѣ, на которую опирается правительство, мы противопоставимъ тоже силу, но силу организованную и объединенную сознаніемъ своей духовной солидарности.

Воспоминанія народовольца.

(Продолженіе [1]).

VII.

Дегаевское предательство и его послѣдствія.

Въ Харьковѣ дѣла оказались далеко не въ блестящемъ положеніи. Существовала тамъ небольшая группа изъ очень молодыхъ людей, во главѣ которой стоялъ студентъ Гончаровъ, симпатичный болѣзненный человѣкъ, которому суждено было вскорѣ умереть въ Харьковской тюрьмѣ. Къ своему удивленію я встрѣтилъ въ Харьковѣ бывшаго члена Кіевской подгруппы Елько, который перешелъ на нелегальное положеніе. Онъ первый сообщилъ мнѣ о предательствѣ Дегаева, но точныхъ свѣдѣній онъ не имѣлъ, потому что, повидимому, отъ него конспирировали въ Петербургѣ. О Кіевской организаціи онъ ничего не знаетъ, кромѣ того, что нашъ товарищъ Росси въ Петербургѣ. Такъ какъ я зналъ Елько за дѣльнаго и преданнаго дѣлу человѣка—такимъ онъ былъ до того момента, когда въ тюрьмѣ съ нимъ произошелъ переворотъ—я старался разузнать у него, насколько можно было надѣяться на успѣшную постановку типографіи въ Харьковѣ. Шансовъ оказалось мало. Большинство мѣстныхъ революціонныхъ элементовъ были уже на примѣтѣ у полиціи. Поставить же типографію такъ, чтобы обойтись совсѣмъ безъ сношеній съ ними, было немыслимо. Кромѣ того, событія послѣднихъ мѣсяцевъ—арестъ массы революціонеровъ съ Фигнеръ во главѣ, открытіе тайной типографіи—показали жандармамъ, что Харьковъ слылъ революціоннымъ гнѣздомъ. Поэтому полиція подтянулась и сильно подтянула дворниковъ, которые сразу стали невыносимо нахально и безцеремонно обращаться съ обывателями. Все это вмѣстѣ взятое побудило меня поискать болѣе тихаго мѣста для типографіи. Харьковская группа стояла въ сношеніяхъ съ нѣсколькими городами—Полтавой, Таганрогомъ, Ростовомъ—въ которыхъ были болѣе или менѣе сплоченныя и сильныя группы. Съ представителями одной изъ этихъ группъ—Ростовской—я видѣлся черезъ нѣсколько дней послѣ своего пріѣзда въ Харьковъ.

[1]) См. Былое 1907 г. январь.

То, что онъ разсказалъ мнѣ о Ростовѣ, подало мнѣ мысль попытаться поставить типографію въ этомъ городѣ.

Но раньше чѣмъ принять рѣшеніе, я хотѣлъ все таки ближе ознакомиться съ харьковскими дѣлами, тѣмъ болѣе, что у группы были широкія связи съ рабочими, среди которыхъ вращался тогда извѣстный нелегальный рабочій Антоновъ. Кромѣ того отъ Елько я впервые услыхалъ о нелегальномъ «Заикѣ» (Сергѣй Ивановъ), о которомъ онъ отзывался очень хорошо, и который скоро долженъ былъ пріѣхать въ Харьковъ. Въ интересахъ дѣла важно было столковаться съ «Заикой» и работать соединенными силами.

Въ виду всего этого я рѣшилъ переѣхать изъ гостиницы, гдѣ я «обживалъ» свой новый паспортъ, на частную квартиру; я снялъ комнату у какого то банковскаго чиновника, далъ свой паспортъ для прописки дворнику и занялся своими дѣлами. Меня нѣсколько удивило, что паспортъ долго не возвращался изъ прописки, но я объяснилъ себѣ это праздничнымъ временемъ. На пятой или шестой день дворникъ раннимъ утромъ приходитъ ко мнѣ и говоритъ, что меня требуютъ въ полицію. Спрашиваю, по какому поводу. Отвѣчаетъ: «тамъ насчетъ паспорта».

Я говорю: «Ладно зайду», а онъ довольно дерзко: «приказано сейчасъ». «Хорошо, сейчасъ одѣнусь и пойду».

Непріятная оказія! Я зналъ, что моя нелегальность ничуть не заподозрѣна, иначе ко мнѣ подступились бы съ нѣсколько большимъ церемоніаломъ. Съ другой стороны, мой паспортъ, дубликатъ, написанный моей рукой—въ Казани не нашлось человѣка съ хорошимъ писарскимъ почеркомъ—далеко не внушалъ мнѣ чувство увѣренности, и идти объясняться по поводу него въ полицію, гдѣ могли возникнуть всякіе непредвидѣнные инциденты, казалось крайне неблагоразумнымъ. Значить нужно было оставить полиціи паспортъ, хозяевамъ—вещи и скрыться. Взять другую квартиру подъ новымъ паспортомъ было бы опасно, потому что меня навѣрное стали бы разыскивать, когда откроютъ мое исчезновеніе. Остаться же въ Харьковѣ на волчьемъ положеніи я положительно не могъ: я чувствовалъ бы себя самымъ несчастнымъ человѣкомъ безъ своего угла. За два съ лишнимъ года своей нелегальной жизни я не больше десяти дней провелъ безъ собственной квартиры. Итакъ я пришелъ къ заключенію, что надо уѣхать изъ Харькова; и чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше—пока не хватились. Посмотрѣлъ въ газету,—поѣздъ въ Кіевъ уходитъ черезъ полчаса. Надо было идти.

На дворѣ ждалъ дворникъ.

— Ну иду въ участокъ,—сказалъ я ему, не зная, пойдетъ ли онъ за мною. Послѣднее было бы непріятнымъ осложненіемъ. Но онъ проводилъ меня только до калитки и закрылъ ее за мною.

Сдѣлавъ по городу нѣсколько крюковъ и не замѣтивъ ничего подозрительнаго, я поѣхалъ на вокзалъ и сѣлъ въ поѣздъ, отходившій въ Бахмачъ. Написавъ на этой станціи нѣсколько словъ Гончарову, я пересѣлъ на Кіевскій поѣздъ и на другой день въ 10 ч. утра я уже былъ въ Духовной Академіи у Петра Дашкевича.

По пріѣздѣ я написалъ въ Харьковъ съ просьбой немедленно

выслать мнѣ явку и пароль для Ростова, и затѣмъ сталъ разспрашивать Дашкевича о кіевскихъ дѣлахъ. Оказалось, что отъ нашей организаціи ничего не осталось. Росси уѣхалъ осенью въ Петербургъ и былъ арестованъ на похоронахъ Судейкина. З—нъ, возвратившись изъ Парижа, гдѣ онъ имѣлъ непріятности съ эмигрантами, уѣхалъ на Кавказъ и отстранился отъ дѣлъ. За К—имъ стали слѣдить, и онъ тоже отстранился отъ дѣлъ и уѣхалъ въ Петербургъ на какую-то службу. К—іе уѣхали въ деревню. Члены подгруппъ всѣ арестованы. Только типографія не была взята: она была спрятана въ надежномъ мѣстѣ. Тѣмъ не менѣе въ Кіевѣ существовала тогда народовольческая группа, во главѣ которой стоялъ Шебалинъ, но его въ тотъ моментъ не было въ Кіевѣ. Это я узналъ на другой день послѣ своего пріѣзда отъ Стародворскаго. Дашкевичъ передалъ мнѣ между прочимъ, что у него въ послѣднее время перебывало много нелегальныхъ, одинъ изъ которыхъ, Канашевичъ, недавно былъ арестованъ. Онъ сказалъ мнѣ также, что на койкѣ рядомъ со мною будетъ ночевать одинъ важный нелегальный (ночевки въ академіи устраивались такъ, что кто-нибудь изъ студентовъ проводилъ ночь въ городѣ, а на его мѣсто ложился гость). На другое утро Дашкевичъ показалъ мнѣ этого самаго нелегальнаго, который еще спалъ крѣпкимъ сномъ. На бѣлой подушкѣ я увидѣлъ молодое, довольно красивое лицо съ каштановой бородой и низкимъ лбомъ. Миромъ и спокойствіемъ вѣяло отъ лица спящаго. Дашкевичъ разбудилъ его, такъ какъ нужно было идти пить чай, и познакомилъ его со мной.

Это былъ Н. П. Стародворскій. Отъ него я тутъ же узналъ про его участіе въ убійствѣ Судейкина. Онъ началъ было мнѣ разсказывать нѣкоторыя подробности этого дѣла, но я поспѣшилъ прекратить разговоръ, потому что кругомъ насъ были студенты. Впослѣдствіи я узналъ, что Стародворскій сообщилъ свою тайну и другимъ лицамъ, не справляясь съ положеніемъ, какое кто занималъ въ партіи. Одинъ довольно извѣстный писатель, который и понынѣ здравствуетъ, очень гордился тѣмъ, что на другой день послѣ убійства Судейкина онъ зналъ изъ первоисточника всѣ подробности этого дѣла. Послѣ завтрака Дашкевичъ увелъ насъ въ какую то комнату, гдѣ стояли и лежали музыкальные инструменты, а самъ сѣлъ съ книгой передъ дверью. Стародворскій сталъ мнѣ разсказывать тогда о предательствѣ Дегаева, о поѣздкѣ послѣдняго за границу, о наложенномъ на него обязательствѣ устроить убійство Судейкина и проч. Затѣмъ онъ съ потрясающими подробностями сталъ говорить о самомъ убійствѣ, причемъ побѣлѣлъ, какъ стѣна, хотя разсказывалъ онъ это событіе далеко не въ первый разъ.

Отъ Стародворскаго я узналъ, что второй участникъ, мой старый знакомый Канашевичъ,—арестованъ въ Кіевѣ. По его словамъ, въ Кіевъ пріѣхало нѣсколько нелегальныхъ, но они въ мѣстныя дѣла не вмѣшиваются. Это были Панкратовъ, Борисевичъ и хозяйка конспиративной квартиры въ Петербургѣ. Мѣстными дѣлами занимается Шебалинъ, который въ данный моментъ отсутствуетъ и который, кажется, намѣренъ устроить типографію. Относительно центра Ста-

родворскій ничего опредѣленнаго не могъ сказать. По его мнѣнію въ Петербургѣ были силы, но въ хаотическомъ состояніи.

Въ отвѣтъ на мое письмо въ Харьковъ пріѣхалъ оттуда ростовскій представитель С., который присланъ былъ для того, чтобы проводить меня въ Ростовъ. Это было большой любезностью со стороны Гончарова и Елько. Но это не доставило мнѣ удовольствія, потому что личность С. мнѣ очень не понравилась. Съ паспортомъ чиновника Окружнаго суда въ карманѣ и съ гладко выбритымъ подбородкомъ, долженствовавшимъ придать мнѣ судейскій видъ, я выѣхалъ въ первыхъ числахъ января изъ Кіева въ одномъ поѣздѣ съ С., но держась поодаль отъ него.

* * *

Въ Ростовѣ, благодаря дѣятельности Сергѣя Пешекерова, который, судя по всему, что я узналъ о немъ, былъ несомнѣнно человѣкомъ высокаго нравственнаго и умственнаго уровня, создалась въ 82—83 г. очень солидная группа, которая особенное вниманіе обратила на пропаганду среди рабочихъ. Вообще въ Ростовѣ еще со времени «Земли и Воли», и даже раньше, не прекращались дѣятельныя сношенія съ рабочими, и изъ ихъ среды вышли такія крупныя революціонныя личности, какъ Антоновъ, Панкратовъ и Борисевичъ (Мартыновъ). Но послѣ ареста и ссылки Пешекерова (въ декабрѣ 1883 г. былъ сосланъ въ Сибирь и умеръ по возвращеніи изъ ссылки), дѣла группы пошли плохо, особенно на верху. Когда я пріѣхалъ въ Ростовъ, тамошняя центральная группа состояла изъ учителя гимназіи М., бывшаго студента Я. и С., который однако жилъ въ Таганрогѣ. Съ первыхъ же шаговъ я услышалъ отъ младшихъ революціонеровъ жалобы на раздоры между М. и Я. и на отсутствіе руководства, при чемъ нѣкоторые изъ молодежи защищали немного Я., другіе относились къ нему дурно, но всѣ въ одинъ голосъ были противъ М. Чтобы разобраться немного въ этой путаницѣ, я постарался узнать нѣсколько ближе членовъ центральной группы. Къ своему удивленію, я увидѣлъ, что одинъ только я могъ сойти за своего человѣка; остальные двое оказались людьми, совершенно посторонними дѣлу революціи. Я, бывшій студентъ Петербургскаго университета, проведшій года три въ ссылкѣ въ Пинегѣ и жившій потомъ подъ негласнымъ надзоромъ въ Ростовѣ, былъ типичнымъ студентомъ прежнихъ временъ. Человѣкъ добродушный, онъ понималъ красоту революціонной борьбы и не прочь былъ играть роль въ послѣдней, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ видѣлъ извѣстный героизмъ въ какой-нибудь гомерической попойкѣ.

Такой господинъ могъ быть только вреденъ въ организаціи, и сославшись на его раздоры съ М., я указалъ ему на необходимость его отъѣзда. Я ждалъ сопротивленія съ его стороны, но онъ принялъ мое указаніе все съ тѣмъ же добродушіемъ и сказалъ, что переѣдетъ въ Екатеринославъ, гдѣ у него есть хорошіе знакомые, и попросилъ только нѣсколько денегъ на дорогу. Куя желѣзо, пока оно было горячо, я тутъ же передалъ ему деньги, и онъ на другой день уѣхалъ въ Екатеринославъ.

Въ М. я увидѣлъ не совсѣмъ нормальнаго человѣка, который

твердо зналъ либеральный катехизисъ и умѣлъ при случаѣ даже пользоваться имъ вполнѣ, но революціоннаго движенія абсолютно не понималъ и даже не интересовался его смысломъ. Единственное, что его занимало, это была внѣшняя обстановка, *игра* въ революцію. Конспираторъ онъ былъ ужасный; на свиданія всегда приходилъ запыхавшись и объявляя, что онъ два часа колесилъ по городу, чтобы избавиться отъ тучи шпіоновъ, которые слѣдили за нимъ. Съ молодыми революціонерами онъ держалъ себя очень важно. Неспособный дать хоть сколько нибудь дѣльный совѣтъ или указаніе, онъ требовалъ у нихъ самаго подробнаго отчета во всѣхъ дѣлахъ, что ихъ особенно раздражало. Для меня было ясно, что для организаціи М. совершенно лишній, а потому вредный балластъ. На мое предложеніе отстраниться на время отъ дѣлъ, онъ сначала отвѣтилъ очень свысока; онъ не признавалъ за пріѣзжими нелегальными, неизвѣстно откуда взявшимися, право отстранять отъ дѣла членовъ мѣстныхъ группъ. Я очень спокойно возразилъ ему, что о какомъ бы то ни было «правѣ» здѣсь и рѣчи нѣтъ. Положеніе таково, что мѣстные революціонеры не *желаютъ* съ нимъ работать, и выходъ изъ этого положенія только одинъ: устраниться на время. Тогда М. съ характерной для не совсѣмъ нормальныхъ людей подвижностью перемѣнилъ курсъ мыслей и сталъ говорить, что онъ очень усталъ, и что ему очень полезно будетъ отдохнуть и заняться сочиненіемъ, планъ котораго у него давно намѣченъ. На томъ и рѣшили.

Покончивши съ Я. и М., я сталъ обсуждать съ С. положеніе дѣлъ, съ цѣлью привести въ извѣстность всѣ имѣющіяся связи. У меня къ этому времени почти созрѣло рѣшеніе поставить типографію въ Ростовѣ. Но тутъ для меня обнаружился совершенно неожиданный и поразительный фактъ. Когда однажды разговоръ у меня съ С. принялъ теоретическій оборотъ, онъ заявилъ мнѣ, что, собственно говоря, онъ не народоволецъ и даже не революціонеръ. На мой вопросъ, зачѣмъ онъ принимаетъ участіе въ революціонныхъ дѣлахъ, онъ отвѣтилъ, что его интересуетъ борьба, что борьба—жизнь и т. д. Я ушамъ своимъ не вѣрилъ. Такого типа людей я еще не встрѣчалъ въ своей жизни. Выразивъ сомнѣніе въ томъ, что при отсутствіи идейной подкладки его интересъ къ борьбѣ продержится долго, я спросилъ его, каково ему будетъ расплачиваться за удовольствіе, которое онъ себѣ доставляетъ теперь. Мой вопросъ его смутилъ и онъ сказалъ, что и самъ теперь видитъ, насколько былъ легкомысленъ! Дальше онъ заявилъ, что какой то его дядя предложилъ ему мѣсто въ таможню и что онъ теперь приметъ его. Кончилось тѣмъ, что и ему я далъ денегъ на дорогу.

Безъ преувеличенія могу сказать, что за нѣсколько дней моего пребыванія въ Ростовѣ я пережилъ больше нравственныхъ страданій, чѣмъ за всю свою предшествовавшую дѣятельность: я чувствовалъ, что дѣло, которому я отдалъ себя, расползается, и что я теряю почву подъ ногами. Но это настроеніе продолжалось очень недолго, потому что въ молодыхъ ростовскихъ революціонерахъ я нашелъ горячихъ и преданныхъ идеѣ людей, на которыхъ душа радовалась.

Кружокъ молодыхъ, на которыхъ лежала цѣликомъ вся мѣстная

революціонная работа, состоялъ человѣкъ изъ восьми, изъ которыхъ наиболѣе выдающимся былъ безспорно младшій П—въ. Онъ соединялъ въ себѣ большую твердость и энергію съ рѣдкой нравственной чистотой и дѣтской искренностью и пользовался большимъ вліяніемъ среди товарищей. Кромѣ П—ва членами кружка были Ч—въ, В—въ, Остроумовъ, Ш—въ и еще два—три человѣка. Къ этому же кружку принадлежалъ бывшій студентъ Технологическаго Института К., который въ то время былъ въ Петербургѣ.

Большая часть членовъ кружка занималась съ рабочими. Старшій братъ Остроумова былъ машинистомъ на Ростово-Владикавказской желѣзной дорогѣ, и черезъ него имѣлись очень большія связи въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ. Я помню, что мы нѣсколько разъ подъ предлогомъ именинъ или крестинъ собирались у Остроумова и встрѣчались у него съ наиболѣе выдающимися рабочими. Угнетало очень ростовцевъ, что они не имѣли опредѣленнаго плана для занятій съ рабочими. Разсужденіями по «Хитрой Механикѣ» рабочіе не удовлетворялись и требовали болѣе серьезной пищи. Когда работавшіе среди рабочихъ стали жаловаться мнѣ на отсутствіе литературы съ одной стороны и плана для систематической пропаганды съ другой стороны, я изложилъ имъ планъ, по которому я работалъ въ Кіевѣ и который легъ въ основу «Царь—Голода». Повторилась та же исторія, что въ Казани: я провелъ съ ними рядъ вечеровъ въ бесѣдахъ о томъ, какъ слѣдуетъ вести работу среди рабочихъ. Я и теперь съ удовольствіемъ вспоминаю сознаніе того духовнаго общенія, которое установилось между ростовской молодежью и мною. Чтобы сплотить всѣ лучшія революціонныя силы Ростова, я предложилъ П—ву и его ближайшимъ товарищамъ съорганизоваться въ центральную группу по общему плану партіи, на что, конечно, они съ удовольствіемъ согласились.

Кружокъ П—ва имѣлъ обширныя и цѣнныя связи не только въ Ростовѣ, но и въ Новочеркаскѣ, Таганрогѣ, Ейскѣ, Екатеринодарѣ, Ставрополѣ-Кавказскомъ и въ другихъ мѣстахъ. Въ Ростовѣ большинство связей было среди людей, имѣвшихъ опредѣленное положеніе. Были банковскіе чиновники, желѣзнодорожные служащіе, чиновники городской управы, былъ даже директоръ отдѣленія фирмы Зингеръ и К° въ Нахичевани. Особенно цѣнныя связи имѣлись черезъ посредство П—ва и Ч—ва среди армянъ Нахичевани,—цѣнныя потому, что стояли внѣ всякихъ подозрѣній. Вообще большинство ростовскихъ революціонеровъ были совершенно чисты, и жандармы не имѣли ни малѣйшаго представленія о той работѣ, которая шла подъ поверхностью торгово-промышленной жизни Ростова. Всѣ эти обстоятельства показались мнѣ въ высшей степени благопріятными для постановки типографіи въ Ростовѣ и, когда я открылъ свой планъ П—ву, онъ пришелъ въ восторгъ и сталъ ручаться за успѣхъ.

Въ концѣ января пріѣхалъ изъ Харькова Елько и разсказалъ объ убійствѣ предателя Шкрябы,—убійствѣ, которое по его словамъ совершилъ нелегальный Антоновъ на одной изъ площадей Харькова. Елько сообщилъ мнѣ также, что Сергѣй Ивановъ долженъ вскорѣ пріѣхать въ Ростовъ для свиданія со мной, и сталъ убѣждать меня

поѣхать въ Петербургъ для того, чтобы выяснить положеніе, въ которомъ находилась партія послѣ дегаевскаго предательства. Забылъ сказать, что, когда я пріѣхалъ въ Харьковъ, мнѣ былъ переданъ пароль и явка для центра. Въ виду того, что предстояла возможность устроить съ нѣкоторыми шансами на успѣхъ типографію въ Ростовѣ для напечатанія 10-го номера Народной Воли, мнѣ, само собой разумѣется, предстояло войти въ сношенія съ центромъ по этому поводу. Но раньше, чѣмъ поѣхать въ Петербургъ, мнѣ необходимо было столковаться съ Сергѣемъ Ивановымъ, который, какъ я зналъ, былъ дѣятельнымъ членомъ партіи еще при Фигнеръ.

Въ началѣ февраля пріѣхалъ Сергѣй Ивановъ и съ перваго же взгляда очень понравился мнѣ. Это былъ стройный молодой человѣкъ лѣтъ 27, съ правильными чертами лица, вьющимися каштановыми волосами и такой же бородкой и добрыми голубыми глазами, которые однако выражали большую рѣшимость. Уже въ первое наше свиданіе я имѣлъ случай убѣдиться, что добрые глаза Иванова могутъ смотрѣть очень твердо и даже грозно. Мы только успѣли разговориться, какъ услышали въ передней громкій голосъ хозяина, который вразумительно говорилъ: «здѣсь такого нѣтъ!»

Вдругъ дверь комнаты, въ которой мы сидѣли, быстро открылась, и вскочилъ какой то неопредѣленный господинъ, который, кинувши: «здѣсь такой то?» быстро повернулся, вышелъ и закрылъ за собой дверь. Мы оба схватились за револьверы, такъ какъ были увѣрены, что это былъ лазутчикъ, за которымъ сейчасъ появится «средиземная эскадра». Въ ту пору моей жизни я еще больше хворалъ, чѣмъ теперь, и твердо былъ намѣренъ не отдаваться живымъ въ руки жандармамъ, чтобы не испытывать на себѣ всѣхъ прелестей въ Петропавловкѣ, которыхъ я все равно не перенесъ бы. Ивановъ тоже хотѣлъ дорого продать свою жизнь, такъ что вдвоемъ, вооруженные отличными американскими револьверами Смита—Вессона крупнаго калибра, мы могли нанести серьезный вредъ «эскадрѣ». Но все это оказалось однимъ изъ тѣхъ многочисленныхъ недоразумѣній, которыя въ обыкновенной жизни проходятъ совершенно незамѣтными, а въ жизни революціонера является memento mori и подвергаютъ его нервы строгому испытанію. Нервы Иванова великолѣпно выдержали это испытаніе, и я не могъ не любоваться имъ.

Ивановъ былъ извѣстенъ подъ именемъ «Заика», потому что заикался, когда бывалъ взволнованъ, въ спокойномъ же состояніи онъ говорилъ довольно плавно.

Мы провели, почти не разлучаясь, два дня и переговорили обо всемъ, что только могло насъ интересовать. Между нами не оказалось ни одного разногласія, кромѣ какъ по одному пункту, но и это въ концѣ концовъ уладилось.

Ивановъ согласился на устройство типографіи въ Ростовѣ, но раньше чѣмъ приступить къ этому дѣлу, мы порѣшили поѣхать въ Петербургъ и узнать что-нибудь поближе о центральной Организаціи Партіи. У Иванова была для Петербурга та же явка, что и у меня. Но на случай, если бы явка провалилась, я назначилъ Иванову свиданіе на третье воскресенье въ 10 ч. утра въ Казанскомъ соборѣ

у входа съ правой стороны, и мы разстались. Ивановъ уѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ онъ хотѣлъ столковаться съ Шебалинымъ и Карауловымъ, который долженъ былъ вернуться изъ за границы; я же въ десятыхъ числахъ февраля уѣхалъ въ Петербургъ. Передъ отъѣздомъ Ш—въ, который составилъ отличную колекцію паспортовъ, печатей и т. д., снабдилъ меня очень хорошимъ видомъ. Это было дворянское свидѣтельство, оригиналъ. Владѣлецъ его рабочій Каміонко, уроженецъ Витебской губ., жилъ по другой бумагѣ въ Ростовѣ. Единственное неудобство моего вида было то, что въ немъ значился возрастъ: «21 годъ», тогда какъ мнѣ уже было 27. Но я чисто брился, такъ что могъ сойти за старообразнаго молодого человѣка.

VIII.

Молодая Народная Воля и попытка новой организаціи.

Въ Петербургѣ извозчикъ съ вокзала повезъ меня въ меблированныя комнаты на Надеждинской улицѣ, которыя содержались какой то полькою. Указавъ мнѣ комнату, номерной потребовалъ мой видъ и, прочитавъ фамилію Каміонко, затараторилъ по польски. Я объяснилъ ему, что все понимаю по польски, но плохо говорю на этомъ языкѣ, потому что отецъ-де мой былъ литвинъ, а мать русская. Онъ опечалился и уже больше не говорилъ со мною по польски.

На явкѣ—въ какомъ то большомъ банкѣ—мнѣ сказали, что съ лицемъ, къ которому я имѣлъ пароль, я могъ имѣть свиданіе только черезъ два дня. Это было непріятно, но дѣлать было нечего. Я посвятилъ это время на разысканіе знакомыхъ, которые были у меня въ Петербургѣ. Зная, что мой бывшій товарищъ по Кіевской группѣ К—ій живетъ въ Петербургѣ, я добылъ его адресъ въ адресномъ столѣ и пошелъ къ нему вечеромъ. Увидѣвъ меня, К. крайне смутился и сталъ говорить, что за нимъ страшно слѣдятъ, и что я рискую быть тутъ же арестованнымъ. Жена же его бросала на меня такіе недружелюбные взгляды, которые безъ словъ объяснили мнѣ положеніе вещей. Видя что мнѣ здѣсь нечего дѣлать, я, не посидѣвъ и десяти минутъ, пожелалъ имъ всякаго благополучія и ушелъ.

Выйдя отъ нихъ, я, само собою разумѣется, смотрѣлъ въ оба, чтобы на первыхъ же порахъ не прицѣпить себѣ хвостъ. Но я не замѣтилъ и тѣни слѣжки.

Съ другими знакомыми я былъ болѣе счастливъ и встрѣтилъ у нихъ радушный пріемъ, и это дало мнѣ возможность располагать для свиданій двумя-тремя совершенно чистыми квартирами, не прибѣгая къ услугамъ мѣстныхъ революціонеровъ.

На четвертый день послѣ моего пріѣзда въ Петербургъ мнѣ было назначено свиданіе съ лицомъ, къ которому я имѣлъ пароль.

Въ большой квартирѣ на Садовой, куда меня направили, меня встрѣтилъ высокій прямой господинъ лѣтъ тридцати двухъ, въ которомъ сразу виденъ былъ военный одѣтый въ штатское платье. Это былъ штабсъ-капитанъ К. А. Степуринъ. Симпатичное, хотя и некра-

сивое, лицо нѣсколько чухонскаго типа и полное отсутствіе какой бы то ни было аффектаціи съ первыхъ его словъ очень расположили меня въ его пользу. Болѣе близкое знакомство съ нимъ только подтвердило и углубило мое первое впечатлѣніе, и въ галлереѣ свѣтлыхъ личностей, съ которыми судьба столкнула меня и память которыхъ я чту, Степуринъ занимаетъ видное мѣсто.

Степуринъ сказалъ мнѣ, что онъ самъ къ центру не принадлежитъ, но что уѣзжая послѣ убійства Судейкина за границу, Лопатинъ передалъ ему связи, такъ сказать, на храненіе. Ему было поручено принимать революціонеровъ, которые могли пріѣхать въ Петербургъ, и передать имъ, что въ настоящій моментъ центръ реорганизуется и что онъ выпуститъ скоро оффиціальное сообщеніе о дегаевской исторіи. Разсказалъ мнѣ также Степуринъ, что эта исторія подняла большую смуту въ умахъ, и что нѣкоторые революціонеры, во главѣ которыхъ стоитъ «Александръ Ивановичъ», стремятся создать центральную организацію независимо отъ старыхъ членовъ комитета, находившихся въ Парижѣ, и такъ сказать, въ оппозицію имъ. Чтобы вполнѣ отмѣтить свою независимость, они приняли имя «Партіи Молодой Народной Воли», и ввели въ программу фабричный и аграрный терроръ. Александръ Ивановичъ требовалъ отъ Степурина переданныхъ ему партійныхъ связей, но Степуринъ отказалъ, говоря, что онъ сдастъ ихъ тѣмъ, отъ кого получилъ на храненіе. Пріѣздъ Лопатина ожидался со дня на день, и Степуринъ былъ абсолютно правъ.

Я видѣлся съ Степуринымъ разъ восемь. На послѣднемъ свиданіи, которое произошло на квартирѣ у моей Ярославской знакомой курсистки Р—ой, онъ поразилъ меня своей разбитостью. Онъ сказалъ, что за нимъ послѣдніе дни усиленно слѣдятъ, и что ему съ большимъ трудомъ удалось отдѣлаться отъ сыщиковъ, чтобы прійти на свиданіе со мной. Онъ думалъ, что его скоро арестуютъ, такъ какъ слѣженіе за нимъ не даетъ полиціи желаемаго ею результата. На другой день его дѣйствительно арестовали и посадили въ крѣпость; затѣмъ онъ былъ переведенъ въ домъ предв. заключенія, гдѣ вскорѣ и покончилъ жизнь самоубійствомъ!

Съ Александромъ Ивановичемъ я познакомился вскорѣ послѣ моего пріѣзда въ Петербургъ по совѣту Степурина, который желалъ, чтобы я составилъ себѣ собственное мнѣніе о Молодой Народной Волѣ. Я теперь не припомню, при посредствѣ кого состоялось это знакомство.

Изъ перваго-же разговора съ нимъ я вынесъ впечатлѣніе, что съ нимъ трудно будетъ сговориться. По его мнѣнію не только прежніе руководители партіи отжили, но и сама программа Народной Воли устарѣла. Центральный терроръ и сопряженное съ нимъ игнорированіе массъ привели партію къ преждевременной дряхлости [1]). Чтобы

[1]) Редакція „Былого“ любезно дала мнѣ прочесть касающееся меня мѣсто изъ интересныхъ воспоминаній стараго товарища моего А. Н. Баха. — „Александръ Ивановичъ“—было *мое* конспиративное имя. Въ общемъ, все, что сообщаетъ А. Н. Бахъ о моемъ участіи въ революціонныхъ дѣлахъ того времени,—кажется мнѣ вѣрнымъ;

возродить ее, нужно притянуть массы, а единственными средствами для этого является аграрный и фабричный терроръ.

Свою позицію я очень ясно опредѣлилъ своему собесѣднику. Не зная, каковы требованія и претензіи прежнихъ руководителей, я не могу судить, насколько тѣ и другіе соотвѣтствуютъ интересамъ партіи, или идутъ въ разрѣзъ съ послѣдними. Мое отношеніе къ нимъ опредѣлится только послѣ пріѣзда Лопатина. Что же касается фабричнаго и аграрнаго террора, то я никогда не приму его и если партія напишетъ его на своемъ знамени, я безъ малѣйшаго колебанія выйду изъ состава ея.

Несмотря на это разногласіе Александръ Ивановичъ познакомилъ меня съ членами своего кружка, изъ которыхъ припоминаю стараго нелегальнаго Овчинникова, уже знакомаго мнѣ Стародворскаго и М—ва; фамиліи остальныхъ или остались мнѣ неизвѣстны, или позабыты мной. Къ кружку Александра Ивановича примыкалъ студентъ Ф—въ и писатель П., другой писатель гостепріимно предоставлялъ ему для свиданій свою квартиру.

Около 7-го марта пріѣхалъ Сергѣй Ивановъ, и я сообщилъ ему все, что узналъ о положеніи дѣлъ. Къ моему величайшему удовольствію, у насъ опять обнаружилось полное единомысліе въ оцѣнкѣ этого положенія. Ивановъ разсказалъ, что въ Кіевѣ Шебалинъ показалъ себя горячимъ сторонникомъ Молодой Народной Воли и находился въ дѣятельныхъ сношеніяхъ съ Александромъ Ивановичемъ. Наоборотъ, возвратившійся изъ за границы Карауловъ крѣпко стоитъ за старую Народную Волю. Въ Харьковѣ и Саратовѣ сторонниковъ и связей у Александра Ивановича не было. Что Ярославль, Казань и Ростовъ будутъ держаться за старыя традиціи, я былъ вполнѣ увѣренъ.

Очень смущала насъ вырисовывавшаяся тенденція къ расколу въ партіи. Но мы надѣялись, что кризисъ будетъ благополучно пережитъ.

Во всякомъ случаѣ до пріѣзда Лопатина, который тогда уже былъ въ Россіи, намъ ничего нельзя было предпринимать.

* * *

Дня четыре послѣ своего пріѣзда я поселился въ Поварскомъ переулкѣ въ комнатѣ, которую я снялъ отъ жильцовъ, какихъ то мелкихъ торговцевъ, и зажилъ мирной жизнью степеннаго обывателя. Времени свободнаго у меня было хоть отбавь, и я каждый день проводилъ нѣсколько часовъ въ публичной библіотекѣ, гдѣ даже успѣлъ пріобрѣсти расположеніе одного изъ библіотекарей, который приберегалъ для меня свѣже полученные французскіе и англійскіе журналы.

субъективнаго характера „поправки“ я могъ сдѣлать лишь относительно нѣкоторыхъ частностей, и такою частностью я считаю, напр., замѣчаніе, будто слабость и даже „преждевременную дряхлость“ народовольческой организаціи я приписывалъ весной 1884 г. „центральному террору“. Думаю, что такой фразы у меня не могло въ то время вырваться... Многое могъ бы добавить я въ объясненіе подлинныхъ мотивовъ, руководившихъ мною и другими товарищами изъ „молодой“ организаціи въ періодъ временнаго раскола съ организаціей „старой“, но.. объ этомъ когда-нибудь послѣ.

П. Якубовичъ.

За сосѣднимъ со мною столомъ часто сидѣлъ подпоручикъ Лаговскій, который бѣжалъ изъ Ташкента, куда онъ былъ сосланъ. Мнѣ очень хотѣлось пристроить Лаговскаго въ качествѣ хозяина квартиры для будущей типографіи въ Ростовѣ, на что онъ согласился, но потомъ перемѣнилъ рѣшеніе и остался въ Петербургѣ, гдѣ былъ скоро арестованъ и впослѣдствіи посаженъ безъ суда въ Шлиссельбургъ.

Шелъ я разъ по Невскому, направляясь въ публичную библіотеку, и по привычкѣ смотрѣлъ въ оба, т. е. занятый своими мыслями машинально анализировалъ прохожихъ. Вниманіе мое привлекъ какой-то видный господинъ въ коротенькомъ зимнемъ пальто и широкополой мягкой шляпѣ, съ золотымъ pince-nez на носу, бритыми щеками и великолѣпной бѣлокурой бородой. Иностранецъ, должно быть, промелькнуло у меня въ головѣ.

Вечеромъ я имѣлъ свиданіе съ Ивановымъ, и отъ него узналъ, что Лопатинъ пріѣхалъ, и что мы сейчасъ же должны видѣться съ нимъ. Мы взяли извозчика и поѣхали на Васильевскій островъ, гдѣ въ квартирѣ какой-то женщины-врача насъ ждалъ Лопатинъ. Каково же было мое удивленіе, когда въ Лопатинѣ я узналъ моего иностранца съ Невскаго! Въ свою очередь и Лопатинъ былъ удивленъ, когда я ему сказалъ, что въ такомъ-то часу видѣлъ его въ такой-то части Невскаго. Онъ объяснилъ мнѣ, что его бросающійся въ глаза наружный видъ соотвѣтствовалъ его паспорту англійско-подданнаго.

Обмѣнявшись нѣсколькими незначительными замѣчаніями, мы задали Лопатину вопросъ, который больше всего насъ интересовалъ, о состояніи организаціи партіи. Лопатинъ сталъ говорить, что находящіеся за границей члены Комитета делегировали свои права Распорядительной Комиссіи изъ трехъ членовъ, каковая Комиссія и стоитъ нынѣ во главѣ организаціи партіи. Сама организація партіи заключается въ Центральной Группѣ, въ которую входятъ всѣ выдающіеся революціонные дѣятели. Центральная Группа, учрежденная въ Парижѣ въ 1884 г., составилась изъ революціонеровъ, попавшихъ послѣ Дегаевской исторіи за границу и намѣревавшихся возвратиться въ Россію, и нѣкоторыхъ не выѣхавшихъ за границу революціонеровъ, въ числѣ которыхъ былъ Овчинниковъ (дѣдъ), Ивановъ, Степуринъ и, кажется, Гончаровъ (изъ Харькова). Всего членовъ было 17 человѣкъ. Я не попалъ въ члены Центральной Группы вслѣдствіе того, какъ объяснилъ Лопатинъ, что мое мѣстопребываніе не было извѣстно за границей. Александръ Ивановичъ тоже не былъ назначенъ въ Центральную Группу.

Тотъ фактъ, что въ основу новой организаціи положена инвеститура, исходившая отъ бывшихъ членовъ Комитета, которые однако сами въ этой организаціи не участвовали, крайне непріятно удивилъ меня, потому что онъ до извѣстной степени оправдывалъ нападки Александра Ивановича. Съѣхавшіеся за границей активные революціонеры могли, функціонируя какъ учредительное собраніе, составить организацію и, вернувшись въ Россію, взять въ свои руки дѣла партіи. Но чтобы ихъ существованіе, какъ организаціи, вытекало не изъ ихъ качествъ активныхъ революціонеровъ, а изъ воли бывшихъ членовъ Комитета, активная служба которыхъ была несомнѣнно покончена,—

это казалось большой странностью. Въ этомъ смыслѣ я вполнѣ откровенно высказался Лопатину. На мои замѣчанія онъ отвѣтилъ, что было сочтено за лучшее установить *преемственную связь* между новой и старой организаціей и Исполнительнымъ Комитетомъ, престижъ котораго былъ такъ великъ.

Онъ надѣялся, что этотъ престижъ дастъ возможность объединить всѣ активныя революціонныя силы. На мой вопросъ, почему тогда Центральная Организація не назвала себя Исполнительнымъ Комитетомъ, Лопатинъ отвѣтилъ, что собравшіеся революціонеры не считали себя достойными назваться прямыми продолжателями славнаго Комитета. Пока что была назначена Распорядительная Комиссія, но, когда люди выработаются, можно будетъ возстановить Исполнительный Комитетъ.

За смыслъ, если не за букву объясненія съ Лопатинымъ я ручаюсь. На вопросъ Иванова о составѣ Распорядительной Комиссіи, Лопатинъ сказалъ, что, кромѣ него, членами ея состоятъ Сухомлинъ и Салова. Сухомлина онъ охарактеризовалъ, какъ молодого революціонера, подающаго блестящіе надежды, а про Салову сказалъ, что она старая и опытная революціонерка.

Когда зашла рѣчь о Молодой Народной Волѣ, сторонниковъ которой Лопатинъ окрестилъ «Красными пѣтухами» за разговоры объ аграрномъ террорѣ, онъ высказалъ мнѣніе, что ее надо оставить «свариться въ собственномъ соку». Я выразилъ опасеніе, что процессъ этотъ можетъ затянуться, особенно если принять во вниманіе вызванную дегаевщиной въ революціонныхъ умахъ смуту. Поэтому я высказался за попытку уладить расколъ путемъ переговоровъ. Ивановъ очень горячо и энергически поддержалъ высказанное мною мнѣніе. Лопатинъ согласился, и было рѣшено повидаться съ Александромъ Ивановичемъ. Затѣмъ было приступлено къ разсмотрѣнію актива партіи. Лопатинъ совершенно откровенно сознался, что кромѣ кой-какихъ связей въ Петербургѣ и въ Кіевѣ, новая организація ничего не имѣетъ. Надо создать типографію для напечатанія 10-го номера съ оффиціальнымъ сообщеніемъ Комитета о дегаевской исторіи, необходимо для поднятія престижа партіи устроить террористическій актъ, а между тѣмъ, средствъ никакихъ. Когда же Ивановъ и я разсказали о тѣхъ связяхъ, которыя сосредоточились въ нашихъ рукахъ, Лопатинъ очень обрадовался. Для него все это было полной неожиданностью. Мы заявили, что надѣемся безъ особыхъ затрудненій поставить типографію, и что на Луганскомъ казенномъ заводѣ имѣются техники, которые берутся изготовить сколько угодно разрывныхъ снарядовъ.

Было уже поздно, и намъ нужно было разойтись. Я попросилъ Иванова уйти первымъ, такъ какъ я хотѣлъ проводить Лопатина и по дорогѣ нѣсколько ближе познакомиться съ нимъ. Въ Лопатинѣ я увидѣлъ человѣка образованнаго и богато одареннаго. Но мнѣ непріятна была его манера говорить въ шутливомъ и легкомъ тонѣ о вещахъ, которыя для насъ были священными. Казалось, что революціонная работа для Лопатина не была дѣломъ, съ которымъ онъ сросся всѣми фибрами души, а чѣмъ-то случайнымъ, чѣмъ онъ зани-

мался, какъ аматеръ. Очень вѣроятно, что въ основу этого впечатлѣнія легла та особенность его натуры, которую онъ самъ мѣтко охарактеризовалъ фразой: «я не человѣкъ партіи, а партизанъ».

Нѣсколько минутъ послѣ ухода Иванова, мы тоже вышли и направились пѣшкомъ черезъ Литейный мостъ къ Невскому.

По дорогѣ Лопатинъ много говорилъ о заграничной жизни, о своемъ знакомствѣ съ корифеями европейскаго соціализма и т. д. Говорилъ онъ очень занимательно и красиво.

Разстались мы съ Лопатинымъ на Невскомъ, при чемъ свиданіе у насъ было назначено на другой день на моей квартирѣ, которая несомнѣнно была чище, чѣмъ какая бы то ни было изъ квартиръ бывшихъ въ нашемъ распоряженіи въ городѣ.

Дворнику своему я сказалъ, что ко мнѣ будетъ приходить учитель нѣмецкаго языка, и послалъ даже его купить бутылку рому и сигаръ, пояснивъ, что нѣмецъ безъ этого не можетъ хорошо дѣйствовать. Получивъ 20 к. за комиссію дворникъ удовлетворился, и приходъ Лопатина нисколько его не заинтересовалъ.

А приходилъ Лопатинъ почти каждый день, вплоть до моего отъѣзда, приходилъ иногда наугадъ, когда у насъ даже не было назначено свиданія. За это время я его узналъ довольно близко.

Дня черезъ три послѣ пріѣзда Лопатина состоялось свиданіе между Лопатинымъ, Ивановымъ и мною, съ одной стороны и Александромъ Ивановичемъ съ другой. Александръ Ивановичъ упорно стоялъ на томъ, что надо дать удовлетвореніе требованіямъ и стремленіямъ молодыхъ и внести въ программу аграрный и фабричный терроръ. Узнавъ отъ Лопатина о новой организаціи, данной партіи, онъ пришелъ въ большое негодованіе и обнаружилъ еще большую непримиримость. Я замѣтилъ, что шутливый и ироническій тонъ Лопатина очень его раздражалъ. При такомъ его раздраженіи веденіе переговоровъ не имѣло шансовъ на успѣхъ. Поэтому мы съ Ивановымъ рѣшили видаться съ Александромъ Ивановичемъ безъ Лопатина. Мы имѣли нѣсколько разговоровъ, на которыхъ присутствовали, кромѣ Александра Ивановича, члены его группы Стародворскій, Овчинниковъ, М—въ, и П—въ. Разговоры долго не приводили ни къ какому результату. Неуспѣху переговоровъ много содѣйствовалъ тотъ фактъ, что, пока мы переговаривались, Лопатинъ велъ противъ Александра Ивановича «партизанскую войну» или по его образному выраженію, «косилъ у него траву подъ ногами», т. е. отбивалъ у него молодежь. И всякій разъ, когда до Александра Ивановича доходили какія-нибудь свѣдѣнія въ этомъ смыслѣ, онъ являлся на свиданіе съ удвоенной дозой непримиримости. Одно время, казалось, мы совсѣмъ пришли къ соглашенію на томъ, что раньше всего необходимо объединить всѣ наличныя народовольческія силы, а затѣмъ уже ставить на очередь вопросъ о внесеніи поправокъ въ программу. Но вотъ Александръ Ивановичъ вызываетъ меня и Иванова на экстренное свиданіе, объявляетъ, что никакое соглашеніе между старой и молодой Народной Волей немыслимо и читаетъ намъ громоносную прокламацію противъ бывшихъ членовъ комитета и новой организаціи,—прокламацію, которая должна была быть напечатана въ типографіи, принадлежавшей кружку

молодыхъ народовольцевъ. Словомъ, разрывъ былъ полный. Что подлило масла въ огонь, я такъ и не могъ узнать. Я много говорилъ въ этотъ вечеръ. Напомнивъ исторію партіи за послѣдніе годы, я доказывалъ, что въ настоящій моментъ партія, а съ нею и все освободительное движеніе Россіи, переживаетъ жестокій кризисъ. Объединеніе всѣхъ наличныхъ революціонныхъ силъ для нея вопросъ жизни или смерти. Неужто въ такой моментъ люди, которымъ дороги интересы народа, могутъ желать раскола? Что значитъ та или другая личность, или даже группа личностей въ сравненіи съ роковымъ вопросомъ: быть или не быть организованному революціонному движенію въ Россіи?

Я говорилъ долго и, должно быть, съ чувствомъ, потому что мы оба прослезились и, кажется, даже обнялись. Александръ Ивановичъ изорвалъ въ клочки свою прокламацію и объявилъ, что отнынѣ онъ всѣми силами будетъ стремиться къ объединенію. Впослѣдствіи однако оказалось, что это еще не было его послѣднимъ словомъ. Окончательно рѣшилъ онъ этотъ вопросъ только мѣсяца черезъ два.

Во все время нашихъ переговоровъ мы, т. е. Ивановъ и я, встрѣчались, то по-одиночкѣ, то попарно съ Лопатинымъ, Саловой и Сухомлинымъ. Познакомившись съ ними, мы рѣшили признать новую организацію, но не оставаться въ Петербургѣ, а продолжать дѣло въ провинціи.

Когда переговоры съ Александромъ Ивановичемъ повидимому пошли на ладъ—это было около 10-го апрѣля—мы сказали Лопатину о нашемъ намѣреніи уѣхать и изъявили желаніе окончательно и, такъ сказать, формально сговориться на счетъ плана дѣйствій.

Тогда въ какой-то очень богатой квартирѣ состоялось довольно торжественное засѣданіе, въ которомъ, кромѣ Распорядительной Комиссіи въ полномъ составѣ, приняли участіе только Ивановъ и я. Сговорившись заранѣе съ Ивановымъ, я отъ нашего имени и отъ имени тѣхъ группъ, съ которыми мы состояли въ сношеніяхъ, заявилъ, что мы принимаемъ, какъ фактъ, существующую центральную организацію и будемъ оказывать ей все содѣйствіе, какое будетъ въ нашихъ силахъ. Въ интересахъ дѣла мы считаемъ за лучшее работать въ провинціи. Но раньше, чѣмъ дѣлать, мы просимъ Распорядительную Комиссію изложить намъ планъ ея дѣйствій на будущее. Отъ имени комиссіи заговорилъ Лопатинъ. Поблагодаривъ насъ за великодушіе, съ которымъ мы закрывали глаза на несовершенства Центральной Организаціи, онъ сказалъ, что комиссія пріѣхала въ Россію почти безъ связей, но что, благодаря намъ, она почувствовала почву подъ ногами. Главнѣйшей задачей ея будетъ объединить всѣ наличныя революціонныя силы. Для этого организація должна заявить о своемъ существованіи фактами. Первымъ такимъ фактомъ должно быть напечатаніе 10-го номера «Народной Воли» съ оффиціальнымъ сообщеніемъ Исполнительнаго Комитета о дегаевской исторіи. Затѣмъ организаціей намѣчены нѣкоторыя боевыя предпріятія.

Что касается напечатанія номера, то мы взяли на себя постановку типографіи въ Ростовѣ и въ предѣлахъ революціоннаго предвидѣнія ручались за успѣхъ. Крупныхъ денежныхъ поступленій у насъ

не предвидѣлось, но мы обѣщали удѣлить Распорядительной Комиссіи возможно большую часть нашихъ нормальныхъ средствъ. Кромѣ того Луганскій заводъ доставитъ комиссіи нужные ей боевые припасы. Лопатинъ былъ очень доволенъ и привычной ему образной рѣчью сказалъ намъ:

— Господа, вы даете намъ коня и помогаете сѣсть въ сѣдло. Намъ остается только заслужить наши шпоры.

Когда пять мѣсяцевъ спустя онъ пріѣхалъ въ Ростовъ, первое, что онъ сказалъ мнѣ послѣ обмѣна привѣтствій, было:

— Хочу разсказать вамъ, какъ мы заслужили шпоры.

Считаю нужнымъ упомянуть еще объ одномъ фактѣ, который показываетъ, что уже въ тѣ отдаленныя времена въ революціонныхъ сферахъ ощущалась потребность выйти изъ узкихъ предѣловъ кружковой конспираціи и стать на почву массоваго движенія. Извѣстно, что въ Ростовѣ каждый годъ весною скопляется 20—30 тысячъ земледѣльческихъ рабочихъ со всѣхъ концовъ Россіи, и что отсюда они понемногу распредѣляются по всему сѣверному Кавказу и Дону. Это перелетное населеніе представляетъ собою чрезвычайно горючій элементъ,—стоитъ только вспомнить грандіозные безпорядки 1879 г., которые носили исключительно антиправительственный характеръ. Разошедшаяся толпа разнесла въ пухъ и прахъ полицейское управленіе, изорвала въ клочки и выбросила на улицу всѣ бумаги, а самого полицеймейстера загнала на крышу. Только на третій день вызваннымъ изъ Екатеринослава войскамъ удалось возстановить порядокъ.

Изъ разговоровъ съ ростовскими революціонерами выяснилось, что по слухамъ подобнаго же рода безпорядки ожидались и ближайшей весной,—на то были какія-то экономическія причины, о которыхъ теперь не припомню. Не знаю, подъ вліяніемъ ли тяжелыхъ впечатлѣній, вынесенныхъ мною изъ столкновенія съ казанскими скептиками и пессимистами, или по другой причинѣ, но у меня возникла мысль, что хорошо было бы, еслибы народовольческая группа стала во главѣ стихійнаго массоваго движенія и придала ему чисто революціонный характеръ, вынесши впервые знамя Народной Воли на открытую борьбу съ правительствомъ при посредствѣ народныхъ массъ. Елько и Петръ Антоновъ, которые были тогда въ Ростовѣ, и которымъ я сообщилъ свою мысль, пришли въ восторгъ отъ нея, и мы серьезно обсуждали возможность осуществленія ея. Въ Ростовѣ насчитывалось тогда человѣкъ 70 революціонной интеллигенціи и рабочихъ, на которыхъ можно было вполнѣ положиться; изъ Луганскаго завода могли доставить любое количество разрывныхъ снарядовъ, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что если бы возникло серьезное стихійное движеніе, оно, направляемое и дисциплинируемое революціонной организаціей, могло бы продержаться нѣсколько дней и произвести большій эффектъ, чѣмъ любое террористическое предпріятіе. Тутъ уже не могло бы быть рѣчи о томъ, что господа убили царя за то, что онъ хотѣлъ отдать землю мужикамъ.

Когда пріѣхалъ Сергѣй Ивановъ, мы въ числѣ прочихъ вопросовъ коснулись и этого. Было рѣшено не дѣлать никакихъ попытокъ

къ тому, чтобы искусственно вызвать волненіе и выступить только тогда, когда серьезный характеръ движенія вполнѣ выяснится.

Разъ принявши ниспосланный намъ центръ, я счелъ нужнымъ сообщить Лопатину о *возможномъ* осуществленіи плана, о которомъ только что была рѣчь. Лопатинъ выслушалъ все, одобрилъ и, по своему обыкновенію, далъ разговору шутливое заключеніе, сказавши:

— Благословляю. Когда захотите короноваться ростовскимъ королемъ, мы возьмемъ на прокатъ изъ театра и пришлемъ вамъ корону.

Въ книгѣ судебъ было написано, что нашъ планъ такъ и останется планомъ.

Весна прошла въ Ростовѣ необыкновенно спокойно. Та сила, которая безъ важной причины вызываетъ въ терпѣливой подъяремной массѣ неожиданный взрывъ буйнаго, а иногда дикаго и свирѣпаго протеста, на этотъ разъ не проявила своего дѣйствія.

Въ началѣ апрѣля я узналъ, не помню отъ кого, что бывшая хозяйка петербургской конспиративной квартиры, устроенной для судейкинскаго дѣла, въ Кіевѣ чудеснымъ образомъ спаслась изъ рукъ жандармовъ и, не зная, куда дѣться, вернулась въ Петербургъ, гдѣ тоже не знали, что съ ней сдѣлать. Переговоривши между собой, мы съ Ивановымъ рѣшили предложить ей поѣхать къ намъ въ Ростовъ хозяйкой типографіи. Придя на свиданіе, которое мнѣ было устроено съ нею, я увидѣлъ блѣдную молодую женщину, наружность которой на первый взглядъ казалась довольно безцвѣтной. Но подъ этой нѣсколько умышленно-безцвѣтной наружностью скрывалась рѣдкая выдержка и присутствіе духа. Только этимъ ея качествамъ мы обязаны тѣмъ, что наша ростовская типографія не погибла отъ самаго глупаго и непредвидѣннаго случая. Руня охотно приняла наше предложеніе и разсказала мнѣ о своемъ кіевскомъ приключеніи.

Послѣ убійства Судейкина, конспиративная квартира была снята, и Руня уѣхала въ Кіевъ, куда также вскорѣ прибыли Канашевичъ и Старо́дворскій.

Тамъ она встрѣтилась съ Панкратовымъ и Борисевичемъ. Вскорѣ Канашевичъ былъ арестованъ, и за подозрительной публикой началась усиленная слѣжка. Когда Руня и Панкратовъ выходили разъ изъ одной квартиры, за которой, вѣроятно, слѣдили, за ними погнались жандармы. Одинъ изъ нихъ схватилъ Руню, а другой настигъ и схватилъ Панкратова. Послѣдній сильнымъ движеніемъ вырвался изъ его рукъ, выхватилъ револьверъ, выстрѣлилъ въ жандарма, который держалъ Руню, и бросился бѣжать. За нимъ погнались и вскорѣ поймали. Пущенная Панкратовымъ пуля попала въ цѣль: жандармъ упалъ, увлекая въ своемъ паденіи Руню. Нѣсколько секундъ она лежала на землѣ, слыша возлѣ себя стоны раненаго жандарма, затѣмъ встала и тихо пошла. Когда бѣжавшіе ей на встрѣчу прохожіе спросили ее въ чемъ дѣло, она спокойно отвѣтила, что жандармы ловили какого-то преступника, который выстрѣлилъ и ранилъ одного изъ нихъ. Ее никто не подумалъ задержать, и она благополучно скрылась и пріѣхала въ Петербургъ. Мы снабдили Руню явкой и другими указаніями и отправили ее немедля въ Ростовъ, такъ какъ въ Петербургѣ она сильно рисковала быть арестованной.

Наступило время отъѣзда изъ Петербурга. Я долженъ былъ отправиться прямо въ Ростовъ и заняться приготовленіями къ постановкѣ типографіи, а Ивановъ долженъ былъ сначала заѣхать въ Нижній, гдѣ онъ надѣялся добыть хозяина для типографіи, а затѣмъ повидаться съ революціонными группами въ Саратовѣ и Харьковѣ. Распрощавшись сь товарищами и получивъ отъ Лопатина рукописи для номера, я около половины апрѣля выѣхалъ изъ Петербурга и остановившись на сутки въ Москвѣ, гдѣ я видѣлся съ Гоффманомъ и нѣкоторыми другими революціонерами, я прямо пріѣхалъ въ Ростовъ.

IX.

Революціонная работа въ Ростовѣ.

Въ Ростовѣ я засталъ Елько и Антонова, которые сообщили мнѣ о пріѣздѣ Руни и еще какого-то нелегальнаго, вернувшагося изъ-за границы. На мои разспросы они отвѣтили, что этотъ нелегальный живетъ уже мѣсяца полтора въ Ростовѣ, и что онъ не нравится ни имъ, ни членамъ ростовской группы. При свиданіи этотъ нелегальный отрекомендовалъ себя членомъ центральной группы партіи NN, разсказалъ то, что мнѣ уже было извѣстно о новой организаціи партіи, и заявилъ, что пріѣхалъ въ Ростовъ работать. Мы разговорились, NN оказался молодымъ человѣкомъ безъ особеннаго развитія, безъ революціоннаго опыта, и я положительно не зналъ, куда его пристроить. Онъ хотѣлъ вести дѣло въ «обществѣ». Но когда я предложилъ ростовцамъ познакомить его съ публикой, подлежащей революціонному воздѣйствію, они заявили мнѣ, что онъ имъ не нуженъ. Съ рабочими NN самъ не хотѣлъ заниматься; для хозяина типографіи, онъ былъ слишкомъ молодъ и неопытенъ, такъ что я оставилъ его на произволъ судьбы. Онъ прожилъ еще нѣкоторое время въ Ростовѣ, затѣмъ уѣхалъ на Кавказъ, гдѣ долго жилъ у какихъ то знакомыхъ. Осенью былъ арестованъ въ Одессѣ и отдѣлался очень легко, такъ какъ принадлежность его къ центральной группѣ не была установлена.

О рѣшеніи поставить типографію въ Ростовѣ, я сообщилъ Антонову, Елько и еще двумъ членамъ мѣстной организаціи. Антоновъ вызвался быть наборщикомъ, такъ какъ онъ порядочно зналъ это ремесло.

Больше всего насъ смущало то, что денегъ у насъ было очень мало. По моей просьбѣ ростовцы пустили въ ходъ всѣ рессурсы и сбили рублей 500, на которые нужно было обзавестись квартирой мебелью, всякими типографскими принадлежностями, содержать нелегальныхъ. Дней черезъ 10 послѣ моего пріѣзда я получилъ отъ Иванова письмо, въ которомъ онъ меня извѣщалъ, что хозяинъ для квартиры скоро прибудетъ въ Ростовъ и что саратовцы уступаютъ намъ пуда полтора шрифта и предлагалъ немедленно послать за нимъ. Поѣхать за шрифтомъ въ Саратовъ вызвался Антоновъ. Зная, что каждый рубль намъ дорогъ, онъ наотрѣзъ отказался взять больше

денегъ, чѣмъ нужно было на билетъ туда и на самое скромное прокормленіе. Онъ смѣясь говорилъ, что саратовцы дадутъ ему денегъ на обратный путь, лишь бы отъ него скорѣй отдѣлаться. Дѣйствительно, про нихъ ходила молва, что они каждому пріѣзжему нелегальному очень охотно предлагали денегъ на отъѣздъ. Чтобы съэкономить на билетъ, Антоновъ поѣхалъ не по желѣзной дорогѣ, а пароходомъ на Калачъ—Царицынъ. Когда недѣли черезъ двѣ Антоновъ вернулся той же дорогой, онъ не только привезъ шрифтъ, но съ торжествомъ выложилъ нѣсколько десятковъ рублей денегъ. Саратовцы расщедрились и выдали ему прогоны по расчету отъ Петербурга. Упоминаю объ этомъ эпизодѣ, потому что онъ отлично характеризуетъ этого сильнаго и беззавѣтно преданнаго дѣлу человѣка. Почти въ одно время съ Антоновымъ пріѣхалъ хозяинъ нашей будущей типографіи, тихій, спокойный человѣкъ, который прекрасно могъ сойти за мелкаго торговца, хотя на самомъ дѣлѣ онъ былъ интеллигентнымъ и развитымъ человѣкомъ; звали его Сахаръ Сахарычъ. Я познакомилъ его съ Руней и они вмѣстѣ дѣятельно принялись за устройство квартиры. Типографскія принадлежности, помимо шрифта, частью были изготовлены ростовскими рабочими, частью привезены изъ Харькова. Но шрифта было слишкомъ мало, и необходимо было раздобыть еще немного. Надежда была на одного недавно распропаандированнаго наборщика войсковой типографіи въ Новочеркаскѣ но онъ долго не рѣшался начать припрятывать шрифтъ.

Въ началѣ мая я получилъ отъ Лопатина письмо, въ которомъ онъ извѣщалъ меня, что Александръ Ивановичъ не только не сложилъ оружія, а наоборотъ вновь повелъ сильную атаку противъ старой «Народной Воли» и разослалъ эмиссаровъ по всѣмъ мѣстнымъ организаціямъ. Дѣйствительно, вскорѣ въ Ростовѣ появилась нелегальная молодая дѣвица, которая, благодаря указаніямъ, даннымъ ей бывшимъ членомъ ростовскаго кружка К., старалась войти въ сношенія съ мѣстной группой и совратить ее въ молодую Народную Волю. Александръ Ивановичъ далъ ей рекомендацію къ писательницѣ Б., которая приняла ее очень хорошо и познакомила ее съ передовыми элементами изъ общества.

Ростовскіе революціонеры повели по отношенію къ эмиссаркѣ молодой Народной Воли политику по истинѣ маккіавелевскую. Они приходили къ ней на свиданіе предлагали ей свои услуги по части квартиры и пр., но отказывались вступать въ какіе бы то ни было теоретическіе разговоры на счетъ необходимости фабричнаго и аграрнаго террора. А когда заходила рѣчь о несовершенствахъ нынѣшней организаціи партіи, они говорили ей, что совершенство вообще трудно достижимо...

Двухъ недѣль такого режима было достаточно, чтобы эмиссарка запросила пардона. Когда мнѣ устроили съ ней свиданіе, я увидѣлъ маленькую, симпатичную, живую курсистку, которая съ подкупающей искренностью изложила мнѣ свое затруднительное положеніе. За революціонные «происки» на курсахъ она подлежала аресту, но успѣла скрыться. Александръ Ивановичъ, котораго она знала раньше, убѣдилъ ее поѣхать въ Ростовъ, гдѣ по его предположенію всѣ ре-

волюціонные элементы были сторонниками молодой Народной Воли и ждали только случая, чтобы оффиціально войти въ организацію новой партіи. А тутъ оказалось, что съ ней о молодой Народной Волѣ и говорить не хотятъ. Между тѣмъ она хочетъ дѣла. Не для того же она перешла въ нелегальность, чтобы няньчиться съ Б. (послѣдняя называла ее своей «совѣстью») и ей подобными. Что ей дѣлать? Въ молодой дѣвушкѣ—это была Добрускина—я сразу увидѣлъ живую и полезную силу и спросилъ ее, насколько ея убѣжденія въ необходимости фабричнаго и аграрнаго террора могли, по ея мнѣнію, служить препятствіемъ къ тому, чтобы она работала съ нами. Она отвѣтила мнѣ, что по этому вопросу непримиримыхъ убѣжденій не имѣетъ и что она приняла порученіе Александра Ивановича, потому что оно было первымъ революціоннымъ дѣломъ, которое ей представилось. Я предложилъ ей пока заняться съ рабочими и, когда оказалось, что она имѣла большой успѣхъ, ей было поручено съѣздить въ Новочеркаскъ и посмотрѣть, нельзя ли что сдѣлать съ наборщикомъ войсковой типографіи. Въ нѣсколько пріемовъ она такъ забрала его въ руки, что тотъ сталъ таскать шрифтъ безъ всякой оглядки 10-й номеръ Народной Воли въ значительной части напечатанъ этимъ шрифтомъ.

Добрускину такъ всѣ полюбили и оцѣнили, что она по общему желанію была принята въ члены мѣстной Центральной Организаціи.

Вскорѣ послѣ вступленія Добрускиной въ ростовскую группу, пріѣхалъ К., второй эмиссаръ Александра Ивановича и былъ очень возмущенъ происшедшимъ. Вся сила его возмущенія обрушилась на меня, и онъ сталъ доказывать своимъ бывшимъ товарищамъ, что я генералъ, деспотъ, который держитъ ихъ въ ежовыхъ рукавицахъ и запрещаетъ имъ имѣть свои мнѣнія. Ростовцы, съ которыми у меня были поистинѣ сердечныя, товарищескія отношенія, только смѣялись и просили К. не ругать меня. Впослѣдствіи К. увѣрялъ, что онъ вовсе не ругалъ меня, а только относился «критически» ко мнѣ. Видя что никакіе аргументы не дѣйствуютъ на ростовцевъ, К. потребовалъ свиданіе со мной, «для переговоровъ», я отвѣтилъ, что переговариваться намъ не о чемъ, тогда онъ смирился и вскорѣ уѣхалъ на Кавказъ съ явками и рекомендаціями, которыя ему были даны нами.

Попытка Александра Ивановича войти въ сношенія съ Саратовомъ и Казанью тоже кончилась полной неудачей. Видя полное крушеніе своихъ надеждъ, Александръ Ивановичъ потерялъ вѣру въ жизненность Молодой Народной Воли и поѣхалъ съ своей типографіей въ Дерптъ, гдѣ одновременно съ нами приступилъ къ печатанію 10-го номера Народной Воли. Объ этомъ я узналъ только въ сентябрѣ отъ Лопатина.

Въ концѣ іюня наша типографія была настолько готова, что могла приступить и къ печатанію номера. Я извѣстилъ объ этомъ Иванова, который самъ хотѣлъ участвовать въ работѣ, такъ какъ былъ опытнымъ типографщикомъ. Онъ съ Паули имѣлъ въ Петербургѣ типографію, которая была взята въ 83 году. Ивановъ пріѣхалъ и остановился въ той-же гостиницѣ, гдѣ и раньше нѣсколько разъ останавливался, конечно, по одному и тому же паспорту, дворянина Кіев-

Сергѣй Андреевичъ
ИВАНОВЪ.

ской губерніи Лысенко. Съ этимъ паспортомъ произошелъ рядъ невѣроятныхъ инцидентовъ, о которыхъ разскажу послѣ.

Приступили къ работѣ, и дѣло быстро наладилось. Работали постоянно Ивановъ и Антоновъ при содѣйствіи хозяина. Меня устранили по случаю плохого здоровья. Вскорѣ намъ стала грозить серьезная бѣда: «нервъ войны» изсякъ, и мы положительно не знали, что намъ дѣлать. Приходилось содержать шесть человѣкъ нелегальныхъ, нести расходы по типографіи, а источники уже всѣ были исчерпаны. Ивановъ остался жить въ гостиницѣ и задолжалъ тамъ за двѣ недѣли простоя. Съ него требовали денегъ, платить намъ абсолютно нечѣмъ было и могло дѣло кончиться скандаломъ. Но тутъ, какъ и всегда въ послѣдній моментъ, моя счастливая звѣзда выручила меня, а со мной и остальныхъ. П—въ не разъ уже говорилъ мнѣ, что у него есть въ Ейскѣ бывшій товарищъ по гимназіи богатый лѣсопромышленникъ, который былъ соціалистъ по убѣжденіямъ, хотя не присталъ ни къ какой партіи. И вотъ въ критическій моментъ, когда все грозило рухнуть, П—въ сообщилъ мнѣ, что его товарищъ—это былъ Л. К—въ—пріѣхалъ въ Ростовъ и желаетъ видѣть меня. Меня направили въ гостинницу, гдѣ стоялъ Ивановъ, и гдѣ въ указанномъ номерѣ я засталъ К—ва, высокаго и массивнаго молодого человѣка лѣтъ 26, съ упорнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вдумчивымъ взглядомъ. Онъ сталъ разсказывать мнѣ, что, тяготѣя съ юности къ соціализму, онъ однако до сихъ поръ не выработалъ себѣ опредѣленнаго взгляда на практическое приложеніе идей соціализма къ условіямъ русской дѣйствительности; Народная Воля, о которой онъ, по его словамъ, не имѣлъ вполнѣ яснаго представленія, его не удовлетворяла; народничество—еще меньше.

Чтобы сколько нибудь разобраться въ хаосѣ своихъ мыслей, онъ ѣздилъ весной 1884 г. за границу спеціально въ Женеву, гдѣ водился съ выдающимися соціалъ-демократами и гдѣ познакомился съ тогдашней соціалъ-демократической литературой. Когда же онъ попросилъ указать ему народовольческую литературу,—ему отвѣтили, что ее нельзя достать въ Женевѣ!

Этотъ фактъ такъ поразилъ меня, что я переспросилъ К—ва, который еще разъ подтвердилъ его, какъ нѣчто само собой разумѣющееся. Такъ К—въ, который по своимъ аллюрамъ и прямолинейности сильно напоминалъ мнѣ Пьера Безухаго изъ «Войны и Міра», и уѣхалъ изъ Женевы, не видѣвши ни одного народовольческаго изданія. Когда же я ему сказалъ, что въ Женевѣ есть народовольческая типографія, которая издаетъ «Вѣстникъ Народной Воли» и выпускаетъ брошюры, онъ долго не хотѣлъ вѣрить и сталъ какъ-то усиленно морщиться.... К—въ сказалъ мнѣ далѣе, что въ настоящій моментъ онъ чувствовалъ себя ближе всего къ соціалъ-демократамъ, но попросилъ меня изложить ему программу Народной Воли, такъ какъ ему сказали, что я давно уже работаю въ организаціи. Я изложилъ ему насколько могъ яснѣе и сжатѣе тѣ взгляды, которые легли въ основу моей революціонной дѣятельности, и которые были также взглядами громаднѣйшаго большинства народовольцевъ моего времени. Показалъ я ему также, какъ практически велось дѣло въ тѣхъ организаціяхъ,

которыя мнѣ были извѣстны. К. глубоко задумался, затѣмъ онъ сказалъ, что для него все это ново, что ему надо разобраться въ своихъ мысляхъ. Притомъ онъ не былъ увѣренъ, что изложенные мною взгляды являются точнымъ выраженіемъ программы, какъ ее практикуютъ народовольцы.

Одно для него ясно: это его твердое намѣреніе принять активное участіе въ революціонномъ дѣлѣ. Онъ хотѣлъ бы на досугѣ поговорить и посовѣтоваться со мной, для чего онъ просилъ меня пріѣхать къ нему въ Ейскъ на нѣсколько дней «отдохнуть» и пожить тихой жизнью. Я сказалъ ему, что съ удовольствіемъ принимаю его приглашеніе, хотя на долго мнѣ въ ближайшемъ будущемъ отлучиться нельзя будетъ.

Видя, что въ лицѣ К—ва я имѣю дѣло съ несомнѣнно крупной личностью, для которой условности большого значенія не имѣютъ, я рѣшилъ попросить его выручить насъ изъ безвыходнаго положенія.

Не входя въ конспиративныя детали, я въ краткихъ словахъ изложилъ ему положеніе и спросилъ, не сочтетъ ли онъ возможнымъ прійти намъ на помощь. Безъ всякаго колебанія и очевидно не придавая этому акту ни малѣйшаго значенія, К—въ досталъ бумажникъ, вынулъ изъ него всѣ крупные кредитные билеты, которые въ немъ были—нѣсколько сотъ рублей—и передалъ ихъ мнѣ со словами:

— Жалѣю, что раньше не зналъ объ этомъ.

Едва-ли я въ жизни своей чувствовалъ къ кому-нибудь такую благодарность, какъ къ К—ву въ этотъ моментъ. По тому, какъ я ему молча пожалъ руку, онъ понялъ мои чувства, и лицо его освѣтилось внутреннимъ свѣтомъ.

На прощанье онъ взялъ съ меня слово пріѣхать какъ можно скорѣе и сказалъ, чтобы на будущее время мы не безпокоились насчетъ финансовой стороны нашего предпріятія, потому что онъ беретъ ее на себя.

Типографія была спасена! И, такъ какъ помимо проклятаго денежнаго вопроса все шло отлично, мы опять стали вѣрить въ успѣхъ, разъ этотъ вопросъ для насъ больше не существовалъ. Ивановъ расплатился въ гостинницѣ и переѣхалъ на квартиру, нелегальная публика стала ѣсть до сыта (бѣдная Руня, у которой, кажется, была болѣзнь желудка, стала буквально таять на нашихъ глазахъ отъ дурной и недостаточной пищи) и съ удвоенной энергіей принялась за дѣло.

На первой страницѣ нумера, по обыкновенію, печатался некрологъ погибшихъ товарищей, и между мною и Ивановымъ возникъ споръ на счетъ того, помѣстить-ли въ некрологѣ имя Бердачевскаго, убитаго въ декабрѣ 1883 г. подъ Харьковомъ во время попытки ограбить почту. Я былъ противъ напечатанія имени Бердачевскаго, такъ какъ былъ противъ ограбленія почтъ, которое и вообще не слѣдовало практиковать, а еще меньше можно было признать партійнымъ дѣломъ. Уже одинъ тотъ фактъ, что въ некрологѣ нельзя было упомянуть всѣ обстоятельства, при которыхъ погибъ Бердачевскій, показывалъ, что дѣло не ясно и не просто. Ивановъ на это возражалъ, что ограбленіе почтъ раньше практиковалось партіей,

что если тактика партіи на будущее время будетъ иная, то все-таки будетъ несправедливо по отношенію къ памяти Бердачевскаго, погибшаго за партійное дѣло, исключать его имя изъ некролога. Ивановъ былъ огорченъ моимъ сопротивленіемъ и даже впервые обнаружилъ нѣкоторое раздраженіе противъ меня. За Иванова стояли горой Антоновъ и Елько. Руня и Сахаръ Сахарычъ тоже присоединились къ нимъ, несмотря на то, что они были въ принципѣ противъ ограбленія почтъ. Столкновеніе настолько обострилось, что Ивановъ заявилъ о своемъ намѣреніи отказаться отъ дальнѣйшаго участія въ дѣлѣ, если требованіе его не будетъ удовлетворено. За нимъ, навѣрное, пошли бы Антоновъ и Елько. Такъ какъ всѣ вмѣстѣ они отлично могли обойтись и безъ моего согласія, то желаніе ихъ отстраниться отъ типографіи, скорѣе чѣмъ обойтись безъ него, дѣлало только честь ихъ товарищескимъ чувствамъ и налагало на меня обязанность уступить имъ, что я и сдѣлалъ. Снестись по этому поводу съ Распорядительной Комиссіей я счелъ лишнимъ, такъ какъ, если мы, уже сжившіеся между собой товарищи, не могли прійти къ соглашенію иначе какъ на условіи исполнить требованіе Иванова, то Распорядительная Комиссія, которая авторитетомъ не пользовалась, едва-ли что могла сдѣлать. Былъ бы только лишній поводъ къ столкновенію, изъ котораго для организаціи ничего хорошаго не могло выйти. Но возможно, что съ моей стороны это было ошибкой, потому что хорошая ссора иногда лучше дурного мира. Я тѣмъ болѣе склоненъ признать это за ошибку, что впослѣдствіи Лопатину удалось въ отсутствіе Иванова уговорить типографщиковъ выбросить изъ номера некрологъ Бердачевскаго и поставить такимъ образомъ Иванова передъ совершившимся фактомъ. Когда Ивановъ узналъ объ этомъ, протестовать было поздно, такъ какъ разгромъ, послѣдовавшій за арестомъ Лопатина, положилъ конецъ всему.

* * *

Въ числѣ рукописей, переданныхъ намъ для напечатанія въ номерѣ, было сообщеніе Исполнительнаго Комитета о дегаевской исторіи. Когда мы съ Ивановымъ прочли этотъ документъ, мы были поражены его витіеватостью и невѣроятно тяжелымъ слогомъ. Въ нѣкоторыхъ частяхъ періоды были необыкновенно длинны и даже мало понятны,—совсѣмъ стиль и аллюръ правительственнаго сообщенія. Посовѣтовавшись между собой, мы наложили святотатственную руку на оффиціальную прозу и, не измѣняя ни на іоту смысла ея, попытались придать нѣсколько болѣе удобоваримую форму наиболѣе тяжелымъ изъ фразъ. Признаю, что это тоже было ошибкой: впослѣдствіи пришлось, какъ разскажу дальше, возстановить первоначальный текстъ во всемъ его канцелярскомъ великолѣпіи.

Наборъ подвигался быстро, и мы надѣялись вскорѣ отпечатать имъ первый листъ номера, когда произошелъ нелѣпѣйшій инцидентъ, который чуть не погубилъ все дѣло. Только необыкновенному присутствію духа и выдержкѣ Руни типографія и, вѣроятно, всѣ мы были обязаны спасеніемъ.

Разъ послѣ обѣда, когда работа была въ полномъ разгарѣ,

раздался звонокъ и передъ Руней, которая открыла дверь, предсталъ помощникъ частнаго пристава и попросилъ позволенія осмотрѣть квартиру. Когда Руня, въ кожѣ которой я не хотѣлъ быть въ это время, спросила его о цѣли осмотра, онъ отвѣтилъ, что хозяинъ дома подалъ жалобу на сосѣда за то, что тотъ льетъ помои подъ его стѣну. Требовалось осмотрѣть, дѣйствительно-ли отсырѣла стѣна внутри. Руня казалась смущенной, затѣмъ вдругъ ударилась въ слезы и стала умолять „его благородіе" прійти завтра утромъ, потому что мужъ ея, который уже три дня пьетъ, теперь „дрыхнетъ" и, какъ всегда, изобьетъ ее, если его пьянаго разбудить. Его благородіе смилостивилось, послушало и согласилось отложить осмотръ стѣны.

Когда на другой день полиція явилась, все было чисто убрано, и Сахаръ Сахарычъ имѣлъ нѣсколько смущенный видъ человѣка, наканунѣ сильно покутившаго. Такъ дѣло и обошлось благополучно. Но оно послужило намъ въ нѣкоторомъ смыслѣ memento mori. Мы держали совѣтъ и единогласно рѣшили въ случаѣ, если прійдутъ жандармы, защищаться до послѣдней крайности. Всѣ мы были вооружены отличными револьверами; были запасные револьверы очень крупнаго калибра, которые лежали всегда заряженными на одномъ изъ столовъ типографіи. Кромѣ того намъ было доставлено изъ Луганска два разрывныхъ снаряда (которые потомъ были взяты полиціей у Саловой). Было чѣмъ встрѣтить гостей, если бы они пришли. Иногда даже у насъ было желаніе, чтобы это случилось. Всякій изъ насъ уже имѣлъ прошлое, на которое ушла лучшая часть его энергіи, и покой, купленный хорошей смертью, казался намъ даже очень заманчивымъ. Но кому суждено быть повѣшеннымъ, тотъ не утонетъ. Елько, который, я увѣренъ, защищался бы какъ левъ и не отдался бы живымъ въ руки жандармовъ, меньше чѣмъ черезъ годъ сталъ злостнымъ предателемъ и умеръ лѣтъ пятнадцать спустя въ шкурѣ мирового судьи въ Западномъ Краѣ; я благополучно занимаюсь біологической химіей, Ивановъ и Антоновъ протомились многъ лѣтъ въ Шлиссельбургѣ, а Руня пропала безслѣдно и, можетъ быть, теперь стала доброй матерью семейства [1]).

Вскорѣ послѣ описаннаго переполоха я поѣхалъ къ К—ву въ Ейскъ и пробылъ у него три дня. За это время я еще больше успѣлъ оцѣнить высокія душевныя качества этого сильнаго человѣка. Еще

[1]) Лѣтомъ 1905 г., т. е. два съ половиною года послѣ того, какъ были написаны эти строки (начало 1903 г.), О. С. Миноръ, проводившій жаркіе мѣсяцы въ одной изъ горныхъ станцій Валлійскаго кантона, встрѣтился тамъ съ пожилой русской дамой, которая, познакомившись съ нимъ, стала осторожно разспрашивать про меня. Изъ нѣкоторыхъ ея замѣчаній, О. С., который читалъ мои воспоминанія въ рукописи, не замедлилъ догадаться, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и очень поразилъ ее, сказавши ей, что она— Руня! Это дѣйствительно была Руня. Она потомъ была у меня и разсказала мнѣ свою поистинѣ удивительную исторію. Послѣ снятія ростовской типографіи она съ Сахаръ Сахарычемъ попала послѣ нѣкоторыхъ скитаній въ сравнительно крупный провинціальный городъ, и тамъ они основались, не имѣя другихъ документовъ, кромѣ жалкой фальшивки. Она съумѣла достать приличное мѣсто Сахаръ Сахарычу, у нихъ родилось двое дѣтей, и Руня несомнѣнно стала доброй матерью семейства. Положеніе ихъ было настолько прочно, что для выѣзда за границу Руня получила отъ губернатора паспортъ, не представивъ въ полицію бумагъ. Она съ умиленіемъ вспоминала прошлое и, если-бы не семейное положеніе, пожалуй, опять пошла-бы въ дѣло.....

до моего пріѣзда К—въ обсудилъ положеніе и рѣшилъ присоединиться къ намъ, причемъ завѣтнымъ его желаніемъ было отдаться пропагандѣ среди рабочихъ. Продолжала смущать его неувѣренность въ томъ, что изложенные мною взгляды на соціально-революціонную дѣятельность соотвѣтствуютъ тому толкованію программы, которое распространено среди массы народовольцевъ. Я сказалъ К., что громадное большинство современныхъ народовольцевъ понимаетъ программу именно въ указанномъ мною смыслѣ, но что, если бы даже дѣло обстояло не такъ, оно не должно было бы имѣть для него рѣшающее значеніе, потому что въ концѣ концовъ *содержаніе* программамъ даютъ люди, работающіе въ партіи. Разъ предоставляется возможность революціонеру войти въ партію со своими взглядами и работать въ ней, оставаясь вѣрнымъ имъ, тѣмъ самымъ онъ получаетъ возможность влiять на содержаніе программы въ желательномъ ему направленіи. При оцѣнкѣ дѣятельности партіи слѣдуетъ смотрѣть не на то, что написано въ программѣ, а на то, какъ написанное примѣняется на дѣлѣ. Чѣмъ больше въ партіи будетъ убѣжденныхъ соціалистовъ-революціонеровъ (мы называли себя такъ въ то время), тѣмъ больше гарантій будетъ за то, что программа ея не уклонится въ нежелательную сторону.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что тѣ пункты, которые смущали К.—ва, не помѣшали бы ему войти въ партію Народной Воли. Но мнѣ очень пріятно было видѣть, что послѣ разговоровъ со мною, его сомнѣнія окончательно разсѣялись. Какъ это обыкновенно бываетъ съ людьми, принявшими какое нибудь твердое и важное рѣшеніе, онъ какъ то просвѣтлѣлъ весь и показалъ себя въ высшей степени сердечнымъ и симпатичнымъ человѣкомъ. У него была жена, простая, славная женщина, которая раздѣляла всѣ его взгляды и стремленія, и двое ребятишекъ. Жилъ онъ вмѣстѣ съ старшимъ братомъ, отъ котораго К—въ ничего не скрывалъ. Вся семья меня приняла, какъ родного, и о моемъ короткомъ пребываніи среди этихъ добрыхъ и благородныхъ людей я до сихъ поръ сохранилъ самое теплое воспоминаніе.

Матерьяльное положеніе К—ва было таково: послѣ смерти отца, крутого нравомъ купца, съ которымъ у сыновей происходила постоянная борьба, К—ву и его старшему брату достался лѣсной дворъ и еще имущества приблизительно тысячъ по полтораста. К—въ теперь намѣренъ былъ ликвидировать свою часть, всѣ деньги отдать партіи; самъ же онъ долженъ былъ вступить въ ряды активныхъ революціонеровъ. Жена его должна была пока остаться въ Ейскѣ съ старшимъ братомъ. Я категорически воспротивился желанію К—ва отдать все состояніе партіи и настоялъ на томъ, чтобы въ дѣлѣ была оставлена извѣстная сумма, которая вполнѣ обезпечила бы будущность его жены и дѣтей. Братъ его, который присутствовалъ при нашемъ разговорѣ, вполнѣ одобрилъ мою настойчивость и было рѣшено, что въ партію будетъ передана сумма приблизительно въ 35 тысячъ рублей, которую старшій братъ выдастъ втеченіи, кажется, двухъ лѣтъ. Нѣкоторую сумму—не помню уже въ точности,

сколько, К—въ передалъ мнѣ сейчасъ. Часть этой суммы я отдалъ Лопатину, когда онъ пріѣхалъ къ намъ въ Ростовъ.

* * *

Въ Ростовѣ я засталъ переполохъ: былъ арестованъ членъ мѣстной группы В—гъ вмѣстѣ съ четырьмя рабочими. Такъ какъ обстоятельства ареста нѣкоторое время не были въ точности извѣстны, то всѣ безпокоились, ожидая дальнѣйшихъ послѣдствій этого непріятнаго событія. Но вскорѣ обнаружилось, что В—гъ арестованъ совершенно случайно. Съ рабочими, съ которыми онъ занимался, онъ видѣлся въ различныхъ мѣстахъ и между прочимъ поѣхалъ разъ съ четырьмя изъ нихъ на лодкѣ за Донъ. Когда они всѣ вмѣстѣ въ сумерки возвращались къ пристани, таможенный агентъ принялъ ихъ за контрабандистовъ и при помощи полицейскаго сталъ обыскивать ихъ. Когда полицейскій, вмѣсто контрабанды, нашелъ у В—га всякую революціонную литературу, онъ въ буквальномъ смыслѣ сталъ вопить «караулъ»! В—гъ, пылкій и смѣлый юноша, разсердился и крикнулъ на него:

— Ты болванъ, чего орешь? Вези меня въ жандармское управленіе!

В—га и четверыхъ рабочихъ окружили полицейскіе и повели къ жандармскому офицеру. Съ послѣднимъ В—гъ держалъ себя въ высшей степени надменно, заявилъ ему, что рабочіе, съ которыми онъ недавно случайно познакомился, ничего не знали объ его революціонныхъ убѣжденіяхъ, хотя онъ и пожелалъ имъ открыть глаза на всѣ ужасы теперешняго строя, и добавилъ, что онъ вполнѣ готовъ отвѣчать за свои дѣйствія, но сказалъ онъ еще, что по его мнѣнію, безпокоить вовлеченныхъ имъ въ бѣду рабочихъ несправедливо и, съ точки зрѣнія интересовъ правительства, даже не особенно благоразумно. Рабочіе, которые уже не были новичками, на допросѣ отлично разыграли свою роль, такъ что ихъ сейчасъ же отпустили. Что касается самаго В—га, то жандармскій офицеръ отнесся къ нему съ нѣкоторымъ почтеніемъ, потому что отецъ В—га былъ одинъ изъ Ростовскихъ богачей. Говорили потомъ, что синій церберъ оказался далеко не неподкупнымъ; за 5,000 руб. онъ далъ дѣлу такой оборотъ, что В—гъ былъ вскорѣ высланъ административнымъ порядкомъ на 3 года въ Западную Сибирь. За пропаганду среди рабочихъ народовольцы шли въ тѣ времена на каторгу.

Недавно я видѣлся съ П—мъ, который между прочимъ передалъ мнѣ, что, по возвращеніи изъ ссылки, В—гъ совершенно устранился отъ всякаго знакомства съ революціонерами и принялъ дѣятельное участіе въ отцовскихъ комерческихъ предпріятіяхъ. Встрѣтившись разъ съ П—мъ, онъ хотѣлъ объясниться съ нимъ, но суровый П—въ заявилъ ему, что объясняться имъ не въ чемъ.

Второй переполохъ произошелъ у насъ по случаю паспорта, по которому жилъ Сергѣй Ивановъ. Снявши комнату у какого-то чиновника, Ивановъ далъ паспортъ, на которомъ уже было нѣсколько ростовскихъ явокъ на прописку, и въ свое время получилъ его обратно. Хозяинъ у Иванова оказался назойливымъ и успѣлъ выпро-

сить у него взаймы 25 р.,—деньги тогда у насъ были. Разъ Ивановъ, гуляя въ Общественномъ саду, потерялъ свой паспортъ. Черезъ три дня ему вернули его изъ полиціи съ совѣтомъ больше не терять его. Казалось, положеніе Иванова было поистинѣ незыблемымъ. Но вотъ Ш—въ, который подъ спокойной наружностью вполнѣ приличнаго банковскаго чиновника скрывалъ рѣдкую настойчивость и умѣнье пользоваться обстоятельствами, добылъ изъ канцеляріи полицеймейстера связку тайныхъ приказовъ на счетъ розыска лицъ, обвинявшихся въ политическихъ преступленіяхъ. Въ связкѣ оказался приказъ о немедленномъ арестѣ лица, проживающаго по паспорту кіевскаго дворянина Лысенко, т.-е. по паспорту, по которому жилъ Ивановъ. Удивительнѣе всего было то, что приказъ этотъ уже имѣлся въ Ростовѣ, когда Ивановъ прописался въ гостинницѣ, потомъ на квартирѣ, и наконецъ еще разъ бросилъ вызовъ судьбѣ, потерявши паспортъ и давши полиціи случай лишній разъ присмотрѣться къ нему.

Я тогда жилъ на дачѣ около Армянскаго Монастыря у дяди одного изъ членовъ кружка Ч—ва. Туда ко мнѣ часто пріѣзжалъ Ивановъ и изрѣдка и другіе революціонеры. Однажды послѣ обѣда Ивановъ пріѣзжаетъ очень взволнованный и показываетъ мнѣ вышеупомянутый приказъ объ его арестѣ. По словамъ Иванова, онъ давно уже замѣтилъ, что хозяинъ его ведетъ себя подозрительно, все разспрашиваетъ о занятіяхъ его и роется въ вещахъ. Съѣхать теперь съ квартиры оффиціально Ивановъ считалъ неблагоразумнымъ и рѣшилъ скрыться, оставивъ вещи хозяину. Я вполнѣ съ нимъ согласился. хотя меня сильно безпокоила мысль о тѣхъ полицейскихъ розыскахъ, которые начнутся, когда откроется побѣгъ Иванова. Что у хозяина Иванова могли возникнуть подозрѣнія, я вполнѣ допускалъ. Но я былъ увѣренъ, что съ того времени ни за типографіей, ни за кѣмъ изъ насъ не было ни малѣйшаго слѣженія. Я почти каждый день пріѣзжалъ въ городъ, часто проѣзжалъ верхомъ (дядя Ч—ва занимался хозяйствомъ и у него было много лошадей) по улицамъ, которыя прилегали къ типографіи и ни разу ни замѣтилъ чего бы то ни было подозрительнаго. Но это не значило, что типографія не подвергнется сильной опасности, когда жандармы начнутъ разыскивать, что Ивановъ дѣлалъ въ Ростовѣ въ продолженіи полутора мѣсяца. Дѣлать однако было нечего. Я собралъ Иванову приданое изъ своихъ вещей и отвезъ его на полустанокъ къ поѣзду, который уходилъ на сѣверъ и въ который Ивановъ благополучно сѣлъ.

Хозяинъ Иванова дѣйствительно оказался страннымъ субъектомъ. Недалеко отъ Иванова жила Добрускина, съ которой онъ, конечно, видѣлся. Когда Ивановъ скрылся, хозяинъ прислалъ спросить Добрускину, не знаетъ ли она куда дѣвался его жилецъ! Какъ онъ узналъ о знакомствѣ Иванова съ Добрускиной, осталось для насъ тайной. Но замѣчательнѣе всего то, что жандармамъ инцидентъ съ Ивановымъ остался неизвѣстнымъ. Я предполагаю, что хозяинъ, нашедши въ вещахъ Иванова нелегальную литературу, понялъ въ чемъ дѣло, выписалъ Иванова изъ домовой книги и оставилъ себѣ его вещи. Вѣроятно, мотивомъ его молчанія былъ скорѣй страхъ передъ революціонерами, чѣмъ сочувствіе къ нимъ.

А. Бахъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Дѣла давно минувшихъ дней.

(Продолженіе [1]).

По мѣрѣ того, какъ разгоралось пожарное слѣдствіе, становилось очевиднымъ, что слѣдствіе, по нашему дѣлу закончено. В. К—го на прогулку въ нашей компаніи не выводили, но съ нимъ одно время сидѣлъ Мих. Адам. Коссовскій (они были, кажется, двоюродные братья). Весьма вѣроятно, что подъ вліяніемъ Мих. Адам. В. К—ій далъ знать Огрызко и мнѣ, что онъ готовъ на судѣ отказаться отъ всѣхъ показаній, сдѣланныхъ имъ на насъ въ слѣдственной комиссіи; объяснитъ суду, что онѣ были вынуждены у него, когда онъ былъ въ болѣзненномъ состояніи, которое, онъ увѣренъ, не можетъ не засвидѣтельствовать Фавелинъ. Не знаю, какъ разсуждалъ Огрызко, получивъ это совсѣмъ неожиданное предложеніе (Огрызко все время сидѣлъ и гулялъ одинъ); но я остановился на слѣдующихъ соображеніяхъ: если мы всѣ трое откажемся отъ своихъ показаній, то судъ будетъ поставленъ въ крайне затруднительное положеніе. Въ самомъ дѣлѣ, для какого-нибудь обвинительнаго приговора долженъ же имѣться хотя бы малѣйшій матеріалъ. Благодаря Родзевичу и другимъ товарищамъ я уже былъ освѣдомленъ о процедурѣ виленскаго военно-полевого суда; она исключала всякую возможность сговориться подсудимымъ; далѣе, всѣ мы трое были абсолютно разъединены (постукиваніе не было практикуемо, по крайней мѣрѣ за мое время, ни въ Доминиканахъ, ни въ Босачкахъ; но въ одной части Босачекъ изъ противоположныхъ номеровъ нѣкоторые черезъ форточки переговаривались знаками на манеръ глухонѣмыхъ[2]); а начальству, конечно, и въ голову не могло прійдти, что наши сношенія производились черезъ лицо спеціально въ его глазахъ благонадежное [3]). А тутъ еще новый начальникъ края; каковъ бы онъ ни былъ, все же не можетъ принимать очень близко къ сердцу дѣла возникшія до него.

---

[1]) См. „Былое". Январь.

[2]) Даже завязался романъ, кончившійся бракосочетаніемъ въ тюрьмѣ.

[3]) Кстати, ближайшее наблюденіе за нами имѣли два жандарма Мисиченко и Черепушкинъ; они были вѣжливы; первый крайне антипатичная фигура, второй выглядѣлъ добродушнѣе, но не думаю, чтобъ кто-нибудь попробовалъ довѣриться ему; оба весьма охотно принимали разныя подачки, напр. за продленіе свиданія. Прислуга — солдаты—простые люди, но запуганные до послѣдней степени; они съ крайнимъ страхомъ поминутно оглядываясь, позволяли себѣ иногда отвѣчать на самые обыкновенные вопросы.

Но, продолжалъ разсуждать я, положимъ, что судъ и послѣдующія инстанціи вынесутъ намъ обвинительный приговоръ; тогда мы будемъ въ состояніи, не безъ нѣкоторыхъ шансовъ на успѣхъ, начать агитацію въ Петербургѣ о пересмотрѣ нашего дѣла (Огрызко особенно расчитывалъ на К. К. Грота), опираясь на вопіющее нарушеніе всяческихъ законовъ. Пока я обдумывалъ свое окончательное рѣшеніе, Огрызко далъ мнѣ знать, что онъ принимаетъ предложеніе В. К—го; тогда и я рѣшилъ сдѣлать тоже самое; я даже находилъ неудобнымъ оставлять Огрызко одного.

Но вотъ, наконецъ, въ половинѣ іюня пріѣхалъ въ Вильно Кауфманъ, и напряженное состояніе, созданное его ожиданіемъ, стало по немногу разряжаться. Его рѣчи на общемъ пріемѣ, въ которой онъ заявлялъ о своемъ твердомъ намѣреніи неуклонно продолжать политику своего предшественника, особеннаго значенія не придавали; всѣ понимали, что иначе онъ и не могъ говорить, если бы даже и думалъ совсѣмъ другое. Скоро Кауфманъ предпринялъ небольшой объѣздъ; тутъ, конечно, внимательно присматривались къ его каждому шагу. Общее впечатлѣніе на мѣстныхъ жителей получилось совсѣмъ неутѣшительное. Изъ многихъ случаевъ припоминаю два: въ одной школѣ собственноручно изорвалъ попавшуюся ему польскую книгу (объ этомъ было даже оглашено въ мѣстной оффиціальной газетѣ); гдѣ то вмѣсто почтовыхъ экипажъ и лошади были затребованы отъ мѣстнаго помѣщика (помнится Комара); тотъ доставилъ все самое лучшее; въ результатѣ штрафъ на помѣщика,—зачѣмъ лошади оказались въ такъ называемой краковской упряжи (она даже не польскаго происхожденія, а только съ давняго времени была заимствована изъ Италіи).

Въ одинъ прекрасный день Кауфманъ посѣтилъ Босачки, куда заявился съ большой свитой. Визитъ состоялъ въ томъ, что спрашивалъ наши фамиліи и ничего болѣе. Впрочемъ, въ нашей камерѣ онъ сдѣлалъ замѣчаніе Рудоминѣ:—Развѣ у васъ нѣтъ сюртука?—Рудомина былъ въ лѣтнемъ военномъ пальто, которое носилъ подъ арестомъ вмѣсто халата. Никакихъ перемѣнъ въ режимѣ непослѣдовало и, кажется, никто не былъ освобожденъ.

На мое рѣшеніе и Огрызки, всей нашей компаніей горячо одобренное, но, какъ оказалось впослѣдствіи, недостаточно взвѣшенное, главнымъ образомъ повліяло не столько желаніе такъ или иначе выкрутиться, сколько до крайности обостренное чувство къ слѣдственной комиссіи. Прошло слишкомъ сорокъ лѣтъ, но во мнѣ и теперь при малѣйшемъ воспоминаніи о Лосевѣ и К° поднимается что-то возбуждающее всѣ нервы; а тогда, ежеминутно зависѣвшіе отъ этой комиссіи (зависимость эта кончилась только съ объявленія конфирмаціи, вѣрнѣе сказать съ момента отправки насъ изъ Вильно), мы жили одною мыслью, чѣмъ бы отомстить этимъ людямъ, въ которыхъ независимо отъ ихъ собственныхъ личностей, для насъ воплощался весь ненавистный муравьевскій режимъ.

Вызова въ судъ не пришлось долго ждать. Онъ засѣдалъ въ тѣхъ же Босачкахъ [1]). Когда насъ ввели, то представилась слѣдующая

[1]) Т. е. босоногихъ Кармелитокъ.

картина: столъ покрытый чернымъ сукномъ, и на немъ вмѣсто зерцала лежали двѣ скрещенныя сабли. Вокругъ стола сидѣло нѣсколько офицеровъ съ штабъ-офицеромъ во главѣ,—это и были наши судьи; нѣсколько поодаль стоялъ аудиторъ. Мы едва могли пожать другъ другу руки (т. е. Огрызко и В. К—му), да В. К—му какъ-то удалось шепнуть, что онъ откажется отъ своихъ показаній. Стоя мы выслушали опредѣленіе объ отдачѣ подъ судъ и сейчасъ же были разведены по своимъ камерамъ. Затѣмъ каждаго въ отдѣльности вызывали въ судъ; тамъ предсѣдатель показывалъ намъ показанія, данныя въ слѣдственной комиссіи, и неизмѣнно всѣмъ предлагалъ одинъ и тотъ же вопросъ:—это ваша подпись? не имѣете ли чего прибавить? Рядомъ лежалъ листъ бумаги, на которомъ вопрошаемый и писалъ: показанія принадлежатъ мнѣ, прибавить къ нимъ ничего не имѣю.—Можете уходить. Послѣ этого приходилось ждать иногда нѣсколько мѣсяцевъ вызова для выслушанія конфирмаціи.

Надо пояснить, что въ виленскомъ округѣ для сужденія по политическимъ дѣламъ примѣнялись не общіе военные законы, а такъ называемыя высочайше утвержденныя категоріи (ихъ, кажется, было шесть). Вторая категорія, практикуемая въ большинствѣ случаевъ, гласила: всѣ взятые съ оружіемъ въ рукахъ или безъ онаго, по положенію своему могшіе имѣть вредное вліяніе, взамѣнъ смертной казни каторжныя работы; при этомъ были перечислены: военные на дѣйствительной службѣ или отставные, тоже чиновники, помѣщики, духовныя лица, всѣ лица дворянскаго происхожденія, всѣ получившіе высшее образованіе, всѣ доктора, учителя.

Когда меня вызвали въ судъ и предложили обычные вопросы, то какъ бы прочитывая свою подпись и слегка просматривая свои показанія, я успѣлъ замѣтить и пробѣжать на лежавшемъ листѣ, что В. К—ій дѣйствительно взялъ обратно свои показанія, что тоже самое сдѣлалъ и Огрызко. Тогда и я безъ оглядки послѣдовалъ за ними. Мотивъ у всѣхъ былъ одинъ: далъ показанія, чтобъ только отдѣлаться отъ комиссіи и ея постоянныхъ угрозъ смертной казнью.

Остальные по нашему дѣлу подтвердили свои показанія; только, помнится, М. А. Коссовскій заявилъ какую-то жалобу на комиссію. У него во время производства дѣла вышло курьезное столкновеніе съ Гогелемъ; повидимому, Гогель отбилъ у М. А. предметъ его нѣжной страсти, жившій въ Петербургѣ, куда Гогель ѣздилъ одно время въ отпускъ; при какой-то встрѣчѣ они крѣпко поговорили, такъ что М. А—ча въ видѣ наказанія даже посадили на нѣсколько дней въ одиночку.

Теперь насъ, конечно, крайне занимало, какое рѣшеніе постановилъ судъ; но при всѣхъ усиліяхъ (въ городѣ былъ такой человѣкъ, которому нерѣдко удавалось добывать интересующія свѣдѣнія) ничего не могли узнать. Намъ оставалось только ждать и ждать, да дѣлать всякія догадки, причемъ, по нашему мнѣнію, средняго рѣшенія не могло быть,—или каторга, или оправданіе Огрызко и меня. Мы уже знали, что смертная казнь была прекращена по секретному Высочайшему повелѣнію; даже Муравьевъ въ декабрѣ 64 г. или самомъ

началѣ 65 г. конфирмовалъ виленскій комитетъ (А. Оскерке, Гедройцъ, Еленскій и друг.) только въ каторжныя работы.

Одно время не менѣе пріѣзда Кауфмана и нашего собственнаго дѣла волновало насъ въ Босачкахъ пожарное дѣло [1]). Всѣ привлеченные къ нему находились въ Босачкахъ [2]), при чемъ ихъ содержали крайне строго: всѣ сидѣли по одиночкѣ, прогулокъ не дозволялось. По извѣстіямъ изъ города мы знали почти всѣхъ сидѣвшихъ, знали, что главными обвинителями являются одинъ весьма сомнительный юноша и какая-то баба. Но вотъ попадаетъ къ намъ номеръ «Московскихъ Вѣдомостей»; помнится въ приложеніи его была большая статья по поводу пожаровъ въ Западномъ краѣ, при чемъ въ концѣ статьи было опредѣленно сказано, что всѣ свѣдѣнія заимствованы изъ офиціальныхъ источниковъ (статья несомнѣнно принадлежала перу Н. В. Гогеля; я въ ней встрѣтилъ тѣ самыя фразы, которыя самъ отъ него слышалъ еще въ Доминиканахъ). Въ ней сообщалось, что изъ среды польской эмиграціи выдѣлилась партія, рѣшившая выжечь весь Западный край: не смогли молъ поляки удержать его за собой, такъ пускай же никому не достается. Вмѣстѣ съ нею заодно дѣйствуетъ русская революціонная партія, основавшая въ Тульчѣ, гдѣ тогда жилъ Кельсіевъ, свою поджигательную агентуру. [3]) Въ статьѣ упоминалась фамилія шляхтича Ходзко, которому приписывалась такая роль, что смертный приговоръ можно было уже считать заранѣе произнесеннымъ надъ нимъ. Затѣмъ до насъ дошло свѣдѣніе, какъ потомъ оказалось невѣрное, что на такой-то день назначенъ военно-полевой судъ; всѣ мы съ замираніемъ сердца ждали этого дня. Прошло два-три томительно-мучительныхъ дня. Вдругъ узнаемъ, что въ судѣ произошла какая-то заминка, — одно это уже подняло наше настроеніе; еще нѣкоторое время и, какъ снѣгъ на голову, къ нашей компаніи на прогулкахъ присоединяется нѣсколько человѣкъ изъ числа сидѣвшихъ по пожарному дѣлу; узнали также, что Ходзко разрѣшены прогулки, вообще ослабленъ режимъ въ отношеніи его. Изъ числа нашихъ новыхъ товарищей остались у меня въ памяти двое: старикъ Свидзинскій и одинъ простой шляхтичъ, даже неграмотный. Свидзинскій до возстанія служилъ по судебному вѣдомству; былъ онъ, кажется, паралитикъ, такъ какъ помнится, его выносили на прогулку. Его обвиняла одна баба, что онъ подговорилъ ее гдѣ-то поджечь ленъ. Шляхтичъ былъ захваченъ въ какомъ-то мѣстечкѣ, гдѣ въ базарный день случился пожаръ. Сначала онъ сидѣлъ

---

[1]) Я здѣсь говорю о пожарномъ дѣлѣ только то, что сохранилось въ моей памяти или что узналъ о финалѣ его по пріѣздѣ въ Сибирь. Но у меня имѣется очень цѣнный матеріалъ, а именно обстоятельный разсказъ лица, которое завинялось, какъ главарь всего дѣла, и кромѣ того подобраны кой-какіе и другіе матеріалы. Все это, можетъ быть, когда-нибудь и использую.

[2]) Теперь на мѣстѣ Босачекъ базарная площадь.

[3]) Кельсіевъ, года черезъ два вернувшійся въ Россію, въ своихъ печатныхъ воспоминаніяхъ не безъ юмора разоблачилъ легенду о Тульчинской поджигательной агенціи.

при полиціи, разумѣется, вмѣстѣ со всякимъ сбродомъ; но тамъ кормовые выдавали деньгами на руки; какъ человѣкъ очень расчетливый, онъ сдѣлалъ маленькую экономію; а потому, осмотрѣвшись въ Босачкахъ, гдѣ кормили въ натурѣ, сильно затосковалъ по полицейской кутузкѣ. Забавная была фигура; онъ на всякій вопросъ прежде всего обязательно отвѣчалъ словомъ: разумѣется, и этимъ надѣлалъ не мало хлопотъ комиссіи. Ставятъ ему вопросъ:—ты поджигалъ въ мѣстечкѣ? —Разумѣется.—Ну, разсказывай.—Пріѣхалъ я на базаръ, едва успѣлъ продать два куля овса, какъ вдругъ закричали: пожаръ! всѣ кинулись бѣжать, я тоже хотѣлъ уѣхать, тутъ меня и арестовали.—Такъ ты не поджигалъ?—Разумѣется.—Какъ же ты сначала сказалъ, что поджигалъ? — Разумѣется, и т. д. И этого человѣка продержали подъ арестомъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Пожарное дѣло тянулось болѣе года и закончилось, когда я уже былъ по дорогѣ въ Сибирь; закончилось только благодаря энергичному вмѣшательству ген. Манюкина, который временно оставался за Кауфмана, уѣзжавшаго въ Петербургъ. Манюкинъ прославился своею суровостью; въ началѣ возстанія онъ разбилъ банду и при этомъ сжегъ мѣстечко Семятичи—объ этомъ подвигѣ его знала вся Европа; но въ пожарномъ дѣлѣ, гдѣ совсѣмъ запутался Кауфманъ, показалъ себя инымъ человѣкомъ. При немъ военный судъ оправдалъ наиболѣе обвиняемыхъ, но Кауфманъ по телеграфу распорядился, — не конфирмовать до его возвращенія, а когда вернулся, то отправилъ въ ссылку Ходзко и другихъ (съ обязательной при этомъ продажей имущества), какъ неблагонадежныхъ въ политическомъ отношеніи. Такъ онъ старался поддержать престижъ власти, вѣрнѣе сказать, г.г. Лосева и Комп.

Какъ однообразно не тянулись дни, но неожиданный вызовъ меня въ Комиссію, да еще какую-то новую, не скажу, чтобъ пришелся мнѣ по душѣ. Что такое опять подымается, размышлялъ я, въ сопровожденіи двухъ конвойныхъ совершая путешествіе чуть не по всему городу, кажется, въ цитадель, гдѣ помѣщалась комиссія. Тамъ меня не заставили долго ждать и сейчасъ же позвали въ присутствіе, гдѣ, впрочемъ, находился всего одинъ членъ, конечно, военный. Подавая мнѣ довольно толстую тетрадь, онъ сказалъ:—Вотъ вамъ вопросы изъ Омской слѣдственной комиссіи, не угодно ли прочитать. Имѣйте въ виду, что вопросы дѣлаются по высочайшему повелѣнію. У меня на душѣ отлегло, и я съ большимъ интересомъ принялся за чтеніе. Еще въ Петербургѣ я зналъ, что въ Сибири были произведены многочисленные аресты, въ томъ числѣ Г. Н. Потанина и Н. М. Ядринцева; изъ нихъ съ первымъ я находился въ очень дружескихъ отношеніяхъ; познакомилъ насъ Кавелинъ. Перечитавъ все отъ начала до конца, я нѣсколько разочаровался. Меня спрашивали о массѣ лицъ, даже по фамиліямъ совершенно незнакомыхъ, о ихъ замыслахъ и т. п. Былъ одинъ курьезный вопросъ:—не получали ли вы Томскихъ губернскихъ вѣдомостей, гдѣ печатались статьи въ сепаратистическомъ духѣ съ цѣлью возбудить умы къ отдѣленію Сибири отъ Россіи [1]).—Да вѣдь

[1]) Съ сибирскаго дѣла 64 г. и начинается на страницахъ извѣстной печати, временами то замолкавшій, то опять горячо поддерживаемый разговоръ о сибирскомъ сепаратизмѣ.

вмѣсто того, чтобъ за нѣсколько тысячъ верстъ посылать такой запросъ, проще было справиться на мѣстѣ,—состоялъ ли я въ числѣ подписчиковъ.—А вы, можетъ быть, отдѣльными номерами получали ихъ по почтѣ,—возразилъ дальновидный офицеръ. Кончилось тѣмъ, что на всѣ пункты отвѣчалъ отрицательно, признавши только, что въ Петербургѣ по университету былъ знакомъ съ Гр. Н. и Н. М. Болѣе меня о сибирскомъ дѣлѣ не спрашивали.

Мало-по-малу подошла осень; прогулки въ обнаженномъ саду стали терять свою прелесть, всѣ давно другъ съ другомъ перезнакомились и обо всемъ сколько нибудь интересномъ уже переговорили; постоянное чтеніе набивало оскомину; не то хандривое, не то притупленное настроеніе завладѣвало всѣми. И притомъ, это постоянное, обязательное общество! Я думаю, у всякаго изъ насъ бывали минуты когда ему страстно хотѣлось остаться одному. Моя личная жизнь еще скрашивалась свиданіями съ женой,—она все время оставалась въ Вильно; пріѣзжала ко мнѣ изъ Петербурга моя покойная сестра Соничка, тоже умершая двоюродная сестра жены и вмѣстѣ съ тѣмъ мой близкій другъ, Нина Мих. Латкина, впослѣдствіи по мужу—Гердъ; но вѣдь у многихъ не было въ Вильно, или по близости, родныхъ, а свиданья разрѣшались только съ родственниками. Однако въ нѣкоторыхъ камерахъ находились прямо таки артисты, съумѣвшіе внести извѣстную долю разнообразія не только въ свою личную жизнь, но даже и другихъ живо заинтересовать своими талантами. Многіе, напримѣръ, занимались лѣпкой изъ хлѣба; особенно у иныхъ хорошо удавались цвѣты; но по большей части (и тутъ невольно сказывалось внутреннее настроеніе) вылѣпливались надгробные памятники, распятіе, Божія Матерь,—у меня и теперь сохраняется Божія Матерь, подарокъ одного изъ заключенныхъ. Но эта работа требовала весьма продолжительной подготовки хлѣба, его надо было неустанно мять въ теченіе не менѣе десяти дней; безъ этого сдѣланныя вещи, какъ только начинали высыхать, сейчасъ же трескались. Многіе, конечно, не прочь были испробовать свои способности въ лѣпкѣ, только у рѣдкихъ хватало терпѣнія на скучную подготовку матеріала.

На свой ли страхъ, или съ разрѣшенія комиссіи, смотритель иногда по вечерамъ позволялъ нашей камерѣ ходить въ гости въ одинъ изъ сосѣднихъ номеровъ, гдѣ собралась довольно подвижная компанія. Изъ среды ея особенно выдѣлялся уже немолодой шляхтичъ Миклашевскій. Это былъ, какъ говорится, человѣкъ на всѣ руки,—пѣвецъ, музыкантъ, первый мазуристъ и положительно артистъ по части лѣпки изъ хлѣба. Онъ сдѣлалъ изъ хлѣба флейту и весьма недурно игралъ на ней; ему акомпанировалъ другой артистъ на стаканахъ (чтобъ подобрать гамму они наполнялись въ извѣстномъ размѣрѣ водой). Подъ эту музыку хоромъ распѣвались то революціонно патріотическія пѣсни, то старопольскія бытовыя, а иногда и съ комическимъ оттѣнкомъ; въ послѣднихъ обыкновенно выступалъ Бендаржевскій, утрируя какой то чувствительный романсъ, должно быть начала 19-го в., изъ котораго въ памяти остались слова:

Не съ Филиды пршикладъ брать,
Кохаёнцъ не тршеба спать.

И рѣдкій вечеръ чтобъ не устраивалась мазурка. Кто видалъ мазурку въ роскошной постановкѣ 2-го акта «Жизни за Царя» или на нашихъ балахъ, тотъ и представить себѣ не можетъ до какой степени это вполнѣ національный танецъ. Надо видѣть ее въ условіяхъ болѣе чѣмъ обыденныхъ, какъ мнѣ доводилось видѣть въ тюрьмѣ или въ убогой пріисковой обстановкѣ, чтобъ почувствовать, какъ въ ней сказывается вся живость польскаго темперамента, способность увлекаться до самозабвенія, умѣнье согласовать канву установленную вѣками съ импровизаціей безчисленныхъ фигуръ и положеній. Меня особенно поражала мазурка въ тюрьмѣ: съ одной стороны надъ головой каждаго танцора висѣла каторга или по меньшей мѣрѣ ссылка въ Сибирь, а съ другой,—жизнерадостность, неистощимое остроуміе въ продѣлываніи самыхъ рискованныхъ фигуръ и не менѣе ловкій выходъ изъ неожиданныхъ положеній.

Въ нашемъ номерѣ временами большое оживленіе вносилъ Ст. Каз. Янчевскій. Еще въ петербургскомъ ордонансъ-гаузѣ подъ вліяніемъ сидѣвшаго тамъ А. Н. Столпакова онъ, до того времени ничѣмъ не интересовавшійся, кромѣ своей инженерной спеціальности, сталъ почитывать русскіе журналы и кое-что изъ тогдашней нашей переводной литературы и въ результатѣ сдѣлался рѣшительнымъ исповѣдникомъ позитивныхъ и радикальныхъ идей. Въ Вильно, когда мы сидѣли вмѣстѣ, онъ тоже читалъ только русскія книги, которыхъ у меня накопилось не мало. По природѣ своей Ст. Каз. пропагандистъ; такъ, напримѣръ, онъ мнѣ, профану, по цѣлымъ часамъ развивалъ идеи фр. инженера Монталанбера, пламеннымъ послѣдователемъ котораго онъ былъ. Всѣми своими новыми мыслями и впечатлѣніями онъ прежде всего дѣлился съ Рудоминой (давно умершій) къ которому питалъ просто трогательную привязанность. Тотъ терпѣливо выслушивалъ Ст. Каз., кое-что принималъ, но вообще проявлялъ способность оставаться нѣсколько нейтральнымъ среди противоположныхъ теченій. Зато съ Завадскимъ, виленскимъ книгопродавцемъ, ревностнымъ католикомъ, у Ст. Каз. выходили самые ожесточенные споры. Помню, разъ всѣ уже улеглись спать; съ кроватей Ст. Каз. и Завадскій перебрасываются еще коротенькими репликами.—Да вѣдь нынѣ есть даже и такіе дураки, говоритъ Завадскій, которые утверждаютъ, что человѣкъ якобы происходитъ отъ обезьяны. Ст. Каз. вскакиваетъ:—имѣю честь рекомендоваться, я именно и есть такой дуракъ, который думаетъ, что человѣкъ происходитъ отъ обезьяны.—Какъ сейчасъ вижу пораженную фигуру Завадскаго; видимо было, что онъ никакъ не представлялъ себѣ, что есть въ натурѣ люди, допускающіе происхожденіе человѣка отъ обезьяны.—Нѣтъ, этого быть не можетъ, отвѣчалъ онъ послѣ нѣкоторого молчанія.

— А я вамъ говорю, что это такъ,—отрѣзалъ Ст. Каз. Окончательно сраженный, Завадскій поспѣшилъ завернуться въ одѣяло и, вѣроятно, сугубо принялся отчитывать про себя разныя молитвы.

Медленно тянулись дни. Характеръ управленія Кауфмана между тѣмъ вполнѣ опредѣлился.—Муравьева не стало, зато весь муравейникъ расползся, какъ-то разъ мѣтко выразился о немъ Фавелинъ. Кауфманъ былъ человѣкъ несомнѣнно крайне ограниченный; пріѣхалъ

онъ въ край, повидимому, съ двумя руководящими идеями. Первая,— польскій элементъ только присмирѣлъ, а потому его нужно держать въ ежевыхъ рукавицахъ; вторая, — слѣдуетъ неустанно продолжать руссификацію; это дѣло, должно быть, представлялось ему не болѣе труднымъ, чѣмъ введеніе въ какомъ-нибудь полку обмундированія новаго образца. Въ этомъ тонѣ Кауфману отъ всего сердца отвѣтили какъ временная военная организація, желавшая протянуть свое существованіе до безконечности, такъ и гражданская, затертая съ начала возстанія и теперь старавшаяся вернуть свое прежнее значеніе. И вотъ политическіе аресты стали продолжаться, а нѣкоторыя конфирмаціи Кауфмана, даже по сравненію съ Муравьевскими, поражали своей суровостью, преслѣдованія малѣйшаго проявленія такъ называемаго полонизма нисколько не ослабѣли. Вотъ какія вѣсти чуть не ежедневно проникали къ намъ въ тюрьму. Вѣнцомъ Кауфмановской политики явился указъ 10 декабря 65 г. (въ этомъ дѣлѣ онъ нашелъ дѣятельную поддержку въ братьяхъ Милютиныхъ) объ обязательной продажѣ недвижимыхъ имуществъ всѣхъ лицъ, хотя бы только административно высланныхъ изъ края, и запрещеніе лицамъ польскаго происхожденія пріобрѣтать имѣнія въ Западномъ краѣ. [1]) Все это подавало мало надеждъ на сколько-нибудь благопріятный исходъ нашего дѣла.

Но вотъ въ началѣ двадцатыхъ чиселъ декабря мы получили изъ города сообщеніе, что наше дѣло конфирмовано и притомъ для большинства оканчивалась простой высылкой, даже безъ лишенія правъ. Хотѣлось этому вѣрить, но ни у кого не оказалось смѣлости повѣрить. Еще прошло нѣсколько дней и новое извѣстіе прямо противоположное: всѣ въ каторгу. Этому мы повѣрили, хотя и казалось совсѣмъ непонятнымъ, что ни для кого не сдѣлано исключенія, даже для Янчевскаго.

Въ тотъ же день зашелъ смотритель; онъ имѣлъ какой-то смущенный видъ. Мы всѣ его обступили. —Павелъ Григорьевичъ, вѣдь наше дѣло кончилось?—Не знаю.—Да не секретничайте, мы все знаемъ.—Ну г.г. если вы все знаете, такъ и я вамъ скажу, дѣйствительно ваше дѣло кончилось.—Всѣхъ въ каторгу?—И это правда. Но, господа меня удивляетъ, почему вы всѣ имѣете такой видъ, какъ будто и не богъ вѣсть какую радостную вѣсть узнали. — Да какъ же намъ не радоваться; вѣдь и то уже хорошо, что наконецъ выберемся отсюда.

И это было вѣрно. Узнавъ теперь отъ смотрителя, что наше дѣло кончено, мы прежде всего почувствовали, что у насъ точно гора съ плечъ свалилась; суровый исходъ совсѣмъ пока отодвинулся на второй планъ, даже Янчевскій не казался ошеломленнымъ перспективой каторги. Въ этомъ приподнятомъ настроеніи самую главную роль играло то, что черезъ какихъ нибудь дня два мы будемъ внѣ зависимости отъ комиссіи и распрощаемся съ Вильно. Когда нѣсколько поуспокоились, конечно живо принялись обсуждать: какимъ образомъ судъ и Кауфманъ выпутались изъ отказа В. К—го, Огрызко и моего; дѣлали разныя догадки, но никакъ не попадали въ настоящую точку,

[1]) Неспособность Кауфмана очень скоро обнаружилась, и менѣе, чѣмъ черезъ два года, онъ былъ отозванъ, оставивъ всѣ дѣла въ крайне запутанномъ положеніи.

она никому и въ голову не приходила. Такъ какъ съ приговоромъ въ каторгу неминуемо связывалась конфискація, то смотритель тутъ же спросилъ насъ, кому заблаговременно передать наши деньги; также посовѣтовалъ все, что у насъ было цѣннаго, напр., часы, хорошее платье теперь же передать ему, а онъ потомъ вернетъ намъ. Все это нами и было сдѣлано безъ промедленія, а смотритель свято выполнилъ свое обѣщаніе.

Должно быть, 29-го декабря насъ всѣхъ, кромѣ В. К—го собрали съ нашими остальными пожитками и всей партіей препроводили въ ордонансъ-гаузъ. Тамъ опять не оказалось В. К—го. По нѣкоторомъ времени явилось какое-то начальство, и при военномъ караулѣ аудиторъ прочиталъ намъ конфирмацію. Чтеніе продолжалось долѣе часу; и тутъ только объяснилась причина отсутствія В. К—го. Согласно офиціальному изложенію, В. К—ій, спустя нѣкоторое время послѣ того, какъ отказался отъ своихъ показаній, самъ просилъ судъ о разрѣшеніи явиться и далъ приблизительно слѣдующее показаніе: желая смягчить участь Огрызко и Пантелѣева, я, такого-то числа, заявилъ въ судѣ, что все, показанное мною относительно ихъ въ слѣдственной комиссіи, не вѣрно; но теперь я беру назадъ это показаніе и подтверждаю все то, что говорилъ на слѣдствіи. Теперь мы поняли, зачѣмъ, послѣ общаго вызова въ судъ, Гогель нѣсколько разъ посѣщалъ В. К—го; несомнѣнно его уговорили взять обратно свой отказъ, но для большаго эффекта въ офиціалномъ изложеніи предоставили В. К—му честь самостоятельнаго выступленія. Рѣшеніе суда гласило: Огрызко и В. К—му смертная казнь, а всѣмъ остальнымъ, на основаніи 2-ой категоріи, каторжныя работы разныхъ сроковъ; аудиторіатъ кое-кому смягчилъ, тоже сдѣлалъ и Кауфманъ; такъ, смертная казнь Огрызко была замѣнена 20 годами каторги, В. К—му ссылкою на поселеніе; вмѣсто каторги Рудомина ссылался въ Западную Сибирь, Янчевскій—тѣмъ же чиномъ саперомъ на Амуръ—(въ Петербургѣ получилъ назначеніе въ Туркестанъ), М. А. Коссовскій—на поселеніе, другимъ, кажется, тоже; только мнѣ во всѣхъ инстанціяхъ остались безъ измѣненія 6 лѣтъ каторги, назначенной судомъ. Огрызко и мнѣ еще поставили въ вину клевету на слѣдственную комиссію. Подъ судъ я былъ отданъ за посредничество въ сношеніяхъ польскихъ и русскихъ революціонеровъ и по подозрѣнію въ принадлежности къ «Землѣ и Волѣ»; въ конфирмаціи говорилось уже о моей принадлежности къ ней, хотя въ дѣлѣ не было ни малѣйшаго факта это подтверждающаго. Всѣмъ намъ, за исключеніемъ одного В. К—го, была объявлена конфискація имущества.

По окончаніи чтенія, согласно обряду, насъ постригли, но шпагъ не ломали, а затѣмъ одѣли въ казенное обмундированіе.

Когда начальство удалилось и происходилъ обрядъ стрижки, ко мнѣ подошелъ офицеръ, бывшій въ нарядѣ.

— Я Точневъ, сказалъ онъ, вашъ товарищъ по гимназіи.— Теперь и я васъ узнаю; во время чтенія конфирмаціи мнѣ казалось, что вижу какъ будто знакомаго, но не могъ сообразить, кто такой. Точневъ былъ моложе меня по гимназіи, должно быть, двумя годами.— Я давно слышалъ, продолжалъ онъ, что здѣсь сидитъ подъ арестомъ

Пантелѣевъ, но при этомъ прибавляли—полковникъ; ну, я и думалъ, что кто-нибудь другой, а не вы.

Точневъ очень участливо отнесся ко мнѣ и на прощаніе сказалъ, что непремѣнно побываетъ у меня въ тюрьмѣ. Слово свое онъ и сдержалъ, даже принесъ какіе-то гостинцы.

Казенное одѣяніе, все, начиная отъ шапки и кончая нижнимъ бѣльемъ, было невѣроятное: однимъ оно было слишкомъ велико, другимъ, наоборотъ, мало, притомъ изъ отвратительнаго матеріала; особенно невѣроятны были полушубки: коротки, узки и разлѣзались; а вѣдь въ нихъ не только большая часть уголовныхъ, но и многіе изъ политическихъ должны были совершить зимнее путешествіе по Сибири.

Какъ бы тамъ ни было, удобно или нѣтъ, пришлось пройтись въ казенномъ одѣяніи порядочную дистанцію изъ ордонансъ-гауза до тюрьмы; все же, что было при насъ, подверглось конфискаціи, вѣрнѣе сказать, на нашихъ же глазахъ было расхищено. Политическіе въ Виленской тюрьмѣ содержались въ особомъ отдѣленіи. Про уголовное отдѣленіе шли разсказы, что тамъ царилъ невѣроятный безпорядокъ и воровство практиковалось просто ради шутки, или чтобы посмѣяться надъ начальствомъ. Такъ незадолго до насъ было два забавныхъ случая: украдено пальто у прокурора и онъ долженъ былъ заплатить выкупъ, чтобы получить его обратно; пропала лошадь у водовоза; въ ворота тюрьмы она не могла быть выведена, потому искали по всѣмъ дворамъ и укромнымъ уголкамъ. Нигдѣ не оказалось. Наконецъ водовозъ согласился заплатить 10 р.; тогда арестанты повели его на чердакъ и говорятъ:—вотъ бери свою лошадь. Но такъ какъ водовозъ не въ состояніи былъ вывести съ чердака лошадь, то за добавочную трехрублевку арестанты вынесли ему ее.

Въ тюрьмѣ свиданія давались свободно; принесены были вещи, уцѣлѣвшія отъ конфискаціи; одна незнакомая полька прислала мнѣ своего рукодѣлія теплыя перчатки и какую то религіозную картинку. Жена уѣхала впередъ, чтобъ предупредить о моемъ пріѣздѣ въ Петербургъ; кромѣ того она имѣла нѣкоторыя порученія отъ Огрызко. Послѣдній былъ въ крайне возбужденномъ состояніи; послѣ пятнадцати мѣсяцевъ онъ въ первый разъ видѣлъ людей, съ которыми могъ говорить по душѣ. Естественно, что разговоръ вращался около фатальнаго исхода дѣла. Огрызко еще не терялъ надежды на помощь со стороны К. К. Грота. Увы! онъ не предвидѣлъ, какъ много еще неожиданныхъ ударовъ придется вынести ему. Заявился къ намъ Янчевскій и разсказалъ слѣдующее. На другой день послѣ конфирмаціи онъ долженъ былъ по правиламъ военной службы представиться Кауфману, какъ начальнику военнаго округа. На общемъ представленіи Кауфманъ прошелъ мимо него, не сказавъ ни одного слова; но когда Янчевскій уходилъ, то его задержалъ адъютантъ. Затѣмъ, когда всѣ представлявшіеся удалились, Янчевскій былъ позванъ въ кабинетъ Кауфмана, который, поздоровавшись съ нимъ, какъ съ своимъ знакомымъ (наканунѣ ареста Ст. Каз. танцовалъ съ Кауфманомъ мазурку у его брата), сказалъ:—я бы вернулъ васъ въ академію, но вѣдь вы почти три года провели подъ арестомъ и тутъ легко могли попасть подъ вліяніе какого

нибудь фанатика въ родѣ..... Припоминаю еще, заходилъ къ Рудоминѣ молодой человѣкъ, кн. Радзивилъ, не изъ богатыхъ. Онъ, какъ говорили мнѣ, старался имитировать своего знаменитаго родственника временъ давнопрошедшихъ «пане коханьку», того о которомъ Мицкевичъ сказалъ, что когда онъ бѣжалъ за границу, то взялъ съ собою на дорогу только одинъ червонецъ, но этотъ червонецъ былъ величиною съ колесо.—Я никого не боюсь, говорилъ молодой Радзивилъ, я всѣмъ говорю, что я полякъ и католикъ.—Ну, и сошлетъ тебя куда-нибудь за это Кауфманъ.—А что мнѣ Кауфманъ, я вездѣ буду Радзивилъ, а Радзивилы были всему міру извѣстны, когда еще никакихъ Кауфмановъ не водилось на свѣтѣ; вотъ еще, стану я бояться какого-нибудь Кауфмана.

Въ тюрьмѣ мы пробыли два дня; на третьи сутки, 31 декабря, назначили въ отправку и въ опредѣленное время всѣхъ вывели на дворъ; при этомъ опять пришлось одѣться въ живописный казенный костюмъ. Къ моменту отправки явился гражд. губернаторъ Панютинъ. Въ моихъ «воспоминаніяхъ изъ прошлаго» [1]) разсказана дикая сцена, которую онъ разыгралъ въ отношеніи Огрызко. Послѣдняго отдѣлили отъ насъ и отправили съ жандармами прямо на Москву, а отсюда безъ остановокъ въ Тобольскъ. Только тутъ, благодаря губернатору А. И. Деспоту-Зеновичу онъ нѣсколько отдохнулъ; ему предстояло еще тысячи четыре верстъ.

Подъ ночь партію перевели на вокзалъ, а затѣмъ до крайности тѣсно размѣстили въ вагонахъ. Едва раздался послѣдній звонокъ, какъ поляки разомъ запѣли прощальныя пѣсни съ родиной; изъ одной припоминаю слова:

А за тѣмъ краемъ,
Якъ бы за раемъ,
Тёнгле вздыхамъ
И плачемъ!
Еще разъ, еще разъ,
Еще разъ зобачимъ!

Кое-какъ размѣстились. Несмотря на трагическій моментъ, всѣ однако были въ бодромъ настроеніи и даже весело шутили, что въ какихъ своеобразныхъ условіяхъ встрѣчаемъ Новый годъ. Въ отдѣленіи, гдѣ мнѣ пришлось устроиться, оказалась цѣлая компанія ксендзовъ весьма разнообразныхъ типовъ и даже православный священникъ (впрочемъ, изъ бывшихъ уніатовъ) Морозъ. Былъ, напримѣръ, ксендзъ, о которомъ меня заранѣе предупредили, что онъ очень ученый человѣкъ. Мы провели многіе часы въ разговорахъ; онъ, видимо, много читалъ по естественнымъ наукамъ, былъ также освѣдомленъ въ сравнительномъ языкознаніи; но надъ всѣмъ этимъ яркою нитью проходила одна идея: несмотря на кажущіеся успѣхи знанія нашего времени, теперешній человѣкъ въ пониманіи природы несравненно ниже первобытнаго; для послѣдняго были раскрыты тайны природы, которыя мы тщетно стараемся постигнуть. Точно также и первобытные языки

[1]) стр. 76

богаче и выразительнѣе нынѣшнихъ, въ примѣръ чего приводилъ литовскій, какъ одинъ изъ древнѣйшихъ. Въ противоположность ему другой весь жилъ въ мірѣ грѣшной плоти. Едва осмотрѣлись, какъ онъ изъ весьма богатаго запаса всякой провизіи досталъ бутылку старки, ветчину, индѣйку и т. д. и сталъ весьма любезно угощать своихъ ближайшихъ сосѣдей. Онъ былъ большой цѣнитель литовской кухни и не разъ съ грустной улыбкой замѣчалъ, что въ Сибири ничего подобнаго уже не найдешь, а главное, нельзя будетъ имѣть такъ хорошо сваренаго кофе, какъ его умѣютъ приготовлять на Литвѣ. Третій былъ такой страстный любитель до картъ, что, зная его слабость, съ нимъ нарочно продѣлали довольно забавную шутку: онъ уже улегся спать и даже слегка похрапывалъ; вдругъ кто-то громко произнесъ: въ сосѣднемъ вагонѣ недостаетъ партнера, кто желаетъ? Нашъ ксендзъ моментально вскочилъ и, даже не надѣвая сапоговъ, поспѣшилъ занять свободное мѣсто.

Я долженъ сказать, что какъ въ Вильно, такъ и въ дорогѣ, гдѣ мнѣ не разъ доводилось сталкиваться съ ксендзами, никогда они не заводили со мной какихъ-нибудь щекотливыхъ разговоровъ на религіозныя темы и никогда не касались православія. Нѣкоторымъ исключеніемъ являлся священникъ Морозъ (онъ шелъ въ каторгу); тотъ не разъ подымалъ рѣчь о большихъ ересяхъ въ православіи, но принужденъ былъ скоро прекращать эту тему, такъ какъ во мнѣ не находилъ къ ней интереса.

Ни конвойный офицеръ, тоже и команда, не проявляли къ намъ какого-нибудь недоброжелательнаго отношенія; всегда обращались къ намъ съ словами «господа», сами вступали въ разговоръ, принимали наши угощенія и оказывали всякія услуги. Вотъ только изъ вагоновъ насъ не выпускали, должно быть, въ этомъ пунктѣ регламентъ былъ очень строгъ. Ѣхали съ нами одинъ или два чиновника изъ числа явившихся по вызову Муравьева,—ихъ этапнымъ порядкомъ возвращали домой. Я разговорился съ однимъ изъ нихъ.—Возвращаюсь потому, что подходящаго мѣста не получилъ; ѣхать на свой счетъ не хотѣлъ, прогоновъ не дали.

Объ обратномъ путешествіи по этапу вызванныхъ чиновниковъ я слыхалъ еще отъ Гогеля. На мой вопросъ,—каковы явились въ краѣ русскіе чиновники, онъ отвѣчалъ: первый призывъ далъ, можно сказать, головку, по большой части все люди съ высшимъ образованіемъ, второй—смѣшанный, а изъ третьяго очень многихъ пришлось обратно отправить по этапу.

Ѣхали медленно, двѣ ночи и день, такъ что только утромъ 2 января были въ Петербургѣ. Здѣсь опять пришлось одѣться въ форменную костюмировку и продефилировать въ ней съ варшавскаго вокзала въ Демидовъ переулокъ, гдѣ тогда находилась пересыльная тюрьма. Меня на вокзалѣ, конечно, встрѣтили жена и ея родители; тоже и нѣкоторыхъ другихъ изъ нашей партіи. Никакихъ препятствій къ встрѣчѣ и разговорамъ отъ полиціи не было. Какая-то сострадательная женщина близъ церкви Вознесенія сунула мнѣ мѣдную монетку. Въ пересыльной помѣщеніе для политическихъ было просторно и послѣ грязной виленской тюрьмы показалось просто роскошнымъ, а главное,

было тепло, тогда какъ въ виленской тюрьмѣ за два дня порядочно иззябли; несомнѣнно, тамъ помимо всякихъ непорядковъ, царило и самое неприкрытое воровство. И кормили въ Петербургѣ весьма прилично. Добрымъ геніемъ пересылаемыхъ была m-me Эттингенъ. Она являлась энергической ходатайницей за тѣхъ, кого надо было задержать въ Петербургѣ, а между тѣмъ у нихъ не было ни связей, ни знакомыхъ. Кромѣ того она имѣла разрѣшеніе отъ Суворова посѣщать пересыльную и другія мѣста, гдѣ находились пересылаемые политическіе, какъ-то больницы Литовскаго замка, Исправительнаго заведенія, и очень часто снабжала нуждавшихся необходимыми вещами для дальнѣйшей дороги. Мнѣ не пришлось видѣть этой замѣчательной личности,—она была въ это время за границей. Но всѣ поляки, съ которыми мнѣ пришлось видѣться въ свой проѣздъ черезъ Петербургъ, съ глубокимъ уваженіемъ произносили ея имя. Пусть же эти немногія строки напомнятъ совсѣмъ другому поколѣнію о женщинѣ, душевная доброта которой нашла для себя такое благородное приложеніе.

* * *

На другой день рано утромъ пріѣхалъ въ пересыльную кн. Суворовъ и засталъ насъ, его совсѣмъ неожидавшихъ, большею частью въ корридорѣ; увидѣвъ меня, князь за руку поздоровался и увелъ съ собою въ свободную камеру.

— Я не могъ задержать васъ въ Петербургѣ, сказалъ Суворовъ,— Муравьевъ добылъ прямое высочайшее разрѣшеніе, чтобы васъ выслали въ Вильно; теперь разскажите, что съ вами тамъ было.—Я коротко передалъ ему мою виленскую эпопею; при имени Югана Суворовъ замѣтилъ:—это, кажется, латышъ; я, помнится, ничего дурного ему не сдѣлалъ. Спросилъ еще объ Огрызко.—Выкралъ у меня его Михаилъ Николаевичъ. А затѣмъ, возвращаясь къ моему дѣлу, сказалъ, что сдѣлаетъ обо мнѣ докладъ государю.—Знаете, подмигивая прибавилъ Суворовъ, можно будетъ воспользоваться тѣмъ обстоятельствомъ... На прощанье заявилъ:—я васъ задержу въ Петербургѣ, вы будете переведены въ лучшее помѣщеніе.

Теперь я долженъ разсказать объ одномъ загадочномъ случаѣ, на которой намекалъ Суворовъ. Осенью 62 г. я черезъ кого-то познакомился съ Княгининскимъ. То былъ изъ семинаристовъ бывшій вольнослушатель казанскаго университета, исключенный за участіе въ какой-то исторіи. Жилъ онъ въ Петербургѣ настоящей богемой, не имѣя своего угла. Княгининскій обнаруживалъ выдающіяся свѣдѣнія въ физикѣ, главнымъ образомъ по отдѣлу электричества и приложенію его къ техническимъ процессамъ. Въ тоже время онъ заявлялъ готовность служить своими познаніями для воспроизведенія нелегальной литературы. Я пріобщилъ его къ «Землѣ и Волѣ», и такъ какъ онъ абсолютно не имѣлъ никакихъ опредѣленныхъ средствъ, то по временамъ изъ кассы «Земли и Воли» выдавалъ ему маленькую субсидію, кромѣ того старался познакомить его съ людьми, которые могли бы заинтересоваться утилизаціей его спеціальныхъ знаній; такъ, ввелъ на четверги къ золотопромышленнику П. Н. Латкину, познакомилъ съ Тибленомъ, которому онъ и объяснилъ свой проектъ наборной

машины съ примѣненіемъ электричества. Но пока ничего не выходило. Помнится, на третій день пасхи 63 г. заявляется ко мнѣ какой-то совершенно незнакомый молодой человѣкъ и говоритъ, что у нихъ на квартирѣ заболѣлъ тифомъ Княгининскій и что хозяйка требуетъ, чтобъ его убрали куда знаютъ.—Такъ его надо свезти въ больницу; если для этого нужны деньги, то я вамъ ихъ дамъ.—Да вѣдь въ больницу безъ паспорта не примутъ, а у Княгининскаго его нѣтъ.—Въ такомъ случаѣ я сейчасъ же поѣду къ Суворову и постараюсь устроить это дѣло. Сказано—сдѣлано, облекаюсь въ фракъ и отправляюсь къ Суворову.—Что, сегодня князь принимаетъ, спрашиваю швейцара.—Принимаетъ. [1]) Поднимаюсь наверхъ; въ обширной пріемной никого изъ публики, но зато видимо-невидимо полицейскихъ всѣхъ ранговъ. Долго ждать не пришлось; князь вышелъ изъ кабинета и началось христовское цѣлованье; мало-по-малу Суворовъ дошелъ до меня и также совершаетъ обрядъ троекратнаго цѣлованья, а затѣмъ направляется къ слѣдующимъ поздравителямъ.—Ваша Свѣтлость, у меня къ вамъ есть дѣло.—Какія сегодня дѣла, теперь праздникъ.—Никакъ нельзя, пожалуйста выслушайте, дѣло идетъ о жизни или смерти человѣка, продолжалъ я, не отставая отъ Суворова, въ это время успѣвшаго уже перехристосоваться съ нѣсколькими чинами. Князь, наконецъ, остановился, съ минуту подумалъ и, обратясь къ особо стоявшей группѣ числившихся при немъ, позвалъ полковника Сабанѣева.—Полковникъ, выслушайте Пантелѣева и сдѣлайте что можно. Сабанѣевъ (впослѣдствіи плацъ-майоръ СПБ крѣпости и изобрѣтатель Сабанѣевскаго фотографическаго затвора) сейчасъ же увелъ меня въ отдѣльную комнату; онъ пользовался репутаціей одного изъ лучшихъ людей въ составѣ огромной свиты Суворова. Я откровенно разсказалъ ему въ чемъ дѣло; онъ отвѣчалъ. что сейчасъ же будетъ сдѣлано необходимое распоряженіе.—Но пожалуйста, чтобъ полиція какъ-нибудь не придралась къ квартирной хозяйкѣ, что у нея оказался безпаспортный.—И за это можете быть спокойны. Какъ сказалъ Сабанѣевъ, такъ все и было сдѣлано. Княгининскій благополучно перенесъ тифъ и въ свое время выписался изъ больницы. Обзавелся ли онъ послѣ этой исторіи паспортомъ—не знаю [2]).

Прошло, можетъ быть, не болѣе двухъ недѣль; разъ встрѣчаюсь съ Н. Утинымъ.—Я сегодня былъ у Егора Петровича (Ковалевскаго); онъ говорилъ мнѣ, что видѣлся недавно съ Суворовымъ, и тотъ очень хвалилъ ему тебя; что у тебя такое съ нимъ было?—Да ничего, кромѣ извѣстной тебѣ исторіи съ Княгининскимъ; послѣ того я не видалъ Суворова.

---

[1]) У Суворова, конечно, были опредѣленные пріемные дни; но онъ принималъ почти всегда, когда находился въ ген. губ. домѣ; вся разница была въ томъ, что въ пріемные дни у него собиралась масса публики, а въ непріемные, при нѣкоторомъ знакомствѣ, легче было переговорить съ нимъ. Въ экстренныхъ случаяхъ онъ былъ доступенъ даже на своей частной квартирѣ.

[2]) Кажется, въ началѣ 70-ыхъ годовъ Княгининскому удалось кого-то заинтересовать въ своей машинѣ съ примѣненіемъ электричества къ набору; но ужъ почему она не пошла въ ходъ—не знаю. Умеръ Княгининскій, если не ошибаюсь, въ концѣ 70-хъ годовъ въ больницѣ въ страшной бѣдности.

Вскорѣ Утину пришлось бѣжать. Самое послѣднее снаряженіе его, какъ-то: стрижка, бритье, совершались въ квартирѣ таможеннаго чиновника Лѣскова, проживавшаго въ домѣ Туляковскихъ бань. Какъ только бѣгство Утина стало для полиціи несомнѣннымъ фактомъ, сейчасъ же потянули къ отвѣту всѣхъ близкихъ къ нему, но меня не тронули, несмотря на то, что самые послѣдніе дни мы проводили большею частью вмѣстѣ и что еще за годъ Суворовъ какъ-то говорилъ мнѣ:— ваше близкое знакомство съ Утинымъ не доведетъ васъ до добра.

Между тѣмъ настало лѣто. Разъ, идя по Невскому, встрѣчаю М. С. Гулевича [1]) — Есть одно обстоятельство, касающееся васъ, сказалъ онъ. — Что такое, можетъ быть, арестъ угрожаетъ?—Нѣтъ, вы заходите ко мнѣ въ 4 ч., я тогда сообщу вамъ въ чемъ дѣло; и съ этими словами мы распрощались. Признаюсь, съ большимъ нетерпѣніемъ я ожидалъ 4 час. и минута въ минуту заявился къ Гулевичу, который, помнится, жилъ въ какомъ-то деревянномъ домѣ въ Ковенскомъ переулкѣ. Тогда почти все пространство между Знаменской и Лиговкой было застроено деревянными домами. Гулевичъ разсказалъ мнѣ слѣдующее:—Вчера я былъ на журъ-фиксѣ у Костомарова; между прочимъ Н. И. сказалъ:—я на дняхъ видѣлъ Суворова; онъ такъ хвалилъ Пантелѣева, такъ хвалилъ, что даже становится страннымъ и подозрительнымъ. На эти слова бывшій тутъ же Гайдебуровъ (П. А.) и отзовись:—я очень доволенъ, что уже довольно давно разошелся съ Пантелѣевымъ. На этомъ разговоръ о васъ и кончился.

Къ поясненію словъ Гайдебурова надо сказать, что онъ не безъ основанія считалъ меня виновникомъ, что не попалъ въ реформированный студенческій комитетъ (см. стр. 220 моихъ «Воспоминаній»). Но дѣло было не въ Гайдебуровѣ и въ его личныхъ счетахъ со мной. Предстояло выяснить смыслъ и основу словъ Костомарова и какимъ путемъ этого достигнуть. Собрался нашъ комитетъ; я заявилъ, что до поры до времени устраняюсь отъ этого дѣла и прошу взять его на себя комитету. Это и было принято.

Рѣшено было отправить депутацію къ Костомарову. Но разговоръ съ Костомаровымъ ничего не далъ, онъ только повторилъ, что крайне похвальныя слова Суворова произвели на него странное впечатлѣніе. Тогда депутація направилась къ Е. П. Ковалевскому; онъ, видимо, былъ смущенъ, говорилъ о неосторожности Суворова, болтовнѣ Костомарова, но ни одного слова не произнесъ, которое послужило бы къ разъясненію двусмысленнаго казуса. На депутатовъ свиданіе съ Ковалевскимъ произвело впечатлѣніе, что онъ, очевидно, старался отдѣлаться отъ нихъ. Тогда, наконецъ, я самъ принялся за распутываніе таинственной нити. Первые шаги черезъ В. М. Бѣлозерскаго чего-нибудь добиться отъ Костомарова не дали никакого результата; тогда я самъ къ нему отправился въ Публичную библіотеку, гдѣ онъ всякій день работалъ. Я нашелъ его одного въ отдѣленіи; подойдя къ столу, за которымъ онъ сидѣлъ, я сказалъ:—Н. И., ваши слова о разговорѣ съ Суворовымъ ставятъ меня въ невозможное положеніе; я желалъ бы получить отъ васъ разъясненіе... но тутъ меня оборвалъ Костома-

[1]) Членъ комитета „З. и В.“ См. мои „Воспоминанія изъ прошлаго“.

ровъ. Онъ съ запальчивостью заговорилъ:—какое право вы имѣете требовать объясненій! и, возвысивъ еще болѣе голосъ, закричалъ:—я прошу васъ сейчасъ же уйти, иначе позову служителей, чтобъ васъ вывели.

Мнѣ, конечно, ничего не оставалось, какъ уйти. Невѣроятный пріемъ Костомарова меня болѣе, чѣмъ удивилъ,—я тогда еще не зналъ, что временами онъ совсѣмъ не владѣлъ собою.

Предпринимаю визитъ къ Ковалевскому. Едва я поставилъ его въ извѣстность зачѣмъ пришелъ, какъ добродушный старикъ воскликнулъ:—ахъ, этотъ болтушка Суворовъ, хорошъ и Костомаровъ, что позволяетъ себѣ такъ отзываться о васъ. Вы поступили, какъ благородный человѣкъ, а теперь какая непріятная исторія выходитъ. Я настаиваю, чтобъ Е. П. сказалъ мнѣ въ чемъ же дѣло, а онъ только продолжаетъ повторять одно:—вы поступили какъ благородный человѣкъ.—Но позвольте Е. П., могу же я знать, что такое сдѣлалъ. Но старикъ только разводитъ руками, да приговариваетъ:—ахъ, этотъ болтушка Суворовъ. И все, чего я могъ добиться отъ него было слѣдующее:—положимъ, у насъ существуетъ вполнѣ основательный взглядъ, что всякое соприкосновеніе съ полиціей пачкаетъ человѣка; но я васъ спрашиваю, если вы идете ночью и видите, что начинается пожаръ, неужели вы не кинетесь въ полицію и не сообщите ей о начинающейся бѣдѣ. На томъ разговоръ съ Ковалевскимъ и кончился. Что мнѣ оставалось дѣлать? Пошелъ къ Суворову. Онъ принялъ меня въ кабинетѣ. Едва я началъ ему свой разсказъ, какъ Суворовъ прервалъ меня.—Ахъ онъ старая ж... этотъ Костомаровъ, да какъ онъ смѣетъ такъ говорить! Я самъ первый врагъ III отдѣленія; и въ этомъ дѣлѣ кромѣ меня и Государя никого не было. Я говорилъ Государю: вотъ Ваше Величество на меня нападали, что я защищаю студентовъ, а вотъ какіе между ними благородные люди; и Государь былъ очень доволенъ вами. Вы поступили какъ благородный человѣкъ, а Костомаровъ смѣетъ говорить о васъ!—Но въ чемъ же дѣло, Ваша Свѣтлость?—Да, какъ же, помните, на Пасхѣ вы привели ко мнѣ этого молодого человѣка, я еще слушать васъ не хотѣлъ, но вы настояли на своемъ. Какъ его фамилія? блондинъ такой, онъ въ тотъ же день получилъ деньги на дорогу и уѣхалъ.—Но, В. Св., я въ Пасху былъ у васъ по дѣлу бывшаго вольнослушателя казанскаго университета Княгининскаго, чтобъ получить разрѣшеніе на помѣщеніе его въ больницу; но никакого студента къ вамъ не приводилъ. Тутъ Суворовъ провелъ рукой по головѣ.—А, такъ значитъ я спуталъ; я думалъ, что это вы его ко мнѣ привели, какъ его фамилія? Хорошо, я вызову Костомарова и скажу ему, что онъ не такъ понялъ мои слова, что изъ нихъ не слѣдуетъ дѣлать какія-нибудь оскорбительныя для васъ заключенія. Спустя нѣсколько дней В. М. Бѣлозерскій читалъ мнѣ письмо Костомарова къ нему, что его вызывалъ къ себѣ Суворовъ и т. д. Изъ разговора съ Суворовымъ съ очевидностью выходило, что вскорѣ послѣ меня у него былъ какой-то казанскій студентъ и сдѣлалъ очень важное сообщеніе. По обстоятельствамъ можно было догадываться, что сообщеніе касалось подложнаго манифеста, который поляки пытались распространить по Волгѣ. Побѣгъ Утина III Отдѣленіе несомнѣнно ставило въ связь съ

этимъ, потому оно и придало ему такое значеніе, хотя Утинъ узналъ, какъ и всѣ мы въ Петербургѣ, о польскомъ предпріятіи лишь post factum.

Какъ-то довелось разговориться въ Лозаннѣ съ покойнымъ эмигрантомъ С. Я. Жемановымъ о казанскомъ дѣлѣ, при чемъ я передалъ ему о таинственномъ студентѣ, заявившемся изъ Казани къ Суворову.—Да это непремѣнно Глассонъ, вѣдь онъ одно время пропалъ было, но скоро опять заявился. Вашъ разсказъ проливаетъ совсѣмъ новый свѣтъ на начало нашего дѣла и окончательно устанавливаетъ личность Глассона; одни называли его сознательнымъ предателемъ, другіе—дѣйствовавшимъ по легкомыслію. Я теперь не колеблюсь ни на минуту, что у Суворова былъ Глассонъ [1]).

Должно быть, въ тотъ же день, какъ былъ Суворовъ въ пересыльной, меня и Рудомину перевели въ больницу долгового отдѣленія, которая помѣщалась въ исправительномъ заведеніи близъ бывшаго завода Берда. Въ этой больницѣ Суворовъ устроилъ своего рода привилегированное помѣщеніе для больныхъ пересылаемыхъ политическихъ; говорю привилегированное, потому что по правиламъ они должны были находиться въ больницѣ Литовскаго замка. Когда я заявился въ больницу, то въ палатѣ, отведенной для политическихъ, нашелъ человѣкъ шесть-семь; изъ нихъ трое были дѣйствительно больные, а остальные, какъ и я грѣшный, были задержаны по тѣмъ или другимъ соображеніямъ, но только не по болѣзни.

Режимъ въ исправительномъ заведеніи былъ весьма свободный; можно было имѣть ежедневныя свиданія съ утра и до вечера, при чемъ не надо было испрашивать какого-нибудь разрѣшенія; точно также и проносилось къ намъ все безъ всякаго осмотра, хотя въ теоріи онъ и существовалъ. Понятно, что ко мнѣ разомъ нахлынули всѣ товарищи и знакомые; рѣдкій день проходилъ безъ чьего нибудь визита и притомъ очень часто со всевозможными угощеніями и явствами; обѣдъ же мнѣ доставлялся изъ дома тестя. Изъ товарищей я могъ замѣтить отсутствіе лишь одного, и притомъ довольно близкаго, Н. А. Неклюдова, который, какъ оказалось, купилъ типографію Тиблена копейка въ копейку на выработанныхъ мной условіяхъ.

Вскорѣ тесть сообщилъ мнѣ о своемъ свиданіи съ Суворовымъ. Я сдѣлалъ докладъ государю,—разсказывалъ Суворовъ,—я говорилъ государю: вотъ какія дѣла могутъ твориться въ Вильно,—М. Н. арестовалъ Пантелѣева, а Кауфманъ сослалъ его въ каторгу, это тотъ самый Пантелѣевъ, которымъ Вы были такъ довольны. И государь согласился съ моимъ представленіемъ, что дѣло Пантелѣева надо подвергнуть здѣсь пересмотру. Такъ какъ я былъ сужденъ военнымъ судомъ, то пересмотръ дѣла порученъ главному аудиторіату (во главѣ его тогда стоялъ Философовъ). Еще прошло нѣкоторое время и тесть принесъ пикантную новость. Онъ былъ знакомъ съ Кранцемъ [2]) (по золотымъ дѣламъ въ Сибири). — Главный

[1]) О казанскомъ дѣлѣ интересующійся читатель можетъ имѣть подробности во 2-мъ приложеніи къ матеріаламъ для исторіи революціоннаго движенія въ Россіи въ 60-хъ годахъ стр. 178—196.

[2]) Управляющій III Отдѣленія.

аудиторіатъ пошлетъ запросъ въ III Отдѣленіе по вашему дѣлу; Кранцъ говоритъ, что необходимо, чтобы вы подали въ III Отдѣленіе записку, напишите хоть что-нибудь, иначе имъ не на что будетъ опереться въ своемъ отзывѣ. Я написалъ коротенькую записку, въ основу которой положилъ свое заявленіе въ виленскомъ судѣ. Въ Петербургѣ мое дѣло шло довольно быстро; III Отдѣленіе дало отзывъ въ мою пользу, тоже, кажется и М. В. Д. (въ моментъ ареста я числился канцелярскимъ чиновникомъ по д-ту общихъ дѣлъ [1]). Но аудиторіатъ нашелъ нужнымъ еще запросить Кауфмана. И тутъ дѣло стало; проходили мѣсяцы и, наконецъ, когда отвѣтъ пришелъ, то обстоятельства уже измѣнились, но объ этомъ будетъ въ своемъ мѣстѣ.

Поляки, сидѣвшіе со мною, и посѣщавшіе ихъ соотечественники были крайне довольны оборотомъ моего дѣла въ Петербургѣ. По ихъ словамъ, это былъ чуть ли не первый случай, что Государь приказалъ пересмотрѣть рѣшеніе, состоявшееся въ Вильно; приводили въ примѣръ какого-то сосланнаго Муравьевымъ Даманскаго, лично извѣстнаго Государю и представившаго очевидныя доказательства своей неприкосновенности къ возстанію. Государь якобы отвѣтилъ:—теперь ничего нельзя сдѣлать, надо выждать время; а дать ему денегъ на дорогу. Друзья Огрызко нетерпѣливо ожидали исхода моего дѣла и строили на немъ планы будущей кампаніи въ пользу пересмотра его дѣла.

Жизнь въ исправительномъ заведеніи шла вообще недурно; кромѣ постоянныхъ посѣтителей, ежедневныхъ прогулокъ во дворѣ, можно было и въ городъ заглянуть подъ предлогомъ побывать въ банѣ; въ такомъ случаѣ давался стражъ-проводникъ надзиратель; сравнительно за скромный гонораръ вмѣсто бани дѣлались визиты по знакомымъ. Я однако не позволялъ себѣ злоупотреблять слабостью надзирателя до гонораровъ и всего только разъ заглянулъ въ домъ тестя, да къ Апол. Фил. Головачеву. (Неопалимая купина,—какъ помнится прозвалъ его М. Е. Салтыковъ; Ап. Ф. былъ секретаремъ ред. «Современника»). Часто навѣщалъ меня В. О. Ковалевскій, онъ приносилъ обыкновенно литературныя и общественныя новости. Разъ онъ имѣлъ такой разговоръ со мной:—По порученію вашихъ друзей передаю вамъ слѣдующее предложеніе. Если захотите бѣжать—и деньги и всѣ способы къ вашимъ услугамъ; подумайте. Въ слѣдующій визитъ Ковалевскаго я далъ ему отвѣтъ—отрицательный, по слѣдующимъ соображеніямъ. Побѣгъ былъ бы съ моей стороны нарушеніемъ довѣрія—въ свое время Суворовъ, обѣщая тестю задержать меня въ Петербургѣ, при этомъ замѣтилъ: надѣюсь, онъ не убѣжитъ [2]); а во-вторыхъ, одна мысль сдѣлаться эмигрантомъ, отрѣзаннымъ ломтемъ, болѣе наводила на меня страху, чѣмъ перспектива каторги. Съ каторги, если не умру—а умереть вездѣ можно,—разсуждалъ я, все-таки когда-нибудь можно вернуться, а изъ эмиграціи нѣтъ возврата.

[1]) Изъ Вильно въ свое время было сообщено въ М. В. Д. о конфискаціи моего имущества; но въ Министерствѣ и пальцемъ не пошевелили для розыска моего имущества.

[2]) Напоминаю читателю, что осенью 64 г. бѣжалъ изъ петербургскаго госпиталя Юндзилъ.

Вообще В. О. Ковалевскій, несмотря на то, что я съ нимъ познакомился не особенно задолго до моего ареста, выказалъ большое участіе ко мнѣ; деньги, собранныя имъ, съ нѣкоторымъ дополнительнымъ сборомъ черезъ А. А. Жука съ избыткомъ покрыли весь мой дорого стоившій переѣздъ отъ Петербурга до Красноярска.

Навѣстилъ меня В. Д. Спасовичъ. Зная, что для него закрытъ возвратъ къ университетской кафедрѣ, я спросилъ его, что онъ намѣревается предпринять съ собой.

— Да вступаю въ присяжные повѣренные. Я, конечно, ничего ему не сказалъ, но былъ нѣсколько удивленъ такимъ рѣшеніемъ. Дѣло въ томъ, что мнѣ по университету было извѣстно, что В. Д. совсѣмъ не владѣлъ даромъ слова; бывали съ нимъ случаи, что онъ забывалъ взять съ собой лекціи и тогда мгновенно покидалъ кафедру. А между тѣмъ съ первыхъ же шаговъ на адвокатскомъ поприщѣ онъ выдвинулся какъ одно изъ свѣтилъ нашей адвокатуры; даже во второй половинѣ 70-ыхъ годовъ, всякій разъ, какъ выступалъ В. Д., мѣста для публики были переполнены. Но интересно то, что всѣ рѣчи, произнесенныя В. Д., производившія на публику впечатлѣніе живой импровизаціи какъ по формѣ, такъ и по содержанію, всегда были заранѣе написаны отъ начала до конца; даже коротенькія реплики онъ предварительно набрасывалъ карандашомъ.

По разу посѣтили насъ Суворовъ, совсѣмъ неожиданно, и принцъ П. Г. Ольденбургскій,—о визитѣ послѣдняго мы знали еще наканунѣ не только по усиленной чисткѣ, но и прямо были предупреждены начальствомъ. У Суворова всегда находилось слово со всякимъ о чемъ-нибудь поговорить, даже иногда вспомнить общихъ знакомыхъ. Принцъ, войдя въ нашу палату, остановился въ позѣ, очень напоминающей ту, въ которой онъ изображенъ на памятникѣ, что стоитъ противъ Маріинской больницы. Хотя онъ не въ первый разъ посѣщалъ наше отдѣленіе и, значитъ, видалъ уже страшныхъ мятежниковъ, а все-таки, казалось, не безъ внутренняго трепета глядѣлъ на нихъ. Постоявъ, робко спросилъ фамиліи и повернулъ назадъ.

Пора сказать нѣсколько словъ о моихъ сожителяхъ по исправительному заведенію. Здоровые время отъ времени выбывали, но сейчасъ же замѣнялись новыми.

Какъ въ Вильно, такъ и въ Петербургѣ мнѣ не пришлось встрѣтиться съ особенно выдающимися дѣятелями возстанія; зато передо мною прошла пестрая вереница рядовыхъ людей, нѣсколько различавшихся между собою по образованію и общественному положенію. Тѣмъ интереснѣе было для меня наблюдать разницу между тогдашнимъ русскимъ обществомъ и польскимъ. Отъ простого шляхтича, (какимъ, напримѣръ, былъ Чеховичъ изъ Лепельскаго уѣзда Витебской губ.) своими руками обрабатывавшаго землю, до сравнительно крупнаго помѣщика или человѣка интеллигентной профессіи, всѣхъ ихъ объединяла одна идея, хотя и различно понимаемая; эта идея въ основѣ своей имѣла горячую любовь къ родному краю и своей народности, въ чемъ бы она не проявлялась. Далѣе, даже у людей самаго скромнаго образованія замѣчалось довольно основательное знаніе своей прошлой исторіи, своей лите-

ратуры; многіе наизусть цитировали цѣликомъ лучшія страницы изъ Мицкевича, Красинскаго, Словацкаго, Сырокомли и др. Со мной большинство держало себя откровенно; одни вообще осуждали возстаніе, другіе признавали крупныя ошибки въ веденіи его, нерѣдко сказывались взаимные счеты партій, но ни отъ кого не приходилось слышать жалобъ на свою судьбу въ томъ смыслѣ, что вотъ молъ имѣлъ необдуманность впутаться въ этотъ омутъ. Людей, чѣмъ-нибудь запятнавшихъ себя, или замалчивали, или подвергали жестокому остракизму; особенно сказывалась эта суровость у болѣе простыхъ людей.

И что еще особенно бросалось въ глаза,—это вѣра въ свое будущее; никакія репрессіи не колебали ея, всякъ въ своей душѣ носилъ, какъ догматъ: еще польска не згинѣла!

Но возвращаюсь къ началу темы. Едва я вошелъ въ палату, какъ мнѣ отрекомендовался д ръ Г—чъ и сейчасъ же сталъ излагать свое довольно запутанное profession de foi, въ которомъ только одно и можно было понять, что корень зла всему попы и чиновничество; рѣчь Г—ча лилась неудержимымъ потокомъ; я начиналъ терять терпѣніе, но едва обнаруживалъ намѣреніе отложить окончаніе разговора до другого раза, какъ Г—чъ трогательно говорилъ: — нѣтъ, ужъ вы дослушайте, завтра, вѣроятно, меня не будетъ въ живыхъ. Не знаю, какъ долго продолжалось бы эта испытаніе, еслибъ кто-то не отвелъ меня въ коридоръ и тамъ объяснилъ, что д-ръ далеко не въ своемъ умѣ.

Моимъ ближайшимъ сосѣдомъ оказался молодой человѣкъ, чуть ли не гимназистъ старшаго класса; у него пуля застряла въ ногѣ. Трижды ему дѣлали разрѣзъ; въ первый разъ на мѣстѣ пулю не нашли и, нисколько не стѣсняясь, отправили въ Сибирь. Въ Петербургѣ ему удалось задержаться; здѣсь дважды дѣлали разрѣзъ, а до пули все таки не добрались. Предстояло еще вскрытіе раны; онъ понималъ необходимость этой операціи, но говорилъ, что блескъ желѣза всякій разъ вызываетъ у него холодную дрожь. На его счастье въ одинъ прекрасный день пуля сама вышла.

Далѣе, молодой графъ изъ Царства Польскаго Д—тъ. По словамъ его земляковъ все его графство заключалось въ полуразрушенной башнѣ; но онъ имѣлъ родственниковъ со связями и благодаря имъ былъ задержанъ въ Петербургѣ. Графъ Д. получилъ блестящее образованіе въ Лувенскомъ университетѣ, т. е. отлично ѣздилъ верхомъ, фехтовалъ, во всѣхъ танцахъ былъ первый кавалеръ. Онъ былъ такъ здоровъ, что ему могъ позавидовать самый здоровый человѣкъ, но все еще ежедневно упражнялъ себя разными гимнастическими пріемами. Онъ такъ разсказывалъ свою исторію. Послѣ разбитія партіи Бончи, онъ благополучно перебрался за границу. Но вотъ, кажется, въ 65 г. вышла правительственная декларація, что эмигранты могутъ вернуться, но должны предоставить себя въ распоряженіе мѣстнаго начальства (своеобразная амнистія).

— Мои родные посовѣтовали мнѣ вернуться, такъ какъ слѣдствіе будетъ только pro forma, что ничего дурного ожидать нельзя. Ну, я и вернулся; въ Варшавѣ представился ген. Трепову; тотъ отдалъ приказъ препроводить меня въ Александровскую цитадель; тамъ по

нѣкоторомъ времени вызываетъ меня ген. Тухолка (предсѣдатель главной слѣдственной комиссіи).

— Разскажите, что вы дѣлали?

Я отвѣчалъ, что жилъ у себя въ имѣніи; въ одинъ прекрасный день явился туда вооруженный отрядъ, арестовалъ меня и доставилъ въ партію Бончи. Тамъ меня все время держали подъ карауломъ, но партія была разбита, я этимъ воспользовался и перебрался за границу.

— Такъ, а теперь разскажите, какъ вы съ отрядомъ ограбили казначейство въ Цѣхотинѣ и торговали тамъ казенной солью?

— Бонча послалъ туда отрядъ и меня подъ карауломъ.

— Вы подъ карауломъ и росписку писали, что забрали столько денегъ и продали соли столько-то пудовъ?

— Да, подъ карауломъ.

— А какъ вы объясните, что Бонча наканунѣ стычки объявилъ партіи, что въ случаѣ, если онъ будетъ убитъ, (а онъ и былъ убитъ), то вы принимаете команду.

— Да, это такъ говорилъ Бонча, не знаю почему. И больше меня ни о чемъ не спрашивали. А затѣмъ судъ приговорилъ графа Д. къ смертной казни, намѣстникъ однако замѣнилъ ее простой ссылкой въ Сибирь. Но графъ на это не былъ согласенъ—онъ поѣхалъ бы и въ Сибирь, если бъ туда была желѣзная дорога.

— Помилуйте, говорилъ графъ, ѣхать нѣсколько тысячъ верстъ, какъ это по русски en traineau; ну, если бъ еще была желѣзная дорога, а то ужасно—en traineau.

Благодаря вліятельнымъ роднымъ графъ отдѣлался, кажется, высылкой въ Рязанскую губернію и сейчасъ же былъ выпущенъ на свободу. Онъ зашелъ къ намъ проститься; совсѣмъ сіяющій повторялъ:

— Рязань—это другое дѣло, туда есть желѣзная дорога.

Былъ ксендзъ изъ Галиціи, могучая фигура, высокаго роста. Но онъ былъ весь изрубленъ и показывалъ коллекцію маленькихъ костей изъ своего черепа. Взятый въ плѣнъ почти мертвымъ, онъ былъ сданъ въ госпиталь. Съ признательностью онъ вспоминалъ какого-то военнаго доктора Воскресенскаго, который спасъ его отъ неминуемой смерти и не позволилъ начать допроса, пока онъ хоть нѣсколько не оправился. Отправленный въ каторжныя работы, онъ былъ задержанъ въ Петербургѣ. Лица, принимавшія въ немъ участіе, черезъ австрійскаго посла старались выхлопотать несчастному возвратъ въ Галицію. Онъ съ трудомъ двигался, всегда держась около стѣны; всякое сколько-нибудь рѣзкое движеніе вызывало мучительную боль; на прогулку онъ не выходилъ, но въ концѣ длиннаго корридора была небольшая кухня; въ нее-то нашъ ксендзъ и совершалъ ежедневно крайне осторожное путешествіе; онъ былъ большой любитель кофе, самъ его приготовлялъ, а главное искусно кипятилъ сливки, медленнымъ процессомъ превращая цѣлую кружку сливокъ въ одну густую массу какъ бы пѣнокъ.

Послѣ ухода въ отставку Суворова новое начальство не стало дожидаться исхода возбужденной переписки и отправило ксендза въ Сибирь. Въ 66 г. осенью я встрѣтилъ его въ Красноярской больницѣ.

Что онъ выстрадалъ, не говоря о желѣзной дорогѣ и пароходахъ, на колесномъ переѣздѣ отъ Перми до Тобольска, а затѣмъ отъ Томска до Красноярска,—трудно и представить. Какъ только установился зимній путь, его двинули далѣе, но онъ умеръ по дорогѣ къ Иркутску, гдѣ его ожидало разрѣшеніе на выѣздъ въ Галицію.

Своеобразное по временамъ вносилъ въ нашу, все же нѣсколько монотонную жизнь д-ръ Г—чъ. Какъ всѣ душевно-больные онъ велъ крайне неправильный образъ жизни; по цѣлымъ часамъ ходилъ въ сосѣдней проходной комнатѣ, безъ устали напѣвая: ахъ, Іезусъ, Марія,—причемъ обязательно ударялъ лбомъ въ дверь, а плечомъ задѣвалъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ стѣну. Какъ на двери, такъ и на стѣнѣ образовывались пятна; онѣ приводили въ отчаяніе полковника Венка (начальника исправ. заведенія), прежде всего заботившагося о чистотѣ (эти заботы, спустя нѣсколько лѣтъ, не спасли его отъ скамьи подсудимыхъ за крупное хищеніе); а смотритель почтительно докладывалъ, что все отъ д-ра г. Г—ча. Пятна затирались, а на другой день Г—чъ возобновлялъ ихъ.

Г—чъ возымѣлъ ко мнѣ особенное расположеніе; бывало по цѣлымъ часамъ разсказывалъ о своихъ студенческихъ годахъ, о послѣдующемъ житьѣ бытьѣ въ Пинскомъ краѣ; разсказывалъ онъ мастерски, такъ что этотъ своеобразный Пинскій край, какъ картина, стоялъ передо мной. Я не охотникъ, но заслушивался Г—ча, когда онъ, страстный охотникъ, входилъ въ подробности своихъ подвиговъ съ ружьемъ и собакой.

Но всѣ свои длинные разговоры Г—чъ обязательно заканчивалъ:—и вотъ за то, что осмотрѣлъ нѣсколькихъ раненыхъ, исполнилъ христіанскій долгъ,—ссылаютъ въ Сибирь, въ Сибирь!—съ неподдѣльнымъ ужасомъ повторялъ онъ.

— А знаете, разъ говорилъ онъ, вѣдь и въ Сибири, пожалуй, можно жить; тамъ, говорятъ, есть Минусинскій уѣздъ. Подобрать бы небольшую компанію, напримѣръ, вы, я, еще кто-нибудь, ну, разумѣется, пару добрыхъ дубельтовокъ и собаку,—отлично можно жить. Такъ вѣдь нѣтъ же; какъ только чиновенство узнаетъ, что намъ хорошо,—непремѣнно переведетъ на другое мѣсто.—Увы, эти слова оказывались словами прозорливца, потому что и въ самомъ дѣлѣ ссыльные въ Сибири не разъ, безъ всякой надобности, перебрасывались съ мѣста на мѣсто.

Былъ также помѣщикъ изъ Минской губерніи Коркозевичъ; кровать его была рядомъ съ кроватью Г—ча. Коркозевичъ любилъ подчасъ распространиться о сельскомъ хозяйствѣ, о томъ, какое это большое дѣло быть помѣщикомъ. Разъ Г—чъ слушалъ его, слушалъ, да въ видѣ реплики и вставилъ:—чтобъ быть провизоромъ, надо кое-чему учиться и имѣть дипломъ; чтобъ быть докторомъ, надо много и много учиться, тоже инженеромъ, механикомъ; а помѣщикомъ—всякій можетъ быть помѣщикомъ! Коркозевичъ обидѣлся, слово за словомъ и паны схватились за что попало, такъ что мы едва успѣли развести ихъ. Коркозевичъ тоже былъ задержанъ Суворовымъ, какъ больной,—у него легкія были далеко не въ порядкѣ. Но ему не пришлось далеко ѣхать; какимъ-то образомъ схватилъ тифъ и умеръ на нашихъ глазахъ. О

немъ ходила молва, какъ о человѣкѣ съ крупными денежными средствами; потому, какъ только онъ испустилъ послѣдній вздохъ, всѣ мы сейчасъ подвергли ревизіи его чемоданъ, чтобы спасти деньги отъ конфискаціи и передать ихъ сыну, учившемуся въ Петербургѣ. Осторожно стали вынимать вещь за вещью; вотъ изъ какой-то рубашки выпала серія; мы удвоили нашу внимательность. Съ половины чемодана кончилось бѣлье, пошла рваная бумага аккуратно разложенная. Вынимаемъ листокъ за листкомъ (а чемоданъ былъ большой) и такъ дошли до самаго дна,—ничего не оказалось. Вдругъ раздается голосъ Г—ча:—вотъ такъ помѣщикъ, въ каторгу ѣхалъ, а какой запасъ рваной бумаги везъ.

Благодаря неустаннымъ хлопотамъ близкой родственницы, Г—ча подвергали освидѣтельствованію въ Губ. Правленіи; но всегда, какъ только Г—чъ видѣлъ предъ собою начальство, онъ держалъ себя вполнѣ здравомысленно, на всѣ вопросы отвѣчалъ толково, но непремѣнно заканчивалъ: и за то, что осмотрѣлъ нѣсколькихъ раненыхъ, исполнилъ христіанскій долгъ, ссылаютъ въ Сибирь! Сестрѣ, а также и показаніямъ больничнаго начальства, губернскія власти, видимо, не довѣряли, и Г—чу не миновать бы Сибири, если бы не одна счастливая случайность. Разъ мой тесть былъ у чиновника М. В. Д., при томъ лично ему знакомаго, въ вѣдѣніи котораго находились дѣла о пересыльныхъ (помнится Берестова). Засталъ онъ у него сестру Г—ча; когда та ушла, тесть и говоритъ:—какая несчастная женщина, сколько ей горя съ больнымъ братомъ.

— Да развѣ онъ на самомъ дѣлѣ больной, а не притворяется?

— Несомнѣнно душевнобольной, отвѣчалъ тесть, который, часто посѣщая меня, видѣлъ Г—ча во всѣхъ видахъ. Этотъ разговоръ и повелъ къ тому, что вмѣсто Сибири Г—чъ былъ только высланъ въ одну изъ поволжскихъ губерній, гдѣ мало-по-малу и поправился.

Къ полякамъ также много приходило посѣтителей, какъ изъ петербургскихъ единоплеменниковъ, такъ и пріѣзжихъ. Время для поляковъ было самое удручающее; 10 декабря 65 г. состоялось роковое запрещеніе пріобрѣтать имъ поземельныя владѣнія въ западномъ и юго-западномъ краяхъ, а также обязательная продажа въ 2-хъ лѣтній срокъ всѣхъ имѣній, владѣльцы которыхъ были высланы изъ края, хотя бы только во внутреннія губерніи Россіи. Въ первый моментъ послѣдняя мѣра казалась рѣшительно неосуществимою, при томъ въ такое короткое время. Откуда найдутся русскіе покупщики? Что они будутъ давать по мѣрѣ истеченія 2-хъ лѣтняго срока? По какой цѣнѣ пойдутъ имѣнія, которыя будутъ пущены въ продажу съ публичныхъ торговъ [1]). Вотъ о чемъ главнымъ образомъ шли разговоры между сидѣвшими и ихъ посѣтителями.

Проходили дни за днями, несмотря на посѣтителей, и городскія новости, все же не безъ монотонности. Вдругъ раздался выстрѣлъ 4 апрѣля; еще въ тотъ же день до насъ дошелъ неопредѣленный слухъ о немъ. Поляки были смущены; несомнѣнно у всякаго на душѣ

[1]) Мнѣ извѣстенъ случай, что хорошо устроенное имѣніе въ вилейскомъ уѣздѣ было продано съ торговъ по 4 р. 90 к. за десятину,—случай, конечно, не единичный.

была мысль, что выстрѣлъ произведенъ кѣмъ-нибудь изъ ихъ соплеменниковъ. На другой день мы имѣли дѣло уже съ фактомъ, офиціально подвержденнымъ. Но кто такой стрѣлялъ? Тутъ въ теченіе нѣсколькихъ дней приходили самыя неправдоподобныя извѣстія, порой прямо фантастическія. Помню, влетѣла одна дама, К—я, и съ торжествомъ заявила:—Теперь положительно извѣстно, кто стрѣлялъ... потому и суда никакого не будетъ, все дѣло закончится по-домашнему...

Но вотъ состоялось назначеніе Муравьева, и всѣ мы разомъ почувствовали, что наше пребываніе въ Петербургѣ стало крайне непрочнымъ, даже нѣсколько рискованнымъ; съ Муравьевымъ появились на сценѣ и его виленскіе сотрудники. Разъ пріѣхалъ ко мнѣ тесть и разсказалъ слѣдующее.—Сегодня утромъ я былъ у Суворова. Едва меня ввели къ нему въ кабинетъ, какъ онъ сказалъ:—читайте, и подалъ нѣмецкую газету. Я отвѣчалъ, что по-нѣмецки не понимаю.—Это Крестовая газета, я вамъ переведу, и сталъ читать корреспонденцію изъ Петербурга; въ ней сообщалось о назначеніи Трепова оберъ-полицеймейстеромъ и прибавлялось при этомъ, что оберъ-полицеймейстеромъ онъ пробудетъ недолго, такъ какъ ген. губернаторство въ Петербургѣ закрывается, а вмѣсто того учреждается градоначальство, и Треповъ будетъ градоначальникомъ.

— Представьте себѣ, продолжалъ Суворовъ, обо всемъ этомъ я узнаю изъ иностранныхъ газетъ. Послѣ 4 апрѣля я просилъ у Государя отставки, но онъ отвѣчалъ:

— Долгорукій ушелъ, и ты хочешь сдѣлать то же, съ кѣмъ же я останусь? И не хотѣлъ болѣе слушать о моей отставкѣ. А теперь все обдѣлано за моей спиной. Я уже сегодня послалъ государю прошеніе объ отставкѣ.

Отставка Суворова была принята; но онъ получилъ очень лестный рескриптъ съ назначеніемъ генералъ-инспекторомъ всей пѣхоты (что означало весьма недурную синекуру, въ высшемъ кругу фамилія Суворовыхъ не считалась богатой,—со всѣмъ содержаніемъ А. Ар. его годичный доходъ опредѣлялся въ 80 т. руб. въ годъ). Тѣмъ не менѣе Суворовъ поѣхалъ въ Царское Село не въ генер.-адъютанскомъ мундирѣ, а въ общеармейскомъ, — это было съ его стороны своего рода демонстрація; а затѣмъ отправился въ свое родовое новгородское имѣніе, гдѣ жилъ въ ссылкѣ его знаменитый дѣдъ. Еще до своей отставки Суворовъ говорилъ тестю: — за благополучный проѣздъ вашего зятя до Томска я ручаюсь, а дальше все можетъ быть, въ Красноярскѣ губернаторомъ страшный Замятнинъ [1]).

Пришелъ, наконецъ, отвѣтъ изъ Вильно; отвѣтъ былъ благопріятный: Кауфманъ предоставлялъ мою участь на милость Государя. Говорю благопріятный, потому что изъ Вильно или совсѣмъ не отвѣ-

[1]) Въ 75 г. по возвращеніи изъ Сибири я былъ у Суворова. Въ первую минуту онъ не узналъ меня, даже мою фамилію забылъ. Но какая-то мелочь напомнила ему меня; старикъ кинулся обнимать меня; затѣмъ пустился въ воспоминанія прошлаго и даже кое-что напомнилъ мнѣ, что я уже забылъ.—А вѣдь съ вами тогда поступили неблагодарно, замѣтилъ Суворовъ, должно быть опять путая Глассона съ Княгининскимъ. На прощанье старикъ съ грустью сказалъ мнѣ: — Немного утѣшительнаго вы найдете въ теперешнемъ направленіи нашей жизни, всѣмъ завладѣла реакція.

чали на запросы изъ Петербурга, или давали отрицательный отвѣтъ [1]). Но отвѣтъ Кауфмана пришелъ послѣ 4 апрѣля, и даже когда Суворовъ былъ уже не у дѣлъ. Подъ чьимъ вліяніемъ не знаю, но только пересмотръ моего дѣла въ Главн. Аудиторіатѣ былъ оставленъ безъ дальнѣйшаго движенія. Надо сказать, что мы въ исправительномъ заведеніи зависѣли не только отъ одного Суворова, а ближайшимъ образомъ, какъ пересыльные, отъ Петербургскаго губернатора Перовскаго (отца С. Л. Перовской) и еще въ какомъ-то отношеніи отъ принца П. Г. Ольденбургскаго, которому либерализмъ Суворова, видимо, былъ не по душѣ. Конечно, Перовскій былъ подчиненъ Суворову, но зачастую старался проявить свою самостоятельность и въ томъ числѣ на насъ. Такъ нѣкоторыхъ изъ насъ, въ томъ числѣ и меня, вызывали въ Губернское Правленіе, тамъ свидѣтельствовали, объявляли здоровымъ и назначали къ отправкѣ куда слѣдовало. При Суворовѣ въ такомъ случаѣ сейчасъ же кто-нибудь изъ близкихъ мчался къ нему и Суворовъ отдавалъ приказъ: до его дальнѣйшаго распоряженія не трогать насъ. Но когда Суворова не стало, то намъ уже не было возможности задерживаться; да многіе изъ насъ, и я тоже, сами стали подумывать объ отъѣздѣ, опасаясь, какъ бы виленскіе дѣятели не притянули насъ къ чему-нибудь. Но вотъ 16 апрѣля, когда всего менѣе того ожидали, появился Высочайшій указъ о нѣкоторыхъ облегченіяхъ всѣмъ сужденнымъ военнополевыми судами до 1 января 66 г. за политическія преступленія въ военныхъ округахъ—варшавскомъ, виленскомъ и кіевскомъ; въ указѣ было между прочимъ сказано: сужденнымъ до 6 лѣтъ въ каторгу взамѣнъ ея поселеніе. Я буквально подходилъ подъ эту статью и меня слѣдовало еще изъ Петербурга отправить на поселеніе. Такъ Валуевъ и обѣщалъ тестю сдѣлать; но потомъ увернулся: это молъ должны сдѣлать въ Тобольскѣ. Меня, помнится, во второй половинѣ мая, назначили къ отправкѣ и перевели въ пересыльную тюрьму, гдѣ я и пробылъ нѣсколько дней, пока шла переписка о снаряженіи ко мнѣ двухъ жандармовъ, такъ какъ я заявилъ желаніе ѣхать на свой счетъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ выправлялось необходимое разрѣшеніе моей женѣ послѣдовать за мной въ Сибирь. Можетъ быть на второй день въ мою камеру ввели студента медика Степутъ или Степушъ, не помню хорошо. Онъ былъ доставленъ въ пересыльную изъ Шлиссельбурга, гдѣ по рѣшенію Сената отсидѣлъ нѣсколько мѣсяцевъ за печатаніе недозволенныхъ фотографій. Вмѣсто того, чтобы выпустить на свободу, его административно высылали въ Вологодскую губернію. Я очень обрадовался такому счастливому случаю, такъ какъ могъ черезъ него кое что передать въ Вологду на счетъ своей матушки, которая все еще оставалась въ полной неизвѣстности относительно радикальнаго оборота въ моей жизни. Разумѣется, сталъ разспрашивать на счетъ Шлиссельбурга.

И вотъ что говорилъ Степушъ: въ Шлиссельбургѣ двоякое заключеніе, —въ замкѣ, казематное, и—въ крѣпости. Послѣднее озна-

---

[1]) Въ Вильно не затруднялись даже всесильнымъ Шуваловымъ; на его неоднократное требованіе о высылкѣ одного пожарнаго дѣла въ III Отдѣленіе, Кауфманъ отвѣчалъ, что не обязанъ это дѣлать.

чало, что нельзя было выходить за предѣлы крѣпости, но внутри предоставлялась почти полная свобода.

Въ замкѣ, насколько удалось узнать Степушу, было человѣка четыре—пять, ничѣмъ не выдававшихся, совершенно неизвѣстныхъ лицъ,—какой-то попъ, или дьяконъ, солдатъ и т. п.; въ крѣпости же оказался Лукасинскій.

Еще студентомъ отъ товарищей поляковъ я слыхалъ о Лукасинскомъ и о томъ, какъ Константинъ Павловичъ, уходя изъ Варшавы, захватилъ съ собой Лукасинскаго; что съ тѣхъ поръ судьба его совершенно неизвѣстна. По словамъ Степуша Лукасинскій говорилъ на смѣси русско-польско-французской, писалъ мемуары и не терялъ надежды получить свободу. До 1857 г. онъ былъ въ казематномъ заключеніи. Въ 90-хъ годахъ въ проѣздъ черезъ Львовъ я далъ г. Белзѣ, хранителю при музеѣ Оссалинскихъ, коротенькое свѣдѣніе о Лукасинскомъ, и онъ тогда же помѣстилъ его въ какомъ-то галицкомъ изданіи.

При мнѣ отправлялась партія уголовныхъ арестантовъ; я съ особеннымъ интересомъ присматривался къ этой пестрой толпѣ, съ которой въ недалекомъ будущемъ предстояло можетъ быть прожить нѣсколько лѣтъ въ близкомъ общеніи; полной увѣренности, что я въ Тобольскѣ отдѣлаюсь отъ каторги, у меня не было. Мое вниманіе привлекла одна группа изъ нѣсколькихъ мужчинъ и женщинъ, державшихся особнякомъ. Всѣ они были однообразно одѣты, но прекрасно; у мужчинъ были суконные сюртуки, жилеты, брюки, вправленные въ большіе сапоги; у женщинъ были кофточки, шерстяныя юбки; на головахъ у мужчинъ картузы, у женщинъ косынки; у всѣхъ были вмѣстительные холщевые чемоданы. Мужчины, видимо, были крупные преступники, такъ какъ на ногахъ у нихъ имѣлись кандалы.

Я спросилъ надзирателя, кто эти арестанты, и получилъ въ отвѣтъ: урожденцы княжества Финляндіи. 1865 г. надолго останется въ памяти финляндцевъ, какъ годъ страшнаго неурожая; да и передъ тѣмъ былъ кажется голодный годъ (теперь благодаря поразительному улучшенію сельско-хозяйственной культуры губительные неурожаи уже не постигаютъ Финляндію), тогда финляндскій сенатъ вынужденъ былъ ввести въ тюрьмахъ суррогаты хлѣба, мотивируя эту мѣру тѣмъ, что когда честные граждане вынуждены питаться хлѣбомъ со всякими примѣсями, нельзя ставить арестантовъ по сравненію съ ними въ привилегированное положеніе. И вотъ въ такой-то страшный годъ снаряженіе финляндскихъ арестантовъ такъ выгодно отличалось отъ русскихъ, что даже и сравнить было нельзя. Потомъ, въ бытность въ Сибири, я узналъ, что финляндскій сенатъ выхлопоталъ себѣ право ссылать тяжкихъ преступниковъ въ Сибирь; но при этомъ получилъ разрѣшеніе образовать изъ нихъ отдѣльную колонію (въ Минусинскомъ округѣ). Для этой колоніи онъ содержалъ на свой счетъ пастора и школу.

Наконецъ всѣ формальности по моей отправкѣ были закончены, и я подъ присмотромъ двухъ жандармовъ, которые должны были доставить меня въ Тобольскъ, былъ препровожденъ на Николаевскій

вокзалъ; въ то время, какъ меня проводили по вокзалу, бросились ко мнѣ проститься и пожать руку нѣсколько товарищей; въ числѣ ихъ припоминаю уже покойныхъ А. Я. Герда, П. П. Фанъ-деръ-Флита. Ихъ, однако, не допустили до вагона; тамъ могли быть только родственники.

Л. Пантелѣевъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

П. Л. Лавровъ.

(Очеркъ его жизни и дѣятельности).

Исполнилось уже семь лѣтъ со дня смерти Петра Лавровича Лаврова: онъ умеръ 25-го января (по новому же стилю 6-го февраля) 1900 г. Можно горько сожалѣть, что ветерану русской революціи не удалось дожить до нашего времени, когда эта революція проникаетъ всю общественную жизнь и кончится лишь тогда, когда свалитъ окончательно старые порядки.

Но тщетны мечты, безполезны мольбы
Противъ строгихъ законовъ судьбы.

«Слѣпые, безсмысленные процессы природы» (любимое выраженіе самого покойнаго) положили существованію Лаврова конецъ прежде, чѣмъ онъ могъ видѣть торжество идеаловъ и стремленій, которымъ служилъ большую часть своей жизни. Мы можемъ лишь попытаться изобразить эту жизнь, нарисовать хотя бы въ общихъ чертахъ крупную фигуру Лаврова и поставить ее передъ глазами мыслящихъ и дѣйствующихъ людей современной Россіи, какъ образъ человѣка, изображеніе котораго представляетъ не одинъ историческій, но и практическій интересъ. Ибо личность Лаврова въ состояніи вдохновлять борцовъ за лучшее будущее великой страны къ новой и все болѣе и болѣе рѣшительной борьбѣ во имя коренного политическаго и соціальнаго переворота...

На предлагаемую читателю біографію я смотрю лишь какъ на попытку, потому что достойное Лаврова жизнеописаніе требовало бы цѣлой книги и должно было бы опираться на изображеніе всей эпохи или, точнѣе, всѣхъ эпохъ русской общественной жизни, съ которыми связана дѣятельность покойнаго,—не говоря уже о матеріалахъ, касающихся его долгаго существованія и, къ сожалѣнію, пока не извѣстныхъ или, по крайней мѣрѣ, не находящихся въ нашихъ рукахъ. Было бы, конечно, очень привлекательно изобразить Лаврова «въ видѣ центральной фигуры памятника, который должны бы воздвигнуть ему товарищи по убѣжденіямъ—на пьедесталѣ изъ общихъ политическихъ и соціальныхъ условій и съ барельефами, рисующими главнѣйшія событія русской и заграничной жизни». Такъ именно выразился я у свѣжей могилы Лаврова, черезъ шесть дней послѣ его смерти и на

другой день его похоронъ, въ засѣданіи 12-го февраля 1900 г. парижскаго «комитета памяти П. Л. Лаврова», состоявшаго изъ «друзей и почитателей П. Л. Лаврова и изъ представителей всѣхъ фракцій русской соціально-революціонной партіи» (соціально-революціонной въ широкомъ смыслѣ этого слова, такъ какъ въ комитетъ входили и соціалъ-демократическія организаціи и группы). И выслушавъ устное развитіе моего краткаго доклада, комитетъ согласился съ моимъ взглядомъ на характеръ біографіи Лаврова и поручилъ единогласно мнѣ составленіе ея въ формѣ книги листовъ въ 25, т. е. около 400 печатныхъ страницъ.

Но, обратившись печатно ко всѣмъ друзьямъ и знакомымъ П. Л. Лаврова съ просьбой доставить мнѣ возможно скорѣе матеріалы для біографіи: воспоминанія о покойномъ, письма его и т. д., я скоро увидѣлъ, что о болѣе или менѣе исчерпывающемъ описаніи жизни и дѣятельности покойнаго нечего было и думать. Въ особенности скудны были свѣдѣнія изъ эпохи 60-хъ годовъ», или, лучше говоря, конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ, т. е. періода, въ теченіе котораго взгляды П. Л. Лаврова, какъ онъ самъ говорилъ мнѣ, подверглись первому наиболѣе замѣтному преобразованію на пути отъ либерализма къ соціализму. Ни писемъ покойнаго, ни воспоминаній о немъ, относившихся къ этому очень важному для эволюціи Лаврова времени я ни откуда не получилъ. Есть еще нѣсколько полосъ въ его жизни, для которыхъ я располагаю лишь небольшимъ количествомъ матеріаловъ. Такъ что отлагая пока въ сторону подробную біографію Петра Лавровича, я даю по просьбѣ редакторовъ «Былого» только очеркъ жизни и дѣятельности человѣка, съ которымъ я былъ знакомъ въ теченіе почти 18 лѣтъ и близокъ за исключеніемъ первыхъ трехъ-четырехъ лѣтъ знакомства.

Въ основу этого очерка я кладу главнымъ образомъ двѣ своихъ предшествовавшихъ работы: во-первыхъ, небольшую біографію, написанную мною въ іюнѣ 1898 г., по случаю 75-лѣтія Петра Лавровича, по просьбѣ «группы рабочихъ-революціонеровъ», издававшихъ «Рабочее Знамя» (они обратились сначала съ этой просьбой къ Н. К. Михайловскому, который и направилъ ихъ ко мнѣ); во-вторыхъ, короткій некрологъ, составленный мною подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ смерти для соціалъ-демократическаго «Рабочаго Дѣла», редакція котораго сдѣлала слѣдующее примѣчаніе къ моей статейкѣ, появившейся въ № 6 этого журнала:

«Смерть П. Л. Лаврова объединила въ общемъ чувствѣ глубокаго горя всѣхъ русскихъ соціалистовъ безъ различія направленій. Редакція «Рабочаго Дѣла» сочла своей обязанностью обратиться съ предложеніемъ написать некрологъ къ товарищу К. Тарасову (одинъ изъ моихъ литературныхъ псевдонимовъ. Н. Р.), одному изъ ближайшихъ друзей и единомышленниковъ покойнаго. Тарасовъ, такъ близко знавшій и такъ горячо любившій Лаврова, точнѣе и живѣе всякаго другого можетъ вызвать передъ читателемъ образъ великаго мыслителя-борца.

Редакція «Рабочаго Дѣла».

Но, кромѣ того, я постараюсь ввести въ этотъ очеркъ возможно

большее число своихъ личныхъ воспоминаній, или же разсказовъ, которые я слышалъ отъ другихъ лицъ о Лавровѣ. Наконецъ, я воспользуюсь нѣкоторыми письмами ко мнѣ покойнаго и кой-какими документами, оставшимися въ архивѣ «Группы старыхъ народовольцевъ», или же между бумагами Петра Лавровича. Личныхъ писемъ ко мнѣ отъ Лаврова было, впрочемъ, немного: мы жили почти всегда въ одномъ мѣстѣ, въ Парижѣ, и я рѣдкій день не заходилъ къ нему по дорогѣ, отправляясь на хлѣбную работу, такъ что переписываться было не зачѣмъ. Десятокъ писемъ, полученныхъ мною отъ Петра Лавровича, относятся къ лѣтнему времени, когда я уѣзжалъ на короткія каникулы, а Лавровъ, ни за что и слушать не хотѣвшій объ отъѣздѣ изъ Парижа, оставался въ своемъ рабочемъ кабинетѣ на улицѣ Сэнъ-Жакъ.

Повторяю, въ общемъ я могу дать пока лишь самый поверхностный очеркъ жизни и дѣятельности покойнаго. Я принужденъ даже отказаться отъ мысли изобразить болѣе или менѣе подробно умственную эволюцію Лаврова, насколько я ее понимаю: для этого надо было бы предпринять гораздо болѣе обширный трудъ и располагать гораздо большимъ временемъ, чѣмъ какое находится теперь въ моемъ распоряженіи для статьи, предназначаемой въ ближайшую книжку «Былого». Несмотря на всѣ эти оговорки, я все-таки хотѣлъ бы думать, что за скудостью біографическихъ данныхъ о Петрѣ Лавровичѣ, и мой не претендующій на полноту очеркъ прочтется съ нѣкоторымъ интересомъ не только людьми, стоящими на точкѣ зрѣнія Лаврова, но и вообще всѣми тѣми, кому дорога исторія развитія русской общественной жизни и мысли.

I.

Петръ Лавровичъ Лавровъ родился 2/14 іюня 1823 г. въ селѣ Мелеховѣ, Псковской губерніи, Великолуцкаго уѣзда, въ состоятельной помѣщичьей семьѣ. Родовое имѣніе Лавровыхъ шло отъ прадѣда Петра Лавровича. Прадѣдъ этотъ былъ—на языкѣ того времени—«генеральсъ-адьютантомъ» графа Апраксина, одного изъ сподвижниковъ Петра I-го. У дѣда Петра Лавровича было 22 человѣка дѣтей мужеск. и женск. пола, въ томъ числѣ и Лавръ Степановичъ, отецъ Петра Лавровича. Лавръ Степановичъ воспитывался въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ. По выходѣ изъ военнаго заведенія, онъ служилъ въ артиллеріи и дослужился до чина полковника, участвовалъ въ кампаніи противъ Наполеона, которая была предпринята такъ называемой четвертой коалиціей державъ, былъ раненъ при Фридландѣ (2 іюня 1807 года), вышелъ въ отставку, поселился въ имѣніи и женился на Елизаветѣ Карловнѣ урожденной Гандвигъ. Елизавета Карловна была изъ шведскаго рода, который обрусѣлъ. Отецъ ея служилъ по горному вѣдомству въ Сибири, и Петръ Лавровичъ показывалъ мнѣ еще ножницы, сдѣланныя на томъ заводѣ, которымъ управлялъ Гандвигъ. Женился Лавръ Степановичъ въ 1811 году; и отъ этого брака родилось нѣсколько дѣтей, между прочимъ старшая дочь въ 1812 году, старшій сынъ въ 1817 году, младшій сынъ, Петръ Лавровичъ, какъ уже было сказано, въ 1823 году.

Такъ какъ сестра Петра Лавровича была старше его почти на 11 лѣтъ, а братъ на 6, то Петру Лавровичу пришлось рости и воспитываться не имѣя близкихъ сверстниковъ по возрасту. Эта ранняя жизнь въ одиночку и среди взрослыхъ людей должна была, конечно, отразиться на характерѣ и умственномъ складѣ Петра Лавровича. Лишенный товарищей по играмъ и устраненный родителями отъ всякаго участія въ будничной жизни, Петръ Лавровичъ по необходимости долженъ былъ рано начать думать и чувствовать въ одиночку, изобрѣтая подходящія занятія. Книжно-романическій, отвлеченный (если можно такъ выразиться, говоря о ребенкѣ) характеръ этихъ занятій и игръ кидается въ глаза, когда узнаешь, какъ проводилъ свое время одинокій мальчикъ. Воображеніе, конечно, работало страшно. Но чѣмъ приходилось питаться ему? Разсматриваніемъ картинъ, рисунковъ, книгъ съ гравюрами, а вскорѣ и чтеніемъ. На этой почвѣ и происходило главнымъ образомъ вліяніе родителей на впечатлительнаго, способнаго и мечтательнаго ребенка.

Отецъ былъ человѣкъ нрава крутого, любившій поддержаніе авторитета въ семьѣ и требовавшій, чтобы все въ домѣ шло разъ навсегда заведеннымъ порядкомъ. Онъ отличался вѣрноподданническими чувствами и очень не любилъ тогдашнихъ вольнодумцевъ, массоновъ и пр. Александръ I, проѣздомъ въ 1824 году въ южную Россію, откуда уже онъ болѣе не вернулся, гостилъ въ имѣніи Лавровыхъ. И осчастливленный владѣлецъ воздвигнулъ въ саду въ честь такого приснопамятнаго событія колонну съ чугуннымъ бюстомъ высокаго посѣтителя. Монархъ, сказываютъ, видѣлъ годового ребенка и чуть ли даже не приласкалъ будущаго непримиримаго врага петербургской имперіи. Лавръ Степановичъ былъ личнымъ другомъ страшнаго Аракчеева и ѣзжалъ къ нему въ Грузино съ своимъ маленькимъ сыномъ. Но дружба эта была безкорыстная: старый Лавровъ никогда ничего не требовалъ для себя у всемогущаго временщика. Держась строго вѣрноподданническихъ традицій, Лавръ Степановичъ не менѣе строго держался и завѣтовъ православія. Однако отношеніе его къ религіи ограничивалось лишь добросовѣстнымъ исполненіемъ обрядовъ: внутренняго чувства, а тѣмъ болѣе религіознаго фанатизма у него совсѣмъ не было; и ему даже не нравилась излишняя религіозность нѣкоторыхъ знакомыхъ его жены. Священники приглашались во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ и вообще по праздникамъ. Но угощеніе имъ подавалось всегда отдѣльно отъ барской семьи, въ другихъ комнатахъ. Лавръ Степановичъ построилъ даже новый притворъ въ сельской церкви и изукрасилъ его иконами святыхъ, имена которыхъ были даны домочадцамъ. Однако, повторяю, все это не шло далѣе простой обрядности.

Этимъ объясняется, почему, несмотря на свое православіе и вѣрноподданническія чувства, Лавръ Степановичъ, бывшій очень начитаннымъ и образованнымъ для своего времени человѣкомъ, держалъ въ своей библіотекѣ много французскихъ книгъ прошлаго вѣка, а въ томъ числѣ такія вольнодумныя сочиненія, какъ Вольтера и Энциклопедію Дидро и д'Аламберга. Кромѣ книгъ, отецъ Петра Лавровича любилъ также картины, гравюры, статуи, и былъ человѣкъ со вкусомъ:

онъ самъ начертилъ планъ своего сада, и садъ вышелъ на славу. Въ домѣ было много масляныхъ картинъ, разныхъ изданій съ рисунками; ими-то и пришлось играть и развлекаться маленькому Лаврову. Была тутъ, напримѣръ, историческая хроника (на нѣмецкомъ языкѣ) съ гравюрами: ее особенно любилъ разсматривать Петръ Лавровичъ. Няня сидитъ съ барчукомъ и перелистываетъ тяжелый томъ, а ребенокъ впивается глазами въ картинки, и то радуется, то печалуется, а то и прямо заливается горючими слезами, смотря по содержанію рисунка. Съ нетерпѣніемъ ждетъ онъ, напримѣръ, когда дойдетъ дѣло до героической битвы Гораціевъ съ Куріаціями, и все время торопитъ няню: „на, на, батюшка, вотъ тебѣ твои Горячіе и Курячіе», говоритъ, наконецъ, старушка, удачно ломая на русскій ладъ мудреныя бусурманскія имена, и ребенокъ участвуетъ воображеніемъ въ знаменитомъ поединкѣ. А то была еще въ книгѣ картина, изображающая, какъ Карлъ Великій разрушаетъ статую языческаго бога Ирменсула у Саксонцевъ. Идолъ этотъ былъ нарисованъ такимъ страшнымъ, что лишь увидитъ его Петръ Лавровичъ, такъ сейчасъ же расплачется. Няня уже знаетъ, когда подходитъ роковой рисунокъ, и норовитъ провертѣть его. Не тутъ то было: ребенокъ зорко слѣдитъ за нею, отстаивая свое право на всѣ привычныя ощущенія, и веселыя и горестныя, и не даетъ ей скрыть чертообразнаго идола: найдетъ, увидитъ, заплачетъ—и успокоится.

Скоро наступила и пора чтенія. Когда выучился Петръ Лавровичъ читать, онъ и самъ не помнитъ: во всякомъ случаѣ очень рано. Выучился онъ почти одновременно и по русски, и по французски. Лѣтъ въ пять-шесть онъ уже читалъ въ подлинникѣ «Нуму Помпилія», прозаическую поэму Флоріана; а вскорѣ на восьмомъ году, подъ руководствомъ матери, женщины образованной и мягкой, выучился нѣмецкому и восторгался «Волшебнымъ кольцомъ» Ламотта-Фукэ. Къ тому времени, какъ Петръ Лавровичъ сталъ сознавать себя, отецъ его уже перезабылъ нѣмецкій, который зналъ въ молодости; но за французскими книгами сидѣлъ постоянно. Вотъ ребенокъ и долженъ былъ читать по вечерамъ своимъ родителямъ различныя вещи по французски. Между прочимъ, такъ лѣтъ въ 10 онъ читалъ вслухъ драму Бомарше «Евгенія» и горько плакалъ надъ злоключеніями героини.

Къ слезамъ въ это время онъ вообще былъ очень склоненъ. Можетъ быть, въ томъ сказалось отчасти тогдашнее слезное настроеніе въ литературѣ и образованномъ обществѣ. Но, всего вѣроятнѣе, на чувствительность ребенка вліяло его необыкновенно тепличное воспитаніе. Его воспитывали «какъ дѣвочку». Изъ сада онъ никуда не могъ отлучиться одинъ. Когда наступали жаркіе лѣтніе дни, и начиналось купанье, ребенку ни за что не позволяли входить въ рѣку: на берегъ приносилась ванна, въ ванну наливалась рѣчная вода, а въ воду сажался молодой барчукъ — вотъ и все купанье! Шалить ребенокъ не любилъ и охотно слушался родителей, когда тѣ предлагали ему почитать какую-нибудь книгу. Кромѣ рыцарскихъ романовъ, ему особенно нравились историческія сочиненія. Нѣкоторыя, напримѣръ «Исторію» Роллэна, онъ читалъ съ большимъ удовольствіемъ; даже Кревье, скучнаго ученика и продолжателя Роллэна, онъ одолѣлъ безъ особаго

отвращенія, а ему было въ то время всего десять-двѣнадцать лѣтъ!..

Вообще же можно сказать, что годы домашняго воспитанія Петра Лавровича были главнымъ образомъ годами его самообученія. Учился онъ прекрасно, усваивалъ все легко, но сверхъ задаваемыхъ уроковъ занимался по собственной волѣ разными вещами, интересовавшими его дѣтскій мозгъ. Такъ, онъ со страстью изучалъ ариѳметику и перерѣшилъ отъ доски до доски толстый учебникъ задачъ. Присутствуя при урокахъ англійскаго, которые давались его старшему брату, онъ самъ выучился главнѣйшимъ основаніямъ этого языка, и впослѣдствіи ему было не трудно пополнить эти первоначальныя знанія. Былъ у него русскій учитель, нѣкто Слободчиковъ, но изъ плохихъ: онъ скоро отказался отъ уроковъ, найдя, вѣроятно, что мальчику учиться у него, дѣйствительно, было нечему. Зато очень хорошее вліяніе на Лаврова имѣлъ учитель французскаго и нѣмецкаго языковъ, Берже (кажется швейцарецъ родомъ), человѣкъ образованный и съ литературными вкусами. Онъ много читалъ съ Петромъ Лавровичемъ, давая заучивать ему на память лучшія мѣста изъ Шиллера («Пѣснь о колоколѣ»), Виктора Гюго (стихотвореніе «Lui», обращенное къ Наполеону), Вольтера (рѣчь Заиры) и т. п.

II.

Въ 1887 году четырнадцатилѣтній мальчикъ поступилъ въ Артиллерійское училище. Круто ему приходилось первые два года въ этомъ закрытомъ заведеніи со строгой дисциплиной. Особенно донимали его товарищи, издѣвавшіеся всячески надъ робкимъ и неловкимъ новичкомъ. Петръ Лавровичъ былъ слабосильнымъ ребенкомъ и, не привыкнувъ играть дома, почти не принималъ участія и въ училищныхъ шумныхъ забавахъ и физическихъ упражненіяхъ. Но къ шестнадцати годамъ его могучій отъ природы и лишь задержанный въ своемъ развитіи тепличнымъ воспитаніемъ организмъ быстро развернулся, и Лавровъ очень сильно возмужалъ и выросъ. Такъ при поступленіи въ училище онъ былъ помѣщенъ въ третій взводъ, а два года спустя, онъ уже былъ вторымъ по росту во всемъ училищѣ, уступая лишь правофланговому. Къ тому времени около умнаго и способнаго юноши составился цѣлый кружокъ близкихъ друзей, и жить стало уже не такъ тяжело: было съ кѣмъ поговорить по душѣ, обмѣняться мыслями; молодые люди много читали и разсуждали по поводу прочитаннаго, пробовали и сами писать. Петръ Лавровичъ питалъ страсть къ писательству съ самаго дѣтства и рано сталъ сочинять стихи. Когда онъ поступалъ въ училище, на его совѣсти уже было нѣсколько литературныхъ—конечно, ненапечатанныхъ—грѣховъ въ видѣ драматическихъ сценъ. А года три—четыре спустя (въ 1840 или 1841 г.) одно изъ его стихотвореній было даже помѣщено за его подписью въ «Библіотекѣ для Чтенія», издававшейся Сенковскимъ (барономъ Брамбеусомъ).

Очень интересно, что уже годамъ къ пятнадцати у Лаврова была

своя философія, которую онъ выражалъ главнымъ образомъ въ стихахъ. Самъ онъ называлъ ее фатализмомъ, но то въ сущности былъ детерминизмъ. Лавровъ уже въ то время глубоко былъ убѣжденъ, что все на свѣтѣ совершается неизбѣжно, на основаніи вѣчныхъ и неизмѣнныхъ законовъ. Самъ богъ, въ котораго онъ еще вѣрилъ въ то время, создалъ, по его мнѣнію, эти вѣчные законы, но измѣнить ихъ уже не могъ. Значитъ, на дѣлѣ-то законы эти замѣняли волю божію и были выше ея, такъ что во всей вселенной не оставалось мѣста для чудесныхъ дѣйствій Промысла. Приблизительно въ это же время въ одномъ изъ французскихъ сочиненій Петръ Лавровичъ нарисовалъ типъ человѣка, который отрицаетъ устои современнаго общества и смѣется надъ ними; опытъ этотъ удался и понравился учителю. Вѣря въ бога, какъ только что было сказано, Петръ Лавровичъ полагалъ, что идея верховнаго существа годится особенно по своей возвышенности для поэзіи; но уже не придавалъ никакого значенія обрядамъ православія и вообще религіи. Въ эту пору онъ находился еще подъ вліяніемъ французскихъ эклектиковъ-деистовъ, въ родѣ Виктора Кузэна. Съ матеріализмомъ онъ познакомился нѣсколькими годами позже, лѣтъ въ двадцать, отчасти путемъ разговоровъ съ однимъ врачемъ изъ евреевъ, который указалъ ему, что если дѣйствительно признавать фатальность законовъ природы, то къ чему же тутъ приплетать еще бога: и безъ него, молъ, все должно происходить вполнѣ правильно и неибѣжно.

Въ училищѣ же Петръ Лавровичъ сталъ впервые интересоваться политическими и соціальными идеями. Я помню его разсказъ о томъ, какъ, лежа гдѣ-то на полу, онъ читалъ ночью, при свѣчкѣ, Исторію французской революціи Тьера и страшно увлекся описаніемъ суда надъ королемъ Людовикомъ XVI-мъ. Къ соціализму онъ сталъ приходить рано; его вниманіе было прежде всего обращено на соціалистическую критику современнаго брака и современной семьи. Уже въ училищѣ на него произвела впечатлѣніе книга Отта, принадлежавшаго къ школѣ католическаго соціализма Бюше. Вообще съ великими соціалистами начала XIX вѣка онъ познакомился рано. Между прочимъ, совсѣмъ молоденькимъ офицеромъ онъ прочиталъ случайно «Трактатъ о домашней земледѣльческой ассоціаціи» Фурье. Онъ пріѣхалъ лѣтомъ въ деревню къ отцу, и тотъ далъ ему эту книгу, прося просмотрѣть ее и сказать, въ чемъ тутъ дѣло: самъ отецъ принялъ было сочиненіе Фурье за агрономическій учебникъ, но остановился передъ его странными, какъ ему показалось, отступленіями отъ дѣла. Какъ бы то ни было, уже въ это время нѣсколько неопредѣленные соціалистическіе идеалы были симпатичны Петру Лавровичу, но онъ лишь не видѣлъ, на что опереться для ихъ осуществленія въ тогдашнемъ обществѣ, задавленномъ желѣзной пятой Николая, а потому рѣшилъ прежде всего работать для науки и справедливости и распространять ихъ кругомъ себя.

III.

Девятнадцати лѣтъ отъ роду (въ 1842 г.) Лавровъ кончилъ курсъ въ училищѣ и былъ произведенъ въ офицеры, а двадцати одного года (въ 1844 г.) былъ назначенъ преподавателемъ математическихъ наукъ въ Артиллерійскомъ училищѣ (потомъ въ Артиллерійской академіи: ему были переданы курсы высшей математики, которые читалъ прежде знаменитый Остроградскій). Къ этимъ наукамъ Лавровъ питалъ въ то время особую склонность, и начальство очень дорожило молодымъ и способнымъ ученымъ. Такъ онъ былъ приглашенъ преподавать высшіе математическіе курсы въ спеціальномъ классѣ Константиновскаго военнаго училища при его основаніи (1852 г.) Замѣчу кстати, что занимался онъ преподаваніемъ во всѣхъ этихъ заведеніяхъ вплоть до самаго своего ареста, въ 1866 г., о чемъ рѣчь будетъ ниже.

Женился онъ въ 1847 году, а послѣ смерти отца (въ 1852 г.) и старшаго брата (въ 1853 г.) сталъ полнымъ хозяиномъ. Бракъ былъ счастливый: жена Петра Лавровича, Антонина Христіановна, урожденная Капгеръ, была женщина образованная и добрая; политикой она не интересовалась, но сочувствовала вообще, какъ говорится, хорошимъ идеямъ. По происхожденію она была нѣмка: отецъ и мать были, кажется, изъ сѣверной Германіи. Братья Антонины Христіановны находились на русской службѣ; двое изъ нихъ были сенаторами.

Собственно на литературное поприще П. Л. Лавровъ выступилъ лишь въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ, по смерти Николая, хотя и раньше писалъ спеціальныя статьи по математическимъ и т. п. вопросамъ, а также отъ время до время занимался стихотворствомъ. Стихи эти по содержанію своему принадлежали къ числу «запрещенныхъ» и ходили по рукамъ въ рукописи. Въ стихотвореніи «Пророчество», написанномъ въ 1852 г., Лавровъ такъ обращался къ европейскимъ владыкамъ:

«А вы, цари земли, вы, пастыри народа,
Падучею звѣздой промчится ваша власть,
И вамъ проклятіе пройдетъ изъ рода въ роды . . .
Спѣшите выситься, чтобы страшнѣй упасть»!

Онъ бодро смотрѣлъ на будущность Россіи, даже въ тяжелые дни Николаевщины, говоря въ томъ же стихотвореніи:

Не вѣченъ будетъ сонъ, настанетъ пробужденье,
И устыдится Русь невѣжественной тьмы,
И выростетъ тогда общественное мнѣнье....
Признаетъ русскій царь народныя права,
Къ гражданскимъ доблестямъ воскреснутъ поколѣнья.
Свободно потекутъ и мысли и слова!...

Съ лучшими людьми того времени П. Л. Лавровъ раздѣлялъ либеральныя политическія убѣжденія, видѣлъ въ конституціи необходимое условіе для развитіи Россіи. Этимъ свободолюбивымъ духомъ вѣетъ и отъ его другихъ стихотвореній, написанныхъ въ послѣдніе годы

Николая и въ началѣ царствованія Александра II-го. Публикѣ очень нравилось, между прочимъ, его обращеніе «Къ русскому царю», которое сильно читалось въ Петербургѣ и даже, въ качествѣ запретнаго плода, было продекламировано самому автору кѣмъ-то изъ его друзей, не знавшихъ, кто написалъ его. Стихотвореніе это было на половину патріотическое и сочинено подъ вліяніемъ начавшейся Крымской кампаніи [1]). Однако, сказавъ, что въ этой войнѣ

«Съ тобою, Царь, весь твой народъ»,

авторъ сейчасъ же прибавляетъ:

Но помни, русскій царь, ты *нашей* силой крѣпокъ,
Величьемъ *нашимъ* ты великъ:
Безъ русской доблести престолъ твой—груда щепокъ!
Народовъ мощь—есть мощь владыкъ!

Въ другомъ стихотвореніи, «Русскому народу» (которое было напечатано Герценомъ), авторъ восклицаетъ, обращаясь къ Россіи:

Возстань, свободная, предъ силой беззаконной,
Предъ хаосомъ властей!
Отъ неурядицы спасенье, оборону
Ищи въ душѣ своей!»

и требуетъ у Николая I отчета за ненавистный гнетъ, который тридцать лѣтъ висѣлъ надъ николаевской Россіей:

«Предстань, царь, предъ судомъ исторіи, народа,
Предъ божіимъ судомъ!
Ты правду отвергалъ, ты попиралъ свободу,
Ты былъ страстей рабомъ;
Россію погубилъ ты гордостью пустою
И міръ вооружилъ...
Смирись предъ братьями, предъ родиной святою:
Ты немощенъ и хилъ.
—«Простите мнѣ,—скажи—мое забвенье, братья!
«Мнѣ нуженъ вашъ совѣтъ.
«Откройте грѣшнику народныя объятья:
«Другой опоры нѣтъ...»
Смирись! летятъ часы; пройдутъ дни испытанья;
Исторія не ждетъ..
И грозно подъ тобой волнуется въ молчаньи
Проснувшійся народъ».

Такъ какъ уже рѣчь зашла о стихахъ, то мы выпишемъ здѣсь нѣсколько строкъ изъ многозначительнаго въ философскомъ смыслѣ стихотворенія, которое было написано нѣсколькими годами позже (въ 1857 г.), когда Петръ Лавровичъ уже сталъ извѣстенъ нѣкоторыми статьями въ литературѣ. Это стихотвореніе называется «Предопредѣ-

[1]) Вслѣдъ за статьей Н. С. Русанова мы печатаемъ стихотвореніе П. Л. Лаврова цѣликомъ подъ тѣмъ названіемъ, подъ которымъ оно стоитъ въ рукописномъ спискѣ: „Отзывъ на манифестъ“. *Ред.*

леніемъ»; въ немъ хорошо и ярко выражены тотъ фатализмъ и та вѣра въ неизбѣжность законовъ, которые, какъ мы видѣли раньше, уже рано овладѣли умомъ Лаврова.

Начинается оно такъ:

«Нѣтъ, Богъ немилосердъ! предъ нимъ напрасны слезы,
И не сочувствуетъ людскому горю онъ:
Спокойно внемлетъ онъ и скрыпъ сухой березы,
Жужжаніе пчелы и человѣка стонъ.
Нѣтъ, онъ немилосердъ! По вѣчному закону
Одинъ вслѣдъ за другимъ кончаются вѣка,
И рушатся міры, и падаютъ короны,
И кровью пѣнится исторіи рѣка».

Далѣе авторъ показываетъ всю тщету моленій, обращенныхъ къ небу:

«И вы, скорбящіе, не ждите утѣшенья:
Молитвы ваши суть лишь бредъ души больной;
Не милосердіе, а предопредѣленье
Влечетъ израненныхъ васъ жизненной стезей».

И смѣло поэтъ, вѣрящій въ неизбѣжность законовъ для самого бога, смотритъ въ лицо неумолимой судьбѣ и говоритъ:

«...Онъ (богъ) ведетъ насъ къ неизвѣстной цѣли
По скользкому для насъ, печальному пути,
Желанье каждое намъ шепчетъ съ колыбели:
Намъ больно, страшно намъ, но мы должны идти.
И въ этотъ самый мигъ онъ руководитъ мною:
Дрожитъ рука моя, но слышу гласъ: будь твѐрдъ!
Я мыслю чрезъ тебя! Я говорю тобою»—
И повторяю я: да, Богъ немилосердъ!

Тутъ уже вполнѣ видно, что эта вѣра въ божество означаетъ у Лаврова 50-хъ годовъ ни болѣе ни менѣе, какъ ясное сознаніе неизбѣжности великихъ законовъ природы, съ которыми должны сообразоваться люди, не надѣясь на призрачную помощь неба...

IV.

Но, конечно, уже и въ то время не въ стихахъ была сила Лаврова, хотя самъ онъ, по его же добродушному признанію, нѣсколько обманывался,—правда недолго,—насчетъ своего поэтическаго таланта. Такъ какъ онъ любилъ писать стихи, и давались они ему легко, то онъ, смѣшивая,— какъ зачастую это бываетъ у литераторовъ, свое субъективное ощущеніе и объективное значеніе своихъ произведеній, нѣкоторое время полагалъ, что у него есть настоящій поэтическій даръ. Однако, отъ его проницательности и художественнаго вкуса не могло продолжительно скрываться, что стихи его могутъ быть и гладки, а временами даже звучны, и могутъ заключать въ себѣ идейное содержаніе, но что истиннаго творчества и способности выражать свою

мысль и чувство въ дѣйствительно поэтическихъ образахъ у него нѣтъ. Его въ особенности укрѣпилъ въ этомъ скептическомъ отношеніи къ своимъ стихамъ переданный ему друзьями отзывъ Некрасова о нѣкоторыхъ политическихъ стихотвореніяхъ Лаврова, которымъ самъ Петръ Лавровичъ придавалъ кой-какое значеніе: «о да, это рифмованныя газетныя реляціи, или передовыя статьи».

Петръ Лавровичъ продолжалъ писать стихи, писалъ ихъ порою, подъ стыдливымъ анонимомъ, даже еще во «Впередѣ» (объ этомъ ниже), но уже перенесъ центръ тяжести своей литературной дѣятельности на прозу, а именно на серьезныя, научныя или философскія статьи. Естественно является вопросъ, съ какимъ багажемъ и съ какимъ міровоззрѣніемъ выступалъ онъ на арену серьезной литературной дѣятельности.

Знанія Петра Лавровича,—который, надо сказать, становился писателемъ по общимъ вопросамъ не въ 20 лѣтъ, какъ то было зачастую съ нашими литераторами, особенно въ эпоху реформъ, а въ 34,—были уже въ то время очень обширны. Кромѣ спеціальныхъ математическихъ знаній, онъ обладалъ обширными свѣдѣніями по естествознанію, логикѣ, педагогіи, философіи, психологіи, исторіи религіозныхъ ученій и общей исторіи. Преслѣдуя сначала спеціальныя цѣли изученія физико-математическихъ, а также механическихъ наукъ въ приложеніи къ военной техникѣ, онъ рано познакомился, между прочимъ, съ самими сочиненіями (хотя и въ переводахъ, такъ какъ онъ греческаго и латинскаго не зналъ) крупнѣйшихъ античныхъ мыслителей. И то, что дошло до насъ цѣликомъ или въ отрывкахъ отъ древнѣйшихъ философовъ, математиковъ, астрономовъ, «агрименсоровъ»,—Элеатовъ, Платона, Аристотеля, Архимеда, Гиппарха, Птоломея, Фронтина,—онъ зналъ не какъ дилетантъ, а какъ присяжный ученый въ этой области. Въ подлинникахъ онъ изучилъ представителей новѣйшей европейской философіи, причемъ, начавъ съ болѣе поверхностныхъ французскихъ эклектиковъ, въ родѣ Ройе-Колара и Виктора Кузэна, онъ скоро перешелъ къ болѣе глубокимъ и оригинальнымъ корифеямъ нѣмецкаго идеализма: Канту, Фихте, Шеллингу, Гегелю. На послѣднемъ онъ остановился особенно долго, и изучалъ не только его, но и различныя отвѣтвившіяся отъ него школы, начиная отъ правыхъ ортодоксальныхъ и кончая лѣвыми гегельянцами: Бруно Бауэромъ, Арнольдомъ Руге, Фейербахомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ прилежно знакомился и съ произведеніями нѣмецкихъ научныхъ теологовъ, насколько можно говорить вообще о «научности» въ этой области богословскихъ грезъ на яву. Съ Неандеромъ, съ Шлейермахеромъ въ рукахъ онъ штудировалъ, какъ исторію христіанства, такъ и философскія попытки раціоналистическаго и гуманитарнаго протестантизма.

Я уже вскользь упомянулъ о томъ, что Лавровъ довольно рано былъ освѣдомленъ относительно ученій великихъ французскихъ соціалистовъ первой половины прошлаго вѣка. Они привлекали его, однако, главнымъ образомъ съ точки зрѣнія психологіи и морали, чѣмъ съ точки зрѣнія ихъ соціально-экономическихъ построеній. «Реабилитація плоти» сэнъ-симонистовъ; игра различныхъ

страстей въ фаланстеріяхъ Фурье,—теорія личнаго достоинства и «справедливости» у Прудона,—все это интересовало Лаврова гораздо болѣе, чѣмъ планы этихъ мыслителей касательно коренного переустройства матеріальныхъ отношеній между людьми. По моему глубокому убѣжденію, первыя начала того, что впослѣдствіи будетъ называться «субъективнымъ методомъ въ соціологіи» и абрисъ чего уже данъ намъ въ «Очеркахъ вопросовъ практической философіи», слѣдуетъ искать именно въ интересной комбинаціи, возникшей въ обширномъ мозгу Лаврова между субъективизмомъ Канта, антропологизмомъ Фейербаха и теоріей человѣческой личности Прудона. Заостреніе же этого міровоззрѣнія могло произойти подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ тонко-скептическихъ положеній античной философіи. Самъ Петръ Лавровичъ придавалъ, напр., большое значеніе въ смыслѣ возбужденія работы своего ума въ извѣстномъ направленіи афоризму Протагора: «человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей». Если не ошибаюсь, онъ говоритъ даже объ этомъ письменно, въ своей очень мало распространенной, но любопытной (гектографированной) небольшой автобіографіи, дающей очеркъ эволюціи нашего мыслителя, какъ она сама представлялась ему. Я, къ сожалѣнію, утерялъ ее, и говорю лишь по памяти [1])...

Какъ бы то ни было, во второй половинѣ 50-хъ годовъ Петръ Лавровичъ вступилъ на поприще общей литературы, и съ самаго же начала обнаружилъ несомнѣнную индивидуальность, нѣкоторыя черты которой будутъ подвергаться критикѣ даже со стороны людей родственнаго направленія, но которая въ общемъ ясно говорила о томъ, что въ лицѣ Лаврова русская мысль пріобрѣтала крупнаго работника.

Раньше было уже сказано, что Петръ Лавровичъ вошелъ въ литературу по смерти Николая. Послѣ нѣсколькихъ небольшихъ статей и замѣтокъ о «системѣ наукъ», о «воспитаніи», объ «экзаменахъ», онъ обратилъ на себя вниманіе статьями объ ученіи Гегеля, которыя появились въ «Библіотекѣ для чтенія», издававшейся тогда подъ редакціей Дружинина,—и именно этюдъ о «Гегелизмѣ» въ 1858 г., и этюдъ о «Практической философіи Гегеля» въ 1859 г. Статьи эти очень понравились Дружинину, который всячески старался облегчить первые шаги Петра Лавровича на литературномъ пути, и скоро Лавровъ сталъ печататься въ «Отечественныхъ Запискахъ», которыя редактировалъ Краевскій, подъ главнымъ руководствомъ Дудышкина, а также въ «Русскомъ Словѣ», гдѣ уже работалъ Писаревъ. Тутъ, можетъ быть, будетъ кстати сказать, почему будущій соціалистъ-революціонеръ продолжалъ свою писательскую дѣятельность въ такомъ умѣренно-либеральномъ органѣ, какъ тогдашнія «Отечественныя Записки», вскорѣ вступившія въ ожесточенную полемику съ «Современникомъ». Это сотрудничество П. Л. Лаврова было въ значительной степени случайностью. Уже въ началѣ 50-хъ годовъ онъ сталъ чув-

[1]) Замѣчу мимоходомъ, что попытка г. Бельтова вывести „русскую соціалистическую школу“ изъ разсужденій Бруно Бауэра о „критическомъ духѣ“ и „массахъ“ представляетъ собою гораздо болѣе остроумную, чѣмъ основательную гипотезу, годную только для полемическихъ цѣлей. „Критическія“ упражненія Бауэра по этой части оставались неизвѣстны Лаврову: на нихъ обратили вниманіе только послѣ перепечатки „литературнаго наслѣдства“ Маркса-Энгельса, въ томъ числѣ „Святого семейства“.

ствовать сильную потребность попробовать силы въ общей литературѣ: писанье спеціальныхъ и техническихъ статей совсѣмъ не удовлетворяло его. Но какъ пробить себѣ дорогу въ печати? Число органовъ было въ то время ограничено; литературныя мѣста, что называется, заняты. Порою на Петра Лавровича находило уныніе, изъ котораго его всячески старалась выводить его жена: долго еще однако писательская дѣятельность казалась ему неосуществимой мечтой. Но вотъ умираетъ Николай. Россія зашевелилась. Общественное мнѣніе стало пробуждаться. Среди публики проявился интересъ къ различнымъ вопросамъ тогдашней современности. Оживилась сообразно съ этимъ и печать, и число органовъ замѣтно возрасло. На писателей спросъ поднялся: всякій, кто мало-мальски могъ владѣть перомъ и имѣлъ хоть что-нибудь за душей, былъ желаннымъ гостемъ въ литературѣ. Съ другой стороны, общественная и политическая мысль была еще очень смутна и незрѣла въ то время: кромѣ нѣкоторыхъ наболѣвшихъ жизненныхъ вопросовъ, напримѣръ освобожденія крестьянъ, улучшенія судовъ, облегченія цензурныхъ условій для печати, задачи тогдашняго времени мало кому изъ русскихъ рисовались въ опредѣленномъ свѣтѣ. Настроеніе у большой публики было праздничное, торжественное и до нѣкоторой степени комичное. То была пора хорошихъ людей и хорошихъ мыслей. Но люди эти были мало подготовлены къ общественной и политической дѣятельности, а мысли эти были крайне неясны. Не было еще въ то время и такой розни между различными лагерями, какая проявилась всего четыре-пять лѣтъ спустя. Либеральничавшій Катковъ еще могъ сообща обсуждать нѣкоторые вопросы съ пріѣхавшимъ въ Москву «краснымъ» Чернышевскимъ. Не замѣчалось пока и особенно рѣзкаго разногласія между органами печати. «Отеч. Зап.» конца 50-хъ годовъ были не такъ далеки отъ «Современника», какъ это обнаружилось въ началѣ 60-хъ годовъ...

Но, конечно, несомнѣнно, что въ извѣстной степени возможность стоять въ то время на границѣ между двумя лагерями опредѣлялась для Лаврова и нѣкоторыми личными особенностями его нравственной физіономіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣмъ моментомъ въ его эволюціи, который онъ переживалъ въ эту пору. Послѣдовательность, постепенность и логичность въ развитіи являются основными чертами индивидуальности Петра Лавровича. Онъ отнюдь не принадлежитъ къ типу тѣхъ, иногда и очень крупныхъ людей, которые способны переживать быстрыя идейныя метаморфозы, и съ тою же рѣзкостью и импульсивностью теоретической мысли и практическаго чувства, какъ и прежде, проводить однако совершенно иныя идеи, чѣмъ тѣ, что раньше защищались ими. Я говорю о разновидности личностей въ родѣ апостола Павла, Ламеннэ, нашего Бѣлинскаго. Вся природа Петра Лавровича протестовала бы противъ такого психологическаго превращенія. Ему нужно было долго и много перерабатывать убѣжденія, постепенно замѣнять одинъ элементъ ихъ другимъ, семь разъ примѣрять, а одинъ разъ отрѣзать, чтобы измѣнить міровоззрѣніе. Не вдумывавшіеся въ его типъ люди указывали на нѣкоторыя полосы въ жизни Лаврова, которыя будто бы свидѣтельствуютъ о довольно быстрой смѣнѣ однихъ взглядовъ Петра Лавровича другими. Это только повидимому: смѣняв-

шіе одинъ другой взгляды лежали, несмотря на свое внѣшнее противорѣчіе, въ одной плоскости. Затѣмъ ихъ смѣна принимала у него всегда форму поправокъ, ограниченій или расширеній прежняго принципа,—словомъ, дополненій хотя бы и очень существенныхъ, но не сходившихъ съ почвы основныхъ взглядовъ. Лавровъ, напр., могъ изъ культурника становиться революціонеромъ, изъ противника террора его защитникомъ: это все же были только сравнительно поверхностныя катастрофы и движенія почвы надъ незыблемой толщей лишь медленно и логически развивавшихся идей. Впрочемъ, я забѣгаю нѣсколько впередъ.

Что касается до того пункта въ эволюціи, до какого онъ дошелъ на рубежѣ 50-хъ и 60-хъ годовъ, то эта точка по пути развитія сильно и много думающаго Лаврова несомнѣнно находилась между двумя быстро обособлявшимися теченіями общественно-политической мысли, либеральнымъ и радикальнымъ (соціалистическимъ) и во всякомъ случаѣ ближе къ послѣднему. У меня изъ этой эпохи въ жизни П. Л. Лаврова находится подъ-рукой,—какъ я уже сказалъ,—очень мало документовъ, представляющихъ серьезный біографическій интересъ. Какъ бы то ни было, если даже ограничиться чисто литературнымъ матеріаломъ, то можно видѣть, что Лавровъ былъ гораздо лѣвѣе идейныхъ вдохновителей «Отечественныхъ Записокъ», и что теченіе Чернышевскаго могло бы въ сущности считать его въ значительной степени своимъ.

Критика,—и критика, идущая до конца,—традицій и вѣрованій, выработка дѣйственнаго прогрессивнаго убѣжденія; неразрывная связь между теоріей и практикой – вотъ что было уже тогда основной мыслью Лаврова и въ извѣстномъ смыслѣ осталось ею до самаго конца его жизни. Мѣнялись же по мѣрѣ хода историческихъ событій и развитія самого мыслителя лишь подробности этой умственной и нравственной задачи. Его статьи о критически-мыслящей личности, вышедшія въ 1860 г. отдѣльной брошюрою, подъ заглавіемъ «Очерки вопросовъ практической философіи. Личность», ярко ставили такое именно требованіе предъ читателемъ. Замѣчу кстати, что посвящены онѣ были «А. Г. и П. П.», т. е. А. Герцену и П. Прудону—вотъ кого ставилъ уже въ то время нашъ «постепеновецъ» своими учителями и идейными товарищами. Извѣстное нерасположеніе къ Лаврову въ радикальныхъ слояхъ того времени объясняется отчасти добросовѣстностью его критики, которая не щадила тогдашнихъ идоловъ. Такъ, Лаврову ставили, между прочимъ, въ упрекъ его статью о матеріализмѣ («Механическая теорія міра»), въ которой будто бы онъ сталъ на сторонѣ противниковъ «Современника». Читайте эту статью: въ ней нѣтъ ничего похожаго на подобное обвиненіе. Авторъ съ большимъ уваженіемъ относится къ попыткамъ матеріалистовъ объяснить все въ мірѣ движеніемъ вещества, но онъ показываетъ, что модный въ то время матеріализмъ Бюхнера и Молешота былъ не наукой, а метафизикой. И въ этомъ отношеніи Лавровъ былъ совершенно правъ [1]). Припомните только,

---

[1]) Прим. Самъ Фейербахъ, оттѣняя различіе своихъ взглядовъ отъ молешотовскаго матеріализма, оставилъ слѣдующій „афоризмъ“: я согласенъ съ матеріализмомъ въ томъ, что позади насъ, но не въ томъ, что впереди“.

что было сказано въ концѣ 70-хъ годовъ хотя бы такимъ «матеріалистомъ», какъ Энгельсъ, по поводу наивнаго матеріализма прежнихъ лѣтъ: и у Энгельса находится такое же точно обвиненіе, какъ у Лаврова, касательно метафизичности этого ученія. Но главнымъ-то образомъ отношеніе къ Лаврову со стороны крайнихъ радикаловъ 60 хъ годовъ было основано на недоразумѣніи. Когда борьба съ начавшейся политической реакціей вызвала распаденіе оппозиціи на разныя фракціи, вражда между органами прессы, выражавшими эти фракціи, приняла очень скоро ожесточенный характеръ. Людямъ въ то время казалось, что кто не за «Современникъ», тотъ противъ Чернышевскаго и его друзей, а такъ какъ Лавровъ писалъ въ «Отеч. Зап.», съ которыми «Соврем.» полемизировалъ, то и авторъ «Личности» былъ причтенъ къ идейнымъ товарищамъ Дудышкина и Альбертини, что было далеко не вѣрно.

Интересно въ этотъ моментъ отношеніе къ Лаврову со стороны Н. Г. Чернышевскаго. Онъ, какъ извѣстно, написалъ даже цѣлую статью «Антропологическій принципъ въ философіи» якобы по поводу работы Лаврова (Очерковъ практической философіи»), но, упомянувъ о немъ въ самомъ началѣ почтительно-иронически и даже съ симпатіей къ прогрессивному направленію нашего мыслителя, уже болѣе не возвращается къ нему. Точка зрѣнія Чернышевскаго въ данномъ случаѣ такова: онъ отдаетъ дань учености и хорошимъ тенденціямъ Лаврова, но не удовлетворяется его эклектизмомъ, заставляющимъ его приводить въ подтвержденіе своихъ мыслей всевозможныхъ, зачастую противорѣчащихъ другъ другу писателей. Духовному вождю тогдашней революціонной интеллигенціи, очевидно, казалось, что Лавровъ черезъчуръ завертываетъ прогрессивный характеръ своихъ воззрѣній въ аппаратъ излишней эрудиціи, сбивая тѣмъ лишь съ толку русскую читающую публику, для которой, по мнѣнію Н. Г. Чернышевскаго, нужны прежде всего ясные и опредѣленные взгляды. А ученики Чернышевскаго преувеличивали такое отношеніе самого Николая Гавриловича и доходили, разъ ступивъ на такую почву, уже до явной несправедливости.

Такъ, когда П. Л. Лавровъ прочиталъ въ 1860 году въ пользу Литературнаго Фонда,—однимъ изъ первыхъ членовъ котораго онъ былъ,—три публичныя лекціи о значеніи философіи («Три бесѣды о современномъ значеніи философіи», напечатанныя въ Отеч. Запискахъ 1861 г.), онъ подвергся рѣзкой критикѣ М. А. Антоновича. И послѣдній повторилъ нападеніе на Лаврова по поводу «Русскаго Энциклопедическаго Словаря», начавшаго выходить въ 1861 г. подъ общей редакціей Краевскаго, при редакціи по философскому отдѣлу Лаврова, скоро ставшаго главнымъ редакторомъ. Тутъ, что называется, своя своихъ не познаша; въ то время какъ архіереи и свѣтскіе доносчики, въ родѣ Аскоченскаго, призывали на голову Лаврова правительственные громы за безбожіе, проповѣдуемое «Энциклопедическимъ Словаремъ», и требовали наказанія церковной анафемой и царской каторгой, Антоновичъ обрушивался на редактора Словаря за умѣренность его взглядовъ. Насколько эта полемика противъ Петра Лавровича держалась на недоразумѣніи, видно было изъ того, что вскорѣ послѣ

того самъ Антоновичъ предложилъ Лаврову свое сотрудничество въ Словарѣ и далъ, между прочимъ, статью объ Евангеліяхъ, которая, подобно многимъ вещамъ Антоновича, была написана очень ясно и талантливо и произвела въ свое время большой фуроръ. Кстати сказать, Писаревъ обнаружилъ гораздо большее пониманіе первоначальной литературной дѣятельности Лаврова, и уже въ началѣ 60-хъ годовъ причислялъ его рѣшительно и энергично къ «прогрессивнымъ писателямъ», съ которымъ совершенно не зачѣмъ было, по его мнѣнію, полемизировать. Относительно Писарева, позже писавшаго въ «Отечественныхъ Запискахъ» Некрасова, извѣстенъ тотъ фактъ, что онъ съ величайшей деликатностью относился къ работамъ Петра Лавровича въ этомъ органѣ, и когда узнавалъ, что Лавровъ брался за какую-нибудь тему, то отказывался немедленно же отъ нея, даже когда уже началъ ее.

По мѣрѣ того, какъ деспотизмъ все больше и больше снималъ съ себя либеральную маску, Лавровъ все далѣе и далѣе передвигался влѣво. Въ 1862 году онъ былъ введенъ покойнымъ А. Н. Энгельгардтомъ въ революціонное общество «Земля и Воля», а за нѣсколько мѣсяцевъ до ареста Чернышевскаго сблизился съ этимъ послѣднимъ и былъ приглашенъ имъ въ качествѣ секунданта на одну изъ «словесныхъ дуэлей», съ однимъ изъ представителей консервативнаго лагеря. Этотъ литературный поединокъ состоялся, впрочемъ, безъ участія Лаврова, который долженъ былъ экзаменовать въ этотъ день; и все, что было разсказано лѣтъ 10 тому назадъ объ упомянутой «дуэли» въ русской исторической печати, относится къ области выдумокъ заднимъ числомъ.

Арестъ Чернышевскаго и товарищей и разгромъ общества „Земля и Воля“ вырвали изъ передовыхъ рядовъ много выдающихся дѣятелей, опрокинули старыя перегородки между различными группами оппозиціи, но съ другой стороны вызвали новыя и болѣе опредѣленныя раздѣленія. Лавровъ самымъ положеніемъ вещей былъ поставленъ въ необходимость идти вправо или влѣво, и со свойственною ему послѣдовательностью сдѣлалъ новый шагъ въ сторону радикализма. Впрочемъ, уже въ 1861 г. начальство смотрѣло на него, какъ на прямого врага: принцъ Ольденбургскій, за нѣсколько мѣсяцевъ до ареста Чернышевскаго, говорилъ въ интимной бесѣдѣ: «стоитъ только схватить пять-шесть зачинщиковъ (упоминая въ томъ числѣ Лаврова), и революціи и въ поминѣ не будетъ». Когда послѣ студенческихъ исторій и закрытія университета студенты обратились къ Лаврову съ просьбою читать имъ лекціи въ зданіи Думы, то начальство воспретило эти чтенія. Нѣсколько позже, во время польскаго возстанія близкій родственникъ Лаврова и страшный консерваторъ Щебальскій, съ которымъ они были на ты, писалъ къ Петру Лавровичу дружеское, но ругательное увѣщаніе: «Куда, молъ, идешь? Къ измѣнникамъ отечества»! Упомяну еще два три факта, которые ясно показываютъ, что П. Л. Лавровъ уже не удовлетворялся тогда простой либеральной оппозиціей. Когда въ Петербургѣ стало основываться Общество женскаго труда, при ближайшемъ участіи Стасовой, Анны Павловны Философовой и графини Ростовцевой, приглашенный въ члены Лавровъ

представилъ въ свою очередь списокъ новыхъ членовъ. И характеръ этихъ членовъ, навербованныхъ почти исключительно въ рядахъ «нигилистокъ», показался учредительницамъ настолько страшнымъ, что онѣ отказались принять кандидатокъ Лаврова. На это послѣдній отвѣтилъ рѣзкою рѣчью о филантропіи праздныхъ барынь и насущной потребности въ трудѣ дѣловыхъ женщинъ. Въ результатѣ графиня Ростовцева и А. П. Философова отказались открыть общество; и министерство, которое разрѣшило открытіе лишь этимъ знатнымъ барынямъ, взяло назадъ свое разрѣшеніе. Другой разъ говоря въ ревизіонной комиссіи Литературнаго Фонда по поводу ссуды Достоевскому, Лавровъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы заклеймить мнимыхъ либераловъ, служившихъ и нашимъ и вашимъ, въ родѣ тогдашняго начальника Азіатскаго департамента Евграфа Ковалевскаго, который то являлся на свиданія въ тюрьму къ Чернышевскому, то жалъ руку Муравьеву-Вѣшателю...

V.

Скоро Петру Лавровичу пришлось испытать на себѣ всю тяжесть русской реакціи. Совершивъ заграничную поѣздку съ больной женой (она умерла въ 1865 г.). Лавровъ находился въ Питерѣ въ тотъ моментъ, когда раздался Каракозовскій выстрѣлъ (4-го апрѣля 1866 г.). Обезумѣвшее отъ неожиданнаго сюрприза самодержавіе не могло понять, какую массу злобы и негодованія оно успѣло накопить въ сердцѣ истинныхъ друзей прогресса своей двуличной и лицемѣрной политикой, и не нашло ничего лучшаго, какъ отдать всю Россію, а особенно Петербургъ, во власть свирѣпаго диктатора. Что выдѣлывалось въ то время въ столицѣ, достаточно извѣстно: обыски, аресты и заключенія, ссылки и высылки; жизнь и честь гражданъ въ лапахъ звѣря-генерала; безграничный страхъ и вѣрноподданническое лакейство обнаруженные большинствомъ такъ называемыхъ либераловъ, которые не останавливались порою передъ доносами на своихъ родственниковъ, лишь бы выслужиться передъ начальствомъ; повсюду правительственная и общественная реакція. Даже со струнъ глубоко демократической лиры Некрасова срывались въ то время «невѣрные звуки». Долго и искренно пѣвецъ народнаго горя, дѣйствительно, раскаивался въ несчастныхъ стихахъ, которые онъ страха ради іудейска написалъ тогда для умилостивленія расходившагося самодержавія:

«Не громка моя лира, въ ней нѣтъ
Величавыхъ, торжественныхъ пѣсенъ,
Но придетъ, народится поэтъ,
Вдохновеньемъ великимъ чудесенъ,
И великую пѣсню споетъ...
И героями пѣсни той чудной
Будутъ: царь, что стезей многотрудной
Царство русское къ счастью ведетъ
И народъ»...

Словомъ мало, очень мало было въ то время людей, которые изъ этого погрома вышли не съ покорностью и примиреніемъ, а съ жаждою новой борьбы за истину и свободу! Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и П. Л. Лавровъ, котораго событіе 4-го апрѣля выбросило навсегда изъ оффиціальнаго, служебнаго, привиллегированнаго и либеральнаго міра въ совершенно иной міръ крайнихъ радикаловъ и опальныхъ людей.

Вскорѣ послѣ выстрѣла начальство произвело обыскъ у Лаврова, а немного спустя (25-го апрѣля ст. ст.) онъ былъ арестованъ. Собственно, прямыхъ уликъ противъ него не имѣлось. Но это не помѣшало властямъ предать его военному суду въ августѣ 1866 г. Судъ призналъ его виновнымъ въ сочиненіи четырехъ стихотвореній, въ которыхъ «выражалось неуваженіе» къ Николаю I и Александру II; въ «сочувствіи и близости къ людямъ, извѣстнымъ правительству своимъ преступнымъ направленіемъ» (дѣло шло о Чернышевскомъ, Михайловѣ и др.); въ проведеніи «вредныхъ идей» путемъ печати и т. д. Военно-судебная коммисія приговорила его къ аресту на нѣкоторое время. Но приговоръ этотъ былъ измѣненъ къ худшему генералъ-аудиторіатомъ (генералъ-аудиторомъ былъ въ то время Философовъ, мужъ Анны Павловны, о которой рѣчь была выше). Императоръ утвердилъ измѣненный приговоръ, согласно которому Петръ Лавровичъ увольнялся со службы—въ чинѣ полковника—и ссылался на житье въ «одну изъ внутреннихъ губерній» подъ надзоръ полиціи. Вѣрноподданные географы не безъ остроумія причислили къ этой категоріи Вологодскую, и послѣ 9-ти мѣсячнаго ареста Лавровъ былъ вывезенъ въ г. Тотьму 15/27 февраля 1867 г. Тяжело было человѣку, привыкшему къ жизни въ интеллигентномъ обществѣ столицы, пребываніе въ маленькомъ сонномъ городкѣ, который едва насчитывалъ 3500 жителей. Правда, Лаврова перевели было въ 1868 г. въ Вологду. Но, по несчастью, въ день его отъѣзда другіе жившіе въ Тотьмѣ ссыльные рѣшили провожать его на нѣкоторое разстояніе за городъ, что было сейчасъ же донесено мѣстными властями питерскому начальству. И въ результатѣ Петръ Лавровичъ былъ немедленно же высланъ въ Кадниковъ, городишко еще болѣе жалкій, чѣмъ Тотьма. Въ Кадниковѣ Лавровъ былъ единственнымъ политическимъ ссыльнымъ: для наблюденія за нимъ было назначено туда спеціально два жандарма. Но жизнь въ захолустьѣ нисколько не сломила умственной энергіи мыслителя. Тамъ онъ очень много занимался и усиленно работалъ (подъ разными псевдонимами, вродѣ Миртова) въ русской литературѣ, сотрудничая главнымъ образомъ въ «Недѣлѣ» и «Отеч. Зап.» новой (некрасовской) редакціи: въ послѣднія ввелъ его Г. З. Елисѣевъ; и между многочисленными вещами, помѣщенными въ этомъ журналѣ, особенно извѣстны его анонимныя статьи (1869 г.) «Цивилизація и дикія племена» и «Современное ученіе о нравственности и ея исторіи» (1870 г.). Но самое замѣчательное сочиненіе Лаврова изъ этого времени, это — его «Историческія письма», которыя печатались въ «Недѣлѣ» 1868—1869 г., а въ 1870 г. вышли въ переработанномъ видѣ отдѣльной книгой.

Это небольшое сравнительно произведеніе имѣло, какъ извѣстно,

успѣхъ поразительный и, слѣдуетъ прибавить, неожиданный какъ для самого Петра Лавровича, такъ и для нѣкоторыхъ очень компетентныхъ судей. Интересно, что такой сильный и тонкій умъ, какимъ былъ Н. К. Михайловскій, игравшій въ то время важную роль въ редакціи «Недѣли», прочитавъ первыя письма, находилъ ихъ черезчуръ сухими для большинства публики и даже задавался вопросомъ, стоитъ-ли поощрять ихъ дальнѣйшее появленіе. И только болѣе чуткая оцѣнка ихъ—покойнаго Е. И. Конради, участвовавшаго также въ редакціи газеты, воспрепятствовала ихъ прекращенію. Между тѣмъ можно смѣло сказать, что «Историческія письма» скоро сдѣлались и были настольной книгой, Евангеліемъ молодежи въ теченіи всѣхъ семидесятыхъ годовъ; да и послѣ многія мысли «Писемъ» вошли въ обиходъ всякаго образованнаго и порядочнаго человѣка въ Россіи. Дѣло доходило порою до комизма, когда самые враги Лаврова били, что называется, его же добромъ да ему же челомъ, въ полемикѣ съ нимъ повторяя его собственныя идеи. Ахъ, надо было жить въ 70-ые годы, въ эпоху движенія въ народъ, чтобы видѣть вокругъ себя и чувствовать на самомъ себѣ удивительное вліяніе, произведенное «Историческими письмами»! Многіе изъ насъ, юноши въ то время, а другіе просто мальчики, не разставались съ небольшой, истрепанной, исчитанной, истертой въ конецъ книжкой. Она лежала у насъ подъ изголовьемъ. И на нее падали при чтеніи ночью наши горячія слезы идейнаго энтузіазма, охватывавшаго насъ безмѣрною жаждою жить для благородныхъ идей и умереть за нихъ... И какъ радостно трепетали наши сердца, въ какомъ величіи возставалъ передъ нами образъ лично незнакомаго, но родного нашей мысли, далекаго матеріально, но близкаго къ намъ духомъ ученія «добраго учителя», призывавшаго насъ къ безкорыстной борьбѣ за убѣжденія!

Одно время мы увлекались Писаревымъ, который говорилъ намъ о великой пользѣ естественныхъ наукъ для выработки изъ человѣка «мыслящаго реалиста». Мы готовились всѣ стать такими «мыслящими реалистами», которые желаютъ жить во имя своего «развитого эгоизма», низвергая всѣ авторитеты и ставя цѣлью свободную и счастливую жизнь какъ насъ самихъ, такъ и нашихъ единомышленниковъ. И вдругъ небольшая книжка говоритъ намъ, что на естественныхъ наукахъ свѣтъ не клиномъ сошелся; что на одной анатоміи лягушки далеко не уѣдешь; что есть другіе важные человѣческіе вопросы: есть исторія, есть общественный прогрессъ, есть, наконецъ, народъ, голодающій, замученный трудомъ народъ, рабочій людъ, который поддерживаетъ на себѣ все зданіе цивилизаціи и который только и позволяетъ намъ заниматься и лягушками и всякими другими науками; есть, наконецъ, нашъ неоплатный долгъ передъ народомъ, передъ великой арміей трудящихся.

Можете себѣ представить, какой ураганъ новыхъ мыслей и новыхъ чувствъ проходилъ по нашей душѣ! Какъ стыдно намъ было за свои мизерные буржуазные планы насчетъ счастливой личной жизни! Къ черту и «разумный эгоизмъ», и «мыслящій реализмъ», и къ черту всѣхъ этихъ лягушекъ и прочіе предметы наукъ, которые заставляли насъ забывать о народѣ! Отнынѣ наша жизнь должна была всецѣло

принадлежать массамъ, и только посвящая всѣ наши силы торжеству общественной правды, мы могли не оказаться злостными банкротами передъ нашей страною и всѣмъ человѣчествомъ. На разстояніи теперь становится виднѣе, какую важную роль «Историческія письма» сыграли въ созданіи и развитіи того возвышеннаго и безкорыстнаго энтузіазма, который двинулъ молодыхъ проповѣдниковъ соціализма «въ народъ».

Самъ Лавровъ не присутствовалъ, впрочемъ, лично при начинавшемся и быстро возроставшемъ успѣхѣ книги Видя, что его ссылкѣ не предвидится конца, и желая участвовать въ живой политической борьбѣ, онъ уже съ конца 60-хъ годовъ задумалъ переѣхать границу и при посредствѣ друзей условился насчетъ своего бѣгства, между прочимъ, съ Герценомъ, который обѣщалъ ему «устроить все: пускай лишь пріѣдетъ»! Бѣгство это было выполнено при пособіи знаменитаго Германа Александровича Лопатина и не обошлось безъ нѣкоторыхъ траги-комическихъ приключеній. Въ Кадниковѣ было всего на всего три почтовыя тройки: нечего было и думать воспользоваться ими. И вотъ однажды, когда Петръ Лавровичъ сидѣлъ у себя на квартирѣ и разговаривалъ съ двумя мѣстными пріятелями, къ нему явился рослый и красивый молодой человѣкъ, который, отрекомендовавъ себя господиномъ N. N., присоединился къ разговору и очаровалъ собесѣдниковъ своимъ умомъ и блестящимъ краснорѣчіемъ. По уходѣ знакомыхъ, молодой человѣкъ выпалилъ въ упоръ Лаврову: «я не N. N., а Лопатинъ; наши общіе друзья послали меня увезти васъ отсюда въ Петербургъ. Вы готовы? Когда можете отправиться?»— Хоть завтра, былъ отвѣтъ. Лопатинъ пріѣхалъ въ Кадниковъ на добытахъ въ Вологдѣ лошадяхъ и въ назначенный день (15/27 февраля 1870 г.), ровно черезъ три года послѣ того, какъ Петръ Лавровичъ явился сюда ссыльнымъ, увезъ выбрившагося и ставшаго неузнаваемымъ Лаврова.

Рѣшено было ѣхать въ Вологоду, а оттуда на ближайшую станцію строившейся въ то время Ярославско-Вологодской желѣзной дороги. Въ Вологодѣ, пересаживаясь на почтовую перекладную, бѣглецы узнали, что по дорогѣ имъ придется встрѣтиться съ жандармскимъ полковникомъ, который ѣхалъ по службѣ и хорошо зналъ въ глаза Петра Лавровича. Моментъ былъ критическій, но отступать было нельзя: надо было рисковать и прямо идти на встрѣчу опасности. Лопатинъ, который былъ въ то время въ цвѣтѣ лѣтъ и полонъ юношеской смѣлости, чтобы не показать, какъ озабочивала его предстоящая встрѣча, счелъ долгомъ завести со своимъ спутникомъ разговоръ о позитивизмѣ. П. Л. Лавровъ хорошо понималъ настроеніе Лопатина, но тоже, чтобы не отказаться отъ предложенной игры, съ оживленіемъ давалъ ученыя реплики товарищу по дорогѣ и опасности. Дѣло, впрочемъ, обошлось благополучно. Сани жандармскаго полковника встрѣтили перекладную съ философствующими диспутантами по дорогѣ, но блюститель порядка и не заглянулъ въ возокъ бѣглецовъ. Затрудненіе предоставилось дальше, когда Лавровъ и Лопатинъ пріѣхали въ то мѣсто, откуда они думали воспользоваться открытымъ уже, по слухамъ, желѣзнодорожнымъ участкомъ. Оказалось, что открытіе еще не состоялось, но должно произойти на слѣдующій день при самой

торжественной обстановкѣ, въ присутствіи всѣхъ мѣстныхъ властей и въ томъ числѣ спеціально наблюдавшаго за Лавровымъ жандармскаго полковника. Дважды искушать фортуну нашимъ путешественникамъ не хотѣлось, и потому они порѣшили и дальше ѣхать на лошадяхъ, а затѣмъ уже сѣсть на чугунку и катить черезъ Москву въ Питеръ.

Въ столицѣ бѣглеца ждали новыя испытанія. Лопатинъ, согласно уговору, «доставилъ» Лаврова на радикальную квартиру, закончивъ блистательно свою миссію. Но другіе пріятели и знакомые Петра Лавровича, посвященные въ его бѣгство, далеко не отличались лопатинскою энергіею и практичностью. Такъ какъ радикальная квартира, на которую Лавровъ попалъ сначала, была почему-то неудобна, то его сочли нужнымъ отвезти на другую аристократическую квартиру, которая находилась на Конногвардейскомъ бульварѣ, и владѣлецъ которой, бравый офицеръ и добрый малый, сочувствовавшій «хорошимъ идеямъ», былъ очень посредственнымъ конспираторомъ. Не успѣлъ Петръ Лавровичъ прибыть на новое помѣщеніе, какъ оказалось, что квартира эта была уже употреблена для другой «нелегальной» цѣли: сюда пріютилась дѣвица, которая, желая жить своимъ хлѣбомъ, обвѣнчалась съ однимъ изъ знакомыхъ фиктивнымъ бракомъ. И здѣсь съ часу на часъ ждали полицейскаго нашествія, которымъ грозили разсерженные родители.

А между тѣмъ Петру Лавровичу приходилось прожить еще нѣсколько дней въ Петербургѣ. Дѣло въ томъ, что прибылъ онъ сюда въ четвергъ на масляницу, на широкую, развеселую русскую масляницу, когда все въ Петербургѣ было пьянымъ пьяно, а всѣ присутственныя мѣста закрыты, и заграничнаго паспорта (на имя доктора Веймара, осужденнаго послѣ по дѣлу Соловьева) нельзя было получить раньше слѣдующаго понедѣльника. Сочувствовавшій хорошимъ идеямъ офицеръ предложилъ Петру Лавровичу отвезти его въ имѣніе своихъ пріятелей, находившееся въ Лужскомъ уѣздѣ. Поѣхали: по дорогѣ новое приключеніе. Въ Лугѣ Лаврову пришлось ужинать въ трактирѣ, гдѣ предавалось масляничному кутежу лужское уѣздное земство, многіе члены котораго, бывшіе и губернскими гласными петербургскаго земства, отлично знали Петра Лавровича, тоже состоявшаго до своего ареста членомъ этого земства, и легко могли бы узнать бѣглеца. Въ самомъ же имѣніи, куда пріѣхали Лавровъ и его провожатый, домъ былъ полонъ масляничныхъ гостей, которыхъ, конечно, долженъ былъ интриговать незнакомый, державшійся въ сторонѣ посѣтитель. Такъ прошли веселые для гостей и довольно меланхоличные для отшельника послѣдніе дни масляницы. И можно было думать, что питерскіе пріятели уже добыли заграничный паспортъ у перешедшихъ на трезвое положеніе властей.

Было условлено, что паспортъ этотъ привезутъ на станцію гор. Луги. Туда, въ первый же день великаго поста, хозяева отправились съ Лавровымъ для того, чтобы встрѣтить посланца съ заграничнымъ видомъ и купить билетъ для отъѣзжающаго. Билетъ былъ купленъ, но изъ Питера паспорта не привезли; и приходилось возвращаться въ имѣніе и ждать слѣдующаго дня. На слѣдующій день поѣздка — замѣтьте, за пятнадцать верстъ, на станцію, и на станцію очень нич-

тожную, откуда выѣздъ за границу какого-нибудь лица былъ необыкновеннымъ событіемъ,—эта поѣздка увѣнчалась новымъ неуспѣхомъ. Наконецъ, на третій день паспортъ былъ привезенъ, и Петръ Лавровичъ благополучно выѣхалъ за предѣлы Россійской Имперіи, въ то время, какъ всполошившіяся въ Вологдѣ власти терялись въ догадкахъ, какъ и куда могъ исчезнуть ссыльный, ибо три ямскія тройки въ Кадниковѣ оказались всѣ на лицо. Начальство успокоилось на томъ предположеніи, что Лавровъ, потихоньку выѣхавъ изъ города (какъ это онъ дѣлалъ нѣсколько разъ, по словамъ его матери), былъ убитъ неизвѣстнымъ ямщикомъ. А въ губерніи ходили даже слухи насчетъ какихъ-то найденныхъ въ ямскихъ саняхъ слѣдовъ крови...

VI.

Въ это самое время Петръ Лавровичъ находился уже на французской территоріи, куда онъ пріѣхалъ въ послѣдніе мѣсяцы Второй имперіи: въ Парижѣ онъ былъ 1/13 марта 1870 г., вскорѣ послѣ того, какъ умеръ Герценъ, приглашавшій его сюда. Новый міръ раскрывался передъ Лавровымъ, тотъ міръ, съ которымъ нашъ мыслитель былъ знакомъ раньше лишь по книгамъ. Съ одной стороны Лавровъ вошелъ въ ученые круги, былъ избранъ въ члены антропологическаго общества и (года два спустя) былъ приглашенъ извѣстнымъ Брока въ составъ редакціи Revue d'Anthropologie; съ другой, уже въ самомъ началѣ онъ близко сошелся съ переплетчикомъ Варлэномъ, однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ представителей французскаго пролетаріата, и былъ введенъ имъ въ Интернаціоналъ, а именно въ секцію Тэрнъ. Изученіе Маркса и наблюденіе надъ рабочимъ движеніемъ Запада заставили нашего ученаго сдѣлать новый шагъ влѣво. И изъ политическаго радикала, лишь сочувствующаго благороднымъ идеямъ соціализма, Лавровъ самъ становился убѣжденнымъ соціалистомъ-революціонеромъ, видящимъ въ рабочемъ классѣ самаго крупнаго двигателя прогресса и строителя будущаго коммунистическаго общества...

Въ это время политическія событія неслись съ ужасающей быстротой. Въ одинъ-два года Франціи пришлось пережить болѣе, чѣмъ за послѣдніе двадцать лѣтъ: нѣмецкія полчища наводнили страну; пала Имперія; сдался осажденный пруссаками Парижъ; Коммуна была утоплена въ крови парижскаго пролетаріата. Все время осады Лавровъ оставался въ Парижѣ, раздѣляя съ населеніемъ бѣдствія и лишенія войны. И мнѣ живо помнится его разсказъ о томъ, какъ въ одно печальное январское утро, когда перемиріе съ пруссаками уже было заключено, онъ отправился пѣшкомъ вмѣстѣ съ нѣсколькими пріятелями въ Сэнъ-Дени подъ Парижемъ, чтобы принести оттуда на своихъ плечахъ мѣшокъ съ картофелемъ, яйцами и прочими съѣдобными рѣдкостями.

Когда вспыхнуло возстаніе 18-го марта (1871 г.), и буржуазное правительство стремительно кинулось изъ Парижа въ Версаль, чтобы оттуда приготовлять нашествіе на героическій городъ, Лавровъ остался среди коммунаровъ и черезъ Варлэна предложилъ революціонному

правительству свои услуги по организаціи школъ и вообще по учебной части. Но если въ началѣ возстанія можно было надѣяться на то, что Коммуна не только восторжествуетъ, но и успѣетъ осуществить хоть сколько-нибудь на практикѣ идею о переустройствѣ общества, то скоро эти иллюзіи исчезли, и революціонное правительство вынуждено было исключительно заняться защитой Парижа отъ нападенія свирѣпой версальской солдатчины. Во всякомъ случаѣ на предложеніе Лаврова Коммуна не имѣла времени отвѣтить. Въ началѣ мая, когда положеніе дѣлъ значительно ухудшилось на сторонѣ революціонеровъ, но еще можно было надѣяться на отпоръ, Лавровъ рѣшилъ поискать помощи коммунарамъ внѣ Франціи, и съ этою цѣлью, взявъ паспортъ у правительства Коммуны и предупредивъ о своемъ отъѣздѣ Варлэна, попытался пройти чрезъ линію версальскихъ войскъ. Попытка эта увѣнчалась успѣхомъ, хотя дѣло не обошлось безъ затрудненій. Просматривая бумаги Лаврова, офицеръ, къ которому привели путешественника, увидалъ, что имѣетъ дѣло съ иностранцемъ, притомъ иностранцемъ привилегированнаго сословія, и готовъ былъ пропустить Лаврова. Но его смущало то обстоятельство, что паспортъ, какъ сказалъ онъ Лаврову, «былъ визированъ не законнымъ правительствомъ, а мятежниками».—А чѣмъ же я виноватъ, что «законное правительство» убѣжало изъ Парижа?—былъ отвѣтъ Петра Лавровича. Офицеръ согласился...

И вотъ, благополучно пробравшись чрезъ желѣзное кольцо версальской арміи, Лавровъ отправился сначала въ Бельгію, а потомъ въ Лондонъ, просить помощи коммунарамъ у Генеральнаго Совѣта Интернаціонала. Въ то время не только враги, но и друзья Международнаго Общества Рабочихъ крайне преувеличивали его силу и значеніе: говорили о четырехъ милліонахъ членовъ во всѣхъ странахъ Европы, о необыкновенно искусной и прочной организаціи Общества, которое могло будто бы по данному сигналу поднять всѣхъ рабочихъ, принадлежащихъ къ Интернаціоналу. Лавровъ изложилъ передъ бельгійскимъ федеральнымъ совѣтомъ Интернаціонала критическое положеніе Коммунаровъ и поставилъ вопросъ, не найдетъ ли этотъ совѣтъ возможнымъ устроить въ пользу парижскихъ инсургентовъ сразу нѣсколько крупныхъ манифестацій рабочихъ на французскихъ границахъ. Съ подобнымъ же вопросомъ онъ обратился въ Лондонѣ къ Марксу и прочимъ членамъ уже Генеральнаго Совѣта. Но оказалось, что дѣла Интернаціонала были такъ плохи въ это время, что Генеральный Совѣтъ не могъ даже устроить публичной манифестаціи въ Гайдъ-паркѣ въ пользу Коммуны.

Впрочемъ, черезъ двѣ—три недѣли все было кончено для славной, но злополучной парижской революціи. И красный цвѣтъ знамени Коммуны могъ означать въ это время уже не ту зарю общественнаго возрожденія, къ которой обращалъ взоры рабочій народъ, а развѣ кровь 35.000 пролетаріевъ, которые полегли подъ саблями, штыками и картечью защитниковъ порядка и собственности, среди дымящихся развалинъ Парижа. Поѣздка Лаврова не имѣла практическаго результата для рабочаго движенія, но она дала возможность Петру Лавровичу ближе присмотрѣться къ положенію соціализма въ Европѣ,

равно какъ познакомиться съ знаменитымъ авторомъ «Капитала». Замѣчу кстати, что въ 1880 г. Лавровъ выпустилъ обстоятельную брошюру о Коммунѣ (18 марта 1871 года; Женева), положивъ въ ея основаніе рѣчь, произнесенную имъ въ 1879 г. для собравшихся съ этою цѣлью русскихъ. Пониманіе общихъ причинъ движенія; пламенная любовь къ рабочему народу; яркое описаніе звѣрствъ, совершенныхъ буржуазіей во время подавленія возстанія—все это ставитъ упомянутую брошюру на одно изъ первыхъ мѣстъ въ европейской литературѣ о Коммунѣ.

VII.

Отнынѣ за исключеніемъ нѣкоторыхъ второстепенныхъ происшествій, добровольнаго или невольнаго переѣзда изъ одного города въ другой и т. п. существованіе Лаврова съ внѣшней стороны не представляетъ большого драматическаго интереса. Тѣмъ замѣчательнѣе та внутренняя жизнь, та удивительная работа мысли, та неустанная пропаганда революціоннаго соціализма, которыя отнынѣ сдѣлали изъ П. Л. Лаврова въ извѣстномъ смыслѣ единственную личность среди русскихъ и европейскихъ борцовъ за лучшее будущее человѣчества. Вся біографія Лаврова за послѣднюю четверть вѣка, съ того времени какъ появился первый томъ «Впередъ», состоитъ дѣйствительно изъ колоссальной умственной и нравственой дѣятельности, посвященной на развитіе человѣческой мысли вообще и идей соціализма въ частности, особенно же въ приложеніи къ Россіи.

Здѣсь будетъ—какъ разъ—умѣстно остановиться, чтобы охарактеризовать сложившееся въ этотъ моментъ уже почти окончательно мѣровоззрѣніе Лаврова, такъ какъ позже пойдетъ дѣло лишь о выработкѣ имъ даже не второстепенныхъ, а трехстепенныхъ пунктовъ своихъ общихъ взглядовъ. Мы видѣли, что уже въ книгѣ 50—хъ годовъ міросозерцаніе Лаврова было сильно пропитано элементами радикальной и соціалистической свободной мысли, представляя собою оригинальную и,—что бы ни говорили строгіе критики,—цѣльную комбинацію—переплавку нѣмецкаго идеализма, нѣмецкаго же антропологизма (фенербазіанства) и французскаго соціализма. Логическая, но довольно быстрая эволюція Лаврова влѣво въ началѣ 60-хъ годовъ сказалась въ томъ, что въ области политической экономіи онъ сталъ на точку зрѣнія Чернышевскаго, полагая, что въ этой области, не мудрствуя лукаво, онъ можетъ считать себя ученикомъ «великаго русскаго ученаго и критика» (какъ Марксъ десять лѣтъ спустя назвалъ славнаго русскаго соціалиста, заживо погребеннаго въ то время царскимъ произволомъ въ тундрахъ далекой Сибири.) У Лаврова была, дѣйствительно, характерная черта, говорившая о теоретической добросовѣстности и отсутствіи мелочнаго самолюбія: несмотря на то, что онъ зналъ цѣну себѣ и чувствовалъ силу своей абстрагирующей мысли, онъ никогда не считалъ себя одинаково компетентнымъ во всѣхъ вопросахъ и любилъ опираться въ той или иной сравнительно мало изученной имъ области на выводы, сдѣланные въ ней наиболѣе серьезными умами. У него была даже на этотъ счетъ

своя теорія: при великомъ разнообразіи и сложности современнаго знанія, онъ считалъ обязательнымъ для каждаго образованнаго и развитого человѣка знать общія положенія главнѣйшихъ наукъ, но признавалъ невозможность съ успѣхомъ производить самостоятельныя изысканія въ разныхъ, далеко отстоящихъ одна отъ другой сферахъ человѣческаго мышленія. Для нихъ онъ горячо совѣтовалъ выбирать себѣ,—хотя выбирать строго-критически,—руководителей и учителей, которые, на почвѣ современнаго раздѣленія умственнаго труда, могутъ дѣйствительно пробивать новые пути и создавать оригинальныя обобщенія. Обладая одной изъ самыхъ энциклопедическихъ головъ, какія только существовали въ Россіи (да пожалуй, и за границей), Лавровъ тѣмъ не менѣе никогда не выдавалъ себя за человѣка, могущаго трактовать съ одинаковою компетентностью de omnibus rebus et quibusdam aliis. И даже для читающей публики онъ считалъ очень полезнымъ, чтобы писатели, отнюдь не сводя себя цѣликомъ на степень узкихъ спеціалистовъ, изучали однако основательно каждый лишь тѣ предметы, какіе наиболѣе могли быть обработаны ими. Я, напр., какъ-то спросилъ его: «почему Петръ Лавровичъ, при вашемъ строгомъ математическомъ умѣ васъ никогда не тянуло къ политической экономіи?»—А, видите-ли, былъ отвѣтъ: я всегда ставилъ себѣ правиломъ писать не только по предметамъ, которые лично занимаютъ меня, но по которымъ можно принести наибольшую пользу читателямъ. Я видѣлъ, что политическая экономія была въ хорошихъ рукахъ у Чернышевскаго; по исторіи же и философіи у насъ писалось и мало, и не такъ, какъ слѣдуетъ. Вотъ я и взялся за эти, находившіяся въ загонѣ, вещи».

Въ половинѣ 60-хъ годовъ Лавровъ познакомился съ позитивизмомъ. По странной ироніи судьбы и распространенія идей, онъ впервые услышалъ объ Огюстѣ Контѣ въ 1864 г. изъ устъ покойнаго ботаника Бекетова. Но скоро онъ проштудировалъ положительную философію съ свойственной ему обстоятельностью. Въ концѣ 60-хъ годовъ онъ не только ассимилировалъ лучшіе элементы позитивизма, но съумѣлъ стать по отношенію къ нему на строго критическую почву, привѣтствуя рѣзкое отрицаніе всякой метафизики со стороны Конта, но обличая его стремленіе «заковать будущее исторіи въ неподвижныя формы деспотической организаціи», а учениковъ Конта бичуя за ихъ точку зрѣнія въ области соціальныхъ наукъ, гдѣ позитивисты выказали себя такими реакціонерами (ср. статьи Лаврова: «Задачи позитивизма и ихъ рѣшеніе» въ «Современномъ обозрѣніи» за 1868 г. и «Соціологи позитивисты» въ «Знаніи» за 1872 г.). [1]). Какъ бы то ни было, изученіе позитивизма съ его замѣчательной попыткой (въ лицѣ самого Конта) охватить всѣ явленія жизни и мысли одной цѣльной системой ускорило повидимому уже зрѣвшее въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ головѣ Лаврова рѣшеніе заняться вплотную исторіей мысли, разсматриваемой подъ строго научнымъ

[1]) Въ первой изъ этихъ статей уже очень ясно сформулированы положенія и особенности „субъективнаго метода въ соціологіи“ связаннаго главнымъ образомъ съ именами Лаврова и Михайловскаго.

и критическимъ угломъ зрѣнія: его «Нѣсколько мыслей объ исторіи мысли» были напечатаны (въ «Невскомъ Сборникѣ») еще въ 1867 г. И отнынѣ до самой своей смерти, въ различныхъ видахъ и подъ различными формулами, Лавровъ будетъ, какъ увидимъ, работать надъ эволюціей человѣческаго знанія.

Это тяготѣніе къ разработкѣ элемента мысли вытекало отчасти изъ самой психологіи Петра Лавровича,—выдающейся чертой котораго была именно интенсивность мышленія,—отчасти, можетъ быть, было внушено занятіями надъ позитивизмомъ, такъ какъ въ этой системѣ, несмотря на послѣдующія добавленія самого Конта (роль *чувства* альтруизма и т. п.) умственный раціоналистическій факторъ былъ положенъ во главу угла человѣческой, и личной, и общественной эволюціи. Подчеркиваніе умственнаго элемента проходитъ и чрезъ всѣ «Историческія письма» Лаврова. Критическая мысль направляетъ тотъ процессъ борьбы доработавшагося до сознанія человѣка, въ результатѣ котораго только и можетъ получиться, по мнѣнію автора, прогрессъ общежитія и осуществленіе въ жизни идеала справедливости. Но надо замѣтить, что эта роль «ума» пропагандируется нашимъ писателемъ съ такимъ жаромъ, съ такимъ энтузіазмомъ, а задачи, поставленныя «критическому мышленію» принимаетъ подъ перомъ Лаврова такой глубоко человѣческій, альтруистическій характеръ, что въ концѣ концовъ умственный факторъ становится въ «Историческихъ письмахъ» вмѣстѣ съ тѣмъ и нравственнымъ факторомъ. И цѣльная, а не только логически разсуждающая «личность», говоря одинаково и уму, и сердцу читателя, увлекаетъ его на борьбу, лишенія, самое смерть за убѣжденія и за счастье людей-братьевъ. Это-то и привлекало всѣхъ насъ въ упомянутомъ произведеніи Лаврова.

Но за то «Историческія письма» грѣшили другимъ недостаткомъ, въ которомъ неоднократно признавался и самъ Петръ Лавровичъ и о которомъ онъ даже печатно заявилъ въ новомъ (заграничномъ) изданіи своей книжки. Когда Лавровъ писалъ ее, онъ былъ, по его собственному выраженію, «гармонистомъ». Онъ представлялъ себѣ общество такимъ организмомъ, который можетъ разрѣшить задачи совершеннѣйшаго общежитія подъ вліяніемъ единственно дружнаго стремленія составляющихъ его личностей къ развитію и воплощенію справедливости. Отъ него ускользалъ классовой, по самой сущности своей боевой характеръ всякаго историческаго общества: ни Прудонъ, ни Чернышевскій не подѣйствовали на Лаврова тѣми элементами своего міровоззрѣнія, которые именно подчеркивали этотъ характеръ соціальной борьбы, раздирающей всякое общество на противоположные классы. На долю Маркса выпало внести начало классовой борьбы въ соціологическое міровоззрѣніе Лаврова. Съ «Капиталомъ» Маркса и самимъ авторомъ Петръ Лавровичъ, какъ уже было упомянуто выше, познакомился въ началѣ 70-хъ годовъ, послѣ Коммуны. И, пораженный желѣзною логикою знаменитаго анализатора капиталистическаго общества а вмѣстѣ глубиною историческихъ взглядовъ, развертывающихся во второй половинѣ «Капитала», онъ взялъ его скромно и просто въ «учители», благодаря раньше отмѣченной нами чертѣ его мышленія.

Но Лавровъ избралъ себѣ Маркса въ руководители не только по

политической экономіи, какъ это было продѣлано массою русскихъ соціалистовъ—«народниковъ», но и по соціологіи,—что въ то время было сравнительно рѣже, а потому заслуживаетъ объясненія. Несомнѣнно, что о рабской подчиненности новому складу мысли, потому только, что онъ новый, здѣсь не могло быть и рѣчи: Лавровъ былъ слишкомъ сильнымъ и критическимъ мыслителемъ, чтобы подчиниться впечатлѣніямъ одной новизны. Чѣмъ же однако объяснить, что его рѣшительное и окончательное вступленіе въ великую международную семью соціалистовъ-революціонеровъ (говорю въ широкомъ смыслѣ этого слова) состоялось,—какъ принято выражаться теперь,— «подъ знакомъ» Маркса? Я думаю, причину этого надо искать въ томъ, что Лаврова, до сихъ поръ исключительно кабинетнаго, хотя широко-прогрессивнаго и свободомыслящаго писателя, поразила въ ученіи Маркса его близкая связь съ наиболѣе тогда жизненнымъ рабочимъ теченіемъ. Ибо оно въ формѣ стараго Интернаціонала столь же держалось, въ лицѣ самыхъ крупныхъ своихъ представителей, за практическое руководство, исходящее отъ Маркса и его друзей въ Генеральномъ Совѣтѣ, сколько было проникнуто въ теоріи по крайней мѣрѣ главнѣйшими принципами марксовскаго соціализма. А у Лаврова было всегда, несмотря на теоретическій складъ ума, величайшее уваженіе къ жизни, къ практикѣ, къ дѣятельности энергичныхъ личностей,—я бы сказалъ даже преклоненіе передъ активными работниками прогресса, за что порою его такъ упрекали критики, иронизируя надъ тѣмъ, что онъ черезчуръ легко пасуетъ и сдается на «категорическіе императивы» окружавшей его молодежи и вообще людей, если и далеко уступавшихъ ему силою мысли, такъ за то обнаруживавшихъ практическіе революціонные таланты въ организаціи, агитаціи и т. п.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Марксъ—душа и голова «Генеральнаго Совѣта», былъ и серьезнымъ ученымъ, притомъ ненавидѣвшимъ метафизику, которая уже давно жарко преслѣдовалась и самимъ Лавровымъ. Лаврову было, что называется, не стыдно взять въ руководители мыслителя, выдвигавшаго въ подтвержденіе своихъ теорій тотъ громадный научный аппаратъ, который поражаетъ всякаго непредубѣжденнаго читателя «Капитала».

Наконецъ, въ принятіи Лавровымъ не только экономическихъ, но и соціологическихъ идей Маркса дѣйствовалъ, какъ мнѣ кажется, и великій психологическій законъ контрастовъ, который оказываетъ очень сильное вліяніе не только на среднихъ людей, но и на очень выдающихся мыслителей. Въ міровоззрѣніи автора «Личности» и «Историческихъ писемъ» игралъ до сихъ поръ исключительную роль умственный элементъ, элементъ «сознанія». Переживая идейный кризисъ въ смыслѣ обогащенія прежняго міросозерцанія теоретическими и практическими элементами западно-европейскаго соціализма, Лавровъ невольно пошелъ въ сторону того круга мыслей, который былъ наиболѣе удаленъ отъ его обычныхъ воззрѣній. И философія «бытія», гипотеза, придающая громадное значеніе великимъ инстинктивнымъ потребностямъ и полуинстинктивнымъ чувствамъ людей явилась не противоположеніемъ, но «дополненіемъ»,—какъ неоднократно гово-

рилъ самъ Лавровъ,—его прежнему черезчуръ раціоналистическому, черезчуръ «умственному» объясненію человѣческой исторіи.

Другой вопросъ, насколько тѣсно и строго логически это «дополненіе» связывалось съ тѣмъ прежнимъ міровоззрѣніемъ, которое оно «дополняло». Разбирая этотъ вопросъ, я, несмотря на свое величайшее уваженіе и глубокую любовь къ Лаврову,—или, лучше сказать, въ силу этого уваженія и этой любви, принужденъ отвѣтить, что марксизмъ былъ сравнительно наименѣе переработанъ и внутренно ассимилированъ авторомъ «Историческихъ писемъ». Онъ, можетъ быть, представлялъ собою среди элементовъ, изъ которыхъ органически выростало міропониманіе Лаврова, единственное начало, про которое можно было сказать, что оно было, по крайней мѣрѣ временами, «постороннимъ тѣломъ». Было бы, разумѣется, дико утверждать, что для самого Лаврова, этого столь строго логическаго, столь критически изощреннаго ума марксизмъ казался такимъ постороннимъ тѣломъ. Наоборотъ, Лавровъ всегда заявлялъ, что соціологія Маркса является вполнѣ органическимъ элементомъ его собственнаго міровоззрѣнія. И у него есть нѣсколько попытокъ, и сдѣланныхъ по своей иниціативѣ, и по просьбѣ своихъ друзей почитателей, именно доказать, что марксизмъ и лавризмъ—едино суть. Но когда безпристрастно вдумываешься въ эти попытки, то приходится заключить, что онѣ лишь формальнымъ,—или лишь пожалуй психологическимъ, т. е. удовлетворяющимъ только самого автора образомъ, разрѣшаютъ эту трудную задачу примиренія.

Припоминая всѣ эти попытки, я, какъ мнѣ кажется, вѣрно передамъ взгляды Лаврова на этотъ щекотливый предметъ, если сведу ихъ къ двумъ типамъ. Типъ первый: роль «сознанія», роль «критически мыслящей личности» есть только субъективная, казовая сторона того же самаго историческаго явленія, объективную сторону, подкладку котораго составляютъ фатальные процессы эволюціи, опредѣляемые въ человѣческомъ обществѣ «процессомъ производства». Въ этомъ отношеніи авторъ идетъ порою такъ далеко, что въ его заграничномъ «Опытѣ исторіи мысли нашего времени», «гдѣ найдешь столько блестящихъ и глубоко прочувствованныхъ страницъ, посвященныхъ, если можно такъ выразиться, апофеозу сознательныхъ личностей, встрѣчаются также мѣста, трактующія о «сознаніи» почти въ духѣ—юмовскаго «эпифеномена». Типъ второй: вся исторія человѣчества развертывается въ извѣстной послѣдовательности фазисовъ, которые отличаются разною дозировкою элементовъ «бытія» и элементовъ «сознанія», такъ что, напр., въ первобытномъ обществѣ царитъ почти исключительно «обычай», («культура») въ современномъ главнымъ образомъ «интересъ» (царство «экономики» съ ея «борьбою классовъ»), и лишь въ грядущемъ, соціалистическомъ, будетъ господствовать жизнь по «убѣжденію» («сознаніе критически мыслящихъ личностей»). Въ этомъ смыслѣ самая послѣдняя попытка сдѣлана Лавровымъ въ сочиненіи «Задачи пониманія исторіи», вышедшемъ въ Россіи въ 189 —? подъ псевдонимомъ Арнольди. Не имѣя претензіи въ настоящей статьѣ подробно разбирать поднятый вопросъ, могу лишь ограничиться немногими словами. Съ одной стороны несомнѣн-

но, что первый типъ попытокъ не удовлетворитъ самихъ учениковъ Лаврова, которые замѣтятъ, что чѣмъ бы ни было въ сущности «сознаніе», оно все же, согласно самому же Лаврову, неразложимо, не сводимо на чисто объективные процессы, происходящіе въ мірѣ вещества или «чего то, что движется». Съ другой стороны не менѣе несомнѣнно, что второй типъ попытокъ встрѣтитъ возраженіе со стороны марксистовъ, которые укажутъ, что «процессъ производства» былъ, есть и будетъ основнымъ процессомъ человѣческой жизни, обусловливающимъ формы «сознанія»; и что поэтому и царство «обычая» въ прошломъ, и царство «убѣжденія» въ будущемъ такъ же опредѣляется въ концѣ концовъ производственными формами, какъ и современное, столь знакомое намъ царство «интереса»...

Теперь, послѣ этого необходимаго отступленія мы снова можемъ перейти къ біографіи Лаврова.

VIII.

Послѣ нѣсколькихъ поѣздокъ въ разные города (Лондонъ, Парижъ и т. п.) Лавровъ въ 1873 г. поселился въ Цюрихѣ, а съ 1874 г. въ Лондонѣ, куда онъ прибылъ на этотъ разъ среди снѣга, 14-го марта, въ тотъ самый день, какъ въѣзжала въ столицу Англіи новобрачная герцогиня Эдинбургская. Въ 1877 г. онъ переѣхалъ въ Парижъ, гдѣ и жилъ отнынѣ до самой своей смерти въ одномъ и томъ же домѣ (№ 328) по улицѣ Saint-Jacques.

«Впередъ», — сначала выходившій въ формѣ неперіодическаго сборника, а затѣмъ въ видѣ двухнедѣльной газеты и просуществовавшій какъ извѣстно съ 1873 по 1877 г.,—былъ первымъ литературно-политическимъ предпріятіемъ Петра Лавровича съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ въ ряды послѣдовательныхъ соціалистовъ. Это изданіе было вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе «личнымъ» его органомъ, такъ какъ Лавровъ не только помѣстилъ въ немъ очень много статей, но былъ и единоличнымъ и полномочнымъ его редакторомъ, избраннымъ на этотъ отвѣтственный постъ довѣріемъ сгруппировавшихся вокругъ него друзей, учениковъ и членовъ такъ-называемой «лавристской» партіи. «Впередъ» объявилъ себя органомъ «научнаго» и въ то же время «рабочаго» соціализма, такъ какъ видѣлъ «двигателя» современной соціальной борьбы «лишь въ рабочемъ классѣ». Но для Россіи онъ считалъ такимъ классомъ не «фабричный пролетаріатъ» (онъ, дѣйствительно, былъ очень слабъ въ то время), а «сельское населеніе», «народъ съ существующей въ немъ традиціей общинной и артельной солидарности», причемъ «интеллигентный классъ, въ лицѣ убѣжденныхъ соціалистовъ» могъ «явиться лишь иниціаторомъ» —а не создателемъ—великой «соціальной революціи», которая Лавровымъ ставилась практическою цѣлью для «рабочаго класса». Надо-ли напоминать далѣе читателямъ, что эта революція рисовалась руководителямъ «Впередъ» какъ одновременный политическій и экономическій переворотъ, который долженъ былъ разрушить настоящій эксплуататор-

скій строй и настоящее государство, замѣнивъ ихъ «федераціей трудящихся», свободно сгруппировавшихся въ «общины и артели»? «Впередъ» въ сущности развивалъ почти столь же мало «государственническіе» взгляды, какъ и бакунисты: такъ же, какъ они, онъ боролся принципіально противъ всякихъ сторонниковъ «политическихъ революцій», противъ всякихъ «конституціонныхъ партій», хотя въ первомъ же томѣ «Сборника» встрѣчается слѣдующая въ свое время прошедшая незамѣченной, но многознаменательная фраза: «Мы лишь тогда признали бы земскій соборъ правомѣрнымъ органомъ и дѣятелемъ русскаго общественнаго переворота, когда онъ состоялъ бы въ большинствѣ изъ представителей крестьянства, сознательно выбранныхъ этимъ крестьянствомъ съ цѣлью произвести общественное преобразованіе, согласное съ потребностями крестьянства, преобразованіе одновременно экономическое и политическое, и въ которомъ экономическія задачи обусловливали бы политическія формы» [1]).

Во всякомъ случаѣ не здѣсь лежалъ корень разногласій между лавристами и бакунистами (набатчики не пользовались въ то время большой популярностью среди молодежи, хотя ихъ идеи, несомнѣнно легли отчасти въ теорію и практику выступившей нѣсколько лѣтъ позже «Народной Воли»). Вражда пылала по вопросу о томъ, должно-ли пока лишь «подготовлять» революцію путемъ пропаганды и агитаціи, какъ то проводилъ «Впередъ», или же непосредственно организовать революцію и толкать народъ на возстаніе, исходя изъ условій, благопріятныхъ для бунта въ той или другой мѣстности, какъ то съ жаромъ защищали бунтари. Теперь на разстояніи эти споры кажутся въ значительной степени платоническими, ибо въ сущности дѣятельность обѣихъ тяжущихся партій сводилась на практикѣ почти исключительно къ идейной пропагандѣ. Но несомнѣнно, что взгляды «Впередъ» встрѣчали рѣзкое осужденіе среди большинства тогдашней молодежи, которая стремилась къ непосредственной инсуррекціонной дѣятельности. Разница двухъ точекъ зрѣнія ярко схвачена въ двухъ сохранившихся въ бумагахъ Петра Лавровича и до сихъ поръ ненапе-

[1]) Для интересующихся этой довольно неожиданной для того времени мыслію о гипотетическомъ крестьянскомъ „земскомъ соборѣ“ я продолжу эту цитату: „Въ русской конституціонной партіи по европейскому образцу мы видимъ вообще своихъ прямыхъ враговъ, съ которыми намъ придется бороться при первой возможности серьезнаго столкновенія партій въ Россіи. Уже теперь мы будемъ постоянно противоставлять ихъ программѣ на нашихъ страницахъ тѣ положенія, которыя мы считаемъ единственно раціональными для лучшей будущности русскаго народа и которыя концентрируются въ одной политической задачѣ: подчиненіе интересамъ крестьянства интересовъ всѣхъ прочихъ сословій; автономная *свѣтская община* (курсивъ въ подлинникѣ. П. Р.), какъ основной элементъ русскаго государственнаго и общественнаго строя. Мы ожидаемъ, чтобы русскіе конституціоналисты поставили эту задачу во главѣ своей политической программы.

„Если кто изъ нашихъ нигилистовъ-реформаторовъ искрененъ, тотъ убѣдится, что у ихъ партіи нѣтъ будущаго; что, при первомъ серьезномъ столкновеніи съ императорствомъ, она должна разбиться, и никто рѣшительно ее не поддержитъ“.

Въ этомъ мѣстѣ Лавровъ,—который былъ авторомъ цитируемой статьи,—какъ бы предвидитъ современныя обстоятельства и тактику нѣкоторыхъ партій нашего времени, предрекая имъ разгромъ за отсутствіе революціонности, равно какъ за нежеланье опираться на живыя народныя силы.

Петръ Лавровичъ
ЛАВРОВЪ.

чатанныхъ письмахъ Сергѣя Кравчинскаго, которыя относятся именно къ этой эпохѣ.

Приведу лишь одно мѣсто изъ этой рѣзкой критики «Впередъ»:... «Вы совѣтуете идти въ народъ и пропагандировать, пропагандировать и пропагандировать до тѣхъ поръ, пока не будетъ спропагандирована такая часть народа, которая въ состояніи дать сознаніе массѣ, въ состояніи повести за собою массу. И такъ пропаганда—вотъ что написано на вашемъ знамени и на всѣхъ страничкахъ вашего органа. Вся дѣятельность революціонера сводится на пропаганту (и, разумѣется, на побочныя и предварительныя для нея работы). Однимъ словомъ для васъ панацея всѣхъ бѣдъ словоговоренье. Ничего другого у васъ нѣтъ. Вы, разумѣется, скажете, что это вздоръ, что вы проповѣдуете свою «пропаганду» только какъ подготовительную степень, а что за ней послѣдуетъ «взрывъ», «революція» и все такое. Но въ томъ то и бѣда, что мы этому не можемъ повѣрить. Никогда, во вѣки вѣковъ вашимъ послѣдователямъ не сдѣлать и перваго шага къ осуществленію своихъ конечныхъ цѣлей, потому что подготовка такой революціи, какой вы ждете, потребуетъ нѣсколько поколѣній... Мы не вѣримъ ни въ возможность ни въ необходимость такой революціи, какой вы ждете. Никогда еще въ исторіи не бывало примѣра, чтобы революція начиналась ясно, сознательно, «научно», какъ вы ждете отъ самой великой и трудной изъ всѣхъ—революціи соціальной. И 89 й, и 48-й годъ, и Коммуна начались *безсознательно*. Только потомъ, въ самомъ развитіи своемъ эти революціи достигли сознательности. Всякая революція начинается *бунтомъ*. Но достаточно, чтобъ въ немъ тлѣла хоть одна революціонная искра, чтобъ бунтъ перешелъ современемъ въ революцію... Всегда народныя возстанія начинались и у насъ, и у другихъ народовъ съ возстанія небольшой кучки небольшой области. Однимъ словомъ съ *бунта*, къ которому присоединялись съ большей или меньшей быстротой и окружающія области. То же будетъ и теперь. Если въ народѣ достаточно революціонныхъ элементовъ, то первый бунтъ разростется въ революцію. И заранѣе никто не можетъ сказать, есть ли эти элементы, или ихъ нѣтъ. Не идей недостаетъ народу. Всякій, кто много шатался по народу, скажетъ вамъ, что въ его головѣ совершенно зрѣлы основы «элементарнаго» (конечно, не научнаго) соціализма. Все, чего недостаетъ народу, это *страсти*. Но и страсти вспыхиваютъ мгновенно и нежданно. Если же въ народѣ революціонныхъ элементовъ мало, то бунтъ неминуемо будетъ подавленъ. Но тотъ примѣръ, который онъ дастъ, та программа, которую онъ поставитъ, то возбужденіе страстей, которое онъ вызоветъ, принесутъ больше пользы, чѣмъ цѣлыя десятилѣтія неутомимѣйшей и успѣшнѣйшей пропаганды. Бунтъ сразу взволнуетъ всю Россію. Онъ сразу заставитъ весь народъ задуматься надъ созданнымъ вопросомъ. Значитъ, онъ сразу покроетъ всю Россію сѣтью людей изъ народа, готовыхъ къ революціи, потому что для народа *подумать* о созданномъ вопросѣ и о способѣ его разрѣшенія, значитъ—сдѣлаться революціонеромъ. Ну а тогда успѣхъ революцій обезпеченъ. И такъ резюмирую: мы хотимъ дѣйствія болѣе рѣшительнаго, болѣе быстраго. Мы хотимъ непосредственнаго возстанія, *бунта*. Наша дѣятельность будетъ заклю-

чаться въ организаціи бунта. «Бунтъ»—вотъ слово, которое стояло на знаменахъ всѣхъ фракцій болѣе крайней партіи, о которой я говорилъ. Разница была только въ словахъ»...

Но оставимъ въ сторонѣ эту отошедшую теперь въ область исторіи войну Лавристовъ и бунтарей и перейдемъ къ самому Лаврову.

Независимо отъ общаго направленія журнала, Петру Лавровичу принадлежитъ въ немъ цѣлый рядъ умныхъ и горячихъ статей о рабочемъ движеніи на Западѣ и порою замѣчательное изображеніе адскихъ условій жизни, которыя выпали на долю трудящихся въ Россіи. Кто читалъ въ то время, напр., его книгу о «Самарскомъ голодѣ» и не почувствовалъ себя охваченнымъ любовью къ народу и ненавистью къ русскому капитализму и петербургскому правительству, тотъ былъ не живой человѣкъ, тому пора была ложиться въ гробъ: его умственную апатію и нравственную трусость не въ состояніи было расшевелить никакое великое человѣческое бѣдствіе и никакой благородный протестъ противъ несправедливости. Мы, по крайней мѣрѣ, гимназисты, семинаристы и студенты центральной Россіи (я говорю о сравнительно узкой сферѣ своихъ личныхъ опытовъ), мы не могли безъ волненія читать это повѣствованіе о всероссійскомъ голодѣ, отрывки изъ котораго служили намъ хорошимъ орудіемъ агитаціи въ тѣхъ полукрестьянскихъ, полурабочихъ кружкахъ, что сейчасъ же послѣ разгрома нашихъ «старшихъ» въ лѣто 1874 г., мы старались организовать своими слабыми силами среди «трепачей» и пильщиковъ Орловской, Калужской, Тульской, Смоленской губерній и на заводахъ Мальцева и Мельникова. Припоминается мнѣ, что уже въ ту пору, въ 1875—1876 гг., впервые стали раздаваться,—правда, на всевозможные мотивы, кромѣ настоящаго,—и звуки «рабочей марсельезы», которая была напечатана Лавровымъ безъ подписи въ «Впередъ», и которая тридцать лѣтъ спустя должна была стать однимъ изъ популярнѣйшихъ гимновъ Россіи, вступившей въ полосу революціоннаго движенія.

Лавровъ былъ самъ настроенъ много крайнѣе своихъ учениковъ, особенно тѣхъ, которые группировались въ Россіи вокругъ умнаго, но отнюдь не революціоннаго Г., къ 1877 г. превратившаго окончательно лавристовъ въ партію культурниковъ съ легкой соціальной прожилкой. Когда «Впередъ» изъ двухнедѣльной газеты снова сталъ сборникомъ, Лавровъ отказался отъ редакторства (въ концѣ 1876 г.), такъ какъ встрѣтилъ рѣшительное сопротивленіе въ рядахъ своихъ сторонниковъ, придать органу болѣе «боевой» характеръ, необходимый въ виду того,—продолжалъ развивать на парижскомъ съѣздѣ «лавристовъ» свою точку зрѣнія старый редакторъ,—что въ Россіи сама жизнь выдвигала все чаще и чаще «демонстраціи, вооруженныя сопротивленія революціонеровъ, казни шпіоновъ и т. д.»

Короче сказать, Лавровъ рвалъ идейную и политическую связь съ направленіемъ, которому онъ же далъ имя, находя дѣятельность тогдашнихъ лавристовъ въ Россіи черезчуръ педантичной и мирной и не желая авторитетомъ своего имени прикрывать тотъ процессъ внутренняго разложенія, который постигаетъ всякую партію, когда она перестаетъ развиваться и идти не на словахъ только, а и на дѣлѣ «впередъ!»

Между 1876 и 1882 г. наступилъ перерывъ въ прямой революціонной дѣятельности Лаврова. Онъ продолжалъ печатать (какъ то дѣлалъ и прежде) подъ различными псевдонимами статьи въ русскихъ легальныхъ журналахъ. Онъ безпрерывно читалъ для русскихъ въ Парижѣ лекціи по всевозможнымъ вопросамъ, особенно же соціологическимъ и философскимъ. Онъ издалъ въ этотъ промежутокъ и нѣсколько революціонныхъ брошюръ и статей за границей (между прочимъ уже упомянутую книжку о Коммунѣ, примѣчанія къ русскому Шеффле и т. п.) Онъ очень умѣло и энергично отстаивалъ Гартмана, арестованнаго въ Парижѣ, противъ притязаній русскаго правительства, которое требовало его выдачи, и успѣлъ, опираясь на вліятельнаго тогда вождя радикаловъ, прежняго боевого Клемансо, добиться отъ французскихъ правящихъ сферъ дозволенія для Гартмана выѣхать изъ предѣловъ третьей республики. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ организаціи заграничнаго отдѣла общества «Краснаго Креста Народной Воли», за что и былъ высланъ изъ Франціи 13-го февраля 1882 г. Но лишь въ Лондонѣ, куда онъ выѣхалъ, начались его сношенія съ центральнымъ органомъ тогдашней революціонной партіи въ Россіи; я говорю объ Исполнительномъ Комитетѣ «Народной Воли». Здѣсь ему было предложено отъ упомянутаго комитета вступить вмѣстѣ съ другимъ лицомъ (Степнякомъ-Кравчинскимъ) въ редакцію заграничнаго журнала партіи. Послѣдній, дѣйствительно, началъ выходить въ 1883 г., подъ заглавіемъ «Вѣстника Народной Воли» уже по возвращеніи Лаврова въ Парижъ (декретъ о высылкѣ его однако никогда не былъ формально отмѣненъ). Соредакторомъ Лаврова сталъ, впрочемъ не Кравчинскій, а пріѣхавшій за границу Тихомировъ, пять лѣтъ спустя (въ 1888 г.) перешедшій въ лагерь катковцевъ.

Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, которые предшествовали выходу въ свѣтъ «Вѣстника», предполагалось даже, что въ немъ будетъ не только сотрудничать, но и принимать редакціонное участіе Г. В. Плехановъ, шедшій въ то время отъ чернопередѣльчества по направленію къ «Народной Волѣ» и полагавшій, что наступила пора созданія въ Россіи «единой, великой и нераздѣльной соціально революціонной партіи (фраза изъ совмѣстнаго ко мнѣ письма Тихомирова и Плеханова),— какъ вскорѣ оказалось, на основѣ марксизма. Редакціонныя и общія идейныя несогласія не дали возможности осуществиться этой комбинаціи, и редакторами «Вѣстника» остались Лавровъ и Тихомировъ.

Здѣсь намъ опять придется остановиться и сказать нѣсколько словъ для выясненія значенія этого новаго и послѣдняго фазиса въ политической эволюціи Лаврова, который отнынѣ охарактеризовалъ самъ свое отношеніе къ Народной Волѣ словами: «я не народоволецъ, но я вѣрный союзникъ этой партіи». Эту фразу Петръ Лавровичъ любилъ повторять, и, дѣйствительно, онъ въ теченіе всего послѣдующаго времени, вплоть до самой смерти, не сходилъ съ такой точки зрѣнія. Въ первые полтора года дѣятельности Народной Воли Лавровъ отдавалъ должное энергіи и героизму членовъ этой партіи. Но онъ считалъ террористическую тактику ошибочной и даже боролся противъ нея на собраніяхъ русской колоніи въ 1880 г. Его однако заставило призадуматься, какъ и многихъ другихъ, ошеломившее его

сначала 1-е марта. Необходимость рѣшительной борьбы съ самодержавіемъ, мѣшавшимъ политическому и соціальному раскрѣпощенію Россіи, ясно обрисовалась передъ его взоромъ. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ внутренней борьбы, которая, какъ и всегда, и на этотъ разъ носила у Лаврова характеръ логическаго «дополненія» къ основамъ его общаго мировоззрѣнія, онъ и умомъ, и чувствомъ перешелъ на сторону народовольцевъ: «низверженіе самодержавія самыми рѣшительными средствами, вплоть до печальной, но исторически, а потому и нравственно необходимой тактики террора стала для Петра Лавровича однимъ изъ существенныхъ пунктовъ политической программы. Отсюда до сочувствія, до горячаго содѣйствія, до «вѣрнаго союза» съ Народной Волей былъ только шагъ. И старый защитникъ «строгой революціонной нравственности» написалъ, можетъ быть, однѣ изъ самыхъ удачныхъ и глубоко прочувствованныхъ страницъ въ «Вѣстникѣ Народной Воли» въ защиту террора. Такова, между прочимъ, его статья, озаглавленная, если не ошибаюсь «созданной революціей и задачами нравственности», гдѣ, словно могучій припѣвъ революціоннаго гимна, повторяется энергичная фраза: «но препятствіе должно быть разрушено», т. е. абсолютизмъ долженъ быть во что бы то ни стало и какимъ бы то ни было способомъ разрушенъ, вплоть до употребленія грознаго орудія террористовъ.

И обсуждая съ новыми товарищами программу создававшагося органа, и редактируя поступавшія въ «Вѣстникъ» статьи, и самъ дѣятельно сотрудничая въ народовольческомъ журналѣ, Лавровъ старался главнымъ образомъ объ одномъ: это, чтобы политическія задачи борьбы съ абсолютизмомъ не оттѣсняли въ органѣ на задній планъ основныхъ вопросовъ международнаго соціализма, но чтобы обѣ эти стороны революціоннаго дѣла были представлены въ «Вѣстникѣ» одинаково ярко, въ ихъ взаимной связи и зависимости. Можно развѣ замѣтить лишь то, что Петръ Лавровичъ, пожалуй, съ нѣсколько преувеличенной боязнію избѣгалъ критики марксизма, отожествляя его съ революціоннымъ соціализмоиъ par excellence. Но боязнь эта была понятна по закону реакціи, такъ какъ у него была еще свѣжа въ памяти одна изъ легальныхъ статей его соредактора, въ которой Марксъ назывался «маніакомъ»,—правда «геніальнымъ». И вотъ Лавровъ, полагая, что палка будетъ и безъ него гнуться въ сторону «политики», старался перегибать ее въ сторону «экономики». Такъ, на разстояніи чуть не четверти вѣка и совершенно объективно относясь къ дѣлу, я объясняю себѣ, между прочимъ, почему онъ рѣшительно забраковалъ продолженіе въ «Вѣстникѣ» моей статьи объ «экономическомъ и политическомъ факторахъ», начало которой было помѣщено во 2-мъ № журнала. Мало того, что забраковалъ, но написалъ очень рѣзкое офиціальное письмо въ редакцію «Вѣстника», заявляя о своемъ твердомъ намѣреніи отказаться отъ редакторства, если моя статья будетъ помѣщена, даже съ какими бы то ни было примѣчаніями отъ руководителей органа. Я цитирую нѣсколько строкъ изъ этого письма: «Любезный Левъ Александровичъ (Тихомировъ. *Н. Р.*). Немедленно послѣ Вашего ухода я принялся читать статью г. Тарасова, и удивляюсь, какъ Вы могли подумать, что я могу пропустить

ее. Дѣло идетъ вовсе не о какихъ либо частностяхъ и я не сдѣлалъ къ ней ни одного замѣчанія... Дѣло идетъ о всемъ духѣ статьи. Г. Тарасовъ объявляетъ войну единственнымъ серьезнымъ теоретикамъ соціализма, слѣдовательно, пишетъ статью *вредную* для дѣла *соціализма* (здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ подчеркнуто въ *подлинникѣ. Н. Р.*) Г. Тарасовъ объявляетъ войну Энгельсу и его сторонникамъ, слѣдовательно, ставитъ партію Народной Воли, органомъ которой объявилъ себя «Вѣстникъ», во *вражду* со *всей партіей соціалъ-демократовъ* (тутъ, конечно, имѣлись въ виду западно-европейскіе соціалъ-демократы. *Н. Р.*). Какъ редакторъ органа, я не могу взять на себя отвѣтственность за помѣщеніе подобной статьи. Но такъ какъ Вы, очевидно, не раздѣляете моихъ взглядовъ, то Вы можете взять на себя помѣстить ее съ примѣчаніемъ, которое посылаю, къ заголовку... Я *во всякомъ случаѣ* оставлю редакцію съ этимъ номеромъ».

Письмо это, конечно, было очень серьезнымъ шагомъ со стороны Петра Лавровича. Сгоряча руководители партіи думали даже о разрывѣ съ Лавровымъ, настаивали на помѣщеніи моего продолженія, и остававшимся на моей сторонѣ соредакторомъ было даже предложено мнѣ замѣнить Лаврова въ «Вѣстникѣ». Но я, не колеблясь, отказался отъ такого предложенія, взялъ статью назадъ, и «инцидентъ былъ поконченъ», выражаясь парламентарнымъ стилемъ: Петръ Лавровичъ остался редакторомъ «Вѣстника». Мнѣ, конечно, было въ первую минуту тяжело думать, что мысли, которыми я дорожилъ, не могли быть высказаны. Но, какъ ни былъ я молодъ и неискушенъ жизненнымъ опытомъ, я ясно сознавалъ, что предлагать Народной Волѣ себя въ замѣну такого серьезнаго пріобрѣтенія, какимъ былъ для партіи Лавровъ, значило бы обнаружить непростительное самомнѣніе и взять на свою совѣсть тяжелый грѣхъ передъ русскимъ революціоннымъ движеніемъ. И я не раскаиваюсь до сихъ поръ въ своемъ рѣшеніи...

Что касается до самой статьи, то мнѣ жаль, что она, ходя по рукамъ моихъ идейныхъ товарищей, затерялись и я не могу познакомить съ ней читателей. Я думаю, что Петръ Лавровичъ преувеличивалъ ея вредоносное вліяніе; нѣкоторыя вещи, напр. о роли человѣческой психологіи въ процессѣ производства, говорились позже на каждомъ шагу самими марксистами, когда имъ пришлось отвѣчать на возраженія критиковъ. Но въ то же время я теперь вижу, что въ значительной степени Лавровъ былъ правъ въ рѣзкой оцѣнкѣ моей работы, и что пиши я теперь ее, многое изъ того, что въ ней было, не увидѣло бы свѣта. Дѣло въ томъ, что послѣ первыхъ трехъ-четырехъ лѣтъ моей литературной дѣятельности, когда я былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ,—въ то время крайне немногочисленныхъ,—марксистовъ въ Россіи, я пережилъ своего рода «ревизіонистскій» кризисъ, въ результатѣ котораго этому первоначальному «экономическому» тезису своей эволюціи я сталъ противоставлять «политическій» антитезисъ. Мнѣ представлялось, дѣйствительно, теперь, что революціонный соціализмъ,—а я всегда оставался на этой точкѣ зрѣнія,—возможно было обосновать, лишь придавъ господствующее значеніе

въ соціологіи фактору «воли», «силы», «активности». Въ этотъ періодъ я и написалъ такъ рѣзко забракованную Петромъ Лавровичемъ статью, въ которой больше, чѣмъ слѣдовало, было поставлено минусовъ тамъ, гдѣ раньше, въ эпоху моего «первобытнаго» марксизма, у меня стояло черезчуръ много плюсовъ. Теперь, съ годами и думами, принесшими мнѣ если не окончательный «синтезъ»—кто можетъ быть увѣреннымъ, пока живъ, что его мысль окончательно установилась во всѣхъ деталяхъ (не говорю, конечно, о ренегатствѣ)? — то гипотезу, что ключъ общественной эволюціи надо искать въ человѣческой психологіи, но переработывающейся прежде всего и больше всего на основаніи «технологіи»,—теперь, говорю, я лично почти благодаренъ Лаврову за вето, наложенное имъ на продуктъ бурленья и кипѣнья моей «незрѣлой мысли». И мнѣ нѣсколько обидно и досадно лишь за самого него, горячаго проповѣдника «критической мысли», что въ данномъ случаѣ и подъ горячую руку онъ какъ бы признавалъ марксизмъ не подлежащимъ и не могущимъ подлежать критикѣ, хотя бы и вполнѣ соціалистической...

Этотъ личный эпизодъ я, впрочемъ, ввожу лишь какъ иллюстрацію къ характеристикѣ той роли, которую Лавровъ игралъ въ «Вѣстникѣ». Онъ былъ въ немъ строгимъ и нелицепріятнымъ хранителемъ цѣльнаго соціально-революціоннаго міровоззрѣнія. И все, что казалось ему вреднымъ или для революціонной борьбы съ абсолютизмомъ, или для соціалистической борьбы съ капитализмомъ, неуклонно устранялось имъ изъ органа Народной Воли, гдѣ онъ развивалъ наоборотъ всегда точку зрѣнія международнаго, боевого соціализма. Наши отношенія съ нимъ, которыя какъ то не налаживались въ первые года моего пребыванія въ Парижѣ, какъ разъ вскорѣ послѣ «пассажа» съ моей забракованной статьей измѣнились къ лучшему, — главнымъ образомъ благодаря вмѣшательству одного близкаго и дорогого мнѣ человѣка, котораго Лавровъ тоже очень любилъ. Всего нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ обостренія нашихъ несогласій, весною 1885 г., когда справлялось 25-лѣтіе литературной дѣятельности Лаврова (его друзья и почитатели придрались для этого къ году выхода въ свѣтъ его «Личности»), я, въ числѣ другихъ товарищей, обратился къ нему со словами привѣтствія отъ имени всѣхъ тѣхъ, кого пробудили къ сознательной жизни «Историческія письма». И на другой же день Лавровъ благодарилъ меня за это «глубоко тронувшее его упоминаніе», прося вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрить, что онъ лично ничего противъ меня никогда не имѣлъ, но что если онъ иногда рѣзко («черезчуръ рѣзко»), – выразился онъ, намекая на свое письмо, относился ко мнѣ, то онъ дѣлалъ это въ силу сознанія долга, какъ соціалистъ и какъ революціонеръ. А три года спустя, когда онъ написалъ свое поистинѣ замѣчательное и сдержанностью тона, и убѣдительностью, и внутреннимъ революціоннымъ пыломъ «Письмо товарищамъ въ Россіи по поводу брошюры Л. А. Тихомирова», онъ посылалъ мнѣ его изъ Парижа въ далекую Бретань, гдѣ я тогда находился, съ надписью: «Н. С. Р. отъ автора въ знакъ искренняго уваженія и дружеской привязанности. 26 сентября 1888 г.»

Измѣна Тихомирова, котораго всѣ мы любили глубокою идейною

любовью,—на немъ лежалъ ореолъ славной памяти Исполнительнаго Комитета,—заставила, впрочемъ, всѣхъ насъ тѣснѣе сомкнуть ряды: переходъ бывшаго товарища Александра Михайлова, Перовской, Желябова, въ лагерь крайнихъ монархистовъ, произвелъ совершенно иное дѣйствіе, чѣмъ то, на какое разсчитывало правительство, да, повидимому, и самъ самомнѣющій авторъ, гордо оповѣщавшій міру и городу «Почему я пересталъ быть революціонеромъ». Всѣ мы ощущали потребность быть ближе другъ къ другу и создать на чужбинѣ, въ тяжелыхъ условіяхъ эмиграціи, атмосферу товарищескихъ, лучше, сказать братскихъ симпатій. Мы въ частности съ Лавровымъ,—и потому, что жили совсѣмъ недалеко одинъ отъ другого, и потому, что у насъ были нѣкоторые общіе идейные вкусы,—особенно часто видались. Я уже упоминалъ вскользь въ началѣ этой статьи, что не проходило почти дня, чтобы я, идя на «службу» (въ одной крупной издательской фирмѣ) или возвращаясь домой, не забѣгалъ на нѣсколько минутъ къ ставшему для меня безконечно дорогимъ Лаврову. Кромѣ того, каждую среду онъ приходилъ провести у меня нѣсколько часовъ вечеромъ, а каждое воскресенье, послѣ завтрака я бывалъ у него. И такъ продолжалось до самой его смерти... Возвращусь, впрочемъ, къ его жизни, отданной имъ до послѣдняго вздоха на служеніе международному соціализму и въ особенности русской революціи. Можно, дѣйствительно, сказать, что не происходило въ Россіи ни одного крупнаго общественнаго событія, чтобы Лавровъ не отзывался на него со всею силою своей мысли и глубиной соціалистическаго убѣжденія: смерть Чернышевскаго, смерть Щедрина, страшный голодъ въ Россіи въ 1891—92 г. служили ему поводомъ для строго научныхъ и въ то же время горячихъ рѣчей (выходившихъ затѣмъ брошюрами), которыми онъ не переставалъ уяснять мысль и будить революціонное чувство среди своихъ слушателей. А съ 1892 г. Лавровъ принималъ ближайшее сотрудничество въ веденіи «Матеріаловъ для исторіи русскаго соціально-революціоннаго движенія», издававшихся вплоть до осени 1896 г. «Группой старыхъ народовольцевъ», которая состояла, между прочимъ, изъ М. Н. Полонской (Ошаниной), И. А. Рубановича, Э. Серебрякова, К. Тарасова и др. Въ этомъ-то изданіи онъ напечаталъ историческій очеркъ о «народникахъ-пропагандистахъ», въ томъ числѣ о сторонникахъ «Впередъ». И очеркъ этотъ высоко замѣчателенъ не только по глубокому пониманію эпохи, но и по тому удивительному безпристрастію, съ которымъ авторъ говоритъ о своей тогдашней дѣятельности. Такъ писать о себѣ, о своей роли въ прошломъ можетъ только человѣкъ, который высоко поднимается и силою своего ума, и благородствомъ своего сердца надъ уровнемъ среднихъ людей, не могущихъ въ личныхъ воспоминаніяхъ отрѣшиться отъ своихъ мелкихъ самолюбій и прикрашивающихъ заднимъ числомъ исторію, съ тѣмъ, чтобы раздуть свою дѣятельность или затушевать свои историческіе промахи...

Есть наконецъ, одна сторона дѣятельности Лаврова, о которой я уже упоминалъ раньше, но которая, къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще не достаточно оцѣнена и будетъ понята во всемъ своемъ значеніи лишь позже, на извѣстномъ историческомъ отдаленіи: я говорю о его

философской дѣятельности, которая имѣетъ важность не только для развитія соціализма, но и для прогресса человѣчества вообще. Начиная съ 1866—1867 г., когда Лавровъ впервые занялся вопросомъ объ исторіи человѣческой мысли, и вплоть до самой смерти онъ не переставалъ подвигать впередъ, въ той или другой формѣ свой обширный трудъ, посвященный этому вопросу. Послѣднею работою его въ этой области было большое сочиненіе, вышедшее въ 1901 г. подъ псевдонимомъ Доленги и подъ заглавіемъ «Важнѣйшіе моменты исторіи мысли». Оно собственно было посмертнымъ трудомъ Лаврова, и окончательное подготовленіе его къ печати, равно какъ чтеніе корректуры, выпало на мою долю. Это сочиненіе осталось недоконченнымъ: смерть унесла славнаго русскаго мыслителя, когда онъ готовился въ послѣдней главѣ подвести окончательные итоги. Хотя у меня подъ рукой и былъ черновой набросокъ конспекта составленнаго Лавровымъ для заключительныхъ страницъ, я не рѣшился закончить работу вмѣсто самого автора, а предпочелъ поставить многоточіе тамъ, гдѣ обрывалась и рукопись. Остался также незаконченнымъ прерванный еще при жизни автора въ силу разныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ замѣчательный трудъ, носившій заглавіе «опытъ исторіи мысли новаго времени» и выходившій въ Женевѣ отдѣльными выпусками въ 1894 г. Эта работа, которая можетъ считаться наиболѣе важной для пониманія міровоззрѣнія Лаврова, является сознательнымъ ограниченіемъ (новѣйшимъ періодомъ), но вмѣстѣ съ тѣмъ и углубленіемъ прежняго плана универсальной исторіи мысли, начало которой, состоявшее изъ ряда статей, печатавшихся въ «Знаніи», вышло въ 1875 г. отдѣльнымъ выпускомъ подъ заглавіемъ «Опытъ исторіи мысли». Никогда въ этихъ различныхъ грандіозно задуманныхъ попыткахъ прослѣдить эволюцію мысли въ человѣчествѣ Петру Лавровичу не удавалось къ сожалѣнію дойти до конца. Но и того, что имъ сдѣлано, совершенно достаточно въ глазахъ мыслящихъ читателей для признанія за Лавровымъ одного изъ первыхъ мѣстъ въ ряду умственныхъ работниковъ прогресса въ Россіи да и въ Западной Европѣ. Его міропониманіе, несмотря на разнообразіе и сложность элементовъ, переработанныхъ—этой энциклопедической головой, несмотря, можетъ быть, даже на нѣкоторую неспаянность одной—двухъ—сторонъ его, является въ общемъ могучимъ и высоко индивидуальнымъ продуктомъ обширнаго и тонкаго ума, а также благороднаго характера. Этого послѣдняго фактора отнюдь не должно упускать изъ виду при оцѣнкѣ общаго значенія Лаврова: не даромъ онъ съ такой энергіей подчеркивалъ многократно и въ своихъ агитаціонныхъ статьяхъ и рѣчахъ обязательность для нравственно развитой личности связывать область мысли и область жизни, теоретическія убѣжденія и практическую дѣятельность, пропаганду (словомъ и пропаганду) дѣломъ и примѣромъ.

Его личная жизнь была образцомъ этого гармоническаго соединенія теоріи и практики. Онъ не принадлежалъ къ категоріи тѣхъ проповѣдниковъ, которые въ лучшемъ случаѣ могутъ обратиться къ своимъ ученикамъ и послѣдователямъ со словами: «дѣлайте такъ, какъ я говорю, а не такъ, какъ я самъ дѣлаю». У него дѣло не

расходилось со словомъ. Такъ напр., съ тѣхъ поръ, какъ онъ ступилъ на почву послѣдовательнаго соціалистическаго міросозерцанія, труда, онъ жилъ исключительно своимъ трудомъ, и жилъ, урѣзывая себя въ матеріальныхъ удобствахъ существованія до самаго строгаго минимума и позволяя себѣ лишь одну роскошь: книги. Да и то, повидимому, потому, что смотрѣлъ на свои книги, какъ на своеобразную коллективную собственность. Всей русской колоніи лѣвобережнаго Парижа извѣстна комическая исторія изданій Тургенева, Толстого и т. п. писателей, изданій, которыя Лавровъ покупалъ, по крайней мѣрѣ, десять разъ за послѣднія двадцать лѣтъ и которыя снова и снова исчезали съ полокъ въ рукахъ ревностныхъ, но неаккуратныхъ по русской привычкѣ читателей. «Мои книги принадлежатъ тому, кто хочетъ въ данную минуту пользоваться ими», неоднократно говаривалъ онъ...

А его дружескіе и всегда внимательные, всегда исполненные благородства совѣты, которые онъ давалъ всякому, кто обращался къ нему? Ибо онъ былъ крайне деликатенъ и не навязывался въ непрошенные совѣтчики. А его участіе, отзывчивость, его хлопоты,— порою за людей, которыхъ онъ зналъ очень мало? Нечего говорить уже о товарищахъ: иногда нельзя было не умиляться военной, но зачастую сшитой бѣлыми нитками хитрости Лаврова, имѣвшей цѣлью снабдить нуждавшагося деньгами, или достать ему работу, или найти ему какое-нибудь мѣсто, и продѣлать это все такъ, чтобы выведенному изъ затрудненія лицу казалось, будто оно этимъ обязываетъ прежде всего самого Лаврова. Можно-ли, впрочемъ, ставить наряду съ этими матеріальными услугами громадныя нравственныя услуги, которыя Лавровъ оказывалъ товарищамъ и вообще знавшимъ его людямъ, заботливо оберегая ихъ отъ сомнительнаго шага, компромисса съ совѣстью, и своею жизнію подавая примѣръ свѣтлаго, какъ кристаллъ, и безупречнаго существованія? Иногда онъ замѣчалъ, что съ кѣмъ нибудь изъ его близкихъ или «дальнихъ» творится что то неладное. Надо было видѣть, съ какой деликатностью, но вмѣстѣ съ тѣмъ настойчивостью онъ старался узнать отъ знакомыхъ, въ чемъ тутъ дѣло, а когда узнавалъ, съ какою ловкостью, удивительною въ этомъ высоко «непрактичномъ» человѣкѣ, онъ развязывалъ нѣкоторые жизненные гордіевы узлы, которые захлестывались вокругъ иного изъ товарищей мертвой петлей. И зачастую выведенный изъ тяжелой нравственной коллизіи даже и не подозрѣвалъ, кто здѣсь игралъ роль благодѣтельнаго провидѣнія.

Лавровъ былъ не только на рѣдкость добрымъ *сознательно* добрымъ человѣкомъ, ибо онъ считалъ нравственнымъ долгомъ развитой личности проявлять возможно большее чувство солидарности къ людямъ братьямъ,—когда это только не шло въ разрѣзъ съ требованіями соціалистическаго идеала,—неразборчивой доброты, и къ друзьямъ и къ врагамъ, онъ не выносилъ. Лавровъ былъ, кромѣ того, замѣчательно мягкимъ и безукоризненно вѣжливымъ человѣкомъ. И многія недалекія или грубоватыя натуры полагали, что за этими манерами скрывался лишь холодный индифферентизмъ стараго аристократа и свѣтскаго господина. Эти близорукіе наблюдатели Лаврова не замѣ-

чали, что у его общей вѣжливости есть масса градацій; и что всѣ лица, съ которыми ему приходилось вести дѣло, размѣщались въ его симпатіяхъ, если можно такъ выразиться, концентрическими, все болѣе съуживающимися и все болѣе близкими къ уму и сердцу Петра Лавровича кругами. Онъ былъ, повторяю, безукоризненно вѣжливъ со всѣми,—опять таки, когда это не препятствовало интересамъ дѣла, ибо съ врагами, съ ренегатами онъ былъ по истинѣ страшенъ своею размѣренною, глубоко обдуманною холодностью. Но онъ отнюдь не легко сходился съ людьми, а такъ называемое «амикошонство» претило ему до чрезвычайности. Для личной же дружбы нужно было много и долго жить съ Лавровымъ, пройти черезъ цѣлый искусъ, въ результатѣ котораго, и притомъ опираясь на идейныя симпатіи и общія задачи, вы могли постепенно переступить уже упомянутую систему концентрическихъ круговъ и стать лицомъ къ лицу съ богатой и сложной индивидуальностью Петра Лавровича. Но и въ такомъ случаѣ, будучи самымъ вѣрнымъ и до трогательности заботливымъ другомъ, онъ не любилъ пускаться что называется въ откровенности. «Есть мелкіе чисто личные вопросы, которые, право, даже у лучшихъ людей современнаго общества не представляютъ ничего замѣчательнаго: съ какой стати посвящать другихъ, даже самыхъ близкихъ своихъ, въ эти мало поучительныя вещи»?—часто говаривалъ онъ. И у насъ напр., съ нимъ была постепенно установившаяся въ своихъ границахъ, правда, узкая сфера, которой мы не касались.

Но внѣ этой сферы какъ онъ былъ съ своими друзьями простъ, милъ, остроуменъ и необыкновенно интересенъ! Я, между прочимъ, нахожу, что въ частной бесѣдѣ съ близкими ему и симпатичными людьми онъ былъ еще поучительнѣе и занимательнѣе, чѣмъ въ роли писателя и политическаго дѣятеля,—привилегія очень немногихъ даже между крупными умами. Лавровъ, по моему, выигрывалъ въ этихъ непринужденныхъ бесѣдахъ. О своихъ литературныхъ и ораторскихъ «выступленіяхъ» онъ любилъ говорить, хотя и зная себѣ цѣну, съ нѣкоторой добродушной ироніей: «я, видите-ли, принадлежу немножко къ старой классической школѣ: я не рѣшаюсь ни съ читателями, ни съ аудиторіей на нѣкоторыя вольности мысли и выраженія, которыя лично мнѣ, пожалуй, и по душѣ, но могутъ не понравиться большой публикѣ именно во мнѣ». Неоднократно онъ, послѣ какого-нибудь глубокаго по мысли и забавнаго по формѣ «экскурса» въ исторію, соціологію, изящную литературу, и т. п., замѣчалъ, смѣясь: «а чтобы вамъ поговорить объ этомъ въ печати?» или: «а попробуйте употребить это выраженіе; что скажутъ?» Порою я и «говорилъ» и «пробовалъ», но благодѣтельная цензура предусмотрительно вытравляла эти пробы. А то и мнѣ самому было совѣстно излагать, подробно, какъ свои, чужія мысли, особенно въ ихъ непосредственной, высоко любопытной формѣ. И Петръ Лавровичъ добродушно посмѣивался въ бороду.

Лавровъ поражалъ меня, впрочемъ, въ этихъ непринужденныхъ бесѣдахъ больше всего способностью вскрыть философскій смыслъ какого-нибудь явленія, а затѣмъ поистинѣ изумительной, а главное точной эрудиціей. Видно было, что если Лавровъ много цитировалъ,

то не для того, чтобы щегольнуть источниками, а чтобы подкрѣпить извѣстное положеніе хорошо знакомыми ему фактами жизни или мысли. Я до сихъ поръ съ изумленіемъ припоминаю, какъ онъ однажды по поводу разговора о Маркѣ Авреліи развернулъ мнѣ экспромптомъ такую точную, съ цифрами и годами, картину Римской Имперіи при Антонинахъ, что я словно присутствовалъ при чтеніи вслухъ серьезной исторической книги. И лишь непринужденность формы ослабляла эту иллюзію.

Это не мѣшало человѣку, вмѣщавшему въ своей головѣ энциклопедію современныхъ знаній, съ величайшею скромностью искать все новыхъ и новыхъ свѣдѣній и обращаться за совѣтами къ своимъ друзьямъ и знакомымъ въ областяхъ, которыя по мнѣнію Петра Лавровича, были извѣстны имъ нѣкоторыми деталями лучше, чѣмъ ему. Онъ, напр., часто сожалѣлъ, что его первоначальное (военное) образованіе помѣшало ему знать древніе языки. И надо было видѣть, съ какою тщательностью онъ перечитывалъ со мною попадавшіяся ему при работѣ греческія и латинскія цитаты, прося меня передать ему по возможности точно буквальной смыслъ ихъ. Помню также, что считая меня освѣдомленнымъ въ области географіи (моя «хлѣбная», двадцать лѣтъ длившаяся во Франціи работа, заставляла меня усердно слѣдить за географіей, статистикой и этнологіей), Петръ Лавровичъ въ теченіе не одной недѣли обсуждалъ со мною модный тому пятнадцать лѣтъ назадъ вопросъ о преувеличенномъ значеніи Гольфстрема, и успокоился не раньше, чѣмъ проштудировалъ всю добытую мною ему спеціальную «литературу предмета», какъ любятъ выражаться обстоятельные нѣмцы.

Личныя письма его къ друзьямъ тоже отличались большой непринужденностью и живостью формы: здѣсь онъ давалъ волю себѣ, снимая отчасти добровольно надѣтый на себя панцырь «классической школы». Но что говорить о формѣ, когда само содержаніе корреспонденціи будило всегда мысль получавшаго, или же, въ случаѣ надобности, говорило его сердцу, утѣшая и одобряя указаніемъ на высшіе интересы? У меня въ числѣ десятка писемъ и записочекъ, набросанныхъ его столь знакомымъ, столь характернымъ (страшно неразборчивымъ) почеркомъ сохранились, между прочимъ, два письма, отправленныя имъ мнѣ, въ Бретань, а моей семьѣ въ Россію, послѣ тяжелой личной потери, испытанной нами. Въ письмѣ ко мнѣ приведу слѣдующее мѣсто:...«Увы, худшія предположенія Ваши оправдались. Что за нелѣпица, подумаешь, фатальные и безсмысленные процессы природы рядомъ съ впечатлительностью человѣка и съ его способностью гораздо больше страдать, чѣмъ наслаждаться! Я не пессимистъ, но совершенно понимаю, что, при малѣйшей наклонности къ этому, можно сдѣлаться пессимистомъ. Изъ Вашего письма заключаю, что здоровье Ваше поправляется, и охота къ труду возвращается. Работайте—это вамъ скажутъ всѣ» и т. д. А въ Россію Лавровымъ писалось вотъ что:... «Васъ постигло горе, очень большое горе. Въ подобномъ случаѣ говорить и даже думать объ утѣшеніи—совершенно неумѣстно. Противъ безсмысленныхъ законовъ природы уносящихъ самыя дорогія намъ личности, нѣтъ помощи въ утѣшеніяхъ. Можно лишь раздѣлять горе друзей, а не утѣшать ихъ въ потеряхъ.

Лишь время, столь же безсмысленное, какъ удары судьбы, позволяетъ ранамъ жизни заживать мало по малу. Онѣ и заживаютъ, и заживутъ въ свое время, но ихъ приходится перестрадать. Отъ этого не избавятъ насъ никакіе друзья. Есть однако кое-что, помогающее заживать ранамъ жизни, это—*дѣло*. И предъ Вами есть подобное дѣло... Это все *дѣла* и дѣла очень важныя и трудныя. *Тутъ* единственная возможность леченія жизненныхъ ранъ. Ни о какомъ иномъ утѣшеніи я даже и не позволилъ бы себѣ писать Вамъ. Крѣпко, крѣпко обнимаю Васъ и посылаю мои лучшія пожеланія всѣмъ Вашимъ»...

Всѣмъ ближнимъ и дальнимъ умѣлъ говорить Лавровъ, апеллируя всегда къ дѣлу, пропагандируя и словомъ, и примѣромъ жизнь достойную борцовъ за свободу, соціализмъ и человѣчество. Величавый образъ этого изгнанника вдохновлялъ даже людей, отдѣленныхъ отъ него страшнымъ разстояніемъ, шлагбаумами всероссійскихъ границъ и снѣгами Сибири. Недаромъ въ день его 70-лѣтія, поэтъ «поколѣнья, проклятаго богомъ» слалъ отъ лица своихъ товарищей по каторгѣ привѣтъ Лаврову:

«Въ изгнаньи своемъ сиротѣющій геній,
Ты часто намъ снишься, учитель родной,
Въ тяжелые годы измѣнъ и сомнѣній
Одинъ, не поникшій могучей душой...
Въ темницахъ отчизны, подъ солнцемъ чужбины,
Надъ Леной, подъ злымъ Акатуйскимъ ярмомъ,
Горятъ намъ твои дорогія сѣдины
Надежды и вѣры отраднымъ лучемъ»!

И этого-то мыслителя, вдохновителя поколѣній, друга близкихъ и далекихъ Россія и международный соціализмъ потеряли на самомъ рубежѣ новаго столѣтія: въ послѣднихъ числахъ января 1900 г. Лаврова не стало. Я позволю себѣ закончить этотъ этюдъ одной-двумя страницами, которыя были набросаны мною у изголовья умершаго и которыя я воспроизвожу здѣсь почти безъ измѣненія, такъ какъ онѣ вѣрно отражали настроеніе людей, собравшихся въ то время вокругъ умолкшаго навсегда «родного учителя». «Смерть эта всѣхъ насъ поразила, какъ громомъ. Она не была внезапной: цѣлую недѣлю этотъ богатырскій организмъ, эта свѣтлая мысль боролись съ неумолимымъ врагомъ, который вѣрнѣе всѣхъ царскихъ преслѣдованій, казематовъ и жандармовъ закрылъ эти еще недавно столь краснорѣчивыя уста и сломалъ это могучее перо. Но всѣмъ намъ не хотѣлось думать, намъ не вѣрилось, чтобы слѣпой стихійный процессъ могъ взять такой обидный верхъ надъ этимъ героемъ жизни и сознательной мысли. Болѣзнь началась подъ вліяніемъ не сильной простуды, съ остраго приступа удушья, которое, казалось, скоро разсѣялось. Преклонный возрастъ Петра Лавровича,—въ будущемъ іюнѣ исполнилось бы ему 77 лѣтъ, заставилъ насъ опасаться отека въ легкихъ, предательски подстерегающаго пожилыхъ людей. Приняты были противъ этого надлежащія мѣры. Надежда ни на минуту не покидала насъ. И вдругъ на третьи сутки, вечеромъ, внезапный ударъ отнялъ сознаніе и парализовалъ лѣвую сторону у больного.

«Теперь-то началась рѣшительная борьба между жизнью и смертью. Было сдѣлано все, что лежало въ силахъ человѣческихъ. И несмотря на мученія четырехъ послѣднихъ дней, проведенныхъ всѣми нами словно въ кошмарѣ, невольная гордость за дорогого покойника наполняетъ мою душу, когда я вспоминаю, сколько безкорыстныхъ усилій, симпатій, любви, попеченій было истрачено у изголовья Лаврова, возлѣ котораго день и ночь встрѣчались и смѣнялись близкіе и далекіе, личные и общественные пріятели Лаврова, люди великіе и малые, ученые и неученые, знаменитости и простые смертные, революціонеры и легальные... Неумолимая болѣзнь продолжала свою разрушительную работу. Краткіе проблески сознанія становились все рѣже и рѣже. Но, словно, чтобы наглядно выразилась вся умственная мощь умиравшаго, судьба послала ему четверть часа полнаго сознанія, когда великій старикъ, собравъ всѣ силы своего необъятнаго, но уже побѣжденнаго мозга, громко отчетливо и въ энергичной литературной формѣ произнесъ передъ нѣсколькими товарищами строго логичную, тутъ же записанную ими рѣчь. Онъ просилъ насъ жить дружно и хорошо и заранѣе ставилъ подъ защиту друзей свой трупъ и свои послѣднія велѣнія, требуя отъ насъ честнаго слова «противиться вторженію русскаго консула».

«Дѣло было ночью, за день до смерти. Послѣ этого усилія мысль вспыхивала лишь кратковременной молніей, прорѣзывая на мгновеніе все болѣе и болѣе надвигавшуюся ночь сознанія. Поразительное и глубоко трогательное зрѣлище представляли постоянныя усилія умиравшаго возвращаться и въ бреду къ литературному труду, надъ которымъ Петръ Лавровичъ, по всей вѣроятности, и надорвалъ себя, работая цѣлые мѣсяцы за письменнымъ столомъ. Дѣйствительно, ему осталось дописать всего нѣсколько страницъ.

«Словно предчувствуя подстерегавшую его судьбу, онъ нѣсколько разъ говорилъ мнѣ передъ своей болѣзнью: «нѣтъ, нѣтъ, надо во что бы то ни стало кончить трудъ; мнѣ нечего терять и одной минуты». Въ этомъ-то настроеніи застигъ его припадокъ. Первые два дня, когда его могучая голова постоянно работала, онъ силился читать газеты и приказывалъ товарищамъ придвинуть къ нему столъ съ письменными принадлежностями, а на ихъ отказъ возмущался и негодовалъ, выражая свое неудовольствіе суровыми словами и энергичными жестами. Но и когда ударъ поразилъ его, онъ продолжалъ коснѣющимъ языкомъ свои повелѣнія, и даже въ моментъ самого жестокаго кризиса, все произносилъ слова, фразы и заглавія частей труда, а его могучая рука лихорадочно писала въ воздухѣ воображаемыя строки...

«Смерть пришла въ 11 ч. 50 м. утра, во вторникъ 6 февраля (25 января) 1900 г. Самая агонія была непродолжительна. Прерывистое, тяжелое дыханіе, которое шесть дней вылетало изъ груди больного, ослабѣло; свистящіе тоны исчезли; движенія непарализованныхъ руки и ноги замедлились. И вдругъ, словно вѣтеръ прошелъ по всему могучему тѣлу снизу до верху, и подъ дуновеніемъ его какое-то темное облако пронеслось въ томъ же направленіи по лицу, отъ бѣлоснѣжной бороды и усовъ, обрамлявшихъ губы, къ массивному носу, грандіозному прекрасному лбу безъ морщинъ, и упорхнуло въ серебряныя пряди разметанныхъ волосъ. Лавровъ глубоко-глубоко потянулъ въ

себя воздухъ, словно обрадовавшись возможности вздохнуть полною грудью послѣ шести дней короткаго, лихорадочнаго дыханья, и такой же полной грудью выдохнулъ... Еще два еле замѣтныхъ вздоха. Больше грудь не поднялась. Мы засуетились: кинулись за кислородомъ, за эфиромъ... Напрасно: великій человѣкъ навсегда перешелъ въ исторію. Лицо приняло величавое, спокойное выраженіе, словно послѣ наконецъ-то оконченнаго тяжелаго труда; оно, казалось, даже помолодѣло: такимъ я зналъ Лаврова лишь лѣтъ десять тому назадъ. Читатели позволятъ мнѣ опустить здѣсь занавѣсъ надъ послѣдней сценой прощанія у изголовья нашего незабвеннаго друга и учителя»...

Похороны П. Л. Лаврова, состоявшіяся въ воскресенье 6-го февраля, были не банальной траурной церемоніей и даже не столько какимъ-либо трауромъ, сколько импозантной манифестаціей «людей будущаго», восьмитысячная толпа которыхъ, заключавшая въ своихъ рядахъ представителей соціалистовъ и рабочихъ всего міра, двигалась подъ звуки Интернаціонала. Рѣчи, произнесенныя на могилѣ неустаннаго борца, соотвѣтствовали характеру этого торжества,—мы можемъ употребить это слово, не скандализируя имъ строителей города грядущаго. Даже тогда уже министеріалистскій карьеристъ Вивьяни умилялся надъ величіемъ Лаврова, «передъ которымъ, молъ, раскрывалась торная дорога привилегированной жизни», но «который рѣшительно ступилъ на трудный и полный лишеній путь борьбы за соціалистическій идеалъ»...

Скромный памятникъ въ видѣ небольшой дикой скалы изъ гранита прикрываетъ на Монпарнасскомъ кладбищѣ прахъ человѣка, который утратилъ свое личное существованіе лишь для того, чтобы жить безсмертною жизнью героевъ мысли и убѣжденья.

Когда же наконецъ свободная и соціалистическая Россія перенесетъ къ себѣ останки того, кто, принадлежа къ великой семьѣ международныхъ соціалистовъ, прежде всего принадлежитъ все таки своей родинѣ и своему народу, за который онъ училъ насъ жить и умирать, и который проснулся теперь и весь волнуется какъ гигантское море передъ окончательнымъ шкваломъ?

Н. С. Русановъ.

Отзывъ на манифестъ.

Стихотвореніе П. Л. Лаврова.

(1854—1855).

Въ имѣющейся у меня рукописи, содержащей въ себѣ 4 и 5 главы 2 части „Мертвыхъ Душъ“ Гоголя, помѣщено стихотвореніе подъ заглавіемъ: „Отзывъ на манифестъ объ ополченіи“, съ подписью: „1855-го года. Майковъ“.

Какъ показываетъ самое заглавіе, это стихотвореніе написано въ отвѣтъ на манифестъ по случаю Крымской войны. Манифестовъ же по случаю Крымской войны Николай I издалъ нѣсколько, а именно: 9 февраля, 11 апрѣля и 14 декабря 1854 г. и 29 января 1855 г. Манифесты эти представляются далеко не безынтересными и въ настоящее время. Такъ, напримѣръ, изъ манифеста 9 февраля 1854 г. оказывается, что англичане и французы были тогда столь же „вѣроломнымъ“ врагомъ въ отношеніи къ добродѣтельному русскому правительству, какъ и японцы въ 1903 году, и Крымская война англичанами и французами, какъ и послѣдняя — японцами, начата „безъ предварительнаго объявленія войны“ [1]). Манифестъ этотъ заканчивается весьма торжественно. „Господь нашъ! Избавитель нашъ! Кого убоимся! Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его!“ Почти столь же торжественно заканчивается и манифестъ 11 апрѣля того же года, а именно: „За вѣру и христіанство подвизаемся! Съ нами Богъ и никто же на ны!“ Въ манифестѣ 14 декабря звучатъ уже пессимистическія, минорныя ноты о „смутныхъ обстоятельствахъ“, о „бѣдствіяхъ, неразлучныхъ съ войною“, и конецъ манифеста таковъ: „Буде нужно, мы всѣ, царь и подданные... станемъ передъ рядами враговъ, на защиту драгоцѣннѣйшаго въ мірѣ блага: безопасности и чести отечества“.

Къ началу 1855 г. уже почти выяснился неблагопріятный для русскихъ исходъ кампаніи: Севастополь нѣсколько мѣсяцевъ находился въ осадѣ, а стремленія дипломатіи примирить враждующія стороны не только не привели

[1]) Вотъ что говорилъ Николай Павловичъ въ своемъ манифестѣ: „Мы питали даже надежду, что размышленіе и время убѣдятъ Турецкое правительство въ его заблужденіи, порожденномъ коварными наущеніями... Но тщетны были доселѣ наши ожиданія. Англійское и Французское правительства вступились за Турцію, и появленіе соединенныхъ ихъ флотовъ у Царьграда послужило вящшимъ поощреніемъ ея упорству. Наконецъ обѣ западныя державы, безъ предварительнаго объявленія войны, ввели свои флоты въ Черное море, провозгласивъ намѣреніе защищать турокъ и препятствовать нашимъ военнымъ судамъ въ свободномъ плаваніи для обороны береговъ нашихъ. Послѣ столь неслыханнаго между просвѣщенными государствами образа дѣйствія, мы отозвали наши посольства въ Англіи и Франціи и прервали всякія политическія сношенія съ сими державами“.

къ цѣли, но еще увеличили число враговъ Россіи: въ январѣ 1855 г. Сардинія приступила къ союзу западныхъ державъ, и Сардинскій король отправилъ въ Крымъ 15 тысячъ отборнаго войска. И вотъ манифестомъ 29 января Николай Павловичъ объявилъ всеобщее ополченіе. Здѣсь онъ говоритъ: „Призвавъ въ помощь Всевышняго, съ полнымъ упованіемъ на милость Его, съ полнымъ довѣріемъ къ любви нашихъ подданныхъ, единодушныхъ съ нами въ чувствѣ преданности къ вѣрѣ, къ церкви православной и къ любезному отечеству нашему, обращаемся съ симъ новымъ воззваніемъ ко всѣмъ сословіямъ государства, повелѣвая приступить къ всеобщему государственному ополченію. Не разъ уже предстояли Россіи и постигали ее тягостныя, иногда жестокія испытанія. Но ее спасала всегда смиренная вѣра въ Провидѣніе и тѣсная, ни чѣмъ незыблемая связь царя съ подданными, усердными дѣтьми его“. По поводу этого-то манифеста, конечно, и написано упомянутое стихотвореніе. Послѣднія слова манифеста о „тѣсной, ни чѣмъ незыблемой связи царя съ подданными, усердными дѣтьми его“, кажется, и послужили для автора стихотворенія поводомъ составить „посланіе“ къ царю о необходимости такой „связи“, о необходимости взаимной любви царя и народа.

Въ томъ спискѣ, по которому мы печатаемъ это стихотвореніе, оно приписывается Майкову, — конечно, Аполлону Николаевичу (род. 1821 г. † 1897 г.).

Но изъ сообщенныхъ въ августовской книжкѣ „Былого“ данныхъ о процессѣ П. Л. Лаврова 1866 года узнаемъ, что при обыскѣ, среди другихъ бумагъ, у П. Л. Лаврова оказалась и рукопись интересующаго насъ стихотворенія, но подъ другимъ заглавіемъ: „Къ Русскому царю“. При слѣдствіи П. Л. Лавровъ объяснилъ, что это стихотвореніе, какъ и другія, у него найденныя, „писаны имъ подъ вліяніемъ того общаго неудовольствія и того раздраженія, которыя царствовали въ концѣ Николаевскаго времени“. Нѣтъ, кажется, основаній сомнѣваться въ правдивости показаній Лаврова а, слѣдовательно, въ принадлежности этого посланія П. Л. Лаврову. Для характеристики автора стихотвореніе пріобрѣтаетъ особенное значеніе. Славянофильская тенденція о „гнилости“ Запада и величіи Россіи, о спасеніи ея въ тѣсномъ союзѣ царя съ подданными, составляющая, можно сказать, главную идею „Отзыва“, представляется крайне интересною для характеристики эволюціи политическихъ убѣжденій П. Л. Лаврова.

Нельзя не выразить пожеланія, чтобы кто-либо сообщилъ болѣе точныя свѣдѣнія о происхожденіи этого стихотворенія и о томъ, было-ли оно извѣстно Николаю Павловичу и какъ послѣдній къ нему отнесся [1]).

Въ художественномъ отношеніи нѣкоторыя мѣста „Отзыва“ весьма удачны. Замѣчательно, напримѣръ, по силѣ выраженія, слѣдующее мѣсто:

Спроси Стюартовъ ты, спроси ты у Бурбоновъ,
Народы судятъ-ли царей и т. д.

Ярко изображается въ „Отзывѣ“ происходившее въ 40-ыхъ годахъ XIX ст. въ Европѣ освободительное движеніе, когда Европа

---

[1]) Несомнѣнно, имѣются и у другихъ, кромѣ меня, лицъ списки „Отзыва“: въ концѣ прошлаго года въ газетѣ „Вечерняя Почта“ было напечатано нѣсколько строфъ изъ послѣдней части этого стихотворенія.—Когда настоящая замѣтка была уже передана въ редакцію „Былого“, мнѣ доставленъ другой списокъ „Отзыва“; тѣ варіанты, которые безспорно даютъ лучшее чтеніе, внесены нами въ текстъ.

Всей жизнію жила,
Ее манилъ къ себѣ свободы призракъ славный,
Свершались славныя дѣла.
Ея ораторы, провозглашая братство,
Громили потрясенный тронъ,
И короли, готовя святотатство,
Клялись поддерживать законъ...

Поэтому, въ настоящую эпоху освободительнаго движенія въ Россіи, „Отзывъ“ представляетъ собою особый интересъ.

М. Ив. Успенскій.

Европа противъ насъ! Окружено врагами
Отечество со всѣхъ сторонъ.
Кровавый часъ насталъ... и очередь за нами,—
Повсюду мечъ ужъ обнаженъ!..
Мы знаемъ клеветы, мы слышимъ оскорбленья
Тысячеглавой лжи газетъ,—
Измѣны, зависти и страха порожденье.
Друзей у нашей Руси нѣтъ...
И бранный кличъ прошелъ [1]) надъ русскою землею,
Забились русскія сердца,
И тысячи пѣвцовъ восторженной толпою
Прославили Царя-Отца.
И я къ тебѣ пишу еще одно посланье,
Россіи Царь! Пускай мой стихъ
Предъ міромъ выскажетъ всеобщее желанье
Согражданъ,—подданныхъ Твоихъ.
Перчатка брошена, не время намъ считаться:
Теперь ты предводитель нашъ,
И русскій гражданинъ пойдетъ за Русь сражаться,—
Ея всегдашній, вѣрный стражъ.
Не предъ какимъ иноплеменнымъ строемъ,—
Повѣрь,—не дрогнетъ русскій строй.
Нашъ ратникъ, осѣнивъ крестомъ грудь передъ боемъ,
Не посрамитъ земли [2]) родной,
И ляжетъ онъ костьми съ молитвою простою
На томъ же мѣстѣ, гдѣ стоялъ...
Ему кровавый трудъ, а ленту послѣ бою
Пускай надѣнетъ генералъ.

Онъ—царской прихоти орудіе слѣпое,—
Безвѣстнымъ жилъ, безвѣстнымъ палъ...
И много подвиговъ невѣдомыхъ свершится,
И много, много жертвъ падетъ,

[1]) По другому списку: „протекъ“.
[2]) „Страны“.

И не одна семья, въ слезахъ, во храмъ молиться
За души милыя придетъ. [1])
И, можетъ быть, кровавая побѣда
Къ твоимъ ногамъ положитъ тронъ;
Ты будешь, можетъ быть, диктаторомъ сосѣда,
Предпишешь Англіи законъ!
И съ ультиматумомъ поѣдутъ дипломаты
Въ Парижъ, чрезъ груды русскихъ тѣлъ,
И въ страхѣ утвердятъ парламенты, палаты
Все то, что Русскій царь велѣлъ!..
Но если въ этотъ разъ намъ суждено иное [2])
И жребій противъ насъ падетъ,
И рати русскія, одну вслѣдъ за другою,
Перстъ Божій вихремъ разнесетъ...
Тогда мы встанемъ всѣ, тогда, опять зажгутся
Передъ врагами города,
Милліоны новые защитниковъ сберутся
Вкругъ трона твоего тогда;
Съумѣютъ дѣти встать въ ряды за Русь родную,
Съумѣютъ жены умереть.
Не сможетъ гордый врагъ въ минуту роковую
Ни пядью Руси завладѣть.
Пока одинъ изъ насъ родное слово слышитъ,
До тѣхъ поръ длиться будетъ бой,
До тѣхъ поръ договоръ постыдный не подпишетъ
Европа русскою рукой.

Европа? Гдѣ-жъ она? Тому еще недавно
Она всей жизнію жила,
Ее манилъ къ себѣ свободы призракъ славный,
Свершались громкія дѣла.
Ея ораторы, провозглашая братство,
Громили потрясенный тронъ,
И короли ея, готовя святотатство,
Клялись поддерживать законъ.
Въ мечтахъ Германія, отъ Рейна до Карпатовъ,
Сливалась подъ однимъ вѣнцомъ,
И падало во прахъ созданье дипломатовъ
Предъ Гогенштауфенскимъ мечемъ, [3])
И тѣни Фабіевъ и грозныхъ Сципіоновъ,
Слетались въ возрожденный Римъ,
Чтобъ ненависть свою къ царямъ и страхъ законовъ [4])
Потомкамъ передать своимъ.

---

[1]) „Пойдетъ“.

[2]) „Но если иначе намъ суждено судьбою“.

[3]) Подъ Гогенштауфенскимъ мечемъ разумѣется, вѣроятно, мечъ Фридриха Барбароссы (Гогенштауфена), который, по нѣмецкой народной легендѣ, не умеръ, но сидитъ въ подземной пещерѣ въ Богеміи въ ожиданіи наступленія времени, когда онъ снова возстановитъ Германскую имперію.

[4]) „Чтобъ мужество свое и страхъ законовъ“.

М. У.

Граждане Франціи, провозгласивъ свободу,
На вѣкъ разбили эшафотъ;—
Вставали Венгрія, Славянскіе народы,—
Все оживало... шло впередъ...
Тогда мы слушали съ восторженнымъ вниманьемъ
Далекій шумъ святой борьбы,
Дрожала наша грудь тревожнымъ ожиданьемъ
Передъ рѣшеніемъ судьбы.
Мы братьевъ видѣли въ защитникахъ свободы,
Мы не могли ихъ не любить...
Могучій духъ тогда воспламенялъ народы,
Они могли насъ побѣдить...
Но жребій палъ иной... Отложена до срока
Побѣда вольности святой,
Еще часъ не насталъ послѣдняго урока,
Не закипѣлъ послѣдній бой!...

Владыки Англіи, патриціи, банкиры,
Всѣ ницъ предъ золотымъ тельцомъ!...
Ихъ флотъ во всѣхъ моряхъ, торговля полуміра
Британскимъ скована клеймомъ.
Піявки Индіи во имя просвѣщенья,
Защитники ростовщиковъ,
Отравы продавцы,—они безъ убѣжденья
Бросаютъ волны громкихъ словъ.
А между тѣмъ у нихъ Ирландцы голодаютъ,
Крехтятъ подъ тягостнымъ ярмомъ!...
И нищихъ милліонъ въ развратѣ изнываютъ [1])
Предъ раззолоченнымъ дворцемъ!
На золотыхъ вѣсахъ тамъ взвѣшиваютъ право!
«Гнилыхъ мѣстечекъ» депутатъ,
Во имя древности Британскаго устава,
Садится на скамью палатъ,
Высокомѣрный внукъ прославленнаго дѣда,
Распутный лордъ и перъ идетъ,
Подъ мирный шумъ рѣчей, дремать послѣ обѣда,
И хартіи хранитъ клейнодъ...
Величье Англіи есть ложь! Ея разсчеты
Не отвратятъ часъ роковой,
И не спасутъ ея ни арміи, ни флоты
Отъ раны тайной и гнилой
Несправедливыхъ дѣлъ подъ маскою закона.
Падетъ владычица морей,
Въ горячкѣ и бреду, съ ея златого трона,—
Перстъ Божій тяготитъ надъ ней!

---

[1]) „Утопаютъ“.

И Франція свою похоронила славу,
Сама разбила свой вѣнецъ!...
Мнѣ жаль великую свободную державу,—
Постыденъ Франціи конецъ.
За блестки мишуры, за шитые кафтаны,
За санъ чиновнаго слуги,
За право набивать безтрепетно карманы
И не уплачивать долги,
За балы пышные, за праздники безъ счета
Французы продали законъ,
Отечество и честь, съ улыбкой Искаріота!...
И для кого-жъ воздвигли тронъ?
Бездушный спекулянтъ на низкія влеченья,
Холодный риторъ громкихъ словъ,
Тиранъ безславныхъ дѣлъ, фигляръ безъ убѣжденья,
Онъ всѣмъ пожертвовать готовъ,—
Онъ клятвой торговалъ, онъ торговалъ собою,
Онъ съ кафедры публично лгалъ;
Поддержанъ пьяною, подкупленной толпою,
Онъ гордо право попиралъ;
Онъ кралъ у Франціи, у падшихъ поколѣній,
Скупалъ милльоны низкихъ душъ.
Подъ маскою его подпишетъ міръ съ презрѣньемъ:
«Вотъ коронованный Картушъ!»
На этого царя Французы промѣняли
Свободы мыслей и рѣчей,
Своихъ ораторовъ—героевъ изгоняли,
Цвѣтъ лучшей родины своей...
Онъ Цезаря надѣлъ тяжелую корону,—
Ахилла жалкій мермидонъ....
И хитрый іезуитъ, продажные шпіоны
Продажный окружили тронъ...
Ты-ль это, Франція, отчизна Лафаета?
Ты, гдѣ Жанна Д'Аркъ жила?—
Передовой народъ во всѣхъ движеньяхъ свѣта,
Свой славный вѣкъ ты отжила...

И ты, искусственной монархіи властитель,
Наслѣдникъ четырехъ коронъ,
Монаховъ ученикъ, Радецкихъ повелитель,
Монархъ двѣнадцати племенъ,—
Давно-ль ты трепеталъ передъ народной волей?
Давно-ль клялся хранить законъ?
И мощная рука союзника давно ли
Твой шаткій поддержала тронъ?
Предъ силой чуждою угасъ огонь возстанья;
Къ ногамъ Россіи положилъ
Маджаръ разбитый мечъ; свое завоеванье,
Тебѣ Царь русскій возвратилъ:

И ты въ крови не смылъ позоръ твоей державы:
Напрасно Венгровъ кровь текла;
Ты въ казняхъ не нашелъ вѣнца поблекшей славы,—
Вѣнца Габсбурскаго орла.
Ты молодъ, но давно ты пріученъ къ обману:
Предательствомъ извѣстный дворъ
Въ тебя вдохнулъ свой ядъ, къ тебѣ привилъ онъ рано
Дипломатической позоръ.
Штыками разогналъ ты скучныя палаты,—
Съ тебя монахъ присягу снялъ;
Князья безъ княжества гнилые [1]) бюрократы
Опять даютъ, безъ счета, балъ! [2])
И ты готовишься на новую измѣну,—
Твои полки идутъ на насъ...
Не рано ли еще, и позабыла-ль Вѣна
Своей свободы краткій часъ?
Смотри:—тамъ мечутся Славянскіе народы
Подъ ненавистнымъ имъ ярмомъ;
Смотри,—въ Италіи блеснулъ кинжалъ свободы,
Смотри,—ударилъ въ Пармѣ громъ.
Спроси Стюартовъ ты, спроси ты у Бурбоновъ;
Народы судятъ-ли Царей?
И сходятъ-ли порой на эшафотъ со троновъ
Потомки древнихъ королей?

Стоглавый исполинъ, страна ученыхъ преній,
Метафизическій народъ,
Отчизна Гегеля, высокихъ умозрѣній,
Мыслителей могучій родъ!
Злой жребій обрекла исторія на долю
Твоимъ разрозненнымъ сынамъ,—
Какъ жертву, отдала тебя судьба въ неволю
Микроскопическимъ царькамъ.
Когда же сбросишь ты лохмотья раздѣленья
И бремя сорока вѣнцовъ?
Когда настанетъ часъ единства, возрожденья
Иль вѣченъ сонъ твоихъ сыновъ?
Иль погруженные въ туманныя идеи,
Живя средь отвлеченныхъ фразъ,
Не чувствуютъ они, ученые пигмеи,
Что дорогъ день, что дорогъ часъ?
Иль сонмъ филистеровъ, средь пыльныхъ кабинетовъ,
Забылъ, что родинѣ нужна
Не рѣчь профессоровъ и не мечты поэтовъ,
Что жаждетъ славныхъ дѣлъ она?

---

[1]) „Дрянные“.
[2]) „Опять даютъ за баломъ балъ“.

Наслѣдникъ Фридриха, воспитанникъ піэтизма,
Священный папа лютеранъ,
Сегодня либералъ, вчера другъ деспотизма
Ты, пьяный Ульриха тиранъ.
Не это-ль избранный Германіи правитель?
Не ужъ-ли онъ поддержитъ васъ?
И жалокъ и смѣшонъ Тевтоновъ избавитель:
Нѣтъ, не насталъ еще вашъ часъ!..

Недугъ невѣрія, гражданскаго раздора,
Недугъ себялюбивыхъ дѣлъ,
Духъ малодушія, продажности [1]), позора
Европой старой овладѣлъ.
Возстанетъ ли съ одра болѣзни и мученья
Отъ лихорадочнаго сна?
Придутъ-ли для нея минуты исцѣлѣнья,
И провозвѣститъ-ли намъ она
Законы новые общественнаго строя,—
Любви и равенства законъ?
И скажутъ новые гражданскіе герои:
«Европы родъ еще силенъ».
Или томитъ ее предсмертное страданье,—
Послѣдній старческій недугъ,
И дѣти запада, какъ всякое созданье,
Свершили свой завѣтный кругъ
И сходятъ, мрачные, съ окровавленной сцены,
Какъ братья старшіе сошли?
За тѣмъ, что часъ насталъ для новой перемѣны
Всей декораціи земли.
Какъ исполинскій кедръ надъ горной высотою,
Могучъ, несокрушимъ на видъ,
Внутри давно прогнивъ, держась одной корою,
Тысячелѣтія стоитъ
И ждетъ, чтобъ ураганъ, поднявшись въ часъ урочный,
Сорвалъ гиганта съ вышины
И бросилъ въ прахъ его... быть можетъ, такъ же точно
И дни Европы сочтены!..
И какъ отжившіе владыки Вавилона, [2])
Какъ Рима древняго герои—легіоны,
Умретъ и Европейскій родъ.
Быть можетъ, суждено Славянскимъ поколѣньямъ
Наслѣдье славное принять,
Народамъ свѣтлый лучъ гражданства, просвѣщенья

---

[1]) „Предательства“.

[2]) Далѣе здѣсь, очевидно, строка пропущена. Въ другомъ спискѣ она имѣется, но мало понятная, а именно: „Какъ сгибнувшій, нѣмой народъ“.

Возобновленный передать.
Но Русскіе достойны-ль этой славы?
Воистину-ль мы лучше ихъ?..
Гражданской доблестью крѣпка-ль твоя держава,
Царь Русскій? Для сыновъ твоихъ
Понятны ли слова: «Законы и заслуги»?
Отчизну любятъ-ли они?
Или вокругъ тебя стоятъ безмолвно слуги
Безпрекословные одни?
Растетъ ли твой народъ подъ отческимъ надзоромъ,
Подъ благодѣтельной рукой?
Ты смотришь ли на все спокойнымъ взоромъ?
Живешь ли жизнью съ нимъ одной?
Ты сердца русскаго всѣ знаешь ли біенья?
Скажи: ведешь ли ты впередъ,
Къ познанью, къ высшему святому назначенью
Отъ Бога ввѣренный народъ?
Я вижу,—вкругъ тебя Клейнмихели, Орловы,
Временщиковъ надменный строй...
Готовъ уже для нихъ стихъ горькій и суровый,
Но смолкъ онъ до поры иной [1])...
Забыто прошлое,—въ пылу тревоги бранной
Забытъ піявицъ хищный родъ,
Забыты мелкіе чиновные тираны,—
Теперь съ тобою, Царь, весь твой народъ!
Но помни, русскій Царь, ты нашей силой крѣпокъ,
Величьемъ нашимъ ты великъ,
Безъ русской доблести престолъ твой—груда щепокъ,
Народовъ мощь есть мощь владыкъ!
Проси у Господа не громкія побѣды,—
Тебѣ ихъ принесетъ народъ [2]);
Не усмиреніе коварнаго сосѣда,—
Его рать русская уйметъ;
Не помощь въ бѣдствіи,—мы вытерпимъ съ тобою;
Не злата—мы его дадимъ;
Моли о мудрости, чтобы ея рукою
Ты былъ всегда руководимъ;
Чтобъ далъ тебѣ Господь совѣтниковъ нельстивыхъ,

---

[1]) При чтеніи этихъ строкъ невольно вспоминаются стихи А. С. Хомякова „Россіи“, написанные имъ въ 1854 г., гдѣ онъ, по случаю войны, призываетъ Россію къ покаянію, исправленію, обращаясь къ ней съ такими словами:

А на тебя, увы! какъ много
Грѣховъ ужасныхъ налегло!
Въ судахъ черна неправдой черной
И игомъ рабства клеймена,
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лѣни мертвой и позорной
И всякой мерзости полна!

[2]) „Тебѣ доставитъ ихъ“.

Помощниковъ разумныхъ далъ,
Слугъ безкорыстныхъ и судей правдивыхъ
Твоей рукой бы избиралъ;
Чтобъ Онъ внушилъ [1]) тебѣ сочувствіе свободы,
Познаніе народныхъ нуждъ,
Чтобы привлекъ къ тебѣ сердца и умъ [2]) народа,
Чтобъ ты не оставался чуждъ
Его стремленію къ великимъ [3]) идеаламъ;
Чтобъ онъ въ тебѣ и ты жилъ въ немъ;
Чтобъ назвали тебя потомки не капраломъ,
Но русскимъ праведнымъ царемъ!

1855-го года.

[1]) „Вдохнулъ въ тебя“.
[2]) „Духъ“.
[3]) „Высокимъ“.

Къ процессу 12-ти 1884 г. въ Кіевѣ.

Въ январѣ 1884 года я пріѣхалъ въ Кіевъ вмѣстѣ съ двумя товарищами. За мѣсяцъ передъ этимъ здѣсь были большіе аресты, и меня предупреждали, что кіевскій сыскъ хорошо поставленъ, надо быть осторожнымъ. Въ ожиданіи тѣхъ дѣлъ, которыя намѣчались организаціей, я попробовалъ было поступить куда нибудь на заводъ, чтобы тамъ заняться пропагандою среди рабочихъ. Но это мнѣ не удалось. Снимаю комнату на Подолѣ и, пока-что, берусь за подсобную революціонную работу. Никакой слѣжки за собою не замѣчаю. Въ то время въ Кіевъ пріѣхало не мало нелегальныхъ изъ разныхъ концовъ Россіи, нѣкоторые здѣсь и остались. Снова были возстановлены связи съ молодежью, поставлена типографія. Дѣло повидимому стало налаживаться. Отъ время до времени вижусь со Стародворскимъ, Мартыновымъ, Р. и другими. Мою квартиру посѣщаютъ немногіе. Проживаю подъ фамиліей Черновскаго. Намѣченное дѣло, по независящимъ отъ насъ причинамъ, приходится откладывать недѣля за недѣлей. Межъ тѣмъ за нѣкоторыми уже стали слѣдить да и во дворѣ, гдѣ я жилъ, стали показываться темныя личности. Однажды вечеромъ, въ необычное время, является ко мнѣ какой то господинъ, какъ будто по ошибкѣ.

— Здѣсь живетъ такой-то?—спрашиваетъ онъ, назвавъ фамилію, но не мою, и внимательно озираетъ комнату.

Отвѣчаю отрицательно. Онъ молчитъ, но не уходитъ, продолжая озираться. Я подхожу къ столу, чтобы быть поближе къ револьверу, который лежалъ въ столовомъ ящикѣ.

— Что же вы стоите, здѣсь такого нѣтъ,—повторяю я.

— А мнѣ сказали, что онъ здѣсь. Говорятъ онъ „соціалистъ“ былъ,—отвѣчаетъ нахально незнакомецъ.

— Такъ и ступайте въ другое мѣсто искать этого соціалиста. Оставьте меня въ покоѣ. Являетесь ночью въ чужое жилище и безпокоите,—рѣзко говорю ему.

— Извините, я не зналъ,—оправдывается онъ, но не уходитъ, а какъ-то качается на одномъ мѣстѣ.

Это меня окончательно вывело изъ терпѣнія и я пригрозилъ ему дворникомъ и полиціей, конечно и не думая приводить въ исполненіе своей угрозы.

Наконецъ щеголеватый, но назойливый господинъ ушелъ. Я же быстро одѣлся и вышелъ почти вслѣдъ, чтобы прослѣдить за нимъ. Но нигдѣ на улицѣ его уже не было. Спѣшу на одну изъ квартиръ, гдѣ я могъ увидѣть товарищей и предупредить, чтобы ко мнѣ никто болѣе не ходилъ.

— Не только другимъ, но и вамъ туда возвращаться не слѣдуетъ; арестуютъ;—говоритъ мнѣ жена Шебалина. Ее поддерживаютъ Р. и С.

— Не думаю.

— Вы не думаете, а они сдѣлаютъ. Я положительно противъ вашего возвращенія.

— Вы должны подчиниться общему голосу,—настаиваетъ Р.

— Лучше всего уѣхать. Кстати надо кому нибудь съѣздить въ Харьковъ.

— Перемѣните пальто и отправляйтесь туда сегодня же,— совѣтуютъ другіе.

— А квартира? Вѣдь тогда, значитъ, я самъ дамъ имъ нити.

— Бросить и все тутъ. Никакихъ адресовъ, никакихъ записей тамъ не осталось?

На квартирѣ, кромѣ спартанскаго ложа, чертежныхъ принадлежностей и двухъ-трехъ книгъ у меня дѣйствительно ничего не имѣлось, да еще черновой рукописи и другихъ мелочей. Но не въ этомъ дѣло. Мнѣ хотѣлось покинуть квартиру обычнымъ путемъ, чтобы устранить всякія тревоги домовладѣлицы. Пришлось уступить товарищамъ, бросить квартиру.

Запасшись новымъ паспортомъ, въ тотъ же вечеръ уѣзжаю въ Харьковъ. Никакихъ соглядатаевъ за мною нѣтъ. Черезъ недѣлю, несмотря на уговоры харьковскихъ товарищей, возвращаюсь снова въ Кіевъ. Не хотѣлось бросать начатаго дѣла... Кромѣ того, мнѣ все равно въ скоромъ времени предстояла поѣздка на сѣверъ. Одинъ изъ знакомыхъ подыскалъ мнѣ весьма удобную квартиру почти за городомъ. Выхожу только по вечерамъ. Казалось бы все идетъ хорошо. Но дня за 3 до ареста, встрѣтившись на улицѣ съ Мартыновымъ, замѣчаю сзади подозрительнаго извозчика. На нѣкоторомъ разстояніи онъ провожаетъ насъ и отсталъ только тогда, когда мы повернули въ поле. 3-го марта Мартыновъ не явился на свиданіе. Потомъ оказалось, что въ этотъ вечеръ онъ былъ взятъ на улицѣ, оказавъ вооруженное сопротивленіе. 4-го вечеромъ отправляюсь на поиски, ничего не подозрѣвая объ арестахъ. Захожу въ квартиру Васильева. Она пуста. Быстро выхожу вонъ. На лѣстницѣ догоняетъ меня дворникъ.—Макаръ Николаевичъ арестованъ, уходите,— шепотомъ говоритъ онъ.—Цѣлы ли другіе?—спрашиваю себя. Настроеніе сразу перемѣнилось. Опять аресты. На улицѣ меня встрѣчаютъ Г. и Р. и сообщаютъ объ арестахъ Шебалина, Караулова и др., но о судьбѣ Мартынова ничего не знаютъ.

— Надо сейчасъ же уѣзжать изъ Кіева,—говоритъ Р.

— Такъ и будемъ все уѣзжать... я долженъ розыскать Мартынова.

— Чтобъ самому провалиться?—продолжаетъ Р.

— Не узнавъ, я не уѣду.

— Тогда и я съ вами иду.

Сколько не уговаривалъ оставить меня одного, Р. не согласилась. Отправляюсь въ Софійскій монастырь. Р. остается на извозчикѣ. М. тамъ не былъ уже нѣсколько дней. На обратномъ пути замѣчаю у воротъ двѣ тѣни. Едва успѣлъ сѣсть на извозчика, какъ сзади появился другой извозчикъ съ двумя сѣдоками и прямо мчатъ вслѣдъ за нами. Въ одномъ изъ переулковъ они даже обогнали насъ, такъ какъ тутъ былъ крутой спускъ. Воспользовавшись этимъ, мы быстро слѣзли съ извозчика и, разставшись, стали подниматься вверхъ. Обогнавшіе насъ шпіоны тоже соскочили съ извозчика и бѣгомъ несутся за нами. Значитъ сейчасъ арестуютъ. Травля идетъ по пятамъ. Кровь закипѣла. Какіе то продажные люди, ни они меня, ни я ихъ не знаю, рѣшаются лишить меня свободы. Нѣтъ я этого имъ не позволю и дешево не отдамъ своей свободы. Опускаю руку въ карманъ, чтобы вынуть револьверъ.

— Спрячьте... повѣсятъ!—взволнованно говоритъ мнѣ спутница.

— Оставьте меня. Я имъ покажу какъ отнимать у людей свободу,—едва успѣлъ сказать я и собрался было повернуться, чтобы открыть огонь по слѣдовавшимъ за нами шпіонамъ, какъ въ это время четыре дюжія руки схватили меня сзади. Съ трудомъ освобождаю правую руку и дѣлаю первый выстрѣлъ, черезъ плечо назадъ. Одинъ изъ шпіоновъ падаетъ, сбивая съ ногъ мою спутницу. Кругомъ раздаются свистки. Сбѣгаются откуда то полицейскіе, пожарные, мнѣ удается сдѣлать еще нѣсколько выстрѣловъ. Но рука, сжатая какъ въ тиски шпіонами, дѣлаетъ промахъ. Началась борьба, длившаяся минутъ 10. Наконецъ толпѣ удалось меня повалить на землю и тутъ было началось ея неистовство. Къ счастью, упалъ я на землю лицомъ внизъ и слишкомъ густо былъ окруженъ сворою шпіоновъ и полицейскихъ, удары кажется доставались больше на ихъ долю. Пробую достать изъ бокового кармана кинжалъ, чтобы подставить его хоть въ одну изъ этихъ раскачивающихся ногъ, которыми меня толкали. Но кто то сѣлъ мнѣ на плечо. Въ свалкѣ изъ моего кармана исчезаетъ кошелекъ.

Черезъ четверть часа меня привели въ канцелярію старокіевскаго участка. Является Новицкій и представляется, что онъ начальникъ жандармскаго правленія.

— Мнѣ до этого дѣла нѣтъ. На какомъ основаніи меня арестовали?..

— По моему распоряженію,—отвѣчаетъ онъ, приказывая жандарму отвесть меня въ камеру:—что за женщина была съ вами?—спрашиваетъ онъ.

— Узнайте, тогда и мнѣ скажите.

Изъ заданнаго вопроса догадываюсь, что моя спутница во время суматохи успѣла уйти. Это меня успокаиваетъ. Значитъ она успѣетъ предупредить другихъ.

Посадили меня въ одну изъ камеръ старо-кіевскаго участка.

Тутъ же по другимъ камерамъ были уже разсажены мои товарищи: Шебалинъ, Карауловъ, Мартыновъ. Окружили наши клѣтки внѣшней и внутренней стражей. Двери крѣпкія —не выломишь. А какъ хочется на свободу! На допросахъ Шебалинъ, я и Мартыновъ отказываемся отъ всякихъ показаній. Новицкій мститъ: не даетъ намъ ни прогулокъ, ни книгъ. Единственное занятіе— кормежка черныхъ таракановъ, которыхъ было такое обиліе въ моей камерѣ, что вечеромъ уголъ пола, гдѣ оставлялъ я имъ куски чернаго хлѣба, становился чернымъ; кишьмя кишели молчаливые гости, но за то и не расползались по всей камерѣ и не бродили по постели.

— Почему намъ книгъ не даютъ и на прогулку не водятъ?— спрашиваю Новицкаго во время допроса.

— Потому что вы ничего не говорите и ведете себя дерзко. Стучите.

— Вотъ оно что! Послѣ этого не только стучать, но и кричать буду.

— Тогда васъ придется посадить въ карцеръ.

— Куда угодно.

Такимъ образомъ намъ удалось установить у себя болѣе или менѣе приличные порядки. Вмѣсто стука — разговаривать въ фортки. Шебалинъ даже сталъ давать намъ уроки по математикѣ. Затѣмъ и книги изъ библіотеки разрѣшили. Изъ хода дѣла было видно, что насъ предадутъ военному суду. До нашего ареста хотѣли такому суду предать арестованныхъ передъ нами за мѣсяцъ, но теперь ихъ дѣло пошло въ административномъ порядкѣ. Въ обычаѣ кіевскихъ жандармовъ было каждый годъ создавать по одному процессу, и если бы насъ не арестовали, то нашихъ предшественниковъ, навѣрно, предали бы военному суду. Надо же было бы показать свое усердіе въ улавливаніи людей. Какъ то на допросѣ Новицкій разоткровенничался и сказалъ болѣе, чѣмъ слѣдуетъ.

— Что же, мое дѣло служба,—говорилъ онъ: кто больше платитъ, чья сторона беретъ—тѣмъ и служу. Ваша возьметъ— вамъ буду служить.—Въ этомъ отношеніи онъ былъ искрененъ.

Съ нашимъ процессомъ очень торопились. Ходили слухи, что насъ могутъ увезти въ С.-Петербургъ и тогда слава Новицкаго могла померкнуть. Это значило бы, что ему не довѣряютъ. Судъ былъ бы, вѣроятно, еще скорѣе, если бы не случайные аресты, которые такъ заманчиво улыбались Новицкому—раскрыть новые слѣды. На одной изъ станцій былъ арестованъ студентъ Данилевскій, ѣхавшій къ отцу въ деревню. При немъ оказалось нѣсколько револьверовъ и нѣсколько кинжаловъ громаднаго размѣра. Арестовали его какъ ужаснѣйшаго преступника—еще бы! когда при немъ такое смертоносное оружіе. И такъ какъ онъ ничего не говорилъ на допросахъ, потому что дѣйствительно ничего не зналъ и ни къ какой революціи не имѣлъ ни малѣйшей склонности, то его молчаніе было принято жандармами за архиконспирацію. Оружіе же онъ пріобрѣталъ какъ любитель, поку-

палъ даже никуда не годное. Когда же показали ему наши карточки—онъ сразу сказалъ на меня, что я жилъ у его хозяина Н. П. Дирдовскаго подъ фамиліей Никитина. Арестовали Дирдовскаго, тоже не причастнаго къ нашимъ дѣламъ, и изъ него старались выжать показанія, которыхъ онъ, конечно, не могъ дать по самой простой причинѣ, что не зналъ насъ! По отношенію къ нему Новицкій прибѣгалъ къ самымъ жестокимъ средствамъ. Онъ неоднократно призывалъ старушку мать Д. и начиналъ ей рисовать такія ужасныя кары, какія ждутъ ея сына за его упорство и неоткровенность, что несчастная женщина рыдала почти до истерики. Но всѣ эти варварскіе пріемы ничего не дали новаго усердному Новицкому. Тогда насъ стали показывать различнымъ темнымъ личностямъ, такъ какъ всѣ дворники и домовладѣльцы не признавали. Одновременно съ нами было арестовано нѣсколько студентовъ Кіевскаго университета и одинъ изъ духовной академіи. Новицкому хотѣлось во что бы то ни стало связать ихъ съ нами. Дворники не помогли ему въ этомъ, прибѣгнули къ сыщикамъ. Эти постарались, но переусердствовали. Впрочемъ объ этомъ будетъ сказано ниже.

Наше дѣло жандармы старались раздуть и преувеличить, руководствуясь собственной фантазіей и желаніемъ упечь всѣхъ. Такъ о М. Васильевѣ, служившемъ у губернатора въ канцеляріи, они говорили не иначе, какъ о „новомъ Клѣточниковѣ". Сообразно такому взгляду первое время его держали изолировано отъ всѣхъ и въ суровыхъ условіяхъ, стараясь выжать отъ него показанія, разумѣется самыя серьезныя, оправдывающія ихъ фантазію. Возмущенный Васильевъ платилъ имъ тоже фантазіей и выдумками. Послѣ одного изъ долгихъ и настойчивыхъ допросовъ, онъ потребовалъ бумаги и на нѣсколькихъ листахъ написалъ показанія, гдѣ говорилъ, что участвовалъ чуть ли не во всѣхъ покушеніяхъ. Въ дѣлѣ Соловьева онъ смазывалъ револьверъ. Въ лавкѣ Кобозева съѣлъ два пуда, чтобы поддержать торговлю и т. д., все въ этомъ родѣ,—словомъ на выдумки жандармовъ отвѣчалъ выдумками, что конечно ихъ раздражало.

— Вотъ вы ничего не говорите, мы это понимаемъ, хотя и неодобряемъ,—говорилъ на допросахъ Малицкій, помощникъ Новицкаго;—а вотъ Васильевъ выдумываетъ, мучитъ насъ, заставляетъ посылать слѣдователей наводить справки и все оказывается вздоръ

— Черезъ чуръ настойчиво требуете показаній, хорошо что мы всѣ этого не дѣлаемъ,—отвѣчаю ему.

— Ну онъ у насъ за это поплатится... Такъ ему не пройдетъ,—негодовалъ Малицкій.

На допросы насъ таскали часто и всякій разъ, проводя по корридорчику канцеляріи, показывали агентамъ сыска, очевидно для того, чтобы тѣ хорошо примѣтили насъ въ лицо къ предстоящему суду. Слѣдствіе заканчивалось.

Въ концѣ октября меня, Шебалина, Мартынова и Караулова перевели въ Лукьяновскую тюрьму, гдѣ содержались всѣ осталь-

ные, привлекавшіеся по нашему дѣлу. Черезъ недѣлю явился въ тюрьму товарищъ предсѣдателя суда ген.-маіоръ Конисскій и военный прокуроръ Щербовичъ для врученія намъ обвинительныхъ актовъ. Получивъ громадную кипу бумаги, невольно пришла въ голову мысль: вотъ если бы дѣйствительно столько дѣлъ надѣлать, какъ въ этомъ обвинительномъ актѣ, тогда куда бы ни шло, а то дѣлъ то не ахти сколько!

— Если желаете защитника имѣть, должны заявить заранѣе, — говорилъ Конисскій.

— Я подумаю. Попробую прежде разобраться въ обвинительномъ актѣ.

— Какъ знаете, ваше дѣло.

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТЪ

объ именующемъ себя дворянинѣ А. А. Борисовичемъ 29 л., дѣйствительномъ студентѣ С.-Петербургскаго университета М. П. Шебалинѣ 26 л., женѣ его Прасковіи Федоровнѣ Шебалиной 26 л., студентахъ унив. Св. Владиміра Макарѣ Николаевѣ Васильевѣ 27 л., Николаѣ Никандровѣ Завадовскомъ 21 г., Евг. Дм. Степановѣ 19 л., студ. Кіевск. дух. Академіи П. Гр. Дашкевичѣ 23 л., ст. унив. Св. Владиміра Я. М. Затворницкомъ 20 л., дворянкѣ В. В. Щулепниковой 23 л., мѣщанинѣ В. С. Панкратовѣ 21 г., дворянинѣ В. А. Карауловѣ 29 л. и сынѣ священника Н. П. Дирдовскомъ 21 года, преданныхъ Кіевскому Военно-Окружному суду Кіевскимъ, Подольскимъ, Волынскимъ и временнымъ Черниговскимъ и Полтавскимъ Генералъ-Губернаторомъ.

Въ сентябрѣ прошлаго 1883 г. начальникомъ Кіевскаго жанд. управленія были получены свѣдѣнія о предполагающемся въ Кіевѣ съѣздѣ представителей и членовъ тайнаго соціально-революціоннаго сообщества подобно съѣзду, бывшему въ 1879 г. въ г. Липецкѣ Тамбовской губерніи, причемъ на съѣздѣ этомъ имѣлось въ виду выработать программу дѣйствій для такъ называемаго „Народовольческаго“ сообщества и въ основаніе этой программы предполагалось принять систему террористическую для поддержанія кредита сообщества, лишившагося за послѣднее время, вслѣдствіе произведенныхъ арестовъ многихъ выдающихся членовъ.

Далѣе полученныя свѣдѣнія указывали на то, что на съѣздѣ въ г. Кіевѣ должны будутъ присутствовать находящіяся на свободѣ выдающіяся лица сообщества, проживающія въ разныхъ мѣстахъ Россіи и заграницею и участники съѣзда, какъ прибывшіе въ Кіевъ, такъ и проживающіе въ этомъ городѣ, должны сосредоточиваться около образовавшейся въ Кіевѣ такъ называемой „Юго-Западной“ группы „Народной Воли“, имѣющей свою тайную типографію.

Путемъ провѣрки полученныхъ свѣдѣній и секретнаго наблюденія, продолжавшагося по мартъ настоящаго года, были выяснены нѣкоторыя личности, имѣвшія между собою сношенія посредствомъ

таинственныхъ свиданій, при чемъ часть изъ нихъ проживала по подложнымъ документамъ.

Къ числу такихъ лицъ, принадлежность которыхъ къ противозаконному сообществу установилась по секретному наблюденію и которые имѣли принять участіе въ съѣздѣ, отнесены: (слѣдуетъ перечисленіе лицъ, упомянутыхъ въ началѣ обвинительнаго акта).

Въ первыхъ числахъ марта текущаго года у всѣхъ поименованныхъ выше лицъ, по распоряженію Начал. Жанд. Управленія, были произведены обыски, результаты которыхъ послужили основаніемъ къ производству дознанія, съ привлеченіемъ названныхъ лицъ къ дѣлу въ качествѣ обвиняемыхъ въ принадлежности къ тайному противозаконному сообществу, стремящемуся къ насильственному ниспроверженію въ Россійской имперіи государственнаго и общественнаго порядка, причемъ, по мѣрѣ движенія дознанія, на основаніи вновь добавленныхъ данныхъ, привлеклись въ качествѣ обвиняемыхъ и другія лица.

Изъ показаній унтеръ-офицеровъ Кіевск. Жанд. Управленія Качновскаго, Золотыхъ, Ѳомина, Скрипиченко, Ставцева, Волкова и Шилепкова усматривается, что именующій себя Борисовичемъ, супруги Шебалины, Щулепникова, Дашкевичъ, Васильевъ, Завадскій, Степановъ, Карауловъ и Панкратовъ были другъ съ другомъ знакомы, при чемъ всѣ они поддерживали между собою постоянныя сношенія, посѣщая другъ друга большей частью вечеромъ, почему производившіе дознаніе лица, въ связи съ обнаруженными путемъ обысковъ и другими данными и доказательствами по отношенію къ каждому изъ перечисленныхъ обвиняемыхъ въ отдѣльности, естественно пришли къ заключенію, что всѣ названныя лица являются не единоличными злоумышленниками, а членами одной и той-же преступной партіи.

Въ частности по отношенію къ каждому изъ обвиняемыхъ обнаружено слѣдующее:

I. Относительно именующаго себя Апполинаріемъ Борисовичемъ.

3 марта текущаго года въ 9 ч. вечера унтеръ-офицеръ Кіевс. Жанд. Управленія Гавріилъ Золотыхъ и Петръ Кочановскій доставили въ управленіе Лыбедского полицейскаго участка г. Кіева неизвѣстнаго человѣка, который назвалъ себя дворяниномъ А. Борисовичемъ.

Личность эта была задержана названными чинами жанд. управленія на Кузнечной улицѣ въ г. Кіевѣ, при помощи запаснаго рядового Бибуса и двухъ извозчиковъ Макарова и Брехова, причемъ у назвавшагося Борисовичемъ оказался кинжалъ и револьверъ, изъ коего онъ сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ въ задерживавшихъ его жандармовъ, одѣтыхъ въ партикулярное платье.

Въ квартирѣ А. Борисовича при обыскѣ найдено: а) Двѣ программы рабочихъ членовъ партіи „Народной Воли“ преступнаго содержанія; б) Двѣ тетради, изъ коихъ одна въ 7 листовъ и заключающая въ себѣ исторію слесаря, составленная въ проти-

воправительственномъ направленіи, а другая съ изложеніемъ промышленнаго состоянія Франціи; в) Гектографированная брошюра „Подпольная Россія“ и г) 5 пузырьковъ съ различными жидкостями—содержащими въ себѣ хлороформъ, штемпельную краску и полуторахлористое желѣзо.

II. Относительно дѣйствительнаго студента Михаила Петрова Шебалина и жены его Прасковьи Федоровой Шебалиной.

Изъ протоколовъ обыска, произведеннаго 4 марта текущаго года у Шебалиныхъ найдены слѣдующіе предметы: 1) револьверъ большого калибра системы Смита и Вессонъ, заряженный; 2) также заряженный системы Лефоше; 3) три аспидныя дощечки съ вырѣзанными на нихъ печатями различныхъ казенныхъ учрежденій; 4) 10 снимковъ на восченой бумагѣ съ различныхъ казенныхъ учрежденій и съ подписей; 5) 2 снимка съ метрическихъ свидѣтельствъ; 6) переписка съ различными лицами содержавшимися подъ стражей и письма ссыльныхъ преступниковъ, изображающія въ неблаговидномъ свѣтѣ положеніе ссыльныхъ; документы оказавшіеся подложными, гектографированный журналъ „Студенчество“, фотографическія карточки братьевъ Ивичевичевыхъ, хроника арестовъ, гектографированная программа Вѣстника Народной Воли, рукопись, повидимому предназначенная къ печати; 2 печатныя прокламаціи: „Заявленіе отъ Южно-Русской боевой дружины, типографскія принадлежности и шрифтъ вѣсомъ 1 пд. $15^1/_2$ фунт. и типографской бумаги 1 пд. $10^1/_2$ фунтовъ.

III. По отношенію къ дворянкѣ Варварѣ Щулепниковой.

4 марта по мал. Владимірской улицѣ подъ № 57, занимаемой личностью, проживавшей подъ именемъ дочери священника Софіи Павловой Кочетовой найдены были нѣкоторыя типографскія принадлежности; 4 прокламаціи Южно-Русской боевой дружины; прокламація подъ заглавіемъ: „Къ товарищамъ русскимъ соціалистамъ“ отъ Польской группы бывшихъ членовъ „Равенство“ женевскаго изданія отъ 3-го ноября 1881 года, призывающая къ образованію одной соціалистической партіи.

IV. Относительно студента Кіевской Духовной Академіи Петра Дашкевича.

Изъ протокола обыска, произведеннаго 4 марта въ помѣщеніи Дашкевича, у него найдено: 1) записка карандашемъ на клочкѣ бумаги: „будьте непремѣнно въ обыкновенномъ мѣстѣ, необходимо видѣться“; 2) Книжка подъ заглавіемъ „Русская соціально-демократическая библіотека“, „Борьба партій во Франціи при Людовикѣ XVIII“ Чернышевскаго, женевск. изд. съ клеймомъ „книжная агентура Народной Воли“, и 6 боевыхъ патроновъ къ револьверу центральнаго боя, купленныхъ по просьбѣ отца Дашкевича.

V. Относительно мѣщанина Василія Панкратова.

4 марта текущаго года, въ 9 часовъ вечера, унтеръ-офицеры жанд. управленія Волковъ и Ставцевъ доставили въ Старо-Кіевскую часть задержаннаго ими по распоряженію начальства, неизвѣстнаго человѣка, который, по заявленію доставившихъ, стрѣ-

лялъ и причинилъ рану участвовавшему при задержаніи его жандармскому унтеръ-офицеру Хмара. Доставленный отказался дать объясненія о своей личности и мѣстѣ жительства, при немъ найдено: 1) револьверъ системы „бульдогъ", кинжалъ и свидѣтельство на имя сына землевладѣльца Александра Борисовича Озерова (онъ же оказался мѣщаниномъ Василіемъ Панкратовымъ).

4 марта былъ произведенъ обыскъ въ домѣ Сидорацкой, гдѣ, какъ оказалось, проживалъ подъ именемъ дворянина Николая Афанасьевича Черновскаго мѣщанинъ Панкратовъ; при обыскѣ найдено: 1) записка: „Если придешь, то уйди немедленно. Уйди! Чепуха"!; 2) 25 листовъ записокъ преступнаго содержанія, касающихся пропаганды среди рабочихъ; программа Исполнительнаго Комитета Партіи Народной Воли, программа Вѣстника Народной Воли, химическіе составы въ трехъ отдѣльныхъ сверткахъ, стеклянный пузырекъ съ жидкостью; планъ съ надписью на польскомъ языкѣ и свидѣтельство на имя сына дворянина Николая Черновскаго. Департаментъ полиціи увѣдомилъ Нач. Кіевск. жанд. управленія, что задержанный мѣщанинъ В. С. Панкратовъ, розыскивавшійся циркуляромъ отъ 17 апр. 1882 г., подлежалъ привлеченію къ дознанію о преступной пропагандѣ среди петербургскихъ рабочихъ, при чемъ, какъ видно изъ сообщеній Нач. Петерб. губ. жанд. управленія, привлеченъ не былъ за нерозысканіемъ его, Панкратова.

VI. Относительно дворянина Василія Караулова.

4 марта въ управленіе Старо-Кіевскаго участка жандармскіе унтеръ-офицеры Грицукъ, Петръ Скрипиченко и Варфоломей Скрипиченко доставили задержаннаго ими по распоряженію начальства, неизвѣстнаго подъ именемъ Александра Эдуардовича Тэйшъ. По произведенному обыску, при арестованномъ лицѣ найдено: 1) записная книжка съ надписью „1881 года"; 2) на листѣ бѣлой бумаги рукописное „воззваніе отъ Сѣверной Кассы къ русскому обществу", 3) на листѣ почтовой бумаги: „отчетъ о суммахъ, поступающихъ на дѣло народнаго освобожденія", при чемъ въ концѣ отчета сказано: „на терроръ 10.000 рублей". На квартирѣ же у арестованнаго Тэйшъ ничего преступнаго не найдено.

VII. Относительно Макарія Васильева.

4 марта былъ произведенъ обыскъ у студента Васильева и найдено: 1) рукописное объявленіе Юго-Западной группы партіи „Народной Воли" о выходѣ въ свѣтъ періодическаго изданія „Соціалистъ", который будучи однимъ изъ органовъ соціально-революціонной партіи Народной Воли, имѣетъ задачею ускорить измѣненіе политическаго строя въ Россіи, и 9 листовъ корректурныхъ того же объявленія, гдѣ говорится о задачахъ партіи и о террорѣ; 2) писанная карандашемъ корректурная азбука; 3) аттестатъ объ окончаніи курса женскаго духовнаго училища Елизаветою Данилевской и копія съ него; 4 перечня разныхъ фамилій обозначенныхъ рубриками: „Кіевляне, Петербуржцы" и другія замѣтки.

VIII. Относительно студента Якова Затворницкаго.

При обыскѣ у Затворницкаго преступнаго ничего не найдено, но признано необходимымъ пріобщить къ дѣлу: 1) Каталогъ систематическаго чтенія изд. типогр. Нитче. Одесса, 2) конвертъ отъ заграничнаго письма, 3) стихотвореніе подъ заглавіемъ: „оберъ-доносчику Юзефовичу съ того свѣта отъ Шульгина“.

IX. Относительно студентовъ Николая Завадовскаго и Евгенія Степанова.

4 марта былъ произведенъ обыскъ у студентовъ Степанова и Завадовскаго, при чемъ явно преступнаго ничего не обнаружено, но признано нужнымъ пріобщить къ дѣлу: 1) изъятый изъ обращенія каталогъ Распопова, 2) Письма изъ С.-Петербурга; одно письмо отъ лица содержащагося въ крѣпости, въ которомъ сообщаются показанія нѣкоторыхъ лицъ и говорится: „у прокурора вы оба на примѣтѣ“.

X. Относительно сына священника Николая Дирдовскаго.

При обыскѣ у него ничего преступнаго не найдено.

Далѣе весь обвинительный актъ переполненъ показаніями жандармовъ, исполнявшихъ роль „тайныхъ агентовъ“, просто сыщиковъ и въ то же время свидѣтелей. Всѣ ихъ показанія сводятся къ сочинительству: гдѣ, когда и съ кѣмъ они насъ видѣли, за кѣмъ слѣдили. Эти показанія полны противорѣчій и неправды, что выяснилось и на судѣ.

Приведу образцы жандармскихъ показаній изъ обвинительнаго акта: „по показанію унтеръ-офицера Волкова 13-го февраля днемъ къ Панкратову приходилъ Шебалинъ и вслѣдъ за нимъ туда же пріѣзжалъ неизвѣстный, проживавшій по Андреевской ул. д. № 6 (Стародворскій)“. „Унтеръ-офицеръ Шиленковъ *удостовѣрилъ*, что съ 16-го по *22 февраля и съ 1-го по 3 марта Шебалинъ* заходилъ къ Панкратову почти ежедневно большею частью днемъ и оставался тамъ отъ $1^1/_2$ ч. до 2 часовъ“.

„Жандармскій унтеръ-офицеръ Хмара, наблюдавшій за квартирою въ домѣ Сидорацкой, гдѣ проживалъ Панкратовъ подъ именемъ Черновскаго, показалъ, что видѣлъ, какъ 18 или 19 февраля къ нему приходилъ Шебалинъ, послѣ чего Панкратова не было видно въ теченіи двухъ или трехъ дней, почему наблюденіе было перенесено къ квартирѣ Шебалина, причемъ онъ, свидѣтель, (жандармъ) видѣлъ, какъ Шебалинъ 24 февраля около 12 часовъ дня отправился на Лютеранскую ул., гдѣ жилъ Васильевъ, вышелъ оттуда вмѣстѣ съ Панкратовымъ и отправились на квартиру Шебалина. Вслѣдъ за ними туда же пришли порознь Дашкевичъ и Борисовичъ“. Таковы показанія жандармскихъ унтеръ-офицеровъ. Приведу теперь показанія изъ обвинительнаго акта госпожи Сидорацкой. „4-го марта домовладѣлица, вдова коллежскаго совѣтника Сидорацкая подала приставу Плоскаго участка заявленіе о томъ, что квартировавшій въ домѣ ея, находящемся по Константиновской улицѣ подъ № 42, дворянинъ Черновскій 24 февраля уѣхалъ, оставивъ квартиру *запертою и не является* въ теченіи 9 дней, почему она, Сидорацкая, проситъ осмотрѣть квартиру.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Сидорацкая представила письмо за подписью Черновскаго слѣдующаго содержанія: „За недостаткомъ времени я не могъ придти и заявить Вамъ о своемъ выѣздѣ; черезъ 6 дней пріѣду и возьму свои вещи. Извините что я не пришелъ, но на это были уважительныя причины. Уѣзжаю въ Конотопъ“.

Если сравнимъ показаніе жандармовъ сыщиковъ Шиленкина и Хмары съ показаніемъ домовладѣлицы Сидорацкой, то получится, что Панкратовъ обладалъ какою то особенною способностью одновременно и присутствовать и отсутствовать, быть и не быть. Шпіонъ Шиленковъ *удостовѣрилъ*, что къ Панкратову почти ежедневно съ 16 по 22 февраля и съ 1-го по 3 марта заходилъ Шебалинъ да еще когда, между $1^1/_2$ ч. и 2 часами дня!“ Другой же шпіонъ Хмара утверждаетъ, что видѣлъ какъ Шебалинъ приходилъ къ Панкратову 18 или 19 февраля, послѣ чего Панкратова не было видно дня два или три т. е. 20, 21 и 22 февраля, почему и наблюденія были перенесены къ квартирѣ Шебалина“. Получается, что два жандарма уличаютъ другъ друга во лжи: объ одномъ и томъ же показываютъ различно. На помощь имъ является домовладѣлица Сидорацкая и уличаетъ во лжи ихъ обоихъ своимъ заявленіемъ.

Вотъ какъ строилось все обвиненіе по нашему дѣлу, вотъ по какимъ „агентурнымъ“ источникамъ составлялся нашъ обвинительный актъ чинами жандармеріи и военнымъ прокуроромъ.

Теперь уже прошло много, много лѣтъ съ того времени, когда осуществлялось жандармско-военное правосудіе, когда на основаніи „агентурныхъ“ свѣдѣній военный прокуроръ Щербовичъ тянулъ на висѣлицу 12 человѣкъ, я могу привести и фактическія возраженія противъ основного пункта обвиненія насъ въ подготовкѣ съѣзда à la „Липецкій“ съѣздъ въ Тамбовской губерніи въ 1879 году. Если таковыя свѣдѣнія и были получены, то опять таки изъ источниковъ сомнительнаго свойства, а именно: отъ Дегаева-Судейкина и Шкрябы. Въ началѣ лѣта 1883 г. въ Харьковѣ дѣйствительно былъ поднятъ вопросъ членами рабочей организаціи о съѣздѣ, при чемъ ставилось непремѣннымъ условіемъ чтобы на этомъ съѣздѣ участвовали и представители рабочихъ организацій партіи „Пролетаріатъ“, имѣя въ виду установить непосредственную связь между рабочими организацій обѣихъ партій и взаимное ознакомленіе о положеніи дѣлъ. Въ то время Дегаевъ-Судейкинъ печатали и распространяли въ г. Харьковѣ свою знаменитую прокламацію о еврейскихъ погромахъ отъ имени партіи Народной Воли. Эта прокламація восхваляла погромы и одобряла ихъ. И Шкряба и Дегаевъ были тогда еще не обнаружены, какъ провокаторы и возможно, что они отъ кого нибудь слышали о разговорѣ по поводу съѣзда. Но этотъ вопросъ былъ тогда же снятъ съ очереди въ виду того, что въ то время было не до съѣзда, такъ какъ въ самомъ ближайшемъ будущемъ предстоялъ цѣлый рядъ другихъ неотложныхъ дѣлъ, которыхъ не передѣлать даже въ годъ. Послѣ этого нигдѣ вопросъ о съѣздѣ не поднимался и всѣ умозаключенія Кіевскаго жандармскаго управленія по

этому поводу были плодомъ свирѣпой фантазіи подвести обвиняемыхъ подъ 249 статью и получить благодарность свыше. На основаніи же фактическихъ данныхъ это можно было сдѣлать только относительно двухъ—трехъ человѣкъ изъ нашего процесса. Другихъ же можно было обвинять только въ знакомствѣ личномъ или даже случайномъ. Но вѣдь знакомство съ людьми принадлежащими къ той или другой партіи, не есть преступленіе.

1-го ноября подъ сильнымъ конвоемъ въ каретахъ насъ отправили въ военный судъ. На скамьѣ подсудимыхъ оказалось 12 чел. Предсѣдатель суда, генералъ Кузьминъ весьма внимательно слѣдилъ за ходомъ дѣла, хотя не рѣдко останавливалъ и подсудимыхъ и защитниковъ. Помощникъ же его Конисскій все время читалъ отобранную у насъ литературу и ни малѣйшаго вниманія не обращалъ на судебное слѣдствіе. Только когда говорилъ прокуроръ Щербовичъ, онъ поднималъ голову и прислушивался, не пропуститъ ли тотъ 249 ст. Но Щербовичъ былъ не изъ такихъ. Это былъ сама 249 ст. По прочтеніи обвинительнаго акта, стали приводить свидѣтелей къ присягѣ. Тутъ насъ всѣхъ поразило такое обстоятельство: пока присягали простые обыватели, все шло какъ то естественно и просто. Стоятъ себѣ люди поднявъ руку вверхъ и повторяютъ за священникомъ слова, а затѣмъ просто, безъ рисовки цѣлуютъ крестъ и евангеліе. Но вотъ стали приводить къ присягѣ жандармовъ. Они вытянулись, преисполнились благоговѣніемъ, набожности и съ яростью цѣлуютъ крестъ и евангеліе, обѣщая говорить только одну правду. Но все это было такъ напыщено и искусственно, что сразу было видно, что эти люди могутъ сказать правду только по ошибкѣ.

Начался допросъ свидѣтелей не жандармовъ, опять идетъ все гладко, иногда комично, особенно когда квартирный хозяинъ Караулова и Стародворскаго, еврей Циммерманъ разсказывалъ, какъ его дѣтки играли косточками человѣческаго скелета, которыя были у Стародворскаго, проживавшаго подъ видомъ студента медика. На этихъ костяхъ Новицкій намѣревался возложить кости и М. Затворницкаго, построивъ на нихъ тѣсную связь и знакомство послѣдняго со Стародворскимъ. Но вотъ вызываютъ одного за другимъ жандармовъ. На всѣ вопросы они отвѣчаютъ какъ докладываютъ рапортъ, забывая и крестъ, и евангеліе.

— Почему вы не вызовите на очную ставку этихъ двухъ?— спрашиваетъ меня защитникъ Баженовъ:— такое противорѣчіе!

— Стоитъ ли?

— Объ этомъ вопроса не можетъ быть.

Заявляю предсѣдателю. Вызываютъ жандарма Ѳомина. Въ залъ суда входитъ рыжій здоровенный дѣтина, косая сажень въ плечахъ. Прошу прочесть записанное имъ въ памятную книжку. Читаетъ: такого-то числа въ такомъ-то году онъ видѣлъ меня съ такимъ-то; такого-то съ такимъ-то и вмѣстѣ мы отправились ко мнѣ на квартиру и т. д. въ теченіе нѣсколькихъ дней.

— Сплошная ложь!—говорю я.

Предсѣдатель дѣлаетъ мнѣ замѣчаніе. Прошу вызвать жан-

дарма Хмару. Является послѣднiй и по моему предложенiю читаетъ свою записную книжку: съ такого-то числа подсудимаго не было видно въ теченiи нѣсколькихъ дней. Дни, на которые указывалъ Хмара, совпадаютъ съ днями, указанными Ѳоминымъ, межъ тѣмъ между показанiями вышла такая размолвка; не успѣли списать или свѣрить другъ у друга записи.

— Показанiе одного противорѣчитъ показанiю другого. Кто нибудь изъ свидѣтелей вретъ. А вѣдь кажется эти господа давали присягу, цѣловали крестъ—говорить только правду? Впрочемъ, что значитъ для жандармовъ присяга, евангелiе и крестъ!

— Подсудимый Панкратовъ! Я вамъ запрещаю говорить не по существу!—останавливаетъ меня предсѣдатель:—если желаете задать еще вопросы свидѣтелямъ, то продолжайте.

— Я хочу только сдѣлать заявленiе, что, вызывая на очную ставку жандармовъ, отнюдь не хотѣлъ этимъ повлiять на свой приговоръ. Я желалъ только обратить вниманiе суда вообще на показанiя свидѣтелей въ жандармскихъ мундирахъ.

Въ это время разыгрывается трогательная сцена между прокуроромъ и Хмарою.

— Ты, голубчикъ, можетъ быть усталъ, не совсѣмъ поправился? Тебѣ отдохнуть нужно,—нѣжно и ласково говоритъ Щербовичъ Хмарѣ.

— Господинъ предсѣдатель, прошу запретить прокурору любезничать съ жандармомъ,—раздраженно заявляетъ Васильевъ.

Предсѣдатель дѣлаетъ замѣчанiе послѣднему и чрезъ очки смотритъ на прокурора.

— Какой цинизмъ!—говоритъ мнѣ жена Шебалина: тянетъ нѣсколько человѣкъ на висѣлицу и въ то же время нѣжничаетъ съ завравшимся жандармомъ.

— Свои люди. Оба тянутъ...

Чтобы сгладить непрiятное впечатлѣнiе, произведенное показанiями жандармовъ, прокуроръ вызываетъ пристава Пашинскаго.

— Скажите свидѣтель,—обращается къ послѣднему прокуроръ:—вы были при задержанiи подсудимаго Панкратова?

Приставъ подтверждаетъ.

— Куда направлены были выстрѣлы?

— Въ меня, прямо въ меня,—увлекается приставъ.

— Вы сказали, что выстрѣлы были направлены прямо въ васъ,—вмѣшивается защитникъ,—а не помните, въ которомъ часу это было.

— Въ 10-мъ, вечеромъ.

— Значитъ было уже темно,—подсказываетъ защитникъ.

Прокуроръ нервно крутитъ усъ.

— Въ какомъ положенiи находился стрѣлявшiй?—спрашиваетъ онъ пристава.

— Этого я не могу сказать. Кругомъ былъ народъ, толпа... я этого не могу сказать.

Но все таки вы видѣли, что подсудимый направлялъ выстрѣлы на васъ,—замѣчаетъ защитникъ.

Смѣхъ. Но приставъ стоитъ героемъ правды. Онъ не могъ въ потьмахъ разглядѣть человѣка, а револьверъ отчетливо видѣлъ.

— Защита не желаетъ задать свидѣтелю еще какіе либо вопросы?

— Показанія свидѣтеля Пашинскаго достаточны,—отвѣчаетъ защитникъ.

Новицкій, присутствовавшій на этомъ перекрестномъ допросѣ, потерялъ всякое спокойствіе и во время антракта сдѣлалъ отеческое внушеніе Ѳомину въ корридорѣ суда. На слѣдующемъ засѣданіи Васильевъ заявилъ объ этомъ предсѣдателю суда, который распорядился удалять жандармовъ въ отдѣльную свидѣтельскую комнату и не позволять имъ находиться въ корридорѣ. Все это, конечно, были пустыя формальности и никакого дѣйствія не могли оказать ни на судъ, ни въ особенности на прокурора.

Въ своей обвинительной рѣчи, шаблонной и безконечной, онъ старался доказать во 1-хъ, что партія Н. В. не имѣетъ за собою исторіи, какъ и всякая русская революціонная партія, во 2-хъ, что партія Народной Воли стремится къ уничтоженію политическаго государства и водворенію коммунизма и наконецъ партія Н. В. есть партія террористовъ, „героевъ револьвера и кинжала“.—„Быть можетъ, г.г. судьи, у васъ возможенъ вопросъ, почему я подвожу настоящее дѣло подъ 249, а не подъ 250 ст., такъ какъ въ данномъ случаѣ не было еще никакихъ насильственныхъ дѣйствій, клонящихся къ ниспроверженію верховной власти, но вѣдь эта группа принадлежитъ къ партіи Народной Воли, партіи, которая заявила себя цѣлымъ рядомъ покушеній на убійства и убійствомъ высокопоставленныхъ лицъ, а потому всякій, принадлежащій къ ней отвѣтственъ за ея дѣйствія, хотя бы самъ и не принималъ физическаго участія. Вотъ почему я думаю, что всѣ подсудимые должны быть подведены подъ 249 ст.“—Такъ заключилъ свою рѣчь прокуроръ.

На первые два пункта отвѣчалъ ему и возражалъ защитникъ Куперникъ, доказавъ историческими фактами, что партія Народной Воли имѣетъ за собою исторію, которая началась съ „декабристовъ“. Что же касается уничтоженія политическаго и экономическаго государства, которое будто бы ставитъ себѣ цѣлью Народная Воля, то эта передержка въ прокурорской рѣчи была устранена ссылкою на программу партіи. Шебалинъ въ своемъ послѣднемъ словѣ указалъ, что у прокурора не было никакихъ разумныхъ основаній характеризовать террористовъ, какъ „героевъ кинжала и револьвера“. „Какое бы тяжелое въ уголовномъ смыслѣ преступленіе не совершилъ террористъ, такъ на него смотрѣть нельзя,—говорилъ онъ: — Нельзя думать, что для него вопросъ о совершеніи преступленія не представляетъ никакихъ колебаній, что онъ совершаетъ преступленіе безъ насилія надъ человѣческой стороной своей природы. Далѣе, нужно взять во

вниманіе, что совершеніе преступленія вызывается глубокимъ убѣжденіемъ въ его необходимости, что террористъ такимъ образомъ является человѣкомъ идеи, дѣйствуетъ во имя идеи, которой онъ приноситъ въ жертву все, чѣмъ можетъ жертвовать человѣкъ свою судьбу и даже жизнь. Затѣмъ онъ указалъ на то—раціонально ли всякаго человѣка, прикосновеннаго къ дѣятельности партіи, считать членомъ партіи, какъ это установлено практикой военно-окружныхъ судовъ. Онъ указалъ на то, что между первымъ и вторымъ большая разница, которую необходимо принимать во вниманіе". Но для прокурора, такъ энергично говорившаго противъ убійствъ и покушеній, всѣ эти рѣчи не имѣли никакого значенія: онъ занятъ былъ однимъ—покушеніемъ на жизнь 12 человѣкъ. Онъ не замѣчалъ этого противорѣчія и требовалъ смерти даже для тѣхъ, противъ кого не было никакихъ уликъ, никакихъ вещественныхъ доказательствъ, признаваемыхъ съ его точки зрѣнія преступными, тогда онъ ссылался на вещественныя доказательства непреступныя, указывая на нихъ какъ на признакъ преступности.

У Степанова и Завадовскаго былъ взятъ каталогъ систематическаго чтенія изд. Распопова. Это имъ ставилось въ вину и давало поводъ прокурору подводить ихъ тоже подъ 249 ст. Въ своей защитительной рѣчи защитникъ Степанова заявляетъ:

— Прошу предсѣдателя огласить такую то страницу этого преступнаго каталога.

Предсѣдатель соглашается. Секретарь долго роется въ ворохѣ бумагъ и наконецъ отыскиваетъ крошечную книжечку. Въ залѣ суда гробовая тишина. Всѣ ждутъ.

— „Дозволено цензурою",—громко читаетъ секретарь. Всеобщее молчаніе смѣняется смѣхомъ. Даже у предсѣдателя вызываетъ улыбку.

— И за это смертная казнь! Не слишкомъ ли жестоко? Тогда насъ всѣхъ, всѣхъ здѣсь присутствующихъ, слѣдуетъ казнить, не исключая и обвинительную власть,—заявляетъ защитникъ.

Такого свойства улики были и противъ многихъ, тѣмъ не менѣе и имъ готовили 249 статью, переводя на простой языкъ, висѣлицу. Къ счастію для нихъ, судъ не посмотрѣлъ на дѣло глазами Щербовича и Конискаго. Послѣ долгаго совѣщанія онъ вынесъ свой приговоръ, разбивъ подсудимыхъ на нѣсколько категорій, причемъ Завадовскаго, Затворницкаго и Степанова оправдалъ и освободилъ. Но Новицкій арестовалъ ихъ снова черезъ нѣсколько дней. Что же касается другихъ, то и они не получили прокурорскаго подарка въ окончательной формѣ. Васильева, Дашкевича, Шулепникову и Шебалину приговорили къ поселенію, Дирдовскаго въ Олонецкую губернію, Караулова на 4 года каторги, Шебалина и Мартынова на 12 лѣтъ, меня на 20 лѣтъ.

Чрезъ недѣлю послѣ суда мнѣ пришлось снова очутиться на допросѣ по новому дѣлу. Это была первая моя встрѣча съ Новицкимъ послѣ приговора суда.

— „Дамскій“ приговоръ получили,—говоритъ онъ мнѣ.

— Вы недовольны?

— Нѣтъ... мнѣ что же. Но предсѣдателю такъ не пройдетъ. Да и вы, можетъ быть, не будете рады,—какъ-то пробормоталъ онъ.

Тогда я не понялъ смысла послѣдней фразы, а то легко бы было догадаться, что предстоитъ попасть не на Кару, а въ Шлиссельбургскую крѣпость.

В. Панкратовъ.

1906 г. Paris.

Историческая библіографія.

И. И. Янжулъ. *Изъ воспоминаній и переписки фабричнаго Инспектора перваго призыва.* Матеріалы для исторіи русскаго рабочаго вопроса и фабричнаго законодательства. С.-Петербургъ, 1907 г. Стр. 229. Ц. 1 р. 50 к.

Профессоръ И. И. Янжулъ былъ, какъ извѣстно, первымъ фабричнымъ инспекторомъ Россіи. Ему приходилось практически проводить въ жизнь первый русскій фабричный законъ, вводившій уже институтъ фабричной инспекціи. Уже по одной этой причинѣ, вспоминанія г. Янжула, какъ знатока фабричнаго быта, могли-бы представлять большой интересъ. Но его записки представляли гораздо большій интересъ въ историческомъ отношеніи. Въ своей книгѣ г. Янжулъ далъ весьма выпуклую картину: съ одной стороны—положенія рабочихъ, а съ другой—отношенія къ нимъ со стороны предпринимателей и администраціи.

Введеніе фабричной инспекціи послужило отличнымъ показателемъ всей фальшивости намѣреній правительства оградить рабочій классъ отъ эксплуатаціи, лживости заявленій либеральничавшихъ промышленниковъ о готовности ихъ идти на встрѣчу къ улучшенію положенія рабочихъ. О томъ, какъ относилось само министерство финансовъ къ созданному имъ институту фабричной инспекціи, можно судить по тѣмъ словеснымъ наказамъ, которымъ снабжало г. Янжула его ближайшее начальство. Считавшійся по тому времени либераломъ, министръ финансовъ Н. Х. Бунге, принимая г. Янжула, просилъ его „дѣйствовать осторожно, чтобы не раздражать заинтересованные и предубѣжденные круги“, а директоръ департамента торговли и мануфактуръ Ермаковъ, разрѣшая новому инспектору „заботиться о рабочихъ“, убѣдительно просилъ его „быть осторожнѣе, осторожнѣе“... (стр. 29).

Какъ понимали въ министерствѣ столь рекомендованную „осторожность“—выяснилось впослѣдствіи. Первый законъ о фабричной инспекціи былъ изданъ 1 іюня 1882 г., тогда же былъ сформированъ и штатъ фабричныхъ инспекторовъ, но инструкція инспекторамъ, безъ которой они не могли приступить къ своей дѣятельности, вышла только 26 февраля 1885 г., т. е. почти чрезъ три года, въ теченіе которыхъ законъ оставался безъ всякаго примѣненія, а инспекція существовала только на бумагѣ.

Послѣ изданія инструкціи и вслѣдствіе настояній г. Янжула министерству уже неудобно было продолжать эту своеобразную политику „осторожности“, а между тѣмъ, фабричная инспекція у всѣхъ была бѣльмомъ на глазу, поэтому департаментъ торговли и мануфактуръ, попросту тормазилъ всѣ начинанія инспекторовъ, „заботясь не о лучшей постановкѣ дѣла, а чтобы все было тихо и спокойно и, главное, чтобы въ Москвѣ были довольны“ (здѣсь на первомъ планѣ разумѣлось довольство всесильнаго Найденова—предсѣдателя биржевого комитета—и другихъ крупнѣйшихъ московскихъ промышленниковъ)“ (стр. 84). Яркой иллюстраціей этого стремленія министерства угодить московскимъ купцамъ служитъ разсказъ г. Янжула о результатахъ его борьбы съ Балашинской мануфактурой. Узнавъ что на ея фабрикѣ, вопреки новому закону работа женщинъ и дѣтей продолжается 20 часовъ въ сутки (въ

2 смѣны) вмѣсто установленнаго максимума въ 18 часовъ, г. Янжулъ потребовалъ у администраціи этой бумагопрядильни исполненія закона. Не подчиняясь требованію инспектора, администрація обратилась въ департаментъ съ ходатайствомъ о разрѣшеніи нарушать законъ до Пасхи. Такъ какъ уважить это ходатайство значило—расписаться въ томъ, что министерство само не исполняетъ своихъ законовъ, департаментъ конфиденціально прислалъ г. Янжулу внушеніе, чтобы онъ пріостановился въ своихъ требованіяхъ къ мануфактурѣ впредь до особаго на то разрѣшенія со стороны департамента, а на ходатайство мануфактуры департаментъ отвѣчалъ молчаніемъ. „Наконецъ, разсказываетъ г. Янжулъ, послѣ продолжительнаго ожиданія пришло ко мнѣ увѣдомленіе департамента, что министерство отказываетъ Балашинской мануфактурѣ въ ея просьбѣ о 20 часовой работѣ для женщинъ и подростковъ, какъ не законной, но увѣдомленіе это было получено мною лишь за двѣ съ половиною недѣли до Пасхи, т. е. какъ разъ къ тому крайнему сроку, о которомъ фабрика просила“ (стр. 103). Послѣ этого случая законъ невозбранно нарушался другими фабриками, ибо инспекція была въ ихъ глазахъ дискредитирована. Эта система скрытой обструкціи практиковалась министерствомъ финансовъ во все время инспекторства г. Янжула. Курьезнѣе всего, что одновременно министерство развивало фабричное законодательство и расширяло компетенцію фабричной инспекціи. Въ 1886 году учреждены были между прочимъ фабричныя присутствія. О дѣятельности ихъ г. Янжулъ, между прочимъ, разсказываетъ: „обвинительные приговоры, которые мнѣ удалось провести въ нихъ съ большой борьбой за злоупотребленія нѣкоторыхъ крупныхъ фабрикантовъ, вызвали апелляціи и были въ министерствѣ финансовъ положены подъ сукно - фабричное присутствіе постановило свои рѣшенія, а министерство какъ-бы ихъ молчаливо отмѣняло, и дѣло не двигалось съ мѣста“ (стр. 205.) Если такое отношеніе къ инспекціи было со стороны министерства финансовъ во времена „либеральнаго“ Бунге, то можно себѣ представить, какъ смотрѣлъ на этотъ институтъ смѣнившій Бунге И. А. Вышнеградскій. На дѣятельность г. Янжула по охраненію закона отъ нарушеній онъ смотрѣлъ, какъ на смутьянство, обвиняя его въ томъ, что онъ настраиваетъ рабочихъ противъ хозяевъ; въ заключеніе, министръ обѣщалъ передать инспекцію въ министерство внутреннихъ дѣлъ—пусть изъ инспекторовъ сдѣлаютъ становыхъ приставовъ“. Мы знаемъ, что угроза эта не была пустымъ звукомъ: хотя инспекція осталась въ вѣдѣніи министерства финансовъ, но полицейскимъ духомъ и дѣятельностью она впослѣдствіи превзошла становыхъ приставовъ. Достаточно сказать, что выдающимся инспекторомъ признавался извѣстный г. Литвиновъ-Фалинскій, оказавшій охранному отдѣленію услугу опознаваніемъ чрезъ „глазокъ“ тюремной двери задержанныхъ тамъ рабочихъ.

Чѣмъ же, однако, объяснить такое отношеніе правительства къ созданному имъ самимъ институту и къ изданнымъ имъ фабричнымъ законамъ? Ясный и точный отвѣтъ на это даетъ сама жизнь. Исторія рабочаго движенія неопровержимыми фактами доказала, что всѣ уступки, дѣлавшіяся со стороны правительства рабочимъ, были вынуждены самими рабочими. Каждому крупному фабричному закону обыкновенно предшествовали рабочія стачки, убѣждавшія правительство въ невозможности бороться съ рабочимъ движеніемъ однѣми голыми репрессіями. Законамъ 82, 84 и 86 годовъ также предшествовалъ цѣлый рядъ безпорядковъ на фабрикахъ и заводахъ. Надо было что-нибудь „дать“ рабочимъ—„имъ дали“, но этимъ до глубины души были возму-

щены фабриканты и заводчики. Въ докладной запискѣ „всероссійскаго купечества, торгующаго на нижегородской выставкѣ“ („ярмаркѣ“), поданной министру финансовъ, фабричная инспекція разсматривается, какъ институтъ, создающій „излишнія и совершенно безполезныя затрудненія для русской промышленности“. „Не прошло и года со дня открытія дѣятельности новаго института—жалуются купцы министру,—а уже вашему превосходительству извѣстно, сколько имъ возбуждено недоумѣній и вызвано непріятностей. Русскіе промышленники, оглядываясь на долгое, спокойное и патріархальное прошлое русскихъ производствъ, смѣютъ думать, что они заслуживаютъ у власти большаго довѣрія, чѣмъ то, какое имъ оказано введеніемъ стѣсняющаго какъ ихъ, такъ и ихъ рабочихъ, новаго фабричнаго закона, отдающаго часто цѣлое предпріятіе на милость и не милость лица, въ фабричномъ дѣлѣ совершенно не компетентнаго и неимѣющаго ничего общаго ни съ интересами государства, ни съ нуждами промышленности“. Правительство вняло этому воплю обездоленныхъ купцовъ и, громко покровительствуя рабочимъ, безшумно клало подъ сукно возбуждавшіяся инспекціею противъ фабрикантовъ дѣла. Волки, такимъ образомъ, оставались цѣлы, а овцамъ предоставлялось голодать подъ сѣнью покровительствовавшихъ имъ фабричныхъ законовъ.

Много поучительнаго и интереснаго содержитъ въ себѣ книга г. Янжула. Но не однимъ только фактическимъ матеріаломъ цѣнна эта книга. Г. Янжулъ по своимъ политическимъ взглядамъ можетъ быть причисленъ къ умѣреннымъ консерваторамъ, и въ рабочемъ вопросѣ стоитъ далеко не на сторонѣ современнаго движенія рабочихъ. Достаточно сказать, что нынѣшніе проекты фабричныхъ законовъ, составленные министерствомъ г. Столыпина, онъ считаетъ слишкомъ радикальными. Несмотря, однако, на столь умѣренный образъ мыслей автора, „Воспоминанія“ его представляютъ сплошной обвинительный актъ, предъявленный самодержавному правительству. При такихъ условіяхъ, книга г. Янжула, весьма неудовлетворительная въ литературномъ и даже стилистическомъ отношеніяхъ, представляетъ драгоцѣнный „человѣческій документъ“ и значитъ гораздо болѣе ученыхъ историческихъ изслѣдованій, какъ бы объективны они ни были. **В. Русинъ.**

М. Григорьевскій. *Полицейскій соціализмъ въ Россіи.* (Что такое зубатовщина?) Изданіе журнала „Образованіе“. Спб. 1906 г.

И. Х. Озеровъ. *Политика по рабочему вопросу въ Россіи за послѣдніе годы* (По неизданнымъ документамъ). Изданіе Сытина. Москва. 1906 г.

Въ исторіи рабочаго вопроса въ Россіи весьма своеобразное и очень видное мѣсто займетъ отношеніе нашего правительства къ этому вопросу. Если въ другихъ странахъ отношеніе правительства къ рабочему вопросу опредѣляется тою или другою системою фабричнаго законодательства и большею или меньшею степенью государственнаго вмѣшательства въ отношенія между рабочими и предпринимателями (о манчестерствѣ мы не говоримъ, такъ какъ оно не практикуется уже ни однимъ цивилизованнымъ государствомъ), то Россія въ этомъ отношеніи стоитъ совершенно особнякомъ, такъ какъ хотя съ начала 80-хъ годовъ у насъ и дѣлались попытки созданія фабричнаго законодательства, въ основу котораго положено было право государства регулировать положеніе рабочаго класса посредствомъ вмѣненія извѣстныхъ обязанностей предпринимателямъ, но главная суть политики нашего правительства въ рабочемъ вопросѣ заключалась не въ этомъ закономѣрномъ вмѣшательствѣ, которое такъ или иначе ограждаетъ или можетъ, по крайней мѣрѣ, ограждать

интересы рабочихъ, а въ цѣломъ рядѣ совершенно своеобразныхъ мѣръ, главная цѣль которыхъ была направлена къ охраненію внѣшняго порядка и спокойствія и къ огражденію предпринимателей отъ домогательствъ рабочихъ. Обѣ названныя книги и посвящены очерку такихъ мѣропріятій, практиковавшихся еще въ очень недавнемъ прошломъ.

Г. М. Григорьевскій посвящаетъ свою книжку знаменитой эпопеѣ участія столичныхъ охранныхъ отдѣленій и жандармеріи въ искусственномъ созданіи рабочаго движенія, которую авторъ называетъ „полицейскимъ соціализмомъ", но которая въ обществѣ получила болѣе популярную кличку „зубатовщины". Возникновеніе этого уродливаго явленія, возможнаго только въ странѣ безправія и гнета и безконтрольнаго хозяйничанья полиціи, объясняется очень просто. Въ рабочемъ классѣ, подъ вліяніемъ вѣчныхъ гоненій и притѣсненій со стороны предпринимателей, дѣйствовавшихъ всегда съ благословенія полиціи, стало такъ быстро рости сознаніе необходимости искать выходъ изъ своего невозможнаго положенія, что рабочее движеніе приняло за послѣдніе годы угрожающіе размѣры. Подавленіе его обыкновенными полицейскими мѣрами становилось все затруднительнѣе и передъ правительствомъ все настойчивѣе становилась альтернатива: или пойти на уступки и исполнитъ требованія рабочихъ или объявить имъ открытую войну. Первое рѣшеніе считалось невозможнымъ, потому что требованія рабочихъ уже не ограничивались одною экономическою сферою, а сливались со всенародными требованіями политической свободы и государственнаго переустройства. Исполнить эти требованія значило—отказаться отъ считавшагося тогда еще незыблемымъ самодержавія и показать безсиліе власти. Объявить рабочему классу открытую войну было также невозможно, такъ какъ это значило—объявить войну всей Россіи, ибо вся сознательная Россія была на сторонѣ трудящихся. Въ этомъ затруднительномъ положеніи, на помощь правительству пришелъ начальникъ московскаго охраннаго отдѣленія Зубатовъ, изобрѣвшій способъ обмануть рабочихъ и, давъ имъ видимость защиты ихъ правъ и интересовъ, отвлечь ихъ съ пути открытой борьбы съ правительствомъ. Суть этого изобрѣтенія сводилась къ тому, чтобы захватить потокъ рабочаго движенія въ свои руки, отвести его съ политическаго русла на свою, полицейскую мельницу, и использовать его въ своихъ интересахъ. Недостаточно, разсуждали зубатовцы каръ и пресѣченій, надо дать рабочимъ что нибудь положительное и самимъ вмѣшаться во внутренній міръ рабочаго, противопоставить свою пропаганду революціонной. Но что могли дать эти политики изъ полицейскаго участка изстрадавшемуся рабочему? Вообразивъ, что возможно реальные интересы огромнаго класса подмѣнить сомнительною фикціей, эти господа рѣшили объединить рабочихъ въ сообщества въ родѣ союзовъ, но дѣятельность этихъ союзовъ направить не по тому пути, который въ концѣ концовъ долженъ неизбѣжно привести къ торжеству пролетаріата, а по совершенно ложной дорогѣ, ведущей изъ кабалы предпринимательской въ кабалу полицейскую. Положеніе вещей, разсказываетъ г. Григорьевскій, цѣли и средства требовали таинственности, внѣзаконности и достойныхъ такой конфиденціальности исполнителей. Для этого нѣтъ болѣе подходящаго учрежденія, какъ тайная полиція въ лицѣ охранныхъ отдѣленій". Подъ эгидою этихъ совсѣмъ непочтенныхъ учрежденій и возникли, сначала извѣстный „Совѣтъ рабочихъ", а затѣмъ еще болѣе извѣстное и „Общество взаимнаго вспомоществованія рабочихъ въ механическомъ производствѣ" въ Москвѣ. По примѣру послѣдней организаціи, въ Москвѣ же стали

вскорѣ организовываться рабочіе и другихъ цеховъ, а въ Петербургѣ, подъ предсѣдательствомъ Гапона и также съ благословенія полиціи, возникло извѣстное „Собраніе Петербургскихъ фабрично-заводскихъ рабочихъ", состоявшее изъ 11 отдѣловъ. Эти организаціи, руководимыя и инспектируемыя полицейскими агентами, съ мѣста въ карьеръ вступили въ борьбу съ предпринимателями, организуя стачки и предъявляя требованія, о которыхъ фабриканты никогда и не помышляли. Такъ, „рабочіе" требовали улучшенія условій труда вообще, путемъ измѣненія условій найма, крупнаго повышенія заработной платы и одновременнаго сокращенія продолжительности рабочаго дня; уплаты за нѣсколько прошлыхъ лѣтъ за прогулы не по винѣ рабочаго, за потерю времени при пріемѣ матеріаловъ и сдачѣ готоваго товара; измѣненія условій работъ, отмѣны стѣснительныхъ правилъ и т. п. Разсматривая перечень предъявленныхъ рабочими изъ зубатовскихъ организацій требованій, г. Григорьевскій отмѣчаетъ, какъ особенность, что во всѣхъ требованіяхъ говорится объ исполненіи закона, а не измѣненіи его; на этомъ основаніи авторъ заключаетъ, что зубатовщиною имѣлось въ виду показать рабочимъ, что „законы святы, но исполнители лихіе супостаты", но было бы ближе къ истинѣ, намъ кажется, признать, что выбирая такую тактику, зубатовцы хотѣли сплотить свою махинацію какъ можно дешевле, внушая имъ требованіе соблюденія никуда негодныхъ законовъ вмѣсто требованія пересмотра ихъ и созданія фабричнаго законодательства, охраняющаго интересы рабочаго класса. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь не объ улучшеніи же положенія рабочихъ хлопотали зубатовцы, а исключительно лишь о томъ, чтобы использовать недовольство рабочихъ въ интересахъ полиціи—натравивъ ихъ на предпринимателей, отвлечь съ пути политической борьбы, столь безпокоющаго администрацію.

Результаты зубатовщины всѣмъ извѣстны—9 января показало, какъ опасна для самодержавія была игра, затѣянная Зубатовымъ и его агентами, палка перегнулась въ обратную сторону и треснула по лбу самихъ фокусниковъ; правительство само, въ своемъ извѣстномъ сообщеніи, напечатанномъ 10 января, призналось, что задача учрежденныхъ ихъ агентами обществъ и собраній состояла „въ отвлеченіи рабочихъ отъ вліянія преступной пропаганды", между тѣмъ, пролетаріатъ самъ подчинилъ не только полицейскія общества, но и одного изъ ихъ руководителей Гапона—своимъ цѣлямъ, и прошелъ съ отвращеніемъ мимо за тѣмъ своихъ исконныхъ враговъ... „Зубатовщина, говоритъ г. Григорьевскій, не захватила въ свои грязныя руки рабочаго движенія и не спасла самодержавія. Оно вынуждено было капитулировать передъ тѣми самыми рабочими массами, которыхъ такъ опасалось. Временно задержавъ ростъ революціоннаго сознанія, та же зубатовщина къ другому моменту сконцентрировала его и привела къ первымъ шагамъ открытой революціи противъ самодержавія и всего существующаго строя. Тамъ же, гдѣ ей не принадлежала активная революціонирующая роль, зубатовщина не могла ни предупредить, ни задержать, ни заглушить революціоннаго движенія. Декабрьское вооруженное возстаніе въ Москвѣ—этомъ центрѣ полицейскаго соціализма, показало воочію полное безсиліе и безплодіе всей многолѣтней зубатовской пропаганды". Этими строками авторъ довольно вѣрно въ общемъ характеризуетъ значеніе зубатовщины въ исторіи рабочаго движенія въ Россіи. Насколько сильно было деморализующее значеніе этого явленія—покажетъ будущее, такъ какъ только въ послѣдствіи можно будетъ увидѣть, насколько успѣшно боролся организмъ рабочаго класса съ этой заразой. Судя

по жалкимъ остаткамъ, уцѣлѣвшимъ отъ зубатовщины, авторъ выражаетъ не безосновательно увѣренность, что „рабочая масса пройдетъ мимо наслѣдія зубатовщины и съ негодованіемъ повернется отъ него". Очеркъ г. Григорьевскаго будетъ не мало этому способствовать, такъ какъ авторъ въ формѣ доступной сознательнымъ рабочимъ, вскрылъ всю мерзость, скрывавшуюся подъ благожелательной маской зубатовщины.

Вопроса о зубатовщинѣ касается авторъ и другой изъ вышеупомянутыхъ книгъ — проф. И. Х. Озеровъ. Но этотъ авторъ мало останавливается на внутренней сторонѣ этого явленія и сосредоточиваетъ свое вниманіе на внѣшней, имѣвшей почти всегда благообразный видъ. Эта приличная внѣшность зубатовщины обманула и самого г. Озерова, который, увлекшись увѣренностью въ возможности улучшить положеніе рабочихъ въ рамкахъ существовавшаго тогда (въ 1901 г.) самодержавнаго строя, принималъ горячее участіе въ московскихъ зубатовскихъ организаціяхъ и только впослѣдствіи вышелъ изъ числа руководителей собраніями зубатовцевъ, такъ какъ слишкомъ уже компрометировала эта связь ученаго съ дѣятелями охранки. Но разойдясь съ зубатовцами подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, г. Озеровъ остался горячимъ сторонникомъ ихъ. Я, говоритъ авторъ, съ своей стороны продолжаю быть убѣжденнымъ сторонникомъ того возрѣнія, что мѣстная администрація хотѣла познакомиться съ положеніемъ рабочаго класса и идти навстрѣчу улучшенію послѣдняго". Эта убѣжденность не покидала г. Озерова даже послѣ того, какъ онъ подъ каждою буквою уставовъ и регламентовъ рабочихъ организацій самъ усматривалъ полицейскія уши; не покидаетъ она почтеннаго ученаго и теперь, когда истинная цѣль зубатовщины разоблачена совершенно. Это тѣмъ болѣе странно, что г. Озеровъ въ разсматриваемой нами книгѣ говоритъ исключительно о томъ, какъ правительство обманывало рабочихъ и принимало всѣ мѣры къ тому, чтобы въ столкновеніяхъ ихъ съ предпринимателями, торжество побѣды было на сторонѣ послѣднихъ. Повидимому, собственныя изысканія автора, даже подтвержденныя неоспоримыми документами, не могли поколебать въ немъ его вѣры въ непогрѣшимость зубатовщины. Ну, что-жъ это—дѣло его совѣсти и убѣжденія, для читателя же покажутся болѣе убѣдительными разоблаченія г. Озерова, нежели его убѣжденія. Разоблаченіями этими полна его книга и въ этомъ весь ея интересъ.

Историкъ рабочаго вопроса въ Россіи найдетъ въ книгѣ г. Озерова цѣлый рядъ документовъ, характеризирующихъ политику такъ называемаго государственнаго вмѣшательства. Изслѣдователи любятъ ссылаться на то, что съ половины 80-хъ годовъ наше правительство практиковало эту политику въ рабочемъ вопросѣ, между тѣмъ, оказывается, что взглядъ нашей бюрократіи на такую политику совершенно своеобразенъ: подъ понятіемъ „государственное вмѣшательство", точно установленнымъ въ наукѣ о правѣ, оно разумѣло такія дѣйствія правительства, которыя могли внушать рабочимъ мысль о полномъ ихъ безправіи и совершенномъ отсутствіи законности; поэтому, даже въ тѣхъ случаяхъ конфликтовъ между рабочими и фабрикантами, когда послѣдніе считали претензіи рабочихъ справедливыми и намѣревались удовлетворить ихъ—администрація, подъ страхомъ репрессій, не позволила имъ идти на уступки. Дѣлалось это въ интересахъ поддержанія престижа власти!

Ни чѣмъ инымъ, какъ погонею за престижемъ, нельзя объяснить происхожденіе чудовищнаго циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ отъ 12 августа 1897 г., предписавшаго всѣхъ бастующихъ рабочихъ арестовывать и

высылать по этапу, а за небастующими учредить самое строгое наблюденіе на фабрикахъ, заводахъ, мастерскихъ и въ мѣстахъ разселенія рабочихъ. Этотъ циркуляръ, несмотря на его совершенную беззаконность и на протесты даже министерства финансовъ, оставался въ силѣ цѣлыхъ 8 лѣтъ и былъ отмѣненъ только послѣ 9 января 1905 г.

На институтъ фабричныхъ инспекторовъ въ публикѣ издавна установился взглядъ, какъ на учрежденіе, созданное для защиты интересовъ рабочихъ и ихъ правъ, да таковымъ онъ и долженъ бы быть по смыслу закона. Между тѣмъ, изъ переписки инспекторовъ съ министерствомъ финансовъ, публикуемой въ книгѣ г. Озерова, видно, что инспектора по большей части становились на сторону предпринимателей; ихъ враждебность по отношенію къ рабочимъ доходила до того, что они нерѣдко, и совершенно вопреки закону, брали на себя полицейскія функціи, разыскивая виновниковъ стачки и воспрещая фабрикантамъ дѣлать забастовщикамъ уступки. Нѣкоторые инспектора не гнушались даже ролью цензоровъ и доносчиковъ. Такъ, Л—скій ст. инспекторъ сдѣлалъ доносъ на рижскаго полиціймейстера за то, что въ издававшихся подъ его редакціей „Полицейскихъ Вѣдомостяхъ“ помѣщена была статья, въ которой между прочимъ, говорилось, что ткачъ послѣ 6—8 часовъ работы до того утомляется, что онъ къ концу недѣли перестаетъ походить на человѣка и т. д. Сообщая по начальству о такой зловредной статьѣ, инспекторъ пишетъ: „Убѣдительно прошу, путемъ сношеній съ мин. вн. дѣлъ предотвратить возможность появленія такихъ статей. Завтра же я передамъ этотъ номеръ губернатору, хотя и не ожидаю отъ этого никакой пользы“. Весьма, однако, желательно,—прибавляетъ инспекторъ, чтобы не сообщалось, что этотъ номеръ представленъ мной, такъ какъ тогда намъ еще труднѣе будетъ существовать. Появленіе такихъ статей, когда циркулируютъ слухи объ установленіи нормальнаго рабочаго дня, можетъ вести къ укрѣпленію этой мысли“. Даже въ „Дружескихъ рѣчахъ“ этотъ инспекторъ отыскалъ замѣтку (о введеніи 10 час. рабочаго дня у Барч), которую онъ призналъ вредною. Тотъ же инспекторъ жалуется, что онъ приказалъ арестовать 6 человѣкъ на одной фабрикѣ, а прокуроръ велѣлъ ихъ освободить (стр. 117 и 118). Такихъ перловъ инспекторскаго „усердія“ авторъ приводитъ великое множество. Не дуренъ такъ же типъ инспектора, который черезъ особыя отверстія въ дверяхъ въ охранномъ отдѣленіи разсматривалъ приводимыхъ туда рабочихъ, съ цѣлью указать лицъ, обошедшихся съ нимъ грубо во время забастовки на Охтенской бумагопрядильнѣ.

Но не однихъ отдѣльныхъ агентовъ правительства съ ихъ уродливой моралью и психологіей выводитъ авторъ на свѣтъ Божій. Для характеристики общаго духа дѣятельности правительства по рабочему вопросу г. Озеровымъ собранъ богатѣйшій матеріалъ, всесторонне рисующій ультра-полицейскія тенденціи бюрократіи. Арестовать, выслать, разстрѣлять, выслѣдить, пригрозить—вотъ комплектъ тѣхъ мѣропріятій, которыми пестрятъ всѣ распоряженія или проекты правительства, направленные къ разрѣшенію или урегулированію рабочаго вопроса. Книга г. Озерова останется выразительнымъ памятникомъ этой своеобразной системы и въ этомъ отношеніи она представляетъ единственное въ своемъ родѣ и цѣнное литературное произведеніе. Жаль только, что авторъ, говоря о дѣятельности отдѣльныхъ лицъ или учрежденій, избѣгалъ приводить полностью ихъ имена, оставивъ ихъ, такимъ образомъ, неизвѣстными потомству: дѣятельность этихъ господъ вполнѣ заслужива

етъ того, чтобы имена ихъ были пригвождены къ столбу спасительной гласности: вѣдь всѣ свои „художества“ они творили въ разсчетѣ на полную тайну, которою окружена была ихъ дѣятельность; не будь этой тайны—не было бы и многихъ изъ приводимыхъ авторомъ преступленій противъ неотъемлемыхъ правъ человѣка. Умолчаніе именъ г Озеровъ объясняетъ въ предисловіи тѣмъ, что „виноваты здѣсь не лица, а система, общая атмосфера, въ которой лицамъ приходилось дѣйствовать“. Едва ли такъ, ибо инспекторъ Л., указывавшій черезъ „глазокъ“ въ охранномъ отдѣленіи виновныхъ въ забастовкѣ рабочихъ, или Л—скій старшій инспекторъ, писавшій доносы на полиціймейстера-цензора, хотя и дѣйствовали въ угоду „системѣ“, но проявили при этомъ не мало и индивидуальной подлости, заслуживающей оцѣнки отдѣльно отъ „системы“, которой они служатъ. **В. Русинъ.**

Библіотека „Свѣточа“ подъ редакціей *С. А. Венгерова.* №№ 6—9 Серія. „Матеріалы для исторіи русскаго общественнаго движенія“. № 2.

С. Степнякъ. „*Подпольная Россія*“ 2-е изданіе, вышедшее въ Россіи. Спб. 1906. 239+1 ненумер. стр. in=8⁰. Цѣна 80 коп.

Считаемъ необходимымъ сперва сказать нѣсколько словъ объ авторѣ этой высоко-талантливой въ беллетристическомъ и высоко-цѣнной въ историческомъ (для исторіи русскаго революціоннаго движенія 70-хъ годовъ) отношеніи книги.

Извѣстный русскій революціонеръ и писатель (писатель не только русскій, но и западно-европейскій), родившійся въ 1852 году, вошелъ въ 1871 г. (то есть, будучи всего 19-ти лѣтъ) въ соціалистическій Петербургскій кружокъ „Чайковцевъ“. Тамъ первую роль, какъ извѣстно, игралъ знаменитый анархистъ кн. П. А. Кропоткинъ. Изъ всѣхъ петербургскихъ кружковъ—этотъ кружокъ сыгралъ едва ли не самую крупную и вліятельную роль въ отечественной революціонной соціалической борьбѣ 70-хъ годовъ, ставшей теперь уже достояніемъ нелицепріятной исторіи.

С. М. Кравчинскій служилъ сначала въ военной службѣ (артиллеріи), но недолго и вышелъ въ отставку поручикомъ. Когда его товарищи—„чайковцы“ были арестованы, онъ въ 1874 году перешелъ на нелегальное положеніе и, скрываясь, какъ Протей, подъ разными фальшивыми паспортами, жилъ въ такомъ положеніи до своего окончательнаго отъѣзда за границу, т. е. около пяти лѣтъ. Все это время онъ велъ неустанную борьбу, какъ революціонеръ и соціалистъ, съ правительствомъ Александра II. Въ 1875—1876 гг. Кравчинскій участвовалъ въ войнѣ герцеговинцевъ съ турками, въ бояхъ съ которыми закалилъ еще болѣе свой вообще неустрашимый боевой характеръ. Воротясь въ Россію съ театра герцеговинско-боснійской войны, Кравчинскій снова принялся воевать за свободу родного края и 4 августа закололъ шефа жандармовъ генералъ адъютанта Н. В. Мезенцева, любимца и наперсника Александра II. Онъ самъ тогда же разсказалъ объ этомъ событіи въ вышедшей въ сентябрѣ 1878 г. изъ типографіи „Земли и Воли“ брошюрѣ „Смерь за смерть“.

Перебравшись за границу, Кравчинскій, между прочимъ, участвовалъ въ такъ наз. „беневентской попыткѣ“, т. е. въ попыткѣ соціалистическаго возстанія итальянскихъ крестьянъ въ Беневентѣ (главномъ городѣ Беневентской провинціи) въ южной Италіи къ сѣверо-востоку отъ Неаполя, на желѣзнодорожной линіи Фоджіа-Неаполь. Кравчинскій самъ подробно и обстоятельно разсказалъ про эту попытку въ издававшемся въ Женевѣ (въ 1878—79 гг.) журналѣ

„Община“, котораго онъ былъ и однимъ изъ основателей.

Въ эти годы и до своей смерти Кравчинскій сталъ извѣстнымъ европейскимъ писателемъ. Главное, самое интересное, самое лучшее и самое, такъ сказать, „историческое“ изъ всѣхъ его многочисленныхъ сочиненій представляетъ собою книга „Подпольная Россія“, которую Кравчинскій сперва написалъ (въ 1882 г.) и издалъ по-итальянски и самъ перевелъ ее потомъ на русскій языкъ. Эта книга, обратившая на себя вниманіе всей читающей и мыслящей Европы и Америки, многократно была переводима на разные языки и издаваема въ разныхъ странахъ. Она то и дала *С. Степняку* (подъ этимъ псевдонимомъ онъ издавалъ за-границей всѣ свои сочиненія) главнымъ образомъ литературное имя. Кромѣ этой книги, Кравчинскій написалъ „Россія подъ властью царей“ (Russia under the Tsars, London 1885 г.), „Русское крестьянство“ („The russian Peasantry“, London 1888 г.), Романъ на англійскомъ языкѣ „Карьера Нигилиста“ (Лондонъ 1889 г.), напечатанное по-русски „Домикъ на Волгѣ“, драму „Зарницы“ (Лондонъ 1894). Кравчинскій погибъ въ декабрѣ 1895 г., случайно попавъ подъ поѣздъ лондонской уличной желѣзной дороги.

Лежащая теперь передъ нами книга „Подпольная Россія“ является уже третьимъ по счету русскимъ изданіемъ (1-е заграничное и 2-е здѣсь въ 1905 г.) Книга эта изумительно увлекательна. Тутъ дѣйствуетъ не одинъ только внѣшній интересъ, могущій побить рекордъ любого сенсаціоннаго французскаго романа à la viconte Ponson du Tèrrail въ родѣ, напр., „Les drames de Paris“ или „les exploit de Rocambol“), тутъ читатель подчиняется, такъ сказать, гипнотизируется сильнымъ чисто-литературнымъ талантомъ автора, его чувствомъ художественной мѣры, мастерской обрисовкой и несравненными характеристиками тѣхъ по истинѣ необыкновенныхъ героевъ и мучениковъ русскаго революціоннаго движенія 70-хъ годовъ, которыхъ Кравчинскій зналъ лично, былъ съ ними другомъ, братомъ и товарищемъ въ великой борьбѣ за великое дѣло свободы русскаго народа. Таковы даваемые имъ въ его книгѣ мастерскіе портреты во весь ростъ и въ натуральную величину слѣдующихъ незабвенныхъ для русскаго народа и общества дѣятелей: нынѣшняго директора съ 1901 г. этнографическаго музея Императора Александра III извѣстнаго этнографа—путешественника и изслѣдователя средней Азіи, Монголіи, Манчьджуріи и Сибири Д. А. Клеменца (стр. 45—54; объ этомъ же Д. А. Клеменцѣ говоритъ и князь П. А. Кропоткинъ въ своихъ „Запискахъ революціонера“, изд. „Своб. Мысли“ стр. 252—253, 272 и 276—какъ о своемъ ближайшемъ другѣ) Валеріана Осинскаго (стр. 54—64), кн. П. А. Кропоткина (стр. 64—71), Дм. Александр. Лизогуба „святого человѣка“ (стр. 72—77), Геси Мировны Гельфманъ (стр. 78—81), Вѣры Ив. Засуличъ, „женщины великихъ рѣшеній и великихъ моментовъ“ (стр. 81—89), Софьи Львовны Перовской (стр. 90—120) Не менѣе захватываютъ вниманіе читателя описаніе московскаго подкопа подъ полотно моск.-курской жел. дороги, произведеннаго подъ руководствомъ С. Л. Перовской и Л. Н. Гартмана (стр. 121—130), разсказы о побѣгахъ Стефановича съ его двумя товарищами (Л. Г. Дейчемъ и Ив. Бохановскимъ) и П. А. Кропоткина, переданные въ видѣ разсказовъ этихъ обоихъ лицъ (стр. 130—144), удивительно интересно обрисованы различные типы „укрывателей“ революціонеровъ (стр. 145—160), описаніе тайной типографіи „Народной Воли“ (стр. 161—169) и вводный эпизодъ поѣздки одной революціонной дѣятельницы (Рины) изъ Швейцаріи въ Петербургъ для освобожденія Н. А. Морозова, изложенный въ видѣ разсказа самой этой дѣятельницы. Словомъ,

книжка Кравчинскаго интересна сплошь отъ первой и до послѣдней страницы. Чтобы не быть голословными приведемъ изъ нея нѣсколько выдержекъ, взятыхъ совершенно на удачу.

Говоря о томъ, что путь легальной, мирной, культурной дѣятельности въ народѣ былъ грубо и даже свирѣпо прекращенъ и запрещенъ молодежи правительствомъ Александра II, авторъ такъ объясняетъ переходъ молодежи къ терроризму: „...Началъ вырабатываться иной типъ революціонера... На горизонтѣ обрисовалась сумрачная фигура, озаренная точно адскимъ пламенемъ, которая съ гордо поднятымъ челомъ и взоромъ, дышавшимъ вызовомъ и местью, стала пролагать свой путь среди устрашенной толпы, чтобы вступить твердымъ шагомъ на арену исторіи. То былъ террористъ" (стр. 23).

Или, напр., посмотрите, какъ чудно художественно, съ какой прелестью, вполнѣ достойною высокаго мастера, нарисована вотъ эта картина съ натуры: „Была одна изъ тѣхъ волшебныхъ петербургскихъ ночей, которыя принадлежатъ къ числу величайшихъ красотъ нашей столицы. Вечерняя и утренняя заря, казалось, цѣловались въ блѣдномъ, беззвѣздномъ небѣ, съ котораго струились потоки нѣжнаго розоватаго, фантастическаго свѣта; а легкія золотистыя облака медленно плавали въ атмосферѣ поразительной прозрачности. Какъ любилъ я прежде эти бѣлыя ночи, когда, бывало, одинъ въ маленькой душегубкѣ, съ двуперымъ весломъ въ рукахъ,—скользилъ по срединѣ великой Невы, точно вися въ пространствѣ между необъятнымъ сводомъ неба и бездонной глубиной другого свода, отражавшагося въ черной поверхности рѣки. За то какъ же возненавидѣлъ я эти предательскія, жандармскія ночи" (стр. 40—41).

Рисуя фигуру Д. А. Клеменца, Кравчинскій характеризуетъ его такими словами: „Клеменцъ—одинъ изъ самыхъ сильныхъ умовъ, бывшихъ въ рядахъ русской революціонной партіи. Несмотря на дѣятельное участіе въ движеніи и на всѣ превратности нелегальной жизни, онъ всегда держался на уровнѣ интеллектуальнаго прогресса западной Европы и хотя питалъ особенную склонность къ экономическимъ наукамъ, никогда не закапывался въ нихъ исключительно. Обладая жаждой знаній, онъ изучалъ все, не заботясь о томъ, сможетъ онъ извлечь изъ этого непосредственную пользу или нѣтъ. Широта его взглядовъ нисколько не уступаетъ жаждѣ познаній. Клеменцъ—вовсе не человѣкъ партіи. Глубоко убѣжденный соціалистъ, онъ отдалъ народному дѣлу все, что могъ: и свои знанія, и свой свѣтлый, проницательный умъ. Но онъ рѣшительно негоденъ для узкихъ рамокъ тайнаго общества. Партія, къ которой онъ принадлежалъ, никогда не могла стать для него родиной, семьей—однимъ словомъ всѣмъ. Онъ постоянно жилъ особнякомъ. Въ немъ нѣтъ ни тѣни партійнаго самолюбія, которое является однимъ изъ самыхъ могущественныхъ стимуловъ, руководящихъ конспираторомъ. Онъ любилъ весь міръ и не упускалъ ни одного случая принять участіе въ его жизни. Такъ онъ писалъ не только для подпольной прессы, но гораздо больше для „легальныхъ" петербургскихъ журналовъ, въ которыхъ онъ сотрудничалъ подъ разными псевдонимами, и дѣлалъ это не только изъ желанія быть

---

[1]) Сравн. разсказъ о побѣгѣ изъ Кіевской тюрьмы Стефановича, Дейча и Бохановскаго, передаваемый здѣсь словамм послѣдняго, съ разсказомъ о томъ же побѣгѣ Вл. К. Дебогорій-Мокріевича въ его „Воспоминаніяхъ" (Спб. 1906. стр. 352—354, и разсказъ Кропоткина съ его же разсказомъ, въ его „запискахъ революціонера" (Изд. „Своб. Мысли". Спб. 1906. стр. 309—317., Варіанты кидаются въ глаза.

болѣе независимымъ и жить собственнымъ трудомъ, но еще и потому, что нуждался въ болѣе обширной аудиторіи, чѣмъ та, которую могла доставить ему подпольная литература" (стр. 52—53).

Но довольно! Я бы никогда не кончилъ, если бы продолжалъ выписки изъ этой великолѣпной книги. А соблазнъ дѣлать эти выписки великъ: до того у Кравчинскаго много прекрасныхъ характеристикъ, мастерски обрисованныхъ типовъ, тонко вѣрно, красиво, колоритно и съ великимъ талантомъ нарисованныхъ сценъ и положеній.

Въ заключительномъ этюдѣ книги, написанномъ въ 1893 году, черезъ 12 лѣтъ послѣ ея перваго появленія, авторъ резюмируетъ свои выводы о русской революціонной борьбѣ 70-хъ годовъ и ставитъ прогнозъ ближайшаго будущаго нашей русской революціи и о несомнѣнной ея побѣдѣ въ будущемъ. Здѣсь авторъ за 13 лѣтъ до нашего времени въ общемъ довольно точно предсказалъ то, что теперь происходитъ на нашихъ глазахъ, и тѣ событія, въ которыхъ, такъ или иначе, въ большей или меньшей мѣрѣ, мы всѣ принимаемъ болѣе или менѣе активное участіе.

Есть у автора и невѣрности,—ошибки, происшедшія, по всей вѣроятности, отъ того, что онъ писалъ свою книгу, не справляясь съ источниками, а видимо полагаясь только на свою память, которая ему не разъ и измѣняла. Приведемъ примѣръ: „Отрицатели—говоритъ авторъ—дошли до геркулесовыхъ столбовъ, провозгласивши, устами одного изъ своихъ пророковъ, знаменитое положеніе, что сапожникъ выше Рафаэля, такъ какъ онъ дѣлаетъ полезныя вещи, тогда какъ картины Рафаэля рѣшительно ни къ чему негодны" (стр. 5). Такого тезиса не провозглашалось, но утверждался совершенно аналогичный тезисъ, что сапожникъ выше Шекспира, ибо полезнѣе его, — такъ утверждали крайніе утилитаристы половины 60-хъ годовъ (Варѳоломей Зайцевъ, Н. В. Соколовъ и другіе матадоры „Русскаго Слова" съ издателемъ его Григ. Евламп. Благосвѣтловымъ во главѣ).

Авторъ называетъ Мих. Лар. Михайлова „профессоромъ" (стр. 10), каковымъ этотъ талантливый поэтъ-революціонеръ никогда не бывалъ; — говоритъ (ibid), будто бы Михайловъ былъ „осужденъ на каторжныя работы за рѣчь къ студентамъ", тогда какъ на самомъ дѣлѣ Михайловъ былъ сосланъ на каторгу за прокламацію „Къ молодому поколѣнію", въ авторствѣ которой его заподозрили.

Авторъ считаетъ начало реакціи при Александрѣ II съ подавленія польскаго возстанія 1863 г. (стр. 12), тогда какъ реакція началась гораздо ранѣе — еще въ маѣ 1862 г., т. е. съ петербургскихъ пожаровъ, закрытія „Современника" и „Русск. Слова", ссылки проф. П. В. Павлова и ареста Н. Г. Чернышевскаго и Д. И. Писарева. Далѣе, авторъ (стр. 14) называетъ М. А. Бакунина, авторомъ книги о революціи и федерализмѣ", но никакой такой книги никогда Бакунинъ не писалъ и рѣчь здѣсь идетъ, вѣроятно, о книгѣ Бакунина „Государственность и анархія", изданной въ Женевѣ въ 1873 г. Точно также авторъ совершенно ошибочно полагаетъ (стр. 20), что въ концѣ 70-хъ (1878—79) годовъ, „одно, что еще могло поднять крестьянъ поднять на возстаніе—это широкая пропаганда". Нѣтъ и тысячу разъ нѣтъ! Ни въ 70-хъ, ни даже позднѣе, въ 80-хъ и 90-хъ годахъ крестьяне еще не были готовы на возстаніе и стали шевелиться только къ половинѣ 1900-хъ годовъ, причемъ, подготовили ихъ къ этому не революціонеры, а само правительство гг. Витте, Дурново, Горемыкиныхъ, Столыпиныхъ, Гурко et tutti quanti.

Авторъ относитъ „процессъ 193“ къ 1878 году (стр. 20), но онъ начался еще въ 1877 году, а въ январѣ 1887 г. только закончился вторичнымъ приговоромъ.

Но такого рода мелкія ошибки, понятно, нисколько не умаляютъ великихъ достоинствъ этой прекрасной книги.

Книжкѣ этой несомнѣнно предстоитъ впереди еще рядъ дальнѣйшихъ изданій, и мы заранѣе этому радуемся и привѣтствуемъ ихъ, отъ души желая какъ настоящему, такъ и послѣдующимъ изданіямъ вполнѣ заслуженнаго успѣха и самаго широкаго распространенія не только среди общества—интеллигенціи и молодежи,—но и среди широкихъ и глубокихъ народныхъ массъ...

Д. П. Сильчевскій.

Розенъ А. Е., баронъ. *Записки декабриста. Съ портретомъ и приложеніями СПБ. 1907 г., 464 стр.*

„Записки декабриста“ А. Е. Розена первымъ изданіемъ вышли въ Лейпцигѣ въ 1870 г. Вскорѣ была сдѣлана попытка выпустить ихъ и у насъ въ Россіи. Но книга еще не была напечатана полностью, какъ подверглась конфискаціи и была сожжена. Позднѣе издатели стали осторожнѣй. „Записки“ въ виду цензурнаго гоненія были изданы съ значительными выпусками и массой искаженій. Такихъ изданій вышло два, но они, по указанной причинѣ, лишены какого-либо серьезнаго значенія. Настоящее изданіе „Записокъ“ такихъ недочетовъ не имѣетъ: оно перепечатано съ лейпцигскаго изданія, выпущеннаго самимъ авторомъ, притомъ въ немъ исправлены многіе корректурные недосмотры, допущенные въ заграничномъ изданіи. Кромѣ того здѣсь собраны (въ приложеніяхъ) разсѣянныя по журналамъ статьи и замѣтки Розена, частью дополняющія и разъясняющія „Записки“, частью характеризующія взгляды самого Розена.

Въ приложеніяхъ (421—455 стр.) помѣщены: 1—М. Н. Муравьевъ и его участіе въ тайномъ обществѣ 1816—1821 г.; 2—Разсказъ П. И. Фаленберга; 3—Мелкія историческія замѣтки (Н. Н. Раевскій, Е. А. Бестужева, И. А. Анненковъ, Декабристы), А. И. Одоевскій; 4—Частное мнѣніе эстляндскаго помѣщика по дѣлу общественному; 5—Опытъ дѣйствій мирового посредника Харьковской губерніи б. А. Е. Розена.

Что касается самого Розена, то въ особенной вступительной статьѣ дается его краткая характеристика, и сообщаются нѣкоторыя новыя данныя, почерпнутыя изъ дѣлъ слѣдственной комиссіи (изъ Государственнаго Архива). Розенъ не былъ членомъ тайнаго общества и вліянію кружка Рылѣева подвергся лишь въ послѣдній мѣсяцъ передъ декабрскимъ возстаніемъ, да и то въ незначительной степени. Правда, онъ возмутилъ часть своей роты (изъ л.-гвардіи Финдлянд. полка), привелъ ее на площадь, но у него не хватило смѣлости и настойчивости соединиться съ возставшими. По убѣжденіямъ, Розенъ былъ либералъ, но не революціонеръ, а по воспитанію—человѣкъ сдержанный и умѣренный. Только необычайныя событія того времени, товарищеская среда и духъ времени увлекли его на иной, болѣе рѣшительный путь. Позднѣе на слѣдствіи Розенъ не въ примѣръ многимъ своимъ сотоварищамъ обнаружилъ надлежащее спокойствіе и выдержку. Въ „Запискахъ“ эти качества автора нашли себѣ довольно полное отраженіе. А потому всякій читатель, любящій спокойное изложеніе, прочтетъ „Записки“ Розена съ интересомъ.

М. К-въ.

Книги и другія изданія, поступившія въ редакцію.

Книгоиздательство „Прометей“.

Э. Вандервельде. Соціализмъ и сельское хозяйство. ц. 50 к.

Г. Линдовъ. Великая французская революція. ц. 50 к.

Фр. Нитче. Антихристъ. ц. 1 р. 50 к.

К-во „Новый Міръ“.

Н. Темный. Докладная записка. Разсказъ. 3 к.

Н. Темный. Юбилей „Блохи“. Ц. 3 к.

Леонъ Клодель. Мститель. Перев. И. Кергинера. Ц. 2 к.

Левъ Ждановъ. Царь и опричники. Въ 2 част. изд. Девріена. Ц. 3 р. 50 к.

Левъ Ждановъ. На зарѣ свободы.

Библіотека декабристовъ.

Полное собраніе сочиненій Рылѣева. Т. I. вып. I. Ц. 60 к.

Н. Тургеневъ. Россія и русскіе. Вып. II. Ц. 80 к.

Е. Кувшинская. Борьба рабочихъ за политическую свободу въ Англіи. Изд. Библіот. обществознанія. Ц. 80 к.

Die polnicshen Provinzen Russlands unter Katherina II von Sentonen изд. Georg. Reiner. Berlin. Ц. 12 мар.

Е. Ф. Карскій. Очерки славянской кирилловской палеографіи. Варшава. Ц. 5 р.

Горяиновъ. Босфоръ и Дарданеллы. Ц. 2 р.

Б. Ольгинъ. Въ тискахъ нужды и клеветы. Изд. „Маякъ“. Варшава. 1906 г.

Крюковъ. Казацкіе мотивы. Изд. „Русскаго Богатства“ 1907 г. Ц. 1 р.

Литературно-художественные альманахи. И-во „Шиповникъ“ т. I. ц. 1 р.

Основные вопросы программы и тактики на съѣздахъ германской соц. демократіи. Вып. II. Аграрный вопросъ И-ва „Движеніе“. Ц. 40 к.

Издательство О. Н. Поповой:

Львовъ-Рогачевскій. Борьба за жизнь. Сборникъ статей. Ц. 1 р.

Лемке. Политическіе процессы М. И. Михайлова, Д. И. Писарева и Н. Г. Чернышевскаго. Ц. 1 р. 50 к.

Полное собраніе сочиненій Л. Н. Толстого, запрещенныхъ русской цензурой т. VI „Русское Свободное Слово“.

Т. Ганжулевичъ, Достоевскій и Герценъ въ исторіи русскаго самосознанія. Ц. 15 к.

Отчетъ о дѣятельности СПБ Общества народныхъ университетовъ въ 1906 г.

Н. П. Васильевъ. Правда о кадетахъ. Ц. 10 к. Складъ кн. маг. „Нов. Время“.

Воспоминанія В. Н. Шаганова. Ник. Гавр. Чернышевскій на каторгѣ и въ ссылкѣ. Изд. Э. К. Пекарскаго. Ц. 30 к.

А. Мицкевичъ. Панъ Тадеушъ. 2. изд. Л. Ф. Пантелѣева. Ц. 1 р.

Наша Трибуна. №№ 6—7 и 8.

Указатель литературы по профессіональному рабочему вопросу (вышедш. на русскомъ яз. по 9 янв. 1907). Составилъ В. И. Святловскій. К-во „Начало“. Ц. 15 к.

Л. Н. Толстой. О значеніи русской революціи. Ц. 15 к.

Бакунинъ. Богъ и государство. К-во „Мысль“. Ц. 12 к.

Ренэ Штурмъ. Бюджетъ. Перев. А. Изгоева. Со статьей М. И. Фридмана.

Ренэ Штурмъ. Наше „законодательство о бѣдности“ К-во „Общественная Польза“. Ц. 2 р.

Военный Союзъ. Органъ сѣверн. организац. ком. офицерскаго союза. № 1 (нояб.) 1906 г.

Военный Голосъ. Изд. Тавр. Союза п. с.-р. №№ 5, 6, 7 и 8 (1906 г.) и 9 (1 янв. 1907).

Голосъ революціи. Изд. Краснояр. Ком. п. с.-р. 1906 г. № 3 и 4.
Голосъ рабочихъ № 1. (Янв.) и № 2 (Февр.) 1907 г. Пет. Ком. п. с.-р. Предвыборные листки.
Земля и Воля п. с.-р. 1906 г. № 7 (декаб.). Туркест. Обл. Ком. п. с.-р.
Партійныя извѣстія. Изд. Ц. К. П. с.-р. № 4 1907 г. (съ прибавленіемъ).
Солдатъ № 2. Изд. Обл. Ком. Центр. Обл. п. с.-р. янв. 1907 г.
Трудъ. Изд. СПБ. Ком. и Сов. Раб. Союзъ п. с.-р. №№ 7 и 8 (1906-7 г.).
Уфимскій рабочій №№ 9, 10 и 11 (янв. фев. 1907 г.). Уфим. Ком. Р. С.-Д. Р. П.
Листокъ № 1. Читин. Ком. пар. с.-р. янв. 1907 г. По поводу казни прав. лицъ.
Летучій листокъ. Амурской гр. Сиб. Союзъ Р. С.-Д. Р. П. № 1 дек. 1906 г.
„Воинъ“ № 1. Ноябрь 1906 г. Бѣлев. гр. пар. с. р.
„Искра“ № 1. Ком. С.-Д. союзъ учащихся.
„Рота“ № 1. Янв. 1907 Москов. орг. Всерос. Воен. Союза. Изд. Воен. Орг. при Краснояр. Ком. пар. с.-р.
Народный листокъ № 1 (декабря 1906). Всерос. Крест. Союза.
Солдатъ № 30 7 февр. 1907 г. Органъ Либав. С.-Д. Воен. Организ.
Молодость № 1. Полтавскій союзъ учащихся п. с.-р. 1907 г.
„Тиранамъ, палачамъ и насильникамъ—смерть“. Федерат. гр. анарх. ком. Янв. 1907 г.
Буржуазія организуется, смерть буржуазіи. Мин. гр. анарх. ком. Янв. 1907 г.
2 предвыборныхъ листка Бѣлевской гр. п. с.-р.
Предвыборные листки Читин. и Коканд. ком. п. с.-р.
Сонъ попа Ивана. Тип. Всер. Воен. Союза М. дек. 1906 г.
Извѣщеніе о съѣздѣ Сов. Сиб. Союза п. с.-р. дек. 1906 г. Обл. Ком. Сиб. Союза п. с.-р.
3 листка Черниговъ. Ком. пар. с.-р. 1906 г.
3 листка Мелитоп. Орг. п. с.-р. 1906 г.
2 листка Врем. Ком. Кр. союза. Тавр. губ. 1905 г.
№ 1 Листокъ. Пет. Ком. п. с.-р. авг. 1906 г.
Къ рабочимъ и работницамъ Ц. К. п. с.-р. апр. 1906 г.
Къ учащимся. Ученик. Ц. К. пар. с.-р. Екат. Ком. п. с.-р.
Уставъ ученической организ. пар. с.-р. Екатер. Ком. п. с. р.
О землѣ. Всерос. Крест. Союзъ. Янв. 1907 г.
Граждане! Отъ Всерос. Трудов. Избират. Союза. Янв. 1907 г.
Кого выбирать? Курск. Ком. п. с.-р. фев. 1907 г.
8 листковъ Барнаульскаго Комитета Р. С.-Д. Р. П. окт. нояб. дек. 1906 г.
Программа русскаго собранія.
Отъ Литейнаго Избир. Ком. Русскаго Собр. Союза р. н.
Воззваніе Передовой партіи русскихъ народниковъ (націоналистовъ) 1906 г.
3 листка Политич. союзъ учащихся п. с.-р.
Уставъ организ. Б. Д. при Кіев. Раб. Сов. п. с.-р.
Бюллетень № 4. Нижегор. Окруж. Организ. Р. С.-Д. Р. П.
Черезъ редакцію „Былое“ отъ А. П. Грессера—100 р.

Въ пользу политическихъ ссыльныхъ и заключенныхъ получено:

Отъ И. В. К. черезъ Г. А. Л.—100 р. Отъ Шафермана изъ Балты для Нарым. и Туруханск. края 50 руб. Изъ Решты (Персія) отъ жаждущихъ успокоенія совѣсти 12 руб. Отъ инженера А. И. Ч. изъ Асхабада для ссылн. Нарымскаго окр. 20 р. Отъ группы прогрессивныхъ избирателей изъ Туапсе черезъ И. П. В. 11 р. Отъ земскихъ ветеринарныхъ врачей Курской губ. 200 р. Отъ неизвѣстнаго пострадавшимъ политическимъ 50 р. Отъ А. С.—27 руб.
Деньги переданы по назначенію

Для передачи въ Шлиссельбургскій Комитетъ:

„Вмѣсто вѣнковъ на безвременную могилу А. А. Спандони“: отъ С. У.—15 р. и Г. А. С.—25 р.
Деньги переданы по назначенію.

„РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА“

Адресъ редакціи и конторы: Лиговская ул., д. № 44.

Вышли №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 11, 12 и 13. Въ нихъ помѣщены:

1) „Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX вѣкѣ“. Сборникъ извлеченныхъ изъ офиціальныхъ изданій правительственныхъ сообщеній. Составленъ подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго). ТОМЪ ПЕРВЫЙ.** 1825—1876 г. Цѣна **1 р. 50 к.**

2) „Матеріалы для исторіи революціоннаго движенія въ Россіи въ 60-хъ годахъ“. **ПЕРВОЕ** приложеніе къ сборникамъ „Государственныя преступленія въ Россіи“. Подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго)**. Цѣна **75** к.

3) „Процессъ 16 террористовъ“, подъ редакціею и съ примѣчаніями **В. Л. Бурцева**. Цѣна **60** к.

4) „Былое“—журналъ, издававшійся **ЗА ГРАНИЦЕЮ** подъ редакціею **В. Л. Бурцева**. Выпускъ I. (1900—1902 г.). Съ пред. **В. Я. Богучарскаго**. Цѣна **50** к.

5) „Былое“—журналъ, издававшійся **ЗА ГРАНИЦЕЮ** подъ редакціею **В. Л. Бурцева**. Выпускъ 2-й. Цѣна **50** к.

6) „Государственныя преступленія въ Россіи“. **ТОМЪ ВТОРОЙ**. Подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго)**. (*1877 г.* **Дѣло о демонстраціи на Казанской площади, процессъ 50-ти и др.**). Цѣна **1** р.

7) „Государственныя преступленія въ Россіи“. Сбор. подъ ред. **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго). ТОМЪ ТРЕТІЙ**. (*1877 г.* **Процесссъ 193-хъ и др.**). Ц. **1** р.

8) „Революціонная журналистика 70-хъ годовъ“, **ВТОРОЕ** приложеніе къ сборникамъ „Государственныя преступленія въ Россіи“. Подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго)**. Ц. 1 р.

9) „Литература партіи Народной Воли“. **ТРЕТЬЕ** приложеніе къ сборникамъ „Государственныя преступленія въ Россіи“. Подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго)**. Выпускъ первый. Ц. 1 р.

11) Процессъ 20-ти народовольцевъ въ 1882 году. Съ предисловіемъ **В. Я. Богучарскаго**. Ц. 30 к,

12) Обзоръ важнѣйшихъ дознаній, пооизводившихся въ жандармскихъ управленіяхъ за 1902 годъ. (изъ дѣлъ д-та полиціи). Ц. 50 к.

13) А. Д. Михайловъ. Матеріалы для біографіи. Съ пред. **В. Л. Бурцева**. Ц. 6 к.

Печатаются:

14) Литература партіи Народной Воли. Выпускъ второй.

15) Убійство императора Павла. (Разсказы современниковъ).

16) Пестель, его жизнь и дѣятельность. Біографическій очеркъ. **Н. П. Павлова-Сильванскаго.**

17) А. И. Желябовъ и С. Л. Перовская (матеріалы для біографіи). Съ предисловіемъ **В. Л. Бурцева**.

18) Первое вооруженное сопротивленіе—первый военный судъ **Н. А. Виташевскаго.**

19) Общество „Земля и Воля“. **І. В. Аптекмана.**

20) Къ событію 1-го марта 1881 года. **А. В. Тыркова.**

21) Государственныя преступленія въ Россіи. Т. IV. Сборникъ подъ редакціей **В. Я. Богучарскаго**.

Вышедшія изданія продаются въ конторѣ журнала и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Лица, подписавшіяся на „Государственныя преступленія въ Россіи“ на условіяхъ, объявленныхъ въ декабрѣ 1905 года, получатъ за внесенную ими плату **первый, второй и третій** тома „Государств. преступленій“ и **три** тома приложеній къ нимъ. („Матер. для исторіи револ. движенія въ 60-хъ годахъ“, „Революц. журналистика 70-хъ годовъ“ и „Литература партіи Народной Воли“). Всего **шесть** томовъ.

Всѣ остальныя изданія „Русской исторической Библіотеки“ пріобрѣтаются не путемъ подписки на нихъ, а каждое особо.

ОБЪЯВЛЕНІЯ:

„БЫЛОЕ“

ЖУРНАЛЪ

издававшійся за границею подъ редакціей

Вл. Льв. Бурцева.

СОДЕРЖАНІЕ перваго выпуска.

1. Отрывокъ изъ завѣщанія Гриневицкаго; 2. Памяти Гриневицкаго; 3. Три письма Исполнительнаго Комитета „Народной Воли“ къ Рошфору, Гартману и К. Марксу; 4. Пропаганда среди петербургскихъ рабочихъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ, П. Кропоткина; 5. Революціонный Петербургъ; 6. Статьи изъ „Народной Воли“ и „Рабочей Газеты“; 7. Процессъ 20-ти В. Бурцева; 8. Завѣщаніе А. И. Баранникова; 9. Завѣщаніе А. Д. Михайлова; 10. Казнь П. Е. Суханова; 11. Письмо П. В. Карповича; 12. Изъ воспоминаній Л. Гартмана; 13. Программа рабочихъ—членовъ партіи „Народной Воли“; 14. О сѣверно-русскомъ рабочемъ союзѣ и пр.

СОДЕРЖАНІЕ второго выпуска.

1. Изъ жизни саратовскихъ кружковъ Н. Волкова; 2. Два письма С. Г. Ширяева; 3. Воспоминанія о С. М. Кравчинскомъ, Рабочаго; 4. „Воспоминанія пропагандистки“ Е. Брешковской; 5. Пропаганда среди рабочихъ въ Ростовѣ-на-Дону въ 1882-84 г.г.; 6. Памяти Каховскаго; 7. Международный конгрессъ въ Хурѣ; 8. „М. Л. Михайлову“ стих. Н. Огарева; 9. „Узнику“ стих. Н. Утина; 10. Прокламаціи 60-хъ г.г.; 11. Дѣло С. Г. Нечаева; 12. „Южно-Русскій Рабочій Союзъ въ 1880-81 г.г.“ Ел. Ковальской; 13. „Взрывъ царскаго поѣзда въ 1879 г.“ князя Д. Л. Оболенскаго; 14. „Завѣщаніе Юрія Богдановича“ (стих.).

Цѣна за каждый выпускъ 50 коп.

НОВАЯ КНИГА

Баронъ А. Е. Розенъ.

Записки декабриста.

Первое полное (появляющееся въ Россіи) изданіе съ портретомъ, приложеніями и изложеніемъ подлиннаго слѣдственнаго дѣла о **Розенѣ**, подъ редакціей **П. Е. Щеголева.**

XVI + 464 стр. большого формата. ★ Цѣна ТРИ рубля.

Изданіе т-ва „Общественная Польза" (Спб., Б. Подъяческая, 39).

Книжный складъ М. М. Стасюлевича

(СПБ., В. О., 5 линія, д. 28).

НОВАЯ КНИГА:

ИВАНОВЪ-РАЗУМНИКЪ.

ИСТОРІЯ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ.

Индивидуализмъ и мѣщанство въ русской литературѣ и жизни XIX в.

Томъ I.

Предисловіе. Введеніе: 1. Что такое интеллигенція. 2. Содержаніе исторіи русской интеллигенціи. Главы: I. Въ преддверіи XIX вѣка. II. Сентиментализмъ и романтизмъ. III. Пушкинъ и Лермонтовъ. IV. Эпоха офиціальнаго мѣщанства (Гоголь. Гончаровъ. Лишніе люди). V. Тридцатые и сороковые годы. Бѣлинскій. VI. Западники и славянофилы. Герценъ.

Томъ II.

I. Шестидесятые годы. Чернышевскій, Добролюбовъ. Писаревъ. II. Семидесятые годы. Лавровъ. III. Михайловскій. IV Толстой и Достоевскій. V. Эпоха общественнаго мѣщанства. VI. Девяностые годы. VII. Чеховъ и Горькій. VIII. Идеалистическій индивидуализмъ. IX. Въ преддверіи XX вѣка. Заключеніе.

Цѣна за оба тома 3 рубля.

Книгопродавцамъ скидка въ Спб. 20%, въ провинцію 25%.

П. И. ПЕСТЕЛЬ.

РУССКАЯ ПРАВДА.

Наказъ Временному Верховному Правленю.

Подлинный текстъ. Редакція и предисловіе **П. Е. Щеголева.**
XVI+240 стр. Цѣна 1 рубль.

Складъ изданія — книжный магазинъ „ПРОМЕТЕЙ“, С.-Петербургъ, Загородный, 28.

А. Н. Радищевъ.

Путешествіе изъ Петербурга въ Москву.

Редакція Н. П. Сильванскаго и П. Е. Щеголева.

Точное воспроизведеніе перваго изданія 1790 года, свѣренное съ рукописью, представленною Радищевымъ въ Управу благочинія. Портретъ Радищева, сдѣланный геліогравюрой съ оригинала. Факсимиле заглавной и первыхъ четырехъ страницъ перваго изданія. Вступительныя статьи **Н. П. Сильванскаго** и **П. Е. Щеголева**. Примѣчанія съ приложеніемъ нѣкоторыхъ неизданныхъ матеріаловъ.

LXXXX + 4 нен. + 296. * Цѣна 2 рубля.

Складъ изданія въ т-вѣ „Общественная Польза“ (Б. Подъяческая, д. 39).

П. Е. Щеголевъ.

Первый декабристъ Владиміръ Раевскій.

Изъ исторіи общественныхъ движеній въ Россіи въ первой четверти XIX вѣка.

2-ое изданіе т-ва „Общественная Польза“ (Спб., Б. Подъяческая, 39).

80 стр. Цѣна **30** коп.

П. Е. Щеголевъ.

А. С. Грибоѣдовъ и декабристы.

Изслѣдованіе (по архивнымъ матеріаламъ).

Съ приложеніемъ факсимиле подлиннаго дѣла о Грибоѣдовѣ производившагося въ Слѣдственномъ Комитетѣ 1825—1826 г.г. и хранящагося въ Государственномъ Архивѣ.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“ (Спб., Невскій 40).

Цѣна **10** рублей.

Николай Морозовъ.

ИЗЪ СТѢНЪ НЕВОЛИ

ШЛИССЕЛЬБУРГСКІЯ и ДРУГІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

Къ книжкѣ приложены:

Рисунокъ „Шлиссельбургскіе Мотивы“ академика И. Е. Рѣпина;
Портретъ автора, сфотографированный съ картины художника Я. А Чахрова, и предисловіе П. Ф. Якубовича (Мельшина).

Цѣна 25 коп.

Изданіе Н. Е. Парамонова. Складъ—Лиговская ул., д. № 44.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОРТРЕТОВЪ И КАРТИНЪ

В. П. ВОДОВОЗОВОЙ.

Спб., Вас. Остр., Тучкова набережная, д. 2, кв. 12.

Поступили въ продажу:

1) Альбомъ «Шлиссельбургская крѣпость». 8 рис. Ц. **75** к.
2) Портреты бывшихъ шлиссельбургскихъ узниковъ: Балмашева, Волкенштейнъ, Гершуни, Карповича, Новорусскаго, Сазонова и Фигнеръ, всѣ въ двухъ видахъ.

Ашенбреннера, Антонова, Иванова, Каляева, Лопатина, Лукашевича, Морозова, Мышкина, Поливанова, Попова, Стародворскаго, Тригони, Фроленка. Ц. каждаго портрета—**35** к.

Доходъ отъ изданія поступитъ въ Шлиссельбургскій Комитетъ

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

ПОРТРЕТЪ МИХАИЛА БАКУНИНА.

Цѣна **35** коп.

— ПРОСПЕКТЫ БЕЗПЛАТНО. —

НОВЫЯ КНИГИ:

Изданія Е. и И. Леонтьевыхъ

П.-Ж. ПРУДОНЪ. *Что такое Собственность?* Полный переводъ Е. и И. Леонтьевыхъ. Спб., 1907. Ц. 75 к.

А. НѢМОЕВСКІЙ. *Заглавіе конфисковано.* Переводъ Е. и И. Леонтьевыхъ. Спб., 1907. Ц. 1 руб.

ПРЕДШЕСТВЕННИКИ НОВѢЙШАГО СОЦІАЛИЗМА

К. Каутскаго, П. Лафарга, К. Гуго, Э. Бернштейна

въ двухъ томахъ.

Переводъ Е. и И. ЛЕОНТЬЕВЫХЪ.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ.

Съ предисловіемъ **К. Каутскаго** *къ этому русскому изд.*

Спб., 1907. Цѣна **1** руб. **50** коп. за томъ.

Складъ изданій при **типографіи М. М. Стасюлевича: СПБ. Вас. Остр. 5 лин., д. 28.**, продажа повсемѣстно въ лучшихъ книжныхъ магазинахъ. Скидка книгопродавцамъ—25%.

„Библіотека Освободительной Борьбы".

№ 1.

П. Ф. ЯКУБОВИЧЪ (л. мельшинъ).

Шлиссельбургскіе мученики.

Весь чистый сборъ отъ изданія поступитъ въ пользу шлиссельбургскихъ узниковъ.

Цѣна 15 коп.

№ 2:

М. Фроленко.

МИЛОСТЬ.

Цѣна **10** коп.

№ 3.

Вѣра Фигнеръ.

Стихотворенія.

Цѣна **20** коп.

Складъ изданій: 1) въ редакціи журнала «Былое», Знаменская, 19. 2) въ кн. маг. Н. П. Карбасникова, Литейный просп., д. 46. 3) въ книгоиздательствѣ «Донская Рѣчь», Лиговская ул., д. № 44. 4) въ книжн. маг. «Наша Жизнь», Невскій, 19. 5) въ книжн. маг. «Трудъ» Невскій, 60.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДІЯ

подъ редакціей Л. З. Слонимскаго.

Въ 12 выпускахъ, цѣна по подпискѣ 9 руб. (въ трехъ полукожанныхъ перепл. ц. 12 р.).

При задаткѣ въ 3 руб. выдаются три выпуска, а дальнѣйшіе по мѣрѣ поступленія взносовъ, считая одинъ рубль за каждый выпускъ. Послѣ оплаты всей подписной суммы выпуски выдаются немедленно по выходѣ ихъ изъ печати.

Цѣна внѣ подписки: 12 руб., въ перепл. 15 руб.

Переплетенные тома выдаются при выходѣ 4-го, 8-го и 12-го выпусковъ.

Въ первыхъ трехъ выпускахъ (480 страницъ) помѣщено 206 статей, между прочимъ, слѣдующія:

Абсолютизмъ, проф. Э. Гримма; Австрія, М. Горенберга; Автономія, М. Горенберга и Н. Рейнгардта; Аграрное движеніе 1905 г., С. Прокоповича; Аграрныя отношенія въ Россіи, В. В.; Адвокатура, К. Арсеньева; Административная юстиція И. Лазаревскаго; Азіатская Россія, А. Кауфмана; Азія, З. Авалова; Акціонерн. компаніи, А. Каминка; Алексѣевъ, Е. И., Л. Слонимскаго; Амнистія, В. Кузьмина-Караваева; Анархизмъ, В. Святловскаго; Антисемитизмъ, В. Водовозова, Н. Рейнгарда и Л. Слонимскаго; Арбитражъ, бар. Б. Нольде; Арендныя отношенія, А. Дядиченко и Л. Чермака; Армія проф. А. Добровольскаго; Арсеньевъ К К., А. Ѳ. Кони; Артели, Ф. Щербины; Афганистанъ, З. Авалова; Багдадская желѣзная дорога, бар. Б. Нольде; Балканскій полуостровъ бар. Б. Нольде и П. Калинкова; Батраки, Ф. Щербина; Башкиры и башкирскія земли, А. Дядиченко; Бебель, В. Водовозова; Бездѣйствіе власти, проф. кн. С. Друцкого; Безземельные крестьяне, Ф. Щербины; Безобразовъ М. А., Н. Рейнгарда; Безработица, В. Святловскаго; Берлинскій трактатъ, бар. Б. Нольде; Берлинъ, Р. Стрѣльцова; Бернштейнъ, Эд., В. Водовозова; Бобыли, Ф. Щербины; Богатство, Г. Черняевскаго; Бойкотъ, В. Водовозова; Болгарская конституція, П. Милюкова; Босфоръ и Дарданеллы, бар. Б. Нольде; Бракъ, Н. В. Рейнгардта; Брентано, А., Р. Стрѣльцова; Британская имперія, П. Г. Мижуева; Бундъ, І. Рыбакова; Бюджетное право, Сергѣя Шумакова; Бюджетъ, Л. Буха; Бюджеты крестьянскіе, Ф. Щербины; Бюрократія, Н. В. Рейнгардта, проф. В. В. Ивановскаго и Л. Слонимскаго; Вандербильты, П. А. Тверского; Великобританія, проф. Павла Виноградова; Экономическія и общественныя условія Великобританіи, С. И. Рапопорта; Вильгельмъ II, Г. Гроссмана (А. Коврова); Витте, С. Ю., Л. Слонимскаго; Военное вѣдомство и высшее воен. управленіе, А. Л—скаго; Военное положеніе, Сергѣя Шумакова; Военные суды, А. Т. и Сергѣя Шумакова; Вольное Экономич. Общество, Д. И. Рихтера; Вооруженное возстаніе, Н. В. Рейнгардта; Всеобщее избирательное право, В. Водовозова.

Въ первыхъ трехъ выпускахъ помѣщено 28 портретовъ и иллюстрацій, 18 картограммъ и 29 геог. и этногр. картъ.

Выпуски четвертый и пятый печатаются.

Для ознакомленія съ изданіемъ всѣмъ желающимъ высылается первый выпускъ съ обязательствомъ возвратить его, если подписка не состоится.

Подписка съ наложеніемъ платежа дозволяется съ надбавкой 25 коп. при каждой отправкѣ.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА: СПБ., НЕВСКІЙ, 88.

Подписка принимается также въ иногородныхъ отдѣленіяхъ и у представителей главной конторы.

Появившіяся объявленія о „Полит. Энциклопедіи“ какъ приложенія къ другимъ изданіямъ, не имѣютъ ничего общаго ни съ нашей редакціей, ни съ нашимъ издательствомъ.

ЗОЛОТОЕ РУНО

Журналъ художественный, литературный и критическій.

Открыта подписка на 1907 годъ

(II г. изданія).

„Золотое Руно“ въ 1907 году будетъ выходить попрежнему ежемѣсячно, въ форматѣ большихъ художественныхъ изданій тетрадями (до 100 страницъ in 4°). Какъ въ художественномъ, такъ и въ литературномъ отдѣлѣ будетъ принимать участіе составъ сотрудниковъ предыдущаго года, усиленный новыми именами. Въ каждомъ номерѣ журнала будетъ помѣщенъ рядъ снимковъ съ картинъ и оригинальныхъ рисунковъ русскихъ художниковъ, воспроизведенныхъ усовершенствованными техническими пріемами, а также цвѣтныхъ приложеній, иллюстрацій, заставокъ, виньетокъ, художественныхъ надписей и пр. Литературный отдѣлъ будетъ вестись и развиваться въ направленіи, ясно выразившемся въ послѣднихъ номерахъ „Золотого Руна“ за истекшій годъ. Будетъ значительно расширенъ музыкальный отдѣлъ. Независимо отъ задачъ чистаго искусства, редакція намѣревается удѣлить особое вниманіе художественной индустріи и декоративному искусству. Галлерея портретовъ современныхъ русскихъ писателей и художниковъ, начатая къ 1906 г, будетъ продолжаться изданіемъ и въ слѣдующемъ въ видѣ приложенія къ журналу.

Въ Золотомъ Рунѣ участвуютъ:

Художественный отдѣлъ: А. Анисфельдъ, Александръ Бенуа, Л. Бакстъ, И. Билибинъ, П. Бромирскій, М. Врубель, С. Виноградовъ, А. Гаушъ, А. Головинъ, А. Голубкина, Игорь Грабарь, В. Дриттенпрейсъ, М. Добужинскій, Модестъ Дурновъ, Павелъ Кузнецовъ, К. Коровинъ, Е. Кругликова, Н. Крымовъ, Е. Лансере, А. Линдеманъ, Ф. Малявинъ, Василій Миліоти, Н. Некрасовъ, М. Нестеровъ, А. Остроумова-Лебедева, Н. Рерихъ, М. Сабашникова, Н. Сапуновъ, А. Срединъ, К. Сомовъ, С. Судейкинъ, С. Судьбининъ, В. Сѣровъ, Кн. П. Трубецкой, Н. Ѳеофилактовъ, Вл. Фишеръ, С. Яремичъ и др.

Литературный отдѣлъ: Леонидъ Андреевъ, К. Д. Бальмонтъ, Александръ Блокъ, Валерій Брюсовъ, Андрей Бѣлый, Ю. Балтрушайтисъ, Ив. Бунинъ, Макс. Волошинъ, Л. Вилькина, А. П. Воротниковъ, З. Н. Гиппіусъ, Осипъ Дымовъ, Борисъ Зайцевъ, Вячеславъ Ивановъ, А. Н. Корешенко, Маркъ Криницкій, М. Кузминъ, А. И. Купринъ, А. Курсинскій, М. Ѳ. Ликіардопуло, Сергѣй Маковскій, Н. Минскій, Д. С. Мережковскій, Ив. Новиковъ, Станиславъ Пшибышевскій, С. Рафаловичъ, В. Ребиковъ, Алексѣй Ремизовъ, В. В. Розановъ, А. Ростиславовъ, Б. Садовской, И. Сацъ, Сергѣй Соловьевъ, Ѳедоръ Сологубъ, К. Сюннербергъ, А. Ф. Струве, А. И. Успенскій, Корнѣй Чуковскій, Г. Чулковъ, Д. В. Философовъ, А. Шершивадзе, Н. Шинскій, К. Эйгесъ, Н. Ярковъ и мн. др.

Подписная цѣна:

На годъ въ Россіи	15 р. — к.	за границу	55 фр.
Отдѣльные номера въ Россіи .	2 р. 10 к.	за границу	6 „

Требованія наложеннымъ платежемъ не удовлетворяются. Полугодовая подписка не принимается.

Допускается разсрочка: 1 Января—5 р., 1 марта—5 р. и 1-го мая—5 р.

Объявленія принимаются съ платой за 1 стр.—100 р.; 1/2 стр.—50 р.; 1/4 стр.—25 р.

Подписка принимается въ Конторѣ Редакціи,—Москва, Новинскій бульваръ, д. Рогожина,—ежедневно, кромѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней отъ 11 ч.—4 ч. дня, въ **Харьковѣ**, Плетневскій, д. 2, и во всѣхъ крупнѣйшихъ книжныхъ магазинахъ и коммиссіонныхъ агентствахъ Россіи.

Личныя объясненія по дѣламъ журнала по четвергамъ 2—4 ч. дня. Телефонъ № 122—39.

Редакторъ-Издатель **Николай Рябушинскій.**

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ НА 1907 г.

на „Кіевскую Старину“.

Журналъ «Кіевская Старина», заканчивая теперь 25-й годъ своего существованія, рѣшаетъ продолжать свою работу для Украины, нѣсколько измѣнивъ характеръ изданія.

Отвѣчая потребностямъ текущей жизни, изданіе не только будетъ посвящено разработкѣ вопросовъ, связанныхъ съ историческимъ прошлымъ нашей родины, но будетъ останавливаться и на освѣщеніи и посильномъ разрѣшеніи тѣхъ вопросовъ, которые возникаютъ на почвѣ современныхъ событій, придерживаясь тѣхъ же научно-объективныхъ пріемовъ, какіе были всегда руководящимъ принципомъ нашего изданія...

Ввиду этого, съ 1907 года журналъ будетъ состоять изъ двухъ отдѣловъ, помѣщаемыхъ ежемѣсячно въ каждой книжкѣ: 1) *научный*, въ которомъ найдутъ себѣ мѣсто изслѣдованія, статьи и замѣтки, посвященныя разработкѣ исторіи, литературы, этнографіи, экономики и общественной жизни; 2) *литературно-публицистическій*, который будетъ, кромѣ украинской беллетристики, отзываться на всѣ существенные вопросы, связанные съ фактами современности, по преимуществу останавливаясь на тѣхъ изъ нихъ, которые, прямо или косвенно, затрагиваютъ интересы жизни Украины.

Статьи, какъ въ первомъ, такъ и во второмъ отдѣлахъ, будутъ печататься преимущественно на *украинскомъ языкѣ*, оставляя, впрочемъ, за авторами, затрудняющимися пока писать по украински, право помѣщать свои труды на *русскомъ языкѣ*, по вопросамъ, касающимся жизни Украины.

Такъ какъ характеръ журнала «Кіевская Старина» съ 1907 года нѣсколько видоизмѣняется, то и прежнее названіе его оказывается не вполнѣ отвѣчающимъ содержанію. Поэтому мы рѣшаемся измѣнить это названіе, расширивъ рамки его и по пространству и по времени, и даемъ имя нашему изданію „Украіна“ журнал науково-публіцистичний.

Журналъ будетъ выходить ежемѣсячно книжками въ объемѣ отъ 10 до 12 листовъ печати. Подписная цѣна *7 рублей въ годъ* съ доставкой и пересылкой, а безъ доставки *6 рублей*. За границу—*9 рублей*. Адресъ редакціи Кіевъ, Троицкая площадь, Народный Домъ.

Съ 1907 года редакція „Украіни“ будетъ издавать „Словарь украинскаго языка, собранный редакціей журнала Кіевская Старина. Словарь этотъ, проредактированный Б. Д. Гринченкомъ, представленъ былъ въ Императорскую Академію Наукъ и удостоенъ 2-й Костомаровской преміи. Въ теченіе 1907 года редакція надѣется отпечатать весь Словарь объемомъ около 150 печатныхъ листовъ средняго октава. Словарь будетъ разбитъ на 4 тома. Цѣна за всѣ четыре тома *7 рублей* (отдѣльныхъ томовъ въ продажѣ не будетъ). Для подписчиковъ на журналъ «Украіна» подписная цѣна на Словарь *5 рублей*, при условіи высылки этихъ денегъ одновременно съ подпиской на журналъ. Каждый томъ будетъ высылаться подписчикамъ журнала сейчасъ по выходѣ его. Первый томъ выйдетъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1907 года.

Лицамъ, выписывающимъ «Словарь» прямо отъ редакціи, а не черезъ книжные магазины, будетъ высылаться каждый томъ за счетъ редакціи.

Редакторъ-издатель журнала «Украіна» **В. Науменко**.

Открыта подписка на 1907 г.

на новую ежедневную газету

ВЪ Г. САМАРѢ

„ГОРОДСКОЙ ВѢСТНИКЪ.“

1) Оффиціальный отдѣлъ (дѣйствія правительств.)

2) Руководящія статьи по общимъ и мѣстнымъ вопросамъ.

3) Послѣднія извѣстія изъ столицъ и другихъ городовъ и мѣстъ, а также изъ заграницы.

4) Городскія и земскія дѣла.

5) Жизнь Самары и ея окрестностей (мѣстн. хр.).

6) Изъ газетъ и журналовъ (обзоръ столичной и провинціальной печати).

7) Корреспонденціи изъ поволжскихъ и другихъ губерній, а также и другихъ мѣстъ Россіи.

8) Телеграммы отъ собственныхъ корреспондентовъ и телеграфныхъ агентствъ.

9) Литературный отдѣлъ (фельетонъ, стихотворенія, повѣсти, разсказы, очерки и проч.).

10) Театръ и искусство.

11) Судебная хроника.

12) Смѣсь.

13) Торговыя извѣстія.

14) Справочный отдѣлъ.

15) Рисунки и каррикатуры.

16) Объявленія.

Подписная цѣна:

въ Самарѣ съ доставкой на годъ 4 р., на полгода 2 р., 3 мѣс. 1 р., на 1 мѣс. 50 к., съ пересылкой въ другіе города на годъ 5 р. 25 к., на полгода 3 руб., 3 мѣс. 1 р. 50 к., 1 мѣс. 60 коп. (со включеніемъ гербоваго сбора).

Плата за объявленія:

Впереди текста за строку петита (мелкій шрифтъ) 10 к., съ ищущихъ труда 5 коп., позади текста 5 коп., съ ищущихъ труда 3 коп., за объявленія годовыя, полугодовыя, печатаемыя болѣе 10 разъ плата взимается по знач. уменьш. таксѣ. За разсылку при №№ „Городского Вѣстника“ отдѣльныхъ объявленій плата—по соглашенію съ конторой редакціи.